

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

в пятнадцати томах

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош,
В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

УТРАЧЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

V

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622
В27

Издание осуществлено во взаимодействии с ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

Под общей редакцией

С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива

А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош, В. М. Фалин,
В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Редакционная коллегия

Е. А. Бондаренко, Т. Г. Занина, Н. А. Калантарова, Н. К. Капитонова, Е. А. Тюрина, В. Б. Чернолецкий

В27 Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО-Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1300-6

Т. 5: Утраченные перспективы — 2015. — 364 с., [8] с. : ил. ISBN 978-5-9228-1305-1

Пятнадцатитомное издание «Великая Победа» подготовлено на основе современных представлений ведущих отечественных историков академических институтов и образовательных центров и ряда иностранных ученых-историков о событиях Второй мировой войны. Впервые за последние годы в отечественном историческом пространстве появилось столь объемное издание, повествующее о сложнейших и трагических перипетиях политических, дипломатических и военных столкновений, затронувших интересы практически половины населения нашей планеты.

В многотомнике особое внимание уделяется попыткам недобросовестного или политически мотивированного толкования событий Второй мировой войны и её итогов, нередко ставящего под сомнение великий подвиг нашего народа, принесший освобождение миру от самой чудовищной и бесчеловечной «коричневой чумы» XX века с её доктриной мирового господства на основе расового деления мира. В книгах многотомного издания таким попыткам дается должный отпор.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9228-1305-1 (т. 5)

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2010

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1300-6

На обложке: «Взорванный мост через р. Березина», 1941 г., место съемки: не установлено, автор съемки: не установлен, ГАРФ.

Книга тринадцатая

ВЫСОКАЯ ПОЛИТИКА

Идея «глобального управления» миром после Второй мировой войны

Н. А. Нарочницкая*

Международные организации, причем даже региональные — НАТО, сегодня претендуют на принятие решений в отношении суверенных государств, что побуждает задуматься о самом их замысле даже тех, кто приветствовал создание универсальных политических институтов, призванных якобы привести человечество к миру и разрешению конфликтов ради всеобщего блага. В свете религиозно-философских основ истории создание всемирных органов с «указующей ролью» выглядит отнюдь не так ясно, и вовсе не безобидно, как представлялось и пропагандировалось.

Упования на «вечный мир» всегда возникали после кровопролитных войн. Однако можно выделить два основных устремления за призывами навечно покончить с войнами и обвинениями в якобы противоречии между «миролюбием» христианства и в освящении войн Церковью, которые часто подкреплялись произвольным и избирательным толкованием библейских заповедей и евангельских канонов.

Это идея навязывания единых мировоззренческих основ, которые должны породить единые критерии добра и зла, единые толкования человека и человечества, смысла его личной, национальной и государственной жизни, оценки сущности и смысла мировой истории, единого толкования природы власти и государственности, единую философию и корпус права, единое определение прав и обязанностей. Очевидно, что это единство зиждилось бы отнюдь не на христианских критериях, а на безрелигиозной и рационалистической, поддающейся формализации основе. С философской точки зрения — это отражает движение к полному всесмешению рас, наций, культур и государств, из хаоса которого по Откровению и рождается князь тьмы. С политической точки зрения — это движение к «глобальному управлению», для которого международная всемирная организа-

ция может быть как препятствием, так и, наоборот, инструментом.

Борьба по проектам устава будущей ООН прежде всего отразила столкновение именно этих противоположных целей.

Религиозно-философские основы мондиализма и пацифизма

В позитивистских критериях строительства гипотетического мирового общества нация как единый преемственно живущий организм со своими ценностями исчезает, национальное государство становится нецелесообразной помехой, а индивид живет по принципу «где хорошо, там и отечество». Такому «гражданину мира» удобнее и выгоднее мировое правительство, нежели национальное, а понятие суверенитета государства-нации, трактуемое в современных критериях с Вестфальского мира 1648 года, становится главным препятствием.

Примечательной особенностью происхождения идей навязывания единых мировоззренческих основ во втором тысячелетии является тот факт, что они предлагались в христианском мире либо тайными или явными врагами христианской Церкви, далее исключительно неапостольскими христианами — протестантами или их предшественниками, во всяком случае, нетрадиционными «диссидентскими» кругами в католических странах, после Возрождения и Просвещения — представителями нарождающегося либерализма, многие из которых уже тогда были атеистами. Пацифизм как система взглядов также явился частью мировоззрения, которое было плодом либерализма в основном в протестантских странах, будучи порождением христианской культуры периода апостасии.

Пацифизм обращал свой пафос к миру, воспитанному в ожидании, что «волк будет жить вместе с ягнчком, и барс будет лежать вместе с козленком...

* Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

и лев, как вол будет есть солому, И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи» (Исаия. 11. 6–8). Хилястическое ожидание побуждает буквально материалистически прочитывать эти строки, не замечая указание на мир совершенно иной, ибо лишь в нем «земля будет наполнена ведением Господа». Почти всегда пацифизм так или иначе апеллирует к элементам христианского учения, оперирует его категориями и постулатами, однако вырывая их из контекста, из традиции и истории. Как организованное движение пацифизм является продуктом сугубо современной секулярной цивилизации, основанной среди прочего на ереси хилязма.

Пацифизм не имеет позитивного определения мира, который трактуется от противного — как состояние без войны, что в философском смысле вообще не является определением. Война же имеет ясное определение, не нуждающееся в понятии мира. Философ Драгош Калаич справедливо подметил, что пацифизм никогда не был автономным явлением, но составной частью мировоззренческих систем левого толка, основанных на превознесении системы материалистического демонизма, идолов истории и «исторического прогресса»¹, добавим, и тезиса о земной жизни как главной ценности. В этом смысле он предстает антитезой библейской роли войн, которые были одной из движущих сил истории, поскольку отражали земное воплощение борьбы сил Бога и сил зла.

Вне зависимости от самых благородных побуждений его адвокатов пацифизм как основа мондиализма становится формой антиисторических устремлений, ориентированных на «конец истории», в чем нетрудно распознать секуляристски извращенное отражение христианской эсхатологии, которое поддерживают буддисты, для которых «жизнь — божественное ничто», а «добро и зло, истина и ложь относительноны и лишь стороны иллюзии», за которые не стоит умирать.

Ложность апелляции к христианскому миролюбию была бы очевидна, если бы секулярное образование не привело к примитивизации и приземленности понимания христианства как «религии мира», которой якобы противоречит готовность противостоять силой злу и моральному и физическому давлению. Однако мир, который провозглашает и дарует своим Пришествием Христос — «не от мира сего», это отнюдь не мир между людьми или народами, но вертикальный мир между человеком и Богом: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так как мир дает» (Иоан. 14, 27). Тем же, кто ожидает от Сына Божия безоблачного счастья и дара мира горизонтального, невозможного в силу греховной природы человека и его гордыни, Христос недвусмысленно поясняет: «не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34).

«Меч» принесен не для обретения мира от мира сего, но ради обретения метафизического мира, для

достижения которого человек, идя правым путем — с помощью Господа, не должен уклоняться от борьбы против зла, неправды и несвободы в себе и вокруг себя. Поэтому «миротворцы» из Нагорной проповеди — это не пацифисты, а приводящие мир в соответствие с божественной истиной. В противном случае, если бы мир означал горизонтальное измерение, оно обязывало бы христиан полностью капитулировать перед всяким натиском зла, лишь бы обрести земной материальный мир и комфорт.

Святой Амвросий подметил, что существуют две основные формы несправедливости: чинить неправду самому и допускать, чтобы ее чинили другие, не принимая под защиту тех, кому она угрожает. Есть войны, не вести которые есть грех и долг Церкви как хранителя справедливости — определять, какая война является праведной и какая неправедной, что также есть указание на вопрос об отношении Церкви к политике, к общественным явлениям и проблемам — война является лишь крайней формой политических столкновений. Карл Шмитт, исследуя суть политики, в этой связи отметил, что ни одному христианину в ходе тысячелетнего наступления мусульман на Европу не взбрело в голову ради любви к ближнему отдать ее туркам без боя или перестать оборонять и защищать свои церкви от поругания².

Пацифистское и мондиалистское извращение почти всех евангельских заповедей имеет успех в силу падения образования и обеднения языков, которые сегодня одним словом обозначают и личного врага, и врага общественного, врага истины, добра, чести. «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас» (Мф. 5, 44 и Лк. 6, 27) вовсе не означает буквальный призыв возлюбить любых врагов, в число которых входит и сам сатана.

В древнегреческой и латинской версии этот призыв означал «возлюбить» личных — *inimicos*, но не общественных или военных врагов — *hostes*. Римские христиане не трактовали призыв «*diligite inimicos vestros*» как возлюбите вообще врага, как «*diligite hostes vestros*», однако понимали, что враг в политическом, духовном смысле не предполагает личную ненависть и солдат не имеет морального права использовать оружие для мщения за личные обиды, отсюда вытекает и осуждение неоправданной жестокости в войнах, ненужной для военной победы, и негуманности к пленным и некомбатантам — гражданскому населению, аморальности личной жестокости стражника над узником.

Еще блаженный Августин весьма убедительно разъяснил другую «пацифистскую» заповедь — подставлять противнику левую щеку после того, как он ударил тебя по правой (Мф. 5, 39). Это относится к душе, но не к телу, и речь идет о моральной дисциплине и удержании от греха гнева, когда на вызовы ненависти должно отвечать не ненавистью, но возвышением суверенного и непоколебимого духа³.

Искушения дословного толкования и интерпретации евангельских начал ради отказа от воинской службы и от участия в боевых действиях одолевали Христианскую Церковь главным образом до принятия императором Константином знаменитого эдикта о веротерпимости. До этого история действительно свидетельствует о нередких отказах христиан даже ценой мученичества от воинской обязанности. Но показательно, что это было в основном связано с отвращением не к оружию, но к обязанности участвовать в языческих обрядах, бывших неотъемлемой частью службы, охране храмов и культе императора, который был и Augustus, и Imperator, и Pontifex maximus — «кумир», лояльность и присяга которому фактически означала грех идолопоклонничества.

Острую дискуссию по этому вопросу внутри Церкви отражают пламенные отрицания службы Тертуллианом, ненавидевшим Римскую империю⁴ и сменившим вначале умеренное отношение к воинской службе на бескомпромиссно отрицательное. Ориген признавал гражданский долг перед государством, но предлагал язычникам служить в армии, а христианам — альтернативную службу без оружия. Все это кончилось после Константинова эдикта, ставшего, кстати, плодом его одной ратной победы, когда во сне ему явился крест как символ военного триумфа. Уже в 314 году церковный собор в Арле, кроме осуждения донатистской ереси, канонизировал отлучение всех верующих, которые отвергали воинскую повинность или дезертировали. Третий канон церковного собора в Арле зафиксировал отношение Церкви к войне, которое отныне стало определяться квалифицированными оценками ее праведности или неправедности.

Было бы ошибочным обвинять христианство, которое не отрицает насилие, но, безусловно, не предписывает его (в отличие от Ветхого Завета или Корана), в том, что оно не сумело преодолеть войны, которые могут исчезнуть лишь в эсхатологической перспективе, равно как и в том, что Церковь не осуждает, но освящает национальные чувства и любовь к Отечеству, что противоположно либеральному и мондиалистскому тезису «ubi bene ibi patria» — «где хорошо, там и отечество». Здесь мондиализм извращает еще один евангельский канон — «не будет ни эллина, ни иудея, ни обрезанного, ни необрезанного, ни мужчины, ни женщины», поскольку отсекает эти слова от следующих: «везде и во всем один Христос», что означает мир иной, в котором после принятия Христовой истины для Бога все равны, и нет разницы между христианами разного происхождения и пола. Однако в мире земном далеко не везде и не во всем один Христос, и весьма велика разница между теми, кто Его признает и не признает.

Заметим, что именно православная церковь внесла, тем не менее, наибольший вклад в обуздание военных страстей и выработку гуманного отношения к противнику. В сравнении трех христианских

конфессий — православной, католической и протестантской, именно православное учение достигло больших высот в проповеди самообуздания и универсализма, что проявилось в очевидно отличном отношении к завоеванным народам. Католическая церковь всерьез вела дискуссии о том, являются ли южноамериканские туземцы людьми, к которым применимы христианские заповеди и проповедь, а конкистадоры, жестоко завоевавшие цивилизации Центральной и Южной Америки, стали символом бесчеловечности и алчности завоевателя.

Однако именно армии протестантских стран в новое и новейшее время отличаются наибольшей жесткостью и освобожденностью от всяких моральных ограничений по отношению к неприятелю, особенно к туземцам или представителям «второсортных неисторичных» народов. Английские колониальные повадки в Ост-Индии, равно как и кальвинистская мораль пуритан в Вест-Индии, отнявших все у индейцев и посадивших их в резервации, де-факто следовали отнюдь не евангельским заповедям миролюбия, а примитивно трактуемым ветхозаветным образцам в отношении тех, кто не предназначен ко Спасению.

Кальвинизму вообще и англосаксонскому пуританизму как его яркому историческому воплощению в государствовоительстве свойственно наиболее самонадеянное отношение к собственной непогрешимости и чувство снисходительного сожаления к другим, что отнюдь не случайно и не проявление свойств личного характера, но вытекает из протестантского учения о спасении. У пуритан, удалившихся за океан для построения государства на чистой доске, отходит на второй план преодоление собственных грехов, по сравнению с фиксированностью на подсчете добрых поступков (вспомним «реестр добродетелей» Б. Франклина и сравним это с притчей о мытаре и фарисее), и провозглашено достижение спасения уже по принятию протестантского учения, а не как возможность заслужить его выполнением заповедей блаженств — Нагорной проповеди («Блаженны нищие духом...»), всесторонней аскезой и покаянием.

Духовно-психологический строй протестантизма — приподнято удовлетворенный, исполненный не только уверенности в том, что им гарантировано спасение, но и ожидания, что уже в земной жизни Бог им воздаст за правильную веру. Деловой успех и богатство не вызывают смущения и, в частности, у кальвинистов-пуритан прямо расценивается как показатель их богоизбранности. Подобные элементы избирательно выхвачены из разных мест Ветхого Завета, но если апостольские христиане интерпретируют Ветхий Завет Евангелием, то протестантизм, особенно англосаксонский пуританизм — это максимальный отход от Нового Завета к Ветхому.

Уверенность в своей непогрешимости и превосходстве во многом является религиозно-

философской основой мессианства собственной роли и своих идей мироустройства, в которых с незапамятных времен была идея учреждения всемирной организации, навязывающей не только духовно, но и в практической жизни единые и вечные стандарты, которые должны обеспечить мир. Однако в известных трактатах «О вечном мире» далеко не все авторы осмеливались предлагать вводить эти стандарты силой. Так И. Кант, полагавший, что «гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским», одновременно считал, что «ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в вопрос правления и государственного устройства других государств».

Еще более актуальным сегодня на фоне «гуманитарной интервенции» в Югославию является другое положение И. Канта. Рассуждая о взаимоотношениях между государствами, он однозначно утверждает, что «карательная война (*bellum punitivum*) между государствами немислима, поскольку между ними нет отношения высшего к подчиненному», равно как «ни одна сторона не может быть объявлена неправой, так как это предполагает уже судебное решение»⁵. Видно, как в современной доктрине и идеологии глобализации либерализм уже отрекается от своего основополагающего принципа эгалитарности и прокламирует именно отношения между разными нациями как «отношения высшего к подчиненному».

Именно англосаксонские религиозные и общественные организации, а также политические круги в XX веке стали лидером в разработке и агрессивном и настойчивом продвижении «мира как концепции международных отношений» и идеи глобальных институтов, которые бы осуществляли бы контроль и обеспечение установленных ими правил, даже применяя насилие. Нетрудно распознать в этом механизм для осуществления древней идеи мирового господства, соблазн которой проявлял себя в различных религиях и сектах, открытых мировоззренческих и политических доктринах и в тайных обществах на протяжении веков и возродился с невиданной силой на пороге III тысячелетия.

Даже в либеральной парадигме любой мировой орган, прямо посягающий на суверенность государства-нации, на ее право иметь внутреннюю национально-религиозную жизнь со своими понятиями и защищать ее — прямо противоречит основополагающим постулатам «демократического правового государства». Тот, кто дирижирует мировым правительством, будет сам вырабатывать и назначать критерии, сам судить об их исполнении и сам карать нарушения. Это антипод пресловутому разделению властей, которое служит системой сдержек и противовесов в обществе, где верховная власть интерпретируется как власть от народа, а государство как общественный договор. Но в христианских критериях это полная апостасия.

Борьба по проектам устава будущей ООН

Сейчас стали доступны рабочие документы, проекты, переписка, обмен меморандумами по созданию всемирной организации безопасности, которые весьма ясно демонстрируют отличие мондиалистской англосаксонской концепции мироустройства и основанной на классическом международном праве и его центральном понятии суверенности государства-нации концепции СССР. Очевидно и полное отсутствие всякой эйфории в отношении будущей роли ООН у внешнеполитического ведомства СССР.

В целом советские крупные дипломаты нового призыва, вряд ли задумывались о глубинном смысле и происхождении замыслов Ф. Рузвельта — убежденного и последовательного продолжателя вильсонского направления. Материалы архивов, скорее, говорят об отсутствии у советской дипломатии осознания универалистского философского смысла и, главное, нацеленного в далекое будущее, рузвельтовского плана переустройства послевоенного мира глобализации.

Американист А. Ю. Борисов подмечает, что такому недопониманию весьма способствовала «ограниченность марксистско-ленинского анализа, а в ряде случаев и просто бросающаяся в глаза вульгаризация политического процесса в духе институтов «красной профессуры»⁶. Борисов в целом точно определил в качестве наиболее уязвимого места советского подхода к послевоенному урегулированию недостаточно адекватное прочтение американских намерений за пределами политических банальностей о сотрудничестве, взаимодействии и кооперации, навязанных «товариществом по оружию» в период войны, хотя за рузвельтовским «Grand Design» стоял извечный англосаксонский геополитический план раздела мира и Евразии на сферы влияния и ведущей роли США, прикрытый лишь вильсонской фразеологией.

Добавим, что вильсонскую идеологию расшифровать с помощью марксистских классовых схем еще труднее, чем геополитику. В историческом материализме глобализация, эрозия суверенитета и рационализированное мировое правление — такой же конечный идеал и естественное развитие коммунистического универалистского проекта, что замыкает критику в обвинениях всемирного монополистического капитала и его ставленников.

Так, по косвенным признакам М. Литвинов, судя по тону и ссылкам в его записках (именно его комиссия занималась вопросом будущей «организации безопасности»), понимал суть замысла и его глубинные исторические истоки, и мондиалистская философия и видение мира ему явно импонировали. Он весьма аккуратно подмечал лишь чисто правовые и геополитические импликации, хотя мог бы более глубоко вскрыть связь либеральной программы Вильсона, Версальской системы, американского замысла Лиги

Наций, будущей ООН и угрозы суверенитету как основе международных отношений.

В НКИД действительно куда более системно на основе классического подхода разбирались геополитические конфигурации, возможности благоприятного для СССР изменения одних границ и международного признания других, репарации с Германией и возможности американского займа для нужд восстановления СССР. В то же время Ф. Рузвельт, будучи меньшим идеалистом, чем его кумир Вильсон, как пишет Борисов, ссылаясь на воспоминания Эйзенхауэра о его беседах с президентом, «хотя и признавал серьезность военных побед, стоящих перед союзниками», большинство замечаний делал «относительно отдаленного будущего, задач послевоенного времени, включая положение колоний и зависимых территорий».

Однако не стоит слишком категорично судить о недопонимании рузвельтовского замысла глобализации с помощью универсальной организации. Если идейная суть вильсонизма ускользала от внимания лиц, принимающих решения, то практические международно-правовые следствия американского плана в СССР поняли прекрасно. С самого начала шла острейшая борьба двух проектов устава по разным разделам и пунктам, которая фактически отражала совершенно разные концепции будущей организации. СССР вообще с большой осторожностью, если не сказать с недоверием, рассматривал эту инициативу, однако в конечном итоге был готов пойти на создание организации с элементами многостороннего договора, которая не посягала бы на суверенность государства и решения которой имели бы скорее морально-политическое значение, и реализовались классическими методами дипломатии, и должны были приниматься заинтересованными странами абсолютно добровольно, и не могли бы быть навязаны военной силой.

В самом первом аналитическом обзоре политического и юридического опыта Лиги Наций (причем как «законотворческого», так и правоприменительного), датированном 16 декабря 1943 года, его автор небезызвестный Б. Е. Штейн — безусловный знаток Версальской системы, Лиги Наций и всех международно-правовых аспектов этой проблематики выражал скепсис: «История Лиги Наций показала, что ее активность... извращала действительную картину общей деятельности... в области основных коллективных вопросов. Огромное количество конференций, комитетов, совещаний и т. д., создававшихся Лигой Наций по вопросам, не имевшим отношения к созданию условий коллективной безопасности, придавали Лиге Наций характер постоянно действующей организации и порождали ложное представление о ее роли».

С самого начала советская сторона, конечно, в той или иной мере ощущала, что Атлантическая хартия и все идеи проекта послевоенного мира пред-

полагали косвенное замаскированное вмешательство во внутренние взаимоотношения в государствах, особенно многонациональных. Во всех внутренних разработках и проектах, представляемых на рассмотрение союзников, делался акцент на суверенности государства-нации. «Международная организация будет тщательно воздерживаться от какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела отдельных государств и, в частности, во взаимоотношения между тем или иным национальным меньшинством и государством, в котором это меньшинство проживает».

В обзоре НКИД указывалось, что «опыт Лиги Наций показал, что конфликты в этой области обычно искусственно раздуваются государствами, которым выгодно было покровительствовать национальным меньшинствам в других государствах и этим ослаблять их... За время своего существования Лига Наций не разрешила ни одного спора между национальным меньшинством и государством его проживания... Поэтому международная организация объявит, что взаимоотношения внутри государства между его различными национальными группами являются внутренним делом каждого государства и не подлежат ее компетенции», а «конфликтом, подлежащим обсуждению международной организацией, является такой спор между государствами, продолжение которого представляет собой угрозу для всех»⁷.

В аналитических выводах Комиссии М. Литвинова предлагалось: «признать, что взаимоотношения внутри государства между его различными группами не могут быть предметом заботы другого государства». Осознанная установка на незыблемость классического толкования суверенитета побуждала советское внешнеполитическое ведомство вообще стремиться к максимальной осторожности при согласовании принципов будущего устава.

Поскольку было «совершенно очевидно, что исключить из функций международной организации улаживание международных конфликтов не представляется возможным», «необходимо будет, однако, детально разработать наиболее удовлетворительные для нас процедуры, например, уточнить категории вопросов, подлежащих такого рода разбирательству, предусмотреть максимально высокое квалифицированное большинство для вынесения решений и всячески ослаблять обязательность этих решений»⁸.

С другой стороны, США и Великобритания исходили совсем из другой концепции, пытались создать наднациональную универсальную организацию, которая бы не просто сдерживала бы своим авторитетом и моральными санкциями грубых нарушителей права, но управляла бы политикой суверенных государств, причем не только внешней, но и внутренней, самостоятельно определяя, какие события во внутренней жизни того или иного государства представляют «угрозу международному миру». Примечательно, что предлагаемые англосаксонские проекты полномочий главного органа — в первых

редакциях «Исполнительного Совета», затем — Совета Безопасности свидетельствовали о совершенно определенной интерпретации понятия универсальности будущего органа.

В момент, когда еще совершенно неясно было, сколько стран войдут в эту организацию, «универсальность» ангlosаксами понималась как обязательность ее решений для всех и вся, даже для тех, кто не пожелал бы войти в организацию.

Ангlosаксонские официальные проекты разрабатывались в обстановке вакханалии мондиалистских настроений среди многочисленных общественных и прежде всего протестантско-религиозных организаций и «филантропических» обществ в Англии и США, но также и континентальной Европе. Они буквально обрушили на союзников, включая и советское внешнеполитическое ведомство, многочисленные и, зачастую, бредовые проекты мироустройства, зерном которых было «утверждение», гарантированное угрозой применения коллективной силы, единых стандартов жизни, которые якобы обеспечили бы вечный мир. Многие из них были тщательно подшиты в папки Комиссии Литвинова и представляют собой интересный документ эпохи, тем более важный, что именно эта по сути тоталитарная по отношению к суверенным государствам в масштабах всего мира идеология, отвергнутая благодаря упорству и бдительности СССР при создании ООН, была полностью использована при создании Совета Европы, который сейчас выходит на передний план.

Проекты «Города мира» от имени Международной дипломатической академии в Париже, «реферат „О вечном мире“» некоего профессора А. Пиленко, по-видимому, экзальтированного русского эмигранта, вообще предлагали построить мир по рецептам коммунистов-утопистов с регламентацией жизни народов по единым чисто рационалистическим критериям, и страны с большим доходом с большим успехом в области экономического развития имели бы больше прав, чем страны неуспешные. В этом проекте даже предполагалась процедура для периодического пересмотра границ и территорий государств в зависимости от изменения численности населения, которая определяла бы и количество голосов в предлагаемой организации. На фоне сегодняшних претензий США и их готовности применять силу в регионах поставок сырья такие идеи представляются уже не столь утопичными.

Проекты британских общественных организаций были менее курьезными и экзотическими и совсем не столь наивными, поэтому еще более опасными, поскольку содержали соблазнительную системную мондиалистскую философию «нового общества» (проект пакта, предложенного президентом «League of Nations Union» лордом Сесилем).

В достаточно детально разработанном проекте «Условия конструктивного мира», представленном

от имени более чем сорока британских национальных организаций вице-президентом «Национального Совета мира» («National Peace Council») неким Сириллом Бэйли, целью всемирной организации был определен «не отпор агрессии, а создание человеческого общества, в котором факторы, порождающие агрессию будут устранены путем удовлетворения народов». Разумеется, для успеха предлагаемого нового типа отношений «все должны отказаться от права действовать изолированно или исключительно в собственных интересах в вопросах, которые затрагивают благополучие человечества в целом». При этом «необходимо будет обеспечить служение политической машины личности, чтобы предотвратить сознание, которое угрожает духу и основам демократии».

«Национальный Совет мира» считал необходимым «подчинение общественной жизни и национальной международной управлению и принципам вечных стандартов». Страны должны были бы безоговорочно признать авторитет всемирной организации и передавать на ее рассмотрение все споры, речь также шла о «Unified Europe» (в тексте перевода НКИД — «унифицированной Европе») и о «воспитании мирового гражданства» и практического интернационализма⁹. Параллелизм мировоззрения крайне либеральных концепций с коммунистическими весьма нагляден, как и схожесть самого держания — принудительно «творить» нового человека и навязывать новое человеческое общество под единым управлением.

В аналитической записке М. Литвинова как главы комиссия по созданию международной организации неизвестно для чего приведены малоизвестные и, по-видимому, специально затребованные у историков данные о самых древних проектах идеи и перечислены не без симпатии имена первых пропагандистов. Вообще тексты за подписью Литвинова, хотя и фиксируют столкновение с интересами СССР, свидетельствуют о некоем идеологическом родстве и симпатии к самой философии универсализма, ее корням и столпам в истории.

Сейчас уже, наверное, не узнать, какая религиозно-философская парадигма исторического мышления побудила в записке Литвинова упомянуть следующий список родоначальников универсалистской идеи и организации. Первая ссылка на Пьера Дюбуа — деятеля при дворе короля Филиппа Красивого, который вступил в открытое столкновение с Орденом тамплиеров и в 1310 г. казнил затем его Великого магистра — Якова де Моле. Вполне возможно, что Дюбуа был сам тамплиером — шпионом при дворе, ибо Л. А. Тихомиров в своем панорамном труде о религиозно-философских основах истории в разделе о тайных обществах, на основе глубокого изучения имеющихся источников и литературы, утверждает, что идеей тамплиеров было нечто вроде «соединенных штатов Европы» под их финансовым и иным контролем.

Следующее имя не менее характерно — Генрих Наваррский — гугенот, то есть кальвинист, полагавший целесообразным создание «совета государств», который занимался бы «не только урегулированием споров, но и проводил бы в жизнь свои решения при помощи международных сил». Далее следуют более известные авторы «трактатов о вечном мире» — квакер В. Пенн (1693), француз-просветитель и бывший аббат де Сен-Пьер — церковный диссидент, труд которого дошел до нас в изложении Монтескье, автор «*contrat social*» — Ж.-Ж. Руссо (1761), И. Бентам (1786). И. Кант (1795). Среди них нет ни одного католика, за исключением бывшего аббата.

В XX веке рупором этой идеи становятся в основном ангlosаксы, если не считать из серьезных фигур австрийского аристократа и члена всевозможных загадочных обществ Куденхова-Каллерги, пытавшегося активно создать «Пан-Европу». После Первой мировой войны — В. Вильсон с его Лигой Наций, затем Ф. Рузвельт, У. Черчилль, А. Иден, С. Уэллес, Берли.

Немалую роль в продвижении этой идеи играл американский Совет по внешним сношениям, сдавшим вывод о необходимости замены дискредитировавшей себя по названию и политике Лиги Наций. В приводимых высказываниях ангlosаксонских политиков и влиятельных общественных фигур как с критикой Лиги Наций, так и о будущей организации, очевидна концепция — управлять мировыми отношениями. По суждению Самнера Уоллеса, «Лига Наций лишь была средством для поддержания статус-кво, ей никогда не дано было действовать в качестве эластичного и беспристрастного орудия». Лорд Дэвис в книге «Федерированная Европа» сожалел о равенстве голосов, когда голос Гаити равен голосу Великобритании...», американец Спайкман называет «единогласие — абсурдным выражением суверенитета, которое парализует», против чего выступает и будущий протагонист интеграции и Пан-Европы бельгиец — П.-А. Спаак.

В разработках комиссии М. Литвинова, свободных от пропагандистской и идеологической шелухи, в ответ на приведенные в обзоре мнения и суждения, просто указано: «утопично думать, что представители отдельных суверенных стран могут в Международной Организации забыть свои национальные интересы, совершенно отказаться от национального эгоизма и действовать исключительно в духе интересов человечества...»¹⁰.

США пытались также заложить механизм принудительного ограничения национальных вооружений стран под контролем будущей организации. В меморандуме Государственного департамента от 21 мая 1944 г. содержался тезис о том, что «международное сотрудничество должно включать эвентуальное урегулирование вопроса о национальных вооружениях таким путем, чтобы не было возможности с успехом бросать вызов закону и чтобы в то же время бремя вооружений было сокращено до минимума». Это

вызвало категорическое неприятие СССР. В анализе НКВД выражалась крайняя осторожность в отношении как вопроса о вооружениях, так и предполагаемого Международного суда, который не должен был стать вершителем судеб суверенных государств.

В ссылке на опыт Лиги Наций говорилось, что «обязательная юрисдикция Палаты международного суда ЛН существовала исключительно по отношению к государствам, которые приняли так называемую факультативную клаузулу», представленную в ст. 36, то есть добровольно отдали себя на суд. Вывод самого начального обзора идеи МО, отношения к ней общественного мнения на Западе и первых американских предложений таков: желательно ликвидировать Лигу Наций и создать международную организацию с задачами поддержания всеобщего мира и безопасности и принятия с этой целью коллективных мер для предотвращения агрессии и отпора осуществлению агрессии.

В связи с «опасностью решений по мирному разрешению споров и учитывая враждебность к СССР», записка предлагала вопросы юридического характера вывести из системы будущей организации, как и отвергнуть предложение о вооруженных силах, настаивать на исключении из функций МО экономических и социальных проблем, явно не желая соучаствовать в продвижении американского капитала по всему миру. Главный акцент был сделан на принципе единогласия в Совете и квалифицированном большинстве в $\frac{2}{3}$ голосов в Собрании (будущей Генеральной Ассамблее)¹¹.

Когда 18 июня 1944 года были получены американские предварительные предложения, представленные на имя Молотова, то концептуальное различие проектов уже было более чем очевидным. В разделе, где советская сторона говорила «о мерах против агрессии», то есть исходила из того, что организация будет реагировать на уже случившиеся нарушения мира, США предлагали наделить будущий орган правом самолично «определять наличие угрозы миру или нарушений мира... разрешать споры, переданные ей сторонами, или же *таковые, которые она по своей инициативе считает подлежащими ее юрисдикции*».

Государства же в американском проекте лишались даже средств сопротивления непрошеному участию нового органа: «Организация должна быть уполномочена осуществлять принципы, согласно которому ни одной нации не будет разрешено содержать или применять вооруженную силу... каким-то образом, несовместимым с целями, предусмотренными в основном документе международной организации, или оказывать помощь какому-либо государству вопреки превентивной или принудительной акции, предпринятой международной организацией». (США сегодня именно в этом ключе считают себя вправе позволять или не позволять, скажем, Ираку, иметь ядерное оружие.)

В американском проекте также предполагалась максимальная универсализация деятельности МО, охват ею всех сторон жизни государств, создание разветвленной сети региональных учреждений, структур, занимающихся экономическими проблемами. Региональные органы должны «поощрять передачу вопросов юридического характера Международному Суду, статут которого должен стать частью основного документа МО — положение, против которого изначально выступали советские эксперты. Что касается прав Исполнительного Совета — будущего Совета Безопасности, то он в концепции США обретал черты наднационального правительства, ибо наделялся правом «принятия на себя по собственной инициативе или в случае передачи ему юрисдикции над спором». Организация обрела право устанавливать правила международного и внутреннего поведения для всего мира, включая и государств-нечленов.

В отношении суверенных государств выдвигалось уставное требование: «все государства, *независимо от того, являются они членом международной организации или нет* (выделено Н. Н.), должны а) улаживать споры только лишь мирными способами и б) воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или от применения силы каким-либо образом, несовместимым с целями...» Перечислив всеер позволенных государствам таких возможностей урегулирования споров как арбитраж, посредничество, переговоры, передача спора на рассмотрение международного суда «по своему выбору», американский проект постулирует, что в случае неудачи, стороны *«обязаны»* передать этот спор на рассмотрение исполнительного Совета.

Однако полномочия Совета простирались еще дальше: «Когда Исполнительный Совет по своей собственной инициативе определит, что между государствами-членами существует спор, который создает угрозу безопасности и миру, который не находится в стадии соответствующего разрешения, он должен быть облечен правом юрисдикции для осуществления урегулирования спора». Венцом этой концепции универсального мирового порядка и господства над миром является серия положений о распространении юрисдикции МО над государствами-нечленами: «В случае спора государства-члена и государства-нечлена, *или государств-нечленов* Совет должен быть уполномочен взять на себя юрисдикцию либо по своей собственной инициативе, либо по просьбе какой-либо стороны».

В разделе А предлагаемого проекта устава США наделяют «исполнительный совет» правом «устанавливать существование любой угрозы миру или любое нарушение мира и решать», что может быть поводом для его вмешательства. Таковыми поводами признавались: «применение военных сил одним государством в пределах юрисдикции другого государства, не разрешенное международной организацией» (стало

быть, именно МО может разрешать или не разрешать такое применение военной силы, то есть агрессию); «невыполнение предложения И. С. принять процедуру мирного разрешения какого-либо спора;... «непринятие условий разрешения спора, установленных МО или по ее уполномочию»;... невыполнение предложения ИС сохранить существующее положение».

Остальные государства вне зависимости от того, являются ли они членами МО или нет, должны воздерживаться от оказания помощи любому государству, если бы это нарушило предупредительные или принудительные действия». Но Совет при этом «уполномочен предложить государствам-членам предоставить право прохода войск и средств, включая базы, необходимые» для принудительных мер. Таким образом, суверенные государства даже лишены права на нейтралитет в конфликте¹².

Советские предложения принципиально и концептуально отличались и были далеки от идеи создания мирового правительства. В качестве целей МО, советский меморандум определил «поддержание всеобщего мира и безопасности и принятие с этой целью коллективных мер для предотвращения агрессии и организации подавления осуществления агрессии... разрешение и устранение мирными способами международных конфликтов, могущих привести к нарушению мира».

Примечательно, что в советском проекте в разделе «меры против агрессора», именно очевидный агрессор является объектом всех мер. Что касается вооруженных сил, то перспектива их использования «по уполномочию» Совета в американском проекте, еще более охладила отношение к этой форме, и в советском проекте допускались лишь «вооруженные силы для поддержания безопасности и мира, используя для этого вооруженные силы, предоставляемые в его распоряжение государствами-членами Организации на основе особого соглашения».

Впечатляют итоговые весьма скептические выводы Комиссии НКВД о перспективах будущей организации и сопряжении ее деятельности с интересами СССР. Они дают совсем иное представление об истоках этой организации, чем то, что до сих пор тиражируется в современной либеральной прессе и официальной оценке роли ООН. «Если малые нации, как и после Первой мировой войны, могут видеть в создании организации гарантию своей безопасности», то правительства Англии и Америки, по суждению НКВД, идут на это «по необходимости, главным образом по соображениям внутренней политики для удовлетворения своего общественного мнения, которое готово приписывать организации значение чуть ли не панацеи от войн...» Примечательно, что М. Литвинов уходит от оценки самой концептуальной сути американского проекта.

Особенно впечатляет главный вывод о будущих отношениях с другими великими державами через призму создаваемой организации, сделанный

в «Проекте директив по переговорам о создании международной организации безопасности»: «Можно представить мало случаев и положений, когда организация могла бы быть использована нами в наших интересах, между тем как у Америки, а еще больше у Англии имеется много шансов поставить организацию в определенных случаях на службу своим интересам. Следовательно, в создании Организации безопасности мы в значительной меньшей степени заинтересованы, чем США, Англия и другие государства. Нам необходимо, во всяком случае, заботиться о том, чтобы организация не могла быть использована против наших интересов, и это соображение является мерой наших уступок при предстоящих переговорах».

В проекте директив подчеркивалось, что нашим преимуществом перед партнерами было то, что «возможный срыв переговоров был бы более неприятен для них по своим последствиям», однако широкая популярность лозунга о Организации в странах антигитлеровской коалиции, надежды и упования заставляют СССР избегать впечатления, будто он выдвигает помехи. Для этого были перечислены вопросы принципиального характера, по которым следовало стоять непоколебимо — это единогласие великих держав в вопросах компетенции Совета — то есть в вопросах безопасности и формулирование ситуаций и форм для вмешательства организации в споры и конфликты. По другим же вопросам допускались уступки, в том числе и по процедуре голосования в других органах.

«Мы придаем значение деятельности будущей организации в области непосредственного предупреждения и подавления агрессии», но «наши партнеры ... в первую очередь вопросам так называемого мирного разрешения международных конфликтов и предлагают довольно обстоятельную процедуру... **Необходимо при этом учитывать, что нам приходится ожидать мало пользы для себя от разрешения организацией или созданными ею органами споров, затрагивающих наши интересы, и, что, наоборот, могут быть создаваемы для нас весьма неудобные положения**». Поэтому, рекомендовалось сделать «процедуру сложной», «усилить полномочия Совета» при единогласии постоянных членов, в противовес другим органам, где большинство будет идти в фарватере США.

Главная задача делегации была определена: «не допустить такого положения, при котором организация или отдельные ее органы могли бы принимать обязательные для нас решения без нашего согласия». Мы должны добиться того, что «никакие решения Организации не получали обязательной силы без одобрения или утверждения их руководящим органом, в котором вопросы решаются единогласием». В проекте также рекомендовалось отклонить попытку «преждевременного поднятия вопросов о регулировании вооружений»¹³.

Главная битва развернулась на конференции в Думбартон-Оксе, о которой в литературе фигурируют легенды, совершенно не соответствующие действительному положению в тот момент. Историография и сегодняшние ссылки официальных лиц как России, так и США в связи с периодическими юбилейными датами ООН характеризуют Думбартон-Окс как «триумф идей мира» и обоюдных надежд на послевоенное сотрудничество. На деле острота разногласий была так велика, столкновение мондиалистской и традиционалистской концепций мира столь принципиальным, что стороны едва находили в себе силы ради общественности выходить к прессе.

США настаивали на том, чтобы решения Совета по урегулированию конфликтов принимались без участия «виновных» — то есть заинтересованных стран. СССР полагал, что для этого случая следовало бы выработать особую процедуру, причем постоянные государства-члены должны сохранять право голоса в любых обстоятельствах. На это американский представитель Пазвольский заявил, что «принятие советского предложения равносильно решению, что Соединенные Штаты готовы вступить в войну со всем остальным миром». По мнению американской делегации, «невыгоды от неучастия великих держав в голосовании при решении вопросов, в которых они заинтересованы, перевешиваются выгодами, вытекающими из усиления международной организации». Стеттиниус и Представитель Британии лорд Кадоган даже заявили, что «если конференция не придет к этому соглашению, то сам план Международной Организации может оказаться в опасности»¹⁴. Тем не менее советская делегация выстояла, и мондиалистские доктрины мирового правительства Вильсона–Рузвельта были отложены до 1990-х годов, хотя в делегации США находилась и фигура, символизировавшая преемственность идеологии и политики — испытанный личный представитель В. Вильсона в Версале и член Совета по внешним сношениям Исайя Боуман.

Если бы твердость советской делегации была меньше, то гуманитарные интервенции вроде косовской были бы узаконены в самом Уставе ООН как «действия по сохранению мира», а соседние государства **обязаны** были бы предоставить свои территории для прохода вооруженных сил «мирового правительства». Однако американской делегации было не чуждо желание продолжить работу, для чего нужен был компромисс на фоне успехов Советской Армии. В архиве комиссии М. Литвинова особенно отмечена благотворная роль заместителя главы американской делегации — Дж. Пазвольски. Окончательно принципы Устава были уже согласованы в Ялте и Потсдаме.

Общественное мнение США по вопросу создания ООН

Что касается американского общественного мнения, «ради которого» создавалась ООН, то оно встретило с удовлетворением лишь те декларации

Конференции, которые соответствовали универсалистским концепциям утверждения единого мира.

Обзор дискуссии внутри влиятельных общественных и религиозных организаций США, сделанный для внутреннего использования в советском внешнеполитическом ведомстве, показывает весьма отчетливо совершенно мондиалистский менталитет самих этих организаций, а также еще один весьма интересный для понимания пружин политической жизни США факт: лидерами этих внешне далеких от политики форумов, «случайно» оказывались весьма искусные специалисты в мировых делах и юридических тонкостях в формулировках документов. Так «Совет по вопросам послевоенного мира» подверг итоги конференции критике за «диктат трех держав-победителей» — единогласие постоянных членов. Примечательно, что все американские упреки в адрес этого принципа сочетались с тревогой по поводу пунктов о вооруженном вмешательстве. Однако эта тревога относилась не к судьбе потенциального государства-объекта такого вмешательства, но исключительно к сохранению примата американской конституции и исключительного права конгресса США принимать решение об объявлении войны.

Крупные протестантские организации, весьма активные в общественной жизни США, оказались на удивление сведущими в концептуальных вопросах и международно-правовых нюансах. Они сразу чутко распознали суть итоговой концепции устава, согласованной в Думбартон-Оксе. Выражая в целом дипломатическое удовлетворение, Федеральный Совет Церквей Христа, основанный в 1908 году, выразил резкое недовольство принципом единогласия. Примечательно, что эта «неполитическая» организация, имеющая огромное количество отделений и членов, создала даже специальную «комиссию о справедливом и длительном мире». Кто же «оказался» во главе этой комиссии? — Не кто иной, как будущий Государственный Секретарь США пика «холодной войны» Джон Фостер Даллес, занимавший важные посты во внешнеполитических механизмах США! Дж. Ф. Даллес уже в 1907 году был секретарем американской делегации на 2-й Гаагской конференции мира, а также затем юридическим советником делегации США на Парижской мирной конференции, готовившей Версальский мир.

Этот факт демонстрирует тесное переплетение «кадров» «влиятельных» «неполитических» «внепартийных» организаций, якобы отражающих, на деле — формирующих «общественное мнение», и государственного аппарата в широком смысле. Общественное мнение США, «влияние которого», по оценке М. Литвинова, «трудно переоценить», оказывается управляемым и организуемым, как и в «тоталитарных» обществах.

Комментируя итоги Думбартон-Окса, Совет Церквей Христа указал «на большое сходство новой международной организации с военным союзом не-

скольких великих держав, которые при помощи силы разделили мир на региональные сферы влияния», а Дж. Ф. Даллес, выступая на конференции в ноябре 1944 года в Питтсбурге, заявил, что «эффективность международной организации безопасности подвергается серьезному риску... нежеланием признать огромной важности принятого бы всем миром определения прав и ошибочного руководства»¹⁵. Это именно то, что полностью противоречит понятию суверенитета государства-нации, ибо наделяет одни страны ролью самопровозглашенных арбитров, которые имеют право выносить суждение о внутренней жизни других стран. Это стала делать НАТО в отношении суверенных государств — Югославии, Ирака, Ирана и других именуемых странами-изгоями.

Другая крупнейшая организация — Конфедерация протестантских церквей в Кливленде 19 января 1945 года призвала включить ни много ни мало Атлантическую хартию в качестве предисловия к проекту Думбартон-Окса, чтобы «вновь подтвердить далеко идущие цели международной организации в области справедливости и благосостояния всего человечества», навсегда уничтожить политику силы и воли в ведении войны для Германии и Японии, и отказаться от односторонних действий в вопросах о границах. Объединенный Христианский Совет за демократию также немедленно отреагировал на принцип единогласия, заявив, что «принятие позиции Советского Союза будет означать, что великие державы поставили себя выше закона».

Однако были и другие голоса, высказывавшие одобрение именно традиционным принципам и суверенитету. Епископ Бромли Оксман, выступая на конференции епископов США, отметил, что многие неверно «критиковали думбартонские соглашения как возврат к политике силы», поскольку думбартонские соглашения ставят мощь великих держав под контроль международной организации». А конференция шести крупных религиозных организаций и организаций мира в Балтиморе в ноябре 1944 года прямо высказалась, что «сторонники «совершенной» международной организации, недовольные решениями думбартонской конференции, столь же опасны для международного сотрудничества, как и изоляционисты. «Предложения конференции в Думбартон-Окс не преследуют идею создания „мирового государства“ и подготовили условия, необходимые для создания прочного мира»¹⁶.

Если ООН и не показала себя как организация, способная эффективно предотвращать агрессии, по крайней мере, благодаря СССР, она не стала органом, санкционирующим агрессию и грубое вмешательство во внутренние дела под эгидой мировой организации и флером псевдогуманистических идеологов. Для того чтобы осуществлять бомбардировки суверенной Югославии, превратить неугодный Ирак в протекторат, Соединенным Штатам и Великобритании пришлось делать это в обход ООН.

- ¹ Драгош Калаич. «Пацифисты» против христианства, «Образ», 1995, № 174.
- ² Schmitt Carl. Der Begriff des Politischen. Berlin, 1963.
- ³ Цит по: Драгош Калаич. «Пацифисты» против христианства, «Образ», 1995, № 4.
- ⁴ Тертуллиан. Трактат «К мученикам». Избранные сочинения. М., 1994.
- ⁵ Трактаты о Вечном мире. Им. Кант. К вечному миру. 1795. М., 1972, стр. 157, 154, 155.
- ⁶ Борисов А. Ю. Посол Громыко и послевоенное урегулирование. А. А. Громыко. Дипломат, политик, ученый. М., 2000, стр. 171.
- ⁷ АВП РФ. Фонд № 0512, Опись № 4, № 298, папка 31, листы 1, 10, 7.
- ⁸ АВП РФ. Фонд № 0512, Опись № 4, № 299, папка 37, лист 25.
- ⁹ АВП РФ. Фонд № 0512, Опись № 4, № 302, папка 31, листы 11–13, 59–60.
- ¹⁰ АВП РФ. Фонд № 0512, опись № 4, док. № 299, папка № 37, листы 1, 3–4, 6.
- ¹¹ Там же, листы 21–30.
- ¹² АВП РФ. Фонд № 0512, опись № 4, док. № 301, папка № 31, листы 11–13, 16, 21, 23, 26–29.
- ¹³ АВП РФ. Фонд № 0512, опись № 4, док. № 299, папка № 37, листы 39–43.
- ¹⁴ АВП РФ. Фонд № 0512, опись № 4, док. № 304, папка № 31, листы 31–32.
- ¹⁵ АВП РФ. Фонд № 0512, опись № 4, док. № 221, папка № 31, листы 23–24, 28.
- ¹⁶ Там же, листы 30, 49, 39, 50.

Ялтинская конференция 1945 года и современная геополитика

Н. А. Нарочницкая*

65-летие Ялтинской конференции, этой эпохальной вехи мировой истории, мир встречает многозначительным молчанием. Официальные лица на Западе сдержанны и, будто бы испытывая некоторую неловкость, предпочитают обходить это событие. Да, на него вынужденно ссылаются как на политический акт в определенных исторических обстоятельствах, но спешат подчеркнуть, что мир и, особенно, Европа кардинально изменились.

В иных столицах уже давно считается политкорректным реабилитировать и даже прославлять гитлеровских коллаборационистов. В общественном сознании и в политике СМИ очевидна тенденция к демонизации СССР для развенчания его Великой Победы во Второй мировой войне и к избавлению Запада от вины за порожденный им нацизм. Некоторые идеологи даже пытаются утверждать, что главное зло XX века и вообще мировой истории — это русский и советский тоталитарный империализм, эталоном которого является СССР сталинского периода, гитлеровский же рейх — всего лишь тусклое его подобие.

История всегда подвергалась сложной и противоречивой интерпретации, однако еще никогда ее не превращали в инструмент политики столь цинично. Извращение, а порой и прямая фальсификация истории, продиктованы политической задачей — поменять значение и смысл Второй мировой войны. Будто бы эта была не война за геополитические пространства, имевшая аналоги в прошлом и отражения в будущем. Будто бы жертвенная борьба шла не за историческое существование народов, а исключительно за торжество «американской демократии». Не случайно в общественное сознание и Запада, и России внедряются представления о тождестве гитлеровского рейха и сталинского СССР, о войне как схватке двух тоталитаризмов, соперничавших за достижение мирового господства.

В русле такой концепции Ялтинско-потсдамскую систему следовало сначала объявить устаревшим реликтом доктрины баланса сил, а затем — промежуточным итогом борьбы двух равно отвратительных тоталитарных режимов: Запад вынужден был временно смириться с одним из них, чтобы сначала разгромить другого, а потом в течение полувека ослаблять и разрушать прежнего союзника.

Собственно говоря, именно такие слова сорвались с уст президента США Джорджа Буша на праздновании приглашения Литвы в НАТО: «Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. Больше не будет ни Мюнхена, ни Ялты». Симптоматично, что не только в России, но и на Западе это высказывание предпочли не заметить, не комментировать и даже, похоже, опустить в изложениях «эпохальной» речи. Однако в этом высказывании — квинтэссенция атлантической геополитики в Старом Свете на протяжении всего XX столетия. В устах американского президента формула «ни Мюнхена, ни Ялты» буквально означает: «Восточная Европа не будет отныне сферой влияния Германии или России — она будет сферой влияния США».

Не будем следовать политической моде и сравнивать цели других членов антигитлеровской коалиции с устремлениями Гитлера. Однако трудно удержаться от комментария: слова Буша — прекрасное подтверждение очевидного: все, что не удалось немцам за две мировые войны, успешно осуществили англосаксы к концу XX века. Не говоря уже о том, что карта расширения НАТО как две капли воды похожа на карту пангерманистов 1911 года, по которой кайзеровская Германия устремлялась на восток, мечтая об Украине, Кавказе, Прибалтике, контроле над Черным морем...

Все это свидетельствует о том, что на самом деле мир мало изменился — им движут преемственные геополитические интересы. И чтобы понять,

* Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

насколько процессы начала XXI столетия являются проявлением чисто современных явлений, а насколько они суть продолжение извечных и постоянных устремлений, весьма полезно вновь и вновь анализировать эпохальные решения Ялты. Новое, с высоты сегодняшнего опыта, осмысление всего геополитического контекста и рисунка, согласованного победителями фашизма, актуально отнюдь не только для историков. Ялтинские переговоры как в капле воды отразили не только quintessence довоенной геополитики, но и программу нового передела мира, свидетелем которого стал рубеж XX—XXI веков.

Важнейшим, хотя никогда вслух не произносимым итогом Ялты и Потсдама было восстановление фактического преемства СССР по отношению к геополитическому ареалу Российской империи в сочетании с новообретенной военной мощью и международным влиянием. Это, в свою очередь, определило неизбежность «холодного» противодействия результатам победы, восстановившим на месте Великой России силу, способную сдерживать устремления Запада. Сегодня все усиливающееся геополитическое давление испытывает на себе уже некоммунистическая Россия.

Симптоматично, что через 65 лет переоцениваются и перечеркиваются именно те итоги Ялты, которые были благоприятны для СССР — те, что были оплачены жертвенной борьбой советского народа с гитлеровской агрессией. О какой демократии в Европе, о каком Европейском союзе говорили бы сегодня, если многие восточноевропейские народы превратились бы в сырье для чужого проекта без собственного языка и культуры?

Подвергается сомнению статус Калининградской области и Курильских островов, но не измененная в пользу Франции итало-французская граница или передача Додеканесских островов Греции (не состоявшиеся бы без согласия СССР, хотя в Греции Британией были приведены к власти воинствующие антикоммунистические силы). Возвращение территорий, утраченных нашей страной в ходе революции и иностранной интервенции, объявляется агрессией и оккупацией, а приращения к некоторым государствам территорий, вообще никогда не бывших в их составе, никаких сомнений не вызывают.

Важность осмысления и изучения всей подготовки к Ялтинской конференции не сводится к уточнению деталей переговоров и позиций о послевоенном устройстве. Хотя публикация новых документов позволяет удостовериться в тех или иных смыслах и лучше понять порой противоречивые официальные заявления сторон.

Речь идет о наивысшей точке взаимодействия СССР, США и Великобритании. Это было взаимодействие государств, которые объективно сделали системообразующими элементами любой архитектуры международных отношений, сохраняя свои

имманентные особенности и импульс к исторической инициативе. После краха «kozyrevskikh» химер о «вступлении в мировое цивилизованное сообщество» эта неизменность ролей стала очевидной и в мире, провозглашенном «единым».

Сразу по завершении «холодной войны» С. Хантингтон первым из маститых политологов Запада указал на объективный характер соперничества после краха коммунизма. Идеологическое противоборство между либеральным Западом и его коммунистическим оппонентом было дискуссией в рамках философии прогресса. Возрождение исторического лица России делает ее представителем иного конкурентоспособного мирового проекта.

В годы войны союзники по антигитлеровской коалиции пошли на компромиссы, не скрывая политических расхождений. Они выработали модус вивенди и добились относительного равновесия, которое, вопреки мифам сегодняшнего дня, удержало мир в относительной стабильности пятьдесят лет. Побудительным мотивом к этому шагу был не только факт нового соотношения сил и военные рубежи, на которые вышли партнеры, но и осознанная необходимость согласия перед лицом глобального вызова. Тогда это был гитлеровский проект и накопленная им мощь, уже подчинившая Европу, но разбившаяся о твердыню нашей национально-государственной воли и готовность к самопожертвованию.

Однако разве мир не стоит перед глобальными вызовами сегодня? Они иные, но не менее драматичные, а главное, трудно предотвратимые. Уже при жизни одного поколения возможны невиданные радикальные перемены в демографическом балансе цивилизаций. Огромные, слабо сдерживаемые демократическими институтами миграционные потоки приведут к сотрясению либеральных западных обществ. Начавшееся перемещение динамического развития в Азию изменит к середине XXI века соотношение сил в мире. Произойдут глобальные перемены технологического, климатического характера, что может совершенно изменить ход борьбы за источники сырья и пресную воду. Вряд ли можно ожидать искоренения терроризма, ибо одна из его подлинных пружин, о которой предпочитают не говорить, — это вызов глобальному управлению.

Очевидно, что не только отношения США — Россия, но и сам тип международных подходов начала XX века нуждаются в «перезагрузке». Разумеется, озвученная Б. Обамой формула только для наивных означает отказ от интересов, толкавших США на передел мира в 1990-е годы. Но «перезагрузка» может и должна означать зрелую сдержанность и способность к политике, ориентированной на принципиально новое будущее, в котором без России невозможно будет выстроить равновесие в треугольнике США — Европа — Азия (прежде всего, Китай и Индия).

Влиятельные умы на Западе никогда не сводили «холодную войну» к борьбе тоталитаризма

и демократии. Тем более эта парадигма не подходит для объяснения «атлантической» стратегии в Восточной Европе в 1990-х годах или развернувшегося в первый год нового тысячелетия грандиозного евразийского проекта США с попыткой отождествить свои интересы со вселенскими моральными канонами и установить «глобальное управление» миром.

Общество и на Западе, и на Востоке весьма слышано о «всемирных» претензиях коммунистического проекта, но предпочитает не замечать амбиции либерального проекта, который с троцкистским пафосом возвещает мировую либеральную революцию и приведение мира к единому образцу. Размышляя о всемирных претензиях Запада, А. Тойнби еще несколько десятилетий назад заметил: «Западная цивилизация имеет своей целью не больше и не меньше, как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и на воде. То, что Запад совершает сейчас с исламом, он одновременно делает и со всеми существующими ныне цивилизациями — православно-христианским миром, индуистским и дальневосточным... Таким образом, современное столкновение... глубже и интенсивнее, нежели любое из прежних»¹.

Зб. Бжезинский еще в начале 1970-х годов отметил, что противостояние крупных наций объективно и лишь отчасти объясняется их разным идеологическим и политическим строем: «Коммунистическая Америка со всей вероятностью осталась бы соперником Советского Союза, каковым сразу стал коммунистический Китай. Так и демократический и развивающийся Советский Союз с его размерами и мощью стал бы куда более серьезным соперником для Соединенных Штатов, чем сегодняшняя советская система в ее состоянии бюрократического застоя и идеологической косности»².

Исторически государство Российское сформировалось как важнейший фактор баланса не только государств, но и цивилизаций. Без России вряд ли удастся найти устойчивое равновесие между старыми и новыми центрами силы: евро-атлантическим, исламским и китайским.

Осмыслит ли новый этап в исторических параметрах новая Администрация США или продолжит выстраивать «однополярный мир», проявит ли президент Обама прагматизм Рузвельта или его «мягкая сила» окажется на поверку доктриной Трумэна — это и будет проверка «перезагрузки».

Ялта и контр-Ялта родились одновременно

Осмысление ялтинской эпопеи возможно лишь на широком панорамном фоне. Ялтинские решения есть тонкое равновесие компромиссов, где будущая борьба прежних союзников уже витала в воздухе, вбирая в себя все, что пришлось отложить ради скорейшего достижения победы.

Документы и обстоятельства самих ялтинских переговоров и бесед, дипломатические намеки важны до последней детали, но не менее важен исторический контекст этого саммита. Ибо и дух Ялты, и дух «контр-Ялты» родились одновременно. Начавшаяся сразу после Потсдама «холодная война» может быть понята лишь с учетом закулисных разработок задолго до 1945 года.

Самого пристального внимания заслуживает скрытая до сих пор от общественности борьба по Уставу будущей ООН в 1944 году, где США и Британия стремились отойти от принципов классического суверенитета и создать нечто вроде мирового правительства³. Примечательна и полная смена вех у Британии. В конце 1944 года она напрочь отказалась от линии, очевидной еще 1943 году: навсегда сдерживать Германию с помощью СССР или даже фрагментировать ее. На смену прежней стратегии теперь пришел «фултонский» синдром. Борьба против новоприобретенных позиций СССР началась еще до того, как они были признаны де-факто и де-юре, а равновесие в регионе проливов Черчилль упорно не желал даже обсуждать с СССР ни в Тегеране, ни в Ялте, ни в Потсдаме. Не без торга согласовывались послевоенные границы в Восточной Европе.

Подлинное понимание внешнеполитических мотиваций и устремлений партнера достигается не только изучением официальных документов и даже откровенных секретных бесед. Важное значение имеет доступ к закрытым концептуальным разработкам внешнеполитических ведомств и органов выработки решений. Именно они дают представление о том, как партнер видит параметры своей безопасности в новых геополитических реалиях и какие изменения для него допустимы.

Подобные разработки, погружая в контекст интересов и подходов, которые сформировались в предыдущие годы и менялись по мере приближения победы, — лучшее свидетельство непрерывности и преемственности. Знакомство с закулисными приготовлениями каждого из партнеров, с их видением мира позволяет обнаружить истоки последующего периода — так называемой «холодной войны». Более того, изучение геополитического рисунка Ялты, позиций участников позволяет понять процессы, перевернувшие прежнее мироустройство на рубеже XX–XXI веков. Публикуемые ниже документы дают нам такую уникальную возможность.

Основными узлами геополитической конфигурации послевоенного мира, окончательно закрепленными в Ялте и на Потсдамской конференции, были те самые геополитические точки, которые и за столетия до Второй мировой войны, и в настоящее время немедленно реагируют на любое изменение в соотношении сил. Именно по этим направлениям шло наступление кайзеровской и гитлеровской Германии в двух мировых войнах. Именно эти регионы стали объектом давления, а затем и контроля США и НАТО

после крушения СССР. Это Прибалтика, Балканы, Дунайский регион и стратегический контроль над Средиземноморьем и Проливами; Восточная Европа, где всегда первым возникает «польский вопрос». Польская тема звучит на секретных переговорах и в Москве, и в Ялте. Кстати, нынешней Варшаве полезно понять истинную цену «польской карты» в глазах Запада и избавиться от роли служебного инструмента в чужих руках, направленного против России.

Разрабатываемые в недрах внешнеполитических ведомств США и Британии проекты послевоенной конфигурации мира существенно менялись в 1942–1944 годах, поскольку менялась оценка потенциальной сферы влияния СССР. В британских проектах, судя по документам разведки, к 1945 году уже вырастает план «холодной войны» вне зависимости от потенциально-го поведения СССР в отношении Западной Европы.

Достаточно сравнить несколько документов: меморандум министра иностранных дел Великобритании А. Идена от 28 января 1942 года, переписку с Иденом английского представителя при Временном правительстве Франции Д. Купера от 25 июля 1944 года и, наконец, доклад (меморандум) штаба военного планирования при Комитете начальников штабов Великобритании «Безопасность Британской империи» от 29 июня 1945 года⁴. Последний документ был положен на стол Сталину 6 ноября 1945 года за несколько месяцев до Фултонской речи У. Черчилля. Страх Лондона перед мощной Германией и проекты послевоенного сотрудничества с СССР сменяются задачей подорвать его позиции как главного геополитического соперника⁵.

В меморандуме 1942 года Иден оценивает идею создания западноевропейского блока как контрпродуктивную. Примечательно, что тогда закрепление западных границ СССР на 1941 год в Форин-офисе считали совершенно естественным итогом войны. Более того, Иден расценивает такие условия как весьма умеренные, полагая правомерным со стороны СССР претендовать на большее — «контроль над Дарданеллами... доступ к Персидскому заливу и Атлантическому океану с предоставлением русским норвежской и финской территории». В откровенной записке нет и тени сомнения в легитимности территории СССР: «Он требует только того, что уже являлось русской территорией», «Прибалтийские государства сами голосовали за присоединение к СССР», а «финская и румынская территория были предоставлены Советскому Союзу по договорам, законно заключенным с Финляндией и Румынией».

Через два года, когда исход войны был уже ясен, упомянутый Д. Купер разбирает возможности британской политики уже «для предотвращения господства СССР на европейском континенте», для чего одним из средств могло бы стать создание западноевропейского блока с упором на потенциально «могучую Польшу», которая, «помимо ненависти к России»... является единственным фактором, от-

деляющим Россию от Германии». Эти рассуждения вполне вписываются в англосаксонскую идею фикс — создание под своим контролем яруса государств между Германией и Россией. Такая схема гораздо ближе к геополитическому видению мира, которое ярко проявилось в давлении на одряхлевший СССР и на Россию 90-х годов XX века.

Спонсоры потенциально «могучей» Польши сдали ее на Ялтинской конференции полностью, откровенно предлагая лишь позволить им «соблюсти лицо». Такое циничное отношение демонстрировалось не впервые. Беседа И. Сталина с У. Черчиллем от 14 октября 1944 года в ходе визита У. Черчилля и А. Идена в Москву начинается с оправданий Черчилля перед Сталиным: «Он упорно работал с поляками все утро, но не добился больших результатов. Трудность состоит в том, что поляки хотят оставить за собой формальное право защищать свое дело на мирной конференции. Он, Черчилль, изложил на бумаге то, что он зачитывал полякам. Поляки были весьма недовольны, но, как он, Черчилль, думает, они не особенно далеки от того, чтобы принять это». Черчилль добивался от поляков согласия с тем, что союзники не собираются давать им голос на мирной конференции, ибо польский вопрос планировали обсудить вовсе без поляков не только «плохой» Сталин, но и «добрый» Черчилль.

И в доялтинских документах, и на переговорах в Ялте⁶ очевидна задача союзников не омрачать такой «безделицей», как Польша, переговоры по куда более важным вопросам. При этом надо было еще скрыть фарисейство от общественности, ибо, «если сведения об этом проникнут в прессу, то поляки могут поднять большой шум и это принесет большой вред президенту на выборах». «Поэтому он, Черчилль, думает, что лучше было бы держать все это дело в строгом секрете, включая и тот документ, который он показал сейчас маршалу Сталину, в течение трех недель, пока не состоятся выборы в США». Сталин предлагал в качестве основы польской границы «линию Керзона», что Черчилля вполне устраивало. Он лишь докладывал Сталину, что «поляки были бы готовы принять документ, если бы было оговорено, что они согласны с линией Керзона как границей, но все же протестовали против нее». «Это не подходит», — невозмутимо отверг Сталин, и беседа закончилась заверением Черчилля в том, что «британское правительство полностью сочувствует желанию маршала Сталина обеспечить существование дружественной Советскому Союзу Польши»⁷. Точно так же Черчилль и Рузвельт сдали Польшу и в Ялте, о чем говорят публикуемые переговоры по польской теме.

Поворот Черчилля от союзнических отношений с СССР был предreshен, но он вытекал вовсе не из идеологии, а из принципиально изменившейся геополитической архитектуры Европы. Нерушимая традиция Британии — препятствовать превращению любой континентальной державы в доминирующий центр влияния.

Было бы наивно полагать, что до получения документальных свидетельств о грядущем повороте англосаксонской политики или до начавшейся дипломатической войны за плоды победы, советское руководство не отдавало себе отчет, с кем в качестве соперника придется иметь дело в послевоенном мире. *К Ялте все союзники пришли с четким пониманием, что они рисуют послевоенный мир, вокруг которого тут же сами воздвигнут стены.*

Рассекреченные архивы демонстрируют понимание геополитических закономерностей международных отношений. С самого начала войны, когда гитлеровский вермахт еще угрожающими темпами продвигался в глубь России, в советском внешнеполитическом ведомстве также анализировались возможные территориальные конфигурации послевоенного устройства. Эти проекты демонстрируют полное осознание того, что после войны СССР станет главным противником именно для англосаксонских стран.

Уже 26 декабря 1941 года С. Лозовский пишет записку Сталину о создании комиссии «по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы», подчеркивая необходимость начать подготовку мирной конференции, «задачи которой будут гораздо сложнее Парижской мирной конференции, собравшейся после разгрома Германии в войне 1914–1918 годов», ибо «мы будем иметь против себя... не только блок Соединенных Штатов и Великобритании, но и другие капиталистические страны, которые вместе будут, прежде всего, заботиться об удержании Советского Союза, во что бы то ни стало в старых границах до 1939 года». Поскольку «Рузвельт и Черчилль уже объявили программу будущего устройства Европы и всего мира» (Атлантическая хартия), Лозовский считает необходимым «тоже заняться, хотя бы в предварительном порядке, подготовкой будущего мира»⁸. Судя по архивам, в Кремле на том этапе не придавали слишком большого значения предварительным разработкам, полагая, что многое будет зависеть от положения союзных войск к концу войны.

Тем более заслуживает внимания аналитическая записка с перечнем вопросов для будущей мирной конференции, представленная М. Литвиновым 9 сентября 1943 года. В ряде тем автор прямо ссылается на Атлантическую хартию и довольно явственно следует в фарватере давних британских целей в отношении Германии. Так, он вслед за британцами отказывается признать геополитическое понятие «Mitteleuropa» — Центральная Европа. Приложение к его записке в самом заглавии формулирует вождеденную цель британской геополитики: «Различные варианты расчленения послеверсальской Германии». Причем речь идет не о гитлеровском рейхе и его завоеваниях, а об исторической Германии. Литвинов же сформулировал «Вопросы международных союзов и блоков в Европе», где перечислил возможные конфигурации, полностью соответствующие британскому видению послевоенного мира.

Литвинов, конечно же, личность во многом загадочная, и многие не без оснований считали его английским «лобби». Он имел прочные связи в англосаксонском мире. Еще в годы Первой мировой большевики направили его в США работать на поражение России в «империалистической» войне. Затем долгие годы он находился у руля внешней политики СССР. Роль его в международных делах может быть всесторонне оценена после более полного изучения его архивов.

В отличие от Литвинова, И. М. Майский в записке В. Молотову «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 года полагает «раздробление Германии на ряд более или менее независимых государственных образований» полезным лишь на определенное время, и только для того, чтобы «перспективное преодоление раздела обезвредило немцев надолго». Тон записки отражает скорее конкретные задачи безопасности СССР на 10–30 лет, за которые СССР должен стать «настолько могущественным, что ему уже больше не могла быть страшна никакая агрессия».

Заметно, что все записки исходят вовсе не из идеи безудержной экспансии в Западную Европу, в чем часто сегодня обвиняют советскую внешнюю политику, а, наоборот, из задачи установить с партнерами по антигитлеровской коалиции прочный модус вивенди. Так и Майский ориентируется на «компромисс» с Англией в балканских делах, предлагая не вмешиваться в дела Греции, в которой СССР «заинтересован гораздо меньше», чем Англия.

Сравнивая США и Англию, Майский видит предпосылки для особенно широкой экспансии США в различных концах мира и в Европе. Англия, вынужденная «платить за американские миноносцы базами и территориями», полагает он, попадет в зависимость от США и в остальном мире «будет стремиться сохранить то, что у нее уже есть». Майский возлагает надежды на противоречия и конкуренцию между западными странами и на заинтересованность в экономических отношениях с СССР, что проявилось в общем выводе о возможности «дружественных отношений с США и Англией»⁹.

Такой подход, вытекающий из ленинской доктрины обострения межимпериалистических противоречий, был свойствен всем кремлевским аналитикам как из дореволюционной образованной среды, так и из новой когорты, которую некоторые историки называют «сталинским» призывом, — В. Молотова, А. Громыко. И определенные основы для оптимизма у них имелись. Напомним переписку Купера с Идемом, которая показывает, что идеи прагматичного англо-советского сотрудничества были не чужды и британскому Форин-офису...

После 1944 года планы послевоенного устройства, изложенные в документе «Безопасность Британской империи», открывают новый период истории XX века, известный как «холодная война». Будучи ди-

рективой Министерству иностранных дел и военным министерствам Великобритании, доклад официально называл СССР главным противником и намечал ряд военно-политических мероприятий, которые позднее с удивительной точностью были реализованы, а именно: «установление особых отношений» с США, прочно обосновавшимися в Западной Европе, создание блоков НАТО, СЕНТО и СЕАТО и сети военных баз по всему миру.

Учитывая излюбленную стратегию англосаксонских сил на евроазиатском пространстве, нетрудно себе представить, насколько противоречило их задачам возросшее могущество СССР, расширение сферы его политического и военного контроля. Еще в начале войны американский Совет по международным отношениям предлагал выстроить от Балтики до Черного моря «буфер между тевтонами и славянами»¹⁰, неподконтрольный ни Германии, ни России. Теперь же вместо яруса подконтрольных США государств ялтинско-потсдамские решения оформили Восточную Европу как зону безопасности, а значит, и контроля СССР.

В кабинетах Вашингтона весьма прагматически и без демагогии о «нации-искупительнице» и «знаменосце свободы» анализировали новое соотношение сил и новые геополитические реальности. Секретная разработка Госдепартамента США от 16 февраля 1944 года посвящена сравнительному анализу геополитических устремлений Германии, Японии и СССР, их конфликту с интересами США, которые по-прежнему экстраполировали на Восточное полушарие доктрину Монро.

Разработка интерпретирует доктрину Монро как вариант геополитического мышления, превращающего «большие пространства» в зоны своего решающего политического влияния. Откровенная германская экспансия, не говоря уже об азиатских и дальневосточных аппетитах Японии, всегда вызывали тревогу в Вашингтоне. После краха завоевательных походов стран Оси¹¹ главным препятствием к реализации доктрины оказывалась советская концепция «дружественной» Восточной Европы. Хотя авторы указанной разработки декларативно признают за другими государствами право на зоны влияния, стремление России–СССР к «зоне безопасности» вдоль своих границ выглядело для США некоей узурпацией. Их неприятие чужих претензий на зоны преимущественного контроля совершенно очевидно. Это дозволялось единственной державе, призванной управлять миром, — США.

Сегодня Америка преподает Вторую мировую войну и свое в ней участие как святую борьбу за демократические ценности. На деле вступление США в войну было продиктовано стремлением не допустить неограниченного или преимущественного господства какой-либо силы, независимо от ее характера.

Любопытно, что разработка откровенно признает идентичность доктрины Монро и немецкой

доктрины «Grossraum». Мы не встретим здесь осуждения ни нацизма, ни тезиса о природной неравномерности людей и наций. Даже гитлеровский план подчинения Европы, от Гибралтара до Урала, от Норвегии до Северной Африки, именуется просто и откровенно «нацистской доктриной Монро» (!) и разбирается как родственный тип геополитической концепции. Каковы бы ни были идеологические и философские обоснования и средства реализации доктрин «Grossraum» и Монро, объединяет их одно: стремление к господству над миром или значительной его частью.

Сравнивая американскую и гитлеровскую концепции «Америка для американцев» и «Европа для европейцев» (сейчас мало кто знает, что идея единой Европы принадлежала Гитлеру и Муссолини!¹²), автор указывает, что «нацистская доктрина Монро» предполагает огромный район, управляемый господствующим народом, обосновывающим это «естественным правом»... Возражение вызывает только тот факт, что для Гитлера «международное право теряет свое значение и означает узаконивание прав рейха править по усмотрению. Такой Гроссраум экспансивно динамичен и отвергает границы».

В отличие от него, американская доктрина Монро — продукт либеральной идеологии, и ее последующее использование объективно обуславливалось преобладанием таких же или подобных направлений либеральной политической мысли в капиталистических странах». В противоположность немецкой и японской доктрине Монро американский вариант «не является доктриной господства, но доктриной равенства и покровительства независимости» (очевидно, от любых держав, кроме США). Автор отмечает как отступление от идеологии тот факт, что нередко «США признавали режимы, отклонявшиеся от американской республики, если они контролировали территорию и выполняли международные обязательства». Он как бы извиняется, что США не совсем строго «охраняли» зону доктрины Монро, соблюдая (о милость!) принцип невмешательства во внутренние дела государств и обществ.

Признавая «частичную справедливость» критики в отношении доктрины Монро как инструмента господства, автор оправдывается, что США лишь «умеренно и ограниченно использовали ее, и это было благоприятно по сравнению с использованием этой доктрины Германией, Японией и Россией при одинаковых обстоятельствах». Доктрина по-прежнему существует как односторонняя политика... как политика в резерве, как «туз в руке», который может быть использован в случае необходимости», поскольку «основной целью доктрины всегда была защита собственной национальной государственной безопасности». Поясним, что под «тузом в руке» подразумевается возможность военного вмешательства за пределами своей территории, как это произошло в Гренаде в 1980-е годы.

Наконец, приведем еще одно откровенное суждение. Сколько бы идеологи второй половины и особенно конца XX века ни пытались восславить американскую политику как синоним вселенских моральных ценностей и вершину мировой политической культуры и демократии, внутри Государственного департамента США откровенно признавалось, что сдержанность в использовании доктрины Монро и однотипных концепций в прошлом *«объясняется лишь более высокими стандартами международной морали, господствовавшей в девятнадцатом веке»*.

В записке подтверждается непризнание Соединенными Штатами чьих-либо доктрин «больших пространств», кроме собственной, на примере отношения к амбициям Токио. Япония, мотивируя свои претензии признанием главенствующего положения США в Западной полушарии и верховенства гитлеровской Германии в Европе, настаивала, что «другие правительства должны признать особое положение Японии на Дальнем Востоке». В 1933 году в Ассамблее Лиги Наций японская делегация официально заявила, что «Япония несет ответственность за сохранение мира и порядка на Дальнем Востоке», а в 1938 году объявила о новом порядке в Восточной Азии. В связи с этим в американской секретной аналитической разработке причиной войны между Японией и США названо именно «категорическое непризнание Вашингтоном выдвижения «японской доктрины Монро — «японского Гроссраум»».

Самое интересное в записке — это прогноз будущей политики СССР и его устремлений. Для современного читателя, привыкшего к тезису об агрессивности сталинского режима и его вине за конфронтацию после Ялты, он выглядит сюрпризом. Сфера безопасности СССР после войны признается естественной и правомерной. Более того, в Госдепе США за СССР не замечали всемирных амбиций: «Хотя основные принципы стратегии и тактики ленинизма-сталинизма являются универсальными по своему характеру, в практике они действуют лишь в зоне безопасности Советского Союза». Новая европейская геополитическая стратегия СССР признается естественной: «По причинам укрепления своей военной безопасности и расширения своих выходов в море Советский Союз ощущает прямую заинтересованность в государствах Центрально-Восточной Европы (Финляндия, Латвия, Эстония, Литва, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Югославия, Болгария, Албания и Греция) и в Турции, Иране и Афганистане. Преследуя эту безопасность, Советское правительство заявило о своем намерении предупредить превращение пограничных государств в будущем в базу агрессии против Советского Союза». Авторы анализа считают само собой разумеющимся, что «Советский Союз естественно возражает против создания «санитарного кордона» в районе, идущем вдоль его границ, иначе как только под его собственным покровительством против любой другой великой

державы. Советское правительство выразило свое желание создать «дружественные» правительства в Центрально-Восточной Европе». Новая советская концепция, очищенная от идеологического обоснования, и «только в том смысле, что она относится к зоне безопасности Советского Союза», «может быть сравнена с американской доктриной Монро».

Аналитики Государственного департамента ставят единственный вопрос: можно ли считать регион Восточной Европы пределом «советского Гроссраум» и не будет ли целью СССР постоянное его расширение, что можно подозревать в силу «его военной мощи, экономического потенциала и тоталитарной философии». Подобное сомнение, поскольку «нет никаких ясных показателей на пределы этого района, внутри которого советская политика должна быть решающей», со стороны американцев вполне закономерно и оправданно. Но это всего лишь сомнение, не подкрепленное никакими доводами и фактами.

Весьма примечательно, что разработка, не содержащая никаких секретных данных, но грозившая своим прагматическим подходом подорвать доверие к пафосу Атлантической хартии, циркулировала под грифом «Совершенно секретно. Из Государственного департамента не выносить»¹³.

В годы «холодной войны» и после нее стало привычным слышать об агрессивных планах СССР, который якобы всегда стремился расширить зону, очерченную Ялтой и закрепленную в Потсдаме. Такие обвинения не подтверждаются ничем, кроме, пожалуй, весьма резкого тона советской пропаганды.

Поняв, что СССР — это геополитический гигант со всеми присущими такому феномену свойствами, США уже при Трумэне, то есть через считанные месяцы после Ялты, приняли стратегию всемерного сдерживания. Западная Европа превращалась в их главный форпост и опору. Геополитические очертания «зоны безопасности» на Тихом океане сформировались еще в начале XX века. Как только ощущалась угроза интересам США, немедленно принимались меры — интервенция на Дальнем Востоке и бдительная забота о судьбе Транссибирской магистрали. Теперь же, чтобы создать надежный плацдарм в Азии, США постарались не допустить перехода Корейского полуострова под стратегический контроль коммунистического Китая.

Уже на первом этапе «холодной войны» англо-американские стратеги приступили к реализации тайных планов, готовившихся в тени Атлантической хартии и Ялтинских соглашений с СССР. Ужесточившаяся внешняя политика открыто следовала требованиям прагматики. Выпущенный ограниченным тиражом сборник аналитических разработок, рассекреченных в 1990-е годы, не содержит витийств о коммунистическом мессианизме. СССР рассматривается исключительно как геополитическая и военная величина, а коммунистическая идеология — как способ оправдания потенциальной экспансии. Отме-

цена также способность «тоталитарного государства» быстрее мобилизовать экономический и социальный потенциал на нужды войны.

В документе «Возможности и намерения Советов» от 15 ноября 1950 года цели СССР сведены к семи основополагающим:

- «а) сохранить контроль Кремля над народами Советского Союза;
- б) укрепить экономические и военные позиции и оборонять территорию Советского Союза;
- с) консолидировать контроль над европейскими и азиатскими сателлитами;
- д) обезопасить стратегические подступы к Советскому Союзу и предотвратить создание в Европе и Азии сил, способных угрожать советским позициям;
- е) устранить влияние США в Европе и Азии;
- ф) установить советское доминирование над Европой и Азией;
- г) ослабить и разложить несоветский мир в целом, особенно подорвать позиции и влияние США»¹⁴.

Авторы полагают в высшей степени вероятным, что для достижения последних трех целей СССР готов пойти на всеобщую войну и ищет для этого удобный момент. То же самое советские ведомства говорили о США.

В самом начале 1950-х годов усиленно строился Североатлантический блок, повышалась мобилизационная готовность, пока «значительно уступающая советской», хотя «экономический и военный потенциал Запада в целом значительно превышал советский». По оценкам ЦРУ, пик неблагоприятного сочетания факторов для позиции силы Запада приходился как раз на 1950–1951-е годы. Однако силовые и разведывательные ведомства всегда преувеличивают угрозы. Что же думали о них американские аналитики?

Современная публицистика, отбросившая классовый подход советской историографии, с готовностью восприняла клише, будто необузданные амбиции сталинского СССР, не удовлетворенного «захватом» всего лишь Восточной Европы, стали главной причиной «холодной войны». Действительно, поддержка и финансирование коммунистических и рабочих партий в Западной Европе неоспоримы. Не отменялась в теории идея неизбежной мировой революции, которая должна была в итоге привести к своеобразному «концу истории» и глобализации на основе коммунистического эгалитаризма. Все это прямо вытекало из марксистско-ленинской теории и исторического материализма. «Главное содержание эпохи» определялось в советской доктрине как «переход от капитализма к социализму», а роль СССР в этом историческом процессе выглядела безусловно мессиански.

Однако мессианская пропаганда и мотивация внешней политики — далеко не то же самое, что реальный импульс в международных отношениях. Подобное моделирование явно страдает недо-

статком материальных подтверждений. Разумеется, СССР поддерживал любые социальные процессы, дестабилизирующие «капиталистические страны» и осложняющие общественный консенсус в пользу американской гегемонии. Однако такова политика всех государств. И это отнюдь не подтверждает завоевательных планов или намерений, тем более что они означали бы полномасштабную войну с США с их атомной бомбой и провозглашенной «решимостью остаться навсегда в Европе».

Неожиданные откровения Бжезинского

Любопытную оценку двадцатипятилетней холодной войне дал Зб. Бжезинский в одной из своих веховых статей 1972 года. Именно в те годы этот политолог, извлеченный на свет Д. Рокфеллером, одним из главных идейных и финансовых спонсоров Совета по внешним сношениям, обрел авторитет и стал регулярно выступать с программными разработками. Автор разделил исследуемые годы на периоды, оценивая в каждом устремления и сравнительные возможности соперников. *Ни в один из периодов Бжезинский не приписывает Москве завоевательных целей. Наоборот, он фанатично утверждает, что СССР в течение всего времени едва справлялся со своим наследием.*

В начальный период 1945–1947 годов Бжезинский отмечает неопределенность, царившую как в американских политических кругах, так и в советском руководстве. Впрочем, СССР был явно озабочен закреплением на обретенных позициях. Такое ощущение подтверждается беседой Дж. Бирнса с Молотовым осенью 1945 года. Американский госсекретарь сделал предложение, которое не имело продолжения. Упомянув «высказанные Генералиссимусом Сталиным опасения», как бы Германия не «использовала Польшу как плацдарм для нападения на Советский Союз» и «как бы Соединенные Штаты не замкнулись в своей скорлупе», он осторожно пообещал «рекомендовать Трумэну переговорить с лидерами конгресса о возможном договоре между США и СССР», хотя «американский народ, как правило, не заключает договоры с другими странами»¹⁵. На это недоверчивый Молотов бросил дипломатичное «интересно».

Предложение Бирнса, пускай и нереализованное, свидетельствует, что США были удовлетворены послевоенным статус-кво. И если Сталин так и не достиг большего в вопросе о Проливах, то США нарушили все договоренности и добились своего в Японии. *В результате войны американские обретения значительно превышали советские, а контроль США над целыми регионами мира и возможность их структурного подчинения имели несравненные глобальные параметры.* Именно об этом и говорит Бжезинский, сетуя, что США сразу после Ялты и Потсдама не попытались отбросить СССР и решительно опрокинуть Ялтинскую систему.

«Хотя Советский Союз вышел из войны с всеместно возросшим престижем вкупе с максимально послушными и влиятельными коммунистическими партиями, игравшими ключевые роли в таких странах, как Франция и Италия, советские позиции в мире все еще значительно уступали Союзным Штатам. Западное полушарие прочно находилось в американских руках; Африка и Ближний Восток были под политическим контролем американских союзников (при том, что американские экономические владения расширялись особенно быстро на Ближнем Востоке); южно-азиатская дуга все еще была частью Британской империи, одновременно Иран уже с 1946 года искал американской поддержки против Советского Союза; националистический Китай (гоминьдановский. — Н. Н.) стремился к консолидации своей власти; наконец, Япония была зоной исключительно американской оккупации»¹⁶.

Похожие выводы сделаны и в секретной аналитической записке советского внешнеполитического ведомства. В ней выделены общие тенденции политики США в мире и закрепление их позиций «через военные или экономические сферы по геополитическим кругам вокруг Евразии: по малому — Саудовская Аравия, Иран, Африка, и по большому — Южная Америка, Тихий океан, Япония»¹⁷. В этой оценке точно схвачена именно структурность глобального продвижения США. То, что названо большим и малым кругами экспансии, Бжезинский, проявивший склонность к картографическим пасьянсам, именуется похоже — «дугой».

Отсутствие намерений, тем более конкретных планов «завоевания Западной Европы», доказывает тот простой факт, что СССР, имевший на пике войны около 11,3 млн. солдат, провел масштабную демобилизацию, которая была вызвана экономической необходимостью, военными разрушениями и колоссальными людскими потерями. К 1947 году Советский Союз имел лишь 2,8 млн. человек под ружьем, хотя в силу определенных причин этот факт скрывал.

Бжезинский предполагает, что конфронтация между США и СССР выкристаллизовалась в течение следующей фазы — 1947–1952 гг., чему немало способствовало формирование консенсуса в пользу конфронтационного курса как в американских правящих кругах, так и советском руководстве, которое после введения сталинского террора нуждалось в атмосфере «осажденного лагеря».

Однако, по оценке Бжезинского, Советам опять было не до экспансии, ибо сам «осажденный лагерь» испытал ряд сотрясений — Чехословакия, Берлин, отход Югославии. В этот период отмечается быстрое наращивание советских вооруженных сил, способных компенсировать наличие атомной бомбы у США. Впрочем, в 1951 году у СССР уже появился небольшой собственный арсенал, равный приблизительно одной десятой американского. Хотя в этот период СССР

демонстрирует решительность и жесткость в ответе на вызовы, «эффективность его вооруженных сил ограничивалась лишь охраной советского политического доминирования в Восточной Европе — зоне, которая даже и не оспаривалась Западом активно» (выделено мной. — Н. Н.).

В целом, по мнению Бжезинского, этот период выиграли США. Началась реализация давно лелеяемых целей: организация зависимого экономического развития Западной Европы, оформление новой политической коалиции — НАТО, начало ускоренного вооружения США. Противодействие Советскому Союзу оказывалось на трех направлениях — Берлин, Корея и Югославия. Последняя благодаря амбициям Тито принесла выигрыш англосаксам в их стратегии не пустить СССР на Балканы.

Не лишено оснований предположение, что корейская война была продуманным шагом Сталина для того, чтобы надолго закрепить устойчивое американо-китайское противостояние. К тому же переход Кореи под контроль какой-либо державы, будь то Китай или США, противоречил интересам России. «Недоверие Сталина к Китаю, — пишет Бжезинский, — хорошо подтверждено документально, к тому же доминирующим стремлением США до корейской войны был поиск некоторого взаимопонимания с новыми правителями континентального Китая. В любом случае, Сталин должен был весьма положительно отнестись к возможности стимулировать лобовое столкновение между Америкой и Китаем, и не без оснований. Последующие 20 лет американо-китайской вражды были чистым выигрышем для СССР».

Анализируя следующий этап «холодной войны», Бжезинский признает, что именно США после прихода к власти республиканской администрации в 1952 году, первые и никем не спровоцированные, явно формулируют новую, еще более жесткую политику. Они отходят от стратегии «сдерживания» (containment) и объявляют наступательную «политику освобождения», нацеленную на «отбрасывание» (roll back) Советского Союза от его новообретенных «восточноевропейских сателлитов». Это явный передел ялтинско-потсдамского мира, и СССР имел все основания с беспокойством отнестись к такому изменению. Для него ситуация усугублялась серией внутренних кризисов, а также, как пишет Бжезинский, «заметным ослаблением способности эффективно осуществлять контроль над Восточной Европой — зоной, на которую теперь была открыто нацелена новая американская политика» (выделено мной. — Н. Н.).

В этот же период США не только в косвенной форме, но уже открыто поставили под сомнение ялтинско-потсдамский порядок в Азии. В ходе советско-японских переговоров в 1956 году они предъявили Японии ультиматум. В случае подписания ею мирного договора с СССР, в котором Япония согласилась бы

признать Южный Сахалин и Курильские острова частью территории СССР, США навечно сохраняют в своем владении острова Рюкю. В Памятной записке объявлялось, что США рассматривают Ялтинское соглашение «как изложение общих целей тогдашними главами участвующих держав», а не как окончательное решение или «какой-либо юридический результат в вопросе о передаче территорий». Ревизия позиции США относилась и к Потсдамской декларации и Директиве генерала Макартура. По мнению США, «острова Эторофу и Кунасири (вместе с островами Хабомаи и Сикотан, которые являются частью Хоккайдо) всегда являлись частью собственно Японии и... должны быть признаны, как находящиеся под японским суверенитетом»¹⁸.

В этот же период США обретают стратегическую способность нанести существенный урон СССР. Наступательный характер политики Вашингтона подтверждал и огромный рост вооружений с ежегодными военными расходами в 30 млрд. долларов, и крестоносный пафос рыцарей «свободного мира».

Что же СССР? Сочетание внутренних и международных трудностей побудило советскую сторону инициировать ряд шагов, направленных на разрядку. Еще до смерти Сталина СССР постоянно давал понять, что готов рассмотреть объединение нейтральной Германии (концепция двух германских государств появилась гораздо позже). Однако такая Германия была не нужна США, и именно США поначалу опасались исхода свободных общегерманских выборов из-за пацифистских и нейтралистских настроений. Еще более серьезным шагом СССР стало подписание международного договора по Австрии и вывод оттуда войск. Было восстановлено некое взаимопонимание с Югославией, и в соответствии с «духом Женевы» (1955 г.) СССР и США совместно объявили о сокращении вооруженных сил.

Бжезинский весьма сожалеет, что США не подкрепили наступательную идеологию реальным наступлением и не стали добиваться успеха в ревизии европейского порядка, санкционированного не только Сталиным, но также Рузвельтом и Черчиллем. По его мнению, только пассивность США по отношению к кризису в Восточной Европе и вводу советских войск в Венгрию в 1956 году, а также очевидные разногласия западных союзников по Суэцкому кризису заложили новое противостояние вместо решительной победы Запада.

Бесспорно, мечтой изгнать СССР из Восточной Европы бредил не только Бжезинский. Однако пропандистское противостояние было куда решительнее, чем политическое, и США все еще придерживались договоренностей Ялты и Потсдама.

Новый период 1958–1963 годов Бжезинский весьма справедливо называет «преждевременным советским глобализмом». Новый советский лидер Н. Хрущев проводит более вызывающую политику. Если прежде СССР преувеличивал свою скромную

мощь только чтобы сдержать наступление США, то теперь советские лидеры стали раздувать свою мощь уже для подкрепления собственной наступательности¹⁹.

Итак, Зб. Бжезинский — чемпион антисоветизма и ведущий политолог Совета по международным отношениям — признает самым «наступательным» периодом советской политики не сталинские времена, а хрущевские. Идеологическая песнь Мао «Ветер с Востока побеждает ветер с Запада» стала мотивом хрущевского глобализма — доктрины соединения силы стран социализма во главе с СССР, коммунистического и рабочего движения западных стран и национально-освободительного движения в странах третьего мира.

«Холодная война», бывшая делом советско-американских отношений, вернее, ее идеологическим фоном, переносится на весь мир. Резко возрастает вовлеченность СССР в разные конфликты и его помощь «антиимпериалистическим» силам: Ближний Восток, Конго, Северная Африка, Индонезия. Наконец, Хрущев дерзает войти в святая святых, вотчину доктрины Монро — Западное полушарие и начинает помогать Кубе. В 1961 году Хрущев произносит речь о «национально-освободительной борьбе», которая произвела на США то же впечатление, что за десять лет до того доктрина «освобождения» А. Даллеса — на СССР. Стороны обменялись посланиями.

После инцидента в бухте Кочинос Куба стала для США таким же символом позора в глазах мировой общественности, каким была Венгрия для СССР. Расправа над П. Лумумбой и вооруженные санкции ООН настроили против США немалое число развивающихся стран. Сами они ежегодно пополняли ряды ООН, и голосования там свидетельствовали, что США все больше и больше теряют международную поддержку.

Этим во многом объясняется наступательная стратегия СССР тех лет, однако она не затрагивала принципов ялтинско-потсдамского мира. В их пересмотре были заинтересованы США, которые и начали «холодную войну». Была ли она неизбежна в силу закономерностей мировой политики, когда весь мир стал единой ареной геополитической борьбы? Следует признать, что это так. Неизбежно было и превращение разгромленной и несамостоятельной Германии из объекта расчленения в инструмент разделения Европы.

Эфемерным оказался достигнутый в Ялте мodus vivendi относительно Средиземного и Черного морей. Вопрос в Ливадийском дворце поднимался, но натолкнулся на упорное, хотя внешне благожелательное настояние Черчилля отложить его решение на будущее. Именно из-за Проливов в течение веков шли войны и разворачивались главные европейские интриги, и всегда за ними стояла Британия. Именно Черчилль играл главную скрипку в этих вопросах и в Тегеране, и в Ялте²⁰.

В стратегии Британии Проливы, Юго-Восточная Европа, Балканы и православные славяне ни в коем случае не должны были попасть в орбиту влияния России. Это точное воспроизведение Восточного вопроса ясно выявилось уже в Тегеране, где Сталин раскусил, что именно стоит за желанием Черчилля сложить новую мозаику из германских земель. У Черчилля описывает в мемуарах, как Сталин сразу возразил против соединения частей Германии с другими государствами, особо отметив, что следует «остерегаться включать австрийцев в какие-либо комбинации» и было бы в высшей степени неразумно создавать новые комбинации, будь то Дунайская или другие»²¹. После Ялты Восточный вопрос обсуждался на конференциях Совета министров иностранных дел в системе послевоенного урегулирования.

В секретной разработке 1944 года Государственный департамент США признает естественным, что СССР, «вероятно, будет сопротивляться созданию конфедераций, таких как проектируемые чехословацко-польским и греко-югославским пактами 1942 года». Авторы также пытаются прогнозировать намерения СССР в районах Проливов, Малой Азии, Персидского залива. Отмечается, что он проявляет «осторожность и готовность к компромиссу» в тех регионах, где, как в Турции и Иране, сильно представлены и другие интересы.

По мере того как роль СССР в разгроме Германии все возрастала, Сталин начал более настойчиво поднимать вопросы, чувствительные для партнеров. В конце переговоров «большой тройки» в Тегеране он заговорил о Дарданеллах и пересмотре Севрского договора с Турцией. Речь шла о возвращении Карса и Ардагана, полученных Россией по Берлинскому трактату 1878 года и оккупированных Турцией в 1918 году. Черчилль счел вопрос «несвоевременным», сославшись на свой план втянуть Турцию в войну. Он отреагировал общей фразой, что «русский военный и торговый флот будет бороздить океаны, и мы будем приветствовать появление русских кораблей»²². В Потсдаме Сталин вновь поднял тему проливов: «Если Вы считаете невозможным дать нам укрепленную позицию в Мраморном море, не могли бы мы иметь базу в Дедегаче?»²³ (греческий порт в Эгейском море неподалеку от турецкой границы). Черчилль вновь ограничился общими заверениями.

Схемы Черчилля по реструктуризации Балкан, похоже, не слишком увлекали американского президента. На переговорах «большой тройки» Рузвельт не проявлял ни инициативы, ни интереса к каким-либо «конфигурациям». В Тегеране он безучастно слушал обмен репликами Черчилля со Сталиным относительно Балкан. В Ялте его заметное равнодушие к деталям польского урегулирования и размещения советской базы в Порт-Артуре даже вызвало раздражение Черчилля: «Президент ведет себя очень плохо. Он не проявляет никакого интереса к тому, что мы пытаемся сделать»²⁴.

Едва отгремели пушки и настал черед дипломатических ристалищ, выявились истинные причины предшествующих политических маневров. Британские планы «правофлангового наступления на Балканы» и привлечения Турции в антигитлеровскую коалицию, переворот в Греции — все это требовалось для того, чтобы не позволить решить старый восточный вопрос в пользу России. Тем более неприемлемым было для США и Британии возвращение России отторгнутых Турцией в 1918 году Карса и Ардагана, о чем был поставлен вопрос на Ялтинской и Потсдамской конференциях²⁵.

Пока еще латентная «холодная война» уже разгоралась на дипломатических форумах по послевоенному урегулированию. Всего через полгода после Ялты на первой же сессии Совета министров иностранных дел осенью 1945 года начались позиционные дипломатические бои с участием В. Молотова, Государственного секретаря США Дж. Бирнса и министра иностранных дел Великобритании Э. Бевина. Англосаксонская линия была очевидна и неизменна: ни в коем случае не пустить СССР на Балканы и в Средиземное море. Граница «зоны безопасности» СССР ни в коем случае не должна была доходить до Средиземного моря. Ее надо было сдвинуть на Восток, полностью отделив Черное море от Южной Европы и оставив Средиземноморье под контролем англосаксов²⁶.

Эти цели Запад реализовал: все попытки СССР хотя бы мизинцем ухватиться за какой-либо пункт в Средиземном море были отбиты, Карс и Ардаган остались за Турцией. А впоследствии, в рамках доктрины Трумэна, южные рубежи СССР были окружены военными базами.

Вакуум в регионе Проливов, созданный в начале века разгромом Австро-германского блока и распадом Османской империи, а в 1945 году — разгромом фашистской Германии, мог быть заполнен только неподконтрольными или соперничающими с СССР силами. Впоследствии им предстояло влиться в НАТО.

Пограничные с Балканами территории — Румыния, Венгрия и Болгария, куда вошли русские войска, были вынужденно признаны частью зоны безопасности СССР. И он имел куда больше прав обеспечить себе «лояльное» правительство в бывших сателлитах гитлеровской Германии, чем, скажем, в Польше. Однако по сравнению с легкостью, с какой Запад сбросил польскую карту, жесточайшая борьба вокруг этих стран особенно впечатляет. Россию намеревались остановить на дальних подступах к Балканам и водным путям Европы, Дунайскому судоходству. (Для окончательного решения Восточного вопроса уже в конце XX столетия понадобилась оккупация Косова. С ним НАТО получило ключ к Вардаро-Моравской долине, соединяющей Западную Европу с регионом Проливов.)

В беседе В. М. Молотова с Э. Бевином наедине 23 сентября 1945 года карты открываются. Бевин

прямо говорит об осязаемых военных целях Британии и о пределе допустимого присутствия СССР в регионе. Что касается предложения СССР раздать союзникам на срок бывшие итальянские колонии в качестве подмандатных территорий, и в частности, Триполитанию — Советскому Союзу, Бевин прямо сослался на якобы данное Сталиным обещание не искать присутствия в Средиземном море: «Черчилль в свое время говорил, что в одной из бесед с ним Генералиссимус Сталин сказал, что у Советского Союза нет намерения двигаться в Средиземное море». Далее он поставил ребром вопрос о международных внутренних водных путях в Европе, четко указав, что «при установлении международного режима на водных путях Британскому правительству должно быть возвращено то, что было потеряно Великобританией во время войны».

В отношении Додеканесских островов Молотов признал, что оттягивает согласие о передаче их Греции лишь в процессе торга по общим параметрам: «Греция, конечно, получит эти острова. Но когда в Берлине Советская делегация поставила вопрос о советских базах в Константинополе, советские предложения были отклонены, а, между прочим, в прошлую мировую войну, Британское правительство обещало отдать Константинополь царскому правительству. Советское правительство на это не претендует (выделено мной. — Н. Н.).»

Почему Великобритания интересуется черноморскими проливами? Черное море — внутреннее море, и вместе с тем небезопасное для Советского Союза, как показала эта война... В Черноморских проливах нас хотят держать за горло руками турок. А когда мы поставили вопрос о том, чтобы нам дали хотя бы одну мандатную территорию в Средиземном море — Триполитанию, то сочли, что мы покушаемся на права Великобритании... Между тем Великобритания не может иметь монополии в Средиземном море... Неужели Советский Союз не может иметь уголок в Средиземном море для своего торгового флота?» (выделено мной. — Н. Н.)

В ответ Бевин прямо излагает классическую двухсотлетнюю позицию Великобритании: «В вопросах присутствия в Средиземном море Британское правительство сильно опасается того, как бы чего не случилось в Средиземном море, что разделило бы Британскую империю на две части (выделено мной. — Н. Н.).»

Когда прозвучала Фултонская речь Черчилля, для Сталина, уже знакомого с докладом «О безопасности Британской империи» и дипломатическими баталиями в СМИД, эта речь, потрясая мир, была лишь завершающим пропагандистским хлопком. В Мраморное море «на неопределенный срок» уже собирался американский морской отряд особого назначения, состоящий из самого мощного в мировом флоте линкора «Миссури», двух новейших и мощнейших авианосцев, нескольких крейсеров и дюжины

эсминцев. Предлогом было сопровождение тела внезапно скончавшегося турецкого посла в Вашингтоне.

Заметим, что и в Ялте, и в Потсдаме Черчилль уклонился от ответа на вопрос Сталина о советской базе в Дарданеллах. Однако он сам пообещал пересмотреть в пользу СССР и черноморских стран Конвенцию о Черноморских проливах Монтре от 1936 года. Как показали последующие события, союзники и не думали исполнять обещанное. Даже продвижение сферы влияния СССР до Берлина не выглядело для англосаксов такой угрозой, как попытка возврата к итогам Берлинского конгресса 1878 года.

Контроль над Восточной Европой добавлял к могуществу СССР меньше, чем принято думать. Над ним висела постоянная необходимость сдерживать нелояльных поляков и венгров, которые куда более, чем немцы, мечтали о реванше над Россией. Настоящим призом для нее было бы восстановление положений Берлинского трактата: Карс, Ардаган, беспрепятственный проход по Черноморским проливам, Прибалтика. Но именно этому воспротивились англосаксонские союзники СССР.

Смысл антигитлеровской коалиции, как и Антанты, был не только в разгроме Германии, но и в предупреждении серьезных обретений России.

Борьба СССР за сохранение германской государственности

Мировая наука о международных отношениях, и особенно советская, делает упор на противостояние СССР и блока западных держав во главе с США. Найдется мало исследований, показывающих, что многое из того, что сделано в Европе после Ялты и Потсдама, направлено было не только против СССР, но и на растворение германского потенциала. Это было одним из стержней британского геополитического мышления и британской «Realpolitik».

Именно Британия и в ялтинских переговорах, и в работе созданного в Потсдаме послевоенного механизма старалась устранить потенциал Германии к созданию из географической Центральной Европы — политической «Mitteleuropa».

На всех этапах — в Тегеране, Ялте и на сессиях СМИД 1946 года можно проследить потайной диалог между Сталиным и Черчиллем по этим вопросам. Инициатива исходила от британского премьера. Именно Черчилль предлагал «отделить Баварию, Вюртемберг, Пфальц, Саксонию и Баден», чтобы эта группа «вросла в то, что он называл бы Дунайской конфедерацией». Сталин сразу понял конечный замысел Черчилля: под видом расчленения Германии втянуть прилегающие к СССР балканские и славянские земли в собственные новые конфигурации — и напрямую спросил Черчилля, уж не планирует ли тот сделать и «Венгрию и Румынию членом какой-либо подобной комбинации»²⁷. Западногерманский историк Р. Римек полагает, что Сталин воспротивился плану «вовлечь Южную Европу, прежде всего балканских славян

в западный силовой ареал», вовсе не из-за идеи распространения коммунизма, «не потому, что хотел сделать Южную Европу коммунистической, а потому, что как любой русский государственный деятель и любой русский царь он обязан был противостоять таким западным устремлениям»²⁸.

Полезно было бы сегодняшним немцам узнать, как Британия старалась «упразднить» германскую историю в процессе реализации решений Ялты и Потсдама.

Прекращение существования гитлеровского рейха уже следовало из принципа полной и безоговорочной капитуляции. Но то, что происходило в различных союзных оккупационных структурах, говорит о стремлении Великобритании формализовать упразднение не гитлеровской, а исторической Германии, пользуясь шансом, который предоставлял крах нацизма. Речь идет о почти мистическом желании раздробления немцев, пронесенное через XX век со времен принца Эдуарда, об идее «упразднения», «ликвидации» «Прусского государства», которую британские делегации настойчиво ставили в повестку дня заседаний союзных органов второго уровня, минуя Совет министров иностранных дел. Его повестка согласовывалась на самом верху и таких вопросов не содержала.

В официальных заявлениях и США, и СССР поочередно заверяли в своей ориентации на сохранение мирной и демократической Германии. Документы демонстрируют, как Британия настойчиво стремилась придать некий особый смысл идее федерализации Германии, которая в лексиконе до 1944 года понималась как деление Германии. После того как план Генри Моргантау (полное расчленение немцев вплоть до присоединения кусков германской территории к другим государствам, интернационализация Рура), чуть не ставший после второй Квебекской конференции (1944) официальной позицией США и Великобритании, все же был отменен, «федерализация» обрела смысл внутригосударственного устройства.

Все союзники, особенно европейские державы-победительницы, желали закрепить на длительное время и обретенные сферы влияния, и свою роль вершителей судеб мира. Все были заинтересованы в слабой, неспособной на новую агрессию и даже подконтрольной им Германии. СССР вовсе не представлял здесь исключения. Более того, в вопросах репараций истощенный и разрушенный СССР был настроен наиболее жестко. Однако настойчивость Британии в «упразднении Прусского государства» носила буквально религиозно-фанатический характер и явно уходила корнями в историческое мышление времен кайзеровской Германии и пира победителей в Версале, который и был предвестником будущей Второй мировой войны.

Советская делегация в целом тормозила принятие такого решения. В интерпретации советской стороны упразднению подлежало то германское

государство, что развязало Вторую мировую войну. Будущее немецкое государство не должно было стать «продолжателем личности» (континуитет в международном праве) нацистской империи, и это было обеспечено принципом полной и безоговорочной капитуляции, упраздняющей прежнее государство как субъект международного права. Британия же, неудовлетворенная крахом государственной машины гитлеризма, попыталась ликвидировать немцев как преемственного субъекта мировой истории. США были лояльны Британии, но, судя по документам, не были инициаторами.

Поскольку ни на одной из важнейших встреч в верхах, ни в Ялте, ни на Берлинской конференции вопрос об «упразднении Прусского государства» не ставился, британская делегация, судя по документам, пыталась незаметно ввести такую формулировку на уровне третьестепенных органов — в Комитете гражданской администрации Директората внутренних дел Контрольного совета. Стенограммы заседаний Директората внутренних дел, а также Политического директората Контрольного совета, куда Британия передала свой меморандум после того, как советская делегация уклонилась от принятия решения, весьма показательны. Британская делегация в расчете на неискушенность русских военных то доказывала, что «упразднение Прусского государства» — просто шаг по «реализации принципа децентрализации Германии, принятого на Ялтинской и Потсдамской конференциях», то, наоборот, делала широкие обобщения негативной роли Пруссии в немецкой истории и войнах Германии.

«Слово „пруссский“ имеет нарицательное значение во всем мире, и было бы значительным вкладом. указать в официальном заявлении об уничтожении Прусского государства», — настаивала британская делегация в Комитете гражданской администрации (КГА), представляя свой меморандум. — В течение двухсот лет Пруссия была угрозой для безопасности Европы. Продолжение существования Прусского государства, хотя бы только в названии может дать повод для ирредентистских притязаний, которые немецкий народ может в дальнейшем попытаться выдвинуть, может укрепить немецкие милитаристские тенденции, а также может способствовать возрождению авторитарной, централизованной Германии, что желательно предотвратить».

Бесхитростный в философии мировой истории советский генерал Курочкин «в принципе не возражал», но, будучи искушенным в политике, заявил, что вопрос относится к компетенции СМИД. Маршал Соколовский указал, что «упразднение» касается будущего государственного устройства и «должно решаться не Командующими зонами, а правительствами». Но яснее всего позиция советской делегации была выражена в Протоколе 31-го заседания КГА 31 мая 1946 года. СССР стоял за упразднение государственной машины гитлеровского рейха и полагал,

что «Прусское государство было уже уничтожено» безоговорочной капитуляцией, поэтому советской делегации не ясна целесообразность проекта». На следующем, 32-м заседании советский представитель прямо заявил, что «этот Комитет призван регулировать вопросы внутренней государственной структуры, а не уничтожать государства»²⁹.

Тем не менее Британия неустанно и поочередно представляла свой меморандум с законопроектом под следующим названием и с формулировками:

«... **Уничтожение государства Пруссии**».

«Поскольку желательно обеспечить децентрализацию политической структуры Германии. и уничтожить прусский дух».

«1. Государство Пруссия вместе с его центральным правительством и администрацией уничтожается».

Как свидетельствует Протокол заседания Координационного комитета, «утверждение закона было задержано советским представителем». Благодаря позиции советской делегации вопрос этот не продвинулся и в Политическом директорате и был передан в Контрольный совет. К этому времени Британия приступила к односторонним мерам по переименованию и реорганизации подконтрольных ей территорий. «Военная администрация в Германии Британской зоны контроля» издала указ, в котором «ввиду того, что центральное правительство и администрация Прусского государства (ланд Пройссен) фактически перестали существовать, и поскольку имеется намерение в будущем реорганизовать администрацию прусских территорий, расположенных в Британской зоне оккупации... приказывается следующее:

«1. ...провинции Прусского государства или его части, расположенные в британской зоне и поименованные в первой части приложенного списка, настоящим упраздняются как таковые... и будут носить названия, изложенные во второй части указанного списка...»³⁰.

На Контрольном совете проект был также отклонен. Маршал Дуглас представлял односторонние действия Британской стороны как «чисто административную меру», на что маршал Соколовский указал, что речь идет о «крупнейшем государственном вопросе, не записанном в решениях Берлинской конференции», который подлежит рассмотрению четырьмя державами». Американский генерал Макнарн с этим согласился³¹. Переданный на рассмотрение Совета министров иностранных дел этот вопрос так и потонул вместе со всем комплексом германской проблемы, которой суждено было стать линией раскола Европы.

Через несколько месяцев после Фултонской речи Черчилля накануне третьего совещания СМВД в Штутгарте прозвучала другая речь — Государственного секретаря США Джеймса Бирнса. Она была закодирована общедемократическими фразами куда больше, чем выступление герцога Мальборо, но отнюдь не в меньшей степени задавала вполне реаль-

ную политическую и геополитическую программу. В либеральную доктрину не вписывалось наложение ограничений на «демократическую Германию», ее надо было связать и растворить, а немцев перевоспитать. В значительной мере этой цели послужили панъевропейские и интеграционные процессы, инициированные параллельно с НАТО. США заявили, что не уйдут из Европы и делают ставку на Германию.

Буквально за три месяца до этой речи, во время второй сессии СМВД в Париже в мае 1946 года, Дж. Бирнс всячески делал вид, что продолжение союзнического сотрудничества еще возможно. Когда Молотов и Вышинский выразили удивление, что Черчилль выбрал именно США для выступления со своей Фултонской речью, «которая была не чем иным, как призывом к новой войне», Бирнс поспешил отмежеваться, сказав, что Черчилль выступал не как член британского правительства, а под свою ответственность, и прикинулся, будто «ни Бирнс, ни Трумэн не видели речи Черчилля заранее»³². Черчилль же описал в мемуарах, как показал заранее речь Бирнсу, «пришедшему от нее в восторг».

Подкупая немцев обещанием восстановления и процветания, на фоне чего СССР с его настойчивостью в репарациях выглядел жадным мстителем, США и особенно Великобритания на деле имели концепцию будущей Германии как несамостоятельного и непреемственного ко всей немецкой истории государства. Об этом свидетельствует Боннский договор 1952 года между США и созданной ими же ФРГ, по которому устанавливалось право США размещать на территории ФРГ вооруженные силы и изымалось у ФРГ право на мирное урегулирование. Этот договор не пересмотрен и после снятия четырехсторонней ответственности, объединения Германии и обретения ею полного суверенитета.

Речь Бирнса была программной. Хотя и косвенно, она задавала практически все параметры и направления политики, по которым готовился отход от союзнических обязательств и отношений и саботаж Ялты и Потсдамских соглашений.

США объявили ошибкой свое устранение от Европы после Версаля, которую они «никогда не совершат более»: «Мы намерены интересоваться делами Европы и всего мира. Мы помогли в организации Объединенных Наций, и мы намерены поддерживать Организацию Объединенных Наций всей мощью и ресурсами, которыми мы располагаем». Для Германии был сделан выбор в пользу пряника, который должен был приглушить горечь от утраты самостоятельности.

Они же дали свое толкование решений Потсдамской конференции о «децентрализации политической структуры»: задача, оказывается, состояла в том, чтобы «помешать учреждению правительства, господствовавшего бы над германским народом, вместо правительства, которое откликалось бы на его демократические желания».

Эти заявления не могли не оказать огромного воздействия на немцев, как и тот факт, что программная речь была озвучена не перед союзными структурами, а по германскому радио и адресована самим немцам. Британцы с их декларациями об «упразднении Прусского государства» померкли, и инициатива полностью перешла к Вашингтону. Вовсе не собираясь допустить возрождения самостоятельной Германии, он взял курс на связывание немцев в многосторонних структурах. Одновременно США стимулировали и реваншизм, который наряду с деморализацией и пацифизмом был также естествен в стране, потерпевшей крупнейшую национальную катастрофу и поплатившейся за свои необузданные амбиции очередной утратой не только захваченного, но и прежнего многовекового достояния.

В речи Бирнса уже содержалось первое отступление от четких решений Ялты и Потсдама. Она содержала намек на то, что линия Одер — Нейссе не являлась частью решений Берлинской конференции и подлежала дальнейшему урегулированию: «В отношении Силезии и других восточных районов Германии, передача их Россией Польше для целей управления состоялась до Потсдамской встречи». США придерживаются линии Керзона, но «размер территорий, передаваемых Польше, должен был быть определен при окончательном урегулировании, причем не только западных, но и восточных границ Польши», что подвергало сомнению статус Западной Украины.

Поворот в международных отношениях перешел в стадию открытого противоборства, и стержнем его стал раскол Европы и Германии, с превращением ее зон в инструмент политики.

***

Каковы же итоги XX столетия в свете решений и эпохального взаимодействия в Ялте?

На рубеже третьего тысячелетия Запад попытался совершить невиданную геополитическую трансформацию и не менее радикальную смену в всех основ международного права. Это был давний план, лелеяемый до удобного момента, когда Россия временно ослабеет и утратит ощущение своей геополитической миссии. Об этой программе заявил Зб. Бжезинский в одной из статей: «В 2000 году признают, что Робеспьер и Ленин были мягкими реформаторами».

Превращение Восточной Европы в Западную, а западных территорий исторического государства Российского в Восточную Европу стало звеном в системной геополитической стратегии США, что становится очевидным после последовательных захватов Ирака, Афганистана, появления американских баз в южном подбрюшии России, а также серии спонсированных цветных революций по периметру границ нынешней Российской Федерации. Именно эти цели ставил перед правительством США в качестве приза во Второй мировой войне Совет по международным

отношениям в сентябре 1941 года сразу после нападения Гитлера на СССР и начала «нацистско-большевистской войны» — «Военный результат этой войны может обусловить огромный процесс перегруппировки сил от Богемии до Гималаев и Персидского залива...

Ключ к этому лежит в реорганизации Восточной Европы, в создании буферной зоны между тевтонами и славянами... В интересах Америки направить свои усилия на конструктивное решение этой проблемы»³³.

Вот цели, которые определили «холодную войну» сразу после Ялты, вот устремления, которые скрывались за ялтинским духом, а вовсе не мифическое желание СССР войти с танками в Западную Европу.

Ялта обеспечила мир, а передел мира в 1990-е годы обрушил бомбы на суверенные государства, породил «терроризм» как структурный элемент мировой политики, как средство изменения границ.

Столь масштабный подрыв под фарисейскими лозунгами стабильного миропорядка стал возможным, когда позднесоветская элита оказалась несостоятельной перед лицом внутренних и внешних системных кризисов. Партийно-советская номенклатура, как и народ, разочаровалась в коммунистической идеологии — но не как в инструменте развития собственной страны, а как в препятствии для собственного вхождения в мировую олигархию. Цена за место в ней была названа в эпоху Горбачева.

Сжимающиеся с тех пор «клещи» охватывают уже некоммунистическую Россию по некоей дуге — от Балтики к югу, затем отсекают ее от Черного и Каспийского бассейнов, поворачивают на восток и теряются в глубинах Центральной Азии. Американские базы развернуты там, где еще два века назад разворачивалась борьба за влияние. Фрагментированные и оккупированные (прямо или косвенно) атлантическими войсками Балканы, албанское Косово являются необходимым недостающим элементом «дунайской конфигурации», обеспечивающей англосаксонский контроль над всеми побережьями Западной Европы.

Кольцо вокруг России, которое попытались сформировать к концу 1990-х годов, еще не замкнуто лишь благодаря восстановлению национально-государственной воли и геополитической миссии России. Этот аспект возрождения России как самостоятельного субъекта политики располагает наибольшим консенсусом в российском обществе и имеет огромный морально-политический резерв.

Дуга вокруг России все еще может объединить не только традиционных оппонентов и геополитических соперников России, но и новообразованные государства из бывших частей исторического государства Российского. На этой дуге уже развернулись главные военно-стратегические и геоэкономические сценарии начала XXI века. Все ее элементы — Восточная Европа, Кавказ и Центральная Азия — уже стали объектом внутреннего и международного соперничества за втягивание их в евроатлантическую

«целостность». Она все еще себя мнит себя носителем «всемирной цивилизации», хотя динамику мировому развитию задает уже Азия.

Все это побуждает еще раз оценить общемировое величие предшествующей двухсотлетней работы России на ее рубежах. Не будучи сформулирована в какую-либо доктрину, она, тем не менее, обладала

такой интуитивной системной целостностью, которая выдерживала давление окружающих ее интересов и цивилизаций и побуждала их направлять свою энергию не на экспансию, а на поиск равновесия. Именно такая целостность, которую мы начали обретать, необходима сейчас России для того, чтобы достойно встретить вызовы XXI века.

- ¹ Тойнби А. Дж. Византийское наследие России. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 116.
- ² Brzezinski Zb. *Between two Ages. America's Role in the Technotronic Era.* N.Y., 1970. P. 283.
- ³ См. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2005.
- ⁴ Документ хранится в Архиве службы внешней разведки РФ, дело №43106 «Спецсообщения из Англии». См. также Царев О. И. СССР — Англия: от сотрудничества к конфронтации (1941–1945 гг.). «Новая и новейшая история». №1. М., 1998 г.
- ⁵ Подробно об этом см. Нарочницкая Н. А. Великие войны XX столетия. М., 2007.
- ⁶ См. документы, публикуемые в настоящем сборнике.
- ⁷ Запись беседы тов. И. В. Сталина с Черчиллем. 14 октября 1944 г. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. Документы русской истории. 1995/4 (17). С. 145.
- ⁸ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. Документы русской истории. 1995/4 (17). С.119–123.
- ⁹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. Документы русской истории. 1995/4 (17). С. 125, 126, 131, 140–143.
- ¹⁰ АВП РФ. Фонд 0512, оп. 4, док. №213, п. 25, л. 3.
- ¹¹ АВП РФ. Фонд 0512, оп. 4, док. №212, п. 25, л. 7.
- ¹² См. Laughland John. *The Tainted Source. the Undemocratic Origins of the European Idea.* London: Little, Brown, 1997.
- ¹³ АВП РФ. Фонд 0512, оп. 4, док. №212, п. 25, л. 4, 7, 4, 17, 26, 27–28, 29.
- ¹⁴ CIA Cold War Records. *Selected Estimates on the Soviet Union. 1950–1959.* History Staff Center for the Study of Intelligence. Central Intelligence Agency. Wash., D.C., 1993. P. 157, 169.
- ¹⁵ АВП РФ. Фонд 0431 (I), оп. 1, док. №18, п. 4, л. 25–26.
- ¹⁶ Brzezinski Zb. *How the Cold War Was Played.* Foreign Affairs. Oct., 1972. P. 182–183.
- ¹⁷ АВП РФ. Фонд 0431 (II), оп. №2, док. №48, п. №11, л. 73–74.
- ¹⁸ Тихвинский С. Л. Россия — Япония. Обречены на добрососедство. Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 1996. С. 104–107.
- ¹⁹ Brzezinski Zb. *How the Cold War was Played.* Foreign Affairs. Oct., 1972. P. 182–183.
- ²⁰ См. подробно: Нарочницкая Н. А. Великие войны XX столетия. М., 2007.
- ²¹ Gilbert Martin. *Winston S. Churchill. Volume VII. The Road to Victory. 1941–1945.* Boston., 1986. P. 575.
- ²² Черчилль У. Вторая мировая война. Том V. Кольцо смыкается. М., 1955. С. 375.
- ²³ Gilbert M. *Never Despair.* Winston S. Churchill. 1945–1965. London, 1988. P. 93.
- ²⁴ Gilbert M. *Winston S. Churchill. Volume VII. The Road to Victory. 1941–1945.* Boston., 1986. P. 1210.
- ²⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 авг. 1945 г.). Сборник документов. М., 1945. С. 159.
- ²⁶ Подробно о переговорах см. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2005; Нарочницкая Н. А. Великие войны XX столетия. М., 2007.
- ²⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Том V. Кольцо смыкается... С. 392, 393, 394.
- ²⁸ Riemeck R. *Bilanz eines Jahrhunderts.* Stuttgart, 1997. S. 177.
- ²⁹ АВПР. Фонд 0431 (III), оп. 3, док. №19, п. 4, л. 100, 103, 110.
- ³⁰ Подробно см. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2005.
- ³¹ Там же.
- ³² АВП РФ. Фонд 0431 (III), оп. 3, док. №19, п. 4, л. 120–132, 137. АВП РФ. Фонд 0431 (II), оп. №2, док. №22, п. №5, л. 30.
- ³³ АВП РФ. Фонд 0512, оп. 4. док. №213, п. 25, л. 3.

Завершающий этап Второй мировой войны. Тегеран — Ялта — Потсдам

А. Ю. Борисов*

Три конференции союзников по антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны или, как их тогда называли, встречи «большой тройки» руководителей СССР, США и Великобритании занимают особое место в истории международных отношений XX века. Говоря сегодняшним языком, итоги этих саммитов явились торжеством здравого смысла и самосохранения народов над идеологическими предвзятостями и предубеждениями и во многом обеспечили дипломатическую поддержку военных усилий союзников в борьбе с фашизмом.

Можно сказать, что вторая мировая война велась как на фронте военном, так и на фронте дипломатическом и от взаимодействия и координации этих фронтов во многом зависели исход войны и сроки победы над державами «оси». Не случайно, мало кто из последующих историков ставил под сомнение эффективность военного сотрудничества союзников, ярко проявившегося на конференциях в Тегеране (1943 г.), в Крыму и в Потсдаме (1945 г.)

Сложнее всегда обстояло дело с оценкой итогов встреч на высшем уровне военного времени для послевоенного мироустройства, для последующего развития международных отношений. Казалось, по мере хода послевоенной истории и вступления мира в новый этап своего развития острота дискуссий будет затухать, но на самом деле годы после окончания «холодной войны» были отмечены новым всплеском научных и околонучных споров.

Более того, произошла невиданная политизация проблем Второй мировой войны и под влиянием итогов войны «холодной», завершившейся распадом СССР и крушением коммунистической системы, была предпринята отчаянная попытка ревизии истории Второй мировой войны, не имевшая аналогов даже в самое мрачное время противостояния двух систем и затронувшая прежде всего межсоюзнические договорённости для послевоенного мира.

По сути дела эта попытка равнозначна реваншу наследников сил, проигравших войну и их сподвижников-коллорационистов, подкреплённая вполне конкретными соображениями получения материальной выгоды за «советскую оккупацию», как стали именовать освободительную миссию Советского Союза в странах Балтии, на Украине и в некоторых странах Восточной Европы.

Примазавшиеся к победителям в «холодной войне» круги попробовали заново интерпретировать основные события Второй мировой войны и прежде всего её политические последствия, не брезгуя откровенной фальсификацией истории. В этом политически востребованном контексте решения Тегерана — Ялты — Потсдама стали выглядеть не как договорённости, заложившие фундамент послевоенного мира, а как проложившие путь «холодной войне» с вполне осязаемым подтекстом остерегаться сотрудничества с наследником СССР — сегодняшней Россией.

Отсюда важно учитывать не только историческую составляющую событий прошлого и вполне понятное желание не допустить их ложного прочтения и искажения, но и присутствующую при этом политическую целесообразность, требующую объективного взгляда на историю межсоюзнических конференций и тщательное воссоздание той атмосферы, в которой они проходили. Уроки истории должны учить, а не вводить в заблуждение потомков.

Итак, три конференции были связаны единым смыслом, как не сомневались их участники, — выиграть войну и заложить прочный мир для будущих поколений. При этом никто не отменял нередко принципиальные различия в национальных интересах сторон, которые тогда порой именовали классовыми, различный взгляд на послевоенный мир, соображения собственной выгоды и т.д. Удивительно, что, несмотря на всё это, участникам переговоров всё-таки удавалось приходиться к «общему знаменателю».

---

* Александр Юрьевич Борисов — профессор, доктор исторических наук.

Вполне вероятно, что руководителям государств с различными идеологическими системами — президенту США Рузвельту, главе Советского правительства Сталину и премьер-министру Великобритании Черчиллю трудности сегодняшних политиков показались бы сущими пустяками.

Начало, положенное в Тегеране

Тегеранская конференция — первая из числа встреч «большой тройки», состоявшаяся 28 ноября — 1 декабря 1943 г., вошла в историю не только принятыми военными решениями и прежде всего твёрдыми обязательствами западных союзников в отношении открытия Второго фронта, но и тем, что ее участники, прежде всего Рузвельт и Сталин, обменялись взглядами по ряду важных послевоенных проблем. Чувствовалось, что «вопрос о будущем устройстве мира», как говорил Рузвельт, занимал все его мысли. Ему большей частью и принадлежала инициатива в их постановке. Глава советской делегации, проявляя известную сдержанность на том этапе — война была еще в полном разгаре, — тем не менее не отказывался обсуждать эти вопросы в предварительном порядке. Советская делегация в Тегеране получила достаточно полное представление о позиции Соединенных Штатов на послевоенное время.

Вырисовывалась значительная область советско-американского согласия. По ряду ключевых политических проблем позиции СССР и США были близки или совпадали. Это касалось вопросов создания международной организации, учреждения механизма опеки или попечительства, разоружения побежденных государств, коллективной безопасности, предотвращения новой агрессии и др. В то же время стороны разошлись в отношении будущего Германии. Советская сторона не поддержала американских планов ее расчленения, выдвигавшихся госсекретарём США К. Хэллом еще на Московской конференции министров иностранных дел (октябрь 1943 г.), считая, что этот вопрос нуждается в более глубоком изучении.

Обозначились также реальные контуры развития делового сотрудничества между СССР и США в послевоенное время на взаимовыгодной основе. Американская сторона придавала этому вопросу исключительно большое значение. Рузвельт рассматривал торгово-экономические связи в качестве «прочной основы русско-американской дружбы». Об участии США в восстановлении советской экономики шла речь между президентом, Гопкинсом и Гарриманом во время почти семичасового перелета из Каира в Тегеран. Рузвельт привлек внимание посла к важности этого вопроса и поручил не упускать его из виду.

Примечательно, что свою первую беседу с главой Советского правительства в Тегеране 28 ноября президент начал именно с обсуждения этих перспективных вопросов, предложив передать Советскому Союзу после войны часть американского торгового

флота. Его собеседник ответил, что «Россия будет представлять собою после войны большой рынок для Соединенных Штатов». Рузвельт на это заявил, что американцам потребуется большое количество сырья, поэтому он думает, что между двумя странами будут существовать тесные торговые связи. И. В. Сталин заметил, что «если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырье»¹.

Сложнее обстояло дело с вопросами, затрагивающими интересы безопасности СССР. Особенно непримиримо был настроен Черчилль. Американская позиция при обсуждении этого круга вопросов в Тегеране также оставалась двусмысленной, если не сказать враждебной Советскому Союзу. Президент хорошо понимал, что США в конце концов будут вынуждены уступить, но, будучи политиком до мозга костей, рассчитывал как следует поторговаться напоследок. Похоже, что, выложив на стол конференции «козырь» второго фронта, он спешил обзавестись новыми. Отсюда и попытки Рузвельта в беседе с главой советской делегации поставить под сомнение законность вступления Прибалтийских республик в состав СССР, оттянуть признание советско-польской границы, взять под защиту польское эмигрантское правительство и т. д.

Международное значение Тегеранской конференции, имевшей кодовое название «Эврика», велико. Её успех отразил качественно новое явление в международных отношениях — эффективность коалиции, состоящей из стран с различными социально-экономическими системами. Тегеранская конференция не только разрушила все надежды фашистов и их единомышленников из стран антигитлеровской коалиции на ее раскол, но и положила начало позитивной форме внешнеполитических взаимоотношений государств, придерживавшихся различных духовных ценностей и мировоззрений.

Несмотря на жаркие дипломатические споры, Тегеранская конференция закончилась на высокой оптимистической ноте. Ее участники выразили решимость своих стран работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время. Это была большая победа в деле борьбы с фашизмом, крупный успех антигитлеровской коалиции, заставивший содрогнуться столицы вражеских государств, а их главарей почувствовать свою обреченность и приближение неминуемой расплаты за содеянное.

30 ноября в Тегеране отмечали день рождения Черчилля. Ему исполнилось 69 лет, и по возрасту он был старше своих коллег. По свидетельству советских очевидцев, молчавших по понятным соображениям более полувека, Сталин явно чувствовал себя не в своей тарелке. Стол был накрыт в лучших традициях английской аристократии с бесчисленным количеством приборов и фирменной посуды, и это выбивало из привычной колеи склонного к аскетизму и «не кончавшего академий» советского вождя. На банкете президент Рузвельт произнес тост. Он говорил о многообразии политических оттенков,

представленных собравшимися за банкетным столом, которые ему напоминали цвета радуги — доброго символа надежды и благополучия у американцев. «У нас различные обычаи, философии и образ жизни, — продолжал президент. — Каждый из нас поступает так, как того требуют стремления и чаяния его народа. Но мы доказали здесь, в Тегеране, что различные идеалы наших народов можно свести воедино в гармоничное целое, двигаясь вместе к общему благу для нас самих и всего мира. И вот, покидая эту историческую встречу, мы видим в небе первый раз традиционный символ надежды — радугу»².

Память очевидцев сохранила, что глава советской делегации с большим вниманием выслушал тост президента, к которому он испытывал большое уважение, отдавая должное его дальновидности и реализму, умению пойти, когда требовалось, на разумный компромисс. Мысль, высказанная Рузвельтом в его тосте, во многом была созвучна настроениям советских руководителей. Объективные противоречия между государствами с различным общественным строем не должны были мешать им находить дорогу к согласию, мирно сосуществовать и сотрудничать на одной планете. В этом заключался главный урок Тегерана.

Под залпы победных салютов в Москве заканчивался год коренного перелома в войне — год колоссального напряжения всех духовных и физических сил советского народа, пик великой битвы народов с фашизмом. В свои права вступала новая военно-политическая реальность, созданная победами Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге, успехами союзников на других театрах военных действий. Достижения на дипломатическом фронте явились непосредственным результатом растущего престижа Советского государства, его мощи и влияния. Как мало напоминало все это 1941 год, когда не только враги, но и потенциальные союзники не принимали в расчет СССР и оставляли ему в лучшем случае подчиненное место в своих геополитических планах на будущее.

После коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны военная удача уже не оставляла СССР и его союзников и окончательный разгром стран «оси» был не за горами.

Красная Армия завершила изгнание врага, восстановив довоенные границы СССР и приступила к освобождению от фашизма порабождённых народов Европы. Практическое значение приобрел вопрос каким будет мир после окончания самой кровопролитной войны в истории человечества, на каких принципах он будет строиться, чьим интересам отвечать. Союзникам по антигитлеровской коалиции важно было учесть печальный опыт Версальского мирного урегулирования и ещё в ходе войны договориться о своих планах на будущее. Они верили, что им удастся найти «магическую формулу», которая поможет преодолеть разногласия и создать совер-

шенный миропорядок в интересах народов. Правда, каждая сторона понимала это по-своему и была готова твёрдо отстаивать свои интересы. Многие зависело от конкретной военно-политической ситуации на завершающей стадии войны, которая складывалась благоприятно для Советского Союза. Этим перспективным вопросам послевоенного миропорядка и были в основном посвящены межсоюзнические конференции в Ялте (Крым) и в Потсдаме (пригороде Берлина).

Как следует из переписки И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом, американская сторона впервые поставила вопрос о желательности следующей встречи в верхах, местом которой стал Крым, 19 июля 1944 г. Президента тревожили успехи Советской Армии на фронте, и он хотел оговорить все вопросы заранее. «Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно, я думаю, что в возможно скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, премьер-министром и мною»³, — писал он в Москву.

Через три дня глава Советского государства ответил согласием на предложение президента, но сообщил, что по причинам, связанным с необходимостью руководства делами на фронте, он не сможет выехать за пределы страны. В это время советские войска развернули широкое наступление с целью освобождения Западной Белоруссии (операция «Багратион»). Вслед за тем последовала длительная переписка между Москвой и Вашингтоном в отношении выбора места и времени встречи.

Как ясно следует из опубликованных МИД СССР архивных документов, место проведения конференции было предложено американской стороной, а не «навязано Москвой» больному Рузвельту, как по сей день утверждают некоторые западные авторы. 13 октября 1944 г. помощник президента и его близкий друг Г. Гопкинс в беседе с советским послом А. А. Громыко заявил, что «по его мнению, Рузвельт для встречи мог бы прибыть на военном корабле в Черное море». Как сообщал в НКВД посол, «Гопкинс допускает, что встреча могла бы состояться где-либо на советском черноморском побережье».

Последующий длительный обмен мнениями между Москвой и Вашингтоном в отношении выбора места встречи объяснялся предпринятой с американской стороны попыткой пересмотреть свое собственное предложение. Внешне всё выглядело как вопросы престижа, нежелание признавать решающую роль СССР в войне, давая согласие проводить новую встречу в верхах на советской территории. На самом деле это была хорошо замаскированная и продуманная попытка со стороны противников советско-американского сближения, сыграв на самолюбии президента, сорвать конференцию и не допустить встречи Ф. Рузвельта с И. В. Сталиным, на которой, как боялись правые деятели в Вашингтоне, Соединенные Штаты могли взять на себя «связывающие обязательства» перед Советским Союзом.

Вот что писал по этому поводу Гопкинс: «Все близкие советники президента возражали против его поездки в Россию. Большинство из них не любили русских или не доверяли им; они никак не могли понять, почему президент Соединенных Штатов должен исколесить весь свет, чтобы встретиться со Сталиным. Но я считал этот довод неосновательным. Важно было, чтобы конференция состоялась. Не было никакой надежды созвать ее за пределами Крыма. Советники президента обрушились на меня с резкой критикой, узнав, что именно я разговаривал с Громыко о возможности поездки в Крым. Когда они пытались отговорить президента от поездки, он снова заколебался и придумал массу контрпредложений, но ни одно из них не было достаточно осмысленным»⁴.

В конечном итоге, понимая всю важность предстоящей встречи для грядущих отношений с Советским Союзом, Рузвельт нашел в себе силы отклонить рекомендации некоторых враждебно настроенных советников и вернулся к своему первоначальному предложению.

Начавшееся 16 декабря контрнаступление гитлеровцев на позиции англо-американских войск в Арденнах придало готовящейся встрече особую срочность и необходимость. 27 декабря Гарриман информировал Советское правительство о согласии Рузвельта прибыть в Крым к началу февраля. С советской стороны было выражено удовлетворение в связи с этим решением.

Ялтинская конференция — вершина сотрудничества

Советское правительство придавало большое значение предстоящей конференции прежде всего с точки зрения дальнейшего укрепления сотрудничества трех держав как в вопросах завершения войны, так и в вопросах упрочения мира. Свою главную задачу оно видело в том, чтобы надежно гарантировать послевоенную безопасность, не допустить новой агрессии, найти справедливое решение германской проблемы. Наряду с этим было важно закрепить интересы безопасности Советского государства как территориальные, так и политические, добиться решения репарационной проблемы. Наконец, речь шла и о том, чтобы помочь встать на ноги европейским народам, освобожденным от фашистской оккупации. Что в Москве понимали под этим? Далеко идущие планы «советизации» Восточной Европы, как утверждают некоторые авторы?

Судя по имеющимся документам, на том этапе в Кремле оперировали формулой «дружественные правительства» освобождённых государств, что прежде всего должно было положить конец возрождению в Восточной Европе былого «санитарного кордона» и способствовать установлению добрососедских отношений со странами, волею трагических событий оказавшихся в орбите гитлеровской Германии. Естественно, западные союзники, прежде всего Черчилль, были заинтересованы в восстановлении

довоенных порядков в Восточной Европе, что представлялось весьма маловероятным с учётом конкретного соотношения сил, продвижения Красной Армии и общего морально-политического климата в обстановке антифашистского подъёма. Восточная Европа всегда тянулась к сильному на данный исторический момент, а сильным в то время в ореоле победителя и освободителя выступал Советский Союз на фоне местных довоенных правящих элит, скомпрометированных сотрудничеством с фашизмом и ответственных за утерю национального суверенитета.

Не преуменьшая имеющиеся разногласия, в Москве в то же время были уверены, что их удастся преодолеть. 19 октября 1944 г. глава Советского правительства сообщал в Вашингтон об итогах состоявшихся в Москве переговоров с Черчиллем: «В беседах выяснилось, что мы без больших трудностей можем согласовать нашу политику по всем вставшим перед нами важным вопросам, а если мы и не можем еще обеспечить немедленное нужное решение той или иной задачи, как, например, по польскому вопросу, то тем не менее и здесь открываются более благоприятные перспективы. Я надеюсь на то, что эти московские беседы принесут пользу и в том отношении, что при будущей встрече нас троих мы сможем принять определенные решения по всем неотложным вопросам, представляющим для нас общий интерес»⁵.

Что касается партнеров Советского Союза по переговорам, то их цели определялись сложным переплетением отнюдь не альтруистических интересов и достаточно трезвой оценкой собственных возможностей в сложившейся обстановке. В исследовании американского конгресса отмечается, что у Рузвельта были две крупные цели: окончательно добиться советских обязательств о вступлении в войну на Дальнем Востоке и получить от Сталина окончательное согласие на создание Организации Объединенных Наций. Среди главных задач Черчилля, как подчеркивается там, было сохранение Британской империи «наряду с обеспечением устойчивого баланса сил на Европейском континенте путем возрождения Франции и Германии в качестве мощного противовеса Советскому Союзу».

Следует отметить, что американская и английская делегации при наличии существенных разногласий между собой, особенно по колониальным делам, нередко координировали свои действия и часто выступали единым фронтом. При этом Рузвельт проявлял куда большую гибкость, чем его английский коллега, и в большей мере старался учитывать советские интересы, что, разумеется, не мешало ему энергично отстаивать интересы США. Супруга президента Элеонора писала о настроениях своего мужа перед Крымской конференцией: «У Франклина были большие надежды на то, что на этой конференции он сможет добиться настоящего прогресса в укреплении личных отношений с маршалом Сталиным. Он знал, что переговоры неизбежно предполагали

определенные уступки и приобретения, но он умел хорошо торговаться, был превосходным игроком в покер и ему нравилась игра переговоров»⁶.

Активное участие в подготовке к предстоящим переговорам в Крыму принимал госдепартамент. По различным политическим вопросам, волнующим американскую дипломатию, были разработаны специальные рекомендации для президента так называемые «черные книги», которые излагали желательную позицию США и намечали возможные пути ее осуществления. Этим рекомендациям большей частью недоставало реализма, а поэтому «черные книги» были скептически встречены президентом. Член американской делегации Дж. Бирнс, как отмечает американский автор Р. Мессер, был удивлен тем, что президент до приезда в Крым «даже и не посмотрел на них». Рузвельт больше полагался на собственный дипломатический опыт, чувство ситуации и мнение ближайших помощников. Многие вопросы, как, например, предложение о создании чрезвычайной верховной комиссии для Европы (с целью возвращения эмигрантских буржуазных правительств в освобожденные государства, он даже не считал нужным поднимать на переговорах, видимо, заранее предвидя, что это предложение не будет принято советской стороной, которая выступала за право освобожденных народов самим решать вопрос о государственной власти.

Весьма сдержанно отнесся президент и к предложениям англичан наметить совместную тактику перед конференцией в Крыму в ходе встречи на Мальте. Дело ограничилось обсуждением военных вопросов между начальниками штабов. Черчиллю не удалось втянуть Рузвельта в политическую дискуссию, что вызвало крайнее неудовольствие английской стороны. В своем дневнике Иден записал, что он не смог даже «приблизиться к делу» в ходе запланированного рабочего ужина. «Я подошел позднее к Гарри Гопкинсу, — вспоминал Иден, — указывая, что нам предстояло участвовать в решающей конференции, а мы до сих пор не договорились ни о том, что будем обсуждать, ни о том, как вести себя с Медведем (так Иден именуется Советский Союз), который, конечно, знает, чего он хочет»⁷.

В ночь с 2 на 3 февраля 1945 г. с аэродрома Лука на Мальте с правильными десятиминутными интервалами поднимались в воздух транспортные самолеты в сопровождении эскорта истребителей, чтобы доставить в Крым около 700 человек — членов американской и английской делегаций, включая президента и премьер-министра. После торжественной встречи на аэродроме Саки под Симферополем оркестры исполнили государственные гимны западных союзных держав и «Интернационал» — высокие гости на автомобилях проследовали в отведенные им резиденции вблизи Ялты. Взору президента, следовавшего в головной машине вместе со своей дочерью Анной, предстали страшные следы двухлетнего хозяйничанья гитлеровцев в Крыму — сожженные села, исковерканная земля, брошенная врагом при

отступлении военная техника. До него начал доходить скрытый смысл настойчивости Сталина провести конференцию на советской земле. «Гарриман прав, — вспоминал он рассказы своего посла в Советском Союзе, — американцы и близко не представляют себе, во что обошлась война русским».

Военные вопросы заняли сравнительно мало места в работе конференции и были быстро согласованы уже на первом заседании 4 февраля после докладов начальников генеральных штабов трех держав. В основном речь шла о более тесной координации боевых действий союзников в Европе в преддверии капитуляции Германии. Советскому правительству была выражена «глубокая благодарность» за организацию наступления в связи с прорывом гитлеровцев на Западном фронте. В ответ было подчеркнуто, что «Советское правительство считало это своим долгом, долгом союзника, хотя у него не было формальных обязательств на этот счет». Это был урок верности союзническому долгу, преподанный тем, кто нередко им пренебрегал⁸.

Главное место на конференции заняли политические проблемы послевоенного урегулирования. В ходе беседы в Юсуповском дворце, где размещалась советская делегация, нарком иностранных дел В. М. Молотов сообщил Гарриману накануне открытия совещания, что советская сторона считала целесообразным начать его с обсуждения вопроса о Германии. Это не встретило возражений американцев и англичан. Второе заседание началось с обсуждения германской проблемы. Участники конференции подписались под заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира»⁹. На основе рекомендаций Европейской консультативной комиссии (ЕКК) был окончательно решен вопрос о зонах оккупации Германии. Франции была выделена зона из британской и американской частей, а также предоставлено право быть членом Контрольного совета по Германии.

Была достигнута договоренность о признании законных границ СССР, США и Англии пришлось безоговорочно признать советско-польскую границу, как она сложилась до начала войны. В решениях Ялтинской конференции было записано: «...Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши», что явилось уступкой советской стороны.

В связи с окончательным решением Советского Союза вступить в войну с Японией «через два-три месяца» после капитуляции Германии и окончания войны в Европе участниками конференции было подписано соответствующее соглашение с перечнем ряда условий. Оно предусматривало восстановление принадлежащих СССР территориальных прав, нару-

шанных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: возвращение Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней островов; передачу ему Курильских островов и решение ряда других важных вопросов.

Американские руководители исключительно высоко оценивали это соглашение, считая его «малой ценой» за советское обязательство начать военные действия на Дальнем Востоке. Имея в виду подписанное соглашение, член американской делегации адмирал Леги говорил Гарриману: «Это делает поездку стоящей того». Все последующие попытки американских авторов бросить тень на соглашение в целом или поставить под сомнение его отдельные положения не учитывают главного: в окружении Рузвельта господствовало твердое убеждение, что без участия Советского Союза победа в войне с Японией была крайне затруднена, а то и невозможна.

Интересно свидетельство на этот счет сменившего Хэлла на посту госсекретаря США Э. Стеттиниуса: «Я знал в Ялте, — писал он в своих воспоминаниях „Рузвельт и русские“, — например, о том огромном давлении, оказанном на президента нашими военными деятелями, с тем чтобы добиться вступления России в войну на Дальнем Востоке. В то время атомная бомба еще была неизвестной величиной, а наше поражение в битве на выступе было у всех свежо в памяти. Мы все еще не форсировали Рейн, Никто не знал ни того, как долго продлится европейская война, ни того, сколь великими окажутся потери».

На Ялтинской конференции было достигнуто соглашение по ключевому вопросу в деле создания Организации Объединенных Наций — о процедуре голосования в Совете Безопасности. Учредительную конференцию намечалось провести в конце апреля 1945 г. в Сан-Франциско. Были также урегулированы некоторые другие спорные проблемы, остававшиеся открытыми после переговоров представителей СССР, США и Великобритании на конференции в Думбартон-Оксе, проходившей с 21 августа по 28 сентября 1944 г. с целью разработки Устава ООН. Американская дипломатия вынуждена была отойти от своей позиции в вопросе о голосовании, подрывавшей принцип единогласия великих держав. 15 ноября 1944 г. Рузвельт на совещании с руководителями госдепартамента в Белом доме одобрил компромиссную формулу, в приемлемости которой он надеялся убедить Сталина. Кроме того, он боялся, что отсутствие «права вето» в определенной ситуации могло обернуться против Соединенных Штатов и вызвать возражение в конгрессе. В свете последующих десятилетий президент, ох, как оказался прав.

Однако предложенный президентом порядок голосования, предусматривавший разделение возникающих вопросов по их значимости, не встретил до конференции поддержки с советской стороны. 26 декабря 1944 г. глава Советского правительства сообщил в Вашингтон, что не может согласиться

с предложенной американской редакцией соответствующего пункта соглашения и настаивал на прежней советской позиции в вопросе о голосовании. В послании подчеркивалась важность соблюдения принципа единогласия великих держав и недопустимость отступления от него.

28 декабря Гарриман сообщал из Москвы в связи этим вопросом: «Анализируя реакцию Советов, следует иметь в виду, что после революции другие государства относились враждебно или подозрительно к ним или их целям. Хотя русские понимают, что их признают ныне как могущественную мировую державу, они все еще с недоверием относятся к скрытым мотивам большинства государств по отношению к ним. Тем самым у них нет уверенности, что члены Совета будут без предубеждения вести себя в спорах, которые могут затрагивать Советское правительство»¹⁰.

На Ялтинской конференции после продолжительной дискуссии был найден приемлемый компромисс. Советская делегация пошла навстречу американским предложениям, которые исходили из безусловного единогласия постоянных членов Совета Безопасности по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира, включая принятие экономических, политических и военных санкций, и допускали отступление от принципа единогласия при мирном урегулировании споров. Это была важная уступка с советской стороны. Советская делегация также сняла свое предложение об участии в ООН всех союзных республик и ограничилась двумя из них — Украиной и Белоруссией, что получило немедленную поддержку американской стороны (если бы в Кремле тогда знали о грядущем в далёком будущем распаде СССР).

Как и следовало ожидать, наибольшие споры в Ливадийском дворце разгорелись по вопросам политического устройства освобожденных европейских государств. Западные державы выступали за реставрацию довоенных режимов, СССР — за предоставление европейским народам права самим решать вопрос о государственном устройстве, что в той конкретной ситуации могло означать только приход к власти просоветских сил. При обсуждении «Декларации об освобожденной Европе» советская сторона, стремясь наполнить этот важнейший документ конкретным содержанием и тем самым устранить почву для разногласий при его претворении в жизнь, предложила включить в него положение о том, что в процессе налаживания мирной жизни освобожденных европейских народов «будет оказана поддержка политическим деятелям этих стран, принимавшим активное участие в борьбе против германской оккупации».

На первых порах эта поправка встретила поддержку президента Рузвельта, однако, обсудив этот вопрос с членами американской делегации, он отклонил советское предложение под тем предлогом, что оно якобы «не имело отношения к делу и являлось чуть ли не вмешательством» во внутренние дела

европейских народов. С советской стороны в связи с этим было подчеркнуто, «что у союзников не может быть одинакового отношения к тем, кто поддерживал немцев и кто боролся против них». Все же в интересах успешной работы конференции было решено эту поправку с обсуждения снять.

В то время, когда народы еще вели смертельную борьбу с фашизмом, руководители США хотели оставить себе «свободу рук» на будущее и предпочитали отделяться общими декларациями о «демократии» и «свободе», лишенными конкретного содержания. И все-таки в «Декларации об освобожденной Европе» благодаря усилиям советской дипломатии было зафиксировано принципиальное положение, гласившее, что установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору.

Большое место в работе Ялтинской конференции занял польский вопрос. Он затрагивался почти на всех пленарных заседаниях. При его обсуждении, по подсчетам Черчилля, было произнесено в общей сложности 18 тыс. слов (!), порой достаточно резких. Это и понятно, поскольку позиции сторон вначале были диаметрально противоположными. Инициатива в постановке польского вопроса целиком принадлежала западным союзникам, встревоженным переменами в Польше и ослаблением позиций своих ставленников. Их, прежде всего, волновал вопрос о власти. «Наиболее существенной частью польского вопроса, — подчеркнул Рузвельт на заседании 6 февраля, — является вопрос о создании постоянного правительства в Польше»¹¹. Вопреки сложившейся позднее легенде об «уступчивости» президента он не жалел сил, защищая польских довоенных политиков.

Вместе с Черчиллем Ф. Рузвельт попытался убедить советскую делегацию согласиться с такой «реорганизацией» Временного польского правительства, которая вернула бы к власти прозападных довоенных деятелей, подставивших Польшу под удар вермахта. В этих целях Рузвельт предлагал учредить президентский совет и поручить ему создание нового правительства. Он настаивал на осуществлении контроля за выборами в Польше со стороны послов трех держав и считал «мало оправданным» перенесение польской границы на Западную Нейсе и т.д.

Эти попытки вершить делами Польши встретили решительный протест советской стороны. Временами могло показаться, что речь идет не о соседнем Советскому Союзу государстве, а о какой-нибудь центрально-американской республике, где США привыкли хозяйничать по своему усмотрению. Глава советской делегации высказался в пользу того, чтобы не мешать полякам самим решать свои внутренние дела, не навязывать им чужую волю. Он также настойчиво подчеркивал, что с Польшей связаны важнейшие

стратегические интересы Советского государства, вопросы его безопасности. «Вот почему, — заявил он, — Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши». Хотя Сталин вел себя сдержанно, сила, тем не менее, была на его стороне. Судя по всему, он хотел переиграть историю и думал о том, как сделать Польшу союзником в послевоенное время на случай новой германской угрозы совсем в духе теории «баланса сил».

Твердая позиция, занятая советской делегацией, видимо, произвела должное впечатление на президента. Думается, он не мог не почувствовать собственную непоследовательность: высказываясь за создание дружественной Советскому Союзу Польши, он в то же время оказывал поддержку русофобски настроенным польским эмигрантам, мечтавшим лишь о возрождении старой «санационной» Польши и отказывавшимся признать советско-польскую границу 1939 г. Обстановка на конференции в связи с польским вопросом заметно накалилась. Перспектива оказаться в тупике не прельщала Рузвельта. Он понимал необходимость компромисса. 6 февраля президент направил И. В. Сталину специальное послание по польскому вопросу: «Я исполнен решимости, — писал он, — не допустить раскола между нами и Советским Союзом. Наверняка имеется способ примирить наши разногласия»¹², — говорилось в нём.

В результате длительной и терпеливой дипломатической работы такой «способ» был найден. Достигнутая договоренность в отношении Польши гласила, что действующее Временное польское правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это решение дало возможность польскому народу самому определить свою дальнейшую судьбу. Советский Союз и в этом, жизненно важном для него вопросе проявил максимум конструктивности, стремление достигнуть соглашения с союзниками.

Позднее в США раздавалось немало нареканий в адрес Рузвельта в связи с достигнутой договоренностью по польскому вопросу. Ее считали большой уступкой Советскому Союзу. Даже в тот момент не все в американской делегации понимали своего президента. Когда адмирал Леги заикнулся о том, что формула в отношении Польши явилась уж больно «эластичной», Рузвельт раздраженно оборвал его: «Я знаю, Билл, я знаю, но это самое большое, что я могу сделать для Польши в настоящее время». Реальности оставались реальностями, и от них некуда было деться. Американская исследовательница П. Уорд отмечает, что «по сути дела, Рузвельт сам не был удовлетворен достигнутым в Ялте соглашением о Польше, но он считал, что это был наилучший компромисс, который мог быть достигнут в то время»¹³.

Остается сказать несколько слов о том, как решалась репарационная проблема. Советский Союз, потерпевший колоссальный ущерб от фашистских аг-

рессоров, имел полное право компенсировать за счет репараций хотя бы малую толику того, что было разрушено и уничтожено врагом. Одновременно СССР, выдвигая свои требования, стремился подчеркнуть, что агрессия не может пройти безнаказанно. Однако усилиями западных партнеров этот вопрос был превращен в предмет недостойного политического торга. Думая только о том, как бы не ослабить послевоенную Германию в качестве нового «оплота против большевизма», Черчилль под различными предложениями отказывался зафиксировать в протоколе точную сумму германских репараций, предложенную советской делегацией. Рузвельт вначале поддержал его в этом.

Дело в том, что президент явно преувеличивал значение германских репараций для послевоенного восстановления Советского Союза, в котором США намеревались принять участие и думали лишь о том, как сделать это повыгоднее для себя. Примечательно, что на самой конференции американская делегация не стала затрагивать вопрос о долгосрочном кредите на 6 млрд. дол., поставленный Советским правительством 3 января 1945 г., видимо, ожидая каких-то «встречных шагов», а проще говоря, политических уступок с советской стороны. Во всяком случае, когда 5 февраля на обеде в Юсуповском дворце, устроенном для министров иностранных дел, В. М. Молотов напомнил Стеттиниусу о советских предложениях, тот уклончиво ответил, что готов обсудить проблему кредитования советских заказов в любое время. Однако дальше этого дело не пошло.

Правда, во время одного из банкетов в Ливадийском дворце между Ф. Рузвельтом и И. В. Сталиным состоялся на первый взгляд шуточный и вместе с тем весьма примечательный разговор. Президент, отдав должное высокому качеству советского шампанского, высказался в том духе, что ему следовало бы выпить из Москвы 500 бутылок. На это глава Советского правительства иронически заметил, что он мог бы «отпустить» этот товар президенту на основе долгосрочного кредита с рассрочкой на 30 лет — как раз на тот срок, о котором шла речь в советском предложении от 3 января 1945 г. Намек был достаточно прозрачен и, должно быть, не остался незамеченным.

Имеется прямое указание на то, что Рузвельт увязывал германские репарации с послевоенным восстановлением СССР. На заседании 5 февраля, когда началось обсуждение репарационной проблемы, он заявил, что очень надеется, что будет возможно восстановить все разрушенное в Советском Союзе, но сомневается в том, что удастся покрыть весь ущерб за счет репараций. Недосказанной, видимо, осталась мысль о том, что чем меньше получит СССР в счет репараций, тем больше будет его заинтересованность в американских кредитах со всеми вытекающими отсюда политическими преимуществами для Соединенных Штатов.

Отсюда вполне понятна первоначальная несогласованность Рузвельта в репарационном вопросе, имевшая место до тех пор, пока в дело не вмешался

Гопкинс, увидевший, что игра зашла слишком далеко и грозила осложнением отношений с Советским Союзом. 10 февраля он направил президенту свою известную записку, в которой говорилось: «Русские и так уступили слишком много на этой конференции, и я думаю, что мы не должны их подводить, пусть англичане не соглашаются и, если они того хотят, продолжают не соглашаться в Москве. Просто скажите, что все это передается в репарационную комиссию вместе с протоколом, в котором зафиксировано несогласие англичан на любое упоминание цифры в 10 млрд. дол.»¹⁴.

В конечном счёте, так и было сделано. В подписанном протоколе указывалось, что советская и американская делегации согласились передать вопрос в Московскую комиссию по репарациям, которая в качестве базы для обсуждения будет исходить из советского предложения об общей сумме репараций с Германии в 20 млрд. долл. с правом получения Советским Союзом 50% от этой суммы. Англичане отказались зафиксировать точную цифру репарации. Похоже, Черчилль уже тогда начал разыгрывать новый европейский «баланс сил», в котором послевоенной Германии предназначалось не последнее место.

Ялтинская конференция явилась наиболее ярким выражением отношений сотрудничества СССР, США и Великобритании в годы войны. Более того, она открывала реальные перспективы для продолжения этого сотрудничества в мирное время. Последний раздел подписанного в Крыму коммюнике так и назывался: «Единство в организации мира, как и в ведении войны». Следует со всей определенностью подчеркнуть, что все шаги советских представителей на конференции, в том числе и готовность пойти навстречу союзникам в отдельных вопросах, сверялись с главной задачей, поставленной перед советской внешней политикой: добиться развития стабильных и устойчивых отношений в послевоенное время с главными капиталистическими державами — союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. Эти планы имели мало общего с приписываемым Советскому Союзу стремлением к разжиганию «холодной войны».

8 февраля на обеде в Юсуповском дворце, устроенном советской делегацией, ее глава произнес тост. Он говорил о том, что было нетрудно крепить единство во время войны, так как существовала общая решимость нанести поражение врагу. Гораздо труднее сделать это после войны, когда различные интересы начинали разделять союзников. И. В. Сталин выразил надежду, что нынешний союз выдержит и это испытание и что долг руководителей трех держав позаботиться о том, чтобы отношения между ними в мирное время оставались столь же крепкими, как и во время войны.

Действия советской дипломатии на конференции, проявленные ими гибкость, целеустремленность, конструктивный подход получили высокую оценку западных участников переговоров. Постоянный

заместитель министра иностранных дел Великобритании А. Кадоган отмечал в личном письме: «Я думаю, что дядя Джо (так в политических кругах Запада называли И. В. Сталина. — А. Б.) производит самое сильное впечатление. Президент славословил, а премьер-министр распалялся, но Джо просто внимал всему этому с чувством некоторого упоения. Когда же он вступал в разговор, то никогда не тратил слова попусту, а говорил только по делу». В другом письме Кадоган писал: «Я никогда не видел русских столь доступными и сговорчивыми»¹⁵.

По оценке государственного секретаря США Э. Стеттиниуса, эта конференция «явилась самой важной встречей руководителей Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов во время войны», в ходе которой «впервые три лидера достигли фундаментальных договоренностей по послевоенным проблемам в отличие от обычных заявлений о целях и намерениях».

Ялтинская конференция явилась классическим примером торжества принципа взаимности в международных отношениях, готовности сторон пойти на взаимоприемлемые уступки и компромиссы во имя прочного сотрудничества и взаимопонимания на будущее. В ее решениях нашли свое закрепление исторические итоги Второй мировой войны, колоссальные последствия победы над фашизмом для судеб человечества, что, по словам американского автора Дж. Хэккера, «оказало воздействие на международные отношения на десятилетия вперед».

Итоги Крымской конференции были встречены с огромным воодушевлением в странах антигитлеровской коалиции. Советская общественность приветствовала их как историческую демонстрацию тесного боевого сотрудничества союзных держав в период, когда война вступила в свою заключительную фазу. Говоря о результатах проделанной работы в Крыму, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков вспоминал, как Сталин делился с ним впечатлениями о Ялтинской конференции. И чувствовалось, что он остался доволен ее результатами и, по словам Маршалла, очень хорошо отзывался о Ф. Рузвельте.

Решения конференции были встречены с одобрением английской и американской общественностью. Пресса указывала на их деловой и конструктивный характер, высокую результативность. Английское посольство в Вашингтоне отмечало: «Ялтинское коммюнике вызвало исключительно благоприятную первую реакцию... Нет сомнения, что Ялта оказала по-настоящему позитивное воздействие на американское общественное мнение. Хотя первоначальный энтузиазм уступил место более углубленной и трезвой оценке достигнутого на конференции, главное в этой оценке сохраняется»¹⁶.

В решениях состоявшейся в Крыму встречи «большой тройки» нашли выражение антифашистские настроения народных масс, их надежды на мирное послевоенное будущее. Возросшее влияние

Советского государства в международных делах, активность его дипломатии обеспечивали послевоенному мирному урегулированию долговременный устойчивый характер. На том этапе договаривающиеся стороны понимали, что следовало поступиться в отдельных случаях своими интересами ради достижения более высоких целей.

Решения Ялтинской и Потсдамской конференций составляют единое целое, объединены общим смыслом подвести черту кровопролитной войне, закрепить победу над фашизмом и заложить прочный фундамент послевоенного мира. Именно в этом направлении шли усилия советской внешней политики.

Речь шла о том, чтобы, учитывая печальную память опыт Версальского урегулирования, обеспечить не кратковременную мирную передышку — преддверие новой мировой войны, а добиться по-настоящему прочного и стабильного мира на десятилетия вперед. Особое значение имел тот факт, что человечество вступало в ядерный век, когда проблемы войны и мира, международной безопасности приобретали исключительную остроту.

Финал в Потсдаме

Между Ялтинской и Потсдамской конференция пролегал отрезок времени менее чем в полгода, но этот короткий период был до предела насыщен крупнейшими историческими событиями. Под мощными ударами Советской Армии и войск союзников, высадившихся в июне 1944 г. в Нормандии, рухнул «тысячелетний» третий рейх, германский фашизм был стерт с лица земли. Советский Союз, верный взятым на себя обязательствам, готовился вступить в войну с милитаристской Японией. На заключительном этапе Второй мировой войны в полной мере проявилась решающая роль советского народа и его Вооруженных Сил в разгроме агрессоров.

Важным фактором победы над фашизмом явилось объединение государств с различным социальным строем, прежде всего СССР, США и Великобритании, в единую антигитлеровскую коалицию, выдержавшую все испытания военного времени и доказавшую свое неизмеримое превосходство над блоком агрессоров. Все расчеты гитлеровцев на «раскол» между союзниками по мере вступления их войск в Германию, как и все предпринятые ими попытки вбить клин между ними дипломатическими средствами, оказались, в конечном счете, безуспешными. Игра на антикоммунизме правящих кругов США и Великобритании, на присущем им классовом страхе перед «большевизацией» Европы не достигла цели. Второго издания «мюнхенской политики» после всех бедствий войны, обрушенных нацистским режимом на народные массы, не получилось.

25 апреля 1945 г. состоялась историческая встреча советских и американских войск на Эльбе в центре Германии, вошедшая в историю как символ боевого единства народов СССР и США в борьбе с фашизмом.

В тот же день на другом полушарии, в Сан-Франциско, начала свою работу представительная конференция Объединенных Наций, созданная с высокой целью «избавления грядущих поколений от бедствий войны» и создания международной организации по обеспечению мира и безопасности народов. В Берлине еще гремели последние уличные бои, а помыслы всех людей мира были уже устремлены в послевоенное будущее. Павшие завещали живым крепить послевоенный мир, не допустить повторения трагедии мировой войны.

Чем ближе был конец войны, тем откровеннее проявлялись своекорыстные цели и интересы западных союзников, которые, следуя классическим канонам всех победителей, вынашивали далеко идущие планы передела мира в свою пользу за счет побежденных и ослабленных войной государств. Особой наступательностью отличалась послевоенная программа так называемого «американского века», выдвинутая политической элитой США.

Многое в это сложное переходное время на рубеже войны и мира зависело от государственных деятелей их политической мудрости, чувства ответственности и реализма, дальновидности и дипломатического опыта. Что касается западных союзников по антигитлеровской коалиции, то этими качествами в значительной степени обладал такой дальновидный буржуазный политик, каким был президент США Ф. Рузвельт. Ялтинская конференция укрепила его в мысли, что советско-американское сотрудничество должно стать основой международной стабильности после войны и что ради этой высокой цели стоило проявлять сдержанность в отношениях с Советским Союзом и искать взаимоприемлемые пути преодоления возникающих разногласий. «Политик высокого класса, — отмечает биограф президента Дж. Хэккер, — Рузвельт признавал необходимость приспособления и перемен». Политика для него была «искусством возможного». Как-то он задумчиво спросил одного из своих сотрудников: «Вы знаете почему президент Абрахам Линкольн нередко выглядел грустным? Потому что он знал, что криками с крыши многого не добьешься»¹⁷.

Смерть Рузвельта 12 апреля 1945 г. и приход к власти его преемника — Г. Трумэна, консервативного политического деятеля, тесно связанного с военно-промышленными кругами США, ускорили поворот во внешней политике США в сторону конфронтации с Советским Союзом и отказа от сотрудничества с ним. Трумэн выражал политическую философию тех кругов в США, которые считали, что «Америка должна стать старшим собратом в сообществе наций». Это означало, что к концу войны в правящих кругах США все большее влияние приобретали идеи американского всемогущества и вседозволенности, происходила опасная переоценка собственных сил и недооценка возможностей других, открыто выдвигались претензии на мировое лидерство.

В связи с деятельностью Трумэна большой интерес представляет телеграмма посла СССР в США А. А. Громыко в НКВД от 21 апреля 1945 г. с анализом происшедших в Вашингтоне перемен. Посол обращал внимание руководства на важное обстоятельство: «...Трумэн, который как политическая фигура несравненно слабее Рузвельта и который находится в большей степени под влиянием консервативных политических кругов США, чем Рузвельт, не может не предпринять каких-либо шагов в области внешней политики, могущих нанести ущерб союзному сотрудничеству, как и в целом сотрудничеству в международном масштабе. Полной уверенности в том, что Трумэн не пойдет по важнейшим вопросам внешней политики на уступку изоляционистам и реакционерам-антисоветчикам типа Гувера, Ванденберга, Уиллера, Тафта и других, не может быть»¹⁸.

Ближайшие события в апреле–мае 1945 г. подтвердили прогноз советского посла. Новый президент, побуждаемый правыми политическими деятелями США, попытался взять «решительный тон» в отношениях с Советским Союзом. Однако реальное соотношение сил не благоприятствовало замыслам Белого дома. СССР успешно завершил военные действия в Европе, а США все еще воевали с Японией, рассчитывая на помощь Советского Союза. Предстояло урегулировать сложных европейских проблем, где без взаимопонимания с СССР трудно было рассчитывать на успех с учётом того обстоятельства, что Красная Армия стояла в центре Европы. Пришлось дать отбой, направив в конце мая в Москву Г. Гопкинса ближайшего соратника покойного президента Рузвельта, который, как хорошо знали в Вашингтоне, пользовался доверием советского руководства и мог выправить наметившийся крен в советско-американских отношениях.

В ходе этого визита и была достигнута окончательная договоренность о проведении новой конференции руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании. Вот что говорится в советской записи беседы о встрече в Кремле, состоявшейся 26 мая 1945 г. между главой Советского правительства и представителем президента Трумэна: «Гопкинс говорит, что по пути на родину Рузвельт много говорил о Крымской конференции и о встрече с маршалом Сталиным. Рузвельт был уверен в возможности сотрудничества между Соединенными Штатами и Советским Союзом в мирное время в такой же степени, как это было во время войны. Рузвельт отзывался с большим уважением о маршале Сталине и заранее радовался следующей встрече после победы над Германией. Он говорил о Берлине как о месте следующей встречи»¹⁹.

Согласование места проведения последней конференции союзников в годы войны не вызвало больших осложнений. Естественно было подвести черту войне в столице поверженного третьего рейха и договориться о сотрудничестве на будущее. Правда, Трумэн в близком кругу высказывал мысль о желательности

приезда Сталина в США, но вовремя отказался от этой тщеславной затеи. «Президент сказал, — говорилось в ходе одного совещания в Белом доме, — что ему не нравился выбор места встречи в Германии, так как он считал, что на этот раз Сталин должен был прибыть к нам, и он имел в виду в качестве возможного места встречи Аляску...»²⁰. Разумеется, дальше обсуждений «в тесном семейном кругу» дело не пошло...

Поскольку Берлин был сильно разрушен в результате бессмысленного сопротивления нацистов в последние дни войны, то выбор пал на расположенный поблизости от него старинный Потсдам. Пока советские военные власти подготавливали для предстоящих переговоров хорошо сохранившийся на окраине Потсдама дворец Цецилиенхоф, в Москве, в Вашингтоне и в Лондоне развернулась активная подготовка к конференции.

Летом 1945 г. в преддверии встречи в Потсдаме отношения между СССР, США и Великобританией заметно улучшились. Сказались результаты переговоров Г. Гопкинса в Москве, проявленное им чувство реализма. Советское правительство высоко оценило возрождение традиций рузвельтовской дипломатии и было готово идти по пути сотрудничества с США. Чувство нескрываемого облегчения испытывали и в Белом доме. В своем дневнике президент Трумэн сделал следующую запись об итогах переговоров в Кремле: «Гопкинс хорошо поработал в Москве... Во всяком случае мы находимся сейчас в лучшем положении с точки зрения мирной конференции, чем раньше».

После переговоров в Москве успешно завершилось формирование Временного польского правительства национального единства, с которым в начале июля 1945 г. США и Великобритания установили дипломатические отношения. При поддержке Советского Союза верх одержала компромиссная формула, учитывавшая интересы сторон расколотого войной польского общества. Между Москвой и Вашингтоном после известной напряженности был согласован вопрос об отводе американских войск из Саксонии и Тюрингии, входивших в советскую зону оккупации. Присутствие там американских войск госдепартамент первоначально намеревался использовать в качестве «рычага давления» на Советский Союз при решении других вопросов. После изрядных колебаний Трумэн все-таки проявил благоразумие и не пошел в этом обоюдоостром вопросе на поводу провокационных подсказок Черчилля. Как отмечал американский дипломат Ч. Болен, «он стремился успокоить Советы и отверг подход Черчилля в духе силовой дипломатии».

26 июня подписанием Устава Организации Объединенных Наций закончилась конференция в Сан-Франциско. Советская дипломатия отстояла решения, принятые в Думбартон-Оксе и в Крыму, и не допустила ослабления ООН на последнем этапе ее создания. В беседе с Иденом, состоявшейся 16 июля 1945 г. в Потсдаме, нарком иностранных дел СССР

отмечал, что «по его мнению, конференция прошла хорошо. Конечно, были трудности и задержки, но было бы невозможно ожидать, что конференция могла бы обойтись без них»²¹.

А дипломатический горизонт заволакивали уже новые тучи, США не желали примириться с революционными преобразованиями в странах Восточной Европы и выпадением власти из рук довоенной элиты. Американские представители в восточноевропейских странах — Барнс Берри, Робертсон, Шенфельд, Штейнгардт, Лейн и другие — в искаженном свете представляли события «на местах», поддерживали тесные связи с непопулярными силами, включая коллаборационистских деятелей, и настойчиво искали пути для реставрации старых порядков. В своих донесениях в Вашингтон они утверждали, что Советский Союз якобы «порвал» с Ялтинскими соглашениями и встал на путь односторонних действий.

В Вашингтоне думали о том, как бы ущемить политические интересы восточноевропейских стран, заставить их отказаться от демократических преобразований и установления добрососедских отношений с Советским Союзом. Особенно сильному нажиму со стороны США подвергались бывшие союзники гитлеровской Германии — Болгария, Румыния и Венгрия. Американская дипломатия отказалась установить с ними дипломатические отношения, как предлагало Советское правительство, и отложила решение этого вопроса до конференции. Со стороны США была также предпринята попытка ущемить права Югославии в отношении территории Истрия — Триест.

Одновременно в Вашингтоне изыскивались новые способы оказания давления на Советский Союз в восточноевропейских делах. На передний план выдвигалась проблема репараций. Не случайно президент Трумэн отказался передать до предстоящей конференции причитающуюся Советскому Союзу часть германского военного и торгового флота. Из-за обструкционистской позиции американского представителя Э. Поули — крупного калифорнийского нефтепромышленника — в созданной ялтинскими решениями репарационной комиссии в Москве проблема репараций зашла в тупик: 37 заседаний комиссии закончились безрезультатно. Один из членов американской делегации отмечал, что первые шаги Поули ясно показали Советам, что в действительности его предложения преследовали цель ревизовать ялтинские договоренности.

Эти и другие проблемы европейского урегулирования, в центре которых находился германский вопрос, и предстояло разрешить на Берлинской (Потсдамской) конференции, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г. Американские авторы, как правило, изображают эту конференцию эдакой «бесплодной международной встречей», якобы возвестившей начало «холодной войны» и «узаконившей» раскол «великой коалиции». По их мнению, Потсдамская конференция подводила черту межсоюзническому сотрудничеству военных лет,

а не открывала двери в будущее. Это в корне ложная мысль, преследующая цель обосновать тезис о «неизбежности холодной войны». Конечно, встреча в Потсдаме отличалась от предшествующих встреч «большой тройки» в годы войны. Отличалась, прежде всего, по своему духу, настроениям ее участников, атмосфере переговоров и т.д. Не было той степени дружелюбия и доверия, которыми были отмечены переговоры в Тегеране и в Ялте. Об атмосфере «одной большой семьи», используя известные слова Рузвельта, сказанные в Ялте, говорить не приходилось, хотя внешне все обстояло достаточно благополучно.

Причины кроются прежде всего в изменившемся характере международной обстановки после завершения европейской войны, возобладании правых тенденций в политике США и Великобритании, а также в ряде субъективных факторов. Советской дипломатии пришлось иметь дело с новыми западными деятелями. Рузвельта с его широким политическим кругозором, умеющего реально мыслить и самостоятельно принимать решения, не было в живых. Новый президент вел переговоры по шпаргалке, подготовленной госдепартаментом, и, будучи сам сторонником конфронтации с Советским Союзом, больше всего опасался как бы «не уступить чего лишнего». В середине переговоров конференцию покинул Черчилль, потерпевший поражение на выборах и оскорбленный «неблагодарностью» английского народа. Именно в этот момент он произнёс в запальчивости ставшие известными слова: «После войны гигантов началась война пигмеев». Имел ли он в виду одного Клементы Эттли, сменившего его на посту премьер-министра?

К тому же советской дипломатии пришлось столкнуться на конференции с объединенным англо-американским фронтом практически по всем обсуждавшимся вопросам, чего в такой степени раньше не было. Конференция была отмечена жестким дипломатическим торгом со стороны западных союзников. Так, американская делегация широко осуществляла практику «увязывания» различных вопросов, порой не имевших ничего общего между собой, добиваясь для себя максимально выгодных решений за счет интересов партнера.

В подготовленном для президента Трумэна 19 июля военным министром Стимсоном меморандуме «Размышления об основных проблемах, которые стоят перед нами» отвергалась возможность сотрудничества США с Советским Союзом ввиду «фундаментальных различий» в общественных системах двух государств и высказывалась мысль о необходимости коренных «перемен» в советском строе в качестве неперемного условия осуществления такого сотрудничества²². Это было, по существу, возрождение политической философии правящих кругов США периода непризнания Советского государства, от которой в 1933 г. предпочел отказаться президент Рузвельт и которая получила после войны второе рождение в доктрине «сдерживания коммунизма».

И все-таки, несмотря на увеличившиеся сложности в переговорах, неправомерно было бы говорить, как это делают некоторые авторы, что конференция проходила в духе «конфронтации» и «холодной войны». Верно, что соглашение давалось с трудом, но оно все-таки достигалось. Советской дипломатии приходилось затрачивать немалые усилия, проявлять максимум выдержки и терпения, чтобы довести переговоры до благополучного исхода.

Глава советской делегации проявлял неизменное хладнокровие и выдержку, что было отмечено и американской стороной. «В Тегеране, в Ялте и в Потсдаме и в течение 10 дней, когда я видел его во время визита Гопкинса весной 1945 г., — писал в своих воспоминаниях американский дипломат Чарльз Болен, — поведение Сталина было безупречным. Он был терпелив, умел внимательно слушать, всегда спокоен, как выражением лица, так и манерой держаться... Он всегда был вежлив и склонен сдержанно формулировать свои мысли». Добавим, что в Потсдаме это, видимо, давалось особенно нелегко, учитывая участвовавшие посягательства западных партнеров на советские интересы, чему приходилось давать отпор.

Состоявшаяся в ответственный переходный период от войны к миру, Потсдамская конференция впоследствии не случайно подверглась столь грубой фальсификации на Западе. Наряду с ложным толкованием ее общего значения грубо искажаются цели Советского Союза на переговорах. Американские авторы, как правило, сводят их к частным вопросам. Так, Де Сантис, например, утверждает, что Сталин был прежде всего заинтересован в германских репарациях, которые могли существенно облегчить тяжесть послевоенного советского восстановления и предотвратить возрождение мощного германского государства.

На самом деле, как показывает внимательный анализ протоколов заседаний конференции, эта цель не выдвигалась с советской стороны в разряд первоочередных, поскольку Советское правительство не связывало напрямую с проблемой репарации планы восстановления страны или задачу образования миролюбивого германского государства.

Делегация СССР в Потсдаме отстаивала широкие политические цели, связанные как с подведением итогов войны и прежде всего окончательным решением германской проблемы, так и с продолжением процесса создания прочного фундамента послевоенного мира, начатого в Ялте. Как отмечал маршал Г.К. Жуков, «советская делегация прибыла в Потсдам с твердым намерением достигнуть взаимно согласованной политики по урегулированию послевоенных проблем в интересах мира и безопасности народов и создания условий, при которых исключалось бы возрождение германского милитаризма и повторение его агрессии»²³.

Советский Союз рассматривал эту конференцию не как «начало конфронтации» с Западом, а как важный шаг к упрочению послевоенного сотрудничества с западными державами и укреплению на этой основе

международной стабильности. При этом с советской стороны также имелось намерение установить с новым американским президентом столь же доверительные деловые отношения, как и с его предшественником. В том, что этого не удалось достичь, не вина советских руководителей.

Примером того, что Советский Союз продолжал выступать в духе сотрудничества, может служить внимание, проявленное с советской стороны к волнующим США проблемам, и прежде всего к вопросу вступления СССР в войну с Японией. 16 июля, т.е. накануне официального открытия конференции, И. В. Сталин позвонил из Потсдама в штаб советских дальневосточных войск близ Читы, маршалу А. М. Василевскому. Советское командование, точно выполняя принятые в Ялте обязательства, готовилось вступить в войну с Японией. Сталина интересовали ход подготовки операции и возможность переноса сроков наступления на десять дней вперед. Маршал Василевский, командующий советскими войсками на Дальнем Востоке, сославшись на большие организационные трудности, ответил отрицательно и просил не менять первоначальный план. Смирившись с военной необходимостью, Сталин согласился оставить все без изменений. Хотя Верховный Главнокомандующий воздержался от разъяснения мотивов, вызвавших его вопрос, маршал Василевский заключил, что он руководствовался «общими военно-политическими соображениями и сведениями о том, что на конференции американско-английские делегаты вновь будут настаивать на скорейшем вступлении Советского Союза в войну против Японии»²⁴.

Что бы ни писали позднее американские авторы, как бы ни пытались они принизить роль Советского Союза в разгроме милитаристской Японии, остается фактом, что летом 1945 г., даже после испытаний «большой бомбы», как именовали атомное оружие в Вашингтоне, американские руководители продолжали возлагать большие надежды на вступление СССР в войну на Дальнем Востоке. «Было много причин для моей поездки в Потсдам, — отмечал президент Трумэн, — но наиболее важная, на мой взгляд, заключалась в том, чтобы добиться от Сталина личного подтверждения вступления России в войну против Японии, чему придавали исключительное значение наши военные руководители». При первой же встрече с главой советской делегации в Потсдаме Трумэн сказал, что «США ожидают помощи от Советского Союза» в этом вопросе. Получив от И. В. Сталина утвердительный ответ, Трумэн в тот же день записал в своем дневнике: «Конец япошкам, когда это произойдет»²⁵.

Американская дипломатия тщательно готовилась к предстоящей конференции, изучая «слабые места» Советского Союза и запасаясь различными «козырями» против него. Можно сказать, что в Потсдаме США попытались, хотя и безуспешно, вести переговоры «с позиции силы», открывая тем самым эру «атомной дипломатии», политики «атомного шан-

тажа», окрасивших в мрачные тона послевоенные международные отношения. Главная ставка с американской стороны была сделана на приуроченное ко дню открытия Потсдамской конференции испытание нового «сверхоружия» — атомного. Не случайно спустя пять лет после конференции Трумэн окрестил ее «встречей под сенью атомной бомбы».

Несмотря на рекомендации своих ближайших советников, а также предложения Черчилля провести встречу «большой тройки» как можно быстрее, пока американские войска еще занимали в Европе выгодные позиции, президент сознательно тянул с созывом Потсдамской конференции, с нетерпением дожидаясь вестей с базы ВВС в Аламогордо в штате Нью-Мексико, где готовилось к испытанию первое атомное устройство. «Мой папа оттягивал начало работы конференции, потому что он хотел провести ее после того, как будет испытана атомная бомба», — признавала позднее дочь президента Маргарет²⁶.

Однако Потсдамская конференция, несмотря на все подготовительные усилия Белого дома и госдепартамента, пошла не по американскому сценарию. Глава делегации США вынужден был быстро поубавить свою самоуверенность. Это проявилось уже в ходе первой встречи главы Советского правительства с президентом США в день открытия конференции, 17 июля. Трумэн в ходе беседы подчеркнул, что он очень рад встрече с генералиссимусом Сталиным, с которым он хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина были с президентом Рузвельтом. На это было сказано, что со стороны Советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США». При этом реалистически подчеркивалось, что без трудностей не обойтись и что важнее всего желание найти общий язык.

Проявляя конструктивный подход к рассматриваемым проблемам, советская делегация стремилась на практике «найти общий язык» с партнерами по переговорам. Основная дипломатическая борьба развернулась вокруг будущего европейских народов, в частности по вопросу заключения мирных договоров с Болгарией, Венгрией, Румынией и нормализации их международного положения, проблемы репараций, определения.

Не вдаваясь здесь во все перипетии дипломатических баталий во дворце Цецилиенхоф, справедливости ради следует сказать, что глава американской делегации проявлял более реалистический подход, чем премьер-министр Черчилль, охваченный страхом перед Советским Союзом и желанием восстановить разрушенный войной «баланс сил» в Европе. К этому времени Черчилль — активный застрельщик «холодной войны» — пустил в ход подхваченную им из пропагандистского арсенала нацистов ложь о «железном занавесе», который якобы опустился над европейскими странами в результате продвижения Советской Армии. На переговорах он вел себя непримиримо и воинственно, вступая в полемику по каждому поводу.

Кроме желания использовать к своей выгоде американско-советские разногласия, сказывалось и желание Черчилля оказать влияние на приближающиеся первые послевоенные выборы, которые премьер-министр рассчитывал провести в обстановке военной истерии и нагнетания антисоветских страхов, недооценивая усталость английского народа. В информации из Лондона накануне конференции советский посол Ф. Т. Гусев указывал, что «для Черчилля война является его родной стихией, что в условиях войны он чувствует себя значительно лучше, чем в условиях мирного времени».

Как сообщал в НКВД посол, в ходе состоявшейся с ним беседы премьер-министр вел себя вызывающе и говорил в ультимативном тоне. «Одно из двух, — категорично заявил Черчилль, — или мы сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый мир будет противостоять советскому миру и сейчас трудно предвидеть возможные результаты, если события будут развиваться по второму пути»²⁷. Это была программа, как оказалось, на ближайшие полвека. Можно сказать, репетиция будущей Фултонской речи.

Однако американская и английская делегации вынуждены были в конце концов отойти от ранее занятых «жестких» позиций и принять компромиссные решения по наиболее острым вопросам повестки дня. В свою очередь советская делегация добилась защиты национальных интересов восточноевропейских стран ценой отдельных уступок западным партнерам в репарационной проблеме и других вопросах. Маршал Жуков отмечал, что И. В. Сталин был крайне щепетилен в отношении малейших попыток делегаций США и Англии решать вопросы в ущерб Польше, Чехословакии, Венгрии и германскому народу. Советский Союз, принеся народам Центральной и Юго-Восточной Европы освобождение от фашистского порабощения, помогал им занять достойное место в международном сообществе, не забывая при этом и о собственных интересах.

Американская дипломатия, строившая свою тактику с учетом «особой заинтересованности» СССР в решении репарационной проблемы, так и не смогла подняться до понимания подлинных целей советской дипломатии на конференции. На деле Советский Союз отводил германским репарациям более чем скромное место в деле восстановления советской экономики. «Мы потеряли очень много оборудования в этой войне, страшно много, — говорил на заседании 31 июля И. В. Сталин. — Надо хоть одну двадцатую часть возместить»²⁸. Напрасно ожидала на конференции американская делегация обращений с советской стороны за «экономической помощью» к США. В деле восстановления страны, как и в ходе недавнего отпора агрессору, советскому народу пришлось полагаться прежде всего на собственные силы.

Конференция в Потсдаме завершилась историческими решениями, явившимися наглядным под-

тверждением жизненной силы способности великих держав находить пути урегулирования самых сложных; международных проблем не только во время войны, но и в условиях мира. Победа Советского Союза над фашистской Германией была столь убедительной, его международный авторитет столь велик, что правящие круги США и Англии вынуждены были пойти на согласованные решения, которых ждали народы. Это прежде всего и обеспечило успех Потсдамской конференции.

Большое значение для судеб Европы и всего мира имела достигнутая участниками конференции договоренность о том, что «германский милитаризм и нацизм будут искоренены» и что в будущем будут приняты другие меры, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире. Была согласована цель «окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе».

Что касается вопроса о германских репарациях, то из-за бескомпромиссной позиции, занятой американской и английской делегациями, советская сторона была вынуждена согласиться с получением их главным образом из своей зоны оккупации, хотя это и противоречило согласованной политике отношения к Германии как к единому целому. Так с американской стороны, отмечал американский историк; Д. Ерджин, был сделан «значительный шаг к расколу Германии».

Отстаивая экономические и территориальные интересы СССР, советская делегация добилась решения вопроса о передаче Советскому Союзу трети германского военного и торгового флота, который представители США и Великобритании первоначально пытались использовать для давления на советскую сторону на переговорах. Была достигнута также договоренность о присоединении к СССР Восточной Пруссии с городом Кенигсбергом.

В результате настойчивых усилий советской дипломатии были отвергнуты планы «переустройства» восточноевропейских стран, в частности требования Трумэна о «немедленной реорганизации» правительств Болгарии и Румынии, о проведении контроля со стороны западных держав за выборами в этих странах и т. д. Было принято решение о создании Совета министров иностранных дел (СМИД) с целью подготовки мирных договоров с бывшими союзниками гитлеровской Германии, установления в дальнейшем с ними дипломатических отношений и принятия их в ООН. Это способствовало укреплению позиций новой власти в Болгарии, Румынии и Венгрии.

Важное значение имело окончательное решение на конференции вопроса о западной границе Польши, который западные державы пытались использовать для оказания давления на сформированное совместно с Советским Союзом польское правительство. Руководители США и Великобритании были вынуждены заявить о прекращении признания ими

«эмигрантского правительства в Лондоне» и согласиться с тем, что оно «больше не существует». Так закончилась длительная дипломатическая борьба вокруг польского вопроса, открывшая историю послевоенной Польши..

На конференции не получили поддержки и некоторые другие планы США в отношении европейских государств, проявившиеся в настойчиво выдвигаемой Трумэном идее «интернационализации» судоходства по Дунаю и Рейну. Советская делегация отказалась рассматривать этот вопрос, а тем более включать его в коммюнике конференции.

Выполняя свои союзнические обязательства, Советское военное командование познакомило американских представителей с планами вступления СССР в войну против Японии. Конечно, советской делегации не удалось добиться на конференции всех поставленных целей, направленных на укрепление фундамента послевоенного устройства мира, но общий итог переговоров был, несомненно, благоприятным. «Конференцию можно, пожалуй, назвать удачной»²⁹, — заявил перед ее закрытием глава советской делегации. Удачной она была прежде всего с точки зрения продвижения вперед дела сотрудничества между великими державами в новых условиях мирного времени.

К сожалению, решения Потсдамской конференции не получили развития в дальнейшем, а многие из них оказались невыполненными. Американские и английские руководители не сделали для себя надлежащих выводов из состоявшихся переговоров.

В кругах дипломатии США напряженно думали о том, как бы все-таки заставить русских принять американские требования. Рузвельтовская идея сотрудничества «на равных» с Советским Союзом была окончательно отброшена. Теперь главные надежды связывались с осуществлением «атомной дипломатии». Поэтому, возвращаясь в США на борту крейсера «Огаста», Трумэн с таким восторгом встретил весть об атомных бомбардировках японских городов. В его дневнике появилась такая красноречивая запись: «Это, вероятно, самая ужасная штука, когда-либо изобретенная, но она может оказаться и самой полезной».

Легко догадаться, что «полезность» нового сверхоружия рассматривалась с точки зрения интересов послевоенной внешней политики США. Американский исследователь Р. Мессер в связи с этим пишет: «Единодушным мнением среди всех тех, кто участвовал во внедрении этой качественно новой силы в американскую внешнюю политику, было то, что бомба обещала если и не абсолютное решение и создание базы для «Рах Americana», то по меньшей мере могла явиться средством урегулирования многих проблем послевоенного мира... Безусловно, обладание бомбой немедленно усиливало американскую стратегическую мощь в отношении вооруженного обычным оружием Советского Союза»³⁰.

Усиливающееся стремление США к глобальному доминированию мешало американским руководите-

лям понять, что ядерная монополия США не могла быть длительной в условиях научно-технической революции и что, согласно законам международной политической конкуренции, противоположная сторона никогда не допустит военно-стратегического превосходства над собой.

Решения Потсдамской конференции открывали реальные возможности для продолжения сотрудничества государств — участников антигитлеровской коалиции в мирное время. Этого сотрудничества после завершения кровопролитной войны настоятельно требовали интересы народов, забота о сохранении всеобщего мира. Амбиции поверивших в своё превосходство кругов вступали в глубокое противоречие с настроениями уставшей от войны общественности по обе стороны Атлантики.

Красноречивым подтверждением этого явилось сокрушительное поражение на выборах в Великобритании летом 1945 г. консервативной партии и ее лидера У. Черчилля. В телеграмме из Лондона в НКВД от 27 июля 1945 г. советское посольство сообщало: «Результаты выборов свидетельствуют о том, что большинство английских избирателей отчетливо поняло, что победа консерваторов могла бы привести к войне с СССР... Консерваторы не учли, что народ устал от шестилетней войны и не желает быть вовлеченным в новую, тем более с Советским Союзом»³¹.

В этой связи весьма показательным и свидетельством П. Берлина, президента одного из американских колледжей, получившего в августе 1945 г. назначение на работу в посольство США в Москве. «Война была закончена, — вспоминал он, — Потсдамская конференция не привела к открытому разрыву между победоносными союзниками. Несмотря на мрачные прогнозы в некоторых кругах на Западе, общее настроение в официальном Вашингтоне и Лондоне было осторожно оптимистичным; среди широкой общественности и в печати оно было еще более преисполненным надежд и энтузиазма: Исключительное мужество и тяжелейшие жертвы советских людей в войне против Гитлера породили мощную волну симпатий к их стране, которая во второй половине 1945 г. захлестнула многих критиков советской системы и ее методов; на всех уровнях существовало широкое и горячее стремление к сотрудничеству и взаимопониманию»³².

Итак, достигнутые в Ялте и Потсдаме договоренности вполне могли стать отсчетом нового времени в международных отношениях, основой для продолжения сотрудничества даже столь разных государств как США, СССР и Великобритания — сотрудничества сложившегося в годы войны с фашизмом. Для этого имелись все объективные условия, впрочем, как имелись и не менее сильные аргументы против такого сотрудничества. Вопрос заключался в том, какие тенденции возобладают в послевоенной мировой политике. Соблазн доминирования в мире оказался слишком велик, чтобы от него отказаться во имя гуманных целей.

Перспективы сотрудничества «на равных» противоречили интересам тех кругов на Западе, прежде всего Соединенных Штатов, которые, по законам жанра, стремились реализовать появившиеся в результате продуманной довоенной стратегии геополитические преимущества. В этом контексте, помноженном на отказ другой стороны капитулировать и отказаться от завоёванных тяжелой ценой в ходе Второй мировой войны позиций, не говоря уже о возродившихся идеологических, а, по сути, мессианских программах с той и с другой стороны, «холодная война», похоже, становилась неизбежной как неизбежным, рано или поздно, должен был оканчиваться и её конец.

Оценивая те события с высоты времени и задач сегодняшней практической политики, министр

иностраных дел России С. В. Лавров в приветствии участникам международного форума, посвященного 65-летию Крымской (Ялтинской) конференции, отмечал: «Конференция была одним из знаковых событий периода Второй мировой войны, наглядным примером успешного взаимодействия держав антигитлеровской коалиции. Принятые на ней решения стали важным вкладом в победоносное завершение войны, в течение длительного времени служили основой системы безопасности в Европе и в мире... К сожалению, этот потенциал не был реализован вследствие перехода к политике «холодной войны»... После падения Берлинской стены, положившего конец идеологическому расколу Европы, попытки политизации истории трудно расценить иначе, как стремление провести новые разделительные линии на континенте»³³.

¹ Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978. С. 90.

² Цит. по А. Ю. Борисов. СССР и США. Союзники в годы войны. 1941–1945. М., 1983. С. 157.

³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1942–1945 гг. Изд. 2. М., 1978 г. Т. 2., С. 152 (далее: «Переписка...»).

⁴ Adams H. Harry Hopkins. N.Y., 1977, P. 371.

⁵ Переписка..., Т. 2. С. 174

⁶ Roosevelt E. This I Remember. N.Y., 1949. P. 340

⁷ Eden A. The Memoirs of Anthony Eden. Earl of Avon. The Reckoning. Boston. 1965. P. 592.

⁸ Крымская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1984. С. 32.

⁹ Там же., С. 247–248.

¹⁰ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. Washington. 1955. P. 65.

¹¹ Крымская конференция... С. 90.

¹² Переписка... т. 2., стр. 199.

¹³ См. подробнее: Jon Meacham. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. N.Y. 2003. PP. 313–325.

¹⁴ The Conferences at Malta and Yalta, p. 920.

¹⁵ The Diaries of Alexander Kadogan. Ed. by E. Dilks. N.Y. 1972. P. 706, 708–709.

¹⁶ Washington Despatches. Weekly Political Reports from the British Embassy. 1941–1945. Ed. By H. G. Nickolas. Chicago. 1981, PP. 515, 519.

¹⁷ Цит. по А. Ю. Борисов. Незыблемые договорённости. М., 1985. С. 41.

¹⁸ Советско-американские отношения в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы в двух томах. Т. 2. М. 1984. С. 365.

¹⁹ Там же, С. 398.

²⁰ FRUS. The Conference of Berlin. 1945. Vol. 1. Washington. 1960. P. 13/

²¹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании. Сборник документов. М., 1984. С. 37.

²² The Truman Presidency. Ed. by A. Theotis. N.Y. 1978. P. 123.

²³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1974. С. 412.

²⁴ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1984. С. 468–469.

²⁵ Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman. Ed. by R. Ferrel. N.Y. 1980, P. 53.

²⁶ Цит. по А. Ю. Борисов. Незыблемые договорённости западной границы Польши и др., С. 50.

²⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. М., 1983, С. 386.

²⁸ Берлинская конференция... С. 236.

²⁹ Там же, С. 280.

³⁰ Messer R. The End of an Alliance. N.Y. 1982. PP. 88–89.

³¹ Советско-английские отношения... Т. 2. С. 416.

³² Berlin I / Personal Impressions. N.Y. 1981. PP. 155–157.

³³ www.mid.ru., 12-02-2010.

Потсдамский финиш

В. П. Терехов*

После мощного двухнедельного штурма, 2 мая 1945 г. Красная Армия овладела Берлином. Война заканчивалась, но агония гитлеровского рейха продолжалась еще несколько дней. Преемник Гитлера адмирал Дёниц всё еще надеялся заключить сепаратное перемирие с англо-американским военным командованием, продолжая в то же время удерживать восточный фронт. Началась частичная капитуляция отдельных соединений вермахта перед западными союзниками. Сдавались армиями, корпусами, дивизиями. 5 мая в штабе Эйзенхауэра в Реймсе появились адмирал Фридебург, а затем начальник штаба ОКВ генерал Йодль с предложением Дёница провести переговоры о капитуляции на Западном фронте. Последующие события привели к бурным объяснениям между союзниками и, в конечном счете, к подписанию Акта о капитуляции Германии дважды — 7 мая в Реймсе, а затем, в ночь с 8 на 9 мая, — в Берлине.

Как пишет в своих мемуарах Эйзенхауэр, в ответ Дёницу было сообщено, что речь может идти только о полной, общей и безоговорочной капитуляции без каких-либо промедлений с целью вывести за западную линию фронта как можно больше немецких войск. Было назначено время подписания протокола о капитуляции (7 мая в 2 часа 30 мин.) и направлена информация Советскому Военному командованию с предложением назначить своего представителя для участия в подписании Акта о капитуляции. Был уведомлен и начальник советской военной миссии генерал И. Сулопаров, также направивший запрос в Москву¹.

К назначенному времени подписания документа ответ из Москвы получен не был. И. Сулопаров оказался перед трудным выбором. Союзники не хотели откладывать намеченную процедуру, хотя было бы корректно и разумно дождаться результатов согла-

сования с советской стороной. Генерал решил всё же подписать протокол, но с примечанием о возможном подписании другого, более совершенного документа.

В Реймсе Акт о капитуляции подписали Альфред Йодль и Ганс фон Фридебург. От имени союзников поставили свои подписи американский генерал-лейтенант Уолтер Беделл Смит, генерал Иван Сулопаров и за Францию генерал Франсуа Севез. Вслед за этим И. Сулопаров получил инструкцию из Москвы — «ничего не подписывать». Но дело было сделано, и надо было исправлять ситуацию. Учитывая роль СССР в разгроме гитлеровской Германии, было вполне естественным провести подписание Акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил в Берлине в более представительной обстановке и на более высоком уровне, чем это было в Реймсе. Договоренность на этот счет была достигнута между руководителями союзных государств, обменявшимися срочными личными посланиями.

Подписание Акта о военной капитуляции (документ называется именно так) состоялось в Берлине 9 мая в 0 часов 43 минуты по московскому времени (22 часа 43 минуты 8 мая по центрально-европейскому времени). В нем говорилось о согласии Германского Верховного Командования «на безоговорочную капитуляцию всех германских вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил» и определялись вытекающие из этого Акта действия.

От имени Германского Верховного Командования Акт подписали Кейтель, Фридебург и Штумпф в присутствии: по уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии Маршала Советского Союза Г. Жукова, по уполномочию Верховного Ко-

* В. П. Терехов — профессор кафедры дипломатии МГИМО (У) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке.

мандования экспедиционными силами союзников Главного Маршала авиации Теддера. При подписании также присутствовали в качестве свидетелей: командующий стратегическими воздушными силами США генерал Спаатс, главнокомандующий Французской армией генерал Делатр де Тассиньи².

В развитие Акта о безоговорочной капитуляции Европейская консультативная комиссия подготовила Декларацию о поражении Германии, подписанную 5 июня 1945 г. маршалом Г. К. Жуковым, генералом Д. Эйзенхауэром, фельмаршалом Монтгомери и генералом Делатр де Тоссины. В Декларации, в частности, говорилось:

«Германские вооруженные силы на суше, на море и в воздухе потерпели полное поражение и безоговорочно капитулировали, и Германия, которая несет ответственность за войну, не способна больше противостать воле держав-победительниц. Тем самым безоговорочная капитуляция Германии осуществлена, и Германия поставила себя в зависимость от таких требований, которые могут быть сейчас или впоследствии ей навязаны».

Отмечалось, что «в Германии нет центрального правительства или власти, способной взять на себя ответственность за сохранение порядка, управление страной и за выполнение требований держав-победительниц».

В связи с этим декларировалось:

«Правительства Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Временное Правительство Французской Республики настоящим берут на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагают германское правительство, верховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство, или власть. Взятие на себя такой власти, прав и полномочий для вышеуказанных целей не является аннексией Германии».

Правительства Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Временное Правительство Французской Республики впоследствии установят границы Германии или любой части ее, а также определят статут Германии или любого района, который в настоящее время является частью германской территории.

В силу верховной власти, прав и полномочий, взятых на себя четырьмя правительствами, представители союзников объявляют следующие требования, возникающие из полного поражения и безоговорочной капитуляции Германии, которые Германия обязана выполнить»³.

Далее в 15 статьях подробно излагались действия, которые необходимо предпринять для осуществления задач и целей оккупации Германии. Многие вопросы послевоенного урегулирования были решены или предприняты в ходе Ялтинской конференции

4–11 февраля 1945 г., на заседаниях Европейской консультативной комиссии (ЕКК), учрежденной в соответствии с решением Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в октябре 1943 г. (Представитель Франции включился в её работу в ноябре 1944 г.).

Помимо Декларации о поражении Германии и переходе верховной власти в руки правительств четырех держав, в рамках ЕКК было выработано Соглашение о контрольном механизме в Германии, а также Соглашение о зонах оккупации. В конце июля было подписано Соглашение о некоторых дополнительных требованиях к Германии. Тем не менее, оставалось много вопросов, требующих решения на высшем уровне.

Третья и последняя в таком формате встреча глав правительств СССР, США и Великобритании открылась в Потсдаме под Берлином 17 июля 1945 г. Уинстон Черчилль предлагал провести конференцию раньше, в середине июня. Предстояли парламентские выборы в Великобритании, и британский премьер хотел предстать перед избирателями в ореоле не только военных, но и дипломатических побед. Но ему не удалось уговорить президента Трумэна, только что вступившего на свой пост и желавшего тщательно подготовиться к встрече с союзниками. К тому же в Вашингтоне ожидали результатов готовившегося испытания первой атомной бомбы, рассчитывая, что успех сделает позицию США на переговорах неуступимой и позволит диктовать любые свои условия. Черчилль торопился не зря. Выборы он проиграл и был вынужден в ходе конференции уступить место за столом переговоров своему сопернику, лидеру лейбористов Эттли.

На завершающем этапе войны после ялтинской конференции, после смерти президента Рузвельта, и в первые послевоенные месяцы в отношениях между союзниками всё отчетливее стали звучать тревожные нотки, проступать признаки напряженности, сигнализировавшие о серьезных расхождениях во взглядах на послевоенное мирное устройство. На Западе постепенно возвращались к прежнему восприятию Советского Союза как идеологического и геополитического противника, потребность в сотрудничестве с которым исчерпывалась с окончанием войны.

В новых условиях Советский Союз представлял в сознании значительной части американского и британского истеблишмента как угроза демократическим устоям и самому существованию социально-экономической и политической системы на Западе. Пугало то, что в результате победы влияние Советского Союза распространилось на значительную часть Восточной и Центральной Европы, его популярность, как главного победителя в войне с фашизмом, выросла на всем европейском континенте и за его пределами. Противодействие «советской угрозе» становилось центральной политической и пропагандистской задачей для правящих кругов на Западе.

Насколько серьезно воспринималась эта угроза, показали мероприятия британских военных властей на оккупированной части Германии и разработки военных стратегов в Лондоне весной 1945 г. После того, как армии западных союзников вышли к границам Германии, германские войска перестали оказывать им существенное сопротивление, откатываясь всё дальше на восток и в то же время наращивая сопротивление наступающей Красной Армии. Фашистское руководство всё ещё не теряло надежд на то, что удастся столкнуть союзников, когда они войдут в непосредственное соприкосновение, и договориться с США и Великобританией о начале нового этапа войны — совместного с ними выступления против Советского Союза. Надежды призрачные. Открытый союз с фашистским режимом в то время ни США, ни Великобритания позволить себе не могли. Однако варианты «вытеснения» Советского Союза из Восточной Европы прорабатывались уже весной 1945г.

Рассекреченные и опубликованные в конце 1990-х годов материалы личного архива Черчилля содержат весьма примечательный документ. Это доклад Штаба объединенного планирования Военного кабинета Великобритании под названием Операция «Немыслимое». Доклад разрабатывался весной 1945 г. Окончательный вариант доклада дотируется 22 мая 1945 г. Этот многостраничный документ представляет собой детально разработанный план войны против СССР с участием вооруженных сил США и Великобритании, а также не разоруженных немецких дивизий. Целью плана было не только вытеснение СССР из Восточной Европы, но и нанесение Советскому Союзу «решающего поражения» и оккупация советской территории вплоть до Волги. Датой начала операции определялось 1 июля 1945 г.

План операции «Немыслимое» был направлен Комитету начальников штабов Великобритании, который представил 8 июня 1945 г. Черчиллю свое заключение, подписанное начальником имперского генерального штаба фельдмаршалом А. Бруком и начальниками штабов ВМС и ВВС. Заключение было отрицательным. В нём говорилось: «Если начнется война, достигнуть быстрого ограниченного успеха будет вне наших возможностей, и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил. Более того, превосходство этих сил может непомерно возрасти, если возрастет усталость и безразличие американцев, и их оттянет на свою сторону магнит войны на Тихом океане»⁴.

Прочитав план с оценкой генштаба Черчилль отправил его в архив, но одновременно дал поручение разработать детальный план защиты Великобритании на случай продвижения Красной Армии до Северного моря и Атлантики. Но и это не потребовалось. Советский Союз не имел таких намерений.

Как мы видим, разум вроде бы возобладал. Однако британские власти долгое время после капитуляции Германии не расформировывали германские

части и складировали их вооружение, держа их фактически в состоянии боевой готовности. Таков был приказ из Лондона. Лишь после настойчивых обращений советской стороны немецкие солдаты были переведены в положение военнопленных.

Было ли известно советскому руководству о разработке плана «Немыслимое»? Вопрос остается открытым. Можно предположить, что какие-то сведения в Москве были. И это во многом объясняет настойчивость, с которой проводилась операция по взятию Берлина. Она стоила огромных жертв. Но они могли неимоверно возрасти, если бы «немыслимое» стало реальностью.

Открывшаяся в Потсдаме конференция руководителей трех держав начиналась, таким образом, в условиях, когда у её участников накопилось немало причин для взаимных подозрений и опасений. Особенно у советской стороны. В то же время обстановка после окончания войны в Европе, положение в Германии и в других странах, затронутых войной, требовали скорейшего принятия согласованных решений, определявших направление их мирного развития и надежного мироустройства на континенте.

Конференция руководителей трех держав проходила во дворце Цецилиенхоф в пригороде Берлина Потсдаме. В период с 17 июля по 2 августа 1945 г. состоялись 13 заседаний глав правительств СССР, США и Великобритании, двусторонние встречи, многочисленные встречи министров иностранных дел и экспертов, в рамках которых были выработаны соглашения, содержание которых изложены в подписанных И. В. Сталиным, Гарри Трумэном и К. Р. Эттли «Сообщении о Берлинской конференции трех держав» и в «Протоколе Берлинской конференции трех великих держав».

Центральное место в этих документах занимает раздел «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период». Провозглашалось, что «германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире». Подчеркивалось, что «Союзники не намерены уничтожать или ввергать в рабство немецкий народ. Союзники намереваются дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе. Если собственные усилия германского народа будут беспрепятственно направлены к достижению этой цели, то для него будет возможно с течением времени занять место среди свободных и мирных народов мира»⁵.

Изложенные в принятом конференцией документе политические принципы предусматривали денацификацию, демилитаризацию и демократизацию Германии, что включало упразднение и запрещение

нацистской партии и всех связанных с ней организаций, ликвидацию всей военной машины со всеми её организациями, ассоциациями и учреждениями, контроль союзников над вооружениями или их уничтожение, а также предотвращение их производства, последовательную реконструкцию германской политической жизни на демократической основе.

Экономические принципы предписывали декартелизацию экономики, уничтожение германского военного потенциала, производства вооружения, военного снаряжения, всех типов самолетов и морских судов. Германская экономика перенацеливалась на развитие сельского хозяйства и мирной промышленности для внутреннего потребления. Подчеркивалось, что в период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое и с этой целью должна проводиться общая политика в соответствующих сферах экономической жизни. Предусматривалось создание с этой целью общегерманских департаментов (финансов, внешней торговли, промышленности и транспорта) во главе со статс-секретарями, действующими под руководством Контрольного Совета.

Решением конференции учреждался Совет министров иностранных дел, в задачи которого входила выработка мирных договоров с Италией, Венгрией, Румынией, Болгарией и Финляндией, а также подготовка мирного урегулирования для Германии.

Серьезные разногласия возникли при решении вопроса о репарациях с Германии. Это было связано с нежеланием западных союзников определять конкретную сумму репараций. Было решено, что репарационные претензии СССР будут удовлетворяться путем изъятий из зоны, оккупированной СССР. Кроме того, СССР должен был получить 15% промышленного капитального оборудования, изымаемого из западных зон в обмен на продовольствие, уголь и другие материалы, а также 10% такого оборудования без оплаты или возмещения. СССР согласился удовлетворить репарационные претензии Польши из своей доли. Много времени ушло на решение судьбы германских активов и золотого запаса Германии. Союзники под разными предлогами отвергали какие-либо права СССР на эти активы. В конечном счете, было согласовано, что каждая сторона будет распоряжаться активами, находящимися в пределах её оккупационной зоны, если эти активы не принадлежат другим союзным государствам или законным собственникам, не участвовавшим в войне на стороне Германии.

Подробно обсуждались на конференции вопросы, относящиеся к Польше. К польской теме возвращались неоднократно и на многих заседаниях. Заслушивалось мнение польского правительства национального единства во главе с Б. Берутом. Благодаря активной поддержке со стороны СССР это правительство было признано в качестве единственного представителя Польши. Поддержка СССР обеспечила

и признание западной польской границы по Одеру и Западной Нейсе вопреки настойчивому желанию западных партнеров провести границу по Восточной Нейсе. Благодаря этому к Польше отошли обширные территории с мощным промышленным потенциалом, и был обеспечен беспрепятственный доступ к Балтийскому морю.

Долгое время Трумэн и Черчилль, а затем Эттли отказывались даже де-факто передавать полякам управленческие функции на территориях, переходящих к Польше, хотя решение об этом было достигнуто ещё в Ялте. Ссылались на то, что окончательное решение по территориальным вопросам должно приниматься на мирной конференции, что передача Польше бывших германских территорий была бы равносильна созданию ещё одной зоны оккупации, что эти территории до мирной конференции должны входить в советскую оккупационную зону.

Все эти возражения западные партнеры вынуждены были, в конечном счете, снять. Возобладало мнение, что, занимая антипольские позиции, США и Великобритания существенно сужают возможности своего влияния в Польше и противодействия там влиянию СССР, наглядно проявляющего себя как защитника интересов Польши.

Важные решения были приняты относительно Восточной Пруссии. Город Кёнигсберг (ныне Калининград) и прилегающие к нему территории передавались Советскому Союзу. Другие части этой земли переходили к Польше. И в этом случае делалась ссылка на то, что окончательное решение предстоит принять на мирной конференции. При этом руководители США и Великобритании заверяли, что поддержат на конференции такое решение.

Решение других территориальных вопросов (подопечные территории, итальянские колонии, зона Танжера, режим Черноморских проливов) откладывалось или передавалось на рассмотрение СМВД.

Длительные дискуссии развернулись вокруг вопроса о судьбе германского военного флота и торговых судов. При общем понимании необходимости раздела флота и судов на три части между союзниками, окончательные решения были переданы на согласование экспертам. Это было связано с тем, что часть судов предстояло использовать в операциях против Японии на Тихом океане, что могло привести к потерям и делало невозможным определение конкретных количеств на самой конференции. Черчиллю вообще не нравилась идея передачи части судов Советскому Союзу. Он предпочел бы потопить их, особенно подводные лодки. Однако принцип раздела флота на три части всё же сохранился.

Острая дискуссия возникла вокруг вопроса о признании режимов в странах-сателлитах Германии, установлении с ними дипломатических отношений и возможности их приема в ООН. Лидеры США и Великобритании выделяли из этой группы стран Италию, находящуюся под их контролем, и, ссылаясь

на то, что Италия первой разорвала отношения с Германией и перешла на сторону союзников, что в Италии обеспечиваются необходимые демократические процедуры, выражали готовность способствовать её скорому приему в ООН.

В то же время утверждалось, что положение в Венгрии, Румынии, Болгарии, Финляндии, т.е. в странах, в которых Запад не обладает сильными каналами влияния, не отвечает ещё демократическим стандартам, а потому США и Великобритания не готовы не только способствовать их приему в ООН, но даже официально признать их и установить с ними дипломатические отношения.

С трудом были согласованы компромиссные формулировки, для выработки которых советская сторона приложила максимум усилий. Было очевидно, что борьба за влияние в Восточной Европе только начинается.

С советской стороны предлагалось выразить в документах конференции негативное отношение союзных держав к режиму генерала Франко в Испании. Указывалось, что этот режим пришел к власти при активнейшей поддержке фашистской Италии и Германии, выступал как союзник Германии в войне, направив, в частности, испанскую «голубую дивизию» на восточный фронт. Трумэн и, особенно, Черчилль категорически высказывались против какой-либо критики в адрес Франко, считая это недопустимым вмешательством во внутренние дела Испании. В документах конференции этот вопрос не был отражен.

В кулуарах конференции Трумэн сообщил в общей форме И. В. Сталину о создании в США атомного оружия, ожидая, видимо, что представители СССР под влиянием столь серьезной информации будут проявлять большую покладистость в дискуссиях на форуме. К разочарованию президента, советский лидер спокойно отреагировал на это сообщение, а стиль поведения советских представителей никак не изменился.

Потсдамская конференция и её решения были положительно восприняты в мире. В них видели свидетельство того, что победители во Второй мировой войне готовы серьезно заняться переустройством международных отношений и обеспечить на длительную перспективу возможность мирного сотрудничества в Европе. Для широкой общественности ещё не были заметны признаки надвигающегося кризиса в отношениях между союзниками. Но этот кризис с каждым месяцем созрел и проявлялся о всё большей остротой.

Одним из главных вопросов, вокруг которого разворачивалось противостояние, была будущая судьба Германии. Каким будет это государство, основы которого были исковерканы двенадцатилетним господством нацистского режима, а сознание граждан деформировано нацистской идеологией? Провозглашение в совместных документах необходимости демократического переустройства Германии

не могло изменить очевидного — в СССР и в западных странах демократию понимали по разному. По разному собирались выстраивать государственную, экономическую, общественную систему. Очень скоро это стало серьезным препятствием для формирования единого германского государства.

Ещё более трудной проблемой стало согласование военно-политического статуса Германии. Очень скоро проявилось стремление западных стран сделать Германию своим союзником, а после создания НАТО — членом этой военно-политической организации. Советский Союз предпочитал нейтральный статус для Германии, по крайней мере — её неучастие в военно-политических блоках.

Разногласие по этим вопросам на долгие годы блокировало реализацию союзнических решений по Германии, выработку мирного договора и проведение мирной конференции. Безрезультатно проходили сессии Совета Министров иностранных дел, Саммит в Женеве в 1955 г., мир лихорадили кризисы вокруг Западного Берлина. Последующее развитие привело к созданию противостоящих военно-политических организаций — НАТО и Варшавского Договора и к расколу Германии на долгие 45 лет после создания в 1949 г. двух германских государств — Федеративной Республики Германия и Германской Демократической Республики.

Еще одним источником начавшегося после Второй мировой войны межблокового противостояния стало нежелание Запада смириться со сложившимся в странах Восточной Европы режимом, поддерживаемым Советским Союзом. Стремление вытеснить Советский Союз из Восточной Европы никогда не исчезало из перечня долгосрочных политических задач, даже в периоды разрядки, когда грубое противостояние сменялось тактикой «изменения путем сближения», придуманной немецкими социал-демократами.

Решение задач послевоенного мирного урегулирования в Европе блокировалось и общим состоянием международных отношений в эпоху «холодной войны». Противоборство двух систем приобрело глобальный характер, и в этих условиях решение локальных проблем становилось невозможным из-за их увязки в жесткий общемировой узел.

Свой вклад в «холодную войну» вносил и Советский Союз, руководство которого оказалось неспособным выработать и предложить миру общеприемлемую гибкую модель международного сотрудничества, свободную от идеологического догматизма и ориентированную на решение прагматических задач, стоящих перед мировым сообществом.

Некоторое ослабление напряженности в центре Европы произошло в начале семидесятых годов, когда в результате подписания Московского договора между СССР и ФРГ, договоров ФРГ с Польшей, ЧССР и ГДР, Четырехстороннего соглашения по Западному

Берлину и последующего приема двух германских государств в ООН, а также Хельсинкского Заключительного Акта, ситуация, казалось, стабилизировалась. Но это стало лишь прелюдией к мощному геополитическому сдвигу в Европе и мире в результате развала Советского Союза в 1991 г., объединения Германии в 1990 г., роспуска Варшавского Договора и исчезновения биполярной системы международных отношений.

Спустя 65 лет после завершения Второй мировой войны и Потсдамской конференции трех держав уместно задаться вопросом: «Какой след оставила эта конференция в европейской истории, что из принятых тогда решений реально повлияло на международное развитие, что сохранилось в виде геополитических реальностей, что остается до сих пор составным элементом фундамента европейской безопасности?»

Мирную конференцию, которая должна была завершить развязанную Германией войну, созвать так и не удалось. Мирный договор с Германией подписан не был. Однако в 1990 г. четыре державы, СССР, США, Великобритания и Франция, сохранявшие все прошедшие годы права и ответственность за Германию в целом, подписали с двумя германскими государствами, ФРГ и ГДР, «Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии». В этом Договоре содержатся положения, нормы и принципы, которые образуют по существу основу послевоенного мирного урегулирования в Европе, и которые по своей ясности, полноте и правовой определенности обладают столь же высоким авторитетом и действенностью, как любой мирный договор. Важно и то, что этот документ является выражением свободного волеизъявления всех участвующих государств и свободен от каких-либо элементов принуждения или диктата, что в корне отличает его, например, от Версальского договора.

В Договоре со всей необходимой ясностью и определенностью решены территориальные вопросы. Окончательно зафиксированы границы объединенной Германии, коими являются границы ФРГ и ГДР. Объединенная Германия заявила, что «не имеет никаких территориальных претензий к другим государствам и не будет выдвигать такие претензии также и в будущем»⁶.

От имени объединенной Германии подтверждается, что «с немецкой земли будет исходить только мир», и что «объединенная Германия никогда не при-

менит оружие, которым она располагает, иначе как в соответствии в её конституцией и Уставом Организации Объединенных Наций»⁷.

От имени объединяющихся государств, ФРГ и ГДР, подтвержден отказ Германии от производства, владения и распоряжения ядерным, биологическим и химическим оружием. Подтверждены обязательства о сокращении численности вооруженных сил объединенной Германии⁸.

Существенным дополнением к многосторонним урегулированиям в отношении Германии стал Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ, подписанный 9 ноября 1990 г. В этом Договоре на двусторонней основе юридически закреплено обязательство сторон соблюдать территориальную целостность государств и уважать их границы, отказаться от угрозы силой или применения силы, решать возникающие конфликты мирным путем, осуществлять меры по разоружению и контролю над вооружениями. В Договоре определены широкие рамки сотрудничества, как в двусторонних отношениях, так и на международной арене. Обязательства по этому договору действуют и в отношениях Германии с Россией как продолжателем СССР.

Система договоров между объединенной Германией и другими странами, её обязательства в рамках ЕС и НАТО образуют вместе с договорами с Россией довольно прочную структуру международных урегулирований, создающих гарантии мирных отношений с Германией и ограждающих соседей от каких-либо угроз с её стороны. Такое положение можно считать важным результатом того процесса, который был начат на Потсдамской конференции 1945 г., хотя в то время он и не получил нужного развития.

В то же время, современное положение дел в Европе и мире не позволяет ограничиться только оптимистическими оценками и радужными прогнозами. Неоднократно провозглашавшаяся задача строительства единой Европы всё еще остается нерешенной. Западные партнеры России всё ещё не преодолели предубеждений, порожденных прошлым и не проявляют необходимой энергии в формировании на континенте отношений, основанных на принципе равной безопасности и юридического оформления одинаковых по своему статусу прав и обязательств сторон в международном сотрудничестве. Будущее ставит не меньше задач, чем их было решено за истекшие 65 лет.

¹ Цитируется по <http://www.zn.ua/3000/3150/34695/>

² Известия, № 107 (8717), среда 9 мая 1945 г.

³ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 44. Л. 79–89

⁴ Цитируется по <http://www.coldwar.ru/bases.operation-unthinkable.php>

⁵ Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов. Издательство «Международные отношения». Москва 1967.

⁶ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. Ст. 1. Архив автора.

⁷ Там же. Ст. 2.

⁸ Там же. Ст. 3.

Книга четырнадцатая

ИСПЫТАНИЕ ПОБЕДОЙ

За что и с кем мы воевали

Н. А. Нарочницкая*

*Посвящается моей маме —
Лидии Ивановне Подолякиной-Нарочницкой —
партизанке Великой Отечественной войны
и всему ее поколению*

В последние годы, вспоминая о Великой Отечественной войне, уже почти принято говорить, будто бы в войне этой виноват СССР, и Победа была не победой, а поражением.

Война, якобы, велась не за право на жизнь нации, не за сохранение народов в мировой истории, а за американскую демократию.

Этот тезис беззастенчиво тиражируется в западных СМИ. Им оперируют как само собой разумеющимся, в Совете Европы — этом IV либеральном Интернационале, мнящим себя идеологическим ментором и «раздающим сертификаты на цивилизованность». Дерзко оскорбляют Россию прибалтийские страны и Польша.

Но виноваты в этом мы сами. Ибо поругание Победы и истории никогда не было бы начато на Западе, пока оно не было совершено на Родине Победы.

Наш внутренний, почти семейный спор и осуждение реальных и мнимых грехов мы вершили, увы, не с подобающим христианским осмыслением истоков наших взлетов и падений. Подобно библейскому Хаму мы выставили Отечество на всеобщее поругание, за что и терпим теперь кару. Как же коварно была использована неспособность перевернуть страницу истории многострадального XX века, не глумясь над жизнью отцов!

Именно отечественные глумители первыми внедрились суждение, что Советский Союз — еще худший тоталитарный монстр, чем нацистский Рейх. Война же, по их логике, была между двумя хищниками за мировое господство, и СССР, как будто, первым готовился напасть на Германию, но Гитлер просто опередил Сталина. Наш постсоветский либерал, который «нежно чуждые народы возлюбил и мудро свой возненавидел» (как писал Пушкин), уверен, что

у плохого государства не могло быть ничего правильного и праведного.

Но в памяти о войне Отечественной — войне с чужеземцами, пришедшими завоевать и поработить, — споры о том, плохим или хорошим было государство, вообще неуместны. **Беда случилась не с государством, а с Отечеством** (это в гражданской войне решаются споры о государстве).

Любовь к Отечеству заложена в естестве, сердце человека. Ведь любим мы именно свою мать, а не мать соседа, хотя та, может быть, моложе, красивее, образованнее и, как сейчас модно говорить, успешнее...

«Папа, почему написано „Защитим социалистическое Отечество!“», — спросила я, шестилетняя, гуляя с отцом по Гоголевскому бульвару, где жили мы в доме 29, в коммунальной квартире. Была очередная годовщина Победы, и всюду были развешаны плакаты военного времени. — «Какая разница, какое оно — Отечество, если враг напал? Разве, если бы немцы на нас до революции напали, мы точно так же не защищались бы?» — Тогда — защищались. Уверена, что мои дед — Иван Демьянович Подолякин — прапорщик Русской Армии, полный Георгиевский кавалер Первой мировой войны, и моя мама — Лидия Ивановна Подолякина — бесстрашная партизанка Великой Отечественной войны, защищали от внешнего врага в 1914 и 1941 одно и то же Отечество, хотя государства были разные, и у разных людей были к ним разные претензии. В нынешнем состоянии национального презрения нам внушают, что можно ненавидеть свое Отечество и даже желать ему поражения, если государство устроено не так, как хотелось бы.

Конечно, проще любить свое Отечество, когда можно им гордиться, когда оно сильно, и все его уважают и боятся. Но именно когда оно повержено

* Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

и лежит, оплеванное, осмеянное, и покинуто всеми, — только тот сын, кто не отвернется, проходя мимо, а закроет собой и оградит от поругания.

Об Отечестве и государстве

Можно ли оставаться верным Отечеству и его извечным преемственным национальным интересам даже тогда, когда все в государстве вызывает критику и разочарование? Бывает ли идеальное государство без несовершенств и грехов?

Когда уместно и правомерно спорить о государстве, а когда нация обязана подняться над этим, отложить распри по поводу устройства государства и объединиться, чтобы защитить Отечество, иначе нечего будет обсуждать потом, не будет вообще никакого *потом*? В этом следует разобраться, так как весь этот круг вопросов затрагивает глубинные основы исторического сознания нации, от которого зависит ее будущее.

Существует прямая взаимозависимость между самопредельством нации и наступлением на позиции страны извне, равно как и между либерально-пацифистскими нападками на родную армию во время войны за территориальную целостность страны и переходом противника к террористическим актам против гражданского населения, не ощущающего связи с армией и борьбы за неделимость Отечества.

Сознание, утратившее связь с почвой и традицией, безрелигиозное, будь то ультрамарксистское, или ультралиберальное — порождает утилитарное, прагматичное отношение к государству. Утрачивается понятие Отечества, питавшее национальное сознание в предыдущие века, которые и явили миру великие державы и великие культуры. Христианское, в особенности, православное сознание рождает совсем иное национально-государственное мышление — ощущение принадлежности к священному Отечеству, которое не тождественно государству — политическому институту со всеми его несовершенствами и грехами. Но такое отношение возникает сначала у глубоко религиозного народа, ощутившего сакральность не только личного, но и национально-государственного бытия как дара Божия, а затем передается в сознании от поколения к поколению.

В национальном самосознании православного почвенного человека главной составляющей является **чувство исторической преемственности, острое переживание принадлежности не только и не столько к конкретному этапу или режиму в жизни своего народа, но и ко всей многовековой истории Отечества и его будущему за пределами собственного жизненного пути.** В этом — преодоление гордыни, а значит конечности, конкретности личного бытия, когда индивидуальное восприятие истории выходит за рамки одной жизни, проявляя в национальном сознании бессмертную природу души.

Именно поэтому русские люди — не только истово верующие, но и православные в душе, пишут

(и мыслят) Отечество с большой буквы, что вызывает презрительный смех у либералов. Для верующего — Отечество — это дар Божий, врученный для непрерывного национально-исторического активного созидания с его взлетами и неизбежными падениями, которые не отчуждают от Родины даже человека, разочарованного в сегодняшнем положении государства. Такой человек никогда не сможет презирать свою страну и глумиться над собственной историей.

Еще пока многие, слава Богу, произносят слово Отечество с трепетом, хотя немногим понятно, что этот трепет питает, — слова из послания апостола Павла Ефесянам: «... Преклоняю колена мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от которого именуется **всякое отечество** на небесах и на земле» (Еф. 3, 14–15). Переживание Отечества — есть производное от переживания Отца небесного.

В переводах на европейские языки этого стиха «отечество» звучит «земля». Вот почему русские князья задолго до того, как сложилось единое общерусское государство и даже русская нация, клялись не своим княжым престолом, а землей русской!

В таком переживании Отечество — это метафизическое понятие, а не обожествляемое конкретное государство с его институтами. Но именно с ним «эту варварскую страну» или «проклятый капиталистический режим» отождествляют и либеральные, и ультракрасные «граждане мира» — ведь у либералов «где хорошо, там и отечество», а у «пролетариев и вовсе нет отечества», кроме социализма.

Историсофия Великой Отечественной войны

В ходе Великой Отечественной войны проявилось, что «унесенные ветром» либералы, в свое время приветствовавшие разрушение христианской империи и революцию как таковую, меньше любили Россию, чем ненавидели «большевиков и Советы». Те просто их обошли и присвоили плоды этой революции. А «унесенные ветром» почвенники, например, А. Деникин, воевавший против большевиков, С. Рахманинов и тысячи других, никогда не симпатизировавших революционным идеям, изгнанные революцией, из-за нее потерявшие Родину, тем не менее, желали победы Красной Армии. Когда к Деникину не официально обратились эмиссары от власовцев с предложением благословить Власовскую армию, он в гневе отверг такое предложение и воскликнул: «Я воевал с большевиками, но никогда с русским народом. Если бы я мог стать генералом Красной Армии, я бы показал немцам!»

Рахманинов до изнеможения давал концерты по всем Соединенным Штатам и пересылал деньги Сталину, после чего его произведения, ранее запрещенные, стали исполняться в СССР.

Для них сохранение любимого Отечества для будущих поколений было выше желания увидеть при жизни крах ненавистного «режима». Любовь оказалась больше ненависти, как и требует христианская

заповедь... Они не отождествляли Россию с «большевицкой властью». А власовцы, похоже, считали, что лучше никакой России, чем Россия большевистская.

Этого не смогли понять и не хотят до сих пор усвоить ни постсоветские прекраснодушные либералы (не прекраснодушные это понимают и всячески стремятся развенчать память о войне), ни ортодоксальные ленинцы, ни, как это ни парадоксально, кипящая ненавистью к ним та часть русской эмиграции, именуемая себя белой, которая тщится морально и исторически обесценить Великую Победу и оправдать власовщину. Новый виток этих попыток мы наблюдаем и сейчас.

Нельзя оправдать власовщину

Даже беглый взгляд на сложную мотивацию эмигрантов, — чье решение в меньшей степени было определено обстоятельствами личных перипетий судьбы (казаки и некоторые другие), — связавших себя с власовцами, показывает: размежевание, за некоторыми исключениями, прошло именно по линии: либералы и почвенники. Для либералов, как и для пламенных ультралевых большевиков, важнее соответствие устройства государства некой универсальной доктрине, для почвенников — сохранение вечного Отечества, даже при «неудобном государстве».

Не будем судить солдат власовской «армии» по отдельности — среди них оказались не только банальные предатели, но несчастные, морально сломленные люди со сложнейшей личной судьбой.

Но сам генерал Власов подлежит суду историческому, ибо взял на себя ответственность за других и предлагал им историческую цель. И приговор ему уже сделан. В истории он останется предателем, помогавшим врагу терзать и убивать Родину-мать. Не менее важно дать ответ поклонникам и адвокатам Власова из русского зарубежья. Они желали победы оккупантам и поражения собственному правительству — точно повторяя подход и мышление В. И. Ленина в 1914. Протоиерей Александр Киселев из Русской Зарубежной Православной церкви, благословлявший этого генерала, в своей апологетической книге «Облик генерала А. А. Власова» не дает какой-либо убедительной аргументации для оправдания предательства. Похоже, священник тоже не отличил государство — политический институт — и **Отечество, которому угрожало исчезновение.**

Сам Власов в пропагандистских обращениях обосновывал свою измену разочарованием «в большевицкой власти», которая «не оправдала те чаяния, которые с ней связывали...». На это с благоговением ссылается Е. Вагин в глумливой статье о пятидесятилетии победы в мюнхенском журнале «Вече» (№ 55, 1995).

Оба автора, похоже, не осознают, что именно с позиций «белого» патриотизма А. Власов более всего и развенчивает себя сам. Как белый патриот мог иметь «чаяния» в идеях революции, которые,

именно в начале и в наибольшей степени содержали и демонстрировали антихристианские и антирусские цели? Пожалуй, лишь генерал Краснов с его казачьей армией могут вызвать скорбное сострадание их судьбе — быть раздавленными жерновами истории — для них гражданская война не кончалась...

Столь же абсурдны, сколь морально удручающи рассуждения о лучшем исходе для русских в случае завоевания фашистской Германией. Гитлер имел план Ост — сокращение европейского населения СССР, то есть русских, белорусов и украинцев — славянских народов — на 40 процентов, насильственное перемещение рабской рабочей силы.

Также смешны и рассуждения теоретиков Народно-Трудового союза о временности союза с Гитлером и будущей борьбе жалких формирований Власова (танки и пушки откуда возьмутся?) уже против Рейха и его колоссальной военной машины. Даже, если бы СССР, освободив свою собственную территорию, заключил бы сепаратный мир с гитлеровской Германией, то у Германии под полным контролем оставалась еще не только своя достаточная сила, но и совокупная мощь всей поставленной на службу рейху Европы. Чтобы ее сломить до конца, потребовались десятки миллионов жизней и четыре года невиданного духовного и предельного физического напряжения.

И, наконец, главное, — нравственная и мировоззренческая сторона вопроса: исторически невозможно оправдать попытки развязать войну гражданскую за спиной войны Отечественной. **Ибо против чужеземцев, пришедших превратить нацию в рабов, «сожрать ее пшеницы груды и высосать ее моря и руды», любой народ во все времена сражается только и только за Отечество, какие бы символы ни были на знаменах.**

Народно-Трудовой союз (НТС) — зарубежную эмигрантскую опору власовцев — некоторые сегодня в России пытаются представить рупором всей старой русской эмиграции. Но по свидетельству внука великого писателя — Н. И. Толстого, выросшего в русской среде довоенного Белграда, 80–85% эмигрантов, ненавидя большевизм, сочувствовали Красной Армии, потому что страстно переживали за Родину, которую топтали чужеземцы. «Пораженцев» было не более 15–20%. Они-то в «холодной войне» и стали на сторону «мировой закулисы», как и сам НТС, который поначалу объединял пламенных патриотов России. Их деятельность именно **после мая 1945-го** стала исторически абсурдной.

В это время прозорливые уже понимали подоплеку мировых процессов и чувствовали, что **после Великой Отечественной войны Запад боролся уже не с коммунизмом, который остался лишь инструментом соблазна для постколониального мира, а с геополитически преемственным ареалом исторического государства Российского.** Это обрекало все заграничные русские структуры с политическими целями вольно или невольно оказаться под колпаком

западных спецслужб. Как бы искренни ни были их члены, эти организации и их деятельность против СССР не только не могли способствовать «освобождению» России от «большевизма», но, став инструментом могущественных антирусских сил, лишь помогли обрушить ее с трудом устоявший каркас.

Однако тезис, что не русский народ, а лишь «большевики» и подневольные сражались с фашизмом за мировое господство, продолжал внедряться в сознание в течение десятилетий, чему служит и проникающая в посткоммунистическую Россию пропаганда НТС. В такой интерпретации «ярость благородная» обесмысленна, а война перестает быть опорной точкой национального сознания, ибо у русских в XX веке вместо национальной истории остается лишь погоня за ложными идеалами. Однако, сами стратеги западной политики хладнокровно оценили, что война стала *Отечественной*, изменила сознание в коммунистической России и *воссоединила в душах людей, а, значит, потенциально, и в государственном будущем разорванную, казалось навеки, нить русской и советской истории.*

При исследовании процессов в общественном сознании нельзя обойти тот факт, что в годы Отечественной войны в КПСС вступила огромная масса людей, по своему происхождению и сознанию (крестьяне) отличавшаяся от ранних большевиков, замышлявших мировую революцию в женевских кафе, для которых Россия была «вязанка хвороста» **в великом пожаре планетарных классовых битв.**

Второе «советско-партийное» поколение значительно выхолостило ортодоксально-марксистские основы воззрений на отечественную историю и развитие мира, ибо связало с коммунистическими клише собственный традиционализм. Они инстинктивно искали совмещения с марксизмом естественного побуждения человека созидать на своей Земле, а не разрушать ее во имя всемирных революционно-прогрессистских абстракций. Строительство «коммунизма» парадоксально стало «продолжением» русской истории, что вызвало бы (доживи они) ярость Ленина и Троцкого.

Этому второму советско-партийному поколению менее всего за весь XX век было свойственно «западничество» в какой-либо форме. Благодаря этому военному поколению, вдохновленному духом мая 1945-го, был смещен акцент с «внутренней классовой борьбы» на единственно возможный тогда (вместо русского) «советский» патриотизм. Именно это, в сочетании с осязаемыми итогами Великой Победы, не устраивало Запад.

Западу было чего опасаться. Российское наследие было препарировано и инкорпорировано в советскую государственную доктрину, уже сильно отличавшуюся от замыслов пламенных революционеров ленинско-бухаринско-троцкистского типа. Многие работы основоположников были заперты за толстыми стенами ИМЭЛа. Третий Интернационал в итоге оказался в гостинице «Центральная» под домашним арестом, в КПСС наметилось негласное противоборство на-

ционально-державной и космополитической линий, за которым пристально следили спецслужбы США, а также внутренние носители антирусского начала. (Красноречивым свидетельством бдительного и весьма профессионально организованного отслеживания ростков русской мысли и духа и малейших колебаний партийной идеологии служит «аналитическая сводка» о состоянии современного русского самосознания и о так называемой «русской новой правдой»¹).

Как ни малы и объективно ограничены ни были эти колебания в рамках господствовавшей идеологии, одна лишь возможность выживания не то что ростков — семян русского самосознания — таила страшную опасность для антирусского проекта XX века. Его творцы чувствовали себя спокойно лишь при полном вытравливании этих семян.

Сколько бы русские ни спорили о войне, суждения и деятельность титанов западноевропейской политики — Черчилля, де Голля и других, вся западная стратегия и, наконец, обширная зарубежная литература по международным отношениям свидетельствуют: после мая 1945 года Советский Союз в западном мире рассматривался как «опасная», а сочувствующими силами мира — как обнадеживающая геополитическая предпосылка к потенциальному восстановлению России.

В общественном сознании противостояние Запада и СССР после войны намеренно было сведено исключительно к демагогии о борьбе коммунизма и демократии. Это было нужно для того, чтобы потом обосновать **правомерность замены итогов Второй мировой войны, которую СССР выиграл, на итоги «холодной войны», которую СССР проиграл, причем проиграл в роли носителя коммунистической идеи.**

Идея и носитель были повержены с афишируемым треском. Теперь задумаемся: ведь это ликование на Западе странно не соответствовало абсолютной безвредности идеи коммунизма для Запада в силу ее уже полной непривлекательности в конце XX века. Празднование «одоления империи зла» связано с тем, что под видом коммунизма, казалось, удалось еще раз похоронить в зародыше потенциальную возможность исторического возрождения России. Для Запада и внутренних постсоветских либералов-западников надо было сделать так, чтобы под флагом прощания с тоталитаризмом вышвырнуть отеческие гробы вовсе не советской, а многовековой русской истории.

Для чего нужно поругание победы

Когда Россия выходила из-за железного занавеса, весь мир не без корыстного интереса ждал, что же скажет страна Достоевского на вызовы XXI столетия, сумеет ли она с национальным достоинством переосмыслить свою историю, с чем пойдет в будущее. Вместо формулирования национальных идеалов за пределами материального, вместо подлинного исторического проекта постсоветские идейные гуру перестройки прорыдали: «Рынок, PEPSI» и всю свою энергию обрушили на обличение собственной истории.

Приходится сделать вывод, что не только марксизм-ленинизм в 1914–1918, но и диссидентство сыграло в жизни Отечества зловещую роль. Как и любое протестное движение, диссидентство было питаемо реальными противоречиями, бедами и грехами государственной жизни. Но, как и ортодоксальный марксизм первых большевиков, диссидентство, за исключением небольшого национального отряда, сразу распознанного и преданного остальными, было формой отторжения русского исторического и духовного опыта. Поэтому оно оказалось инструментом разрушения государства и мировой политики. Постсоветские либералы, выпестованные на демократической платформе КПСС, диссиденты, шестидесятники, подобно первым большевикам, полностью утратили связь с чем-либо национальным вообще. Мнимые борцы с коммунизмом, они боролись не с антирусским революционным замыслом о России, а с собственной государственностью.

Растеряв свои положительные идеалы, мы на время остались только с чувством неуважения к своему прошлому, со знанием лишь того, чего уже не хотели в будущем, во что уже больше не верили. И нация, упоенно развенчивавшая грехи государства в эпоху безвременья и смятения личного и национального самосознания, позволила распять свое Отечество.

Пока Россия демонстрировала неспособность найти согласие ни по одному вопросу своего прошлого, настоящего и будущего, весь остальной мир пожинал плоды нашего национального нигилизма и безверия.

Но история, награждающая за покаяние, не прощает самопредательства. Большевики уже пытались упразднить ошельмованную тысячелетнюю русскую историю до 1917. В наказание на них обрушились «братья по классу» во вражеской военной форме, и страна в 1941 возопила о помощи к своей преданной истории, которая простила на первый раз и вдохнула дух национального единства. Иные большевики от либерализма глумятся над Великой Отечественной войной и жизнью отцов, и трагедия 1917 вновь повторяется в конце века:

С Россией кончено, на последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах.
Не надо ли кому земли,
Республик да свобод?
И Родину народ,
Сам выволоч на гноище как падаль...
О, Господи! Разверзни, расточи!
Пошли на нас огонь, язвы и бичи!
Германцев с Запада, монгол с Востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!»

(М. Волошин, 1917)

Германцы уже были...

Право на будущее имеет только тот, кто уважает свое прошлое. История всегда находит путь преемственности, и поэтому ее нельзя разделить, нельзя зачеркнуть в ней ни одной страницы, даже трагической и печальной.

Почему противникам возрождения российской державности выгодно, чтобы не было преемственности русского и советского исторического сознания? Этим достигаются фундаментальные цели:

- в такой интерпретации война перестает быть Отечественной, а, значит, у русских в XX веке нет национальной истории, нет легитимной государственности, следовательно, правомерны любые внешние вмешательства и внутренние мятежи, и сепаратизм.
- **во-вторых, идея, что СССР в его битве с гитлеровским рейхом был таким же преступным государством, служит изменению смысла войны и праву пересмотреть итоги Ялты и Потсдама.**

Эта война якобы велась союзниками не за жизнь, не за историческое существование европейских народов, которым угрожала физическая гибель и прекращение национальной жизни, а исключительно за торжество американской демократии. Не случайно, именно в период подготовки расчленения СССР — в 1970–1980-е гг. — в общественное сознание как Запада, так и России внедрялось суждение о тождестве всемирных целей Гитлера и Сталина, о войне как схватке двух тоталитаризмов, соперничавших за господство. И вот уже Суворов — не Рымникский, Румянцев — не Задунайский, Потемкин — не Таврический, Паскевич — не Эриванский, Муравьев — не Карский, Дибич — не Забалканский. Россию оттесняют с морей, говорят, что русским не принадлежит ни пяди земли, которую они полили своей кровью и которой дали свое имя.

Как поздно заметили, что, избавляясь от надоевшего всеисилья косной КПСС, под либеральной и антикоммунистической фразеологией сохранили и даже вновь заострили марксистскую нигилистическую интерпретацию всей российской истории. Пафос обличения «тюрьмы народов» мог по силе ненависти к русской истории сравниться лишь с двадцатыми годами потому, что воспроизводил давно забытые поношения России троцкистами и бухаринистами. Как отечественные «либералы», так и Запад подвергли наибольшему поношению в советском периоде именно спасительный отход от ортодоксального марксизма и элементы исторической преемственности в общественном сознании, в оценке национальных интересов, мало зависящих от типа власти.

Не многих насторожило, что **Запад приветствовал разрушение советской державы теми же словами, которыми приветствовал разрушение державы Российской.** Ведь когда в России грянула большевистская революция, и страна временно распалась, якобы антикоммунистическая Америка это

приветствовала — загадочный alter ego президента В. Вильсона, полковник Хауз посоветовал ему «заверить Россию в нашей симпатии к ее попыткам установить прочную демократию и оказать ей всеми возможными способами финансовую, промышленную и моральную поддержку».

Именно на фоне первого распада России США провозгласили первый универсалистский проект перестройки мира на основах «демократии и общечеловеческих ценностей» — Программу из XIV пунктов. Программа президента США Вудро Вильсона формально провозглашала единство России. Но фактическим автором документа был загадочный помощник — полковник Э. Хауз. Расшифрованный в «Архиве полковника Хауза» пункт 6, посвященный России, гласил: «Россия слишком велика и однородна, ее надо свести к Среднерусской возвышенности... Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы начертаем судьбу российских народов». Этот план предполагал на территории Российской империи **«признание де-факто существующих правительств» и «помощь им и через них»** — Украинскую Раду, оккупированные кайзеровскими войсками Эстонию, Латвию, Литву, а также отдельно и большевиков, и белых как и вывод из самопровозглашенных территорий **«всех иностранных войск»**² — (в том числе и Белой, и Красной армий, могущих восстановить единство страны). **Это означало не что иное, как международное признание и закрепление расчленения исторической России.**

Когда двигатель «свободы и демократии» в Москве, Киеве и Тбилиси президент Буш-старший, пообещав признание Украине, благословил Беловежские соглашения, когда США признали Грузию, не дожидаясь легитимизации тбилисского режима, невольно вспомнились времена Брестского мира, Хауз и В. Вильсон с их Программой из XIV пунктов, план Ллойд-Джорджа по расчленению России, попытка признать сразу все «де-факто» существующие правительства на территории «бывшей» Российской империи.

Под аплодисменты поборников демократии и прав человека и под флагом прощания с тоталитаризмом были сданы вехи и итоги вовсе не советской, а трехсотлетней русской истории! Кто вспоминает сегодня, что 2004–2005 гг. — это 150-летие Севастопольской обороны и Крымской войны? Где Ништатский мир, кто помнит о Полтаве?

И когда Россия, наконец, осознала, что выходы к морю, судоходные реки и незамерзающие порты одинаково нужны монархии XVIII века и демократии XXI, а с помощью блоков и союзов проходят через проливы не только имперские пушки, но и танкеры с нефтью, давление на некоммунистическую Россию, по сравнению с большевистским СССР, многократно возросло.

Нынешнюю прозревающую и восстанавливающую свое национальное сознание и духовный стержень Россию стали обвинять в отступлении от «демократии».

История на службе политики

Наступает черед и последней святыни — Великой Победы в Великой Отечественной войне. Либералы-западники упорно навязывают нам версию о воевавших двух идеологических монстрах, равно угрожавших мировой демократии. Но ведь это зеркальное отражение всего лишь вульгарно-марксистской интерпретации, которая проявлялась в хрущевские времена: тезис о том, что СССР вел войну не с Германией, а лишь с «социально-классовой системой фашизма». Это забвение нам дорого обошлось — разрушением национального самосознания.

Ставшие лимитрофами Латвия и Эстония, Польша и Чехия празднуют освобождение Освенцима и оскорбляют его Освободителя — того, кто спас Европу и, прежде всего, их самих от нацистского порабощения, от превращения наций в безликий человеческий материал без языка и культуры, без грехов и достижений, — без истории.

Нашумевшая недавно книга «История Латвии», которую президент Латвии Вайре Вике-Фрейберге торжественно вручала государственным деятелям, вряд ли когда-нибудь удостоилась бы внимания, если бы не выполняла определенную роль. Без ссылок на документы, произвольно опускающая и акцентирующая события и факты, она явно написана для иностранцев и напоминает местами справочник-путеводитель по этнографии и истории «маленького, но гордого народа», пострадавшего от имперской угнетательницы России и тоталитарного СССР. Такой идеологической заданностью книга вызывает аналогии со статьями в Большой Советской Энциклопедии времен известного единомыслия.

Однако, презентация этой книжки на официальной церемонии в Освенциме не случайна, как впрочем, и финансовая помощь международных фондов, а также посольства США в Латвии в лице некоей «Комиссии по демократии». Книга «История Латвии» — это не просто неприятный эпизод в двусторонних латвийско-российских отношениях.

На самом деле это — «справочник-путеводитель» по истории XX века, вернее, пособие по новому ее прочтению. С предисловием Президента страны книга обретает официальный статус и становится первым официальным вызовом интерпретации Второй мировой и Великой Отечественной войны. Тиражируемый до сих пор, в основном, в СМИ, образ двух тоталитарных монстров, попеременно порабовавших народы вплоть до сегодняшней эры вселенской демократии, становится инструментом международной стратегии, которая должна увенчать все, достигнутое Западом в последние 15 лет.

Стратегия заключается в полной и окончательной демонизации коммунистического «сталинского» СССР. Для этого нужно отождествить коммунистический Советский Союз с гитлеровским нацистским режимом, привести уже несуществующий СССР задним числом к некоему виртуальному Нюрнбергскому

процессу и уже открыто объявить Ялтинско-Потсдамскую систему — итогом борьбы равно отвратительных тоталитарных режимов, результатом «пакта Молотова–Риббентропа», с которым Запад вынужден был временно смириться.

Следующий этап — обесценивание подписи СССР под важнейшими международно-правовыми актами и всем юридическим основанием территориальных реалий и военно-стратегических симметрий, включая оставшуюся договорную систему вооружений и Устав ООН с его принципами невмешательства и суверенитета, отторжение Калининградской области, вытеснение России с Балтики, Черного моря и Тихого океана.

Противодействие этой стратегии накануне 60-летия Великой Победы — есть не дань оскорбленной гордости, а неперемное условие сохранения России как самостоятельного и значимого субъекта международных отношений, что должно стать задачей ответственного политического руководства и всего общества.

Территория Советского Союза — территория исторического государства Российского

Следует осознать, что демонизация «сталинского СССР» осуществляется вовсе не из моральных побуждений, иначе пришлось бы осудить и В. И. Ленина, поскольку по массовости и жестокости репрессий (не без помощи латышских стрелков) ленинский период был не лучше. Однако Ленина Запад всегда щадит, по-видимому, в благодарность за сокрушение Российской империи. Документы, касающиеся позиции США и Британии в отношении охваченной гражданской войной России, неопровержимо свидетельствуют не о цели сокрушить советскую власть, а о нежелании восстанавливать территорию Российской империи, о закулисной игре прежде всего США с большевиками, о попеременном сотрудничестве союзников то с Красной Армией против Белой, то наоборот, закончившимся, в целом, предательством Антантой именно Белой Армии.

Записи заседаний «Совета» Антанты в ходе подготовки Версальского мира 1919, переписка эмиссаров США по русскому направлению с Государственным департаментом, документы Комиссии по иностранным делам Сената США показывают ориентацию Британии и США на закрепление отделения от России, прежде всего, Прибалтики и Черноморских регионов. Англичане появились в Прибалтике в декабре 1918 после ухода отсюда немцев. Посаженные еще немецкими штыками для германских целей, прибалтийские самопровозглашенные режимы, никем не избранные, быстро переориентировались на Британию. В августе 1919 английский эмиссар потребовал от белого Северо-Западного правительства при генерале Юдениче «признать эстонскую независимость, иначе Антанта прекратит помощь». Помощи

не последовало даже в дни наступления Юденича, а «независимое» эстонское правительство, в ответ на просьбу белых о помощи, ответило, что «было бы непростительной глупостью со стороны эстонского народа, если бы он сделал это».

Тщетно последний русский посол в Вашингтоне Бахметьев направлял Государственному департаменту перечень условий для России при разработке мирного урегулирования, в который входили «безоговорочное аннулирование Брест-Литовского договора и других соглашений, заключенных Германией после 7 ноября 1917 с властями, действующими от имени России или политическими и национальными группировками, претендующими на власть в любой территории бывшей Российской империи»³.

В это время молодой А. Даллес (вместе с братом Дж. Ф. Даллесом участвовавший в разработке американской позиции) шлет из Прибалтики совсем другой план, предлагая немедленно воспользоваться провозглашением независимой Литвы и антирусскими настроениями Ю. Пилсудского. Даллес подчеркивает «необходимость срочной военной помощи», с тревогой сообщая, что «литовское правительство (Тариба) отошло на Запад от Вильно к Ковно, а в Вильно сформировалось советское правительство»⁴.

Британия — союзница России — фактически признает Латвию, поскольку ее представитель в Лондоне британец Г. Симсон передает послу США «протест от имени временного правительства Латвии в связи с тем, что германские войска вопреки статье XI Компьенского перемирия покидают Латвию, оставляя ее открытой для занятия красными или белыми войсками, которые под разными флагами могли объединить страну»⁵.

Но Антанта так и не признала ни одно из белоэмигрантских правительств России, в связи с чем А. И. Деникин горько отмечал, что одновременно «они охотно и торопливо признавали все новые государства, возникшие на окраинах России». А Польша? Ведь Ю. Пилсудский остановил Буденного только с помощью Врангеля, ударившего в тыл большевикам. Но, когда большевики, заключив Советско-польский договор, перебросили войска на юг, ни поляки, ни французы помогать белому Крыму не стали, а Пилсудский цинично заявил: «Пусть Россия еще погнет лет 50 под большевиками, а мы встанем на ноги и укрепим»⁶.

Общий тон английской политики был определен самим Ллойд Джорджем в английском парламенте, когда он прямо сказал, что «сомневается в выгодности для Англии восстановления прежней могущественной России»⁷. Антанта вовсе не боролась с советской властью как таковой, хотя и сдерживала проникновение революции в свои страны, а искала возможность закрепить уменьшение геополитической величины, каковой была Российская империя.

У внешнеполитического представителя Деникина в Европе — С. Сазонова (министра иностранных дел России с 1914 по 1916) — были сведения касательно

«грандиозного плана Англии, имевшего целью расчленение России. Балтийские государства должны были окончательно отрезать Россию от Балтийского моря, Кавказ должен быть буфером, совершенно самостоятельным от России, между нею и Турцией и Персией таким же самостоятельным должен был стать и Туркестан, чтобы раз и навсегда преградить путь в Индию. Персия попадала целиком под власть Англии, а «независимость» Кавказа, Туркестана и Балтийских государств ограничивалась бы практическим протекторатом Англии над этими областями». Подобные очертания промелькнули в некоторых англосаксонских эскизах послевоенных конфигураций в ходе Второй мировой войны, перечеркнутых победой Советской армии. Этот план — прообраз событий на постсоветском пространстве после 2000 года.

Итак, осудив Ленина, пришлось бы сочувствовать Великой России — «единой и неделимой», а она-то и есть первый предмет ненависти; сталинский СССР после мая 1945 — всего лишь второй, и вовсе не из-за репрессий, ненавистных и нам самим, а из-за победной державности. Поэтому ленинская Советская Россия, в которой убивали священников и рушили церкви, расстреливали крестьян и гимназистов без всякого суда и следствия, не вызывает осуждения. В. Ленин ведь был западником, а большевизм — формой отторжения не только всего национального русского, но и всего державного — российского. Для Ленина Европа должна была найти образцовое воплощение в революционной России.

«Сталинизм» же, если оценивать идеологическую особенность его исторической философии по сравнению с ранним большевизмом, сохранял революционное отторжение православно-русского мировоззрения, но осуществил некую инкорпорацию «русского великодержавного». Это произвело мутацию марксизма на почве русского сознания масс и позволило возникнуть «духу мая 1945 года». С ним советское великодержавие достигло уровня системообразующего элемента мирового устройства. Во второй половине XX века западная историография в ответ прочно и окончательно привязала клише «советский империализм» к русской истории.

Реакция окружающего мира на преодоление максималистских установок раннего ортодоксального большевизма была отрицательная! Восстановление традиционных ориентиров внешней политики СССР вызывало еще большее противодействие Запада, хотя идея мировой революции ему как раз уже не грозила. В ответ на рецидив великодержавия сразу стали искать корни «сталинского деспотизма» не у Робеспьера, Томаса Мюнцера или Иоанна Лейденского — родоначальников революционного террора, даже не у Петра Великого, но у Ивана Грозного и Чингисхана, хотя большевиков Октября 1917 первоначально рассматривали как «наследников Просвещения и Великой Французской революции», закрывая глаза на их революционный террор.

В отличие от отечественных исследователей западные историки всегда были осведомлены о сущности коллизии между Троцким и Сталиным. Именно «деленинизация» революции, но не репрессии, которые масштабно велись при Ленине, вызывает неприятие послеленинского периода в СССР. Что может быть красноречивее, чем добросовестное признание мангеймского профессора-советолога Э. Яна, исследовавшего нюансы именно западной советологии: «Чем менее рабочий класс за пределами Советского Союза проявлял себя как революционная сила, тем более увеличивалась традиционная дистанция между Россией и Европой». «Русификация советского представления об истории еще более углубляла пропасть между образами «полуазиатской» России и Европы... **Здесь до сего дня находятся точки соприкосновения сталинизма и постсталинизма с дореволюционным антизападническим славянофильством**»⁸.

Именно последняя оценка как нельзя лучше характеризует содержание, которое вкладывает либерально-западническое сознание, как за рубежом, так и в современной России в термины «сталинизм» и «постсталинизм». Это добавление весьма красноречиво — этим термином уже очевидно обозначено вовсе не зловещее время репрессий, как раз роднящее Ленина и Сталина, а некая историко-философская аксиоматика интерпретации мировой истории, в которой российское великодержавие перестает быть бранным словом. Это вполне соответствовало духу позднесоветской космополитической интеллигенции, которая ненавидела Сталина не столько за репрессии, где он не был первым, как за его «великодержавный шовинизм», хотя в этом не признавалась.

Но в свое время все эти изменения были немедленно замечены русской эмиграцией и даже побудили некоторых сделать, увы, преждевременный вывод об уничтожении марксизма и отставке коммунизма. Так, Г. Федотов — социолог и философ либерального направления, откликавшийся в эмигрантских изданиях на все нюансы советской жизни 30-х годов, — даже счел идеологические изменения долгожданной и подлинной «контрреволюцией», справедливо полагая, что ленинско-троцкистские идеологи должны быть чрезвычайно разочарованы.

Он отмечал возвращение людям национальной истории вместо вульгарного социологизма ортодоксального марксистского обществоведения и полагал, не без оснований, что несколько страниц ранее запрещенных Пушкина и Толстого, прочитанные новыми советскими поколениями, возымеют больше влияния на умы, чем тонны пропаганды коммунистических газет. Любопытно, что Г. Федотов с удовлетворением комментировал в парижской «Новой России» (№ 1, 1936) «громкую всероссийскую пощечину», которую получил Н. Бухарин, редактор «Известий», за «оскорбление России».

Бухарин — один из пламенных ультралевых большевиков по мировоззрению и активности

в погромах традиций русской жизни и литературы. Ведущий американский советолог Стивен Коэн с очевидной тоской называет именно его «последним русским большевиком», «последним русским интернационалистом» — «альтернативой сталинщине». В статье, посвященной памяти Ленина 21 января 1936 года, Бухарин назвал русский народ «нацией Обломовых», «российским растяпой», говорил о его «азиатчине и азиатской лени». Неожиданно, за свои совершенно ортодоксальные марксистские сентенции Бухарин получил резкую отповедь. Газета «Правда» назвала его концепцию «гнилой и антиленинской», а сама воздала должное русскому народу не только за его «революционную энергию», но и за гениальные создания его художественного творчества и даже за грандиозность его государства.

Г. Федотов писал, что русскому исследователю, должно быть «совершенно неинтересно, смог или не смог оправдаться Бухарин перед судом ленинского трибунала», созданию которого сам Бухарин так способствовал. Действительно, в этом он, подобно Троцкому, совсем не раскаивался, о чем говорит его предсмертное письмо к Сталину из камеры. В нем он пишет об «искренней любви к партии и всему делу», с пониманием относится к периоду репрессий и даже готов поработать на это замечательное дело «с большим размахом и с энтузиазмом» в Америке, «перетянуть большие слои колеблющейся интеллигенции», вести «смертельную борьбу с Троцким». Бухарин даже предлагает послать для слежки за ним квалифицированного чекиста, а «в качестве дополнительной гарантии на полгода задержать здесь жену», «пока я на деле не докажу, как я бью морду Троцкому и К»⁹.

Интересна та сторона расправы над Бухариным, в которой именем одного демона революции — Ленина другой демон революции — Сталин «сводил счеты с самим Лениным». По мнению русской эмиграции, вполне обоснованному, бухаринская «гнилая концепция» была как раз чисто ленинской, но также имела за собой почтенную историческую давность, восходя к Салтыкову-Щедрину, Белинскому и Чаадаеву, то есть всем поколениям «ненавидящей и презирающей» просвещенной интеллигенции¹⁰.

После мая 1945 года СССР восстановил территорию исторической России и вновь стал великой державой. Но что бы ни писали о русском империализме и отечественные, и зарубежные авторы, общим итогом последних десяти веков остается неоспоримый факт — с XI до XXI столетия именно Запад с острием из восточноевропейских католиков постоянно продвигался на Восток, а рубежи колыбели русской государственности едва удерживались, да и то с переменным успехом. «В результате татарского ига Русь потерпела убытки, в конце концов, не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси, для того, чтобы отрезать от нее и присоединить к западно-христианскому миру западные русские земли

в Белоруссии и на Украине. Только в 1945 году России удалось вернуть себе те огромные территории, которые западные державы отобрали у нее в XIII–XIV веках»¹¹.

Ялта и Потсдам уравнивали всего лишь давление Запада, сделав на пятьдесят лет сферой влияния СССР всю территорию Восточной Европы и, как отмечал А. Тойнби: «Запад впервые за тысячу лет ощутил на себе давление России, которое она испытывала все века от Запада»¹².

И в этот период не только Венгрия — союзник Гитлера, но и Польша, Чехословакия, спасенные русскими от истребления фашизмом или от уготованной им участи слуг для хозяев предполагаемого рейха, оказались куда менее надежными членами советского блока, чем даже побежденные и разделенные немцы. ЦРУ в своих оценках потенциальной лояльности СССР в годы холодной войны, ставило на антирусские настроения, в основном, в Польше и Венгрии, несколько меньше — в Чехии¹³. Если немцев Горбачев буквально вытолкнул к их западным братьям, то поляки, венгры и чехи не желали мириться со своим положением сателлитов СССР и бунтовали против европейского порядка, санкционированного не только Сталиным, но и Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, забыв о Судетах и линии Одер — Нейссе, — даре Советского Союза, оплаченном кровью русской армии.

Эти страны, включая славянские Чехию и Польшу, недвусмысленно одобрили бомбардировки НАТО сербских позиций в Крайне и Боснии и безоговорочно вступили в Североатлантический альянс в тот самый момент, когда НАТО в нарушение всех правовых норм готовила удары против Югославии, против сербов, которые никогда в истории не выступали против них, против Белграда, который в свое время осудил ввод советских войск в Чехословакию.

Но более угодные либералу Гавелу демократы — судетские немцы — уже начали сравнивать себя с косоварами. Повторение из века в век геополитической закономерности антироссийской политики восточноевропейских католиков, независимой Польши, побуждает относиться к этому серьезно.

Заметим, что все русофобские штампы о России как о тюрьме народов, заимствованы у Маркса и Энгельса. Наибольшему поношению в советском периоде подвергаются спасительные для нации отступления от ортодоксального марксизма и восстановление критического минимума традиционных понятий о государстве.

Пора напомнить, что все территории России — и Крым, и устье Дуная, и Закавказье, и Прибалтика — были собраны до революции. Потемкин стал Таврическим, Суворов — Рымникским, Румянцев — Задунайским, — не при Сталине, а при Екатерине Великой.

До революции территорию России никто не оспаривал. Она считалась абсолютно бесспорной и легитимной, выросшей в полном соответствии

с юридическими нормами своих эпох. Именно революция сделала эту территорию оспариваемой, и можно с уверенностью утверждать, что не будь ленинского Брестского мира, не было бы сегодня НАТО в Прибалтике.

Итак, именно советское великодержавие и восстановление территории исторической России нужно обесценить и окрасить в черные тона. Но как?

Увязав с репрессиями.

Заметим, не только в первое десятилетие после революции, но и в пресловутый сталинский 1937, СССР не был великой державой, он едва справлялся с давлением окружающего мира. Следовательно, советское великодержавие оплачено вообще не революционно-коммунистическим проектом как таковым, не репрессиями как ленинского, так и сталинского периода, хотя нельзя их отрицать — они осуждены нами самими сполна,

Великодержавие в СССР воссоздано жертвенной борьбой против гитлеровской агрессии и «духом мая 1945», Ялтинско-Потсдамской системой. А войну СССР выиграл не как носитель коммунистической идеи, а в своей ипостаси Великой России.

Целили-то вовсе не в коммунизм

Периодические попытки Запада и либералов развенчать память о войне свидетельствуют о том, что эта память — есть важнейший краеугольный камень преемственного национального сознания, мешающего растворению России. В последние годы эти пути становятся более изощренными, но не менее последовательными и упорными. Прямые атаки не увенчались успехом даже в период тотального нигилизма конца 1980 — начала 1990-х годов. Тогда нация с увлечением раздавала поруганные отеческие гробы своей тысячелетней истории под флагом прощания с тоталитаризмом. Потом стали говорить, что «целили в коммунизм, а попали в Россию». Нет, целили именно в Россию, используя как предлог и инструмент, надоевший всем коммунизм.

Чувство самосохранения все же возобладало и интуитивно отвергло поругание Победы. Однако ядовитые комментарии, упорные рассказы о «заградотрядах», якобы стрелявших повсеместно в спину бойцам, которые без этого обязательно сдались бы в плен, до сих пор появляются. И не только к 22 июня и 9 мая, но и сопровождают каждые юбилеи великих битв — Сталинградской, Курской.

На самом деле за всеми этими коварными приемами скрывается одна цель — развенчать положительный образ Отечества как великой державы. Воинствующим постсоветским либералам-западникам ненавистна любая форма отечественного великодержавия, будь то исторического российского, будь то советского. Они стремятся обесценить это великодержавие, увязав его с репрессивным началом коммунистического правления. Однако их борьба с коммунизмом — мнима, они, заметим, никогда

не обрушиваются на сам марксизм, щадят Ленина в благодарность за сокрушение православной империи. Они, в основном, обрушиваются на «державный», а не на революционный период советской истории, хотя именно в 1920-е годы режим проявлял в самой свирепой форме свою антиправославную и антирусскую сущность.

Более того, все поношения «великодержавных амбиций» постсоветскими либералами и западной публицистикой заимствованы из вульгарно-марксистской «классовой» исторической школы М. Покровского, создававшего «красную профессуру» и переписывавшего в первое десятилетие после революции русскую историю в ненавистническом духе классового социологизма. Сейчас уже не знают, что в советских учебниках истории первого десятилетия Наполеона называли освободителем, так как «помещичья и царистская Россия была более отсталой, чем передовая революционная Франция». Святого Благоверного Александра Невского называли классовым врагом, Чайковского — «хлюпиком», Чехова — «нытиком», Пушкина — «камер-юнкером», а Льва Толстого — «помещиком, юродствующим во Христе». А, значит, причина — не в репрессиях как таковых, ибо репрессии в ленинский период были не менее страшными и куда более целенаправленными — на уничтожение религиозно-национальной ипостаси России и носителей национального и православного сознания. Причина — в великодержавии советского периода.

Не парадокс, но промысел

Советское великодержавие было оплачено вовсе не репрессиями. Ни в 1920, ни в пресловутый 1937, Советский Союз не был великой державой, наоборот его теснили в двадцатые годы по всем направлениям. Великой державой наша страна стала после жертвенной борьбы народа против фашистской агрессии. Без осознания смысла Великой русской Победы — этого важнейшего события нашей многострадальной истории в XX веке — невозможно понять суть мировых процессов и судьбу послевоенного СССР. Ибо Великую Отечественную войну СССР выиграл в своей ипостаси Великой России.

На советских людей еще первого поколения, не забывших традиционные ценности Отечества, семьи, национального чувства, обрушились вражеские войска, одержимые не мировой революцией и счастьем всего человечества, а идеей мирового господства.

Став Отечественной, война востребовала национальное чувство русского народа и его духовную солидарность, разрушенные классовым интернационализмом, очистила от скверны братоубийственной гражданской войны и воссоединила в душах людей, а, значит, потенциально, и в государственном будущем разорванную, казалось, навеки, нить русской и советской истории.

Отозвавшись на «Братья и сестры!» и на церковное благословение «православных на защиту священ-

ных рубежей нашего Отечества», в окопах Сталинграда в партию вступили обыкновенные почвенные русские люди, преимущественно крестьяне.

И те, кого в двадцатые годы учили по первым большевистским учебникам глумливо называть Святого Благоверного Александра Невского классовым врагом, на Прохоровском поле умирали «за советскую Родину» в танке, носящем его имя. Это не парадокс, это Промысел. Страна возопила о помощи к своей попранной истории, и та простила и вдохнула дух национального единства и жертвенности за Отечество. Простит ли она еще одно самопредательство?

Что такое Ялта и Потсдам

Важнейшим, хотя никогда вслух не произносимым итогом Ялты и Потсдама стало фактическое признание преемственности СССР по отношению к геополитическому ареалу Российской империи в сочетании с новообретенной военной мощью и международным влиянием. Это и определило неизбежность «холодного» противодействия именно этим результатам победы, восстановившим на месте Великой России новую силу, способную, пусть в иных формах и проявлениях, также сдерживать устремления Запада. Можно сказать, именно это вызвало Фултонскую речь У. Черчилля — последнего и ярчайшего представителя классической британской внешнеполитической идеологии. В политике США отчетливо стала проявляться их цель с 1917 — непризнание любых форм восстановления преемственности российской истории.

Вся послевоенная история и, что особенно показательно, «перестройка», показали, что именно эти итоги были неприемлемы для Запада, а не страх перед идеей коммунизма или броском советских танков в Западную Европу. Политика англосаксонских союзников за два послевоенные года представляет собой достойное продолжение стратегии Б. Дизраэли на Берлинском конгрессе после Русско-турецкой войны 1877–1878, с целью свести к минимуму потенциал русской победы.

Особенно тяжело было смириться с восстановлением обретенных Петра Великого, не дававших старушке-Европе покоя в течение двухсот лет. К ним добавилась в результате победы Калининградская область. Конгресс США периодически делал заявления в косвенной форме в отношении Прибалтики. США сделали все, чтобы никогда не реализовались мечты Сталина вернуть Каре, Ардаган, которые по Берлинскому трактату 1878 отошли к России, но были незаконно оккупированы Турцией в 1918. Именно большевики сдали эти территории взамен на согласие Кемаля Ататюрка на советизацию Закавказья по сценарию пантюркистов (поэтому Ленина там уважают). Об этих территориях, незаконно отторгнутых в ходе революции, был правомерно поставлен вопрос советской делегацией на Ялтинской и Потсдамской конференциях¹⁴. (Вот за что Сталина там ненавидят,

это здесь, у нас его отвергают за репрессии, и это надо понять). И если в документах середины войны такая позиция в британском Форин Офис еще рассматривалась как правомерная, «ибо не требовала ничего более того, что ранее принадлежало России», в конце войны натолкнулась на самое жесткое противодействие уже и Англии, и США.

Контроль над Восточной Европой добавлял к могуществу СССР гораздо меньше, чем принято думать, став, к тому же, тяжелой обузой, необходимостью сдерживать своих неояльных «братьев», вроде поляков и венгров, которые, куда более чем немцы, только и мечтали о реванше над Россией. Настоящим призом в этой войне было бы восстановление (кроме Прибалтики) совокупности тех территорий и позиций исторической России, которые сделали ее державой, «без которой ни одна пушка в Европе не стреляла», — это положения Берлинского трактата: Каре, Ардаган и беспрепятственный и гарантированный проход по Черноморским проливам. Это были до революции территории России, которые никем не оспаривались. Но именно против этого скалой встали англосаксонские союзники СССР по антигитлеровской коалиции. Конгресс США последовательно не признавал Прибалтику как часть СССР вплоть до 1990-х годов и вдохновил концепцию «восстановления довоенных государств», вместо отделения от СССР.

Еще скрытая от мира холодная война началась почти сразу, на созданных форумах по послевоенному урегулированию. В ходе переговоров и бесед Молотова, Государственного секретаря США Бирнса и Министра иностранных дел Великобритании Бевина на первой сессии Совета Министров Иностранных дел в сентябре — октябре 1945 года начались позиционные дипломатические бои. Молотов бросил упрек: «Пока шла война... миллионы людей гибли на фронте, у Советского и Британского правительств были споры, но они сговаривались. Советский Союз был нужен. Как только война окончилась, против Советского Союза принимаются всякие меры»¹⁵.

Материалы заседаний и особенно записи бесед глав внешнеполитических ведомств показывают очевидную линию США и Британии: признать в качестве максимума для СССР включение лишь Восточной Европы в его военно-стратегический и геополитический ареал (чему нельзя уже было воспрепятствовать) и категорически не пустить СССР на Балканы. Граница «зоны безопасности» СССР от Балтики на Юг ни в коем случае не должна была доходить до Средиземного моря, то есть не опускаться на Юг по берлинскому меридиану. Ее надо было завернуть на Восток, чтобы полностью отделить Черное море от Южной Европы, оставить все Средиземноморье под контролем будущей НАТО.

В итоге Запад вполне реализовал описанные цели: во-первых, были отбиты все попытки СССР хотя бы мизинцем ухватиться за какой-либо опорный пункт в Средиземном море — южной стратегической

границе геополитического ареала будущей НАТО. Во-вторых, с помощью ставки на Турцию, были категорически пресечены и упреждены на будущее попытки вернуть Каре и Ардаган, для чего южные рубежи СССР были потом окружены военными базами.

Таким образом, вопреки клише, утвердившемуся в западной и современной российской либерально-западнической публицистике, союзники России, как и в Первой мировой войне, не отводили к ее «зоне безопасности» ничего к юго-западу от тех рубежей, на которых она и так к началу XX века была главной региональной державой. Вакуум на Юге — в регионе проливов, создаваемый в конце Первой мировой войны разгромом Австро-германского блока и распадом Османской империи, а в 1945 году — разгромом фашистской Германии, должен был быть заполнен и структурирован в новую конфигурацию — НАТО.

Эти особенности послевоенных дипломатических баталий становятся особенно интересными, так как обозначившееся в 90-е годы двадцатого столетия направление расширения НАТО, оккупация Косова — ключа к Вардаро-моравской долине, соединяющей Западную Европу с регионом проливов, на этом фоне выглядят отложенной реализацией неосуществившихся в конце прошлой войны и на сессиях СМВД планов. Проекты же эти проявляют знакомые с XIX века черты извечных военно-стратегических симметрии и геополитических закономерностей, заслоненных борьбой «тоталитаризма и демократии», прежде всего **Восточный вопрос**. Отсюда понятны аплодисменты на Западе «революции роз» в Грузии и «оранжевой революции» на Украине. Вытеснение России с Черного моря и с Балтики — вот вожденная цель Запада в течение всех послевоенных десятилетий.

Что же нужно изменить, а что оставить из ялтинской системы?

Итак, именно Ялтинско-потсдамскую систему, именно этот итог Второй мировой войны, невозможный без Великой Отечественной войны СССР, и призваны развенчать книга «История Латвии» и все дерзкие укусы прибалтийских стран и Польши. Больше, чем эти страны имеют сейчас, они уже не приобретут, так что «передовой отряд» явно выполняет чужой проект — задачу легализовать пересмотр истории уже не в СМИ, а на официальном государственном уровне.

Впрочем, пересматриваются и развенчиваются отнюдь не все итоги Второй мировой войны, а только те, что были в пользу СССР. Подвергаются сомнению статус Калининградской области и Курильских островов, но не измененная итало-французская граница или передача Додеканезских островов Греции, не состоявшаяся бы без согласия Сталина, за которое греки до сих пор благодарны Советскому Союзу, ибо во время этого решения в Греции с помощью Британии были приведены к власти антикоммунистические силы, и греческие коммунисты были брошены в тюрьмы

(стало быть, не за торжество коммунистической идеи воевал СССР!). Восстановление территорий, утраченных в ходе революции и интервенции, объявляется агрессией и оккупацией, а приращения к некоторым государствам территорий, вообще никогда не бывших в их составе, не вызывает никаких сомнений.

Как не вспомнить Данилевского, который сравнивал сорокалетний стон по поводу так называемого «раздела» Польши с тем спокойствием, с которым Европа отнеслась к захвату Германией Шлезвига и Гольштейна. «Будет ли Шлезвиг и Гольштейн датским или германским, он все-таки останется европейским; произойдет маленькое наклонение в политических весах; стоит ли о том толковать много? Державность Европы от этого не потерпит; общественному мнению надо быть снисходительным между своими... Но как дозволить распространяться влиянию чуждого, враждебного, варварского мира, хотя бы оно распространялось на то, что по всем божеским и человеческим законам принадлежит этому миру? Не допускать до этого — общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка (*сегодня — чеченского террориста*. — Н. Н.) взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации»¹⁶.

Никому на Западе не кажется абсурдным, что Ялтинскую систему осуждает Варшава, получившая в дар от Красной Армии Силезию — почти треть своей территории. Литва же и вовсе своей столицей объявлена «преступному» секретному протоколу к Пакту Молотова–Риббентропа, в котором говорилось, что «интересы Литвы в Виленской области признаются обеими сторонами». Архивы свидетельствуют не о стыде литовцев, а о ликовании. Получив Вильно через два месяца после «позорного протокола» в октябре 1939, Литва праздновала, о чем сообщали дипломаты: «С утра весь город украсился государственными флагами... Люди целовались, поздравляли друг друга»¹⁷. Посол США Норманом сообщал о «праздничном колокольном звоне» и о «воодушевлении, с которым встречено сообщение о возвращении Вильно» и о праздничных манифестациях¹⁸.

Территория Литвы сегодня — единственный оставшийся реликт пакта Молотова–Риббентропа. Это и объясняет парадокс, что в книге «История Латвии» вдоволь говорится об «оккупации», но пакт Молотова–Риббентропа упоминается лишь вскользь. Отчего же такая непоследовательность? Оттого, что Латвия сегодня тщится возглавить единый фронт прибалтийских стран. Литва же, вторя Риге в отрицании Победы и объявлении СССР оккупантом, не может осуждать пакт Молотова–Риббентропа. Иначе надо расстаться с собственной столицей и всем Виленским краем!

Хочется напомнить Варшаве, что за все ее будущие козни против России и сочувствие уголовному мятежнику Масхадову с его головорезами именно СССР — Россия, против воли союзников, подарила ей Силезию.

Даже классик интернационализма Ф. Энгельс в своих рассуждениях о будущем «послереволюционной» Европы славянам места не отводил. Гневную отповедь классика вызвал призыв Михаила Бакунина к единению славянства и освобождению от иноземного ига. Но русский одновременно говорил о «протянутой братской руке немецкому народу... во имя свободы, равенства, братства всех наций». Что же классик интернационализма? Равенство и братство — не для всех, и Энгельс как отрезал, что «речь идет не о братском союзе всех европейских народов, а о союзе революционных народов против контрреволюционных».

Энгельс полагал славян народами, которые «не жизненны и никогда не смогут обрести какую-нибудь самостоятельность». Они, якобы, «никогда не имели своей собственной истории... и лишь с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации». В тевтонском задоре Энгельс утрачивал последние проблески интернационализма. Славяне не просто ничтожный мусор истории — они «всюду были угнетателями всех революционных наций, немцы и венгры являются не только символом прогресса и революции, но также просветителями и носителями цивилизации для славян». В молниях против Бакунина Энгельс уже полностью обнажил, что предмет заботы его пролетарского интернационализма — немецкий «Grossraum».

«Поистине, положение немцев и мадьяр было бы весьма приятным, если бы австрийским славянам помогли добиться своих так называемых «прав»! Между Силезией и Австрией вклинилось бы независимое «богемско-моравское» государство (будущая Чехословакия); Австрия и Штирия были бы отрезаны «южнославянской республикой» от своего *естественно (!!!)* (курсив. — Н. Н.) выхода к Адриатическому и Средиземному морям; восточная часть Германии была бы искромсана, как обрезанный крысами хлеб! И все это в благодарность за то, что немцы дали себе труд цивилизовать упрямых чехов и словенцев, ввести у них торговлю и промышленность... земледелие и культуру!» Именно в этом ключе Энгельс и заключает: «Там, где речь идет о существовании, о свободном развитии всех ресурсов больших наций, там сентиментальная заботливость о некотором количестве разбросанных в разных местах... славян не играет никакой роли»¹⁹.

Казалось, исключение классики делали для поляков — «единственной славянской нации, чуждой всяким панславистским вождедениям», отказывая темным и невежественным православным славянам в праве бороться против «прогрессивных Габсбургов», марксисты, казалось, безусловно поддерживали поляков и их ненависть к «реакционной» России. «Слово поляк и революционер, — пишет Энгельс, —

стали синонимами, полякам обеспечены симпатии всей Европы и восстановление их национальности, в то время как чехам, хорватам (*тогда так называли сербов.* — Н. Н.) и русским обеспечены ненависть всей Европы и кровавая революционная война всего Запада против них», что вызывает аналогии с отношением к сербам «демократического» мирового общества в 1999.

Но, похоже, даже полякам была неизвестна подлинная цена польского вопроса для Западной Европы. Кумир А. Мицкевича — Наполеон Бонапарт, «не любивший Польши, а любивший поляков, проливавших за него кровь» (Герцен), — считал Польшу разменной картой против России.

Мысль о возвращении германизированных славянских земель была Ф. Энгельсу невыносима: «Неужели нужно было уступить целые области, населенные преимущественно немцами, и большие города, целиком немецкие, — уступить народу, который до сих пор не дал ни одного доказательства своей способности выйти из состояния феодализма»? Энгельс имел в виду Данциг и Бреслау. Задачей Энгельса, как и сегодняшнего Запада, было направить поляков против России, на Восток, чтобы обеспечить решение проблемы западных польских границ в пользу Германии: «Тогда вопрос о размежевании между охваченными войною нациями стал бы второстепенным по сравнению с главным вопросом — об установлении надежной границы против общего врага. — (России, конечно. — Н. Н.) — Поляки, получив обширные территории на востоке, сделались бы стоворчивее... на западе». Не Розенберг, а Энгельс дает впечатляющие рекомендации: «взять у поляков на западе все, что возможно, занять их крепости немцами, пожирать их продукты»²⁰.

Данциг стал Гданьском, а Бреслау, в котором еще в XVIII веке великий немецкий просветитель Г. Э. Лессинг писал свои «Breslauer Enterprise», стал Вроцлавом благодаря СССР и Красной Армии. США же предпочитали не отнимать Силезию у Германии, владевшей ею 400 лет до Гитлера. В августе 1946 Государственный секретарь Дж. Бирнс обнародовал доктрину США в Европе со ставкой на Германию и заявил, что, якобы, линия Одер-Нейссе не являлась частью решений союзников, так как «передача Россией Силезии и других восточных районов Германии Польше состоялась до Потсдамской встречи». Это подстегнуло на 25 лет надежды у так называемых «реваншистов» Германии, не желавших платить за необузданные амбиции Гитлера утратой многовекового достоинства.

Какие же слезные ноты тут же обрушили на советское руководство министр иностранных дел Польши Ржимовский и Президент Чехословакии Ян Масарик, заклиная продолжить миссию «освободителя» и защитить территории, «не окончательно определенные Потсдамской встречей»! Поляк говорил, что «Польша в течение веков была объектом германской

агрессии и экспансии на Восток, которая привела на протяжении веков к присоединению и германизации обширных польских территорий». Чех не менее патетично взывал к советскому руководству и говорил о «столетней борьбе Богемии против германской агрессии»²¹. Теперь же главная трагедия — пребывание в орбите СССР. Посмотрим, удастся ли удержать чехам Судеты в объединенной Европе...

Главные беды латышей в книге «История Латвии» также, разумеется, начались после оккупации ее Советским Союзом, против которого «всенародно» боролись, и только из-за этого вступали в Ваффен-СС. При этом количество жертв от «советов» куда превосходило страдания от гитлеровцев. Те вместе с латышами лишь устраивали «исправительно-трудовые» лагеря вроде Саласпилса, где, правда, гибли евреи.

Как начался пересмотр истории

Установка отождествлять гитлеровский фашизм и советский коммунизм возникла вовсе не в период холодной войны. Хотя тогда острота взаимоотношений с недавними союзниками была сильнее, чем сейчас, когда мы, с «легкой руки» Горбачева, «вместе» — в объятиях Запада.

Эту идею не приняли бы на Западе в 1950-е годы те, кто обнимался на Эльбе и сопровождал северные конвои. В домах миллионов на Западе еще хранились британские газеты военного времени, исполненные восхищения перед жертвенной борьбой защитников Сталинграда, а английский писатель Толкиен, задумавший свои знаменитые сказки еще воюя против немцев в Первую мировую войну, вывел под черным царством Мордор, лежащим на Востоке, вовсе не СССР, как убеждены несведущие в истории постсоветские западники, а гитлеровскую Германию.

«Спор об истории» был открыт крупным германским историком Э. Нольте, учеником М. Хайдеггера, когда идеологическая борьба «тоталитаризма и демократии» настоятельно требовала пересмотра всех прежних суждений о мировой политике. Так, Россию стали обвинять даже и в развязывании Первой мировой войны. Западная историография, ничтоже сумняшеся, приняла трактовку марксиста М. Покровского, с подачи которого Первая мировая война до сих пор называется империалистической, хотя ей больше подошло бы название Второй Отечественной — как-никак России угрожало отторжение Прибалтики, Украины и лишение выхода в Средиземное море. Большевикам-то нужно было оправдать лозунг «поражения собственного правительства в войне». Но комиссия по установлению ответственности за Первую мировую войну в Версале в 1919 однозначно постановила, что вина лежит на Германии и Австро-Венгрии, с ней согласился и американский конгресс.

Борьба с «империей зла» требовала новых идеологий, и книги Э. Нольте пришлось как нельзя кстати. В них виртуозно решалась задача: развенчать СССР как главного борца против фашиз-

ма, при этом не реабилитировать сам фашизм, но освободить Запад от вины за него. Э. Нольте интерпретировал Вторую мировую войну не как продолжение извечных стремлений к территориальному и геополитическому господству, а как начавшуюся Октябрьской революцией «всеевропейскую гражданскую войну» между двумя «идеологиями раскола»²².

Европа же, по Нольте, впала в грех фашизма исключительно для защиты либеральной системы от коммунизма, и лишь потом скопировала тоталитарные структуры у своего соперника. В такой схеме мишенью возмущенного сознания становится советский тоталитаризм сталинского периода и пресловутый пакт Молотова–Риббентропа, которые якобы, и стали причиной Второй мировой войны.

Оттенки фашизации истории

Западная и постсоветская литература постепенно наполнилась прямыми и косвенными обвинениями в адрес СССР, якобы ответственного за становление германского фашизма, формулируемыми в русле двух основных концепций. По одной из них СССР и Германия, — будто бы уже с договора Рапалло, заключенного Советской Россией и Веймарской республикой на Генуэзской конференции 1921 года с целью избежать изоляции, планировали завоевание мира, — повели дело к войне и к пакту Молотова–Риббентропа.

Здесь очевидна натяжка исторических фактов, ибо Договор Рапалло был заключен Советской Россией с демократической Веймарской республикой, в которой никто и нигде даже не предвидел появления Гитлера и национал-социализм. В. Ратенау не только не вынашивал планов долгосрочного партнерства с СССР, но порывался отклонить советское предложение. Далее, «рапалльская линия» в политике Германии практически истощается именно с приходом Гитлера к власти, и Договор 1939 года, как к нему ни относиться, явился итогом совершенно иных обстоятельств.

Концепция Э. Нольте, к тому же, весьма хитроумно затушевывает различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом.

Однако фашизм итальянского типа или его элементы возникли одновременно почти во всех культурно-самобытных частях Европы после удручающих итогов Первой мировой войны и революций в Европе. Не случайно он появился в католических Франции, Испании, Португалии, Италии; в Европе англосаксонской и германской — Англии, Австрии, Германии; в Бельгии, Нидерландах, Дании, Скандинавии; наконец, в Европе православной и славянской — Греции, Болгарии, России, Югославии и даже в полумусульманской Албании.

По мнению Э. Нольте, энергия, вызванная из глубин общества, из самых традиционных крестьянских слоев, была направлена на «спасение либерального государства», что уже сомнительно. Наоборот, глубинка бунтовала против либеральной атомизации

общества. Католическая церковь вряд ли приветствовала «либеральную систему», в которой от влияния религии освобождались все общественные институты и образование, а антиклерикальные силы заполонили властные структуры и прессу. Однако «сумрачный германский гений» и западноевропейский «прометеевский» дух подавления и насилия оказались почему-то неспособны на христианскую антитезу, как идеологии пролетарского интернационализма, так и либеральной атомизации.

В результате «порыв» проявил все признаки вырождения — отношение к Церкви и к власти как служебным инструментам (Франко и Муссолини), насилие, экстремизм, шовинизм, экспансия.

Клише «демократического» агитпропа

Концепция Э. Нольте сумела заглушать различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом Гитлера, ранее всегда признаваемого наукой о политических учениях. Сегодня общественная наука на Западе перестала оперировать научными философскими категориями, а поступила на службу идеологии. Теперь главный критерий — отсутствие «американской демократии». (Если бы наука биология заявила, что медведь-коала и гусеница — существа одного биологического класса, поскольку едят листья бамбука, ученых бы подняли на смех). Скоро фашистскими объявят все цивилизации мира и государства до XX века — монархии, общества религиозные. Если исчезает различие между фашизмом итальянского типа и национал-социализмом, то главный грех их обоих сводится к отсутствию «американской демократии». Однако нежелание какого-либо народа установить у себя демократию есть его право, и, само по себе, не несет вызова или угрозы миру, если только не сопровождается насильственным навязыванием этого выбора.

Что же было вызовом и угрозой миру со стороны гитлеровского Рейха, который развязал войну со всей Европой?

Попытка преодоления результатов Первой мировой войны и Версальской системы, в которой ангосаксы примерно наказали немцев по принципу «Горе побежденным!», была бы естественным явлением мировой политики после каждой неудачной для какого-либо государства войны. Если бы окрепшая Германия ограничилась локальными конфликтами и тяжбами за сопредельные территории, то такой ход событий мало чем отличался бы от прошлых периодических войн за оспариваемые земли и вряд ли привел бы к Нюрнбергскому трибуналу.

Но Гитлер провозгласил претензии на территории и страны, никогда не бывшие в орбите германцев, как на Западе, так и на Востоке Европы. Такой проект нуждался в оправдании. Его родила **языческая нацистская доктрина природной неравномерности людей и наций**, отсутствующая у фашизма итальянского и у коммунизма.

Вместе это и стало **грандиозным всеобщим вызовом — как суверенности народов, международному праву, так и фундаментальному понятию монотеистической цивилизации об этическом равенстве людей и наций, на которых распространяется одна мораль, и которые не могут быть средством для других**. Именно универсальность вызова определила масштабы целей. Отрицание права других народов на историю позволяло истреблять второсортных и их культуру, жечь города и села. Ни в одной войне прошлого не было такой гибели гражданского населения на оккупированных территориях.

С легкой руки Э. Нольте, коммунизм, всегда и везде считавшийся главной антитезой фашизму, стали называть его прототипом. Но объединять советский коммунизм с гитлеризмом — не только безнравственно, но и абсолютно антинаучно. Такой подход продиктован политической задачей дать интерпретацию Второй мировой войны как войны не за геополитические пространства, не за историческую жизнь народов, а как войны за «американскую» демократию. Американский автор У. Лакер в книге под характерным для всей концепции названием «Россия и Германия. Наставники Гитлера» пытается доказать родство двух режимов — гитлеровского и советского, поэтому ему необходимо свести главный ужас немецкого «фашизма» к «тоталитаризму», поэтому он даже не акцентирует внимание на расовой теории и последовавших чудовищных идейных обоснованиях репрессий против евреев, насильственного перемещения рабской рабочей силы «остарбайтеров», занятие Черноземья СССР и Украины колонистами и программы сокращения второсортных русских, белорусов и украинцев на 40 млн. Иному автору никогда бы не простили такое «занижение» удельного веса Холокоста в преступлениях гитлеризма, но тут цель оправдывает средства, и все прощается. Целенаправленное идеологическое программирование сделало свое дело: сегодня принято объединять коммунизм с нацизмом, а гитлеровский нацизм с фашизмом итальянского типа.

Цель ясна — доказать, что главное зло XX века и вообще мировой истории — это русский и советский тоталитарный империализм, эталоном которого был СССР сталинского периода, и выделить все, что может сойти за его подобие в гитлеровском рейхе.

Абсолютно антинаучная трактовка тождества нацизма и большевизма стала клише западного обществоведения, которым уже оперируют образованнейшие и именитые авторы. Директор французского Института международных отношений Тьерри де Монбриаль даже «удивляется» «протоестественности» антигитлеровской коалиции — «странного альянса», соединения двух демократий и империи, — носившей такой же тоталитарный характер, как и режим, который предстояло сокрушить»²³. Но французам «Сопrotивления» и летчикам «Нормандии-Неман», пролившим кровь вме-

сте с русскими не за идеологию, а за свою любимую «прекрасную Францию», такой союз не казался противоестественным. «Нацистская Германия воплощает совершеннейший большевизм» — обронил и крупнейший современный французский историк Ф. Фюре.

Что уже говорить о ведущем американском историке-русисте Р. Пайпсе, который преподает свою китч-версию русской истории в Гарварде — кузнице американской политической элиты. Этот автор в наиболее плакатной форме выражает свой нигилизм в отношении России — как старой, так и советской. Он также называет русский большевизм «провозвестником» «теории элит», «тоталитаризма» и фашистских государств. Неприличный для «свободного» западного ученого социальный заказ проявляется в абсурдном добавлении, «что большевистская партия поддерживала свое «великорусское лицо» на протяжении всей истории своего существования²⁴. Невеликорусское лицо первых большевиков и их тотальное отвержение русской истории давно уже стало притчей во языцех.

Именно эти книги переведены на русский язык постсоветскими либералами-западниками в постперестроечные времена.

Право на историю

Но тезис о родстве нацизма с «российским» коммунизмом не выдерживает анализа.

Коммунистический замысел обескровливал собственную страну ради идеи облагодетельствовать все человечество, на алтарь которого принесено все национальное. Первые пламенные большевики не скрывали, что Россия для них — вязанка хвороста для пожара мировой революции. Через призму религиозно-философских основ истории это учение, взятое в идеальных критериях, есть порождение так называемой «философии прогресса», которая в свою очередь родилась в христианском мире на пути отступления от христианства. Она выводится из ереси хилиазма — ложного учения о возможности тысячелетнего царства Божия на земле с праведниками и идеи утвердить в земной жизни равенство, даже насильно.

Германский нацизм, оттолкнувшись от преодоления Версальской системы, провозгласил право обескровливать другие нации для того, чтобы облагодетельствовать свою. Целые аспекты нацистской доктрины основаны не только на идее неисторичности народов, свойственной классической немецкой философии и Энгельсу, но и на расовом превосходстве, на утверждении природного и этического неравенства людей. По сути, они были возвратом к язычеству, к философии: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Это деление народов на «тварей бессловесных» и «тех, кто право имеет».

По философии германский нацизм отличен как от коммунизма, так и от фашизма итальянского типа, явившего лишь уродливый вариант «буржуазного»

государства нового времени: «гипер-этатизм». Неразличение Э. Нольте фашизма и национал-социализма приводит его к косвенному оправданию гитлеровских завоеваний, раз Вторая мировая война — это «европейская война» идеологий, начатая в 1917 именно большевизмом. Так обесцениваются жертвы нашего народа, понесенные за право на историю.

Так война против Гитлера ГИТА и Британии уже, оказывается, велась не за то, чтобы французы и датчане оставались французами и датчанами, не за то, чтобы латыши и поляки не превратились в свинопасов и горничных у арийцев, а за «универсальное торжество либеральной американской демократии». И эта война продолжилась в Европе уже в виде «холодной войны», пока второй тоталитарный монстр — СССР — не самоустранился, чтобы «западная демократия», уже его не пугаясь, могла осчастливливать народы наискорейшим образом — с бомбардировщиков. Однако документы об истинных целях политики, рассекреченные недавно, опровергают новые схемы еще ярче, чем советские штампы.

Примечательны секретные переговоры сэра Джона Саймона — министра иностранных дел Великобритании с Гитлером в Берлине в марте 1935, запись которых стала достоянием советской разведки и была опубликована в 1997. Гитлер отвергает любое сотрудничество с большевистским режимом, называя его «сосудом с бактериями чумы». Налицо разрыв с рапальской линией и отсутствие всякой преемственности с ней у будущего советско-германского пакта 1939 года. Саймон же приехал, чтобы санкционировать аншлюс Австрии. Когда Риббентроп поинтересовался британскими взглядами на австрийский вопрос, Саймон прямо постулировал: «Правительство Его Величества не может беспокоиться об Австрии так же, как, например, о Бельгии, то есть о стране, находящейся в самом близком соседстве с Великобританией». Гитлер выразил свой восторг и поблагодарил британское правительство за его «лояльные усилия», «и по всем другим вопросам, в которых то заняло такую великодушную позицию по отношению к Германии» — Британия на международной конференции воспрепятствовала применению санкций к Германии за нарушения военных положений Версальского договора.

Пакт Молотова–Риббентропа

Теперь обратимся к пресловутому пакту Молотова–Риббентропа, отношение к которому не может быть понято без знания англосаксонской стратегии XX века в Европе. Одной из ее целей было не допустить усиления Германии и России. При этом стратегия исходила из тезиса, что определяющее влияние на континенте придает Германии или России только Восточная Европа. Все зигзаги мировой политики оцениваются с этой точки зрения.

Для осуществления этой цели после Первой мировой войны Британия и президент США В. Вильсон

поставили цель: создать на основе принципа «демократии и самоопределения» между Германией и Россией ярус мелких несамостоятельных государств от Балтики до Черного моря так, чтобы они не входили ни в германскую, ни в российскую орбиту.

Гитлеровские планы завоевания восточного «жизненного пространства», казалось, полностью ломали англосаксонскую доктрину «буфера между славянами и тевтонами». Однако известно, как Британия и США косвенным образом всемерно подталкивали Гитлера именно на Восток. На деле в этом не было противоречий. Их создает лишь ложный тезис из учебников, что Британия, соглашаясь на аншлюс Австрии и захват Чехословакии, полагала умиротворить Гитлера, но, мол, просчиталась.

Напротив, самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном и аншлюсом Австрии. Это было соединение немецкого потенциала в одном государстве — кошмар для Британии со времен Бисмарка, однако гитлеровские акты были признаны «демократическим сообществом», и потом их было бы трудно опротестовать.

Против такой ревизии Версальской системы тоже трудно было бы потом возражать, поскольку Чехословакия и послеверсальская Австрия не были завоеваниями 1914–1918. До Первой мировой войны они были много веков территориями Германии и Австро-Венгрии, и никогда никем как таковые не оспаривались. Необузданность амбиций Германии в двух мировых войнах заставляла их расплачиваться потом утратой не только вновь завоеванного, но прежнего достояния, которое ранее не оспаривалось.

Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но подтолкнуть его к дальнейшей экспансии, и, в принципе, англосаксонский расчет на необузданность амбиций и дурман нацистской идеологии был точным. Но Британии нужно было направить агрессию только на Восток, что дало бы повод вмешаться и войти в Восточную Европу для ее защиты и довершить геополитические проекты, то есть изъять Восточную Европу из-под контроля, как Германии, так и СССР. Печать и политические круги в Англии открыто обсуждали следующий шаг Гитлера — претензии на Украину.

В этом вопросе была активна Польша, предлагавшая Гитлеру свои услуги. Уже в январе 1939 польский министр иностранных дел Бек заявил после переговоров с Берлином о «полном единстве интересов в отношении Советского Союза». Затем советская разведка сообщила и о переговорах Риббентропа, в ходе которых Польша выразила готовность присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, если Гитлер поддержит ее претензии на Украину и выход к Черному морю.

Польша не была невинной жертвой. Ее судьба была драматично предопределена и ее расположением и, не в последней степени, ее извечной непри-

язнью к России. Об этом советские учебники всегда умалчивали, ибо пропагандировали вечную и нерушимую дружбу народов социалистического лагеря, якобы навсегда освобожденную от Груза имперского и капиталистического прошлого. Главные польские устремления были направлены, как многие века назад, к Литве и Украине.

Рассекреченные документы показывают неблагоприятный закулисный торг и судорожные попытки получить свою толику от гитлеровских захватов. «Польша сохраняет отрицательное отношение к многосторонним комбинациям, направленным против Германии» — неизменно отвечал посол Гжибовский наркомом Литвинову. Польша отказывалась участвовать в создании какого-либо фронта против Германии вместе с СССР.

Как только Гитлер отнял у Чехословакии Судеты, Польша немедленно заявила претензии на Тешинскую часть исторической Силезии, отошедшую по Версалу к Чехословакии после четырех веков в составе Габсбургской империи. Польские дипломаты с ревностью убеждали германскую сторону сделать ставку на Польшу, и тогда «Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину».

Однако англосаксонская стратегия не была успешной. Мюнхен и позиция «демократических стран» показали безрезультатность для СССР пребывания в фарватере англосаксонской стратегии. Хрестоматийная история бесконечных проектов коллективной безопасности показывает: ни один проект не давал гарантии балтийским государствам, отделявшим от Гитлера западную границу СССР. Как только М. Литвинов, который считался англосаксонским лобби в советском истеблишменте, перестал быть наркомом иностранных дел, был заключен пресловутый пакт Молотова–Риббентропа. Агрессия против СССР была отложена до разгрома Западной Европы.

Этот договор демонизирован западным мнением и историографией, которые вовсе не обличают западные страны за Мюнхенский стовор и согласие на аншлюс Австрии, которые и были началом гитлеровских захватов и сломом территориального статус-кво. Но в Советско-Германском договоре вообще не было ничего отличного от типичных договоров всей истории международных отношений. Гитлеровская Германия была всемирно признанным государством, имевшим интенсивные дипломатические отношения, прежде всего, со всеми западными странами.

Искони государства заключали договоры с партнерами, чья внутренняя жизнь была противопоставлением. Христианские государства имели отношения с языческими, где приносились человеческие жертвы. Правительство Турции, где перед Первой мировой войной сажали на кол, а отрезанные головы христиан выставлялись напоказ, в дипломатическом лексиконе именовалось «Блистательная Порта».

Наконец, кроме кусочка Буковины, СССР лишь возвратил те исторические территории, что были «отхвачены» у России в период хаоса революции и гражданской войны. Этот термин использует Г. Киссинджер в объемном труде «Дипломатия», когда забывает, что через несколько страниц надо приняться за демонизацию «нацистско-советского пакта».

Э. Нольте называет «Пакт Гитлера–Сталина» европейской прелюдией ко Второй мировой войне. Разбирая текст секретного протокола о разделе сфер влияния, Нольте обрушивается на пункт о Польше, в котором говорилось, что «вопрос о желательности для интересов обоих государств независимого польского государства и о том, каковыми могли бы быть границы этого государства, может быть выяснен лишь в ходе будущего политического развития ситуации».

Готовность Сталина за отсрочку в войне против собственной страны закрыть глаза на устремления Гитлера в отношении Польши, которая накануне предлагала Гитлеру свои услуги для завоевания Украины, как и воспользоваться случаем для восстановления территории Российской империи, утраченной из-за революции, ничем не отличалась по прагматизму или, если угодно, цинизму от слов Саймона, открывшего Гитлеру, что «Британия не будет беспокоиться об Австрии так же сильно, как если бы это была Бельгия».

А сами прибалтийские государства, полуфашистские, отказавшиеся от парламентаризма, кстати, осуждаемые в то время всей остальной Европой? Как свидетельствуют документы, они занимали однозначно прогерманскую позицию, «стремились остаться вне коалиций, направленных против Германии», и, как сообщал американский посол в Литве, «относились крайне неодобрительно к предложению советского Комиссара по иностранным делам, чтобы Великобритания гарантировала границы этих Балтийских государств с Советским Союзом»²⁵.

Исторические аналогии

Нольте называет Советско-Германский договор пактом «войны», «раздела», «уничтожения», который якобы не мог иметь аналогов в европейской истории, потому что это были «государства совершенно особого рода». Такое утверждение может вызвать только иронию у историка.

От Вестфальского мира 1648 года до *Дейтона* договоры и многосторонние трактаты не только имперского прошлого, но и демократического настоящего были начертанием одними державами новых границ для других. Наполеон в Тильзите безуспешно предлагал Александру I уничтожить Пруссию. Венский конгресс 1815 нарисовал территорию современной Швейцарии, добавив к ней стратегические горные перевалы, чтобы те не достались более динамичным государствам.

Напомним сакраментальную фразу В. Ленина о Берлинском конгрессе: «грабят Турцию». Австрия в 1908 аннексировала Боснию, получив согласие

держав. В секретном соглашении 1905 года между Т. Рузвельтом и Кацурой Япония отказывалась от «агрессивных намерений» в отношении Филиппин, оставляя их вотчиной США, а США согласились на оккупацию Японией Кореи.

В Версале в 1919 победившая Антанта с вильсоновскими «самоопределением и демократией» расчленила Австро-Венгрию, предписав, кому и в каких границах можно иметь государственность, а кому нет, кому, как Галиции, перейти от одного хозяина к другому, кому — сербам, хорватам, словенцам — быть вместе. В Потсдаме были определены границы многих государств и судьба бывших колоний. Может, это свойственно только имперскому миру или эпохе тоталитаризма? Отнюдь нет. В годы торжества нового мышления столп американской дипломатии Дж. Кеннан в 1993 прямо призвал пересмотреть «понятие суверенитета», «начертать новое территориальное статукво на Балканах, применить силу и заставить стороны его соблюдать», что и было сделано в Дейтоне в 1995.

Провал английской стратегии

Договор демонизирован не потому, что способствовал войне. После Мюнхена и аншлюса Австрии, она была в любом случае неизбежна, и Гитлер собирался захватить устья Шельды (Бельгия) — стратегический пункт против Британии. **Договор поменял ее расписание, а, следовательно, послевоенную конфигурацию**, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу как в начале войны, поскольку надо было оборонять Западную Европу, так и после победы, для ее изъятия из орбиты СССР.

Пакт Молотова–Риббентропа 1939 года является крупнейшим провалом английской стратегии за весь XX век, и его всегда будут демонизировать.

Сегодня, однако, ни Мюнхен, ни Аншлюс, а именно «Пакт Гитлера–Сталина» называют европейской прелюдией ко Второй мировой войне и обрушиваются на текст секретного протокола о разделе сфер влияния. Г. Киссинджер также повторяет штамп, что «Россия сыграла решающую роль в развязывании обеих войн». Но раздел его книги, посвященный «нацистско-советскому пакту», опровергает его собственный «приговор» и демонстрирует смесь досады и невольного восхищения.

Признавая все же, что Гитлер имел захватнические планы и на Западе, и на Востоке, Киссинджер также признает «мерой сталинских достижений то, что он, пусть даже временно, поменял местами приоритеты Гитлера». Но это же максимум возможного, и не может быть оценено иначе как выдающийся успех дипломатии. Собственно, Г. Киссинджер именно так и оценивает этот пакт, назвав его «высшим достижением средств, которые могли бы быть заимствованы из трактата на тему искусства государственного управления XVIII века».

Наконец, само нападение гитлеровской Германии на СССР снимает все обвинения. Впрочем, бор-

зописцы внушают, что Гитлер всего лишь упредил нападение агрессивного СССР. Да только в дневнике Геббельса задолго уже было написано: «Россия должна быть расчленена. Нельзя потерпеть на Востоке такого колоссального государства». И когда Гитлер 11 августа 1939 года проговорился: «Все, что я принимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы уразуметь это, я вынужден буду сначала разбить Запад, а потом, после его поражения, повернуться против Советского Союза со всеми накопленными силами», — он лишь продолжил геополитические планы пангерманистов перед Первой мировой войной.

Канцлер фон Бюлов еще в конце XIX века писал: «В будущей войне с Россией мы должны оттеснить ее от двух морей, сделавших ее великой державой — от Балтийского и от Понта Евксинского». Даже дряхлый Бисмарк, пришедший в конце жизни к мудрому выводу, что «на Востоке у нас врагов нет», оставил на полях помету: «Столь эксцентричные эскизы не полагается оставлять на бумаге!» Границу Германии по Волге требовали установить в 1914 году берлинские интеллектуалы, бросая вызов не «коммунистической идеологии гражданской войны», не тоталитаризму, а христианской России.

Напомним и то, что Британия, которая сама санкционировала начало гитлеровских захватов за полтора года до Советско-Германского договора, полагала не только восстановление дореволюционной территории — Прибалтики — как части исторического государства Российского — абсолютно правомерными. Лорд Галифакс, министр иностранных дел, выступая в палате лордов, так представил Советско-Германский Договор: «Будет справедливым напомнить две вещи: во-первых, советское правительство никогда не предприняло бы такие действия, если бы германское правительство не начало и не показало пример, вторгнувшись в Польшу без объявления войны; во-вторых, следует напомнить, что действия советского правительства заключались в перенесении границы по существу до той линии, которая была рекомендована во время Версальской конференции лордом Керзоном. Я привожу исторические факты и полагаю, что они неоспоримы». 10 октября 1939 года такую же оценку дал У. Черчилль.

Только ли за свободу и демократию воевали США

А какие цели были у Соединенных Штатов, которые представляют сейчас не только как главного спасителя, но как борца исключительно за торжество универсальных принципов свободы и демократии, но никак не за интерес?

США вообще собирались выждать в надвигающейся войне между Германией и СССР до их истощения или до того момента, пока уже не начнутся геополитические изменения структурного порядка, которые кардинально изменят соотношение сил. Со-

общение советской разведки о такой позиции США сопровождалось записью полного текста доклада Рузвельта своему кабинету от 29 сентября 1937 года. Доклад же был предварительно обсужден с Рэнсименом — специальным представителем британского кабинета Болдуина, и о выводах и позиции Америки говорилось так:

«Если произойдет вооруженный конфликт между демократиями и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции и сохранит свой нейтралитет». «Но если СССР окажется под угрозой германских империалистических, то есть территориальных стремлений, тогда должны будут вмешаться европейские государства, и Америка станет на их сторону»²⁶. Здесь, во-первых, ясно, какой неприятностью оказался пакт Молотова-Риббентропа, поменявший временно приоритеты Гитлера. Англосаксы явно предпочитали, чтобы Германия и СССР истощили друг друга, а вмешались бы лишь в том случае, если бы Германия побеждала, и вся Евразия попадала бы под ее полный контроль.

А вот что означала так называемая Атлантическая хартия — декларация Ф. Рузвельта и У. Черчилля от 14 августа 1941 года об общих целях войны. Она превозносится как полная абстрактными демократическими принципами, акцент делается на отсутствии у этих стран «стремлений к территориальным или другим приобретениям». Хартия близка по духу Программе В. Вильсона и ленинскому Декрету о мире («мир без аннексий и контрибуций»). Но декларированный отказ признать «территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов» никогда не анализировался в широком идеологическом, политическом и международно-правовом контексте.

На самом деле именно эта хартия стала первым провозглашением глобалистских критериев и права англосаксонских держав назначать сами критерии. До того, как определились итоги войны, хартия провозгласила «право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить». Народы никогда не спрашивали у кого-либо разрешения, следовательно, смысл такого заявления в другом — в провозглашении права США и Британии выносить суждения о внутренней политике других государств. Это претензия, немислимая в классических международных отношениях, — судить, являются ли существующие суверенные государства «угнетающими права своих народов» (не чужих, а своих собственных!), и оказывать давление и подвергать сомнению чужой суверенитет.

США и Великобритания объявили и о своем решении содействовать «восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем». На фоне гитлеровской агрессии против всей Европы это звучало красиво, **но никакой ссылки на гитлеровскую**

агрессию в документе не было. Это означало «освободить» не только тех, кто подвергся нападению или захвату гитлеровской Германией, но и других, находившихся в составе суверенных государств в ареале, охваченном войной. Под «нациями» имелись в виду не государства, но и народы, которые не имели своей государственности. Если бы этот пункт был расшифрован требованием вернуться к «положению до войны», это означало бы лишь отмену всех завоеваний гитлеровской Германии, стран оси и сателлитов.

Это было провозглашением права признавать или не признавать довоенные реалии. Фактически это эвфемизм для объявления карты мира «чистой доской» и своего права «начертать судьбу населяющих ее народов», как гласила формулировка полковника Хауза, расшифровывавшая пункт об охваченной революцией России из Программы XIV пунктов. Именно так поняли декларацию в британском парламенте, который встревожился возможным распространением положений Атлантической хартии на судьбу английских колоний. Тут-то Черчиллю пришлось все же уточнить, что имелись в виду народы под нацистским гнетом. Но Рузвельт имел в виду Прибалтику, югославян, все российские народы, кроме русского, — «жертвы империалистической политики коммунистической России», которые будут фигурировать в законе конгресса США P.L.86–90 «О поработоченных нациях» 1959 года. Рузвельт, похоже, программировал еще дальше — конец столетия.

Но в то время, как Рузвельт и Черчилль приглашали СССР к подписанию хартии и военному сотрудничеству, за дверьми внешнеполитической кухни Вашингтона и Лондона варился питательный бульон будущего пира победителей по весьма старым рецептам. Сравнение с официальными декларациями и идеологической внешнеполитической пропагандой весьма впечатляет.

Вот попавший в Архив внешней политики России документ — секретный меморандум Государственному департаменту американского Совета по внешним сношениям от 22 августа 1941 года под весьма циничным названием «Вопросы американской политики, касающиеся нацистско-большевистской войны». Через неделю после Атлантической хартии с ее проповедью борьбы за свободу народов и демократию этот документ показывает изнанку, прагматизм которой смутил бы Талейрана и Макиавелли. Перечень вариантов поведения США демонстрирует интересы, весьма отличные от официальных деклараций и обращенных ко всему миру и к СССР инициатив:

«ЕСЛИ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ РЕЖИМ СОХРАНИТСЯ:

- a) Станет ли Америка соучастником Советской России в войне против Гитлера.
- b) Должна ли Америка добиваться установления равновесия между (послевоенной) Германией

и Россией путем создания независимых от них обоих буферных государств.

- v) В случае нападения Японии на Приморье, должны ли тогда США вмешаться путем интервенции на Дальнем Востоке.

ЕСЛИ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ РЕЖИМ ПАДЕТ:

- a) Должна ли Америка стараться восстановить большевизм в России.
- b) Должны ли США по примеру Гитлера санкционировать массовое переселение народов для создания буферной зоны между Германией и Россией.

ЕСЛИ ПОСЛЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РЕЖИМА БУДЕТ УСТАНОВЛЕН РЕЖИМ СОТРУДНИЧЕСТВА С ГЕРМАНИЕЙ:

- a) Должны ли США не дать возможность этому режиму установить контроль над Транссибирской железной дорогой.
  - b) Должна ли Америка подготовить на Дальнем Востоке противников этого режима (Китай, Япония)²⁷.
- (выделено автором)

Не «право народов избирать свою судьбу», а российско-германский баланс, создание между ними буфера через «переселение народов» под собственным контролем и Транссибирская магистраль, одним словом, реальный ключ к контролю над Евразией — вот главная забота при оценке смысла участия США в войне. Роль Китая, Японии в самых классических традициях баланса сил и «Realpolitik» меняется на 180 градусов от опоры до противника в зависимости от исхода схватки. Однако самое ценное заключают в себе итоговые тезисы обсуждения.

«Военный результат этой войны решит судьбу не только большевистского режима; он может обусловить огромный процесс перегруппировки сил от Богемии до Гималаев и Персидского залива. Страницы истории открываются вновь, краски снова льются на карты.

Ключ к этому лежит в реорганизации Восточной Европы, в создании буферной зоны между тевтонами и славянами. В интересах Америки направить свои усилия на конструктивное решение этой проблемы»²⁸.

Каким же ударом по этому плану была Ялтинско-Потсдамская система! Как тут не начаться «холодной войне»! Кстати, З. Бжезинский прямо полагает, что именно США в первые пять и даже десять лет первыми прямо нацелили свою политику сначала «сдерживания», потом «отбрасывания» на тот самый ареал, который был согласован в Ялте, Потсдаме — на Восточную Европу, в то время как «сталинский СССР» до середины 1950-х годов едва справлялся со своим наследием и даже провел масштабную демобилизацию²⁹. Но геополитический рисунок этой стратегии был воспроизведен в 1990-е годы. Именно на эти «буферные» восточно- и центрально-европейские

силы будет сделана главная ставка США в расширении НАТО в 1990-е годы после краха России-СССР.

Россия ушла из Восточной Европы, «организатором» которой всегда были либо она, либо Германия. Западную Европу по-прежнему консолидировал блок НАТО. Но чтобы «социалистическая Восточная Европа», выйдя из-под российского контроля, не рассыпалась окончательно в пост-версальский ярус мелких, несамостоятельных государств, и чтобы у Германии не проснулись идеи «Срединной Европы», ее надо было срочно скрепить атлантическим пост-ялтинским каркасом под англосаксонским контролем. Возвещенное Д. Рамсфелдом перемещение атлантического центра на восток, в «новую» Европу, стало вторым «Версалем».

Смыслы «Холодной войны»

«Холодная война» была абсолютно неизбежна не только в силу закономерностей мировой политики и политической географии тем более в период, когда весь мир стал единой ареной, куда вышли США с их вездесущими интересами. Ее психологический тон объясняется лишь колоссальной идеологизацией мировой политики с обеих сторон — как коммунизмом, так и либерализмом, по сравнению с классическими международными отношениями прошлого, в основе которых лежал национальный интерес, а не универсалистские идеи. Война интересов велась давно за кулисами военного сотрудничества и лишь обрела специфическую форму.

Для обоснования принципиально новой концепции отношений с СССР Запад нуждался в замене идеологических клише времен войны. В качестве идейной парадигмы «главного содержания эпохи» стала борьба свободного мира и демократии против угрозы коммунизма.

При этом воинствующе антикоммунистический Запад полностью взял на вооружение выгодную ему большевистскую нигилистическую интерпретацию событий: Россия и русская история «упразднены» безвозвратно в 1917, а СССР является не продолжением тысячелетнего государства, а *соединением* совершенно независимых и самостоятельных наций. Это определение, как будто согласованное в неких высших мировых сферах, с одинаковой неизменноостью применяется до сих пор как в отечественной — сначала марксистской, потом — либеральной, так и западной политической доктрине с той разницей, что в первой соединении объявлено благом «под сиянием пролетарской революции», а во второй — насильственным игом «под железным обручем тоталитаризма».

Очевидно, что *два определения — тождественны, отличаясь лишь мнением о факте*, и в равной степени давали возможность в нужный момент подвергнуть сомнению единство страны, *ибо ей отказано в историческом прошлом*. Борьба против насильственного «соединения» всегда правомерна,

а разочарование в благодати пролетарской революции сразу позволяет усомниться в целесообразности единства. В пропаганде «холодную войну» объявили силовым и идеологическим барьером потенциальной экспансии мощного государства с мессианской идеологией.

В той известной мере, в какой это действительно имело место и относилось к установлению опеки над Восточной Европой и навязыванию ей коммунистической идеологии, ее можно было бы считать естественной и традиционной политикой мировых держав. Но на деле её стратегия заключалась не в «терпеливом, длительном и бдительном сдерживании» по Дж.Кеннану, автору официальной доктрины США 1947 года, но в отрицании целиком историко-геополитического феномена СССР как *преемника* России.

Резолюция конгресса США от 17 июля 1959 года постановила отмечать ежегодно «неделю поработенных наций» и стала законом P.L.86–90, обязавшим президентов из года в год подтверждать цель США освободить жертвы «империалистической политики коммунистической России, приведшей с помощью прямой и косвенной агрессии, начиная с 1918 года, к созданию огромной империи, представляющей прямую угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех народов мира»³⁰. «Находящимися под советским господством» были названы все народы союзных республик, «Казакция» и «Идель-Урал», *кроме русского*. Это неопровержимо демонстрирует главный аспект холодной войны, не понятый ни либеральной частью русской эмиграции, ни ортодоксальными коммунистами: *борьба не с коммунизмом, а борьба с «русским империализмом», причем на самой территории исторического государства российского*, которая никогда до революции не подвергалась сомнению самыми жесткими соперниками России на мировой арене.

Малоизвестная книга Льва Е. Добрянского, профессора Джордж-таунского университета и председателя «Комитета по проведению недели поработенных наций», разработчика концепции, реализованной на государственном уровне, проясняет историю эпизода. Посвящение книги «забытым борцам Украинской Повстанческой Армии» указывает на галицийское происхождение самого автора. Добрянский интерпретирует Октябрьскую революцию как «сокрушающее восстание всех нерусских народов России» и призывает вновь разрушить «русский колониальный гнет» над «тюрьмой народов».

Он (не без оснований) видит мало общего между взглядами и философией Маркса и советским великодержавием — «конечным продуктом марксизма-ленинизма на российской почве» и предлагает применять к СССР оценки из «Тайной дипломатической истории», в которой Маркс призывал вернуть Россию к Московии в положении Столбовского мира. Полагая величайшей ошибкой Запада избрание такой внешнеполитической идеологии, которая позволила

«русскому колониализму и империализму, неизменному с Ивана III, прикрываться жупелом коммунизма», Добрянский и другие авторы доказывают, что компас «русского медведя», его «полярная звезда» неизменно указывают на захваты и порабощения нерусских народов³¹. Эта терминология обнажает преемственность москвофобии Добрянского: эвфемизмы «северный медведь», «полярная звезда» были широко распространены в польской и галицийской антирусской публицистике перед Первой мировой войной.

Этот документ был хорошо известен советскому руководству. Н. Хрущев обрушился с обвинениями на Р. Никсона в ходе его визита в Москву. Тот же, осознавая, что требование в федеральном законе расчленения государства, которому он наносит визит, вопиюще противоречило международному праву, смущенно оправдывался и даже назвал решение Конгресса «глупым». Добрянский и его «Комитет по празднованию недели порабощенных наций» были весьма возмущены «капитулянтской» позицией Никсона и организовали требование опубликовать содержание бесед Никсона с Хрущевым, озвученное сенатором Фулбрайтом. Тем не менее, этот эпизод и резолюция были скрыты от советской общественности и даже не стали разрешенной мишенью для обстрела советским агитпропом.

Так, вплоть до перестройки важнейший аспект противостояния остался за официальным кадром борьбы, как на мировой арене, так и внутри СССР. Обе стороны предпочли сделать официальным знаменем борьбу коммунизма и либерализма. Ответить на вызов, не пересмотрев марксистско-ленинскую концепцию русской истории и не реабилитировав русскую историю, было невозможно. Для американской стороны открыто требовать расчленения СССР, основателя ООН, с которым США были в дипломатических отношениях, было не только неплодотворным, но вопиюще противоречило международному праву, хотя сенатор Г. Хэмфри настоятельно требовал в Сенате включить положения этой резолюции в программы всех международных форумов и, прежде всего, готовящейся встречи в Женеве³².

Начиная с Кеннеди, ежегодные подтверждения цитировали резолюцию Конгресса сокращенно, опуская пункты с упоминанием советского господства, что позволяло трактовать ее как абстрактную заботу о порабощенных нациях вообще в мире. Симптоматично, что и в американской литературе по международным отношениям этот эпизод забыт. Неудивительно, что враждебность к СССР на протяжении советской истории всегда возрастала, когда планы дробления России «ради победы коммунизма во всемирном масштабе» в духе III Интернационала отступали, и, наоборот, сменялась доброжелательностью, когда те же планы возвращались под новым флагом.

Характерной является позиция западной интеллигенции — по своим философским устоям левой и даже поклонницей основ марксизма. Она с сочув-

ствием относилась к идее революции и к большевистской России и закрывала глаза на «красный террор», когда физически уничтожались коренные русские сословия. Певцами русской революции были всемирные литературные и общественные знаменитости, отказавшиеся, как Р. Роллан, Ж. П. Сартр и другие, осудить революционный террор. В 1950-е годы западные интеллектуалы отвернулись от СССР и осудили репрессии, но не против носителей национального и религиозного начала, а лишь те, что гильотинировали октябрьских Робеспьеров, когда «революция, как Сатурн, начала пожирать собственных детей».

Либералы разочаровались в СССР, но не в идее революции. Послевоенный СССР уже не удовлетворял мировой левый дух революций и ниспровержения как раз потому, что внутренне идеологически уже утратил импульс антихристианского вызова миру, перестал «в нужной мере» быть анти-Россией. Вместо бунта против любых исторических и духовно-культурных устоев и традиций, каким был Октябрь 1917, Май 1945 превратил СССР в державу с интересами, вполне определяемыми, несмотря на идеологические искажения, традиционными критериями, и соблюдающую правила игры на мировой арене, а внутри страны создал жесткую общественную иерархию и вовсе не левую, а право-консервативную систему ценностей, весьма отличную от раннебольшевистской.

Но именно это и сделало послевоенный СССР объектом отторжения.

Что касается постсоветских либералов-западников, то они под флагом антикоммунизма очевидно щадили *ортодоксальных большевиков и пламенных революционеров — истинных носителей марксизма*, умалчивая об их открытом неприятии всего, что составляло русское национальное и православное начало, по-видимому, *потому что разделяли его*. Они, став передовым отрядом перестройки, весьма избирательно обрушивались на историю. Они не поведали о терроре ленинской гвардии, в 1980-х годах еще не известных обществу, ибо пришлось бы реабилитировать объект их преступлений — «единую и неделимую» Россию.

Новомышленники, искусно направляя обличения исключительно на «сталинизм», намеренно ограничивались 1930-ми годами. Однако, историки знают, что тот период был *по критериям репрессий* лишь *вторым* актом драмы после чудовищных двадцатых, но среди жертв уже оказались сами разрушители России. Вопреки заблуждению, репрессии 1937 уступали красному террору 1922–1924 годов. По сравнению с А. Луначарским, Ю. Лариным, П. Стучкой — основоположником теории революционной законности А. Вышинский — «ренегат», возродивший на смену «революционной целесообразности» «буржуазные» понятия меры вины и меры наказания. На фоне явно-го пиетета по отношению к Ленину, особая ненависть Запада и внутренних «советских западников» к Сталину объясняется отнюдь не вкладом в злодеяния.

Сталин, учившийся в духовной семинарии, по-видимому, прекрасно понимал историософский неизменный смысл устремлений Запада в отношении мира и России. В отличие от «европоцентризма» ортодоксального большевизма и позднесоветского диссидентства он глубоко презирал «декадентский» Запад со всем его ценностным багажом и не имел никакого комплекса неполноценности или моральной зависимости от него. После подчинения в 1920-е годы советской экономики интересам американских банкиров, сталинская стратегия и в 1930-е, и, тем более, на рубеже 1940–1950-х годов, жестко повернула против Запада во всех его попытках использовать СССР и его ресурсы (прежде всего сырье) в своих интересах.

Хотя Сталин не успел ничего предпринять, возможно, он имел собственные планы мировой гегемонии. Это отнюдь не сулило ничего хорошего русскому народу, который и для него был лишь инструментом, что типично для демонов революции. Но Запад, сознавая, что Сталин видел насквозь все его планы, ненавидел и боялся его вовсе не за его вклад в содеянные злодеяния, а за создание вместо Великой России новой формы великодержавия, что сделало страну геополитической силой, равновеликой всему Западу и препятствием на его пути.

Развенчание Хрущевым «культы» Сталина было сформулировано таким образом (частное извращение «ленинских идеалов»), который вполне устраивал долгосрочные интересы Запада. Из всего периода массовых репрессий (1920-х — нач. 1950-х годов) только «1937», «культ Сталина» и «сталинщина» были сделаны в сознании советских людей единственным символом ужаса.

Такая полуправда, что опаснее лжи, позволила затем увязать с террором и морально обесценить восстановление государственных основ, память о войне и величии Победы, а не суть содеянного с Россией, до сих пор обходить обсуждение близких Западу и нынешним либералам целей революции, прямо планировавших истребление, и главное преступление Февраля и Октября 1917 — уничтожение религиозно-национальной ипостаси России и произвольное расчленение ее на выкроенные образования, уничтожение в 20-е годы коренных русских сословий, носителей национального и религиозного начала.

Ни Мюнхена, ни Ялты

Распространение «торжества» демократии стало идеологической мотивацией западной стратегии в Европе в 1990-е годы. Цель заключалась в том, чтобы подменить итоги Второй мировой войны на итоги «холодной войны». Именно под этим лозунгом и велась (и оправдывалась) все та же «борьба за вселенские идеалы» против «оставшихся тоталитарных режимов» — сначала СССР, потом Югославии, далее везде. Вот ключ к пониманию беспрецедентных слов Дж.Буша на праздновании приглашения Литвы в НАТО 23 ноября 2002: «Мы знали, что произ-

вольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. **Больше не будет Мюнхена, больше не будет Ялты».**

Это не что иное, как объявление ялтинской системы тождественной гитлеровской агрессии. Заметим, что никакие другие изменения европейских границ Ялтинско-потсдамской системой, кроме территориальных решений в пользу СССР, не вызывают сегодня нездоровый интерес. Их пытаются представить результатом «экспансионизма» сталинского тоталитаризма. Это не что иное, как полная ревизия духа и смысла Второй мировой войны и сотрудничества в ней Антигитлеровской коалиции.

Отречение от общих задач в войне и от результатов общей победы стран антигитлеровской коалиции — это вызов исторической памяти не только русского, но и американского народа. Тысячи и тысячи американцев и англичан самоотверженно сражались на полях Второй мировой войны, и мы не опустимся до того, чтобы забыть их подвиг. Вечная им слава, нашим братьям по оружию!

В то же время подлинная историческая память намеренно стирается: геополитический проект Гитлера — уничтожение целых государств и наций и лишение их национальной жизни — забыть. Но, если мы никогда не забываем страдания евреев³³, то почему же мировое сообщество и сами евреи парадоксально взирают с растущей лояльностью на наследников фашистских легионов Прибалтики, Украины, Белоруссии, руки которых обагрены кровью тысяч евреев и тысяч славян? Почему славяне вообще не упоминаются в качестве жертв гитлеровского геноцида? Уж не потому ли, что это дает возможность обвинять в фашизме тех, кто оказал гитлеровской агрессии наибольшее сопротивление и сделал невозможным повторение Освенцима?

Такое изменение акцентов отвлекает внимание от очевидного факта, что все, происходящее в Европе после разрушения СССР, удивительно напоминает геополитические конфигурации прошлых попыток Дранг нах Остен в XX веке.

Война продолжается, но против кого?

Происшедшее в последнее десятилетие должно было бы побудить задуматься. Сакраментальное высказывание Н. Данилевского о противостоянии России и Европы в XIX веке, маскируемом до Берлинского конгресса наличием некоей фантазмагии — турецкой империи, может быть перефразировано: пока между Россией и Западом «стояла коммунистическая фантазмагория», истинных причин холодной войны можно было и не заметить, когда же «призрак рассеялся», «нам ничего не остается, как взглянуть действительности прямо в глаза». Давление на некоммунистическую Россию лишь увеличилось.

Но карта расширения НАТО, как две капли воды, похожа на карту пангерманистов 1911, когда Германия кайзера Вильгельма ставила практически те же

цели, что потом гитлеровская Германия: Прибалтика, Украина, Крым, Кавказ. А в результате — «отсечение от двух морей — Балтийского и Понта Евксинского», которые сделали Россию в свое время державой, без которой «ни одна пушка в Европе не стреляла». А нам все твердят об СССР, соперничающим с гитлеровской Германией за мировое господство!

Скорее, судя по сегодняшнему Дранг нах Остен, можно подумать, что борьба с Гитлером со стороны англосаксов была семейным спором о владычестве над миром. Разве под припев о продолжении борьбы за вселенскую демократию НАТО не устремилась на Восток, обосновав этим даже агрессию против Югославии? Сначала объектом была «империя зла» — после того, как она сдала все свои геополитические позиции, — им стала антиатлантическая Югославия, потом Афганистан, затем «недемократический» Ирак, который, якобы, уже только поэтому готов употребить оружие массового поражения против вселенской демократии. Именно таков смысл интерпретации современной истории в письме Е. Боннер и В. Буковского, призывавших Америку не останавливаться на достигнутом и продолжить борьбу, включив в число целей — нынешнюю Россию, осмелившуюся сопротивляться давлению.

Это оскорбление России, разрушенной дотла фашистской агрессией и отдавшей 20 миллионов жизней не только за право на собственную историю. Они погибли в том числе и за то, чтобы поляки, эстонцы, латыши и литовцы не прекратили бы свою национальную историю вообще. По нацистскому плану они должны были бы едва читать на немецком географические указатели в «Ингер-манландии». В СССР у них были и страдания, но они стали академиками и генералами, литераторами и изобретателями и награждались Государственными премиями. Это проявления оккупационного режима?

Теперь Латвию патрулируют натовские самолеты, а этнократический режим лишает русских права на язык и культуру, гражданских прав на том основании, что Латвия была под оккупационным режимом. Президент Латвии Вике-Фрайберге не постеснялась сказать, что «русские должны стать латышами русского происхождения». Это принудительная ассимиляция или вытеснение из страны. И вот парламентарий Кириштейнс — Председатель Комитета по международным делам латвийского сейма — уже требует «вывести всех оккупантов на поезде». Такая демократия теперь — норма «объединенной» Европы, представляемой эталоном для всего цивилизованного мира. Не похоже ли *именно это* на нацистские времена? И какую реакцию вызвало бы гипотетическое требование какого-нибудь российского президента, чтобы, например, татары стали «русскими татарского происхождения»?

Множественно увеличившееся давление на некоммунистическую Россию, очередное вытеснение ее на Северо-Восток Евразии ведется под самыми

фарисейскими за всю историю лозунгами. Поистине не схватка «идеологий раскола» и не «борьба демократии и тоталитаризма» составляют суть истории XX века. Похоже, опять «нельзя терпеть на Востоке такого колоссального государства».

«Вот уже полтора столетия Запад боится России», — горько заметил Иван Ильин в годы «холодной войны», и мало что изменилось в век «общечеловеческих ценностей». Он прав: «никакое служение общеевропейскому делу не меняет этого отношения — ни освобождение Европы от Наполеона, ни спасение Пруссии в 1805–1815, ни спасение Австрии в 1849 и Франции в 1875, ни миролюбие Александра III, ни Гагская конвенция, ни жертвенная борьба с Германией в 1914». Добавим, ни освобождение Европы от тотального уничтожения Гитлером, ни, наконец, даже самоустранение России как великой державы. «Для них Россия, — с горечью делает вывод И. Ильин, — это загадочная, полуварварская «пустота»; ее надо евангелизировать или обратить в католичество, «колониловать» (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих целей и интриг, а, впрочем, — ее необходимо **всячески ослаблять**».

На этом поприще неустанно трудится З. Бжезинский³⁴, называющий Россию «черной дырой» и на каждой странице бросающий замечания об отсталости и культурной неполноценности русских уже не только перед Западом, но и перед всеми народами мира и населяющими историческое государство Российское, повторяя схожие сентенции Р. Пайпса.

Современная пресса Запады демонстрирует такой антирусский накал, которого не было даже в период «холодной войны». С удивительной преемственностью просматривается и гегелевская теория исторических и неисторических народов, и нетерпеливая злоба Ф. Энгельса, предвкусавшего исчезновение антиисторичных славян и имманентно реакционного русского народа. Однако, вспомним, что эта преемственность имеет не полторавековую, а почти тысячелетнюю историю. Этот мотив антихристианства и варварства православных славян звучал еще в письме Бернарду Клервосскому, вдохновителю первого крестового похода, от Епископа Краковско-Матфея, который побуждал к крестовому походу против русских варваров.

Пока общественное сознание России не освободится от иллюзий «вхождения в так называемое цивилизованное сообщество», которое ее совсем не ждет, именно это сообщество будет все так же триумфально пожинать плоды нашего национального упадка и безволия.

Запад всегда будет приветствовать только такого российского лидера, который окажется сугубым западником — не столь важно, либерально-космополитического или классово-интернационального толка.

Запад будет всегда демонизировать лидера, который хочет сильной и самостоятельной России. Это

подтвердил С. Хантингтон, первым из маститых политологов Запада указавший на глобальный характер цивилизационного противостояния именно после краха коммунизма, ибо идеологическое противостояние между либеральным Западом и его коммунистическим оппонентом — дискуссия в рамках одного мировоззрения, тогда как возрождение подлинного религиозно-исторического лица России делает ее уже представителем иного мирового проекта.

Мы видим, как только Россия начинает «сосредоточиваться» и искать формы самовосстановления и укрепления, восстанавливать контроль за своими ресурсами, ее обвиняют в фашизме и отступлении от демократии.

Окончательное крушение всей русской истории — вот назначенная цена за мнимое место в мировой олигархии для той постперестроечной элиты, что до сих пор почитает «нецивилизованным» далее слабо возражать против уничтожения уже не только российского великодержавия, но и самой русской исторической личности во всех их геополитических и духовных определениях.

Соппротивление — это возврат к «тоталитаризму», а любая защита национального достоинства и истории — это «русский фашизм». Но только слепец не увидит за этим клише извечные западные фобии в отношении Православия и России, рядившиеся в разные одежды, но единые для папского Рима и Вольтера, для де Кюстина и К. Маркса, для Ленина с Троцким, но и для кумиров московских либералов А. Сахарова, В. Новодворской, электрификаторов и трубадуров либеральных империй — «царизм», «русский империализм», «филофейство», «византийская схизма», «варварство варягов» и «любовь к рабству».

Поистине наша национальная катастрофа есть плод очередного самоуничтожения и комплекса культурной неполноценности российской интеллигенции, воплощенного то либералами XIX века, то ранним большевизмом, то диссидентами и номенклатурно-партийной и интеллектуальной элитой эры Горбачева, наконец, первым постсоветским истэблшментом.

Но, как и прежде, главным инструментом разрушения является манипуляция нашим историческим и национальным самосознанием.

Это поднимает перед всем русским обществом огромные проблемы излечения болезни национального сознания и более глубокого осмысления собственных грехов, своих потерь и обретений. Подлинная причина катастрофы и неспособности русских панорамно оценить все, что происходит с ними и Россией — есть духовное ослепление и оскудение в силу отпадения от Православной веры, давшей в свое время русским смысл их исторической жизни и необычайную энергию и способность к творческому акту в мировой истории. Утрата христианского чутья ко злу и его источнику, к подменам и иллюзорным соблазнам привела к исчезновению чувства личной и со-

борной ответственности за себя и каждого, за нашу поруганную Победу, за русское присутствие в мире.

Вовлечение России как явления мировой истории и культуры в очередной глобальный проект очень напоминает драму и утраты России при столкновении с первой универсалистской идеей XX века под флагом марксизма. Если бы окружающий мир в 1917 был менее скован войной и ее последствиями, он воспользовался бы нашей драмой еще активнее, и геополитические потери нашей страны были бы куда страшнее.

Путь, судьба и итог СССР показали, что исторически жизнеспособная и «национальная государственность» должна опираться на дух народный, который составляет нравственное могущество государства, подобно физическому нужное для его твердости³⁵. Держава и нация, впитав «дух народный» в годы Великой Отечественной войны, испытала взлет могущества на мировой арене, но потом вновь растеряла его, тщась строить коммунизм, и при столкновении с очередным глобалистским соблазном пришла к распаду, к кризису самосознания и нигилизму к своей истории.

Сегодняшние итоги и задачи вызывают к чувству национальной солидарности не перед внешним врагом, а для духовно-исторического делания и продолжения исторической жизни. Они призывают бедного и богатого, простого и образованного, старого и молодого. Ибо нация, способная сохранить себя в истории, это не простая сумма индивидов, а преемственно живущий организм с целями и ценностями национального бытия, с общим духом и верой, представлениями о добре и зле, с общими историческими переживаниями. Именно это и делает из народонаселения нацию, способную к творческому историческому акту.

Те, кому знакомо чувство во время вдохновенной молитвы на литургии, прекрасно знают чувство принадлежности к Соборной Церкви — соединяющей с Христом всех верующих — ушедших, нынешних и будущих. По этому образу будем стремиться к освященному Духом чувству принадлежности к своему Отечеству.

Нас разделяют символы прошлого, но должны объединить задачи будущего.

Сегодня же защитим от поругания нашу Победу и нашу Родину!

Послесловие Европе

Вселенская дилемма «Россия и Европа», которую не обошли вниманием почти все крупные умы России прошлого, опять встает перед нами, поскольку дискуссия о Войне и нашей Победе, точнее сказать — травля России — разворачивается на фоне очевидного передела мира и соперничества за российское наследство. Но давление обрело знакомые очертания — граница его опять проходит именно там, где Священная Римская Империя и Ватикан, Речь Посполитая, Наполеон и Габсбурги, Германия

кайзера Вильгельма и Гитлера стремились отеснить русских на Северо-Восток Евразии, от Балтики и Черного моря, овладеть византийским пространством, а вездесущая Британия противодействовала России из ее южного подбрюшья — Центральной Азии.

Вряд ли Россию и русских возможно еще раз соблазнить каким-нибудь «новым мышлением» и химерой общечеловеческих ценностей. Слишком очевидно, что весь остальной мир тем охотнее воспользовался испытанным старым и прибрал к рукам все, что отдавали прозелиты. Очередной передел мира меньше всего отражает борьбу идеологий двадцатого столетия, которая на самом деле вовсе не так, как казалось, определяла международные отношения даже в период «холодной войны». Демагогические толкования результатов соперничества «тоталитаризма и демократии», увы, слишком напоминают штамп марксистского обществоведения о «главном содержании эпохи — переходе от капитализма к коммунизму». Главное содержание «нашей эпохи» — последнего десятилетия XX века — уничтожение сначала потенциально равновеликой всему совокупному Западу геополитической силы, затем самостоятельной исторической личности с собственным поиском универсального смысла человеческого бытия.

Латинские Венгрия и Чехия бегут в НАТО не от коммунизма, а от чуждой России. Только возвращаются они не в «пост-габсбургский» ареал, но в атлантический мир. По канонам англосаксонской стратегии XX века Восточная Европа больше никогда не должна входить ни в орбиту немцев, ни в орбиту русских: «Больше не будет ни Мюнхена, ни Ялты».

Не стоит удивляться и католической Польше, сочувствующей чеченским головорезам, если вспомнить, что польский кумир Адам Мицкевич «угас» где-то в Константинополе, куда он отправился «устраивать польский казачий легион» (А. Герцен), чтобы в Крымской войне воевать на стороне «цивилизованной» Оттоманской Турции против «варварской» России.

Балто-Черноморская дуга — это старый проект XVI века, отрезающий Россию от выходов к морю, а Косово поле — единственная природная равнина на Балканах, где танки НАТО могут пройти к Салоникам. Папа Иоанн Павел II, назвавший только украинцев наследниками святого Владимира и последовательно насаждавший католические епархии в России, продолжил дело Папы Урбана VIII, взявшего после Брестской Унии 1596 года: «О мои русины! Через вас-то я надеюсь достигнуть Востока». Наконец, торжествующие англосаксы вступают «миротворцами» в Кабул и Месопотамию — вожденный приз Британии еще в Первую мировую войну. Одна из главных целей сегодняшнего передела мира — контроль над природными ресурсами: за это ведутся войны современности. В этом процессе важнейшую роль играет изоляция России от Средиземноморья, Черного моря и Каспия. Это —

северная граница **Мирового энергетического эллипса**, обнимающего Аравийский полуостров, Ирак и Иран, Персидский залив, Северный Иран, российское Предкавказье.

Южная кривая, начинаясь от того же Средиземного моря, призвана соединить англосаксонские позиции в Турции через Персидский залив — Ирак и Иран — с Пакистаном. Эллипс замыкается в Афганистане. Заметим, что этот регион примыкает к Украине, Молдове, Кавказу и Закавказью. Это объясняет втягивание в атлантическую орбиту территорий от Балтики до Черного моря, историческую травлю Белоруссии — недостающей части мозаики, — борьбу за вытеснение России из Крыма, вовлечение Грузии в американскую орбиту и придание чеченскому уголовному мятежу ореола национально-освободительного движения.

Задача евразийской стратегии Вашингтона — обеспечить себе решающий контроль над мировыми ресурсами и необратимо отстранить от рычага управления этими ресурсами все потенциальные центры силы. Общим целям служит чеченский конфликт после того, как он из обыкновенного уголовного мятежа превращен в инструмент мирового проекта.

Но исламский экспансионистский импульс всегда имел не исламского дирижера. Британскую шхуну «Виксен» в 1835 застали у берегов Кавказа, где она выгружала оружие для черкесов. И разве комический лорд Джадд, создающий «чеченские комитеты» при Совете Европы, не повторяет лорда Пальмерстона, который создавал «черкесские комитеты» на Парижском конгрессе 1856 после Крымской войны? Нам же все твердят о борьбе за демократию.

Подобно тому, как «идеологическая борьба» коммунизма и «свободного мира» после мая 1945 года заслоняла борьбу против Ялты и Потсдама и территории исторического государства Российского, нынешняя демагогия призвана заслонить дальнейшее отеснение России на Северо-Восток Евразии, где обустройство рабочего места в 6 раз дороже, чем в Европе, глубина промерзания — 3 метра, отопительный сезон 9 месяцев.

И все же, защищая свои рубежи и присутствие, свое историческое и национальное достоинство, ограждая от глумления нашу Победу, мы предлагаем считать это общим праздником и общим историческим уроком и еще раз, хотя уже не наивно, предлагаем руку Европе и миру.

Европа весьма способствовала формированию однополярного мира и праздновала утрату Россией ее позиций на Балтике и на Черном море. Российское великодержавие в конце XX века было объявлено угрозой и Европе, и идеалам прогресса — суверенитету, самоопределению, равноправию, демократии, правам человека. Но, когда Россия самоустранилась, в тот же миг именно эти основы были попорчены.

Поддержанная Европой агрессия против Югославии — суверенного государства, основателя ООН

и участника Заключительного акта Хельсинки — знаменовала упадок целой эпохи европейской истории. Начавшийся далее поэтапный передел мира с почти ежегодными интервенциями в суверенные страны не только имеет неевропейскую конечную цель, но и неизбежно влечет перегруппировку сил в самом Западе, что стало вполне ясным после приема в НАТО восточноевропейских и прибалтийских государств.

И в тот момент, когда Россия окончательно утрачивает обретения Петра Великого, не дававшие покоя «старушке Европе» с XVIII века, «закат Европы» и утрата ею положения центра всемирно-исторических событий станет свершившимся фактом.

Специфика нынешней ситуации в том, что стратегические потери России не перейдут на этот раз к ее прежним континентальным соперникам или соседям, сохраняя европейскую направленность исторического импульса и геополитического проекта. Возвращение Прибалтики, Венгрии, Чехии, Польши, балканских государств в западный ареал вовсе не будет реваншем «старой» Европы, даже если она бы еще и ощущала в себе зов предков от крестоносцев до Бонапарта. **Все геополитические сдвиги встраиваются в совершенно иные конфигурации, и чем больше этих новых перемен, тем меньше эти конфигурации служат самой Европе.** Они служат в эпоху технократического глобализма глобальному управлению и евразийскому проекту.

Старая Европа, похоже, только сейчас ощутила, но неизвестно, осознала ли, что одно из следствий этого передела — это неизбежное падение ее собственной роли в мире и как союзника Вашингтона. США вышли на такие рубежи, где «старая Европа» уже не стержень интересов Вашингтона, а всего лишь обеспеченный тыл, в чем она убедилась слишком поздно, как и в том, что не российское великодержавие угрожает ее роли в мировой политике, а, наоборот, его упадок.

Тезис Рамсфелда о большей важности «новой Европы» — антирусских Польши, Чехии и Прибалтики, — действительно отражает принципиальные изменения в геополитическом мышлении части американского истеблишмента, которое устремлено в Евразию, нацелено на глобальное управление и структуризацию под американской эгидой куда более широкого региона. «Укрепление с помощью трансатлантического партнерства американского плацдарма на Евразийском континенте» нужно Вашингтону вовсе не для обороны западной части континента от угрозы с Востока, а для того, чтобы «растущая Европа» стала для США «реальным трамплином продвижения в Евразию». Так сформулировал З. Бжезинский³⁶. Почему это не насторожило Европу?

«Новая» Европа

Для глобального управления миром сегодня важнее новая Европа — не ее, конечно, «мнение», которое никто не спрашивает, а ее расположение

в сплошной меридианальной зоне от Балтики до Черного моря. Эта зона — стратегический подступ к протянувшемуся в широтном направлении «евразийскому геополитическому эллипсу».

Президент США Дж. Буш произнес в высшей степени знаменательные слова, которые мы уже приводили: «Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. **Больше не будет ни Мюнхена, ни Ялты**». В России это высказывание предпочли не заметить, однако в нем — квинтэссенция атлантической геополитики в Старом Свете. В устах американского президента формула «ни Мюнхена, ни Ялты» буквально означает: **«Восточная Европа не будет отныне сферой влияния Германии или России — она будет сферой влияния США».**

Противопоставление Д. Рамсфелдом «новой» (Восточной) Европы — Европе «старой» подразумевает перемещение геополитического центра континента на восток, в страны — новые члены НАТО. Эти высказывания обнаруживают глубокую удовлетворенность Вашингтона достижением одной из главных целей всей геополитической стратегии англосаксов XX века — овладением Восточной Европой, значение которой превосходно выразил выдающийся русский политический географ В. П. Семенов-Тянь-Шанский: это ключевой регион между «двумя Средиземными морями — Балтийским и Черным», и тому, кто контролирует этот регион, обеспечена роль «господина мира»³⁷.

Обе мировые войны и «холодная война» велись во многом за Восточную Европу; Западная — «старая» Европа была объединена, в том числе для того, чтобы растворить Германию и послужить трамплином для прыжка на Восток.

Будущее России — это будущее Европы

Объединение Европы сегодня стало неоспоримым идеалом и ценностью исторического развития. Однако эти цели можно ставить в совершенно разных плоскостях мышления. От того, какую идею единения в грядущем периоде истории выберут Европа и Россия, во многом будет зависеть судьба тех идеалов, которые сделали нашу национальную историю и культуру явлением мировой истории, и судьба и роль нас самих в этой истории.

Можно рассматривать мир и Европу лишь как гигантское хозяйственное предприятие, нуждающееся в постоянной оптимизации. Но на таком пути ценность исторического наследия перестает играть роль по сравнению с технократической целесообразностью.

Для гигантского киборга нет разницы между микрочипом и Платоном, Шекспиром, Гете и Достоевским. В этом проекте униформного пространства нет места не только православной России, но ни одной из великих духовных и национальных традиций человечества, в том числе и великой европейской культуре.

Русским чисто материалистический идеал и подход знаком, и они лучше других знают, что он обречен. Однако максимального величия Европа достигла тогда, когда ее история была воплощением целей и ценностей человеческого духа и национального бытия, то есть, когда она жила «не хлебом единым». Да и коммунистический и сугубо материалистический СССР поднялся на пик могущества только после того, как война востребовала национальный дух и возврат к традиционным ценностям Отечества, долга, самопожертвования.

Разве не очевидно сегодня, что вовсе не российское великодержавие представляло угрозу Европе как самостоятельной геополитической и культурно-исторической величине, и возможности конструктивного взаимодействия на континенте?

Сотрудничество России и Европы действительно может дать обеим мощный и столь необходимый импульс на пороге Третьего Тысячелетия Рождества Христова. Им обеим нужно, чтобы Россия вернула роль системообразующего фактора международных отношений.

Как никогда назрела совсем иная культурно-историческая парадигма взаимодействия в Европе.

Не пора ли Европе отказаться от тиражируемого сегодня, как никогда, уничижительного образа России?

Новые вызовы не побуждают ли по-новому взглянуть на «дилемму Россия и Европа»? Она ведь не изжита именно Западом.

Именно Европа, которая уже построила свой рай на земле, все так и не избавилась от своего нигилизма к русской истории, чувства неуверенности перед ее громадностью, потенциальной самодостаточностью и необычайной устойчивостью в испытаниях, перед вечно самостоятельным поиском универсального смысла бытия. Россия своим сопротивлением переделу мира и поствизантийского пространства в пользу радикальных параисламистских стратегий защищает собой западный мир.

Неужели «Европа в отношении России», все так же, как и во времена Пушкина, «столь же невежественна, как неблагодарна»?

Пусть «новая» Европа в своей «эйфории роста» пока тешит себя образами «полуазиатской Московщины и цивилизованного Запада» — эта эйфория столь же естественна, сколь недолговечна. Пусть шумят на российского слона Рига, Прага, Варшава. Но пришло время серьезно задуматься с обеих сторон об отношениях России с немцами и французами.

Несмотря на многовековое противостояние, великая романо-германская и русская православная культуры имеют единую апостольско-христианскую духовную основу. Европейцы и русские дали примеры наивысших форм латинской и православной духовности, западноевропейец и русский — мировые гении выразили и две разные формы отступления от Бога — гетевский Фауст воплотил скепсис и сомнение горделивого западного ума, не терпящего над собой никакого судии. Иван Карамзев Достоевского выразил пламенный вызов Богу русской гордыни, не желающей смириться с попущением несправедливостей и грехов окружающей жизни.

Мы же и воевали жестоко, значит, сегодня, в год Победы над фашизмом, на нас — особая ответственность за выбор будущего Европы и форм ее единства.

Подлинное единство — не в новых разделительных линиях — они ведь не новы и слишком напоминают конфигурации многовекового Дранг нах Остен, теснившего славян от Балтийского и Черного морей. Но континентальной Европе сегодня это ничего не дает.

Подлинное единство и не в диктате идеологических стандартов Совета Европы — это тоже не ново — так действовал Третий Интернационал.

Подлинное единство, которое может принести подъем и самостоятельность Европе, — в признании вселенской равноценности наших опытов. Будущее — в конструктивном соединении исторического наследия и творчества всех этнических, конфессиональных и культурных составляющих Европы: германской, романской, и славянской, Европы латинской и Европы православной.

А будущее России — это будущее Европы.

¹ См.: Янов А. Л. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк. 1988; «Нева», 1992. №9–12.

² См.: The Intimate Papers of Colonel House. London, 1928. V. IV. P. 202–204.

³ Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. II. Wash. GPO, 1942. P. 477.

⁴ Ibid, Memorandum by A. W. Dulles. 30 December 1918. P. 481–482.

⁵ Ibid, «Ambassador of the USA in Britain (Davis) — to acting Secretary of State». London, 20 Dec. 1918. P. 479.

⁶ Мацкевич Ю. Победа провокации. Лондон (Канада), 1983, С. 91–94.

⁷ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Книга 2, С. 209.

⁸ Ян Эгберт. Исследования проблем мира и конфликта «Восток — Запад». Доклад Гессенского фонда исследований проблем мира и конфликтов. М., 1997. С. 183. (Выделено автором.)

⁹ Письмо от 10.XII.1937 г. Архив Президента Российской Федерации. «Источник», Родина. 1993, № 2. С. 32–34.

¹⁰ Цит. по Г. Федотов. Полное собрание статей. В четырех томах. III, Тяжба о России. (Статьи 1933–1936 г.) Париж, YMCA-Press. 1982.

¹¹ Тойнби А. Дж. Византийское наследие России. Цивилизация перед судом истории, М., 1996, С. 157.

¹² Toynbee A. J. The World and the West: Russia. The Listener, 1952, 20 November.

- ¹³ CIA Cold War Records. Selected Estimates on the Soviet Union. 1950–1959. History Staff. Center for the Study of Intelligence. Central Intelligence Agency. Wash., D. C., 1993. P. 139, 228.
- ¹⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 авг. 1945 г.). Сборник документов. М., 1945. С. 159.
- ¹⁵ АВП РФ. Фонд 0431, оп. 1, док. № 18а, папка № 1, листы 27–28.
- ¹⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С-Пб. 1995; С. 41.
- ¹⁷ АВП РФ. Фонд Об, оп. 1, п. № 12, дело 126, л. 60.
- ¹⁸ Foreign Relations of the United States. The Soviet Union. 1933–1939. Wash., GPO, 1952, P. 965.
- ¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т. 6. М., 1957, С. 289–306.
- ²⁰ Там же, Т. 37., М, 1965, С. 317.
- ²¹ АВП РФ. Фонд 0431 (II), опись № 2, док. № 48, папка № 11, листы 80, 83.
- ²² Nolte Ernst. Der Europäische Bürgerkrieg. 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschevismus. Propilaen. 1997.
- ²³ Тьерри де Монбриаль. Память настоящего времени. М., 1997. С. 54.
- ²⁴ Пайпс Ричард. Три «почему» русской революции. М., 1996. С. 30–40.
- ²⁵ «The Charge in Lithuania (Guffler) — to the Secretary of State.» Foreign Relations of the United States. The Soviet Union. 1933–1939. Wash. GPO, 1952. P.936.
- ²⁶ Очерки истории Российской внешней разведки. В шести томах. Т. 3., 1933–1944 годы. Приложение. М., 1997. С. 468.
- ²⁷ АВП РФ. Фонд 0512. Опись 4. № 213. папка 25, лист 3.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Brzezinski Zb. How the Cold War Was Played. Foreign Affairs. Oct., 1972. P. 182–183.
- ³⁰ Congressional Record. Proceedings and debates of the 86th Congress. Vol. 105, P. 9. Wash., GPO, 1959.
- ³¹ Dobryansky Lev. E. The Vulnerable Russians. New York. 1967.
- ³² Congressional Record. Proceedings and debates of the 86th Congress. Vol. 105, K 9, Wash., GPO, 1959, P. 13678–13679.
- ³³ Лидия Ивановна Подолякина-Нарочницкая, будучи членом партизанского отряда, держала под полом девушку-еврейку в течение шести месяцев в обстановке, когда гитлеровцы заходили в дом ежедневно с оружием наперевес. Полагался расстрел на месте. Лидия Ивановна прошла гитлеровскую тюрьму, допросы, концлагерь, из которого бежала и была награждена медалью «Партизану Великой Отечественной Войны».
- ³⁴ Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. М., 1998.
- ³⁵ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. С-Пб. 1914. С. 28.
- ³⁶ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М., 1998.
- ³⁷ Семенов-Тянь-Шаньский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. СПб. 1915 г.

У истоков Холодной войны

О. А. Ржешевский*

22 июня 1941 года, в день нападения нацистской Германии и её союзников на СССР У. Черчилль — премьер-министр Великобритании — заявил о готовности оказать «России, русскому народу всю помощь, которую только сможем». 24 июня с заявлением о поддержке СССР выступил президент США Ф. Рузвельт. Западные лидеры приняли это решение после длительных сомнений и переговоров с СССР — нацистская агрессия угрожала независимости их собственных стран.

Великобритания к тому времени в течение года по существу в одиночестве защищалась от агрессоров, выдержала «блиц» — немецкое авиационное наступление — и находилась под постоянной угрозой штурма вермахтом Британских островов. На Тихом океане и в Юго-Восточной Азии владениям или сферам господства Соединенных Штатов и Великобритании угрожала Япония, реальным союзником в борьбе с которой наряду с Китаем мог быть только СССР. Такова была расстановка сил при формировании антигитлеровской коалиции — уникального объединения государств и народов с различными социальными системами, одержавшая, в конечном итоге, историческую победу над силами нацизма и милитаризма, спасшая человечество от фашистского порабощения.

Мировая история насчитывает тысячи коалиционных войн и военно-политических союзов, которые, достигнув своей цели в войне, распадались. Это объясняется прежде всего тем, что входящие в коалицию государства преследуют не только общие согласованные цели в войне, но и собственные интересы, приоритетные для каждого из участников коалиции. Поэтому внутрикоалиционные отношения и стратегия часто носят противоречивый характер, что оказывает влияние на ход и исход войны. Особенностью антигитлеровской коалиции явилось то,

что эти нестыковки проявились уже в 1941 г., постоянно нарастали и предопределили её распад ещё до окончания войны. В той или иной форме они были связаны с различными взглядами на ведение войны, представлениями о послевоенных границах, сферах влияния, устройстве мира и других, преимущественно геополитических, факторах¹. Остановимся на некоторых событиях и фактах, относящихся к зарождению холодной войны.

Первые трения в отношениях с СССР возникли в связи с Атлантической хартией — англо-американской декларацией Ф. Рузвельта и У. Черчилля, подписанной 14 августа 1941 г. на борту английского линкора «Принц Уэльский» в Атлантическом океане. В ней провозглашались важные принципы политики двух держав и цели войны: отказ от захвата чужих территорий, право народов самим избирать форму правления, обеспечение доступа на равных основаниях к мировым рынкам торговли и сырья, неприменение силы в международных отношениях, разоружение государств-агрессоров, восстановление суверенитета народов, лишенных своих прав, обеспечение мира, гарантирующего безопасность всех стран и народов и другие. 24 сентября на Межсоюзнической конференции в Лондоне СССР присоединился к Атлантической хартии, отметив, что применение её принципов «должно будет соотносываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны». Прежде всего имелось ввиду включенное по предложению Черчилля положение о восстановлении «суверенных прав и самоуправления тех народов, которые лишены были этого *насильственным путем*»² (курсив наш. — О. Р.), исключавшее из их числа лишённые суверенных прав народы колоний, что соответствовало имперским интересам Великобритании, но ставило под вопрос признание советских границ по состоянию на 22 июня 1941 г., т.е. с вошедшими в 1939–1940 гг. в состав СССР в усло-

* Олег Александрович Ржешевский — доктор исторических наук.

виях нахождения на их территории войск Красной Армии Прибалтийских республик, Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины, а также части территории Финляндии, отошедшей к СССР по мирному договору 1940 г., которым завершилась «зимняя война».

В Москве, естественно, обратили на это внимание, посчитав целесообразным решить вопрос непосредственно с правительством самой Великобритании, что и произошло в декабре 1941 г. во время приезда в Москву министра иностранных дел А. Идена для подписания союзного англо-советского договора³.

16 декабря состоялись встреча Идена со Сталиным, в ходе которой советский руководитель предложил дополнить подготовленный проект союзного договора секретным протоколом, в котором была бы намечена общая схема реорганизации европейских границ после войны. Параграф 9 проекта секретного протокола предусматривал восстановление советских границ «как они были в 1941 г. накануне нападения Германии на СССР»⁴. Иден, не располагавший для подписания секретного протокола полномочиями, позднее писал о сложившейся обстановке: «Предложенный Сталиным протокол указывал, что наши надежды в Лондоне на то, что удастся ограничить обсуждение вопроса о границах общими положениями Атлантической хартии, не оправдались. Цель русских была уже твердо определена. Она лишь незначительно изменялась в последующие три года и заключалась в том, чтобы обеспечить максимальные границы будущей безопасности России... Я затем объяснил Сталину, что не могу согласиться с секретным протоколом без консультаций с кабинетом министров и добавил: «Рузвельт, ещё до того как Россия подверглась нападению, направил нам послание с просьбой не вступать без консультаций в какие-либо секретные соглашения, касающиеся послевоенной реорганизации Европы»⁵. Непримируемая позиция сторон воспрепятствовала подписанию союзного договора, которое было главной целью приезда Идена в Москву.

Переписка по вопросу о советских границах между Иденом и Черчиллем, который находился в США, и другие записи в том виде, как они представлены в мемуарах Черчилля, заметно отличаются от содержания его беседы на эту тему с Майским 16 марта 1942 г. «У меня с самого начала не лежала душа к признанию советских границ 1941 г., — записал в своем дневнике И. Майский слова Черчилля, — но так как Сталин на этом очень настаивал, я в конце концов согласился границу признать»⁶. В мемуарах представлена иная точка зрения: «Меня очень встревожили сообщения Идена по его возвращении из Москвы о территориальных притязаниях Советов, особенно в отношении Прибалтийских государств. Они были завоеваны Петром Великим и в течение 200 лет находились под властью царей. После русской революции они стали аванпостами Европы против большевизма.

Прибалтийские страны должны быть суверенными и независимыми». Идену он телеграфировал в Лондон: «Мы всегда признавали существование границ России только *де-факто*. Они были приобретены в результате актов агрессии...»⁷. Рузвельт, на которого ссылался Иден, в беседе с М. М. Литвиновым 12 марта 1942 г. заявил, что «по существу у него нет никаких расхождений с нами, никаких затруднений он не предвидит в связи с желательными для нас границами после войны»⁸. На Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав он предложил провести в Литве, Латвии и Эстонии плебисцит, высказав уверенность, что «народы этих стран будут голосовать за присоединение к Советскому Союзу так же дружно, как они это сделали в 1940 году»⁹. Решение вопроса о признании советских границ затянулось на многие годы и оказывало негативное влияние на межсоюзнические отношения.

К 1941 году относится и возникновение проблемы второго фронта, которая в 1942–1943 гг. привела к серьезному кризису стратегии объединения усилий в борьбе против общего врага.

Впервые вопрос об открытии второго фронта был поставлен в послании главы Советского правительства, направленном 18 июля 1941 г. премьер-министру Великобритании. Приветствуя установление между СССР и Великобританией союзнических отношений, и выражая уверенность, что у обоих государств найдется достаточно сил для разгрома общего врага, И. В. Сталин писал: «Мне кажется, далее, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию»¹⁰.

В сложившейся обстановке второй фронт рассматривался как само собой разумеющееся условие успешного ведения войны союзниками по антигитлеровской коалиции, как стратегия, которая должна была привести к быстрейшему разгрому противника. Война на советско-германском фронте, где гитлеровское руководство сосредоточило основную массу своих вооруженных сил, создавала благоприятные возможности для активизации действий западных союзников непосредственно на Европейском континенте. Однако Черчилль отклонил советские предложения, ссылаясь на недостаток сил и угрозу «кровапролитного поражения» десанта.

К февралю–марту 1942 г. относится разработка штабом армии США (одним из её участников был генерал Д. Эйзенхауэр, в то время заместитель начальника штаба армии) плана первоочередной мобилизации американского военного потенциала на борьбу с Германией и сосредоточения на Британских островах войск и техники для вторжения в Северную Францию. Направляя с этой целью военную

делегацию в Великобританию, Рузвельт 3 апреля 1942 г. писал Черчиллю: «Ваш народ и мой народ требуют создания фронта, который ослабил бы давление на русских, и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские сегодня больше убивают немцев и уничтожают больше снаряжения, чем вы и я вместе взятые. Даже если полного успеха не будет, крупная цель будет достигнута»¹¹.

11 апреля Рузвельт пригласил к себе советника Посольства СССР А. А. Громько и вручил ему личное послание на имя главы Советского правительства. Для обсуждения вопроса об открытии второго фронта Рузвельт предлагал направить для переговоров в Вашингтон советскую делегацию во главе с народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым¹². Ранее был согласован визит Молотова в Великобританию.

В советско-американском и советско-английском коммюнике, опубликованном по итогам переговоров Молотова с Рузвельтом и Черчиллем (21.05–10.06.1942) указывалось, что «достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.». В ходе визита были также обсуждены, доработаны, а затем подписаны другие важные документы: Договор о союзе в войне и послевоенном сотрудничестве между СССР и Великобританией (26 мая 1942 г.) и Соглашение с США о взаимной помощи в ведении войны против агрессии (11 июня 1942 г.), юридически завершившие формирование союза трех ведущих держав антигитлеровской коалиции.

Что касается заявления союзников об открытии в 1942 г. второго фронта (ряд западных историков не считают формулировку коммюнике обязательной), то английская сторона, формально поддержав коммюнике, на деле выступала против открытия второго фронта в 1942 г. Руководствуясь собственными стратегическими соображениями, Черчилль и британские штабы пришли к выводу о целесообразности высадки англо-американских войск в 1942 г. не на Европейском континенте, а в Северной Африке. Чтобы склонить Рузвельта к отказу от открытия второго фронта в 1942 г., Черчилль через неделю после завершения встречи с Молотовым направился в США. Результаты переговоров с Рузвельтом (17–25 июня) явились «замаскированной победой английской позиции», и фактически исключали «всякое вторжение на Европейский континент даже в 1943 году»¹³.

Надо сказать, что между Сталиным и Молотовым существовали разногласия в оценке подлинного значения формулировки о втором фронте, включенной в коммюнике. Молотов скептически относился к заверениям Рузвельта о планах высадки союзников в 1942 г., в то время как Сталин считал реальным достижение этой цели. Подтверждением может служить телеграмма Сталина, направленная советскому послу в США Литвинову после отъезда Молотова в Великобританию. Она являлась ответом на предложение

Рузвельта сократить поставки по ленд-лизу в СССР для высвобождения морских транспортных средств с целью обеспечения своевременной переброски американских войск и техники на Британские острова. Поставки сокращались примерно на 40%, по сравнению с подготовленным американской стороной протоколом, переданным Рузвельтом Молотову для советского правительства. Следует принять во внимание, что в то время разворачивалось летнее стратегическое наступление вермахта, и положение на советском фронте ежедневно ухудшалось. Поставки по ленд-лизу были особенно необходимы. Тем не менее, Сталин 6 июня телеграфировал Литвинову: «Вы должны сообщить Рузвельту о согласии Советского правительства на сокращение нашей заявки на тоннаж... [с] добавлением, что Советское правительство идет на это, чтобы облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 г., в соответствии с тем, что это сказано в согласованном Молотовым и Рузвельтом коммюнике. По нашему мнению, это может ускорить согласие Англии на организацию второго фронта в Европе»¹⁴.

Предположение Сталина не оправдалось. 10 июня Черчилль во время последней встречи с Молотовым в Лондоне вручил ему «Памятную записку», из которой следовало, что открытие второго фронта в 1942 г. сопряжено с большими трудностями, и «мы поэтому не можем дать никакого обещания в этом вопросе»¹⁵. В августе 1942 г. во время своего визита в Москву он сообщил Сталину, что второго фронта в 1942 г. в Европе не будет¹⁶.

Литвинов в свою очередь информировал Москву: «Позиция президента в отношении второго фронта стала за последнее время более твердой. Если он раньше в разговорах на эту тему неизменно давал понять, что он лично признает необходимость высадки на европейском континенте, но что противятся этому англичане и его собственные военные советники, то при последних моих беседах с ним он старался придавать себе вид человека, абсолютно убежденного в неосуществимости в настоящее время высадки... Не подлежит сомнению, что он и в этом вопросе взят на буксир Черчиллем и его собственным военно-морским окружением»¹⁷.

Решения англо-американской конференции в Касабланке (январь 1943 г.) не оставляли сомнений в том, что вторжение на Европейский континент откладывается до 1944 г. Тем не менее, Черчилль от своего имени и от имени Рузвельта 12 февраля направил советской стороне обнадеживающее послание: «Мы также энергично ведем приготовления, до пределов наших ресурсов, операции форсирования Канала (Ла-Манша. — О. Р.) в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов. Тоннаж и наступательные десантные средства здесь будут также лимитирующими факторами. Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовле-

на с участием более крупных сил на сентябрь»¹⁸. Но после очередной встречи с Черчиллем в Вашингтоне в мае 1943 г. Рузвельт сообщил в Москву о переносе сроков открытия второго фронта на 1944 г. Отношения осложнило и согласованное между У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом решение прервать до осени поставки по ленд-лизу в северные порты СССР, о чем 30 марта 1943 г. было сообщено Советскому правительству (почти половина переписки Сталина с Черчиллем и Рузвельтом в той или иной степени посвящена вопросам поставок по ленд-лизу).

Последовавший обмен посланиями ещё более накалил обстановку. «Должен Вам заявить, — писал глава Советского правительства в послании У. Черчиллю 24 июня, текст которого был направлен также Ф. Рузвельту, — что дело здесь идет не просто о разочаровании Советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»¹⁹.

Успех Красной Армии в битвах под Сталинградом и Курском, продвижение советских войск к государственным границам СССР свидетельствовали, что война близится к завершению. Становилось очевидным, что Советский Союз способен самостоятельно освободить народы Европы от фашистского ига. В этой ситуации западные союзники, опасаясь выхода советских армий в Центральную и Западную Европу раньше своих войск, активизировали подготовку операции вторжения во Францию.

Предварительно решение о проведении такой операции было согласовано на Квебекской конференции руководителей правительств и представителей командования США и Великобритании в августе 1943 г., а затем принято на Тегеранской конференции глав трех держав (28.11–11.12.1943 г.) В итоговом документе «Военные решения Тегеранской конференции» было указано, что второй фронт в Европе будет открыт в мае 1944 г. В документе было зафиксировано заявление Сталина о том, что «советские войска предпримут наступательную операцию в это же время с целью предотвратить переброску сил с восточного на западный фронт». В ответ на запрос союзников Сталин также сообщил о готовности СССР вступить в войну с Японией после разгрома Германии²⁰.

Решения Тегеранской конференции в основном были выполнены. 6 июня 1944 г. войска союзников высадились на северо-западе Франции (операция «Оверлорд»), 15 августа — на юге этой страны (операция «Драгун»). Так был открыт второй фронт. 23 июня Красная Армия в поддержку операции «Оверлорд» развернула крупное наступление в Белоруссии (операция «Багратион»)²¹. Германия была зажата в тисках двух фронтов, что сократило сроки

войны и число её жертв. Но за двухлетний период проволочки западных союзников с открытием второго фронта с мая 1942 г. по июнь 1944 г. — только безвозвратные потери Советских Вооруженных сил (убитыми, пленными и пропавшими без вести) составили более 5 млн. человек²². В советском руководстве и массовом сознании сформировалось убеждение, что политика, проводимая западными союзниками с затягиванием второго фронта, носила преднамеренный характер и преследовала цели максимального ослабления нашей страны, о чем ещё в 1941 г. сделал заявление Г. Трумэн, в то время сенатор от штата Миссури, будущий вице-президент и президент США. Опубликованное газетой «Нью-Йорк Таймс», оно стало широко известным: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»²³.

История второго фронта, открытие которого горячо приветствовалось в нашей стране, вместе с тем оставила в памяти воспоминания об ответственности западных держав за гибель миллионов наших граждан на фронте и в тылу в период 1942–1944 гг., о том, что жертвы и бедствия могли быть не столь велики при своевременном выполнении союзниками взятых на себя обязательств. Подозрения и недоверие к союзникам в этой связи также относятся к факторам, способствовавшим зарождению холодной войны. На фронте родилась солдатская поговорка: «Не кажи гопкинс, пока нет рузвельтатов».

В 1943 г. после битв под Сталинградом и Курском среди генералитета, наиболее антироссийски настроенной части истеблишмента западных союзников, ещё четче стали проявляться тенденции к поиску путей, которые смогут облегчить вступление их войск в Германию и создать препятствия для продвижения на Запад Красной Армии. «Был снят вопрос о поражении СССР и тут же возник другой. Выгодно или невыгодно доводить дело до полного разгрома третьего рейха?»²⁴

В Национальном архиве США хранятся протоколы заседаний Объединенного Комитета начальников штабов США и Великобритании — главного органа западных союзников, который координировал их стратегию в годы Второй мировой войны. К истории возникновения холодной войны непосредственное отношение имеет малоизвестный обмен мнениями высших военных руководителей Великобритании и США на заседании этого комитета 20 августа 1943 г.

В заседании принимали участие: от США — начальник штаба президента адмирал У. Леги, начальник штаба армии генерал Д. Маршалл, главнокомандующий ВМС адмирал Э. Кинг, командующий ВВС армии генерал Г. Арнольд; от Великобритании — начальник имперского генерального штаба генерал (с 1944 г. фельдмаршал) А. Брук, главнокомандующий

ВМС адмирал Д. Паунд и главнокомандующий ВВС главный маршал авиации Ч. Портал, ряд других военачальников и советников.

Параграф 9 протокола «Военные соображения в отношении России» содержит следующую запись обмена мнениями: «Сэр Алан Брук обрисовал современную обстановку, касающуюся России. В целом русские сейчас более сильны, чем когда-либо ранее и, по его мнению, располагают резервами для дальнейшего наступления осенью. Немцы будут вынуждены держать все имеющиеся у них дивизии на русском фронте или даже усиливать их. Это облегчит наши операции в Италии и Оверлорд. Он считает, что у немцев нет шансов договориться с русскими о мире... Генерал Маршалл коснулся формирования в России движения «Свободная Германия». Он располагает данными, из которых следует, что Россия все более враждебно и подозрительно относится к капиталистическому миру. Их недавнее заявление по «второму фронту» весьма показательны в этом отношении. Он хотел бы знать мнение начальника британского штаба относительно дислокации войск союзников, например, в случае подавляющего успеха русских — не окажут ли немцы содействие (facilitate) вступлению наших войск в [их] страну, чтобы отбросить русских (repel the Russians). Сэр Алан Брук сказал, что он давно видел опасность того, что русские используют войну для продвижения своих идей международного коммунизма»²⁵. Отметим в этой связи разработку командованием Армии Крайовой плана «Барьер» — диверсий на железных дорогах Польши с целью затруднить наступление Красной Армии. Стали известны и намерения командования Армии Крайовой прекратить диверсионные акции в отношении немецких военных эшелонов, которые направлялись на Восточный фронт²⁶.

С вступлением Красной Армии на территорию стран Восточной Европы обострились противоречия по вопросу их послевоенного устройства. Важнейшей геополитической задачей Советского Союза, которую он считал необходимым решить в ходе войны в Европе, было создание на своих западных границах «пояса безопасности» с дружественными приграничными государствами. Западные союзники, в первую очередь Великобритания, напротив, стремилась при поддержке США восстановить свои довоенные позиции в этих странах, связать СССР обязательствами о «разделе сфер» влияния до их освобождения Красной Армией.

В октябре 1944 г. Черчилль с этой целью прилетел в Москву. На Балканах он предложил следующий раздел сфер влияния: Румыния — 90% влияния России, 10% — другие, Греция — 90% влияния Англии (в сотрудничестве с США, 10%) 10% — другие, Югославия и Венгрия 50 на 50%, Болгария — 75% влияния России, 25% — другим странам. Встречающиеся в литературе советского периода утверждения, что Сталин этот план отверг,

не соответствуют действительности²⁷. Дискуссии и поиски компромисса были продолжены на уровне министров иностранных дел.

Принципиальное значение имело советское согласие на «90% влияния» Великобритании и США в Греции, где к власти уверенно шли коммунисты, что демонстрировало «признание» западной сферы влияния за пределами «пояса безопасности» и советскую готовность к послевоенному сотрудничеству. На встрече с Г. Димитровым 10 января 1945 г. Сталин отклонил его предложение оказать помощь силам ЭЛАС: «Они принялись за дело, — пояснил Сталин, — для которого у них сил не хватает. Видимо они рассчитывали, что Красная Армия спустится до Эгейского моря, мы этого не можем делать»²⁸.

«Процентное соглашение» являлось, на наш взгляд, реальной договоренностью о разделе сфер влияния, хотя и не оформленной официально, которая некоторое время соблюдалась. Силовое «экспорта революции» и однопартийных правительств в 1944-начале 1945 гг. стремились избежать. На встрече с В. Гомулкой и Б. Берутом Сталин «наказывал терпеть Миколайчика (хотя и называл его „британским агентом“) и не отталкивать от себя католическую церковь»²⁹.

Целей «большевизации Европы» не выдвигалось, что подтверждают документы Комиссий Наркоминдела, которые с 1943 занимались проблемами послевоенного устройства Европы³⁰. Нередко инкриминируемая советской дипломатии «экспансионистская» постановка в 1945 году вопросов об участии СССР в опеке союзников над бывшими итальянскими колониями в Африке (Ливия, Эритрея, Итальянское Сомали), возвращении в состав СССР приграничных районов Армении и Грузии, ранее принадлежавших России, безосновательна, о чем свидетельствует обсуждение этих вопросов руководителями трех союзных держав — СССР, США и Великобритании и его результаты³¹.

В феврале–марте 1945 г. возник т.н. «бернский инцидент» — попытка гитлеровской верхушки заключить сепаратный мир с западными державами. Переговоры с немецкой стороны вел генерал СС К. Вольф, со стороны союзников — руководитель американской разведки в Европе А. Даллес. Для участия в переговорах в швейцарский город Берн были направлены представители главного командования союзников на средиземноморском ТВД генералы Т. Эйри и Л. Лемнитцер. Обсуждался вопрос о капитуляции немецких войск в Северной Италии. Советских представителей на переговоры не допустили, что вызвало протестную переписку, в том числе между Сталиным и Рузвельтом. В конечном итоге переговоры с Вольфом были прекращены. Как призыв к восстановлению доверия между союзниками можно рассматривать последнее послание Рузвельта, полученное Сталиным 13 апреля 1945 г. уже после кончины американского президента³².

Особой остроты достигли дискуссии о будущем Польши, воссоздание которой как враждебного государства на своих западных границах было неприемлемо для Советского Союза. Истоки сложившихся накануне и в ходе Второй мировой войны негативных советско-польских отношений уходят своими корнями в далекое прошлое, когда Польша входила в состав России. Они обусловлены историей гражданской войны в Советской России (поход армии Пилсудского на Киев и контрнаступление Тухачевского на Варшаву в 1920 г.), гибелью десятков тысяч военнопленных Красной Армии в Польше, а также участием Польши в разделе Чехословакии (1938 г.) и её отказом разрешить пропуск советских войск через свою территорию в случае германской агрессии. Последний факт стал одной из причин неудачи англо-франко-советских переговоров в Москве летом 1939 г., которые, вероятно, могли предотвратить Вторую мировую войну. После отказа в 1942 г. подготовленной в СССР армии генерала В. Андерса от боевых действий на советско-германском фронте, поддержки в 1943 г. эмигрантским правительством немецкой версии расстрела польских офицеров в Катыни³³ негативные тенденции в отношениях с польским правительством в Лондоне резко ухудшились.

В самой Польше силы Сопротивления действовали по принципу политической принадлежности. Армия Крайова — под эгидой Лондона и эмигрантского правительства, Армия Людова — под эгидой Москвы и Польского Комитета национального освобождения (ПКНО). На стороне Красной Армии сражались созданные в СССР 1-я и 2-я армии Войска Польского, которое не признавали «лондонские поляки».

В период между Крымской (Ялтинской) конференцией руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.), и окончанием второй мировой войны (2 сентября 1945 г.) произошли события, которые оказали влияние на многие последующие десятилетия мировой истории, развернули её от курса на сотрудничество трех держав к конфронтации Великобритании и США с Советским Союзом, к холодной войне.

Первое из них — кончина президента США Ф. Рузвельта 12 апреля 1945 г., которая привела к смене политического курса США и советско-американскому противостоянию. Ранее, одним из показателей пересмотра этого курса американской администрацией, явилась, наряду с внутривнутриполитическими причинами, замена на выборах 1944 г. вице-президента Г. Уоллеса, сторонника продолжения сотрудничества с СССР, и избрание на этот пост Г. Трумэна.

Второе — резкое обострение с разгромом Германии борьбы СССР, Великобритании и США за послевоенные сферы влияния. США и Великобритания, используя свои войска (как это было в Греции) экономическое давление и другие средства взяли курс на

подавление левых сил, восстановление и укрепление в странах Европы и Азии власти правительств прозападной ориентации. Такая политика по отношению стран Восточной Европы рассматривалась советским руководством как угроза возрождения «санитарного кордона» и военной опасности на западных границах СССР. Одним из «провозвестников холодной войны», явился в 1945–1946 г. иранский кризис, завершившийся не в пользу СССР³⁴. В международном масштабе послевоенному разделу «сфер влияния» объективно противостояла нарастающая борьба народов колониальных и зависимых стран за свою свободу и национальный суверенитет.

Третье, и самое главное, — монопольное овладение США атомным оружием, разрушительная мощь которого в августе 1945 г. была продемонстрирована бомбардировками японских городов. Это привело к изменению военного баланса сил между великими державами, плану США и Великобритании использования атомного оружия как средства силового давления в мировой политике и военных угроз, что вызвало послевоенную гонку вооружений, череду локальных войн и кризисов международного масштаба. Воздействие указанных изменений на межсоюзнические отношения и обстановку в мире было однозначно негативным.

Этой тенденции противостояли сложившиеся союзнические отношения великих держав, их совместные усилия и жертвы в войне против общего врага, что проявлялось в тенденции к продолжению их экономического, политического и военного сотрудничества. Борьба этих тенденций во многом определяла «скачкообразный» (Д. Гэддис) характер изменений международной обстановки рассматриваемого периода³⁵.

После смерти Рузвельта, на похоронах которого Черчилль отсутствовал, последовал целый каскад недружественных, если не сказать враждебных британских и американских акций по отношению к СССР. В секретной переписке с Труменом английский премьер начинает использовать по адресу СССР и Красной Армии такие термины как «железный занавес», «захватчики», «оккупанты». Командованию вооруженных сил направляются директивы о подержании боевой готовности авиации, приостановке демобилизации оставшихся войск вермахта. Как выяснилось позднее, в эти же дни начальник имперского генерального штаба получил распоряжение провести исследование о возможности открытых военных действий против России. 13 мая 1945 г. в выступлении по радио Черчилль призвал англичан к бдительности ввиду угрозы восстановления в Европе власти «тоталитарных или полицейских правительств». Главного «виновника» создавшегося положения Черчилль ещё не решился открыто назвать. Но и без того многим было ясно, что имеется в виду Советский Союз. Если учесть, что согласно опросам общественного мнения в 1945 году около 70% англичан дружелюбно

относились к СССР (к США — 45%)³⁶, то не исключено, что курс Черчилля на конфронтацию с СССР явился одной из причин потери консервативной партией парламентского большинства на выборах 5 июля 1945 г. (их результаты были объявлены 26 июля) и утраты Черчиллем поста премьер-министра³⁷.

США в одностороннем порядке, без предупреждения, прекратили (11 мая 1945 г.) поставки в СССР по ленд-лизу, уклонились совместно с Великобританией от обещанного пересмотра конвенций по Черноморским проливам, достигнутой предварительной договоренности о предоставлении СССР займа (6 млрд. долларов) для восстановления экономики, отказались включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, все чаще занимали в переговорах с советским правительством конфронтационные позиции.

Крайне негативное отношение западных союзников вызывало положение в странах Восточной Европы, особенно в Польше. Они выступили «единым фронтом» по польскому вопросу, требуя от советской стороны выполнения ялтинских соглашений в том виде, как они их понимали. Крайнее раздражение в Лондоне и Вашингтоне вызвал арест советскими властями шестнадцати руководителей Армии Крайовой во главе с ее командующим генералом Л. Оулицким (бывшим начальником штаба армии Андерса в СССР), отряды которой действовали в тылах Красной Армии на территории Польши³⁸.

1 апреля 1945 года Сталин получил от Рузвельта послание с выраженным несогласием с советской позицией по польскому вопросу. В послании в необычной для их переписки категоричной форме говорилось: «Я должен пояснить Вам исчерпывающим образом, что любое такое решение, которое привело бы к несколько замаскированному продолжению существования нынешнего варшавского режима, было бы неприемлемо и заставило бы народ Соединенных Штатов считать, что соглашение, достигнутое в Ялте, потерпело неудачу»³⁹.

Ключевым явился вопрос о составе польского Временного правительства национального единства. Его создание было предусмотрено решением Ялтинской (4–11.02.1945 г.) конференции и возложено на «комиссию трех» из представителей СССР, США и Великобритании. Между Великобританией, США и «лондонскими» поляками (имеется ввиду довоенное правительство Польши, находившееся в эмиграции в Лондоне) с одной стороны, Советским Союзом и «варшавскими» поляками (промосковское Временное правительство, находившееся в Варшаве после её освобождения) компромисса найти долгое время не удавалось. Премьер-министр эмигрантского правительства С. Миколайчик, которого Сталин предложил назначить премьер-министром нового правительства, претендовал в этом правительстве на половину мест. Лидер «варшавских» поляков председатель Крайовой Рады Народовой Б. Берут

требовал большинства для своих сторонников. (Переговоры состоялись в Москве 17–21 июня 1945 г.). В конечном итоге, Временное правительство национального единства (его состав был объявлен в Варшаве 28 июня) было создано. С. Миколайчик занял пост вице-премьера, 4 его сторонника получили министерские посты из 21. СССР, США и Великобритания официально признали это правительство и установили с ним дипломатические отношения. Было предусмотрено проведение в ближайшее время свободных демократических выборов в Польше. (Они были проведены только в 1947 г.) Но для Черчилля и его окружения эти решения, принятые по настоянию советской стороны и в условиях первоочередной необходимости обеспечить вступление СССР в войну с Японией, были неприемлемы.

В раскритикованных в 1998 году документах личного досье Черчилля ключевым является датированный 22 мая 1945 года план экстренной операции «Немыслимое», подготовленный Объединенным штабом планирования военного кабинета. В плане сформулированы оценка обстановки, цели операции, привлекаемые силы, направления ударов войск западных союзников и их вероятные результаты. В приложениях к плану содержатся сведения о дислокации войск Красной Армии (в английских документах, как правило, употребляется термин «русская армия». — *О. Р.*) и западных союзников, а также картографический материал. Время поручения премьер-министру на разработку плана операции не указано, но, учитывая сложность его подготовки, характер и объем самих документов есть основания предполагать, что задание премьер-министру было получено планировщиками не позднее апреля 1945 г.

Заданию предшествовали мрачные размышления и выводы, которые Черчилль воспроизвел в своих мемуарах:

- «во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;
- во-вторых, немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения;
- в третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток;
- в четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин;
- в пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение;
- в шестых, Вена, по существу вся Австрия должна управляться западными державами, по крайней мере на равной основе с русскими Советами;
- в седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии...»⁴⁰.

В апреле 1945 г., когда Вена, Берлин, а затем и Прага оказались вне досягаемости войск западных союзников, тем более актуальным представлялось Черчиллю создание «нового фронта» против Красной армии.

Разработчики операции, а это был план развязывания войны против СССР, руководствовались следующими исходными установками, которые были даны при получении задания:

- операция будет проводиться в условиях ее полной поддержки общественным мнением в Британской империи и США, а следовательно высокого морального состояния англо-американских вооруженных сил;
- Великобритания и США получают полную поддержку вооруженных сил Польши (эмигрантского правительства в Лондоне. — *О. Р.*) и могут рассчитывать на использование людских резервов Германии и остатков ее промышленного потенциала;
- не следует рассчитывать на поддержку сил других союзных европейских стран, но учитывать вероятность использования их территории и тех средств, необходимость в которых может возникнуть;
- иметь в виду вероятность вступления России в союз с Японией;
- начало военных действий 1 июля 1945 г.

Цель операции — «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Конкретно имелось в виду «вытеснить Красную Армию за пределы Польши». Мотивы этого решения в документе не раскрываются. Далее высказывалась мысль о том, что тотальная война является единственным надежным средством достижения цели и для этого необходимо:

- а) оккупировать те районы внутренней России, лишившись которых эта страна утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления;
- б) нанести такое решающее поражение русским вооруженным силам, которое лишит СССР возможности продолжать войну.

Сомнения возникли при рассмотрении вопроса о соотношении сил. «Существующее соотношение сил в Центральной Европе, где русские располагают примерно тройным преимуществом, делают крайне маловероятным достижение союзниками полной и решающей победы».

Для ликвидации «диспропорции», указывалось далее, необходимы людские ресурсы союзников на что потребуются время и, во-первых, размещение в Европе и использование в Европе крупных ресурсов США и, во-вторых, перевооружение и реорганизация немецких войск.

«Мы делаем вывод, что:

- а) для надежного и прочного достижения нашей политической цели, необходим разгром России в тотальной войне;
- б) результат тотальной войны против России непредсказуем, но ясно одно — чтобы выиграть ее нам потребуется очень длительное время».

Из дальнейших документов следует, что свои расчеты планировщики преимущественно связывали

с достижением успеха в быстротечной войне, неким вариантом нового блицкрига, в результате которого «Россия примет наши условия». Именно этот вариант войны наиболее подробно освещается в плане. Оценивая с этих позиций стратегическую обстановку авторы плана считали, что наиболее грозным противником для западных союзников являлись сухопутные силы Красной Армии.

Конкретно указывались два основных направления наступления войск западных союзников: ось Штеттин — Шнейдемюль — Быгдоц и ось Лейпциг — Коттбус — Познань — Бреслау.

Общий вывод о перспективах кампании был пессимистичным:

- а) Если мы начнем войну против России, мы должны быть готовы к вовлечению в тотальную войну, которая будет длительной и дорогостоящей.
- б) Численный недостаток наших сухопутных сил делает весьма сомнительным ограниченный и быстрый успех, даже если по расчетам его будет достаточно для достижения политической цели⁴¹.

План войны на время отложили. В 1946 г. ведение переговоров на эту тему было поручено руководителю британской военной миссии в Вашингтоне, участнику Ялтинской и Потсдамской конференций фельдмаршалу Х. Вильсону, который обсуждал английские военные проекты с президентом Г. Труменом, генералом Д. Эйзенхауэром, в то время главнокомандующим союзными силами в Европе, и канадским премьером М. Кингом. Подбирались цели для атомных бомбардировок СССР. В сентябре последовала окруженная завесой секретности встреча на яхте вблизи побережья США генерала Д. Эйзенхауэра с британским фельдмаршалом Б. Монтгомери. Но эти военачальники пришли к выводу, что если Красная Армия предпримет в Европе наступление, западные союзники не в силах будут его остановить.

Историография операции «Немыслимое» пока крайне скудна. Высказывая в 2002 г. на страницах журнала «Новая и новейшая история» свое мнение о её целях, известный британский исследователь Второй мировой войны профессор Д. Дилкс пояснил, что заданием на разработку операции Черчилль стремился «выяснить имеются ли у Великобритании и США реальные шансы для противодействия Советскому Союзу»⁴².

В связи с инициативами У. Черчилля возникают, по меньшей мере, два вопроса. Имелись ли в то время у советского руководства планы наступления до берегов Атлантики и захвата Британских островов? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Подтверждением тому является принятый СССР 23 июня 1945 г. закон о демобилизации армии и флота, перевод их на штаты мирного времени. Демобилизация началась 5 июля 1945 г. и завершилась в 1948 г. Армия и флот были сокращены с 11 млн до менее 3 млн. чел., упразднен Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования.

Количество военных округов в 1945–1946 гг. уменьшилось с 33 до 21. Значительно сократилось количество войск в Восточной Германии, Польше и Румынии. В сентябре 1945 г. советские войска были выведены из северной Норвегии, в ноябре из Чехословакии, в апреле 1946 г. с острова Борнхольм (Дания), в мае — из Маньчжурии и Северного Ирана, в декабре 1947 г. — из Болгарии и в 1948 г. — из Кореи. С 1949 г. началось постепенное увеличение численности советских вооруженных сил. В острие против острия страна втягивалась в гонку вооружений.

Знало ли советское руководство о британских планах войны против СССР? Косвенно подтвердил это в 1998 г. видный знаток истории советских вооруженных сил профессор Эдинбургского университета Д. Эриксон. По его мнению, план Черчилля помогает объяснить, «почему маршал Жуков неожиданно решил в июне 1945 г. перегруппировать свои силы, получил из Москвы приказ укрепить оборону и детально изучить дислокацию войск западных союзников. Теперь причины понятны: очевидно, план Черчилля стал заблаговременно известен в Москве, и сталинский Генштаб принял соответствующие меры противодействия»⁴³. Советская разведка в Англии была одной из самых эффективных. Публикация в 2003 г. труда «Очерки истории российской внешней разведки» это подтверждает. В Москве знали о плане Черчилля и сделали соответствующие выводы⁴⁴.

История подготовки новой войны против СССР требует дальнейшего документального исследования. Но замысел Черчилля действительно был «немыслимым». Личный врач британского премьера лорд Моран считал, что поступки Черчилля «в последний год войны были в значительной степени вызваны нервным и физическим истощением, иначе они необъяснимы»⁴⁵.

В то же время стороны ещё искали сближения. Г. Трумэн направил в Москву Г. Гопкинса, ближайшего соратника Ф. Рузвельта в качестве своего личного представителя для поисков выхода из «польского тупика». Одновременно в Лондон в том же качестве и той же целью Трумэн направил для переговоров с Черчиллем бывшего посла США в СССР Д. Дэвиса. В ходе переговоров, происходивших в Москве с 26 мая по 6 июня 1945 г., было решено возобновить работу «комиссии трех» и предоставить возможность полякам из противоположных лагерей самим решить

вопрос о составе правительства национального единства. Что касается переговоров в Лондоне, то Д. Дэвис констатировал «крайне враждебную позицию Черчилля к СССР». Тем не менее, Черчилль заявил, что не будет препятствовать проведению политики США в отношении Советского Союза и согласился «попытаться исчерпать все средства, совместимые с их достоинством для разрешения разногласий, существующих в „большой тройке“»⁴⁶.

Программная антисоветская речь Черчилля в Фултоне в присутствии Трумэна (март 1946 г.) и резкий ответ на неё Сталина накалили обстановку до предела. Тем не менее, до 1949 г. функционировал учрежденный на Потсдамской конференции Совет Министров иностранных дел (СМИД) в составе представителей СССР, США, Великобритании, Франции и Китая. СМИД провел значительную конструктивную работу по составлению мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Финляндии и предложений по территориальным вопросам. Но возможности ослабления нарастающей напряженности в международных отношениях сторонами не были использованы.

Основными источниками послевоенной конфронтации явилось различие взглядов и политики в отношении стран Восточной Европы, западных и восточной зон Германии, атомная монополия США.

Знаток рассматриваемых событий американский историк У. Кимболл считает, что «мечта Рузвельта» о послевоенном сотрудничестве с СССР была изначально обречена принятым в 1943 г. совместно с Черчиллем секретным соглашением (tube alloys) не сообщать Сталину каких-либо сведений об англо-американских работах по созданию атомной бомбы, что «подорвало атмосферу доверия, к которой стремился Рузвельт в своих отношениях со Сталиным», хотя и «не было равнозначно началу холодной войны»⁴⁷. «Парадокс холодной войны, — полагает британский историк Д. Робертс, — состоит в том, что она явилась не следствием коммунистической угрозы Западу или конфликта между двумя сверхдержавами, а по той причине, что в Москве рассчитывали обеспечить сферы своего влияния в Восточной Европе и в то же время сохранить хорошие отношения с Великобританией и Соединенными Штатами»⁴⁸. Если такие расчеты действительно имелись, они были неосуществимы.

¹ Подробнее см. Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. Сборник статей. Отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. Глава 9. М., 2005.

² Документы внешней политики. Том XXIV. 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. М., 2000. С. 321–323 (Далее ДВП...); Мировые войны XX века. Книга 4. Вторая мировая война. Документы и комментарии. М., 2005. С. 316–319.

³ Иден прибыл на крейсере «Кент» в Мурманск, а затем, в ночь с 15 на 16 декабря 1941 г. поездом в Москву. Его сопровождали постоянный заместитель министра иностранных дел А. Кагодан, личный советник О. Харви, представитель Форин Офис Ф. Робертс, заместитель начальника имперского генерального штаба генерал А. Ней и другие лица. В Москву прибыл также посол СССР в Великобритании И. М. Майский.

⁴ ДВП... С. 501–510. Подробнее см. Ржешевский О. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии 1941–1945. М., 2004. С. 10–95.

⁵ The Eden Memoirs. The Reckoning L, 1965. P. 289, 290.

⁶ АВП РФ. Ф. 017а. Оп. V. П. V, Д V. Л. V. 1942. 13 марта.

- 7 Черчилль У. Вторая мировая война. Том III. Великий союз. Пер. с англ. М., 1955. С. 674–675.
- 8 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. I. 1941–1943. М., 1984. С. 155.
- 9 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) Сборник документов. М., 1978. С. 168, 169. (Далее : Советский Союз на международных конференциях...)
- 10 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. 2-е изд. Т. 1. М., 1976. С. 19 (далее: Переписка...).
- 11 Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Edited with a commentary by Warren F. Kimball. L. 1984 P. 441.
- 12 Переписка... Том второй. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941-декабрь 1945) С. 15, 16.
- 13 Тайны истории. XX век. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Пер. с англ. Ред Ф. Лоуэнхейм, Г. Лэнгли, М. Джонас, М., 1995. С. 258 (Примечание составителей английского издания).
- 14 АПРФ. Ф. 45, оп. 1, д. 232, л. 30.
- 15 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Том 1. 1941–1943. М., С. 248
- 16 Советско-английские отношения... С. 265–271.
- 17 Советско-американские отношения... Том I. М., 1984. С. 251.
- 18 Переписка... Т. 1. С. 110.
- 19 Переписка... Т. 1. С. 163.
- 20 Советский Союз на международных конференциях... С. 173.
- 21 В годы холодной войны «Энциклопедия Americana» информировала читателей, что «русские косвенно помогли Гитлеру тем, что никак не продемонстрировали своих намерений облегчить высадку союзников». (Encyclopedia Americana. N.Y. 1987. Vol. 29. P. 437.
- 22 Россия и СССР в войнах XX века. Историко-статистическое исследование. Под редакцией генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева. М., 2005. С. 296.
- 23 The New York Times 1941 24 June. P. 7.
- 24 Мальков В. Холодная война: истоки и уроки. Опыт интерпретации. Россия XXI. 2007, май–июнь. С. 42.
- 25 National Archive of the United States. CCS 113 Meeting Combined Chiefs of Staff. Qudrant conference. P. 5, 6.
- 26 Яковлева Е. В. Польша против СССР 1939–1950. М., 2007. С. 248.
- 27 См. История дипломатии. Том IV. Дипломатия в годы второй мировой войны. М., 1975. С. 499; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. М., 1978. С. 472; Winston Churchill by Martin Gilbert. L. 1984. p. 991–1083; В октябре 1944 г. в Москву на переговоры британской стороной были приглашены премьер-министр эмигрантского правительства Польши С. Миколайчик, польский посол в Москве Т. Ромер и председатель лондонской Рады Народовой профессор С. Грабский. Сталин, в свою очередь, предложил пригласить представителей Польского Комитета национального освобождения (ПКНО) — временного исполнительного органа Крайовой Рады Народовой, созданного под эгидой советского правительства поляками, находившимися в то время на территории СССР — председателя Крайовой Рады Народовой Б. Берута, председателя ПКНО и министра иностранных дел временного польского правительства Э. Осубко-Моравского и главнокомандующего Войска Польского генерала М. Роля-Жимерского.
- 28 Мировые войны XX века. Книга 3. М., 2005. С. 414. ЭЛАС — вооруженные силы греческого Сопrotивления, руководимые компартией. 12 октября 1944 г. войска Первого корпуса ЭЛАС освободили Афины, в конце октября — Салоники.
- 29 Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумен: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 442.
- 30 См. Филитов А. В комиссиях Наркоминдела/Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 54–71.
- 31 Указанные вопросы рассматривались на Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). Вопрос об участии СССР в опеке над бывшими итальянскими колониями или передачи этого вопроса на рассмотрение Совета министров иностранных дел (СМИД) был поставлен 20 июля 1945 г. как «Предложение делегации СССР по вопросу о подопечных территориях». После острой дискуссии между Сталиным и Черчиллем, который подчеркивал, что «британская армия одна завоевала эти колонии», было принято советское предложение, поддержанное Трумэнном, — передать вопрос на рассмотрение Совета министров иностранных дел. Однако он остался нерешенным и при подписании мирного договора и с Италией (1947 г.). В 1950 г. Совет по опеке ООН передал Сомали под управление Италии на 10 лет. С 1960 г. Сомали — независимое государство. Эритрея в 1952 г. вошла на автономных началах в состав Эфиопии. Ливия с 1951 г. — независимое государство.
- Вопрос о территориальных претензиях к Турции возник в июне 1945 г. в связи с более общей проблемой Черноморских проливов и запросом турецким правительством условий заключения с СССР союзного договора (19 марта 1945 г. советское правительство денонсировало советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. как «не соответствующий новой обстановке и нуждающийся в серьезном улучшении». Причиной денонсации договора явилась враждебная по отношению к СССР политика Турции в годы Великой Отечественной войны (Заключение 18 июня 1941 г. с Германией договора о дружбе и ненападении, пропуск немецких военных судов через Проливы в Черное море, сосредоточение крупной группировки турецких войск у советских границ и др.)
- На Берлинской конференции условием нормализации отношений и заключения союзного договора СССР поставил возвращение части территории Советской Армении и Грузии, входившей в состав России до Первой мировой войны — «известная территория областей Карса, Артина и Ардагана», — пояснил В. Молотов; отмену международной конвенции в Монре 1936 г. — «По этой конвенции права Советского Союза в Черноморских проливах такие же как права японского императора»; совместную с Турцией оборону проливов с использованием для этой цели наряду с турецкими — советских

военных баз. В то же время было заявлено, что «если турецкое правительство считает неприемлемым урегулирование обоих этих вопросов, мы готовы заключить соглашение, касающееся только проливов». Ни один из поставленных вопросов решить не удалось. 30 мая 1953 г. Советское правительство заявило об отказе от каких-либо претензий к Турции. Советский Союз на Международных конференциях... Том VI. Берлинская (Потсдамская) конференция... М., 1989. С. 39, 40, 144, 145, 158, 159, 407, 514.

³² Переписка... Т. 2. М., 1976. С. 210, 220, 227, 228.

³³ 13 апреля 1990 г. в заявлении ТАСС сообщалось об ответственности «за злодеяния в Катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных». Катынь 1940–2000. Документы. М., 2001. С. 580, 581.

³⁴ В августе 1941 г. Великобритания и СССР по взаимной договоренности с целью устранения активно действовавшей в Иране немецкой агентуры ввели на территорию этой страны (СССР на севере, Великобритания на юге) свои войска. В 1942 г. к английским войскам присоединились войска США, что объяснялось необходимостью обеспечения транспортировки через Иран поставок по ленд-лизу. Был установлен срок вывода войск союзников из Ирана: не позднее шести месяцев после окончания Второй мировой войны. Каждая из сторон стремилась в ходе войны к послевоенному контролю над нефтяными ресурсами Ирана. В США при поддержке иранского правительства действовали в этом направлении нефтяные компании «Стандарт вакуум» и «Синклер ойл», в Великобритании — компания «Шелл». В 1944 г. СССР, опираясь на поддержку своих сторонников в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане, поставил перед правительством Ирана вопрос о создании советской нефтяной концессии на севере страны, но получил отказ. Нефть, не являясь самоцелью: советское руководство опасалось возникновения в послевоенные годы военной опасности на своих южных границах. После окончания Второй мировой войны советское правительство задержкой вывода войск пыталось оказать давление на Иран и добиться права на концессию. Иранское правительство, ориентируясь на США и Великобританию, обратилось в ООН с требованием «рассмотреть факты вмешательства СССР во внутренние дела Ирана». К этому времени США и Великобритания вывели войска и советское руководство было вынуждено отступить от своей цели. В начале мая 1946 г. вывод частей Красной Армии из Ирана был завершен. Численность войск Великобритании, США и СССР ко времени их вывода с территории Ирана составляла соответственно около 25 тыс., 4,5 тыс. и 30 тыс. чел. Национально-демократическое движение в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане было подавлено властями Тегерана. Советско-иранские отношения нормализовались после 1953 г.

³⁵ Мальков В.Л. Холодная война. Истоки и уроки. Опыт интерпретации. Россия XXI. 2007. № 3. С. 57.

³⁶ Поздеева Л. Лондон — Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М., 2000. С. 293–294.

³⁷ Пост нового премьер-министра Великобритании 28 июля 1945 г. занял лидер лейбористской партии К. Эттли, который в это время находился на Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав в составе английской делегации.

³⁸ Л. Окулицкий и его группа были в марте 1945 г. арестованы советскими военными властями. Им предъявляли обвинение в организации и руководстве подпольной деятельности в тылу Красной Армии. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорил Л. Окулицкого к 10 годам заключения. Умер в тюремной больнице в 1946 г. В 1990 г. реабилитирован. Подробнее см.: Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Т. 2. Варшава — Москва, 2001. С. 1170 и др.

³⁹ Переписка... Т. 2. С. 215. Подробнее по этому вопросу см. новое исследование М. Ю. Мягкова. Проблема послевоенного устройства Европы в американско-советских отношениях 1941–1945. М. 2006.

⁴⁰ Черчилль У. Указ соч. С. 574.

⁴¹ Public Record Office. CAB 120/161/55911. P. 1–29.

⁴² Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое». Новая и новейшая история № 3. 2002. С. 140.

⁴³ The Guardian, 2.10.1998; Правда, 15.10.1998.

⁴⁴ Очерки истории российской внешней разведки в шести томах. Том 5. 1945–1965 годы. М., 2003. С. 20–21.

⁴⁵ Цит. по: Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М., 2003. С. 354.

⁴⁶ Feis H. Between War and Peace. The Potsdam Conference. L., 1960. P. 125–126.

⁴⁷ Работы над атомным проектом, начатые в Великобритании, уже в 1942 г. фактически перешли под контроль США, которые развернули производственную базу для реализации проекта и обеспечили его финансирование. У. Кимболл сообщает, что Соглашение 1943 г. было принято по инициативе Черчилля. Научный советник английского премьер-министра лорд Черуэлл извещил Вашингтон, что «Британия рассматривает бомбу прежде всего как средство сдерживания (обуздания) Советского Союза после войны». Оно было дополнено «Памятной запиской», которая явилась «самым важным соглашением Рузвельта и Черчилля», подписанным 18 сентября 1944 г. на их встрече в Гайд-парке. В «Памятной записке» подтверждалась необходимость секретности работ над атомным проектом, указывалось на недопустимость утечки о них информации, «особенно русским» и говорилось, что атомная бомба «может быть применена против японцев, которых следует предупредить, что такие бомбардировки будут осуществляться до тех пор, пока они не капитулируют». (Kimball W. Franklin Roosevelt as War Statesman. N.J. 1991 p.87; The Complete Correspondence... vol. III. P. 318; Говард М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943. Пер. с англ. М., 1980. С. 440.) В.Л. Мальков, рассматривая «Памятную записку» и проблему в целом, делает обоснованный вывод: «Самое же главное состояло в совершенно недвусмысленно, даже категорично выраженной воле руководства США и Англии сохранить секретность, а вместе с ней и монополию на атомное оружие, использование которого (в данном случае против Японии) также должно стать предметом исключительно их компетенции. Советский Союз выключался из этого процесса полностью» (Мальков В. «Манхэттенский проект. Разведка и дипломатия.» М., 1995. С. 47, 48). Ряд документов и решений, принятых правительством США в период 1943 — начале 1945 гг., ставят под вопрос получившую распространение концепцию, согласно которой Рузвельт, в противовес Черчиллю, последовательно выступал за сотрудничество великих держав в послевоенный период.

⁴⁸ Review of International Studies № 25. 1999. P. 656. В своей новой книге Д. Робертс подтверждает этот вывод (Roberts G. Stalin's Wars. From World war to Cold war, 1939–1953. New Haven and London. 2006. P. 24).

Геополитическая стратегия США в послевоенном мире в прогнозе Н. Спайкмена

М. А. Мунтян*

В то время, как великая победа Антигитлеровской коалиции еще была сокрыта за цепью тяжелых поражений Объединенных наций на полях сражений, а цели ведущейся войны трактовались Ф. Рузвельтом в духе идеалистических подходов к международным отношениям, И. В. Сталиным — в соответствии с постулатами классовой борьбы, У. Черчиллем — в подчеркнuto британском имперском реализме, геополитики уже приступили к созданию вариантов послевоенного геополитического устройства мира, учитывая новые реалии и вновь возникшие проблемы:

- а) прогресс средств и технологий ведения войны;
- б) трагическое перерождение германской геополитики, использованной в качестве идеологии превращения побежденной в Первой мировой войне страны в стремящегося к глобальному господству безжалостного агрессора;
- в) соединение в одном антигитлеровском альянсе морских и континентальных держав, высказавшихся за безоговорочную капитуляцию германо-японского милитаристского блока;
- г) превращение советско-германского противоборства в решающий фронт Второй мировой войны.

Все это потребовало для своего осмысления и решения иных, чем прежде, геополитических проблем, создания более соответствовавшего развивавшимся переменам концептуального аппарата. Пионерами в ревизии классической геополитики выступили американские ученые, что было делом естественным и закономерным. Президент Ф. Д. Рузвельт, при котором США превратились в сверхдержаву, был убежденным противником традиционного американского изоляционизма, господствовавшего в стране после Первой мировой войны. Он лучше других американских политиков понимал причинно-следственные связи мирового развития и необходимость отказа США от

концентрации политики страны в рамках «доктрины Монро». На пороге стоял новый мир, в котором географические ограничения стратегической политики становились все менее значимыми в связи с развитием транспортных технологий, в первую очередь авиации, что обуславливало расширение доступности и достижимости границ любой страны.

В течение практически всего второго срока пребывания на президентском посту Рузвельт пытался убедить конгресс и народ страны в том, что географическая удаленность — недостаточное условие для обеспечения безопасности США. Он считал, что американская «стратегия самообороны должна быть глобальной стратегией». И это ему, в конечном счете, удалось. Обращаясь к конгрессу 7 января 1943 года, то есть уже спустя год после вовлечения страны во Вторую мировую войну, Рузвельт подчеркивал: «Несомненно, многие американцы даже сейчас думают, что нация может кончить эту войну наиболее удобным для себя способом и залезть затем в свою американскую нору и закрыть ее. Но мы поняли уже, что не можем вырыть нору такой глубокой, чтобы она оказалась безопасной против хищников. Большинство американцев осознают, как никогда ранее, что современные вооружения в руках агрессивных наций могут принести завтра нашему существованию или существованию других наций или того или иного континента, острова угрозу».

Франклин Делано Рузвельт (1882–1945) был политиком не только по призванию, но и по семейным традициям. Он принадлежал к клану Рузвельтов, весьма разветвленному роду переселенцев из Голландии. Женившись на Элеоноре Рузвельт, своей дальней родственнице, Ф. Рузвельт по существу определил линию жизни. Дело в том, что его жена была племянницей Теодора Рузвельта, президента США в 1900–1908 гг. Близкие родственные отношения

* **Михаил Алексеевич Мунтян** — доктор исторических наук, профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО — Университета».

с президентом способствовали ранней политической карьере ФДР. В возрасте 28 лет он становится сенатором, через 3 года, в 1913 г., когда к власти пришли демократы во главе с Вудро Вильсоном, ФДР получает пост заместителя министра по морским делам. И в связи с известной дружбой Теодора Рузвельта с А. Мэхэном, и в силу своей специализации в области морской политики ФДР не мог не знать о воззрениях адмирала хотя бы из-за своего должностного положения. Стоит ли удивляться, что он выступал за наращивание военно-морской мощи США и активное участие США в мировой политике.

В этот же период завязывается его дружба с У. Черчиллем, занимавшим пост морского министра Великобритании. Рузвельт был активным борцом за вступление США в Первую мировую войну на стороне Антанты. После поражения Демократической партии в 1919 г. и тяжелой болезни в 1921, сделавшей его инвалидом, ФДР лишь в 1928 г., после длительного пребывания в тени, делает первый уверенный шаг в борьбе за национальное политическое признание. Он был избран губернатором штата Нью-Йорк, оказавшись лицом к лицу с самым крупным очагом национального бедствия, связанного с мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг. Пребывание на губернаторском посту позволило ФДР стать главным кандидатом Демократической партии на президентских выборах 1932 года. Речь о «забытом человеке» 7 апреля 1932 г. ФДР начал предвыборную кампанию. Он предложил народу идею о проведении прогрессивных реформ для решения стоящих перед страной экономических и социальных проблем.

4 марта 1933 г. на ступенях Капитолия ФДР принял присягу президента США и в первые 100 дней своего правления осуществил целый ряд мероприятий, ставших основой его «нового курса». Борьба вокруг проблем реформирования самой организации американского общества была длительной и не всегда результативной. Лишь начало Второй мировой войны, как считают многие исследователи, принесло США экономический подъем, всеобщую занятость и социальное успокоение в результате роста жизненного уровня населения.

Естественно, что внутренние проблемы оставляли ФДР мало времени для занятия международными делами. К тому же страна, потрясенная жестоким экономическим кризисом¹, а затем испытывавшая длительную депрессию, вынужденно ограничивала свою международную деятельность. В первое президентство ФДР из американских внешнеполитических акций выделялось лишь признание СССР и установление с ним дипломатических отношений. Выступая 21 октября 1944 г. перед членами Ассоциации внешней политики в Нью-Йорке на финише своей четвертой избирательной компании, ФДР следующим образом осветил решение о признании Советского Союза: «В 1933 г. одна дама, сидящая за этим столом напротив меня², вернулась из поездки, во время кото-

рой она посетила одну из школ. Заглянув в класс истории и географии, где занимались дети 8, 9 и 10 лет, она увидела политическую карту мира с большим белым пятном в середине. Одно белое пятно, и ничего более. Отвечая на вопрос, учитель объяснил, что школьный совет не разрешает ему ничего говорить об этом большом белом пятне, и все потому, что под ним подразумевается Советская Россия, на территории которой живет 100 или даже 200 миллионов человек. В течение 16 лет до происшествия, о котором идет речь, американский и русский народы не имели практически никаких каналов для общения друг с другом. Мы восстановили эти каналы».

Данную акцию он относил к самым большим достижениям внешнеполитической деятельности возглавляемой им администрации. Вместе с тем Рузвельт и его министры сознательно отдали инициативу в руки изоляционистов при обсуждении закона о нейтралитете, принятом американским конгрессом в конце августа 1935 года, именно тогда, когда Италия открыто угрожала войной Эфиопии, а Германия, в нарушение Версальского договора, объявила себя свободной от обязательств по всем его военным статьям, то есть фактически попустительствовали расширению фашистской агрессии. Лишь вторжение Японии в Центральный Китай и обострение японо-американских противоречий заставили Рузвельта произнести 5 октября 1937 г. в Чикаго свою знаменитую «карантинную» речь, в которой он осудил «существующие режимы террора», развязавшие «глобальную агрессию».

Он призвал мировое сообщество установить «карантин» с целью воспрепятствовать распространению эпидемии разбоя и произвола в отношении суверенных народов. Но и в дальнейшем США продолжали потворствовать политике «умиротворения» агрессоров. Вместе с Англией и Францией они стремились канализировать усилия агрессивных держав на восток, против Советского Союза. Сам Ф. Рузвельт в беседе с Джозефом Дэвисом в октябре 1942 года признал: Америка в предшествовавшие мировой войне годы «не была готова ни к осознанию возникшей угрозы, ни к признанию выпавшей на ее долю ответственности»³.

«Война омолодила американский капитализм», — писал в своей книге «Восставшие против войны» Лоуренс Уиттнер. И он был прав, об этом же говорили и объективные данные. Если в 1940 г. валовой национальный продукт США исчислялся суммой в 90 млрд. долларов, то к 1944 году он достиг цифры в 200 млрд.; если к началу 1940 года в стране насчитывалось 12 млн. безработных, то к концу войны в промышленности чувствовалась нехватка рабочих рук. Особенно быстро развивались отрасли, производившие вооружение: в 1939 г. в авиапромышленности было занято всего 63 тыс. рабочих, за годы войны их численность выросла до 1 млн. 345 тысяч. Фантастическим был рост производства в радиотехнической

промышленности: объем реализации продукции этой отрасли возрос на 2000 процентов. Только в 1944 г. правительство израсходовало 700 млн. долл. на исследовательские работы в военной области⁴, причем большая часть этой суммы была передана в руки частных фирм и университетов.

В стране сформировался мощный военно-промышленный комплекс, интересы которого стали влиять на интерпретацию национальных интересов страны ее правящей верхушкой. В США утверждалось новое экономическое мышление, которое предусматривало, как об этом выразился президент корпорации «Дженерал электрик» Чарльз Вильсон, поддержание на ходу «постоянной военной экономики». Это мнение полностью совпадало с желанием профессиональных военных кругов, от имени которых заместитель военно-морского министра Джеймс Форрестол требовал в 1943 г. усиления военной мощи страны с целью установления полного контроля над миром. «У нас теперь в руках сосредоточена огромная сила, — утверждал он, — и мы должны непременно сохранить ее». Идея о превращении военного производства в приоритетное направление американской экономики и после окончания войны пришла по душе многим, особенно тем, чьи души, по словам американского историка Бернарда Девото, совращал предательский страх «перед наступлением мира». В США, «де факто» ставших сверхдержавой, усиливались настроения в пользу экспансионистской политики на завершающемся этапе Второй мировой войны и в послевоенный период.

Особенно явственно и открыто подобное направление политико-стратегического мышления у части американского истеблишмента проявилось в трудах ученых — геополитиков. Если Ф. Рузвельт по праву считается первым президентом, стоявшим у руля американской сверхдержавы, то Николасу Спайкмену должна быть отдана пальма первенства в конструировании первой модели ее глобальной геополитической стратегии. Американский геополитик Эндрю Джорджи отмечал в этой связи, что у Спайкмена в его работах содержалось «первое энергичное изложение геополитической теории интервенционизма», которую он характеризует следующим образом: «Теория интервенционизма раскрывает политическую решимость Соединенных Штатов никогда не быть буферным государством между Германией и Японией. Она включает также пересмотр „доктрины Монро“, которая развилась из „гуманного и неосязаемого принципа“ в сильную и крепко сложенную доктрину. Заново оживленная, „доктрина Монро“ покрывает не только защиту всего Западного полушария, но также и поддержание прочного баланса сил на ключевых континентах — в Европе, Азии и Африке. Наконец, она включает защиту американских глобальных интересов, зафиксированных в Атлантической партии, и их обеспечение соответствующей военной силой и последовательной, более

реалистичной внешней политикой»⁵. Р. Стросс-Хюпе об этом же писал в несколько иной интерпретации: «В интересах не только США, но и всего человечества, чтобы существовал один центр, из которого осуществлялся бы балансирующий и стабилизирующий контроль, сила арбитра, и чтобы этот балансирующий и стабилизирующий контроль находился в руках Соединенных Штатов»⁶.

Американец голландского происхождения, Николас Спайкмен (1893–1943) был профессором международных отношений, создателем кафедры политических наук, директором Института международных отношений при Йельском университете, идейно принадлежал к последователям и продолжателям геополитических взглядов адмирала А. Мэхэна. Правда, его мало волновали проблемы связи народа с почвой — пространством, влияние рельефа на характер нации, равно как и сама география с ее политическим контекстом. Он предпочитал рассматривать геополитику как важнейший инструмент выработки конкретной международной политики, как аналитический метод и систему формул, позволяющих выработать эффективную для данных обстоятельств стратегию.

«В мире международной анархии, — писал Спайкмен, — внешняя политика должна иметь своей целью, прежде всего, улучшение или, по крайней мере, сохранение сравнительной силовой позиции государства. Сила, в конечном счете, представляет собой способность вести успешную войну, и в географии лежат ключи к проблеме военной и политической стратегии. Территория государства — это база, с которой оно действует во время войны, и стратегическая позиция, которую оно занимает во время временного перемирия, называемого миром. География является самым фундаментальным фактором во внешней политике государства потому, что этот фактор — самый постоянный. Министры приходят и уходят, умирают даже диктаторы, но цепи гор остаются непоколебимыми»⁷.

В этой связи американский геополитик выделял три крупных центра мировой мощи: атлантическое побережье Северной Америки, европейское побережье Атлантики и евразийский Дальний Восток. Он также допускал появление четвертого подобного центра, имея в виду Индию. Из всех трех евразийских регионов Спайкмен считал особо значимым для Америки европейское побережье, поскольку США возникли в качестве трансатлантической проекции Европы, к тому же наиболее важные регионы страны были ориентированы в сторону Атлантического океана.

В своих основополагающих трудах — «Американская стратегия в мировой политике» (1942) и «География мира» (1944)⁸, — Спайкмен жестко критиковал геополитическую школу Германии. «Тип анализа, предлагаемого нами, — пишет он в первой из указанных работ, — абсолютно отличен от геополитической метафизики, которая характерна для германской школы геополитики. Хаусхофер умудрился придать

понятию „граница“ мистический моральный характер. Экспансия к этой мистической границе в виде ответа на магическую концепцию пространства представляется едва ли не божественным провидением. Подобной мистической ерунде не должно быть места в геополитике. Никакое данное географическое очертание не может быть описано как этически более предпочтительное для страны, чем какое-либо иное... Географические факты не меняются, но меняется их значение для политики»⁹.

Как и для большинства американских геополитиков, для Спайкмена характерен довольно сильный утилитаризм, заключающийся в стремлении отыскать конкретную и эффективную формулу, способную обеспечить США доминирующие позиции в мире. Его теоретические изыскания в этой связи всегда подчинялись конкретным целям. Спайкмен, излагая собственное понимание целей геополитики, выдвигал и обосновывал тезис о том, что основной целью геополитической теории является обеспечение безопасности государства. «Необходимо, — пишет он в „Географии мира“, — рассматривать проблемы безопасности страны с точки зрения географии таким образом, чтобы выводы приводили к немедленной пользе для политиков. Именно так я понимаю термин „геополитика“»¹⁰. Геополитика, по его мнению, должна всегда давать ответ на вопрос: «Какая при данной географической ситуации должна быть наилучшая политика, чтобы достичь безопасности страны». Он считал, что безопасность является производной еще и от мощи страны, поэтому геополитика должна учитывать, как сохранять и укреплять силовой потенциал страны, в чем и состоит, по его мнению, «фундаментальная роль»¹¹ этой науки. Сила, как писал Спайкмен, является необходимой составляющей любого политического порядка, поэтому ее использование в международных отношениях является естественным и закономерным.

Отправляясь от критериев, в свое время предложенных Мэхэном, Спайкмен предлагает свои 10 составляющих геополитического могущества любого государства:

- поверхность (рельеф) территории;
- природа границ;
- количество населения;
- наличие или отсутствие полезных ископаемых;
- экономическое и технологическое развитие;
- финансовая мощь;
- этническая однородность;
- уровень социальной интеграции;
- политическая стабильность;
- национальный дух.

Если суммарный результат оценки геополитических возможностей государства оказывался невысоким, то оно, как считал американский геополитик, вынуждено будет поступаться частью своего суверенитета, искать геополитической протекции тех держав, которые руководствуются в своей меж-

дународной деятельности глобальной стратегией. Обосновывая ведущую роль США в послевоенном мире, Спайкмен пишет об особой геополитической реальности — «атлантическом континенте», связанном общностью культуры западноевропейского происхождения, идеологией либерального капитализма, демократией, единством политической судьбы. Мозгом этого атлантического сообщества, по его мнению, являются Западная Европа и пояс восточного побережья США (в первую очередь Нью-Йорк), главным силовым механизмом континента — США, располагающие мощным военно-промышленным и торговым потенциалом. Европа все больше становится придатком США: экономическим, военным, интеллектуальным. Ее роль, политическая суверенность европейских государств с течением времени будут сокращаться. Власть на континенте постепенно перейдет к особой структуре, в которой объединятся лидеры всех атлантических пространств. Ясно, что руководящая роль в такого рода структуре неизбежно будет принадлежать США.

Ученый связал проблемы безопасности США с геополитикой в период, когда в американском обществе не было консенсуса относительно способов и методов реализации национальных интересов США, прежде всего в области обороны. Несмотря на вовлеченность страны в мировую войну, в политической элите и общественном мнении продолжали сталкиваться концепции обеспечения безопасности за счет контроля над Западным полушарием и идеи о решении оборонных задач в рамках глобальной системы безопасности, за что ратовал Ф. Рузвельт. Спайкмен не только решительно поддержал точку зрения своего президента, солидаризовавшись с его концепцией «стратегии глобальной обороны», но и уточнил, что в его видении «безопасность должна пониматься как интегрированный контроль над пространством», при этом сделал ряд серьезных открытий в геополитической теории.

Во-первых, он подверг корректировке традиционное полушарное представление о мире, при котором США находились на периферии евразийского материка, а сам этот континент был маргинальным по отношению к США, рассматриваемых как центральная часть Западного полушария. Спайкмен напомнил всем ученым, что, помимо Атлантического и Тихого океанов, есть еще и Северный Ледовитый. И если смотреть на континенты, находясь на Северном полюсе, то становится ясно, что именно этот океан является внутренним для евразийского и североамериканского континентов. Он писал в этой связи: «Атлантический и Тихоокеанский фронты не являются наиболее важными линиями контактов со Старым светом. К северу лежит третий фронт, на котором доминирует авиация и который в нашей стратегии мира и войны скоро станет наиболее важным, если уже не стал. Так как Северный фронт находится ближе к евразийским центрам силы с точки зрения авиации, то

неизбежно любая точная карта должна быть сделана на основе полярноцентричной полюсной азимутальной эквидистантной проекции. Подобная карта не только правильно, по мнению Спайкмена, показывала массу суши Северного полушария, но и подсказывала, что именно эта часть глобуса наиболее важна с точки зрения экономической и политической. Именно такая карта демонстрировала близость американского континента к евразийскому, их концентрацию вокруг Ледовитого океана. Обычная же карта показывает океаническую прерывность и помещает Западное полушарие на периферийную позицию». «Границы между Новым и Старым светом, — продолжал американский геополитик, — имеют различное геополитическое значение. В течение трех столетий Атлантика была главной магистралью между Америкой и Европой, а Тихий океан — между Америкой и Азией. Ледовитый океан, напротив, являлся барьером на пути коммуникации между Западным и Восточным полушариями. Климат и ограничения в технической сфере были препятствиями для освоения Ледовитого океана. Авиация дала возможность бороться с неприветливой природой Севера»¹².

Во-вторых, важной составной частью геополитических взглядов Спайкмена стала концепция окружения США посредством блокады океанических коммуникаций. Он считал, что если его страна когда-либо вновь обратится к политике изоляционизма, то это автоматически приведет к ситуации, когда она окажется окруженной враждебными государствами и будет обречена на потерю суверенитета. В книге «Американская стратегия в мировой политике» Спайкмен аргументирует указанную позицию, описывая не являвшийся сколько-нибудь исключительным для 1942 года сценарий: Германия захватывает территорию России вплоть до Урала, Япония отторгает Дальний Восток, допустив сохранение небольшого и политически маломощного русского государства в Центральной Сибири, в результате чего на евразийском континенте образовывался мощный альянс под эгидой Германии. Такой оборот событий был крайне неблагоприятным для США, так как грозил этой стране тотальным окружением.

«Наиболее важным в ситуации, с которой мы столкнулись в 1942 году, — писал этот профессор, — был факт того, что Германия и Япония достигли многого из того, чего они добивались, потому что между ними существовал политический союз. Таким образом, перед нами встала проблема возможного полного окружения и столкновения с единой евразийской силой. При этом силовые центры Восточного полушария будут перевешивать, и мы не сможем обеспечить свою независимость и безопасность. Если мы хотим избежать полного окружения в будущем, то должны постоянно заботиться в мирное время, чтобы не возникла нация или союз наций, обладающие доминирующей силой в любом из двух регионов Старого света. Из этого следует, что внутренние си-

ловые отношения между государствами европейского континента определяют в очень высокой степени курс нашей политики»¹³.

В этой своей работе Спайкмен дает весьма резкую оценку мировой ситуации и причин, ее породивших. Он считал, что именно политика попустительства со стороны Великобритании и Франции в период между двумя мировыми войнами привела к росту германской агрессивности. «Когда Германия разрушала основные политические структуры Европы, оппозиции со стороны Великобритании не было. Германии позволили перевооружиться, оккупировать Рейнскую область, Центральную Европу безо всякого сопротивления, кроме разве что вербальных протестов. Было очевидно, что существовало абсолютное непонимание природы нового оппонента и недопонимание возможностей новых революционных технологий, которым противостояли старые силовые методы», — отмечал он. Только в июне 1939 г. западные страны поняли опасность ситуации и, наконец, начали вести переговоры с Россией о союзе на равных условиях. Но даже тогда они продемонстрировали нежелание обсуждать соответствующую военную конвенцию. Неудача заключения союза между Россией и Западом коренилась как во взаимной неприязни, так и в геополитической ситуации», — констатировал Н. Спайкмен¹⁴.

В-третьих, этот геополитик, хорошо изучивший труды Маккиндера, знакомый с последней версией его глобальной геополитической концепции, опубликованной журналом «Форин афферс» в январе 1943 года¹⁵, предложил свой вариант базовой геополитической схемы, в центре которой, естественно, находились США, и она отражала именно их интересы. Он солидаризуется с Маккиндером в том, что двигателем международных отношений служит дихотомия «морские — континентальные державы», что существует материковая сердцевина — хартленд, гигантская материковая масса, обладающая огромными стратегическими возможностями и достаточной недосыгаемостью для остального мира, в связи с чем отмечал: «Важность материковой сердцевины, исходя из концепции Маккиндера, заключалась в том, что ее нахождение в центре огромного континента давало возможность создания мощной и объединенной внутренней системы наземной инфраструктуры такого масштаба, что она могла конкурировать с морскими коммуникациями»¹⁶.

Спайкмен разделял и убеждение английского геополитика в том, что указанная континентальная масса когда-нибудь превратится из территории с низким потенциалом в высокоразвитую с экономикотехнологической точки зрения. Он констатировал в этой связи: «С момента развития железных и шоссейных дорог, а также моторных средств передвижения преимущества стали сдвигаться в сторону континентальных держав с развитыми системами транспорта. С прогрессом авиации преимущества

развитых континентальных держав проявились еще ярче, особенно если учесть, что аэродромы строятся гораздо быстрее, чем порты»¹⁷.

Общий алармистский вывод Маккиндера о том, что с совершенствованием технологий стратегическая инициатива и соотношение сил складываются в пользу сухопутных стран, американский геополитик посчитал недостаточно обоснованным и потому преждевременным, полагая катастрофизм в настроениях Маккиндера результатом чрезмерного преувеличения реальных угроз, возникающих перед морскими державами. В результате собственного анализа тенденций развития мира и складывавшегося соотношения сил в нем Спайкмен приходит к выводу, что:

- а) экономически центральная часть материковой сердцевины недостаточно развита в промышленном, сельскохозяйственном и транспортном отношениях;
- б) и климатические, и географические условия препятствуют тому, чтобы хартленд стал географическим центром мира. Американский геополитик оспаривает мнение Маккиндера о хартленде как о «географической оси истории», считая, что эта континентальная масса не несла и не несет в себе какой-либо самостоятельной геополитической миссии или исторических импульсов. Хартленд, с его точки зрения, может считаться лишь потенциальным пространством, то есть он станет геополитическим субъектом только в том случае, если будет в достаточной степени освоен человеком.

Ключом к мировому господству, в интерпретации Спайкмена, является доминирование в «материковой кайме» — римленде. Последний географически представлял собой прибрежные государства Европы и Азии, то есть то пространство, которое Маккиндер описал с помощью понятия «внутренний полумесяц» или которое Мэхэн, применительно только к Азии, считал «спорным поясом». Американский ученый полагал, что история римленда развивалась сама по себе, а не под давлением или влиянием «разбойников суши», что культурные импульсы шли из береговых зон вглубь континентов, а не наоборот. «Материковая кайма евразийской континентальной массы, — писал Спайкмен, — должна рассматриваться как опосредующий регион, расположенный между материковой сердцевиной и морями. Она функционирует как обширная буферная зона конфликта между континентальными и морскими державами. Направленная в обе стороны, она функционирует двойственно и защищает себя и на земле, и на море. Двойственный характер материковой каймы лежит в основе проблем безопасности». «Материковая сердцевина, — продолжал этот автор, — становится менее важной, чем материковая кайма». В этой связи известную формулу Маккиндера — «тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над хартлендом; тот, кто доминирует над хартлендом, доминирует над Мировым Ост-

ровом; тот, кто доминирует над Мировым Островом, доминирует над миром», Спайкмен заменяет своей: «Тот, кто доминирует над римлендом, доминирует над Евразией; тот, кто доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках»¹⁸.

В трактовке Н. Спайкмена евразийская земная масса и северные побережья Африки и Австралии образуют три концентрические зоны. Они известны в мировой политике как следующие геополитические реалии:

- а) хартленд евразийского континента;
- б) окружающая его буферная зона и маргинальные моря;
- в) удаленные от центра африканский и австралийский континенты. Внутренняя зона, вокруг которой группируются все остальные — это центральное ядро евразийского хартленда. Вокруг этой сухопутной массы, начиная от Англии и кончая Японией, между северным континентом и двумя южными континентами проходит мировой великий морской путь. Он начинается во внутренних и окраинных морях Западной Европы, в Балтийском и Северном морях; проходит через европейское Средиземноморье и Красное море; пересекает Индийский океан; проходит через азиатское Средиземноморье к прибрежным морям Дальнего Востока, — Восточно-Китайскому и Японскому морям. — И заканчивается в Охотском море.

Между центром евразийской континентальной массы и этим морским путем лежит большая концентрическая буферная зона. Она включает Западную и Центральную Европу, плоскогорные страны Ближнего Востока, Турцию, Иран и Афганистан, затем Тибет, Китай, Восточную Сибирь и три полуострова — Аравийский, Индийский и Бирманно-Сиамский. Эту тянущуюся от западной окраины евразийского континента до восточной его окраины полосу Спайкмен и назвал евразийским римлендом (от англ. rim — ободок, край, кайма). Практически весь мир, таким образом, был разделен им на хартленд и римленд.

И по отношению к первому, и по отношению ко второму США, по Спайкмену, занимают выгодное центральное положение. Атлантическим и тихоокеанским своими побережьями США обращены к обеим частям евразийского римленда, а через Северный полюс — к хартленду. Американский геополитик считал, что если США смогут обрести атлантические и тихоокеанские военные базы на ударном расстоянии от Евразии, то им удастся контролировать баланс сил вдоль всего римленда, что было равнозначно доминированию над всей Евразией и, соответственно, над всем миром¹⁹.

Современные геополитики по-разному оценивают выдвижение Спайкменом концепции римленда и его роли в мировой истории. А. Дугин, например, считает, что в принципе Спайкмен, создав концепцию римленда, не сказал ничего нового, так как и для Маккиндера «береговая зона» была стратегической позицией первостепенной важности в контроле над

континентом Евразии. Но английский геополитик понимал эту зону не как самостоятельное и самостоятельное геополитическое образование, а как пространство противостояния двух импульсов — «морского» и «сухопутного». При этом он никогда не понимал контроль над хартлендом в смысле власти над Россией и прилегающими к ней континентальными массами. По его мнению, Восточная Европа являлась промежуточным пространством между хартлендом и «внутренним полумесяцем», следовательно, в соотношении сил на этой периферии хартленда и находился ключ к мировому господству. Спайкмен же представил смещение акцентов в своей геополитической доктрине относительно взглядов Маккиндера как нечто принципиально новое, в то время как речь шла лишь о «некоторой нюансировке понятий».

А. Дугин, осмысливая содержание термина «римленд», писал: «Римленд представляет собой составное пространство, которое потенциально несет в себе возможность быть фрагментом либо талассократии, либо теллурократии. Это наиболее сложный и насыщенный культурный регион. Влияние морской стихии, воды провоцирует в „береговой зоне“ активное динамическое развитие. Континентальная масса давит, заставляя структурироваться энергию. С одной стороны, римленд переходит в остров, корабль, с другой стороны — в империю и дом. Римленд не сводится, однако, лишь к промежуточной и переходной среде, в которой протекает противодействие двух импульсов. Это очень сложная реальность, имеющая самостоятельную логику и в огромной мере влияющая и на талассократию, и на теллуократию. Это не объект истории, но ее активный субъект. Борьба за римленд талассократий и теллуократий не есть соперничество за обладание просто стратегической позицией. Римленд обладает собственной судьбой и собственной исторической волей, которая, однако, не может разрешиться вне базового геополитического дуализма».

Римленд в значительной степени свободен в выборе, но не свободен в структуре выбора, так как, кроме талассократического или теллуократического пути, третьего ему не дано. В связи с таким качеством «внутренний полумесяц» часто вообще отождествляется с ареалом распространения человеческой цивилизации. В глубине континента царит консерватизм, вне его пределов — вызов подвижного хаоса. «Береговые зоны» самой своей позицией поставлены перед необходимостью давать ответ на проблему, предложенную географией»²⁰. Т. В. Андрианова, наоборот, полагает данную концепцию Спайкмена «большим достижением американской геополитики, которая решающим образом повлияла на формирование в США интервенционистского курса в международных делах во время и после Второй мировой войны»²¹. И все же более справедливым следует считать мнение Т. В. Андриановой, несмотря на то, что есть серьезные аргументы и в пользу точки зрения А. Дугина. Дело в том, что он сам признает тезисы Спайк-

мена относительно стратегического верховенства римленда «доказанными самой историей»²².

Э. А. Поздняков, в свою очередь, отмечал, что, как незаурядный политический мыслитель, Спайкмен хорошо понимал преимущества «внутреннего полумесяца» для будущей глобальной стратегии США. Поэтому он и нацеливал американскую стратегию «на этот регион задолго до того, как зараженные вильсоновским наивно-примитивным политическим идеализмом американские государственные деятели стали это осознавать»²³.

В геополитическую картину мира, видимую с позиции «морской державы», Спайкмен вписал важное для понимания всей его концепции понятие «Срединного Океана». В обосновании этого геополитического феномена лежала подчеркнутая аналогия с ролью, которую сыграло Средиземное море в истории становления и развития современного человечества. Средиземноморский ареал античной древности представлялся ему образцом культуры, распространившейся впоследствии внутрь континента («окультуривание варваров Суши») и на отдаленные территории, достижимые только с помощью морских коммуникаций («окультуривание варваров Моря»). В новейшее время, как он считал, такая же модель, но в увеличенном, планетарном масштабе, реализуется в ареале Атлантического океана, оба берега которого — американский и европейский — являются составляющими наиболее развитой в экономическом, политическом и военно-технологическом отношении западной цивилизации. Выделяемую эту геополитическую реальность Спайкмен назвал «атлантическим континентом», в центре которого, как озеро в сухопутном регионе, располагался Атлантический океан. Этот «теоретический континент он уподобил „новой Атлантиде“»²⁴. Но цели при обосновании своего «теоретического континента» американский ученый преследовал весьма прагматичные. Н. Спайкмен на новом историческом этапе развил выдвинутую еще А. Мэхэном идею атлантизма, предопределив, таким образом, дальнейшую практику глобальной внешнеполитической деятельности своей страны.

Глобализовав с помощью концепции римленда мэхэновскую стратегию анаконды в борьбе морских держав против сухопутных государств, Н. Спайкмен сформулировал геополитическое понятие «интегрированного контроля над территорией». Под такой он имел в виду в первую очередь пространство евразийского континента. В своих расчетах американский геополитик исходил из того, что силовые центры восточного полушария и в будущем могут перевешивать силовые возможности Запада, что «силовая» значимость Евразии для поддержания мирового баланса сил превосходит значение американского, в связи с чем ставил задачу обеспечения постоянного контроля над евразийскими просторами. Он мог быть обеспечен, с одной стороны, преобладанием США в зоне римленда, с другой — недопущением

объединения евразийского континента под эгидой какой-либо сухопутной державы, возникновения «единой евразийской силы». Для США «баланс сил, в котором весовые категории равны, не дает чувства безопасности, так как нет четкой ее границы. Полезным является такой баланс сил, который дает свободу действий», — писал Спайкмен.

Он рекомендовал правящей элите своей страны проводить в отношении евразийского континента ту же политику, которой руководствовалась Великобритания в пору расцвета своего могущества. Геополитика же Британии в спайкменской интерпретации выглядела следующим образом: «Англия всегда старалась ограничивать свои обязательства перед союзниками. Идеальным считался союзник, который просил только займы и оружие. Возможным союзником становился тот, который просил помощи флотом. Блокада была нормальным и недорогим способом ведения войны. К тому же подобные операции посылки флота к чужим берегам были выгодными, так как позволяли попутно захватывать острова или другие небольшие территории. Когда война завершалась победой, Великобритания полностью прекращала помощь союзнику и начинала помогать более слабым странам. Восстановив таким образом баланс сил, она возвращалась к политике блестящей изоляции. Затем баланс сил вновь нарушался, и цикл повторялся»²⁵. С этой модели, как полагал Спайкмен, и должны были США копировать свое геополитическое поведение в мире и, в частности, в отношении евразийского континента.

Именно поэтому американский профессор утверждал: «Все усилия в данной войне направлены на то, чтобы уничтожить Гитлера и национал-социалистскую партию, но из этого не следует вывод о разрушении Германии как военной силы. Угроза возможного завоевания Азии Японией должна быть исключена, но это не означает полного уничтожения Японии как военной державы и усиления Китая или России в тихоокеанском регионе. Если США не продолжат борьбу до тех пор, пока не победят не только врагов, но и бывших союзников, то послевоенный период будет представлять собой международное сообщество, состоящее из многочисленных независимых государств. А небольшие государства при современных военных технологиях и трехмерной войне становятся очень опасными, так как воплощают собой вакуум власти. Каким бы ни было их историческое значение в области развития человеческой мысли и цивилизации, в эпоху трехмерной войны они становятся источниками политического беспорядка в мировом сообществе»²⁶.

В 1942 году Спайкмен пишет о том, что США должны озаботиться сохранением военных потенциалов Германии и Японии, чтобы не допустить возникновения советско-китайского союза в послевоенное время. В этом случае у возможного англо-американско-японского союза будет достаточно сил, чтобы защищаться, но «недостаточно, чтобы контролировать

мир»²⁷. Он считал чрезвычайно опасной для США и идею объединения Европы. «Федеральная Европа, — писал Спайкмен, — будет представлять собой агломерацию силы, которая в конечном итоге изменит наше значение как атлантической силы и чрезвычайно ослабит наши позиции в Западном полушарии. Если целью будущего мира является создание объединенной Европы, то США движутся в неправильном направлении»²⁸. Правильным же направлением он считал всемерное укрепление союзных отношений с Великобританией, предлагая не останавливаться даже перед образованием англо-американской федерации.

Американский геополитик опубликовал свои исследования и геополитические выкладки в условиях, когда США и СССР возглавляли Антигитлеровскую коалицию, поэтому многие его рекомендации американскому правительству учитывали необходимость поддержания союзных отношений с крупнейшей евразийской державой. Но, подчеркивая статус СССР как «war time ally» (союзника на время войны), профессор из США вовсе не распространял необходимость такого союзничества и на послевоенное время. Он допускал даже перспективу войны с Советским Союзом, так как в условиях мира СССР, по его мнению, превращался в главного геополитического соперника США. И его собственные научные изыскания, и мнение Х. Маккиндера, изложенное престарелым геополитиком в статье «Круглый мир и завоевание мира», убеждали Спайкмена в том, что в случае победы над нацистской Германией СССР автоматически превращался в величайшую сухопутную державу на планете. А это никак не входило в планы США и противоречило их интересам. В этой связи Спайкмен рассматривал римленд в качестве некоего сдерживающего «обруча» вокруг территории СССР, без которого морской мир вряд ли сможет конкурировать с континентальными державами.

Дело в том, что «оружие третьего измерения — авиация» радикально изменило значение морских вооружений и морских баз. «Не существует геополитической области в мире, более подверженной глубокому воздействию авиации, чем морские коммуникации, — писал он. — Морские силы стали абсолютно неэффективными без помощи авиации, а авиация неэффективна, если базируется на маленьких территориях. Это означает, что морские державы могут эффективно действовать только в том случае, если имеют наземные базы»²⁹. Рассмотренная именно в таком ракурсе, геополитическая модель Спайкмена для послевоенного мира несла в себе основополагающие черты политики сдерживания США континентального гиганта — СССР, ставшей впоследствии «визитной карточкой» феномена «холодной войны».

Влияние Спайкмена на послевоенную стратегию и соответствовавшую ей геополитику США было столь значительным, что его коллеги закрепили за ним прозвище «американского Хаусхофера». Действительно, он тщательно изучил идейный потенциал

германской геополитической науки и, когда формулировал концепцию римленда, то опирался не только на наследие Маккиндера и Мэхэна. Он был детально ознакомлен с практическими расчетами руководителей германо-японского блока, которые намеревались овладеть материковой каймой, поставить под свой контроль коммуникации в Атлантическом и Тихом океанах, и изолировать друг от друга силы антигерманской и антияпонской коалиции. Из приводимых Спайкменом в книге «Американская стратегия в мировой политике» карт видно, что Германия и Япония в определенный момент были близки к тому, чтобы получить полный контроль над «спорным евразийским поясом» — всей прибрежной полосой Евразии. Тем самым они могли отрезать хартленд от пространств, контролируемых морскими державами, то есть Великобританией и США. Американский геополитик делает в этой связи следующий вывод: «Германия не боялась сухопутной войны на два фронта, потому что сухопутная армия была одна — русская. Не боялась она и морской войны, потому что могла противостоять британскому флоту. Эти факторы Гитлер изолировал друг от друга и таким образом в определенной степени выполнил требование германского генштаба — избежать войны на два фронта»³⁰.

В послевоенные годы многие геополитические предвидения Спайкмена действительно превратились в международную реальность. Так, США начали войну с Россией, своей бывшей союзницей, правда, в виде только «холодной войны». Великобритания и Япония оказались прочно привязанными к США, став их ближайшими и самыми ценными союзниками. Ни Германию, ни Японию не удалось сохранить в качестве военных держав, но зато они превратились в экономических гигантов, которые упрочили мировые позиции морских держав. Североамериканской сверхдержаве удалось на определенном этапе внести раскол в отношения между СССР и Китаем, разорвав гигантское тотальное поле евразийской континентальной массы, послужившее главным основанием для превращения Советского Союза в сверхдержаву сразу же после Второй мировой войны.

В годы этой глобальной холодной войны неподконтрольность римленда не давала морским державам «интегрированного контроля» над мировым пространством. Более того, события на евразийском континенте стали развиваться в соответствии с исходной посылкой теории Маккиндера. Сильное движение из глубин хартленда в западном, южном и восточном направлениях дали материковой сердцевине огромное влияние в мире. В результате усиления геополитических позиций СССР западные державы получили не «интегрированный контроль», а контроль дезинтегрированный, поделенный между двумя сверхдержавами. И только впоследствии, в ходе «холодной войны» США удалось консолидировать свои позиции в римленде и за счет этого завершить противоборство в свою пользу.

Выдвинутые Н. Спайкменом геополитические концепции стали неотъемлемой частью истории и теории геополитики. Среди них в первую очередь необходимо отметить идеи:

- материковой каймы — римленда;
- сочетания политики интервенционизма с обеспечением национальной безопасности;
- интегрированного контроля над мировым пространством;
- полярно-центрического взгляда на Ледовитый океан;
- представления об Атлантике как «срединном океане»;
- влияния технологических открытий на геополитическое мышление и т.д.).

Многие из них оказали серьезное влияние на формирование стратегии поведения на международной арене одного из двух великих протагонистов в «холодной войне», а значит, вольно или невольно, предопределяли и характер внешнеполитической деятельности другого. Как не без сарказма отмечал обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс» Т. Фридман, схватка двух гигантов послевоенного мира создавала ситуацию, когда «политическим деятелям достаточно было посмотреть, куда склоняется стрелка компаса (выяснить, на чьей стороне Москва или Вашингтон), и тут же определить, чью сторону следует занять». Главным геополитическим итогом Второй мировой войны стало, таким образом, утверждение двухполюсной системы международных отношений, в которой доминировали СССР и США. При этом, с точки зрения геополитического дуализма международной сферы, морской мир оказался сконцентрированным вокруг США, в то время как СССР оказался центром гравитации стран континентального массива.

Показательно то, что «железный занавес», разделивший зоны влияния двух основных победителей во Второй мировой войне, разделил на две части германские земли, зафиксировав их различную геополитическую ориентацию. Дело в том, что еще до войны геополитики отмечали связи западногерманских территорий со странами морского мира, в то время как Пруссия традиционно склонялась к политическим действиям и ориентациям в восточно — континентальном направлении.

«Железный занавес» — образное выражение, использованное Уинстоном Черчиллем в ставшей исторической его речи 5 марта 1946 года в городе Фултон (штат Миссури, США), возвестившей о начале англо-саксонскими государствами «холодной войны» против Советского Союза. Советы, заявил он, установили прокоммунистические правительства в каждой стране, которая была оккупирована Красной Армией, опустив «железный занавес» от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике.

С тех пор это выражение стало синонимом границы между сферами влияния СССР и США в Европе, а также символом различия между открытыми

обществами «западного мира» и закрытыми социальными системами «социалистического лагеря». Одновременно так стала обозначаться передовая линия противостояния двух крупнейших послевоенных военно-политических блоков — Организации Варшавского Договора и Североатлантического альянса. «Железный занавес» явился также отражением реального раскола Европы, идеологическим оправданием геополитической по своей сути борьбы за преобладающие позиции сверхдержав в мире.

13 августа 1961 года «железный занавес» из фигурального превратился в самый что ни есть реальный. В самом центре Европы сначала были установлены проволочные заграждения, которые затем превратились в железобетонную стену. Это был последний после Второй мировой войны акт разграничения европейских сфер влияния двух сверхдержав. Разрушение Берлинской стены в ноябре 1989 года, в свою очередь, стало свидетельством краха послевоенной «системы Ялты» в Европе. Объединение Германии спустя 10 месяцев после этого лишь подтвердило, что в системе международных отношений начинает складываться новый порядок. О разделительных линиях на европейском континенте политики заговорили вновь в связи с начавшимся в 1990-е годы продвижением НАТО на «восток» и решениями о приёме в этот альянс ряда восточноевропейских государств.

Превращению в реальность предсказаний Н. Спайкмена в огромной мере содействовали два события первой половины 1945 года. Во-первых, 12 апреля 1945 года в 15 часов 45 минут от обширного кровоизлияния в мозг умер Франклин Делано Рузвельт.

Этот день для ФДР начался, как обычно, с чтения газет. Они сообщали о взятии Вены русскими солдатами и о боях войск маршала Г. К. Жукова в 40 милях от Берлина, о добровольной сдаче в плен сотен тысяч германских солдат на западном фронте и о боях англо-американских союзников в окрестностях Болоньи. Затем, позируя художнице Шуматовой, заканчивавшей его портрет, ФДР в коротких промежутках подписывал деловые бумаги и перебрасывался двумя-тремя словами с окружавшими его домочадцами. Все восприняли его слова о желании подать в отставку с поста президента США как шутку. На вопрос его родственницы Лауры Делано «И что же вы будете делать?». Рузвельт ответил: «Я хотел бы возглавить Организацию Объединённых Наций».

Накануне, собираясь выступить перед учредительной конференцией ООН в Сан-Франциско, он написал замечательные слова: «Сегодня мы сталкиваемся с основополагающим фактором, суть которого состоит в том, что если цивилизации суждено выжить, то мы для этого должны культивировать науку человеческих отношений — способность всех людей, какими бы разными они ни были, жить вместе и трудиться вместе на одной планете в условиях мира». И хотя этот будущий мир виделся Рузвельту как признающим лидирующую роль США, всё же

Рузвельт никогда «не упускал из виду того факта, что экономические и географические интересы Советского Союза и Соединённых Штатов не сталкиваются. Это утверждал на встрече с советскими руководителями в мае 1945 года Г. Гопкинс, один из его ближайших сподвижников»³¹.

Гарри Трумэн, ставший новым хозяином Белого дома, был известен своей антипатией к СССР, поэтому от него все ожидали ужесточения позиции США в отношениях с Советским Союзом. Уже 13 апреля 1945 года новый президент США направляет телеграмму У. Черчиллю, в которой выразил готовность к «новой конфронтации со Сталиным». 23 апреля, принимая народного комиссара по иностранным делам СССР В. М. Молотова, Трумэн фактически обвинил советскую сторону в срыве ялтинских соглашений. Присутствовавший при этом Гарриман запишет в своём дневнике: «Честно говоря, я был несколько шокирован тем, что президент столь активно атаковал Молотова. Я полагаю, с Молотовым никогда никто таким тоном не разговаривал, во всяком случае, никто из иностранцев... Я сожалел, что Трумэн так жестко подошёл к делу. Его поведение давало Молотову основание сообщить Сталину, что от политики Рузвельта отходят. Жаль, что Трумэн дал ему такую возможность. Я думаю, что это была ошибка, хотя и не столь уж решающая».

Сразу же после вступления в должность президента Трумэн с присущей ему грубой откровенностью и самоуверенностью заявил: «Русские скоро будут поставлены на место, и тогда США возьмут на себя руководство развитием мира по пути, по которому мир следует вести». Уже 18 мая 1945 г. заместитель государственного секретаря США Дж. Грю делился своими мыслями в узком кругу сотрудников: «Будущая война с Россией очевидна. США должны исходить из этого, формируя свою межвоенную дипломатию. Война может разразиться в ближайшие годы. Поэтому нам следует поддерживать в готовности свои вооружённые силы». Подобные настроения и соответствующие им действия подогревали известия о реализации «Манхэттенского проекта», работа над которым была близка к успешному завершению. В апреле 1945 года, ещё до своего назначения на пост государственного секретаря, сенатор Джеймс Бирнс информировал Трумэна о том, что атомное оружие «может оказаться столь мощным, что будет потенциально в состоянии стирать с лица земли целые города и уничтожать население в беспрецедентных масштабах». При этом он подчеркивал, что бомба может дать прекрасную возможность «диктовать наши собственные условия в конце войны».

Новое оружие усиливало в американском политическом истеблишменте позиции универсалистов, выступавших за решающее влияние и вмешательство США в дела государств всего земного шара. Взошла заря атомной эры в международных отношениях. Когда 21 июля в Потсдаме министр обороны США

Стимпсон представил Трумэну развёрнутый доклад об успешном испытании атомного заряда на военно-воздушной базе Аламогордо, последний был «сильно возбуждён» и сказал, что «это даёт ему совершенно новое положение на конференции». Дочь президента Маргарет Трумэн в своих мемуарах отмечала в этой связи: «Это дало возможность моему отцу вести переговоры более смело и решительно. Сцена была расчищена для жесткого торга в Потсдаме». В свою очередь, Роберт Мерфи, принимавший активное участие в реализации внешнеполитических планов Трумэна, записал в своих воспоминаниях: «Когда Трумэн председательствовал на 4-м пленарном заседании, мы заметили перемену в поведении президента. Он казался более уверенным в себе, более склонным к активному участию в дискуссии, к оспариванию некоторых заявлений Сталина. Было очевидно, что что-то случилось».

Отправляясь в Потсдам на встречу «большой тройки», президент Трумэн и его окружение с нетерпением ждали сообщений об испытании первой атомной бомбы. На борт крейсера «Аугуста», который переправлял американскую делегацию через Атлантику, регулярно шли шифровки о ходе подготовки к испытанию в Нью-Мехико. 16 июля, в канун открытия Потсдамской конференции, Трумэн получил долгожданное известие. Когда Стимпсон по поручению президента ознакомил с предварительными результатами прошедшего испытания У. Черчилля, последний не смог скрыть своего восторга. Позднее он записал в своём дневнике: «До этого наше военное планирование исходило из необходимости вторжения на собственно японскую территорию с помощью интенсивных бомбёжек и высадки крупных армий. Мы полагали, что отчаянное сопротивление японцев, которые будут стоять насмерть с самурайской преданностью в любой пещере или в любом укрытии, приведёт к тому, что завоевание Японии шаг за шагом может потребовать миллиона американских и полумиллиона английских жизней. Вместо этого появилось видение яркое и захватывающее — окончание всей войны путём одного или двух сильных ударов... Мы теперь не нуждаемся в русских. Теперь мы располагаем возможностью сразу же прекратить бойню на Дальнем Востоке. Но открываются и более приятные перспективы в Европе. Я не сомневаюсь, что эти же мысли бродили и в головах американских друзей».

И это было действительно так. Сам президент Трумэн признавался, что он наконец-то получил «дубинку для этих парней», имея в виду русских. Американскому президенту не терпелось дать понять советской стороне, что за козырь зажат у него в кулаке. 24 июля, по окончании пленарного заседания, Трумэн подошел к Сталину и сообщил ему, что «США создали новое оружие необыкновенно разрушительной силы». У. Черчилль и Дж. Бирнс, которые знали, о чем говорил Трумэн, внимательно наблюдали за реакцией советского лидера. Он сохранил поразительное спокойствие. Западные партнеры даже пришли к заклю-

чению, что Сталин не понял значения только что услышанного известия. В действительности же генералиссимус просто не подал виду, что понял, о чем шла речь. Маршал Г. К. Жуков, также находившийся в составе советской делегации в Потсдаме, вспоминал: «Вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре. В. М. Молотов тут же сказал: „Цену себе набивают“. И. В. Сталин рассмеялся: „Пусть набивают. Надо будет сегодня же переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы“. Я понял, что речь идет о создании атомной бомбы».

Американская делегация во главе со своим президентом возвращалась с конференции в Потсдаме уже после того, как был нанесен атомный удар по Хиросиме. Ч. Болен вспоминал об атмосфере, которая господствовала на крейсере «Аугуста»: «Мы говорили об атомной бомбе и о том, как мы могли бы использовать чувство безопасности и силу, которую она нам давала, в наших отношениях с Советским Союзом. Мы признавали, что СССР не будет реагировать ни на что, кроме как на меры, которые смогут представлять угрозу Советской стране или советской системе. Мы рассматривали шаги, которые могли бы предпринять, начиная от прямого ультиматума с требованием, чтобы Советы ушли за пределы своих границ, до различных степеней давления».

И уже в сентябре 1945 года, на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел, который должен был заняться выработкой проектов мирных договоров с бывшими вражескими государствами, США и Великобритания по существу отказались от политики сотрудничества с Советским Союзом. Тем самым ими был завершён поворот к последовательному и жесткому антисоветизму в международных делах. Работавший в составе американской делегации в Лондоне один из известнейших «рыцарей холодной войны» Джон Фостер Даллес следующим образом характеризовал обстановку на заседаниях СМИД: «В этот момент родилась наша послевоенная политика — „никакого умиротворения“. В целом мы неизменно придерживались этой линии. Наши действия на встрече в Лондоне имели важные последствия: они ознаменовали конец целой эпохи — эпохи Тегерана, Ялты, Потсдама. Тот факт, что я был в Лондоне вместе с государственным секретарем Бирнсом в качестве республиканца, опирающегося на мощную поддержку своей партии, дала мне возможность сыграть значительную роль в важном решении — покончить с политикой поисков соглашения с русскими».

Линия Рузвельта на сохранение сотрудничества с Россией и в послевоенный период была окончательно отброшена. И здесь выяснилась одна любопытная деталь: геополитические идеи и установки, разрабатывавшиеся Николасом Спайкменом для рузвельтовского курса в международных делах, оказались более созвучными и поэтому более востребованными «новым политическим курсом» Америки Гарри Трумэна.

- ¹ Рузвельт пришел к власти, когда в стране было 15 млн. безработных, 3 млн. бродяг, когда банки были закрыты в 38 штатах, а спад производства достиг катастрофических пределов.
- ² Рузвельт имел в виду свою жену Элеонору.
- ³ Мальков В. Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988. С.102–110, 129–141.
- ⁴ В 10 раз больше, чем в 1938 г.
- ⁵ Gyorgy A. Geopolitics. The New German Science. Berkeley, 1944. P. 257–258.
- ⁶ Straus-Hupe R. Geopolitics: the Struggle for Space and Power. N Y, 1942. P. 195.
- ⁷ Книга Спайкмена «География мира» увидела свет в 1944 году, уже после смерти автора.
- ⁸ Spykman N. American Strategy, p. 7.
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ Ibid., p. 17.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² Ibidem.
- ¹³ Ibid., p. 34.
- ¹⁴ Ibid., pp. 115, 117, 118.
- ¹⁵ «Foreing Affairs». 1943. Vol. XXI, No. 4.
- ¹⁶ Spykman N. The Geography of the Peace. N.Y., 1944. P. 38.
- ¹⁷ Ibid., p. 33.
- ¹⁸ Ibid., p.p. 41, 43, 44.
- ¹⁹ См. более подр: Поздняков Э. А. Концепция геополитики. В сб. ст. Геополитика: теория и практика. М., 1993. С. 34–37.
- ²⁰ Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое грядущее России. М., 1997. С. 23–24.
- ²¹ Андрианова Т. В. Геополитические теории XX века. М., 1996. С. 104.
- ²² Дугин А. Указ. раб., С. 66.
- ²³ Поздняков Э. А. Указ. раб., С. 34.
- ²⁴ Дугин А. Указ. раб., С. 65.
- ²⁵ Spykman N. American Strategy, P. 105.
- ²⁶ Ibid., p. 463.
- ²⁷ Ibid., p. 460.
- ²⁸ Ibid., p. 463.
- ²⁹ Ibid., p. 54.
- ³⁰ Ibid., p. 121.
- ³¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1984. Т. 2. С. 400.

В поисках будущего: американские оценки участия СССР в послевоенном устройстве Европы 1941–1945 гг.

М. Ю. Мягков*

Анализ будущего послевоенного устройства Европы, требует специального рассмотрения, поскольку в современном мире цена принятия США своих решений в международных делах чрезвычайно высока, а в условиях появления перед мировым сообществом новых угроз, непрекращающихся локальных конфликтов, очень многое будет зависеть от того, сумеют ли США поддерживать взаимовыгодное сотрудничество с Россией, правильно воспринимать и уважать ее национальные интересы.

По мере развития коренного перелома во Второй мировой войне проблемы территориального плана и послевоенного мирного устройства стали все чаще возникать в переговорах между союзниками. К осени 1943 г. — после впечатляющих побед советских войск на Восточном фронте — представители США, Великобритания и СССР вплотную обратились и к проблемам политического будущего Европы. Завершающий этап дискуссий союзников по европейским делам открылся высадкой западных союзников во Франции в июне 1944 г. Здесь уже в полной мере дали о себе знать существовавшие между западными державами и СССР противоречия.

Рузвельт по праву считается политиком, выступавшим за развитие взаимовыгодных связей между двумя странами в послевоенное время. Однако, несмотря на определяющее влияние президента на внешнюю политику США, рядом с ним действовали, как сторонники, так и противники полномасштабного альянса с СССР. Против политики сближения с Москвой выступали многие влиятельные конгрессмены, представители различных национальных

меньшинств, проживающих в Америке (в том числе этнические поляки); критика Советского Союза в США исходила и от католической церкви. Кроме того, отношение Рузвельта к СССР и к его участию в послевоенном устройстве Европейского континента не было заранее predetermined. Позиция президента в «русском» вопросе — как показывают недавно опубликованные документы архивов США¹ — представляется совсем не однозначной, что важно для исследования особенностей видения послевоенного устройства Европы, и, прежде всего, восточной ее части, не только со стороны США, но и Великобритании. В этом же контексте необходимо выделить проблему признания руководством США советских границ 1941 года, включающих Прибалтийские республики, Западную Украину и Западную Белоруссию, Бессарабию и ряд др. территорий, что связано с распределением сфер влияния на континенте в целом.

В суждениях Рузвельта о СССР переплетались элементы стратегии, геополитики и идеологии. Позитивно оценивая перспективы сотрудничества с Москвой, он в то же время опасался и исходящей от нее опасности для американских интересов. Рузвельт, размышляя о глобальной системе послевоенной безопасности, организации объединенных наций, не мог не учитывать потенциал военно-промышленного комплекса США, который в перспективе вел к экономическому, а затем и политическому господству Америки на большей части территории планеты. Все эти моменты заставляют несколько по иному посмотреть на личность самого Рузвельта в контексте советско-американских отношений, на мотивацию

---

* Михаил Юрьевич Мягков — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД России.

принятия им решений в европейских делах. Наконец, на позицию президента решающим образом оказывало положение на фронтах, способность СССР не только выдержать удар Германии, но организовать против нее успешное последовательное наступление.

Известно, что накануне нападения Германии на СССР Государственным департаментом США было принято решение не обнадеживать СССР никакими политическими обещаниями в случае развязывания против него военной агрессии². Сразу после начала Великой Отечественной войны президент США Рузвельт выразил свою полную поддержку борьбе СССР против агрессии, однако заместитель госсекретаря США С. Уэллес указал, что «для народа Соединенных Штатов... принципы и доктрины коммунистической диктатуры являются совершенно неприемлемыми. Они такие же чуждые американским идеям, как и принципы и доктрины нацистской диктатуры»³. В начальный период Великой Отечественной войны военное ведомство США полагало, что Германия будет занята разгромом России минимум месяц, а максимум 3 месяца⁴.

Оценки стали меняться после встречи со Сталиным личного представителя Рузвельта Г. Гопкинса в конце июля 1941 г. Помощник президента увидел в Москве решимость сражаться до конца и призвал Рузвельта к самой активной помощи СССР⁵. И, как следствие, несмотря на тяжелейшее положение Красной Армии и неясность перспектив войны, уже 1 августа 1941 г. президент на встрече с членами своего кабинета подверг их жесткой критике за отсутствие реальных мер по поддержке Москвы.

В августе 1941 года Рузвельт и Черчилль подписали знаменитую Атлантическую хартию, два первых пункта которой декларировали отсутствие у США и Великобритании стремления к территориальным захватам и передела мира не находящегося «в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов»⁶. Характер и направленность этого документа еще нуждается в дальнейшем анализе. Неясно — была ли Хартия сепаратным соглашением, которое, подчеркивая общность геополитических и военных целей двух стран, в то же время, предоставляло им свободу рук в определении будущего отношения к запросам других государств? В конце концов, почему заявляя о своей позиции в территориальных делах, Вашингтон и Лондон (у последнего, кстати, было немало проблем в своих колониях), не только не проконсультировались с Москвой, но даже ни разу не упомянули о ее интересах? Считали ли они, что в будущем СССР уже вряд ли займет место среди мировых держав, либо готовили официальное обоснование для неприятия его требований в случае поражения стран «оси»? В сентябре 1941 г. Советский Союз заявил, что выражает свое согласие с основными положениями Хартии, хотя это отнюдь не означало, что он согласен на пересмотр своих довоенных границ.

Черчилль довольно благосклонно отзывался о выдвигании советской границы на запад в 1939 г. Тем не менее, летом-осенью 1941 г., англичане, равно как и американцы, считали весьма вероятным поражение Красной Армии в борьбе с вермахтом. Давать в этой связи Москве какие-либо обещания относительно ее территорий, не зная, где окажутся советские войска в конце войны, было, по мнению Лондона, преждевременно. Так, в декабре 1941 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден отказался подписывать секретный протокол к советско-английскому договору, содержащий пункты о восстановлении в составе СССР оккупированных Германией и ее союзниками территорий Эстонии, Латвии и Литвы, Бессарабии и Северной Буковины, а также обсуждать вопрос о польско-советской границе с учетом национальных особенностей населения и вопроса о Финляндии «в духе действительного обеспечения безопасности СССР»⁷. Таким образом, позиция Сталина по вопросу о границах была уже твердо определена. Однако здесь в дело вступал уже американский фактор. Отказ подписать секретный протокол британский министр мотивировал, в том числе необходимостью консультаций с руководством США, отмечая, что «Рузвельт еще до того, как Россия подверглась нападению, направил нам послание с просьбой не вступать без консультаций с ним в какие-либо секретные соглашения, касающиеся послевоенной реорганизации Европы»⁸. Другими словами, Иден подтверждал, что США намерены в будущем выступать как сторона — участник мирного договора и обсуждать в том числе вопросы о послевоенных границах.

К весне 1942 г. Великобритания, исходя из разворачивавшихся на фронте событий и, видимо, с учетом требований СССР, сочла возможным изменить подходы к некоторым принципам Атлантической хартии. Так, 7 марта 1942 г. У. Черчилль писал Ф. Рузвельту: «В условиях возрастающих тягот войны я прихожу к мысли, что принципы Атлантической хартии не следует трактовать таким образом, чтобы лишить Россию границ, в которых она находилась, когда на нее напала Германия. Это была основа, на которой Россия присоединилась к Хартии, и я полагаю, русские провели жестокий процесс ликвидации враждебных элементов в Прибалтийских государствах и т. д., когда они заняли эти районы в начале войны. Я надеюсь поэтому, что Вы сможете предоставить нам свободу действий для подписания договора, который Сталин желает иметь как можно скорее»⁹.

Сталин продолжал настаивать на том, чтобы договор с Великобританией гарантировал Москве территории, присоединенные к СССР в 1939–1940 гг. желая, также, чтобы и США признали границы СССР по состоянию на 22 июня 1941 г. Однако Рузвельт и Госдепартамент США в то время решительно возражали против такого пункта в соглашении между Москвой и Лондоном¹⁰. В феврале 1942 года президент

США дал указания заместителю госсекретаря С. Уэллсу сообщить британскому послу в Вашингтоне Галлифаксу, что не считает возможным принять советские предложения относительно границ. Этот вопрос, сказал он, должен решаться после окончания войны. Рузвельт пояснил, что сам собирается обратиться по этому вопросу к советскому правительству¹¹.

С течением времени позиция президента относительно территориальных проблем и сфер влияния в Европе претерпела изменения, поскольку в декабре 1941 года США вступили в мировую войну, став жертвой нападения Японии. Всю первую половину 1942 г. они вынуждены были отступать под нажимом японских войск. Помощь СССР могла бы иметь решающее значение для Америки, и Рузвельт запросил о ней Сталина практически сразу после событий в Перл-Харборе. Ответ Сталина, данный 10 декабря, объяснял невозможность нарушения советско-японского пакта 1941 г. и неразумность вступления в войну с Японией. Тем не менее, Сталин, как отмечает профессор А. А. Кошкин, давал понять, что такая помощь может стать возможной в случае успешного развития обстановки на советско-германском фронте. Более того, на переговорах с Иденом он уже менее категорично отвергал вероятность подключения СССР к борьбе с Японией¹². Японский фактор мог стать своеобразным козырем Москвы в вопросе о скорейшем открытии второго фронта и решении послевоенных территориально-политических проблем, тогда как для Лондона и Вашингтона необходимо было не допустить, чтобы Сталин стал подозревать западных союзников в нежелании удовлетворить его минимальные требования. Вопрос шел об учете взаимных интересов, без чего эффективное сотрудничество с Москвой и сама победа над Германией могли быть поставлены под вопрос.

Весной 1942 года Рузвельт стал менять свои взгляды относительно интересов СССР. Уже 12 марта он пригласил советского посла М. М. Литвинова и информировал его о своей позиции. Президент сказал, что «по существу у него нет никаких расхождений» с советским правительством о советских западных границах и что он всегда считал ошибкой отделение прибалтийских провинций от России после первой мировой войны. Рузвельт заявил, что «он заверит Сталина частным образом, что он с ним абсолютно согласен». По указанию из Москвы Литвинов сообщил в Госдепартамент, что советское правительство приняло информацию Рузвельта к сведению, однако, оно пока не стало поднимать перед Белым домом вопрос о западных границах СССР¹³.

Разрешение всего комплекса проблем, касающихся взаимоотношений СССР и США, в огромной степени зависело от личного доверия между лидерами этих государств и вопросы будущего территориально-политического устройства Европы не являлись исключением. Рузвельт прекрасно осознавал эту ситуацию и уже 16 марта 1942 г. написал послание

Черчиллю, в котором критикуя «наихудшую часть» своей прессы — издания Маккормика-Патерсона, Херста и Скриппс-Ховарда за то, что они «сводят роль Америки лишь к защите Гавайских о-вов, восточного и западного побережья континента» и пытаются «спрятать голову в собственный панцирь и ждать пока кто-нибудь не нападет на тебя», прямо заявил, что лично он «может вести дела со Сталиным лучше, чем весь Форин офис или Государственный департамент»¹⁴.

Необходимо также заметить, что уже весной 1942 г. американский президент приходит к выводу о том, что Советский Союз может стать после войны одной из ведущих мировых держав. Так, 20 мая, выступая перед представителями Комитета по вопросам послевоенных международных отношений Государственного департамента¹⁵, он отмечал «Соединенные Штаты, Великобритания, Россия и Китай должны осуществлять контроль, разрешать споры и поддерживать безопасность в послевоенном мире. Именно они будут определять, какие сокращения вооружений необходимо произвести. Они также будут осуществлять периодические инспекции вооруженных сил и контроль как водного, так и воздушного пространства», выразив мнение, «что одна из важнейших стран, которую необходимо было бы разоружить — является Франция. Мы ничего не сможем решить в Европе до тех пор, пока обе страны — как Германия, так и Франция, не будут разоружены и не останутся в таком положении»¹⁶.

Таким образом, у Рузвельта был достаточно серьезный повод не препятствовать восстановлению довоенных границ СССР по причинам, прежде всего глобального характера — возможности налаживания сотрудничества с Москвой в деле поддержания международной безопасности в послевоенное время. Шаги по удовлетворению интересов СССР, безусловно, работали на укрепление союзнических отношений, причем, в условиях, когда до открытия второго фронта было еще далеко. В конструировании своей концепции послевоенного мира президент мог опираться на солидную общественную поддержку в самих Соединенных Штатах. Опрос общественного мнения в США показывал невероятно возросшее чувство ответственности простых граждан за будущее всего мира. Как подчеркивал 14 марта 1942 г. в своей телеграмме в американское посольство в Лондоне директор заокеанских операций Управления военной информации американской армии Р. Шервуд, только 11% из всего числа опрошенных выступали за возвращение к изоляционизму. Еще меньший процент хотел жить в союзе лишь с англоговорящими странами или в составе содружества американских государств. Лидирующим мнением являлось создание мировой лиги или мировой ассоциации¹⁷. Все это сближало позиции Лондона и Вашингтона относительно признания довоенных советских границ. Они отличались лишь в той части,

что Рузвельт не желал пока именно публичного одобрения Америкой территориальных приобретений СССР до 22 июня 1941 года.

В мае–июне 1942 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов совершил визит в Великобританию и США. Территориальная проблема являлась ключевой в этих переговорах. Так, во время обсуждения условий союзного англо-советского договора камнем преткновения стала, как и ожидалось, советско-польская граница. В беседе с советским наркомом 21 мая 1942 г. Иден прямо заявил, что «Английское Правительство сделало уступку и согласилось с Советским Правительством в отношении Прибалтики. В настоящее время ему, Идену, непонятно, какую уступку должно сделать английское правительство в вопросе о советско-польской границе»¹⁸. Дело окончилось тем, что Молотов получил инструкцию от Сталина согласиться с предложениями британской стороны и подписать простой договор, без указания будущих границ. 24 мая Сталин телеграфировал Молотову в Лондон: «Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. *Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой* (выделено мной. — М. М.)»¹⁹.

Во время последующего визита Молотова в Вашингтон 29 мая — 5 июня 1942 г. прибалтийская проблема не затрагивалась, хотя во время переговоров был обсужден широкий круг военных и политических вопросов, в том числе и открытия второго фронта. Будучи реалистом и учитывая общественное мнение в своей стране, Рузвельт ухаживал пока от детального обсуждения послевоенных территориальных проблем, заостряя внимание на общих проблемах мировой безопасности. Историк В. Л. Мальков приводит информацию о беседе американского президента с Артуром Свитцером, происходившей как раз в дни визита в Вашингтон В. М. Молотова. Президент говорил об обновленной Лиге наций в виде мощного «резервуара силы» и вновь высказал идею о контролерах послевоенного мира США, СССР, Великобритании и Китае — «четырёх полицейских», которые могли бы сдерживать в будущем любого потенциального агрессора²⁰. Президент в то время, пожалуй, уже нащупал и пытался оформить свою концепцию взаимодействия союзников после завершения войны но, как отмечает профессор У. Кимболл, перед ним вставала дилемма — не сомневаясь, что безопасность народов в будущем должна зависеть от великих держав, его волновал вопрос, кто и как будет контролировать сами эти великие державы²¹. Думал ли Рузвельт, что все спорные ситуации будут разрешаться после войны на основе компромисса или одна из великих держав окажется в более выгодном положении в виду возросшей своей мощи? В этой связи интересно замечание В. М. Малькова о том, что Рузвельт в то время

был озабочен вопросом — как, одержав победу над Гитлером, «гарантировать лидерство США в послевоенном переустройстве»²².

В конце 1942 г. — после начала мощного советского контрнаступления под Сталинградом — высшее командование вооруженных сил США пришло к выводу о важности укрепления отношений с СССР для дальнейшего хода войны и ее результатов. Подобное заключение учитывало не только наличие общего врага двух стран в лице Германии, но и возможность будущего вступления СССР в войну с Японией. Кроме того, Вашингтон понимал, что без участия Москвы теперь невозможно серьезно обсуждать вопросы создания прочного мира в послевоенное время.

Уже в октябре 1942 года аналитики из военного ведомства подготовили для ближайшего помощника Рузвельта Г. Гопкинса меморандум, в котором содержались следующие слова: «...Россия нужна нам не только как могущественный военный союзник для разгрома Германии; в конечном счете она понадобится нам в аналогичной роли и для разгрома Японии. И, наконец, она нужна будет нам как подлинный друг и деловой клиент в послевоенном мире... По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным силам России. Правда, Великобритания укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания равновесия сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки»²³.

В январе 1943 года Рузвельт, выступая на совместном заседании членов Палаты представителей и Сената подчеркнул, что «Самые большие и самые значительные изменения во всей стратегической обстановке произошли в 1942 г. на громадном советско-германском фронте... Объединенные нации могут и должны оставаться объединенными и после войны для поддержания мира и предотвращения новых попыток со стороны Германии, Японии, Италии, либо другой какой-либо нации подвергнуть насилию десятую заповедь — «Не возжелай дома ближнего своего»²⁴.

Дальнейшие события показали, что Рузвельт действительно ратовал за необходимость поддержания дружественных отношений с СССР. Однако, уже тогда, в ноябре 1942 г., в его оценках будущего взаимодействия с Москвой появились элементы сомнения и тревоги.

Как представляется, Рузвельт, не имевший к тому времени личных доверительных контактов с Сталиным, стал опасаться, что Советский Союз адаптирует в Европе политику односторонних действий, что шло вразрез с интересами Запада. 25 февраля 1943 г., излагая перед представителями Госдепартамента свой взгляд на перспективы создания

мировой системы безопасности, Рузвельт, по свидетельству присутствовавших, был «очень обеспокоен вопросом о России». Констатировалось, что «...с одной стороны, президент придерживается мнения, [что]... фактически весь мир должен быть разоружен за исключением Соединенных Штатов, Великобритании, России и Китая. Но, с другой стороны, президент с большой похвалой отзывается о плане Буллита²⁵ основанном на недоверии к Советскому Союзу, и согласно которому вся Европа восточнее СССР должна быть организована как единый хорошо вооруженный лагерь. Он нужен для того, чтобы противостоять продвижению России на запад. Президент не знает, что делать с Россией и беспокоится за будущее развитие событий...»²⁶.

В сжатом виде президент затронул на этой встрече и вопросы, касавшиеся будущего многих европейских государств. Его суждения были довольно открытыми. Он считал, что Восточная Пруссия должна отойти к Польше. Югославия возможно должна быть разделена. Будет образовано государство Сербия во главе с королем Петром, а в Хорватии проведен плебисцит. Франция должна лишиться Индокитая, но его новый статус пока под вопросом. Относительно международной организации он высказал следующие мысли: (1) «мирной конференции быть не должно, поскольку все мирные вопросы будут разрешаться четырьмя странами (четырьмя Великими державами) совместно с техническими экспертами, число которых не будет превышать десяти; (2) должно быть несколько международных комиссий, которые будут перемещаться из одного места в другое. Женева более не должна быть местом заседаний международной организации — такого постоянного места вовсе не должно быть. Исключая военных договоренностей в Касабланке, не надо вести никаких протоколов о наших беседах и переговорах...»

Суждения Рузвельта в феврале 1943 г. о послевоенном контроле над миром и будущем Европы можно добавить следующими строками, отложившимися в качестве примечания к документу Комитета по послевоенным международным отношениям Госдепартамента: «Президент изменил свое отношение к Франции. До высадки в Северной Африке Президент придерживался мнения о необходимости разоружения Франции. Но теперь он обдумывает следующий вопрос — что случится, если Франция и Германия будут разоружены, а Россия останется вооруженной и не согласится сотрудничать с США, Великобританией и Китаем в деле поддержания мира?»²⁷.

Сомнения Рузвельта кажутся, на первый взгляд, вполне объяснимыми — он пытается выстроить свою систему планетарной безопасности и беспокоится о надежности одной из ее ведущих опор. Вопрос вновь идет о доверии между союзниками. Но так ли безупречны стандарты, в рамках которых действует президент?

Попытаемся обозначить приоритеты, которые могли стоять в то время перед Рузвельтом. Предлагается, что вопрос здесь стоял не только в поддержании военно-политического баланса, но и в сохранении и укреплении позиций США. Послевоенная торговая экспансия американских монополий на Европейский континент, в случае доминирования там СССР, оказалась бы невозможной. Америка вела свою игру, чтобы, добившись скорейшего разгрома нацистской Германии, не допустить при этом чрезмерного присутствия СССР в Европе, оставить при этом под своим влиянием Францию (хотя бы до момента определения ее будущего статуса).

В конечном итоге, решение всех этих проблем было тесно увязано с подготовкой вторжения на континент через пролив Ла-Манш. Но, заметим, вторжения оптимально выверенного по времени и масштабам. Складывающаяся стратегическая ситуация на фронтах войны позволяла Вашингтону провести спокойный и грамотный расчет, то есть организовать десант именно в тот момент, когда мощь Германии будет уже окончательно подорвана, но еще до того, как СССР приблизится к жизненно важным для интересов США районам Европы. Конкретных высказываний президента Рузвельта, где он напрямую говорил бы о вышеназванных причинах затягивания операции вторжения, мы вряд ли когда-нибудь обнаружим. Предполагать, что именно они, а не военно-технические факторы или позиция Черчилля, послужили основными мотивами для затягивания западными союзниками открытия второго фронта, можно только на основании косвенных источников. Тем не менее, Москва усматривала в нежелании Запада организовать скорейшую высадку во Франции вполне определенные политические резоны.

Известно, что к первой половине 1943 г. проблема открытия второго фронта вызвала самые серьезные разногласия между союзниками по Антигитлеровской коалиции, а на некоторых этапах сражений 1941–1943 гг. имела для Советского Союза критическое значение. Так было в ходе Московской битвы и в битве за Сталинград, и даже накануне битвы на Курской дуге летом 1943 г. Время шло, но второй фронт так и не был открыт. Англо-американская конференция в Касабланке (январь 1943 г.) показала, что и в 1943 г. наступления союзников во Франции не будет. Руководители США и Великобритании готовились к военным действиям в Средиземноморье. В мае 1943 г. Рузвельт был вынужден уже официально сообщить в Москву о переносе сроков открытия второго фронта на 1944 г.²⁸

Все это происходило на фоне разрыва Москвы с польским эмигрантским правительством в Лондоне и сокращения поставок в СССР по ленд-лизу²⁹. Напряжение нарастало, и стороны сделали ряд резких заявлений. Из Лондона и Вашингтона были отозваны советские послы И. Майский и М. Литвинов. Москва всерьез задавалась вопросом — насколько

искренними являются договоры о сотрудничестве с США и Великобританией и готовы ли они допустить Советский Союз к решению вопроса о послевоенном устройстве Европы?

С другой стороны в начале 1943 г. в американском Госдепартаменте, Управлении стратегических служб и других государственных ведомствах США широкое распространение получили оценки вероятности заключения Москвой сепаратного мира с Германией, что связано с появлением слухов о контактах советских и немецких представителей в нейтральных странах, в том числе о якобы имевшей место встрече Молотова и Й. Риббентропа в июне 1943 г. в оккупированном немцами Кировограде³⁰. Главным основанием для подобных гипотетических предположений являлся тот факт что СССР больше не захочет проливать кровь своих солдат, так как плодами его победы могут воспользоваться окрепшие и не понесшие серьезных потерь западные союзники. Имеются основания предполагать, что это была дезинформация, подготовленная в Москве и специально предназначенная для лидеров Англии и США. Она могла способствовать осознанию западными союзниками угрозы остаться один на один с Гитлером и, соответственно, ускорению их приготовлений к вторжению в Европу.

Обе стороны — СССР и США подозревали друг друга в нечестной игре. Если Рузвельт прислушивался к советам Буллита, видевшем в России источник коммунистической экспансии, то Сталин имел право задуматься об истинных причинах постоянных отсрочек военной операции во Франции. После передела под Сталинградом при Госдепартаменте США активизировали свою работу комитеты и подкомитеты, занимавшиеся вопросами прогнозирования роли США и других стран в послевоенном мире. Такой анализ проводился в отделах Управления стратегических служб, Комитете начальников штабов и военном ведомстве США. В Москве также следили за своими союзниками и их политическими решениями. Осенью 1943 года, при НКВД была образована Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, которую возглавил бывший посол в США М. Литвинов (т. н. «комиссия Литвинова»). Скорректировать свои стандарты поведения в рамках коалиции, возможно было только путем личной встречи лидеров союзных держав, тем более что вопросы, связанные с отношением к послевоенной Германии и распределением сфер влияния как в Восточной, так и Западной Европе, уже явственно выходили на первое место.

Весну 1943 года можно датировать как время, когда Рузвельт смирился с вхождением территорий, присоединенных в 1939–1940 гг., в состав СССР, за исключением некоторых участков границы, которые он считал пока спорными. Так, во время визита А. Идена в Вашингтон в марте 1943 года он недвусмысленно высказался за то, чтобы Бессарабия оставалась в со-

ставе СССР, а восточная граница Польши проходила по линии «Керзона». Рузвельт сказал также, что придется согласиться с вхождением в состав СССР Прибалтики, но при этом следует добиться от Москвы уступок по другим вопросам³¹. Из дальнейшего развития событий хорошо видно, что эти вопросы касались отношения к Германии, Польше и другим государствам Восточной Европы. Большие надежды американский президент возлагал также и на будущее участие России в войне против Японии.

После разгрома немецких войск на Курской дуге суждения Рузвельта о потенциале СССР стали еще более определенными. В разговоре с кардиналом Спеллманом, президент сказал, что после войны Россия будет «доминировать в Европе». «США и Великобритания не смогут воевать против России... Русские выпускают так много военной продукции, что американская помощь, за исключением разве что грузовиков, представляется незначительной». Но самое главное, уже на этом этапе войны, Рузвельт предлагал договориться о зонах ответственности будущих победителей, что по его мнению могло выглядеть следующим образом: «Китай получает Дальний Восток, США — регион Тихого океана, Британия и Россия — Европу и Африку. Но поскольку Великобритания будет прежде всего занята своими колониями, то можно предположить, что интересы СССР в Европе будут доминирующими»³².

Дискуссии о том, как могут строиться будущие взаимоотношения с СССР, развернулись в то время во многих правительственных и военных учреждениях США. В этой связи обращает на себя внимание доклад исследовательского и аналитического департамента Управления стратегических служб США «Могут Америка и Россия сотрудничать?», подготовленный незадолго до начала Квебекской конференции руководителей США и Великобритании 1943 года³³. В нем отмечалось: «Цели США в войне не противоречат минимальным требованиям СССР, но они находятся в явном противоречии с его возможными максимальными требованиями, то есть с советизацией Европы и доминированием в ней». Здесь же прогнозировались три возможных альтернативных линии поведения США: 1) Немедленное достижение компромисса с Россией, устранение существующих противоречий; 2) Следование такой политике, которая не зависит от политики и стратегии СССР; и 3) «Мы стараемся повернуть против России все силы пока еще не разгромленной Германии, которая будет управляться либо нацистами, либо генералами...».

К чести составителей документа ими был отброшен третий вариант стратегии, говорящий о примирении с Гитлером и были выдвинуты варианты наиболее приемлемых путей дальнейшего взаимодействия с Москвой: скорейшее начало боевых действий в Западной Европе, что было бы выгодно не только США, но и СССР; совместная оккупация Германии; участие СССР в войне против Японии и т. д.

В заключение указывалось, что подобная политика компромисса «может иметь огромные положительные результаты... Обязательным условием проведения такой политики является твердое согласие на открытие нами боевых действий в Западной Европе. Если же компромисса не удастся достичь, то Америке Великобритании не останется ничего другого, как преследовать свои собственные цели, не зависимо от позиции Советского Союза. Однако и в этом случае открытие боевых действий в Западной Европе не может быть предметом для обсуждения»³⁴.

В известной мере такой вариант учитывался и Ф. Рузвельтом, о чем свидетельствует его решение не информировать Москву о введшихся в США исследованиях в области создания атомной бомбы («Манхэттенский проект»). Эту «дубинку» американский президент оставлял про запас. Однако медлить с открытием второго фронта западные союзники уже не могли, поскольку оттягивать высадку и дальше означало пойти на риск подрыва своего влияния Европе, когда существовала вероятность, что СССР сможет самостоятельно добиться победы над Германией и захватить все ключевые районы континента.

Ряд документов, относящихся к англо-американской конференции в Квебеке в августе 1943 г. подтверждает, что западные союзники в то время уже сильно опасались односторонних действий СССР в Европе и вступления им на путь выдвигания «максимальных требований»³⁵, доказательством чему служит осуждение полученной от советского лидера телеграммы, в которой, по словам одного из ближайших советников Рузвельта, ставшего в октябре 1943 года послом в СССР, А. Гарримана, «в достаточно грубой форме предлагалось, чтобы Сталин имел куда большее участие в делах на определенных направлениях». Речь шла о телеграмме Сталина Рузвельту и Черчиллю от 22 августа 1943 г., в которой тот выражал свое отношение к введшимся Англией и Америкой переговорам с итальянцами о новых условиях перемирия. Сталин указывал на неосведомленность советского правительства о деталях этих переговоров и заявлял, что «До сих пор дело обстоит так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдавшего. Должен Вам сказать, — подчеркивал советский лидер, — что терпеть дальше такое положение невозможно...»³⁶.

Гарриман замечал, что «премьер-министр и президент были особенно раздражены, поскольку они старались держать Сталина полностью информированным. Однако невозможно, чтобы вначале раздражаться Сталиным потому, что он оставался в стороне, а затем из-за того, что он грубо присоединяется к компании». На самом деле, оценки и прогнозы Черчилля шли куда дальше. Он сказал Гарриману, что «предвидит в будущем кровавые последствия (используя слово «кровавые» в его буквальном смысле).

Сталин противоестественный человек, — подчеркнул британский премьер. — Будут серьезные неприятности»³⁷. Неизвестно, придерживался ли Рузвельт в тот момент подобного мнения, или нет, хотя было понятно, что эмоциональный британский премьер постарается убедить президента именно в таком развитии событий. В конце концов, Италия, на территории которой вели боевые действия англо-американские войска, равно как и Югославия, могли считаться Черчиллем сферой интересов только западных союзников.

На повестке дня лидеров западных союзников стояло решение об открытии второго фронта. В ключительном докладе объединенного англо-американского штаба президенту и премьер-министру, составленному 24 августа 1943 г. по результатам Квебекской конференции, говорилось уже о сроках начала мощной десантной операции в Европе — операции «Оверлорд», которая «явится главной операцией сухопутных войск и военно-воздушных сил Соединенных Штатов и Великобритании против стран «оси» в Европе (предварительная дата начала операции — 1 мая 1944 года)»³⁸.

Еще одним предметом беспокойства США был вопрос о том, как поведет себя Москва в освобожденных странах. Сотрудники Госдепартамента активно готовили аналитические записки, содержащие анализ будущей политики СССР. Интересным в этом плане представляется документ, подготовленный 1 сентября 1943 г. — «Современные тенденции советской внешней политики». В нем говорилось, что, несмотря на то, что СССР присоединился к Атлантической хартии и подписал союзный договор с Великобританией, он, тем не менее, отказывается от тесного военного сотрудничества с западными державами. Все это, по мнению аналитиков, указывало на то, что «советское правительство могло адаптировать в Европе такую политику, которая была бы независимой от западной, или даже противостоящей ей. Советские лидеры, по-видимому, желают сохранить позиции, позволяющие им иметь максимум свободы в определении альтернативной линии поведения. Они будут выбирать политику, зависящую от развития событий и учитывающую постоянные интересы государства... Он (СССР) требует восстановления своих границ по состоянию на 22 июня 1941 г., выступает против образования любого блока восточноевропейских государств, находящихся не под его контролем. Если западные державы будут выступать против подобной политики, шансы на то, что СССР отвернется от сотрудничества с ними и даже займет в отношении Запада враждебную позицию серьезно возрастут»³⁹. Именно поэтому у Рузвельта с осени 1943 года все более стало укрепляться понимание того, что Москва не отступит от своих территориальных интересов.

Встречаясь с А. Гарриманом, накануне отъезда последнего в Москву в качестве нового посла США, президент говорил, что надеется удержать Сталина

от односторонних действий в территориальных вопросах путем признания СССР в качестве великой державы и оказания послевоенной помощи, высказывал мысли — показавшиеся Гарриману даже наивными — в частности, о проведении плебисцита в Прибалтике⁴⁰. В своем меморандуме о беседе с Рузвельтом 2 сентября 1943 г. Гарриман отмечал: «президент [собирается] вести окончательные переговоры основываясь, главным образом, на разъяснении реакции мировой общественности на насильственные захваты. Очевидно, что Советы имеют силу предпринимать односторонние акции». В отношении Германии Рузвельт высказал соображения о разделе ее на три или пять государств и ликвидации ее воздушного флота. Зоны оккупации немецкой территории — три или четыре (если будет допущена Франция) — должны проходить через Берлин. Оккупационные силы, возможно, не будут большими⁴¹. Относительно сфер влияния в Европе президент не углублялся в конкретные подробности. Он не хотел, «чтобы США в военном плане напрямую отвечали за континент, разве только как дополнительная сила. Это должна быть работа Советского Союза, Великобритании и (возможно) Франции»⁴². Рузвельт подчеркивал, что США не заинтересованы в контроле над Европой, хотя американский лидер уже не говорил о «доминирующем влиянии» Москвы на европейские дела. Почему? Не являлось ли это тонкой игрой, смысл которой — оставаясь в стороне, следить за будущим противоборством на континенте Англии и России? Иными словами, не собирался ли Рузвельт сохранить за собой права арбитра европейского баланса, каковым в прошлые века считала себя Великобритания? Последующие события и поступки Рузвельта приоткрывают нам завесу над его подлинными замыслами.

Итак, осенью 1943 г. основной упор президент делает на возможности коррекции восточной границы Польши. В отношении Прибалтики сделка уступает место обращению к моральным ценностям. Отметим, что именно в этот момент — накануне встречи министров иностранных дел трех держав в Москве и последовавшей затем Тегеранской конференции, президент желает заручиться обещанием Сталина (пусть пока и устным) вступить в будущем в войну на Тихом океане.

Незадолго до Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, выступая 5 октября 1943 года перед представителями Госдепартамента, Рузвельт заявил: «В собственных интересах России, исходя из ее нынешнего положения в мире, сделать заявление о том, что спустя примерно два года после войны она организует еще один плебисцит в Балтии. Несмотря на то, что сама Россия считает предыдущий плебисцит окончательным, остальной мир, по-видимому, так не думает. Подобная идея может быть применима и к Восточной Польше. Президент полагает, что новая граница должна в лю-

бом случае проходить несколько восточнее линии Керзона. Лемберг [Львов] должен отойти к Польше, и там необходимо провести плебисцит после того, как население оправится от шока войны...».

Кстати говоря, президент затронул на этой встрече вопрос не только о западных, но и о восточных границах СССР. Рассуждая о международной опеке над различными «ключевыми пунктами безопасности» и островами в мировом океане в послевоенное время, он бросил фразу, что «Курильские острова должны на самом деле быть переданы России...». А некоторые примеры, приведенные президентом, напрямую затрагивали интересы СССР: так, «свободной зоной» под международным контролем, по его мнению, мог стать проход в Балтийское море через Кильский канал. Подобную зону Рузвельт предложил организовать специально для России применительно к Персидскому заливу⁴³.

Рузвельт вновь высказал идею раздела Германии на несколько государств, «которые будут полностью суверенными, но соединены общими почтовыми службами, едиными линиями коммуникаций, железными дорогами, таможенными правилами» и должны быть лишены любой активности в военной сфере. Восточная Пруссия — отторгнута от Германии, а все существующие там «опасные элементы насильственно переселены». Нежелательные последствия такого раздела Рузвельта особенно не волновали⁴⁴.

В отношении репараций с поверженного рейха президент учитывал возможную позицию СССР. Он отметил, что «они не должны быть обязательно денежные, они могут выплачиваться в форме предоставления рабочей силы и оборудования»⁴⁵. Именно такой вариант в последующем устроил и Сталина.

Военно-политическая ситуация в Европе и Азии, роль СССР в борьбе против блока агрессоров сделали невозможным для лидеров США и Великобритании ведение диалога с СССР с позиции какого-либо рода диктата. Однако в проектах повестки дня московской конференции аналитики Госдепартамента предлагали, что в случае если Советский Союз будет настаивать на признании его границ 1941 года, поставить перед ним вопрос — почему должны быть сделаны какие-то исключения в пользу СССР в обход основного принципа, что все территориальные и пограничные проблемы должны решаться не до, а после заключения мирного соглашения и одобрения некой формы международной организации для сохранения послевоенной безопасности. В инструкциях госдепартамента от 13 сентября 1943 г. подчеркивалось, что делегация Соединенных Штатов должна избегать «непоправимой» скоропалительности в уступках советским требованиям и не давать возможность увязывать их с успехом послевоенного сотрудничества СССР с западными демократиями⁴⁶.

На московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании проходившей осенью 1943 г., для выработки рекомендаций

по делам послевоенной Европы стороны решили учредить в Лондоне Европейскую консультативную комиссию. Государственный секретарь США К. Хэлл предложил также рассмотреть документ «Основные принципы капитуляции Германии», в котором предлагались меры по ее оккупации, демилитаризации и расчленения на несколько государств. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден одобрил этот план. Свое согласие высказал и В. М. Молотов, подчеркнув, однако, что СССР не желает пока открыто высказываться за жесткие меры к Германии. Вопрос о будущем германского государства был передан на рассмотрение ЕКК, которой также предстояло обсудить и французскую проблему.

Участники конференции приняли и ряд других документов: Декларацию об Италии, предусматривающую демократизацию всех политических институтов страны и Декларацию об Австрии, зафиксировавшую восстановление в будущем ее независимого статуса. В процессе дискуссий суждения Рузвельта о «4-х полицейских», которые будут охранять будущий мир, начали находить воплощение в межправительственных документах. 30 октября представители великих держав — Молотов, Хэлл, Иден, а также посол Китая в СССР Фу Бинчан подписали Декларацию, в которой говорилось о необходимости добиться безоговорочной капитуляции стран «оси» и «учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности» с участием в ней всех миролюбивых государств⁴⁷.

Встреча министров иностранных дел трех держав по сути дела открыла новый этап взаимодействия между союзниками. Накануне Тегеранской конференции Рузвельт как никогда нуждался в достоверной информации о мнении советского руководства по поводу перспектив советско-американского сотрудничества, и Гарриман старался не обмануть ожиданий президента. Суждения посла выглядели достаточно оптимистично. Однако Гарриман не оставлял в стороне и некоторые тревожные нюансы возможной будущей политики СССР. Так, он отмечал: «Советы остались очень довольны тем, как проходила конференция... Было интересно наблюдать за реакцией Молотова. По мере того, как он стал осознавать, что мы не собираемся выступать против него единым фронтом и готовы честно и открыто обсуждать наши предварительные наметки, он выражал все большее удовольствие тем, что впервые допущен к совещанию в качестве полноправного члена, обладая такими же правами как британцы, либо мы сами...» Гарриман заметил, что представители СССР готовы «сделать существенные уступки ради достижения еще большей близости между нами». Вместе с тем посол заметил, что «советское правительство будет твердо стоять на позиции, которую оно уже обозначило касательно своих границ 1941 г. <...> Проблема Польши еще более сложная, чем нам представлялось. Русские

относятся к нынешнему польскому правительству в эмиграции, как к враждебному и поэтому считают его совершенно неприемлемым. Они решительно настроены признать только такое польское правительство, которое являлось бы искренним и дружественным соседом. С другой стороны, Молотов вполне определенно сказал мне, что Москва желает видеть Польшу в качестве сильного независимого государства, безотносительно, какую социальную и политическую систему захотят избрать сами поляки. ... Но они решительно не настроены иметь на своих границах в Восточной Европе любое подобие санитарного кордона». Гарриман также счел своим долгом предупредить президента о том, что «несмотря на то, что русские собираются информировать нас о своих акциях, они предпочтут принимать односторонние действия в отношении этих [пограничных] стран, устанавливая с ними такие отношения, которые считали бы удовлетворительными для себя». Посол полагал, что «подобная жесткая линия могла бы быть пропорционально смягчена увеличением доверия Москвы к Британии и США в деле построения всемирной системы безопасности»⁴⁸.

Дискуссии по широкому комплексу военно-политических вопросов, происходивших в Москве, дали возможность главам держав Большой тройки более обстоятельно подойти к их обсуждению на конференции в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. Именно здесь лидерам трех ведущих держав Антигитлеровской коалиции удалось решить вопрос о сроке открытия второго фронта, который назначался на май 1944 г.

Обсуждался вопрос и о будущем послевоенной Германии. Однако, как вспоминал адмирал У. Леги⁴⁹, на конференции «не было достигнуто никакого определенного решения по вопросу о расчленении Германии, который длительное время обдумывал Рузвельт, хотя его план, казалось, был в принципе воспринят положительно»⁵⁰. Американский президент считал возможным появление на месте рейха пяти стран, международный контроль на Гамбургом, Кильским каналом, Рурской областью и Сааром. Но Сталин с недоверием отнесся к таким планам и избегал брать на себя какую-либо инициативу в вопросе. Он высказался за установление в Германии союзнического контроля над основными стратегическими пунктами и ликвидацию самой возможности будущей германской агрессии. Более того, опасаясь организации нового антисоветского кордона, он прохладно отнесся к предложениям западных лидеров о создании в Европе различных конфедераций государств (например Дунайской). Сталин поднял вопрос о возможности передачи СССР незамерзающих портов на Балтийском море, в частности — Кенигсберга. В итоге, германский вопрос (как это случилось и на Московской конференции министров иностранных дел) было решено отложить и передать на обсуждение Европейской консультативной комиссии.

Лидеры трех держав затронули сложнейшую польскую проблему, включавшую будущее политическое устройство этого государства и прохождение его границ. У. Леги подчеркивал, что во время Тегеранской конференции «проблема польских границ подробно не обсуждалась. После того как все в той или иной мере признали в качестве восточной границы Польши линию Керзона — Рузвельт, правда, конкретного согласия не дал,— вопрос о западных границах остался нерешенным, хотя три руководителя в принципе согласились, что Польша должна получить часть германской территории как компенсацию за тот район, который должен был остаться у России...»⁵¹.

30 ноября в день, когда Рузвельт объявил Сталину о сроках открытия второго фронта, на конференции был поднят вопрос и свободного выхода СССР к теплым морям. Причем инициатором обмена мнениями выступил не советский лидер, а британский премьер, сказавший, что СССР должен получить доступ к «незамерзающим портам». Сталин согласился с этим, добавив, что, по его мнению, надо было «пересмотреть вопрос и о режиме турецких проливов» — то есть выхода России из Черного моря, подчеркнув, что СССР «заперт также и на Дальнем Востоке», так как важнейшие проливы там контролируют японцы. Говоря о Дальнем Востоке в целом, Сталин не возражал против создания независимой Кореи и возвращения Формозы и Маньчжурии Китаю. После этого в разговор вступил Рузвельт, заостривший внимание на своей идее свободных портов. «На Дальнем Востоке, — по его мнению, — таким портом мог бы быть Дайрен». На возражение Сталина, что этим возможно будет недоволен Китай, Рузвельт ответил, «что Китай с этим будет полностью согласен». В конце дискуссии Черчилль заявил: «управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий»⁵².

Понятно желание Черчилля видеть Великобританию мощным и равноливающим членом коалиции великих держав. Но не будем забывать, что Черчилль говорил о Дальнем Востоке, где британские позиции за последнее время сильно пошатнулись. На роль главного арбитра в этом регионе претендовали США. В отношении европейских дел Черчилль предпочел выдержать паузу.

На Тегеранской конференции лидерам западных стран стало ясно, что лично для себя Сталин уже закрыл тему включения Прибалтики в состав Советского Союза. Как отмечает М. Гилберт, Черчилль, вернувшись из Тегерана, сообщил Идену: «когда Сталин говорил о Восточной Пруссии и Кенигсберге, он ничего не сказал о прибалтийских государствах, которые останутся под русским контролем при любых обстоятельствах», — и добавил: «запросы русских никак не выходят за пределы границ бывшей царской России, а в ряде случаев они заметно меньше»⁵³.

В Тегеране, в ходе личного контакта с советским лидером, свой окончательный подход к вопросу о прибалтийских республиках выработал и Рузвельт. Фактически, это было одобрение их вхождения в состав СССР, обусловленное желанием проведения там послевоенного плебисцита. Рузвельта особо не интересовали формы этого плебисцита и контроль над ним. Ему нужно было формальное согласие Сталина, которое он мог бы использовать для успокоения общественного мнения американцев и прежде всего выходцев из прибалтийских государств. 1 декабря 1943 года, учитывая предстоящие выборы, в разговоре со Сталиным, Рузвельт заявил, «в Соединенных Штатах может быть поднят вопрос о включении Прибалтийских республик в Советский Союз, и я полагаю, что мировое общественное мнение сочтет желательным, чтобы когда-нибудь в будущем каким-то образом было выражено мнение народов этих республик по этому вопросу. Поэтому я надеюсь, что маршал Сталин примет во внимание это пожелание. У меня лично нет никаких сомнений в том, что народы этих стран будут голосовать за присоединение к Советскому Союзу так же дружно, как они сделали это в 1940 году. Сталин ответил, что «у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю», что, конечно, по его мнению, не означало, «что плебисцит в этих республиках должен проходить под какой-либо формой международного контроля»⁵⁴. Рузвельт с этим согласился.

На последнем этапе Второй мировой войны, 1944–1945 гг., прибалтийский вопрос отошел в тень. Сталин считал его решенным, полагая, что американский президент будет вполне удовлетворен такой формой волеизъявления народов Прибалтики, как участие в выборах в Верховный Совет СССР, что де-факто доказывало желание населения Эстонии, Латвии и Литвы находиться в составе Союза ССР. Действительно, вскоре после войны, в феврале 1946 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР, а в феврале 1947 г. состоялись выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик, в которых приняло участие подавляющее большинство их коренного населения. Что касается дальнейшей американской позиции по отношению вхождения Прибалтики в состав СССР, то Вашингтон официально не признавал этого свершившегося факта, хотя и не выступал открыто против. Подобная позиция американского руководства была обусловлена прежде всего фактом изменившейся ситуации на фронтах войны и в целом на международной арене. Рузвельт продолжал популяризировать свою идею о «4-х полицейских». Но он, как опытный политический деятель, не мог не понимать, что только два из них — США и СССР — после войны будут реально располагать всем спектром военно-политических рычагов для бескомпромиссной защиты своих интересов. Если все главные вопросы послевоенного устройства мира

будут решаться в Вашингтоне и Москве, следовательно надо договариваться с СССР, втягивать его в решение проблем, имеющих глобальное значение, уходя от жесткой постановки вопросов о его собственных границах и сфер влияния в Восточной Европе. Как вспоминал К. Хэлл, осенью 1943 г. Рузвельт и его ближайшие помощники, к которым относил и себя, «хотели восстановления нормальных дипломатических отношений между Россией и Польшей, хотели, чтобы Советское правительство согласилось с широкими принципами международного сотрудничества после войны, сгруппированными вокруг создания организации по поддержанию мира. Но мы не собирались настаивать на урегулировании во время войны таких специфических вопросов, как определение границы между Польшей и Россией»⁵⁵. Как Рузвельт, так и его ближайшее окружение, действительно, считали, что СССР выйдет из войны одной из самых могущественных держав. Однако, что стратегия привлечения СССР к разрешению широких международных проблем приносила США значительный выигрыш по времени, позволяла сохранить западный образ жизни в наиболее развитых европейских странах, а в перспективе давала Америке шанс расширить свое военное и экономическое влияние в различных уголках планеты и добиться единоличного контроля над всем миром. Первым шагом к достижению подобной цели был разгром нацистской Германии.

После высадки англо-американских войск в Нормандии 6 июня 1944 г. сотрудничество держав Большой тройки достигло пика своего развития, причем одно из ведущих мест в дискуссиях Сталина, Рузвельта и Черчилля занимало будущее восточно-европейских государств и их границ.

Информация о том, что представлял из себя в то время американский политический Олимп, какие оценки относительно будущего сотрудничества с СССР, в том числе в европейских делах, существовали у самого Рузвельта и в различных правительственных кругах была представлена в докладе посла СССР в США А. А. Громыко наркому иностранных дел В. Молотову от 14 июля 1944 г. К тому времени, советский посол успел достаточно хорошо изучить механизм принятия решений в американском руководстве, знал позицию государственных и общественных деятелей в вопросе о сотрудничестве с СССР. Так, Громыко отмечал, что, несмотря на поддержку Конгрессом США курса Рузвельта в отношении СССР, некоторые республиканцы открыто выражают свои симпатии к лондонским полякам и «всячески поносят Рузвельта, пытаясь заставить его встать на сторону Польского Правительства и поддержать притязания последнего по территориальному вопросу», а сам Рузвельт также учитывает мнение польского меньшинства. «Объясняется это в значительной степени политическими соображениями, связанными с предвыборной кампанией. Рузвельт пытается удержать голоса американских поляков за собой в предстоящих

выборах (ноября 1944 г.)». Особо в этой связи советский посол подчеркнул, что американские католики поддерживают эмигрантское правительство в Лондоне и распространяют антисоветскую пропаганду.

Громыко добавлял, что в некоторых официальных и деловых кругах США были распространены сомнения по поводу судьбы некоторых стран Европы. Эти круги «они считают, конечно, неизбежным усиление влияния Советского Союза в Польше, Германии, Финляндии, на Балканах, а также в других странах Европы. Однако больше всего их тревожит мысль о возможных социальных переворотах в европейских странах, могущих произойти в результате усиления влияния Советского Союза в Европе в ходе войны»⁵⁶.

Касаюсь линии Рузвельта на сотрудничество с союзниками, Громыко отмечал, что за это выступает большинство населения Америки. Твердую позицию в этом вопросе занимает Демократическая партия, и даже «Республиканская партия все более приходит к выводу о необходимости, в интересах же США, сотрудничества с другими странами, и прежде всего с такими крупнейшими странами мира, как Советский Союз и Британская империя»⁵⁷.

Громыко подчеркивал также, что в течение определенного времени США будут, безусловно, заинтересованы в сохранении мира по причине огромного усиления в ходе войны их военного и экономического потенциала. Однако в этой части доклада он сделал, пожалуй, одно из наиболее важных замечаний, которое касалось объективного положения дел и не зависело от личности президента. «США за годы войны значительно увеличили производственный аппарат, — отмечал посол. — Американская промышленность... сделала также большой технический прогресс. Ввиду этого деловые круги США считают, что, несмотря на высокий прожиточный минимум в стране, другие страны не в состоянии будут после войны выдерживать конкуренцию с промышленностью США и что Соединенные Штаты в этом отношении будут находиться в преимущественном положении по сравнению с другими странами... [США] будут, безусловно, заинтересованы в использовании в максимальной степени в мирной обстановке тех выгод и преимуществ, которых они уже добились и которых еще добьются в ходе войны». Громыко подчеркивал также, что «в этом свете только и можно понять готовность Соединенных Штатов принять активное участие в международной организации по поддержанию мира и безопасности»⁵⁸.

По поводу позиции США в так называемом «прибалтийском вопросе» и в целом участия СССР в послевоенном устройстве Европы Громыко писал: «Правительство Рузвельта считает, что вопрос о прибалтийских странах решится сам собой при освобождении этих стран Красной Армией. ... Тем не менее время от времени антисоветская пресса, а также представители национальных прибалтийских меньшинств в США могут и впредь жевать

прибалтийский вопрос». Посол далее отмечал, что после заявления Москвы по поводу Румынии о том, что СССР не имеет намерения менять политический строй этого государства, беспокойство официальных и деловых кругов США относительно тех стран Восточной Европы, куда вошли или в скором времени должны были войти советские войска несколько улеглось. «Однако, — замечал посол, — оно не устранило существующих подозрений в отношении СССР и не устранило тревогу за судьбу, в частности, балканских стран»⁵⁹.

Расширение сферы советского влияния в Юго-Восточной Европе не входило в планы западных стран и прежде всего Великобритании, неразрешенным вопросом оставался также контроль со стороны СССР над стратегическими проливами Босфор и Дарданеллы. Авторитет СССР среди балканских народов заставлял Лондон думать об ослаблении здесь позиций Москвы. Позиция Великобритании нашла в последующем полную поддержку со стороны США. Понимая, что не в силах влиять на политический курс и социальный строй Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Лондон и Вашингтон приложили максимум усилий для того, чтобы запирающие выход в Средиземное море Турция и Греция оставались в сфере западного влияния.

По мере успешного продвижения Красной Армии к своим границам на центральном направлении — ведущим через Польшу непосредственно к сердцу Германии, интересы Москвы и западных союзников все больше обращались именно к этому региону Европы. И именно Польша явилась своеобразным тестом на прочность всего военного и политического авторитета Запада в противовес СССР.

В дискуссии союзников по польскому вопросу решило вмешаться само польское эмигрантское правительство. 1 августа 1944 года, в оккупированной немцами Варшаве вспыхнуло антифашистское вооруженное восстание, инициированное руководителями Армии Крайовой в рамках разработанного эмигрантским правительством плана освобождения польской столицы до момента вступления в нее частей Красной Армии. Восстание было слабо подготовлено и ко 2 октября потерпело поражение. В ходе боев и террора немецких оккупантов погибло около 200 тыс. чел., а Варшава была почти полностью разрушена. В этой связи, 5 сентября 1944 г. Москва направила Лондону официальное послание, возлагая ответственность «за варшавскую авантюру, предпринятую без ведома советского военного командования и в нарушение оперативных планов последнего на польское эмигрантское правительство»⁶⁰. На казалось бы безоблачном небе союзнических отношений, установившихся после 6 июня 1944 г., появились признаки надвигающейся грозы.

Такой поворот событий стал предметом тщательного анализа и в американском правительстве. Известно, что Государственный департамент, руко-

водители ряда государственных, военных и разведывательных подразделений США в этот период войны все настойчивей старались убедить Рузвельта в необходимости перехода к бдительной и формальной политики в отношении СССР, когда речь заходила об определении дальнейшей судьбы ряда восточноевропейских государств⁶¹. Их выводы и советы базировались в том числе на информации, поступавшей от американского посла в Москве А. Гарримана. 9 сентября он писал в телеграмме Г. Гопкинсу: «Советы совершенно игнорируют наши интересы и не желают обсуждать даже насущные вопросы». Упомянув о нежелании русских продолжать операцию «Фрэнтик»⁶², о запрете на доступ американских представителей в Румынию и ряд других нерешенных проблем, посол особо отметил: «Теперь же я чувствую, что те, кто выступает против нашего взаимодействия, уже оформили свою позицию. ... Советские требования к нам становятся все настойчивей... Общее настроение [советских официальных лиц] следующее — американцы обязаны помогать России, поскольку именно Россия выиграла эту войну для Америки.

Я убежден, что мы можем изменить эту тенденцию. Но это произойдет только в том случае, если мы существенно изменим всю нашу политику в отношении советского правительства. Представляется, что Советы неправильно воспринимают нашу генеральную линию по отношению к ним. Они считают ее за проявление нашей слабости.

Пришло время, когда мы должны прояснить нашу позицию и высказать то, что мы ожидаем получить от Советов взамен проявленной с нашей стороны доброй воли. Иначе настанет такая ситуация, когда они начнут задираться везде, где у них существуют интересы. Их политика, несомненно, распространится на Китай и Тихий океан, когда они обратят свое внимание на этот регион. Не должно быть никаких письменных соглашений с Советами по каким-либо существенным вопросам, если в них не будет предусмотрено признание Москвой интересов других народов и политики взаимной выгоды»⁶³.

В октябре 1944 г. Гарриман был назначен представителем президента США на переговорах между Сталиным и Черчиллем в Москве, в ходе которых было заключено так называемое «процентное соглашение»⁶⁴ относительно распределения сфер влияния на Балканах⁶⁵. Американскому послу в СССР Гарриману не удалось присутствовать на той встрече между Сталиным и Черчиллем. Однако как Черчилль, так и Иден информировали его по ходу дела о содержании имевших место дискуссий. Рузвельт отрицательно относился к тому, чтобы какие-либо соглашения о распределении сфер влияния на континенте (в частности на Балканах) решались за его спиной. 4 октября 1944 через Гарримана президент направляет Сталину следующее послание: «Я твердо убежден, что мы втроем и только втроем можем найти решение по еще не согласованному вопросу.

В этом смысле я, вполне понимая стремление г-на Черчилля встретиться, предпочитаю рассматривать Ваши предстоящие беседы с Премьер-Министром как предварительные к встрече нас троих, которая, поскольку это касается меня, может состояться в любое время после выборов в Соединенных Штатах. При настоящих обстоятельствах я предлагаю, если Вы и Премьер-Министр это одобрите, чтобы мой Посол в Москве присутствовал на вашем предстоящем совещании в качестве наблюдателя от меня»⁶⁶. Интересна приписка Рузвельта сделанная персонально для Гарримана. «Вы должны иметь в виду, что нет ни одного вопроса — подлежащего, как я предвижу, обсуждению между Маршалом Сталиным и Премьер-Министром, которые не интересовали бы в высшей степени и меня. ...Сразу же после окончания переговоров, я жду Вас у себя. В ходе наших бесед Вы, конечно, будете иметь полную возможность проинформировать меня и мистера Хэлла о текущих делах и дать необходимые советы»⁶⁷.

Показательно, что Рузвельт стремился к тому, чтобы вопрос о будущем европейских (в т.ч. балканских) стран решался только при участии трех великих держав. Тем самым он показывал заинтересованность США в разрешении спорных ситуаций, даже если вопрос о «сферах влияния» на Балканах волновал прежде всего Россию и Великобританию. Речь могла идти как об экономическом, так и военном присутствии американцев в этой части Европы, выполнении ими функций посредника в конфликтных ситуациях. Соблюдение баланса сил в «пороховом погребе Европы» — в данном случае между СССР и Великобританией — оставалась актуальной задачей, и решить ее могла только третья, независимая в своих действиях великая держава. Для США наступало время примерить на себе мундир европейского арбитра, который долгое время носила Англия, а в середине XIX века пыталась заполучить и Россия. Подобная роль неизбежно вела к усилению американского политического, а следовательно и экономического влияния в регионе. Заслон такому влиянию со стороны СССР (экономика которого была слабее американской и к тому же пережила тяжелейшую войну) мог быть поставлен только с помощью радикальных изменений социально-политического строя в государствах, находившихся в сфере его интересов. Во всяком случае, Москва была заинтересована в официальном подтверждении своего влияния на Балканах, в то время как Вашингтон противился этому. И если этот регион невозможно было сразу поставить под международный контроль, то подготовка пространства для политических маневров в будущем, создание условий, при которых возможно в нужный момент блокироваться с одной из сторон ради сохранения и укрепления своих интересов, была для США ключевой.

Так оно в дальнейшем и случилось. В феврале 1945 г. на Ялтинской конференции три державы приняли Декларацию об освобожденной Европе,

в которой, в частности, содержалось обязательство обеспечить ее народам создание демократических учреждений по их свободному выбору. Как отмечал Гарриман в телеграмме госсекретарю США в конце 1945 г., «Великобритания и Соединенные Штаты руководствовались принципами, изложенными в этой Декларации, и поэтому оба этих правительства выступили против тех акций, которые Советы предприняли в Румынии и Болгарии (имелось в виду поддержка прокоммунистических сил этих стран). В Потсдаме главы делегаций США и Великобритании заняли совместную позицию о непризнании образованных к тому времени правительств Румынии и Болгарии. Эта позиция была подтверждена и на конференции в Лондоне...»⁶⁸. В то же время Турция и Греция после войны полностью попали под влияние западных союзников, а вскоре на их территории появились военные базы, нацеленные против Советского Союза. Такую позицию США и Великобритании можно назвать вполне закономерной. Противостояние интересов СССР и западных держав полным ходом скатывалось к холодной войне, в которой противники должны были ослаблять друг друга на всех направлениях и с использованием самого широкого спектра военно-политических, экономических и идеологических методов борьбы. Но первый шаг к определению позиции США в балканских делах был сделан еще в октябре 1944 г. — то есть еще при жизни Рузвельта.

Весьма ценную информацию о взглядах американского президента в конце 1944 г. мы находим в меморандуме А. Гарримана о встречах с президентом между 24 октября и 18 ноября 1944 г.⁶⁹

Во время первой встречи с президентом Гарриман имел возможность рассказать президенту о деталях визита премьер-министра Черчилля в Москву. Рузвельт, по свидетельству Гарримана, выказал малую заинтересованность в восточноевропейских делах, считая «европейские вопросы настолько сложными, что лучше стоять от них подальше, по крайней мере, ограничиться проблемами, которые напрямую относятся к Германии...». В одной из последующих бесед, уже после выборов, Рузвельт сказал, что хотел больше времени посвятить тихоокеанскому региону.

Вторая беседа Гарримана с Рузвельтом произошла вскоре после выборов, 9 ноября. В части беседы, посвященной польскому вопросу, «президент стал развивать фантастическую идею о том, что Сталин мог бы согласиться с предложением оставить город Львов Польше. Город будет представлять собой как бы польский остров посреди украинских фермерских полей». Посол постарался объяснить президенту, что невозможно иметь капиталистический город посреди социалистической страны. На что Рузвельт ответил, что «крестьяне могли бы приезжать в город и продавать там свою продукцию за рубли». Гарриман возражал, что в СССР большая часть распределения фер-

мерской продукции контролируется государством, что ее свободная продажа в городе невозможна, не говоря уже о других чисто политических трудностях. Он убеждал президента до тех пор, пока Рузвельт не сказал, что «все это ему надоело», а посол «просто не желает помечтать вместе с ним».

Во время третьего разговора с Рузвельтом, 10 ноября, Гарриман получил возможность обсудить с президентом планы Сталина относительно участия Красной Армии в войне на Тихом океане, о предполагаемой кампании русских и сроках их выхода из Китая после окончания боевых действий.

Снова с президентом Гарриман встретился 17 ноября. Рузвельт вновь высказался о том, что русские все же «могли бы сделать жест доброй воли в отношении передачи Львова полякам». Гарриман более подробно объяснил президенту, почему Сталин не пойдет на такой шаг. «Сталин прекрасно понимает, что нельзя вначале внедрить социализм на какой-либо территории, а затем отменить его. Единственно надежным способом погасить ростки предубеждения и ненависти между поляками и русскими — это основать формальные и дружественные отношения между Польшей и Россией. Но наибольшую опасность для этого процесса будет иметь как раз неразрешенный вопрос о границе. Он станет служить постоянным раздражителем во взаимоотношениях между двумя странами. Вот почему Сталин хочет определиться с этим вопросом именно сейчас».

Президент, как показалось Гарриману, «первый раз за все время уловил эту мысль и добавил, что не имел бы никаких возражений против «линии Керзона», если сами поляки, русские и англичане пришли бы к взаимному соглашению относительно этого вопроса. Однако, поскольку Миколайчик хочет, чтобы он (президент) был посредником, то он одобрил бы обращение Гарримана к Сталину, в котором тот постарался бы объяснить советскому лидеру, почему было бы лучше, если бы Львов передавался Польше...»

Последняя беседа Гарримана с президентом во время его пребывания в Вашингтоне произошла 18 ноября. На ней присутствовал также Г. Гопкинс. В процессе дискуссии президент сказал, что он не беспокоится за график союзных операций на Тихом океане. Однако, по его мнению, «разгром Японии без помощи России стал бы чрезвычайно тяжелой задачей, решение которой потребовало бы большой крови», уточнив, что США «должны сделать все возможное, чтобы помочь Сталину в его планах». В конце своего меморандума о встречах с президентом Гарриман сделал ряд существенных примечаний: прежде всего, ему показалось, что во время встреч с президентом он «не смог убедить того в необходимости поддержания бдительной и формальной политики, когда речь шла о развитии политической ситуации в ряде восточноевропейских государств. Однако Государственный департамент, — подчеркивал Гар-

риман, — отлично понимает необходимость такой политики, без которой вся Восточная и Центральная Европа могут оказаться под влиянием, если не под полным контролем Советской России». Кроме того, посол вспоминал, что «при нашей [его и Рузвельта] встрече в мае 1944 г., президент сказал мне, что его не беспокоит проблема — будет или нет в странах, граничащих с Советским Союзом, введен коммунистический режим. В своих телеграммах президенту, которые я посылал ему в течении лета 1944 г., я старался прояснить свою позицию. Однако во время наших последних бесед, мне не удалось заострить его внимание на этом вопросе...»⁷⁰.

Как видно из вышеприведенного документа, в польском вопросе Рузвельт не собирался идти на открытый конфликт со Сталиным и не форсировал его окончательное разрешение. Пока идет война, и русские уничтожают германскую военную мощь, было бы неразумно ссориться с СССР из-за Польши. В октябре 1944 г. президент неожиданно порекомендовал премьеру эмигрантского правительства, посетившему Вашингтон накануне отъезда на переговоры в Москву (происходивших во время визита в СССР У. Черчилля), «оттянуть любое урегулирование о границах». Со своей стороны, госсекретарь США Э. Стеттиниус разъяснил полякам, что хотя в настоящий момент американцы не могут занять твердую позицию против СССР, «в недалеком будущем политика Вашингтона изменится, вернется к своим основным моральным принципам и сможет сильно и с успехом поддержать Польшу». Бережков полагал, что рекомендации Рузвельта Миколайчику отклониться в то время от договоренности по границам были связаны с предвыборной ситуацией, желанием показать американцам польского происхождения «жесткую» позицию США в польском вопросе. На телеграмму польского премьера из Москвы с просьбой поддержать позицию лондонских поляков, Рузвельт ответил лишь 17 ноября, то есть уже после президентских выборов. В тексте содержалась сухая констатация, что США поддержит любую договоренность, которую польское эмигрантское правительство достигнет с Советским Союзом⁷¹.

Вместе с тем в американском правительстве существовало большое количество ответственных лиц, которые выступали за активное противодействие требованиям Москвы. Рузвельт не мог не учитывать жесткую позицию в польском вопросе Госдепартамента, американского посольства в Москве, влиятельных общественных деятелей США. Поэтому проблемы польских границ и нового правительства Польши были обречены остаться одной из главных тем в дискуссиях между союзниками.

Представляется, что подчеркнутая Гарриманом «малая заинтересованность Рузвельта в восточноевропейских делах» основывалась на прагматичных соображениях и была тактическим маневром последнего. К тому времени Красная Армия, пройдя

по территории Румынии и Болгарии, выведя из войны Финляндию, вела бои на территории Польши, Венгрии, Словакии, Югославии. Перспективы же развития операций союзных англо-американских войск вызывали в то время серьезные опасения. Не самые веселые настроения присутствовали и в голове Черчилля, когда он, направляя 6 декабря свое очередное послание Рузвельту, отмечал: «Хотя на западном фронте было одержано много прекрасных тактических побед... фактически нам не удалось выполнить стратегическую задачу, которую мы возложили на свои армии пять недель тому назад. Мы еще не достигли Рейна в северной части и на самом важном участке фронта и должны будем вести крупнейшую битву еще много недель, прежде чем сможем надеяться достичь Рейна и создать там свои плацдармы. Но и тогда нам придется продвигаться дальше к Германии... К счастью, мы можем учитывать намерения русских. Сталин обещал нам провести зимнюю кампанию, которая, как я предполагаю, начнется в январе»⁷².

В конце 1944 — начале 1945 г. вопрос о Польше и ее послевоенном устройстве в межсоюзнических отношениях продолжал обостряться. В начале декабря достаточно нелюбезными посланиями относительно судьбы будущего польского правительства обменялись Черчилль и Сталин. 3 декабря британский премьер писал советскому лидеру, что отношение англичан к любой новой власти в Польше будет корректным, хотя и холодным.

Сталин 8 декабря ответил, что «министерские перестановки в польском эмигрантском правительстве теперь не представляют серьезного интереса. Это все то же топтание на месте людей, оторвавшихся от национальной почвы, не имеющих связей с польским народом. В то же время Польский Комитет Национального Освобождения⁷³ сделал серьезные успехи в укреплении своих национальных, демократических организаций на территории Польши...»⁷⁴.

В середине декабря немецкие войска начали свое последнее крупное контрнаступление на Западном фронте, нанеся 16 декабря 1944 г. внезапный удар в Арденнах. Силы союзников были поставлены в тяжелое положение. Ставка ВГК, передвинула сроки начала зимнего наступления Красной Армии с 20 на 12 января. И хотя к тому времени союзникам в основном удалось отразить немецкий удар, начавшееся советское наступление буквально обрушило весь германский фронт на Висле. Уже в начале февраля 1945 г. части Красной Армии, пройдя по территории Польши, вышли к Одеру. До столицы Третьего рейха им оставалось всего 60 миль. Теперь советские войска контролировали практически всю довоенную Польшу, вновь продемонстрировав союзникам мощь своих наступательных возможностей. Сравнение русского зимнего наступления с положением англо-американских сил на Западе выглядело не в пользу последних. Именно на этом фоне начала работу Ялтинская

(Крымская) конференция лидеров трех великих держав (4–11 февраля 1945 г.).

Накануне этого события в Москве, Лондоне и Вашингтоне шла активная подготовка к предстоящему обсуждению как военных, так и политических вопросов, включая будущее устройство государств Восточной Европы.

Информация из американского посольства в Москве имела большое значение для внешнеполитического ведомства США. Так, еще 10 октября 1944 г. советник посла Дж. Кеннан направил в Государственный департамент телеграмму, в которой изложил свое видение польской ситуации. Рассмотрев варианты экономического и финансового участия западных стран в восстановлении Польского государства, Кеннан выступил против конфронтации с СССР в деле будущего социально-политического устройства Польши. По его мнению, было бы гораздо выгоднее признать здесь интересы СССР, получив тем самым преимущество в диалоге с Москвой относительно других частей Европы и в вопросе создания международной системы безопасности⁷⁵.

При этом Кеннан, также как и Рузвельт, не видел перспектив противостоять СССР в сложившихся обстоятельствах, но не упускал из виду экономическую составляющую в будущем устройстве Европы — т. е. возможность использовать свои финансовые рычаги для последующего возвращения в лоно Запада уходящих в орбиту Советского Союза восточноевропейских государств. Уйти, чтобы вернуться — так, наверное, можно охарактеризовать его пока черновые наброски, легшие в основу ряда телеграмм в Госдепартамент с призывом к ограничению сфер влияния Москвы

На переговорах в Крыму лидеры трех стран подтвердили, что вооруженные силы СССР, США и Великобритании займут свои зоны оккупации Германии, причем Берлин будут выделен в особый район с совместным оккупационным режимом. Было принято решение о создании Контрольного совета по Германии в составе главнокомандующих трех держав, куда предполагалось пригласить также и Францию.

Конференция не решила вопроса о расчленении Германии⁷⁶. В отношении репараций с Германии первоначально обсуждалось предложение о 20 млрд. долларов, выдвинутое советской стороной. Однако британцы были против. В итоге, участники переговоров договорились лишь о формах изъятия репараций. Среди них указывались единовременные поставки в течение первых двух послевоенных лет (с целью уничтожения военного потенциала страны), ежегодные поставки текущей продукции, использование труда немцев.

Самые тяжелые дискуссии между участниками конференции развернулись по вопросу о Польше. Несмотря на то, что реальный контроль на территории Польши могли осуществлять теперь лишь про-советские силы, в Лондоне и Вашингтоне не теряли

надежды на реорганизацию польского руководства. При обсуждении этого вопроса Рузвельт отметил, что не возражает против «линии Керзона», но его положение было бы гораздо легче, если бы СССР дал возможность полякам сохранить «лицо», уступив им на южном участке этой линии (Рузвельт, несомненно, имел в виду Львов). Видимо, это была последняя попытка Рузвельта убедить Сталина скорректировать границу в выгодном для себя направлении. Однако благодаря твердости советской делегации было принято решение о том, что «Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлением от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши». Таким образом Львов оставался за СССР, но к Польше отошли ряд пограничных районов, включая г. Перемышль (Пшемысль), и Белостокская область⁷⁷. В то же время на Ялтинской конференции главы трех правительств признали, что «Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и Западе». Окончательное определение границы Польши было решено отложить до мирной конференции. Через несколько месяцев Потсдамская конференция трех держав закрепила Западную (Лаузитскую) Нейсе как западную границу Польши. Таким образом, территория Польши существенно расширилась за счет бывших германских областей.

Остро в Ялте стоял вопрос и о создании нового польского правительства. И здесь Рузвельт заметил, 6 февраля 1945 г. что «общественное мнение Соединенных Штатов настроено против того, чтобы Америка признала люблинское правительство, так как народу Соединенных Штатов кажется, что люблинское правительство представляет лишь небольшую часть польского народа...». Это мнение президента США поддержал Черчилль, отметив, что вопрос о Польше является для британцев «делом чести». Сталин со своей стороны заявил, что «для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей... Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства... На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию». Чтобы этого больше не произошло, подчеркнул Сталин, необходимо создание сильной, мощной и независимой Польши.

Советский лидер обратил внимание, что руководители варшавского правительства (после освобождения польской столицы в январе 1945 г. члены т. н. просоветского люблинского правительства переехали в Варшаву) — Берут, Осубка-Моравский и Роля-Жимерский не хотят слышать об объединении с лондонцами. Сталин подчеркнул, что он готов сделать все возможное для объединения поляков, но прежде всего он считал, что правительство страны,

освобожденной Красной Армией, должно обеспечить на своей территории порядок, предотвращение гражданской войны в тылу советских войск⁷⁸.

Рузвельту ничего не оставалось делать, как выдвинуть предложение отложить обсуждение польского вопроса. От того станет ли будущая Польша прозападной или просоветской зависело очень многое. В плане геополитическом возникал вопрос, будет ли она частью кордона, сдерживающего СССР или напротив — важнейшей частью пояса безопасности СССР. В плане идеологическом просоветская Польша в случае успешного восстановления экономики и улучшения качества жизни населения могла стать примером для других европейских стран в вопросе о выборе путей своего дальнейшего развития. Но в данных обстоятельствах у Вашингтона и Лондона существовал единственно возможный вариант — оставить польский вопрос в подвешенном состоянии, продолжая требовать создания коалиционного правительства. Отсутствие реальных перспектив перетянуть Польшу на свою сторону в настоящее время не означало, что такие перспективы не могли появиться в дальнейшем. В итоге всех дискуссий было принято следующее решение:

«Новое положение создалось в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией. Это требует создания Временного польского правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое правительство должно затем называться Польским Временным правительством Национального Единства...»⁷⁹.

Дискуссии о новом польском правительстве и его политическом курсе стали одной из причин обострения отношений между ведущими членами Антигитлеровской коалиции на заключительном этапе Второй мировой войны. Западные руководители, критикуя советскую позицию, занятую в отношении состава польского правительства, апеллировали, в том числе к «Декларации об освобожденной Европе», также принятой на Ялтинской конференции, которая декларировала «создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа...»⁸⁰.

Слова Декларации о создании в европейских странах «демократических учреждений, представляющих все демократические элементы населения» как бы резервировали за США и Великобританией возможность будущего несогласия с политическими мероприятиями Москвы в соседних восточноевропейских странах. Вскоре после Ялты и еще до смерти

президента Рузвельта такое несогласие стало объективной реальностью, оказывающей все большее воздействие на весь комплекс межсоюзнических отношений. Главным камнем преткновения оставалась Польша и состав ее Временного правительства. Конкретная работа по его созданию была возложена на т. н. «комиссию трех» из представителей СССР, США и Великобритании. Москва, не без основания воспринимая ялтинские решения по Польше как свой успех, активно поддерживала укрепление в стране власти «люблинских» (теперь уже «варшавских») поляков, правительство которых было признано Москвой еще в январе 1945 г.

Оценки такой политики англичанами и американцами становились все более жесткими. Понятно, что Черчиллю не могло не удовлетворять занятие США более жесткой линии к СССР, что позволяло Лондону надеяться на сохранение в будущем с помощью Вашингтона европейского равновесия и учета британских интересов. Однако Рузвельт размышлял более широкими категориями. В письме Черчиллю 29 марта 1945 г. он довольно откровенно изложил свое мнение о действиях Москвы после Ялтинской конференции. Рузвельт остро чувствовал приближение опасности как для решения текущих проблем, так и для хода конференции в Сан-Франциско⁸¹ и будущего всемирного сотрудничества. Соглашаясь с Черчиллем о необходимости выполнения обязательств, взятых в Крыму, в то же время он считал нужным показать советскому правительству «исключительно большую важность такого же отношения с его стороны». Особенно его волновали переговоры о Польше.

Рузвельт отметил, что это был «компромисс между советской позицией, смысл которой состоит в том, что люблинское правительство просто должно быть «расширено», и нашим мнением, суть которого заключается в том, что следует начать все сначала и содействовать формированию совершенно нового польского правительства». В заключении он согласился с Черчиллем, «что пришло время поставить непосредственно перед Сталиным вопрос о более широких аспектах советской позиции (особенно отнегив польскую проблему)»⁸².

1 апреля категоричное по форме послание от Рузвельта получил уже сам Сталин. «Я должен пояснить Вам исчерпывающим образом, что любое такое решение, которое привело бы к несколько замаскированному продолжению существования нынешнего варшавского режима, было бы неприемлемо и заставило бы народ Соединенных Штатов считать, что соглашение, достигнутое в Ялте, потерпело неудачу»⁸³.

Повод выразить свое возмущение вскоре появился и у Сталина. Речь идет о так называемом «бернском инциденте», возникшем в связи с секретными переговорами представителей США и Великобритании с эсэсовским генералом Карлом Вольфом, действовавшим по поручению высшего руководства Третьего рейха, на которых шла речь

о возможной капитуляции немецких войск в Италии перед англо-американскими силами. Вольф встретился с руководителем американской разведывательной резидентуры в Швейцарии А. Даллесом 8 марта 1945 года. Москва была уведоmlена о встречах своих союзников с немцами только 12 марта. Она в принципе не возражала против них, но при условии участия в переговорах советских представителей. Однако это условие было отвергнуто. Более того, Рузвельт попытался представить переговоры в Швейцарии как обычный зондаж о намерениях германского командования, после чего и произошел жесткий обмен посланиями между Сталиным и Рузвельтом.

5 апреля Черчилль отправил президенту США телеграмму, в которой настаивал на занятии еще более жесткой позиции к СССР. «... Я почти уверен, — говорилось в телеграмме, — что советские лидеры, кто бы это ни был, удивлены и расстроены быстрым продвижением союзных армий на западе и почти тотальным поражением противника на нашем фронте, особенно потому, что, как они сами говорят, они не смогут нанести решающий удар до середины мая. Все это делает особенно важным, чтобы мы встретились с русскими армиями как можно дальше на востоке и, если обстоятельства позволят, вступили в Берлин... Мне представляется исключительно важным, чтобы наши страны в данной ситуации заняли твердую и жесткую позицию, с тем чтобы прояснить обстановку и чтобы русские поняли, что нашему терпению есть предел»⁸⁴.

Как видно из этого послания, Черчиллю волнует, прежде всего, послевоенный расклад сил в Европе. Положение на Западном фронте к этому времени решительным образом изменилось, и от прошлого пессимизма британского премьера конца 1944 года не осталось и следа. Он видит возможность использования в политических целях успехов англо-американских войск, которые не допустили бы Красную Армию в самый центр Европы, и пытается заручиться в этом деле полной поддержкой Рузвельта.

Реакция Рузвельта была довольно сдержанной. Берлин, Вена, другие европейские столицы — конечно же, являлись важными стратегическими центрами, и Рузвельт не мог не понимать этого. Но кто мог предсказать тогда реакцию Советского Союза, стремившегося по праву державы, внесшей наибольший вклад в победу, триумфально войти в столицу Третьего рейха? В конце концов, Рузвельт не стал вмешиваться в распоряжения генерала Эйзенхауэра, который, несмотря на настойчивые призывы Черчилля, так и не отдал приказ о нанесении удара по Берлину. Расчет американского президента был более тонким, а прогноз дальнейшего развития событий более обоснованным.

В любом случае, у Рузвельта, в отличие от Черчилля, в плане дальнейшего участия США в европейской политике и будущего взаимодействия на этом пространстве с СССР были куда более круп-

ные козыри. Во-первых, возросшая экономическая мощь США и расширение поля деятельности связанного с нею банковского капитала. На восстановление европейских стран, их дальнейшего социально-экономического развития необходимы были огромные средства, и у Америки их было намного больше, чем у СССР. Соревнование двух систем на европейском пространстве только началось, и было понятно, что Соединенным Штатам будет намного легче справиться с послевоенными экономическими трудностями в Западной Европе, чем СССР — в Восточной. Будущее двух систем в Европе могло решиться тогда путем сравнения их достижений самими европейцами в условиях перенапряжения и последующего отставания советской социально-экономической модели.

Во-вторых, в США заканчивалась разработка атомного оружия. И хотя вопрос о его потенциале оставался в то время не до конца ясным, было понятно, что оно будет обладать невиданной ранее разрушительной силой. Рузвельт так и не сказал ничего Сталину об этом оружии и его характере. Неизвестно — собирался ли Рузвельт размахивать этой «дубинкой», как потом его преемник Г. Трумэн. Но сам факт сокрытия атомной бомбы от официальных советских властей говорит, прежде всего, об имевшихся у Вашингтона намерениях использовать ее в качестве средства политического давления. Последующие события второй половины 1945 и 1946 гг., к сожалению, подтверждают эту мысль.

12 апреля 1945 г. Рузвельт ушел из жизни. Безусловно, сами Соединенные Штаты, страны антигитлеровской коалиции, в целом мировое сообщество потеряло в его лице выдающегося политического деятеля, сторонника недопущения на планете новых мировых конфликтов. За время своего нахождения в Белом доме он сделал немало, чтобы американцы стали смотреть на происходящие вокруг них события его глазами — сквозь призму именно его внешнеполитической концепции. Без сомнения Рузвельт был искренен в своем стремлении сделать мир более безопасным, но эта безопасность, конечно, должна была учитывать прежде всего интересы США и работать на укрепление американского влияния во всем мире.

Как стали бы развиваться события, если бы Рузвельт не умер в 1945 г.? Возможно советско-американские отношения не претерпели бы столь резких перемен, как это случилось в конце 1945 г. — начале 1946 гг.? Видимо, да. Но и тогда Рузвельту пришлось бы учитывать объективные тенденции взаимодействия стран на международной арене. Речь идет о геополитических интересах и потенциальных возможностях Соединенных Штатов, использующих свою идеологию в качестве дополнительного рычага в достижении выгодного баланса сил, что в полной мере проявилось уже в ходе Думбартон-Окской конференции (21 августа — 28 сен-

тября 1944 г.). При обсуждении вопроса о порядке голосования в будущем Совете Безопасности ООН, делегация СССР настаивала на том, чтобы решения, относящиеся к предупреждению агрессии, принимались большинством голосов и при согласии представителей всех постоянных членов Совета. Представители же США и Великобритании не соглашались на участие в голосовании страны, непосредственно затронутой спором. Такая позиция западных держав могла поставить присутствие СССР в Совбезе в невыгодное положение. Вопрос был отложен. В последующем в переписке между Рузвельтом и Сталиным был достигнут компромисс, суть которого была в том, что важнейшие вопросы требовали единогласия постоянных членов, для решения процедурных хватало большинства. На учредительной конференции ООН в Сан-Франциско (24 апреля — 26 июня 1945 г.) советской делегации, которую до 8 мая возглавлял В. М. Молотов, а затем А. А. Громыко, удалось отстоять принцип единогласия, а вводимое «право вето» гарантировало, что Совет Безопасности ООН не будет использован каким-либо государством или группой государств в своих целях.

Что же касается США, то к концу войны ликвидация их присутствия на континенте, в том числе военного, могла теперь рассматриваться в Вашингтоне только в случае воздействия крайне неблагоприятных обстоятельств. О том, что это могли быть обстоятельства говорилось в «Меморандуме о возможном развитии отношений между США и СССР в послевоенное время», разрабатывавшемся в недрах Управления Стратегических служб в апреле — в начале мая 1945 г. Для каждого конкретного примера развития международной ситуации предлагался наиболее подходящий компромисс, основанный на взаимодействии трех держав — США, России и Великобритании. Имеет смысл привести отрывки из пояснительной записки к меморандуму, которую директор УСС У. Донован⁸⁵, приложил 5 мая для нового хозяина Белого дома Г. Трумэна⁸⁶. Некоторые строки говорят сами за себя: «Решающее значение будет иметь такое разрешение германского вопроса, которое будет удовлетворять интересам как СССР, так и Америки, в сфере которой находятся западно-европейские страны. Это обеспечило бы значительный противовес влиянию России. В Меморандуме предлагается сделать все возможное для поддержки в западноевропейских странах экономического благосостояния и популярных демократических режимов, которые во взаимодействии с Великобританией и Соединенными Штатами стремились бы создать баланс позиции России.

Если же военные представители почувствуют, что в ближайшие годы западные демократии не смогут выстоять против России, то возникнет необходимость уйти из Европы и обратить все силы на защиту нашего Западного полушария.

Поэтому, необходимо предусмотреть следующие шаги:

1. Укрепление существующих и организацию новых баз в Атлантике;
2. Организацию совместной оборонной системы для всех американских стран. Этот пункт подчеркивается особо, поскольку побережье Южной Америки открыто для вторжения, и кроме того, она является важным источником сырья для нашей военной промышленности.

Что касается Азии, документ заостряет внимание на следующем обстоятельстве — мы не можем игнорировать тот факт, что после разгрома Японии Россия станет на Дальнем Востоке еще более грозной силой. В меморандуме подчеркивается, что в интересах нашей безопасности будет укрепление американских позиций на островах Тихого океана»⁸⁷.

Рузвельт был сторонником системы коллективной безопасности, критически переосмыслившим деятельность Лиги наций и полагавший, что безопасность народов в будущем должна зависеть, прежде всего, от великих держав. Действительно, альтернативы системы коллективной безопасности, получившей свое воплощение в Уставе ООН, принятом на Сан-Францисской конференции, на тот момент у мирового сообщества просто не существовало. Был создан

реальный орган, ответственный за принятие и контроль важнейших постановлений — Совет Безопасности ООН. Во многом благодаря его работе после 1945 г. мир смог избежать новой глобальной войны.

В то же время процесс суждений Рузвельта о всей системе коллективной безопасности прошел несколько стадий. Непосредственно СССР и его участия в европейских делах, мнение президента США базировалось прежде всего на ее потенциале и непосредственных результатах борьбы с нацистской Германией. После поражения немцев под Москвой Рузвельт стал рассматривать Советский Союз в качестве одного из 4-х послевоенных «полицейских». Советские победы под Сталинградом и Курском заставили Белый дом активизировать работы, связанные с прогнозированием роли СССР в будущем мире. С началом освобождения СССР стран Восточной Европы на суждения президента все большее влияние оказывали как складывавшаяся военно-политическая обстановка, так и мнение членов его окружения — государственных и общественных деятелей, дипломатов, военных. Именно факт становления СССР как одной из двух послевоенных супердержав, предопределил неизбежное столкновение интересов США и СССР, которое проявилось на пространстве Европы.

¹ См.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. / науч. рук. О. А. Ржешевский. Кн. 4: Вторая мировая война. Документы и материалы. Отв. Ред. М. Мягков, сост. Ю. Никифоров. М., 2002.

² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (Далее: FRUS). 1941. Vol. I. Washington, 1958. P. 766–767.

³ New York Times, 1941. June 24.

⁴ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 1, М., 1958, С. 495–496.

⁵ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. 1941–1943. М., 1984. С. 482.

⁶ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны» Т. I. М., 1944. С. 147–148.

⁷ Опул. в: Ржешевский О. А. Война и дипломатия, 1941–1942. Документы, комментарии 1941–1942. М., 1997 С. 26–28.

⁸ Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 54.

⁹ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / пер. с англ. М., 1995. С. 217–218.

¹⁰ там же, С. 218.

¹¹ Сиполс В. Великая Победа и дипломатия. М. 2000. С. 91.

¹² Кошкин А. А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 180–185.

¹³ Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 91–92.

¹⁴ US. Library of Congress. Manuscript Division. W. A. Harriman Papers. (далее WHP) Chronological file (далее CF) Cont. 161.

¹⁵ Комитет по вопросам послевоенных международных отношений был образован при Госдепартаменте США в начале 1942 г. В его работе приняли участие Государственный секретарь К. Хэлл, его заместитель С. Уэллес, помощник Госсекретаря Э. Стеттиниус, а также ряд известных дипломатов: Л. Пазвольский, Х. Ноттер, Н. Дэвис и др. Комитет занимался разработкой вопросов послевоенного мироустройства и исследованиями, касающимися роли США в разрешении различных внешнеполитических проблем. Большой интерес представляют записи Комитета (сделанные, по-видимому, Х. Ноттером), фиксировавшие устные суждения Ф. Рузвельта по вопросам международных отношений.

¹⁶ U.S. National Archive. Archive II., College Park, VA. (далее NA) RG 59. Entry 498. Box 54.

¹⁷ WHP. CF. Cont. 161.

¹⁸ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 110–111.

¹⁹ Там же С. 157.

²⁰ Мальков В. Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 392.

²¹ Кимболл У. «Семейный круг»: послевоенный мир глазами Рузвельта // Вопросы истории. 1990, Т. 12. С. 5.

²² Мальков В. Л. Указ. соч. С. 391.

²³ Публ. по: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 2, М., 1958. С. 282–285, 431–432.

- ²⁴ WАНР.СF. Cont 163.
- ²⁵ Буллит У. (1891–1967) американский дипломат, посол США в СССР (1933–1936), посол США во Франции (1936–1941), специальный представитель Президента США на Дальнем Востоке (1941), помощник секретаря Военно-морского министерства (1942–1943).
- ²⁶ N. A. RG 59. Entry 498. Box 54.
- ²⁷ N. A. RG 59. Entry 498. Box 54.
- ²⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1991. С. 650–655. Объединенный комитет начальников штабов разработал и в августе 1943 г. представил на Квебекскую конференцию глав правительств США и Англии план «Рэнкин». Согласно этому плану в случае неожиданно быстрого полного разгрома вооруженных сил Германии Советской Армией англо-американские войска должны были срочно высадиться в Северной Франции и оккупировать возможно большую территорию Европейского континента.
- ²⁹ Поводом для разрыва Москвы с «лондонскими поляками» послужила германская информация о найденных под Катыню (на оккупированной вермахтом территории Смоленской области) могил польских офицеров. Польское эмигрантское правительство поддержало инициированное немцами расследование т.н. «катынского дела», при посредничестве Международного Красного Креста, доказывающего виновность в расстреле поляков Советского Союза. В ответ Москва объявила правительство В. Сикорского в пособничестве нацистской Германии и заявило о необходимости прервать с ним отношения.
- ³⁰ Liddel Hart B. History of the Second World War. L. 1970. P. 488.; Liddel Hart Centre for Military Archives. 9/31/46.
- ³¹ Сиполс В. Великая Победа и дипломатия. М. 2000. С. 166.
- ³² Robert I Gannon S.J. The Cardinal Spellman Story. N.Y., 1962. P. 222–224.
- ³³ На англо-американской конференции в Квебеке в августе 1943 г. были приняты важные решения, касающиеся стратегии подготовки вторжения в Европу, координации секретных разработок ядерного оружия и др.
- ³⁴ WАНР.СF. Cont. 164.
- ³⁵ WАНР.СF. Cont. 164.
- ³⁶ Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1976. С. 85.
- ³⁷ WАНР.СF. Cont. 164.
- ³⁸ Говард М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943. Пер. с англ. М., 1980. С. 434–435.
- ³⁹ WАНР.СF. Cont. 164.
- ⁴⁰ Печатнов В. О. Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946) // Новая и новейшая история 2002. № 3. С. 184.
- ⁴¹ В документе Госдепа США от 8 сентября 1943 г., — «Советская политика в отношении Германии» говорилось, что СССР «имеет намерение ограничить военную мощь Германии, чтобы она в будущем уже никогда не смогла угрожать безопасности Советского Союза. Однако СССР выступает против полного разоружения Германии, возможно, из-за своей теории, что „вакуум силы“ между Россией и Западом может стать полем для антисоветских интриг, возможно, из-за того, что считает разоруженную и бессильную Германию способной скорее повернуться на запад, чем на восток, в надежде получить оттуда необходимую экономическую помощь и восстановить свои позиции среди великих держав...». В документе также указывалось, что Москва, по-видимому, против всех планов разделения Германии на несколько мелких государств и собирается компенсировать Польше территориальные потери на востоке за счет предоставления ей взамен немецких земель на западе (имелись в виду земли Восточной Пруссии, Померании и Силезии (см. WАНР.СF. Cont. 164).
- ⁴² WАНР.СF. Cont. 164.
- ⁴³ N. A. RG 59. Entry 498. Box 54.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Cont. 164.
- ⁴⁷ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании... М., 1978. С. 346–348, 358.
- ⁴⁸ WАНР.СF. Cont. 170.
- ⁴⁹ Леги У. (1875–1959) адмирал флота (1944). Во Второй мировой войне — начальник штаба при верховном главнокомандовании вооруженными силами США, одновременно председатель Комитета начальников штабов.
- ⁵⁰ Леги У. Советник двух президентов // Вторая мировая война в воспоминаниях... М., 1990. С. 422.
- ⁵¹ Леги У. Указ. соч. С. 422.
- ⁵² Советско-американские отношения во время Второй мировой войны 1941–1945. Т. 1. М., 1984. С. 453–456.
- ⁵³ См.: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль... С. 404.
- ⁵⁴ Советско-американские отношения во время Второй мировой войны 1941–1945. Т. 1. М., 1984. С. 453–456.
- ⁵⁵ Хэлл К. Государственный секретарь США вспоминает // Вторая мировая война в воспоминаниях... М., 1990. С. 375–393.
- ⁵⁶ Советско-американские отношения, 1939–1945. Под. ред. Г.Н. Севостьянова; сост. Б. Жилиев, В. Савченко. М., 2004. С. 544–545.
- ⁵⁷ Там же С. 546.

- ⁵⁸ Там же. С. 548.
- ⁵⁹ Там же. С. 552.
- ⁶⁰ Великая Отечественная война. Военно-исторические очерки. Кн. 3. М., 1999. С. 460–461.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Кодовое название операции по организации авиационных челночных бомбардировок Германии с использованием в том числе аэродромов в районе Полтавы (1944 г.).
- ⁶³ WАНР. CF. Cont. 174.
- ⁶⁴ Черчилль поставил вопрос о распределении сфер влияния СССР и Британии на Балканах 9 октября 1944 г., во время первой в ходе его визита в Москву встречи со Сталиным. На этой встрече обсуждался также и польский вопрос.
- ⁶⁵ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 418–439.
- ⁶⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. 1944–1945. М., 1984. С. 224.
- ⁶⁷ WАНР. CF. Cont. 174.
- ⁶⁸ *ibid.*
- ⁶⁹ А. Гарриман находился в Вашингтоне с 21 октября по 19 ноября 1944 г. (в этот период прошли выборы президента США) с целью лично высказать Рузвельту свое мнение о необходимости ужесточения американской политики в отношении СССР.
- ⁷⁰ Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 175.
- ⁷¹ Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. С. 250–307.
- ⁷² Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны /Пер. с англ. — М.: ТЕРРА, 1995. С. 693–696.
- ⁷³ Польский комитет национального возрождения, как прообраз будущего правительства Польши, был создан при поддержке Москвы в июле 1944 г. 24 ноября премьер польского правительства в эмиграции С. Миколайчик подал в отставку из-за отказа членов его кабинета принять линию «Керзона» в качестве основы границы с СССР, произошедшего на фоне отсутствия поддержки со стороны западных держав польских требований о восстановлении границы 1939 г.
- ⁷⁴ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. М., 1986. С. 324–325, 328.
- ⁷⁵ WАНР. CF. Cont. 175.
- ⁷⁶ Любопытен тот факт, что, несмотря на создание в 1949 году Федеративной Республики Германии, а затем Германской Демократической Республики, то есть по сути отдельных стран, в 1-м томе Энциклопедического словаря, вышедшего осенью 1953 г., на карте-вклейке «Европа» Германия — в границах включающих ГДР и ФРГ — была обозначена еще как единое государство.
- ⁷⁷ В августе 1945 г. СССР передал Польше 17 уездов (районов) Белостокской области и 3 уезда (района) Брестской области Советской Белоруссии, с общим населением 1,4 млн. чел.
- ⁷⁸ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 499–506.
- ⁷⁹ Известия. 1945. 18 февраля.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Сан-Францисская конференция 1945 года 50-ти государств — учредителей Организации Объединенных наций (ООН), состоялась 25 апреля — 26 июня 1945 г. На ней был выработан окончательный текст Устава ООН.
- ⁸² Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны /Пер. с англ. — М.: ТЕРРА, 1995. С. 777–779.
- ⁸³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1986. С. 215
- ⁸⁴ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны /Пер. с англ. — М.: ТЕРРА, 1995. С. 793–794.
- ⁸⁵ Полковник Донован 11 июля 1941 г. (впоследствии генерал-майор) возглавил созданный по решению президента США Офис Координатора информации, призванный собирать разведывательную информацию, относящуюся к вопросам национальной безопасности США. Обработать информации, полученной ФБР, Госдепартаментом, Армией и Флотом США и т. д. также входила в его компетенцию. 13 июня 1942 г. Офис Координатора информации был переименован в Управление Стратегических служб (УСС), вошедшее в подчинение Объединенного Комитета начальников штабов США. В его составе были созданы отделы, занимавшиеся как получением разведанных, так и их исследованием и анализом (в т. ч. так называемый Исследовательский и аналитический департамент — «R&A»). Вскоре после войны большая часть его дел была передана в Департамент Стратегических служб при министерстве обороны, на базе которого в 1947 г. было создано Центральное разведывательное управление США (ЦРУ).
- ⁸⁶ Меморандум был подготовлен еще 2 апреля 1945 г. и предназначался для президента США Ф. Рузвельта, умершего 12 апреля 1945. Сам текст меморандума не публикуется.
- ⁸⁷ N. A. RG 226. M 1642. Reel 25.

Книга пятнадцатая

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ГАРМОНИЯ

Война после войны

Н. Н. Яковлев*

Эпохальный и сурово величественный год 1947-й в истории нашей Отчизны. В тот год были залечены первые раны, оставленные войной на теле Родины, — по осени уровень промышленного производства достиг довоенного. За сухими и точными строчками ЦСУ крылся гигантский труд народа по восстановлению сметенного и разрушенного войной на западе традиционной территории России, где и разыгрались исполинские сражения Великой Отечественной.

На пепелищах городов и сел, заводов и фабрик возрождалась мирная жизнь, которую строили вчерашние солдаты. Рабочими спецовками стали шинели, ватники, гимнастерки, списанные как б/у рачительными старшинами. Их, пропитанные порохом и хранившие пыль Европы, донашивала армия строителей-созидателей. Жить было трудно, проблемы, стоявшие перед страной, были гигантскими. Иного не было дано, собственными и только собственными силами прочно поставить на ноги государство, чтобы уверенно смотреть в будущее. Быстрее вернуть нормальную жизнь народу-герою, вынесшему на своих плечах тяжелейшую войну в истории.

Советские люди заслужили, завоевали право на резкий подъем жизненного уровня, наконец, отдых после сокрушительных тягот войны. Хотя делалось все возможное, работы оставался край непочатый. Дело было не только в наследии войны, напоминавшей о себе на каждом шагу. Ресурсы страны и после победы отвлекали военные, теперь именовавшиеся оборонными, нужды. Они властно напоминали о себе, когда еще не смолкли орудия Красной Армии. Вспышки ярче миллиона солнц — атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки — сурово предостерегли все человечество, на что способен вооруженный по последнему слову науки империализм. Пришлось уже

на рубеже войны и мира изыскивать и бросать громадные средства на создание новых дорогостоящих систем вооружения, в первую очередь атомного. А на счету был каждый рубль! Это не могло не затронуть жизнь всех советских людей, неизбежно сказывалось во всем и на всех.

В 1947 году генерал-полковник Е.И. Смирнов, возглавлявший медицинскую службу Вооруженных Сил в войну, как и многие, сменил военный мундир на штатский костюм. Ему, великолепному организатору гигантского дела в годы вооруженной борьбы, теперь был доверен пост министра здравоохранения СССР. Он принес в министерство свой богатый опыт — ни одна армия в мире не имела столь высокого процента бойцов, возвращавшихся в строй по излечению от ран, страна не знала в самое суровое время инфекционных заболеваний. Представитель гуманной профессии, Е.И. Смирнов со свойственной ему энергией взялся за постановку послевоенного здравоохранения. Он объезжал разоренные области и был потрясен. В Донбассе, в Макеевке, в больнице не могли предложить больным иной посуды, кроме консервных банок. Эти самые банки с загнутыми краями в руках больных были перед мысленным взором министра, когда он докладывал о первоочередных нуждах здравоохранения правительству. Нужны деньги. Их отпускали, но далеко не в нужных размерах. Министр бушевал, доказывал очевидное, но без большого успеха. И.В. Сталин, признав его заботу, безусловно, законной, указал: Смирнову, по должности знавшему о разработке атомного оружия, не подобало не понимать, куда идут средства.

Удовлетворение многих и очень многих кричащих нужд откладывалось. Но другого выхода не было. Над советским народом, спасшим цивилизацию и себя, снова нависла смертельная угроза.

* Н. Н. Яковлев — доктор исторических наук.
Глава из книги «ЦРУ против СССР».

***

Тогда в мире была единственная страна, располагавшая избыточными ресурсами, — Соединенные Штаты. Они не пострадали, а, напротив, расцвели в те годы, когда на полях сражений решались судьбы человечества. Мы находились в войне в одном строю, однако наш и американский вклады в нее оказались различными. На американской земле не разорвалось ни одного снаряда, ни один дом не был разрушен. Мы потеряли 20 миллионов бесконечно дорогих жизней, американцы — 400 тысяч человек. На каждых 50 погибших советских людей приходился один американец. В своих работах, относящихся к истории Второй мировой войны, я неоднократно прибегал к этому сравнению. Некоторые заокеанские историки, отнюдь не разделяющие наших взглядов, тем не менее не могут не признать справедливости этого сопоставления, хотя, разумеется, с не очень большой охотой. Американский историк профессор Д. Гэддис в книге «Россия, Советский Союз и Соединенные Штаты. Опыт интерпретации» (1978), сославшись на одну из моих работ, заметил: «Автор хотя и подчеркнуто, но точно указал — на каждого американца, убитого в войне, приходилось пятьдесят умерших русских»¹.

Совершенно различными оказались материальные потери. Война унесла треть нашего национального богатства. Вспомним: такую же долю национального богатства потеряла наша Родина в результате Первой мировой войны и последовавшей за ней гражданской войны. В цифрах утраченное нами в 1941–1945 годах выглядит следующим образом. По тогдашнему курсу война обошлась СССР в 485 миллиардов долларов (учитывая стоимость разрушенного). Военные расходы США на Вторую мировую войну — 330 миллиардов долларов. США оказывали противникам держав «оси» помощь по ленд-лизу, истратив на это 43,6 миллиарда долларов. Поставки по ленд-лизу Советскому Союзу составили около 10 миллиардов долларов, или примерно 3,5 процента от общих военных расходов США в годы Второй мировой войны. Вот эту цифру — 3,5 процента, точно отражающую вклад Соединенных Штатов в исполинские сражения на основном фронте борьбы против Германии и ее союзников, нужно всегда помнить, когда мы мысленно возвращаемся к боевому сотрудничеству наших стран в те годы.

В первые послевоенные годы Советский Союз посетило немало влиятельных или известных в своей стране американцев. Их тепло встречали, памятуя о недавнем военном сотрудничестве. Иных из них принимал или отвечал на их вопросы И.В. Сталин. Корреспонденту агентства Юнайтед Пресс Х. Бейли, спросившему, «заинтересована ли все еще Россия в получении займа у Соединенных Штатов», И.В. Сталин 29 октября 1946 года ответил: «Заинтересована».

Х. Бейли деловито осведомился: «Сколько времени потребуется для восстановления опустошенных районов Западной России? Ответ: Шесть–семь лет, если не больше»².

Сын президента Франклина Д. Рузвельта Э. Рузвельт 21 декабря 1946 года в интервью с И.В. Сталиным поставил вопрос по-иному: «Если между Соединенными Штатами и Советским Союзом будет достигнуто соглашение о системе займов или кредитов, принесут ли такие соглашения длительные выгоды экономике Соединенных Штатов?», на что получил ответ: «Система таких кредитов, бесспорно, взаимно выгодна как Соединенным Штатам, так и Советскому Союзу»³.

Логика уже не очень молодого, а следовательно, способного соображать отпрыска покойного президента была поразительна: что могут еще получить разбогатевшие Соединенные Штаты от израненного войной Советского Союза! Как будто мало того, что советские люди грудью прикрыли и Америку в минувшую войну!

А в то время действительно ожидалось, что США протянут руку союзнику военных лет в защите не только нашей Родины, но и дела Объединенных Наций. Все это осталось на стадии разговоров, ибо в высшем эшелоне власти в США были приняты противоположные решения. Спустя два десятилетия после описываемых событий Дж. Кеннан (тогда советник посольства США в Москве) написал в первом томе своих мемуаров, вышедшем в 1967 году:

«Тогдашние американские администрации, как Ф. Рузвельта, так и г-на Трумэна, впоследствии часто критиковали за то, что летом 1945 г. помощь по ленд-лизу России была резко прекращена, мы не предложили Советскому Союзу большего займа, а, по мнению некоторых, советским лидерам дали понять, что они могли рассчитывать на него... Должен признать, что если правительство США заслуживает критики за жесткую линию во всех этих делах, то я заслуживаю куда большей критики за то, что занял еще более жесткую позицию раньше, чем правительство, за то, что подстрекал и вдохновлял жесткость Вашингтона... Вот показательный пример моих взглядов, которые я в то время излагал послу и государственному департаменту: «Нет никаких оснований, ни экономических, ни политических, для предоставления России дальнейшей помощи по ленд-лизу или для нашего согласия на то, чтобы Россия, не являющаяся государством, делающим взносы в ЮНРРА⁴, получила сколько-нибудь значительную помощь от ЮНРРА или для предоставления американского правительственного займа России без получения эквивалентных политических уступок... Я не нахожу решительно никаких причин для раскаяния в содеянном».

Откуда такая ярость в отношении союзника Соединенных Штатов? Что, Кеннан не представлял нашей страны и нашего народа, он, отдавший всю жизнь изучению нас и считавшийся в те годы в США лучшим экспертом по делам Советского Союза? В его мемуарах мы находим поучительные эпизоды, проливающие свет на образ мышления тех, кто помогал формировать американскую политику. «На мои

взгляды по поводу возможной экономической помощи Советскому Союзу, — пишет он, — оказали воздействие впечатления во время поездки по Советскому Союзу вскоре после окончания войны в Европе». Советник американского посольства посетил Новосибирск, Кузнецк, и везде его радушно принимали, «приходилось выносить тот доброжелательный, но утомительный ритуал русского гостеприимства: «Вы ничего не едите? Попробуйте это!» Любезные хозяева не могли взять в толк, что задача Кеннана, замечает он в мемуарах, «побывать в Кузнецке, куда, насколько удалось узнать, вот уже несколько лет не заглядывал ни один иностранец с Запада, а я никогда не видел крупнейших советских заводов».

То была, по Кеннану, на редкость удачная поездка, он поглядел на все, что хотел. Проехал по тем районам, где в годы отгремевшей войны ковалась военная мощь Страны Советов. Вероятно, убедился в ней. Спустя десятилетия он идилично описывает запавшие в памяти дни, когда свободно говорившего по-русски американца никто не принимал за иностранца.

«У меня возникло ощущение, что я не чужак, а простой советский человек! Мои попутчики в самолете, по крайней мере, не принимали меня ни за кого иного. На аэродроме в Омске, в жару, сидя на траве в тени крыла самолета, я читал вслух по их просьбе случившуюся со мной книгу Алексея Толстого „Петр Первый“.

Вечерами в маленьких гостиницах при аэродромах я был с ними, как будто я был такой же, как они, рядовой человек. Мне было с ними просто и легко».

Но долг превыше всего! Открытые русские не могли и заподозрить, о чем думал и что решал рядом с ними некто в скромном поношенном пиджачке и неброской кепочке.

«Когда под самолетом медленно поплыли обширные равнины к западу от Волги, я стал размышлять в связи с моими милыми попутчиками о проблемах американской помощи России. Русские, как еще раз подтвердила моя поездка, великий и привлекательный народ. Совсем недавно они перенесли чудовищные страдания, частично за нас. Конечно, хотелось бы помочь, но разве это было возможно? Если народ находится под контролем сильного авторитарного режима, особенно враждебно настроенного к США, то, на мой взгляд, американцы почти ничем не могут помочь ему, не помогая одновременно режиму... Народ и режим, другими словами, диалектически взаимосвязаны, поэтому нельзя помочь народу, не помогая режиму, и нельзя нанести ущерб режиму, не нанося ущерба народу. Посему лучше не пытаться ни помочь, ни нанести ущерба, а оставить все как есть. В конечном счете то их тяжелое положение, а не наше».

Возвышенные, почти философские, а в сущности, скверные суждения! Сидя бок о бок с нашими людьми, Кеннан мыслит только антисоветскими стереотипами. Какой тут реализм! Колючими холодны-

ми глазами «эксперт» по Советскому Союзу смотрел на тех, кто «пострадал» и за США в годы войны, на это «их тяжелое положение», подчеркнув «их» в тексте. Ладно, это личное восприятие, а как насчет пресловутой «враждебности» к США? Неторопливо размазывая нить повествования, Кеннан описывает, как осенью 1945 года группа американских конгрессменов напросилась на прием к И.В. Сталину. Так о чем же говорили избранники американского народа в тот день со Сталиным? «Не могу припомнить содержание беседы конгрессменов со Сталиным (в архивах в Вашингтоне, конечно, есть ее запись), — замечает Кеннан, — у меня запечатлелся только наш подход в этом случае»⁵.

С «подходом» мы уже познакомились, что до содержания беседы, то нет необходимости ворошить архивы, языкатые конгрессмены по возвращении из СССР без промедления рассказали всем и каждому, зачем они ездили в Кремль. То были члены специального комитета конгресса по послевоенной экономической политике и планированию во главе с председателем комитета У. Колмером. Собрав и проанализировав их тогдашние высказывания по возвращении в США, Дж. Гэддис в книге «США и возникновение „холодной войны“ 1941–1947» (1972) изложил дело так:

«14 сентября 1945 г. делегации под руководством председателя комитета Уильяма М. Колмера от штата Миссисипи была оказана честь: Сталин принял ее. Колмер заявил советскому лидеру, что его комитет знает о желании России получить заем от США. Как, он хочет знать, Советы используют средства, как вернут их и что может Вашингтон ожидать взамен?... Делегация... сделала отчет государственному секретарю Д. Бирнсу, а затем совещалась с Трумэнном. Группа Колмера подчеркнула в беседах с обоими, что необходимо „ужесточить наш подход к Советской Республике“. Комитет Колмера был готов одобрить американский заем Советскому Союзу при условии, что русские примут определенные обязательства. Они должны сообщить, какая доля их производства идет на вооружение. Они должны сообщить важнейшие данные о советской экономике и дать возможность проверить точность этих данных. Советский Союз не должен оказывать помощи в политических целях Восточной Европе и доложить содержание его торговых договоров с этими странами. Как в СССР, так и в странах Восточной Европы, находящихся под контролем, Кремль должен гарантировать полную защиту американской собственности, право распространять американские книги, журналы, газеты и кинофильмы. Наконец, Соединенные Штаты должны настаивать на „выполнении русских политических обязательств на тех же условиях, как и другие правительства. Это включает вывод советских оккупационных войск в соответствии с Потсдамскими соглашениями и Ялтинской конференцией“. Коротко говоря, Колмер и его коллеги

требовали, чтобы Советский Союз в обмен на американский заем изменил свою систему правления и отказался от своей сферы влияния в Восточной Европе»⁶.

Были сказаны, как видим, вещи такого порядка, что не оставалось ни малейшего сомнения, кто настроен «враждебно» и к кому, а поэтому опытный дипломат Дж. Кеннан «забыл» их и любопытным порекомендовал сходить в архивы. Хотя с легкоразличимым раздражением он подвел итог беспримерному набегу американских конгрессменов на Москву:

«Эпизод, сам по себе, конечно, малозначительный, оказался одним из тех (а их было немало во время моей дипломатической службы), которые постепенно привели меня к глубокому скептицизму касательно абсолютной ценности личных контактов для улучшения межгосударственных отношений. Должен также заметить, что визитеры из нашего конгресса значительно отличались друг от друга по степени личной выгоды, которую они извлекали из этих поездок»⁷.

Последнее замечание, по необходимости темное под пером профессионального дипломата, проясняет поведение официальных лиц из США, гужом тянувшихся тогда в Москву. Летом 1946 года в нашу столицу явилась, например, делегация по вопросам репараций во главе с крупным нефтепромышленником Э. Поули; основная задача делегации заключалась в том, чтобы познакомить советские органы с принципом «первой заимки», а именно, разъясняет в книге «Потрясенный мир» (1977) американский историк Д. Ерджин, «репарации из текущей продукции, то есть из продукции германской экономики, снижаются до минимума. Во-вторых, экспорт из этой продукции сначала идет на оплату товаров, ввозимых с Запада, а только потом на репарационные поставки Востоку. Германия включается в многосторонний, находящийся под американским контролем мировой экономической порядок до выплаты репараций (в сущности, помощи) советскому союзнику... Некоторые члены американской делегации не скрывали своей враждебности, находя и эти директивы слишком мягкими, другие не могли сдерживать порывы к наживе. Ряд членов делегации Поули продал свои костюмы в Москве по спекулятивной цене — по 250 долларов за костюм»⁸.

Оказались мелкими спекулянтами. Они преуспели в этом и в срыве репарационных платежей Советскому Союзу, хотя к этому времени выяснилось — экономический потенциал Германии в 1945 году, несмотря на разрушения, был выше, чем в 1939 году⁹. Ни от «теоретиков» типа Кеннана, ни от практиков вроде Колмера, Поули и К° ожидать ничего хорошего нам не приходилось. По той простой причине, что Советский Союз в Вашингтоне считали врагом и вели себя соответственно.

***

Вот как они нас представляли и представляют по сей день. Тон многотомному докладу сенатской ко-

миссии Ф. Черча, расследовавшей в 1975–1976 годах деятельность разведывательного сообщества в США, задает вводная глава к этому официальному отчету. В ней сказано:

«Вторая мировая война ознаменовала поражение одного типа тоталитаризма. Но быстро вырос другой вызов тоталитаризма. Советский Союз, главный союзник США в войне, стал главным противником США в мире. Мощь нацизма лежала в руинах, но мощь коммунизма мобилизовывалась... Офицеры американской военной разведки одни из первых усмотрели изменение обстановки. Почти сразу после взятия Берлина Красной Армией американская разведка постаралась определить цели Советов. Офицер разведки Гарри Розницкий, впоследствии глава управления по делам СССР ЦРУ, был послан на „джипе“ в Берлин...» Он так описывал в показаниях комиссии (31 октября 1975 г.) свои впечатления: *«Мы въехали в пригороды Берлина и кричали: „Американцы!“; русские горячо приветствовали нас. На автострате, а я хорошо знал Германию до войны, нам бросилась в глаза колонна немцев моложе 16 и старше 60 лет, которых гнали на восток монголоидные солдаты ростом в 140–150 сантиметров в лаптях... Мы пробирались через руины Берлина, по большей части движение было односторонним, стараясь выяснить род оружия на погонах каждого встречного солдата... Насмотревшись вдоволь, а все мы трое очень нервничали, мы ринулись прямо из Берлина в английскую зону. Когда мы добрались туда, то очень развеселились, почувствовали облегчение, ибо целых 36 часов были в другом мире. Первое, что мне пришло тогда на ум, — Россия идет на запад»¹⁰.*

Не было этого — не «гоняли» советские солдаты немецких мальчишек и старцев на восток и не могли взять логово фашистского зверя — Берлин недомерки, да еще «в лаптях», не обозначали на фронтовых погонах номеров частей и не «шла Россия на запад». Все врал паршивец в мундире офицера американской разведки своему начальству тогда, а спустя тридцать лет — стариком — сенаторам. Он представил полуторасуточное пребывание в Берлине как некий «подвиг». А его вместе с двумя такими же подонками наверняка сердечно приветствовали советские воины. Как союзников, не ведая в радости победы, что к ним прикатила паскудная компания глуповатых шпионов¹¹.

Какой спрос с молодого, хотя и подававшего надежды, прохвоста Г. Розницкого? А генерал Д. Паттон, прославленный в США герой той войны, — ему, казалось, надлежало быть серьезнее. Куда там! Он открыл, что русские — «вырождающаяся раса монгольских дикарей», каждый из нас и все мы вместе «сукины сыны, варвары и запойные пьяницы»¹². Вот так, и не иначе!

Что касается высшего командования американских вооруженных сил, то оно определило Советский Союз потенциальным «врагом» задолго до окончания Второй мировой войны. Исходной посылкой замечательного заключения на первых порах были отнюдь

не умозрительные соображения, а факторы, поддававшиеся количественному учету, — какое государство окажется, помимо США, наиболее сильным в послевоенном мире. Таковым мог быть и оказался только и исключительно Советский Союз, следовательно, вот он, «враг»! Параметры врага определялись, следовательно, не его намерениями, а физическими возможностями великой державы — Советского Союза вести войну. Бескрылый профессионализм (с политической точки зрения явный кретинизм) не мог не укрепить решительным образом антикоммунизм как идеологию, придав ему, во всяком случае, осязаемость в глазах официального Вашингтона.

Все это шло рука об руку с разработкой в американских штабах новой военной доктрины, основные контуры которой прояснились довольно рано. Уже в 1943 году, рассуждая о послевоенных проблемах, заместитель военно-морского министра Д. Форрестол публично учил: «Понятия „безопасность“ больше не существует, и вычеркнем это слово из нашего лексикона. Запишем в школьные учебники аксиому — мощь подобна богатству: либо используют ее, либо утрачивают»¹³. Тем временем исследовалось соотношение сил между США и СССР. Перед лицом побед Советских Вооруженных Сил комитет начальников штабов США пришел к реалистическим выводам относительно последствий вооруженного конфликта между нашими странами. Они были сформулированы в серии рекомендаций, представленных комитетом правительству, начиная со второй половины 1943 года, то есть после Сталинграда и Курска. Вероятно, самыми поучительными среди них были рекомендации, направленные 3 августа 1944 года государственному секретарю К. Хэллу, недвусмысленно предупреждавшие правительство против взлетов в политическую стратосферу без учета реальных возможностей США:

«Успешное завершение войны против наших нынешних врагов приведет к глубоким изменениям соответственной военной мощи в мире, которые можно сравнить за последние 1500 лет только с падением Рима. Это имеет кардинальное значение для последующих международных урегулирований и всех обсуждений, касающихся их. Помимо устранения Германии и Японии как военных держав, изменения соответственной экономической мощи главных государств, технические и материальные факторы значительно способствовали этим изменениям. Среди них: развитие авиации, общая механизация вооруженной борьбы и заметный сдвиг в военном потенциале великих держав.

После поражения Японии первоклассными военными державами останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз. В каждом случае это объясняется сочетанием их географического положения, размеров и громадного военного потенциала. Хотя США могут перебросить свою военную мощь во многие отдаленные районы мира, тем не менее относи-

тельная мощь и географическое положение этих двух держав исключают возможность нанесения военного поражения одной из них другой, даже если на одной из сторон выступит Британская империя»¹⁴.

Американские высшие штабы своевременно поняли и оценили происходившее тогда: исполнинские победы Советского Союза привели к созданию военного равновесия в силах между СССР и США, а в широком плане между социализмом и капитализмом. Здесь коренятся истоки всего послевоенного развития международных отношений. Если Великий Октябрь был прорывом в цепи капитализма, то победа СССР в Великой Отечественной войне создала равновесие в силах между социализмом и капитализмом. Обратить вспять, опрокинуть сложившееся в результате советских побед соотношение сил — в этом усматривал свою генеральную задачу Вашингтон.

Американские военные, мыслившие привычными категориями голой силы, стали приискивать надлежащие средства для удара по «врагу», то есть Советскому Союзу. Философским камнем при решении проблемы, представлявшейся неразрешимой в рекомендациях, относящихся к 1943–1944 годам, явилось атомное оружие. Еще до его испытания и использования в высших советах Вашингтона обозначилось согласие, что угроза атомной бомбы, зашифрованной под кодовым названием S-1, заставит СССР «либерализовать» свой строй и отказаться от плодов победы в Европе. Военный министр Г. Стимсон, по крайней мере, вынес такое впечатление от бесед с Ф. Рузвельтом. В одной из записей Стимсона после встречи с Рузвельтом значится: «Необходимость ввести Россию органически в лоно христианской цивилизации... Возможное использование S-1 для достижения этого...»¹⁵. Учитывая крайнюю секретность всего связанного с атомной бомбой, Стимсон по необходимости был краток в записях — отточия и сокращения документа.

После сожжения атомными бомбами Хиросимы и Нагасаки и еще до капитуляции Японии комитет начальников штабов США приступил к разработке планов новой войны. Они были зафиксированы в директивах 1496/2 «Основа формулирования военной политики» и 1518 «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США», утвержденные комитетом начальников штабов соответственно 18 сентября и 9 октября 1945 года. Тогда вся эта документация была строго засекречена, в наши дни для некоторых американских исследователей открыт к ней ограниченный доступ.

В работе М. Шерри «Подготовка к следующей войне», увидевшей свет в 1977 году, сказано:

«Мы не нанесем первого удара», — заверил конгресс Эйзенхауэра поздней осенью (1945 г.), однако секретные планы свидетельствовали об обратном. Даже в публичных заявлениях некоторые военные прозрачно намекали на мудрость превентивного удара. Законность первого удара, лишь подразумевавшаяся

в ранних планах, отныне безоговорочно подтвержда-
лась комитетом начальников штабов...

На серии штабных совещаний был усилен акцент
на действиях в плане превентивных ударов. Штабные
планировщики потребовали включить в директиву
1496 подчеркнутое указание на нанесение «первого
удара», настаивая: «На это следует обратить осо-
бое внимание с тем, чтобы было ясно — отныне это
новая политическая концепция, отличная от амери-
канского отношения к войне в прошлом...»

В случае большой войны некоторые ее цели были
ясны. США должны «следовать нашей единственной
политике, которой мы придерживались в течение
тридцати лет. Мы предпочитаем вести наши вой-
ны, если они необходимы, на чужой территории». Рас-
полагая системой передовых баз и мобильными
вооруженными силами, США должны максимально
защититься от прямого нападения... В набросках
директивы 1518 выражалось сомнение в целесооб-
разности попыток добиться полного завоевания или
уничтожения главного врага типа Советского Сою-
за. Но генерал Линкольн доказывал, что цель в вой-
не против СССР — «не загнать его за свои границы,
а уничтожить его военный потенциал, в противном
случае последует длительная война...».

Комитет начальников штабов в октябре
(1945 г.) рекомендовал ускорить атомные исследо-
вания и производство атомных бомб, сохранение
максимальной секретности и «отказ вести в эти
тайны любую страну или ООН». Чтобы ускорить
движение по избранному пути, военное министер-
ство возглавило усилия по установлению военного
контроля над будущими атомными исследованиями...

Убежденные, что иного пути нет, военные от-
ныне составляли планы использования атомных
бомб как главного средства массированного сдержи-
вания и возмездия. Это не держали в тайне. В ноябре
1945 года был опубликован доклад (главнокомандую-
щего ВВС) генерала Арнольда военному министру,
в котором указывалось, что США должны указать
потенциальному агрессору — за нападением на США
немедленно последует всепоглощающий атомный
удар по нему с воздуха». Куда дальше, чем Арнольд,
зашел комитет начальников штабов, который в сек-
ретном докладе взвесил желательность нанесения
атомных ударов по Советскому Союзу как в виде
возмездия, так и первыми. Объединенный разведы-
вательный комитет наметил двадцать советских
городов, подходивших для атомной бомбардировки...
Этот комитет рекомендовал атомное нападение
не только в случае неминуемого выступления СССР,
но и в том случае, если успехи врага в области эконо-
мики и науки указывали на создание возможностей
«в конечном итоге напасть на США или создать обо-
роту против нашего нападения». Комитет советовал
«предоставить приоритет стратегической авиа-
ции» в любых усилиях пресечь продвижение России
к созданию возможностей для нападения. Комитет

добавил, что атомные бомбардировки относитель-
но малоэффективны против обычных вооруженных
сил и транспортной системы, то есть признал —
атомная бомба будет пригодна только для массового
истребления (населения) городов»¹⁶.

Эти оголтелые, плечи которых густо усыпали
генеральские и офицерские звезды, сочинявшие
каннибальские планы и разгонявшие маховик гонки
атомных вооружений, что — они верили в советскую
«угрозу»? Уже приведенное содержание секретных
штабных документов, которые обозрел и в какой-то
степени проанализировал М. Шерри с надлежащими
отсылками к архивным досье, не оставляют сомне-
ния — никто не верил в «агрессивность» Советского
Союза. Конечный вердикт М. Шерри:

«Советский Союз не представляет собой непо-
средственной угрозы, признало командование воору-
женных сил. Его экономика и людские ресурсы были
истощены войной... Следовательно, в ближайшие
несколько лет СССР сосредоточит свои усилия на
восстановлении... Советские возможности, неза-
висимо от того, что думали о намерениях русских,
представлялись достаточным основанием считать
СССР потенциальным врагом»¹⁷.

Директива комитета начальников штабов
1496/2 не оставалась достоянием военных. Она была
доложена координационному комитету, объединяв-
шему представителей государственного департамен-
та, военного и военно-морского министерств. Уже
как документ этого комитета (СВНKK-282) она была
предложена на рассмотрение и суждение руководства
государственного департамента. Политики, как им
подобает, сделали второстепенные замечания в сво-
ей записке от 16 ноября 1945 года: «Действия во ис-
полнение заявления комитета начальников штабов
о военной политике США», но и слова не сказали по
поводу устрашающего положения директивы 1496/2,
воспроизведенной в документе СВНKK-282, а именно:

«Мы не можем допустить, чтобы возоблада-
ла ложная и опасная идея — дабы избежать занятия
агрессивной позиции, мы позволили первому удару об-
рушиться на нас. В таких обстоятельствах наше
правительство должно добиваться быстро поли-
тического решения, одновременно проведя все при-
готовления, чтобы в случае необходимости самому
нанести первый удар»¹⁸.

Чем? Прежде всего атомными бомбами! Вплоть
до последнего времени в американской историогра-
фии безраздельно господствовало представление
о том, что Трумэн поторопился с сожжением Хиро-
симы и Нагасаки, ибо США располагали-де двумя
атомными бомбами. Их нельзя было израсходовать
для демонстрации мощи атомного оружия где-ни-
будь не в населенном месте, поэтому был необходим
предметный урок ценой гибели сотен тысяч мирных
жителей. В изданной в 1978 году, например, Примеча-
тельной во многих отношениях книге У. Манчестера
«Слава и мечта» сказано: «Генерал Грэвс считал, что

предварительные испытания будут не нужны. Он считал, что первая бомба будет готова примерно к 1 августа 1945 года, вторая к 1 января 1946 года, а третья позднее, в точно не установленный срок». Так он считал на рубеже 1944/45 года. На начало лета 1945 года, по словам У. Манчестера, американцы не имели бомб, чтобы растрчивать их без дела. Помимо статичного устройства, которое подлежало взрыву, у них было всего две бомбы — «Худой» и «Толстяк»¹⁹.

Итак, для Японии США располагали двумя бомбами, к исходу 1945 года, оказывается, в американских арсеналах было, по крайней мере, 196 атомных бомб и... для русских! В директиве Объединенного комитета военного планирования № 432/д от 14 декабря 1945 года, принятой в связи с описанными директивами комитета начальников штабов об атомной бомбардировке 20 советских городов, было сказано: «На карте к приложению А (к документу Объединенного разведывательного комитета от 3 ноября 1945 г. — Н. Я.)... указаны 20 основных промышленных центров Советского Союза и трасса Транссибирской магистрали — главной советской линии коммуникаций. Карта также показывает базы, с которых сверхтяжелые бомбардировщики могут достичь семнадцати из двадцати указанных городов и Транссибирскую магистраль. Согласно нашей оценке, действуя с указанных баз и используя все 196 атомных бомб (куда входят 100 процентов резерва), Соединенные Штаты смогли бы нанести такой разрушительный удар по промышленным источникам военной силы СССР, что он в конечном счете может стать решающим».

Упомянутые «источники военной силы» планировщики атомной агрессии трактовали куда как расширительно. Из документа Объединенного разведывательного комитета 329 от 3 ноября 1945 года отчетливо виден ход их мысли: «Одной из главных особенностей атомного оружия является его способность уничтожить скопления людей, и эту особенность следует использовать в сочетании с иными его качествами».

Посему:

«I. В приложении А приведены 20 городских территорий, рекомендованных как наиболее подходящие стратегические цели для ударов с применением атомного оружия. Города отобраны по принципу их общего значения с учетом: 1) производственных мощностей, особенно производства самолетов и другого вооружения; 2) наличия государственных и административных учреждений и 3) наличия научно-исследовательских учреждений...»

Мы располагаем лишь неполной информацией о расположении и функциях ведущих научно-исследовательских учреждений, находящихся в ведении Академии наук СССР (ее штаб-квартира в Москве). Эти институты, возможно, работающие в контакте с ведущими университетами, представляют собой главные исследовательские центры. Следует полагать, что значительная часть этих учреждений расположена в отобранных для бомбежки районах».

Значит, сожжем и ученых! А всего в 20 городах, избранных на первый случай объектами атомной бомбардировки, в то время проживало 13 миллионов человек, среди них женщины, дети, старики. Мартиролог, открытый Хиросимой и Нагасаки, должны были пополнить 20 советских городов (в очередности, установленной американскими штабными планировщиками): Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль²⁰.

Итак, в сентябре — ноябре 1945 года Соединенные Штаты приняли на вооружение доктрину «первого удара», внезапной атомной агрессии против Советского Союза.

Повод к открытию военных действий был ясен: чем быстрее становился на ноги Советский Союз после тяжелейшей войны, тем громче звучал военный набат в Вашингтоне. Мы безмерно радовались тому, что год 1947-й стал годом великого успеха — Советский Союз после четырех лет войны и двух лет восстановления снова вышел на позиции, завоеванные в ходе социалистического строительства к 1941 году. Открылись горизонты, омраченные было войной.

Страна, скорбя о павших в недавнюю войну, чувствовала героев мирного труда. Наши успехи были замечены и «отмечены» правящей элитой Соединенных Штатов, которая сделала из них надлежащие практические выводы. Выводы в глазах той самой элиты вдвойне прочные, ибо одновременно с советским народом, героически трудившимся на послевоенных стройках, не покладала рук рать «специалистов» по нашей стране. Эти подлинно установили, кто мы такие, и разрабатывали рекомендации, как именно с нами поступить, какие орудия и средства употребить для этого.

***

22 февраля 1946 года поверенный в делах США в СССР Дж. Кеннан отослал в Вашингтон «длинную телеграмму», которую американские политики и историки единодушно считают по сей день краеугольным камнем в оценке Советского Союза. В восьми тысячах резких слов, на комментирование которых в США с тех пор ушли многие миллионы слов, Кеннан обрисовал жуткую угрозу, будто бы нависшую над США, и предложил стратегию неукоснительной вражды к СССР. «Итак, перед нами политическая сила, фанатически утвердившаяся в убеждении, что с США не может быть постоянного модус вивенди... Вот отправная точка, от которой должен действовать отныне наш политический генеральный штаб»²¹. Против Советского Союза надлежит действовать только силой.

Умники, собравшиеся в Вашингтоне при Трумэне, уже по той причине, что Кеннан назвал их «политическим генеральным штабом», преисполнились

сознания собственной государственной значимости и пустились в состязание с ним по части сочинения прожектов расправы с советским народом. Специальный помощник президента К. Клиффорд по приказу Трумэна провел совещание с высшими государственными руководителями США и 24 сентября 1946 года представил ему обширный доклад «Американская политика в отношении Советского Союза». Определенно разделяя апокалипсическое видение Советского Союза Кеннаном, Клиффорд высказался:

«Адепты силы понимают только язык силы. Соединенные Штаты и должны говорить таким языком... Надо указать Советскому правительству, что располагаем достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне... Советский Союз не слишком уязвим, ибо его промышленность и естественные ресурсы широко расщеплены, однако он уязвим для атомного, бактериологического оружия и дальних бомбардировщиков. Следовательно, чтобы держать нашу мощь на уровне, который эффективен для сдерживания Советского Союза, США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну. Высокомеханизированную армию, перебрасываемую морем или по воздуху, способную захватывать и удерживать ключевые стратегические районы, должны поддержать мощные морские и воздушные силы. Война против СССР будет «тотальной» в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война, и поэтому должна вестись постоянная разработка как наступательных, так и оборонительных видов вооружения... Любые переговоры об ограничении вооружений вести медленно и осторожно, постоянно памятуя, что предложения о запрете применения атомного оружия и наступательных видов вооружения дальнего действия значительно ограничат мощь Соединенных Штатов...»

США должны понять, что советская пропаганда опасна (особенно когда подчеркивается американский „империализм“), и избегать любых действий, которые могли бы придать видимость правды советским обвинениям... США должны приложить энергичные усилия, чтобы добиться лучшего понимания США среди влиятельных слоев советского населения, и противодействовать антиамериканской пропаганде, которую Кремль распространяет среди советского народа. В самых широких масштабах, какие только потерпит Советское правительство, мы должны доставлять в страну книги, журналы, газеты и кинофильмы, вести радиопередачи на СССР... В самих Соединенных Штатах коммунистическое проникновение должно быть разоблачено и ликвидировано»²².

Если присовокупить вялые и косноязычные рассуждения в докладе (куда Клиффорду тягаться с отменным стилистом Кеннаном!) насчет того, что «трудности» США с СССР порождены советским режимом, а ссоры с русским народом у Вашингтона-де нет, тогда обрисовываются контуры стратегического мышления правящей элиты США. К генеральной

цели — уничтожению или фатальному ослаблению Советского Союза — ведут два пути: война или (на подступах к ней, а при определенных условиях вместо нее) подрывная работа. Вашингтон должен быть готов проводить оба курса. Какой возобладает, покажет завтрашний день, точнее, соотношение сил между СССР и США. Мирного сосуществования, не говоря уже о сотрудничестве, между капитализмом и социализмом быть не может.

Так гласила доктрина, восторжествовавшая в самых верхах американского общества. Она отражала отчаяние увядающей цивилизации, которая мобилизовывала силы, чтобы удержаться на исторической арене.

Политика США в отношении Советского Союза была представлена миру как политика «сдерживания» коммунизма²³. А рамки этого расплывчатого и пустого лозунга оказались достаточно широкими, чтобы охватить «доктрину Трумэна», «план Маршалла», сколачивание агрессивных блоков и окружение Советского Союза плотным кольцом американских военных баз. В интересах «сдерживания» на исходе 1947 года проводится реорганизация высшего государственного руководства в США. Учреждается Совет национальной безопасности во главе с президентом, орган чрезвычайного руководства, который отныне в глубокой тайне решает вопросы войны и мира для Соединенных Штатов. В прямом подчинении Совета национальной безопасности учреждается Центральное разведывательное управление. Одновременно основывается министерство обороны для руководства и координации военных усилий. Эта структура государственного правления была создана для войны и имела в виду скорейшее развязывание войны против СССР. То, что инициативу возьмут на себя Соединенные Штаты, в Вашингтоне сомнений не вызывало. Совет планирования политики государственного департамента, который возглавил Кеннан, 7 ноября 1947 года представил «Резюме международной обстановки»:

«Опасность войны многими значительно преувеличивается. Советское правительство не желает и не ожидает войны с нами в обозримом будущем... Крайние опасения по поводу опасности войны исходят из неверной оценки советских намерений. Кремль не желает новой большой войны и не ожидает ее... В целом нет оснований полагать, что мы внезапно будем вовлечены в вооруженный конфликт с СССР»²⁴.

Получив и ознакомившись с выводами совета планирования политики, те в Вашингтоне, кто готовил нападение на Советский Союз, надо думать, испытали немалое удовлетворение — подготовляемый удар будет внезапным.

***

Штабное планирование к этому времени зашло далеко, и министр обороны Дж. Форрестол 10 июля 1948 года потребовал представить правительству

всестороннюю оценку национальной политики в отношении Советского Союза, ибо без нее «нельзя вынести логических решений относительно размеров ресурсов, уделяемых военным целям»²⁵. Совет планирования политики представил просимый анализ, озаглавленный «Цели США в отношении России», который был утвержден 18 августа 1948 года как Совершенно секретная директива Совета национальной безопасности СНБ 20/1. Этот документ, занявший 33 страницы убористого текста, впервые опубликован в США в 1978 году в сборнике «Сдерживание. Документы об американской политике и стратегии 1945–1950 гг.». Во вступительной части директивы СНБ 20/1 объяснялось:

«Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России уже теперь, в мирное время, чем было необходимо в отношении Германии и Японии еще до начала военных действий с ними... При государственном планировании ныне, до возникновения войны, следует определить наши цели, достижимые как во время мира, так и во время войны, сократив до минимума разрыв между ними».

В элегантнейших фразах формулировалось:

«Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

- а) Свести до минимума мощь и влияние Москвы;*
- б) Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России».*

По уже сложившейся практике высшего государственного руководства намечались действия в условиях мира и в условиях войны. Для мирного периода директива СНБ 20/1 предусматривала капитуляцию СССР под давлением извне. Последствия такой политики в директиве СНБ 20/1, конечно, предвиделись:

«Наши усилия, чтобы Москва приняла наши концепции, равносильны заявлению: наша цель — свержение Советской власти. Отправляясь от этой точки зрения, можно доказать, что эти цели недостижимы без войны, и, следовательно, мы тем самым признаем: наша конечная цель в отношении Советского Союза — война и свержение силой Советской власти».

Было бы ошибочно придерживаться такой линии рассуждений.

Во-первых, мы не связаны определенным сроком для достижения наших целей в мирное время. У нас нет строгого чередования периодов войны и мира, что побуждало бы нас заявить: мы должны достичь наших целей в мирное время к такой-то дате или „прибегнем к другим средствам...“.

Во-вторых, мы обоснованно не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения концепций, не совместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества (так именуется социализм и капитализм. — Н. Я.).

Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события... Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события... Как правительство мы не несем ответственности за внутренние условия в России...»

В директиве СНБ 20/1 подрывная работа против Советского Союза хладнокровно признавалась государственной политикой, неотъемлемым элементом общего политического курса Вашингтона, для этого понадобилась тотальная мобилизация немалых ресурсов, традиционного лицемерия заокеанской республики. В самом деле, в директиве СНБ 20/1 с редкой софистикой констатировалось:

«Нашей целью во время мира не является свержение Советского правительства. Разумеется, мы стремимся к созданию таких обстоятельств и обстановки, с которыми нынешние советские лидеры не смогут смириться и которые им не придутся по вкусу. Возможно, что, оказавшись в такой обстановке, они не смогут сохранить свою власть в России. Однако следует со всей силой подчеркнуть — то их, а не наше дело... Если действительно возникнет обстановка, к созданию которой мы направляем наши усилия в мирное время, и она окажется невыносимой для сохранения внутренней системы правления в СССР, что заставит Советское правительство исчезнуть со сцены, мы не должны сожалеть по поводу случившегося, однако мы не возьмем на себя ответственность за то, что добивались или осуществили это».

Так какая же это «обстановка»? В директиве СНБ 20/1 в обобщенной форме, но достаточно четко указывалось:

«Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля».

В сумме все эти соображения сводились к одному — различными подрывными действиями и разными методами свергнуть социалистический строй в нашей стране. Такова конечная цель директивы СНБ 20/1 для «мирного» времени.

На случай войны дело много упрощалось, предусматривался самый разудалый образ действия. Составители документа не вдавались в детали, как именно будет нанесено военное поражение Советскому Союзу, — то дело генералов, а занялись дележом шкуры неубитого медведя, то есть политикой в отношении нашей страны после ее разгрома. Вероятно, они все же бросили взгляд на карту, а посему записали:

«Мы должны прежде всего исходить из того, что для нас не будет выгодным или практически осуществимым полностью оккупировать всю территорию Советского Союза, установив на ней нашу военную администрацию. Это невозможно как ввиду обширности территории, так и численности населения... Иными словами, не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались сделать это в Германии и Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим».

Вашингтонские стратеги рассматривали несколько вариантов этого «урегулирования» в зависимости от исхода боевых действий:

«Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей нынешней советской территорией, то мы должны потребовать:

- а) выполнения чисто военных условий (сдача вооружения, эвакуация ключевых районов и т.д.), с тем чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;*
- б) выполнение условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира. Условия, имеющие в виду расчленение нашей страны, беспрепятственное проникновение „идей извне“ и т.д. Все условия должны быть жесткими и явно унижительными для этого коммунистического режима. Они могут примерно напоминать Брест-Литовский мир 1918 г., который заслуживает самого внимательного изучения в этой связи».*

Прекрасно! В 1948 году Совет национальной безопасности США объявлял себя наследником германских милитаристов 1918 года! В директиве СНБ 20/1, впрочем, исправлялась «ошибка» кайзеровской Германии, а именно:

«Мы должны приняты в качестве безусловной предпосылки, что не заключим мирного договора и не возобновим обычных дипломатических отношений с любым режимом в России, в котором будет доминировать кто-нибудь из нынешних советских лидеров или лица, разделяющие их образ мышления. Мы слишком натерпелись в минувшие пятнадцать лет, действуя, как будто нормальные отношения с таким режимом были возможны».

Но упомянутые 15 лет, то есть с 1933 года, — это восстановление дипломатических отношений между США и СССР, сотрудничество наших двух стран в войне против держав фашистской «оси». Не только мы, но все человечество видело, что Советский Союз защищал дело Объединенных Наций, включая США, а теперь, в 1948 году, выяснилось, что Америка «натерпелась»; «натерпелась» тогда, когда советский солдат спас и Соединенные Штаты! Но бесполезно говорить о морали и элементарной порядочности, вернемся к директиве СНБ 20/1. Ее составители тщательно проанализировали куда более привлекательный для них исход войны против Советского Союза — исчезновение Советской власти:

«Так какие цели мы должны искать в отношении любой некоммунистической власти, которая может возникнуть на части или всей русской территории в результате событий войны? Следует со всей силой подчеркнуть, что независимо от идеологической основы любого такого некоммунистического режима и независимо от того, в какой мере он будет готов на словах воздавать хвалу демократии и либерализму, мы должны добиться осуществления наших целей, вытекающих из уже упомянутых требований. Другими словами, мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

- а) не имел большой военной мощи,*
- б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира,*
- в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами и,*
- г) не установил ничего похожего на железный занавес. В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унижительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов».*

Следовательно, речь шла не только об уничтожении Советской власти, но и российской государственности, исчезновении нашей страны из числа великих держав, а кто, по мысли Совета национальной безопасности, будет править на территориях, некогда составлявших Советский Союз? «В настоящее время, — заявлялось в директиве СНБ 20/1, — есть ряд интересных и сильных русских эмигрантских группировок... любая из них... подходит, с нашей точки зрения, в качестве правителей России». Все они, конечно, подкармливались американскими спецслужбами, назойливо выпрашивая новые подачки. Надо думать, что в Вашингтоне немало намучились с ними, а посему включили в директиву СНБ 20/1 план, который должен был избавить американских политиков от многих хлопот:

«Мы должны ожидать, что различные группы предпримут энергичные усилия, с тем чтобы побудить нас пойти на такие меры во внутренних делах России, которые свяжут нас и явятся поводом для политических групп в России продолжать выпрашивать нашу помощь. Следовательно, нам нужно принять решительные меры, дабы избежать ответственности за решение, кто именно будет править Россией после распада советского режима. Наилучший выход для нас — разрешить всем эмигрантским элементам вернуться в Россию максимально быстро и позаботиться о том, в какой мере это зависит от нас, чтобы они получили примерно равные возможности в заявках на власть... Вероятно, между различными группами вспыхнет вооруженная борьба. Даже в этом случае мы не должны вмешиваться, если только эта борьба не затронет наши военные интересы».

Оставалось решить вопрос о политике в отношении Коммунистической партии Советского Союза: «Как быть с силой Коммунистической партии Советского Союза — это в высшей степени сложный вопрос, на который нет простого ответа». После разного рода рассуждений составители директивы СНБ 20/1 постановили вверить его в руки тех самых «правителей» для нашей страны, которых США доставят из-за границы. Что даст возможность физически истребить коммунистов, а США умоют руки:

«На любой территории, освобожденной от правления Советов, перед нами встанет проблема человеческих остатков (язык-то какой! — Н. Я.) советского аппарата власти. В случае упорядоченного отхода советских войск с нынешней советской территории местный аппарат Коммунистической партии, вероятно, уйдет в подполье, как случилось в областях, занятых немцами в недавнюю войну. Затем он вновь заявит о себе в форме партизанских банд.

В этом отношении проблема, как справиться с ним, относительно проста: нам окажется достаточным раздать оружие и оказать военную поддержку любой некомунистической власти, контролирующей данный район, и разрешить расправиться с коммунистическими бандами до конца традиционными методами русской гражданской войны. Куда более трудную проблему создадут рядовые члены Коммунистической партии или работники (советского аппарата), которых обнаружат или арестуют или которые отдадутся на милость наших войск или любой русской власти. И в этом случае мы не должны брать на себя ответственность за расправу с людьми или отдавать прямые приказы местным властям, как поступить с ними. Это дело любой русской власти, которая придет на смену коммунистическому режиму. Мы можем быть уверены, что такая власть сможет много лучше судить об опасности бывших коммунистов для безопасности нового режима и расправиться с ними так, чтобы они в будущем не наносили вреда... Мы должны неизменно помнить: репрессии руками иностранцев неизбежно создают местных мучеников... Итак, мы не должны ставить своей целью проведение нашими войсками на территории, освобожденной от коммунизма, широкой программы декоммунизации и в целом должны оставить это на долю любых местных властей, которые придут на смену Советской власти²⁶.

На этом заканчивалась директива СНБ 20/1 (подчеркнутые места по тексту документа), которая вызвала неистовый восторг Белого дома и легла в основу американской политики в отношении Советского Союза. Во многом и очень многом, даже в нумерации, она сходилась с директивой № 21, отданной примерно за восемь лет до этого Гитлером о плане «Барбаросса»...

Впрочем, вопрос о приоритете геноцида в отношении тех, кто считается противником, не так прост. Директива СНБ 20/1 полностью соответствовала американской традиции ведения войны, которой восхищался

не кто иной, как Гитлер. В его новейшей биографии, написанной американским историком Дж. Толандом, сказано: «Гитлер утверждал, что свои идеи создания концентрационных лагерей и целесообразности геноцида он почерпнул из изучения истории... США. Он восхищался, что... в свое время на Диком Западе были созданы лагеря для индейцев. Перед своими приближенными он часто восхвалял эффективность американской техники физического истребления — голодом и навязыванием борьбы в условиях неравенства сил»²⁷. Журнал «Ньюсуик» восхвалил эту книгу как «первую работу, которую должен прочитать каждый интересующийся Гитлером... В ней сообщается много нового», а автор был удостоен в США премии Пулитцера. Вот и учтем это «новое»!

Соединенные Штаты в 1948 году брали курс на развязывание агрессивной войны против Советского Союза в самом ближайшем будущем. Непосредственные задачи военного планирования потребовали изложения описанного документа лаконичным языком, дабы довести его в качестве руководства до сведения командования вооруженных сил. Это взяли на себя члены Совета национальной безопасности: вице-президент СНБ А. Баркли, государственный секретарь Дж. Маршалл, министр обороны Дж. Форрестол, военный министр К. Ройал, министр военно-морского флота Д. Салливан, министр авиации С. Саймингтон, директор ЦРУ контр-адмирал Р. Хилленкоттер, директор управления национальных ресурсов Д. Стилмен и исполнительный секретарь СНБ адмирал С. Соуэрс²⁸.

Внушительный авторский коллектив несколько месяцев трудился над собственной версией директивы СНБ 20/1, в конечном итоге сократив ее ровно в четыре раза. Конечный вариант, предложенный Трумэну и утвержденный им 23 ноября 1948 года как директива СНБ 20/4, воспроизводил все основные положения предшествовавшей директивы, немного подпорченные канцелярским стилем высокопоставленных авторов. Конечно, они и их помощники в совокупности не обладали литературным даром главы совета планирования политики, где была сочинена директива СНБ 20/1.

С чиновничьим изяществом в директиве СНБ 20/4 заявлялось: «Самую серьезную опасность безопасности США в обозримом будущем представляют враждебные замыслы, громадная мощь СССР и характер советской системы». Следовательно, само существование советского строя — «серьезная угроза», и все тут. Далее иногда в небольшом перифразе, а главным образом буквальным воспроизведением ключевых мест повторялась директива СНБ 20/1 и перечислялись уже известные нам действия как в «мирное время», так и во время войны. По сравнению с ней, однако, несколько больший упор делался на подрывную работу в обоих случаях, с конечным выводом в этом отношении:

«Если Соединенные Штаты используют потенциальные возможности психологической войны

и подрывной деятельности, СССР встанет перед лицом увеличения недовольства и подпольной оппозиции в зоне, находящейся под советским контролем».

Были кое-какие различия и в терминологии. Так, в директиве СНБ 20/4 появился термин применительно к СССР «большевистский режим», что понятно — ее писали люди много старше, чем сочинители директивы СНБ 20/1. Все это были несущественные различия, порожденные скорее авторским честолюбием, чем различием во взглядах.

Коль скоро директива СНБ 20/4 спускалась исполнителям, их заверили, что СССР война застигнет врасплох, ибо «тщательный учет самых различных факторов указывает на вероятность того, что Советское правительство в настоящее время не планирует никаких умышленных военных действий, рассчитанных на вовлечение США в конфликт»²⁹.

Положения директивы СНБ 20/4 были приняты к исполнению американскими штабами, цитировались и учитывались при составлении оперативных планов нападения на Советский Союз, каковых в это время было немало. Политики подтвердили генералам, кто враг, а тем, в свою очередь, осталось определить военные методы и средства разгрома Советского Союза. Без большой оттяжки, ибо директивы СНБ 20/1 и 20/4 исходили из того, что война против СССР не за горами.

***

К 1948 году в сейфах американских штабов скопилось немало оперативных разработок нападения на Советский Союз. Как комитет начальников штабов, так и командующие на местах приложили к этому руку. Например, командующий американскими войсками в Европе Д. Эйзенхауэр оставил в наследство своему преемнику на этом посту план «Тоталити», составленный еще в конце 1945 года. Планы, естественно, обновлялись, однако всеобъемлющая подготовка к скорому нападению на СССР последовала за принятием описанных директив СНБ.

По приказанию комитета начальников штабов к середине 1948 года был составлен план «Чариотир». Война должна была начаться «с концентрированных налетов с использованием атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, промышленных городов и избранных предприятий нефтеочистительной промышленности, с баз в западном полушарии и Англии».

В первый период войны — тридцать дней — намечалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. Из них 8 атомных бомб на Москву с разрушением примерно 40 квадратных миль города и 7 атомных бомб на Ленинград с соответствующим разрушением 35 квадратных миль. В последующие за этим два года войны предполагалось сбросить еще 200 атомных бомб и 250 тысяч тонн обычных бомб. Командование стратегической авиации предполагало, что где-то в ходе этих бомбардировок или после них Советский Союз капитулирует»³⁰.

К 1 сентября 1948 года по штабам соединений вооруженных сил США был разослан план «Флитвуд» — руководство к составлению соответствующих оперативных планов. Как в наметках «Чариотира», так и в плане «Флитвуд» признавалось, что с началом войны Советский Союз сможет занять Европу. Как было, например, отмечено в плане «Флитвуд» применительно к Средиземноморью:

«К исходу шестого месяца боевых действий Советы смогут оккупировать и укрепиться на всем северном побережье Средиземного моря, от Пиренеев до Сирии, и подвергнуть линии коммуникаций в море сосредоточенным ударам с воздуха. Кроме того, СССР через шесть месяцев после начала войны сможет оккупировать Испанию и подвергнуть артиллерийскому обстрелу коммуникации (через Гибралтарский пролив)»³¹.

Объединенный разведывательный комитет в приложении к плану «Флитвуд» заключил:

«СССР в борьбе с вероятными противниками — США, Англией и союзными с ними странами — сможет овладеть ключевыми районами Европы и Азии»³².

Перспективы для американских агрессоров выглядели мрачноватыми, тогда зачем открывать войну, в первый период которой по планам только и думали об эвакуации из Западной Европы? Командование американской стратегической авиации предлагало временно закрыть на это глаза, ибо пока Красная Армия будет продвигаться по Европе и Азии, атомные бомбардировки территории Советского Союза — подорвут основной элемент советской мощи — политический, каковой, по заключению объединенного разведывательного комитета в приложении к плану «Флитвуд», состоял в следующем:

«1) природное мужество, выдержка и патриотизм русского населения; 2) отлаженный и четкий механизм централизованного контроля Кремля в советской орбите... 3) идеологическая привлекательность теоретического коммунизма; 4) доказанная способность советского режима мобилизовать природный русский патриотизм в поддержку советских военных усилий; 5) способность русского народа и правительства вести войну в условиях крайней дезорганизации, как случилось в первые годы Второй мировой войны»³³.

Атомные бомбы, заверяли генералы американских ВВС, сильнее. Вот по этому поводу — могут ли стратегические ВВС сломить волю русских к борьбе — и завязался спор в высшем командовании вооруженных сил, спор, проходивший на фоне завершения подготовки к атомным ударам. 21 декабря 1948 года главнокомандующий ВВС доложил комитету начальников штабов составленный во исполнение указанных директив оперативный план САК ЕВП I-49:

«2. Война начнется до 1 апреля 1949 г.

3. Атомные бомбы будут использоваться в масштабах, которые будут сочтены целесообразными...»

- 32а. С учетом количества имеющихся атомных бомб, радиуса действия союзных бомбардировщиков, точности бомбометания, мощности бомбардировок первостепенными объектами для ударов с воздуха являются главные города Советского Союза. Уничтожение их настолько подорвет центры промышленности и управления СССР, что наступательная и оборонительная мощь Советских Вооруженных Сил резко снизится...
- в. Планы объектов и навигационные карты для операций против первых 70 городов будут розданы по частям к 1 февраля 1949 г. Имеющиеся навигационные карты в масштабе 1 : 1 000 000 достаточно точны, чтобы обеспечить полет к любому нужному пункту на территории СССР...
- л. Для первых атомных бомбардировок в целях планирования принимаются возможные потери в 25% от числа участвующих бомбардировщиков, что совсем не воспрепятствует использованию всего запаса атомных бомб. По мере воздействия атомного наступления на советскую ПВО потери бомбардировщиков снизятся...
33. Из всего изложенного следует вывод:
Мощное стратегическое воздушное наступление против ключевых элементов советского военного потенциала может быть проведено по плану»³⁴.
- Оптимизм генералов ВВС бил ключом, не зная никаких границ. Им не терпелось поднять в воздух стратегическую авиацию. Но они определенно не понимали следующего. Речь шла не о том, удастся или не удастся сжечь города (генералы на это отвечали утвердительно), а о том, какие моральные последствия это будет иметь для всего населения и достижения целей войны в целом. Командующим другими видами вооруженных сил и родов оружия, помимо стратегической авиации, претензии ее штабов представлялись малореальными. В начале 1949 года был создан специальный комитет из высших чинов армии, флота и авиации под председательством генерал-лейтенанта Х. Хармона, который попытался оценить политические последствия намеченного атомного наступления с воздуха на Советский Союз. 11 мая 1949 года комитет представил сверхсекретный доклад «Оценка воздействия на советские военные усилия стратегического воздушного наступления».
- «Проблема:
1. Оценить воздействие на военные усилия СССР стратегического воздушного наступления как предусмотренного в нынешних военных планах, включая оценку психологического воздействия атомных бомбардировок на волю Советов вести войну...
  3. План стратегического воздушного наступления... предусматривает две отдельные фазы:
    - а) первая фаза: серия налетов главным образом с применением атомных бомб на 70 городов (командование стратегической авиации ныне планирует выполнить это за 30 дней);
    - б) вторая фаза: продолжение воздушного наступления с применением как атомных, так и обычных бомб.
- Последствия для промышленности:
9. Материальный ущерб, гибель людей в промышленных районах, другие прямые и косвенные последствия первой фазы воздушного наступления приведут к снижению промышленного потенциала СССР на 30–40%. Оно не будет постоянным — либо будет компенсировано советскими восстановительными работами, либо усугубится в зависимости от мощи и эффективности последующих налетов...
Людские потери:
11. Первая фаза атомного наступления приведет к гибели 2 700 000 человек и в зависимости от эффективности советской системы пассивной обороны повлечет еще 4 000 000 жертв. Будет уничтожено большое количество жилищ, и жизнь для уцелевших из 28 000 000 человек будет весьма осложнена (то есть общее население городов, намеченных для атомных бомбардировок. — Н. Я.).
- Психологическое воздействие:
12. Атомное наступление само по себе не вызовет капитуляции, не уничтожит корней коммунизма и фатально не ослабит советское руководство народом.
  13. Для большинства советского народа атомные бомбардировки подтвердят правильность советской пропаганды против иностранных держав, вызовут гнев против Соединенных Штатов, объединят народ и приумножат его волю к борьбе. Среди меньшинства, размеры которого определить невозможно, атомные бомбардировки могут стимулировать диссидентство³⁵ и надежду на освобождение от угнетения. Если перед диссидентами не откроются куда более благоприятные возможности, эти элементы не окажут сколько-нибудь примечательного воздействия на советские военные усилия.
  14. В СССР возникнет психологический кризис, который может быть обращен на пользу союзников своевременным использованием вооруженных сил и методов психологической войны. Если мы быстро и эффективно не сделаем этого, шанс будет упущен, и последующая психологическая реакция Советов неблагоприятно скажется на достижении целей союзников.
- Воздействие на Советские Вооруженные Силы:
15. Возможности Советских Вооруженных Сил быстро продвинуться в избранные районы Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока не будут серьезно расстроены, однако впоследствии будут прогрессивно убывать».
- Далее перечисляются технические аспекты — нехватка горючего, транспортные затруднения и т. д.

«17. Атомные бомбардировки развяжут руки всем противникам применять оружие массового поражения и приведут к тому, что СССР прибегнет к максимальным мерам возмездия, какие окажутся в его распоряжении.

Общий вывод:

18. Атомные бомбардировки приведут к определенным психологическим реакциям и мерам возмездия, наносящим ущерб военным целям союзников, а их разрушительные последствия осложняют послевоенные проблемы. Однако атомное оружие — главный компонент военной мощи союзников в любой войне против СССР. Он является единственным средством быстро вызвать шок и нанести серьезный ущерб ключевым элементам советского военного потенциала. Атомные удары, нанесенные в начале войны, значительно облегчат использование других средств союзной военной мощи и снизят собственные потери. Полное использование этих преимуществ зависит от скорости проведения других военных операций и мер психологической войны. С точки зрения наших национальных интересов, преимущества немедленного применения в войне атомного оружия стоят превыше всего, должны быть употреблены все разумные усилия, дабы подготовить средства для быстрой и эффективной доставки максимального количества атомных бомб к намеченным целям»³⁶.

Генералам, во всяком случае в канун войны, подобает думать о победах, а не размышлять о поражениях, — отсюда налет оптимизма в докладе комитета Х. Хармона. Однако при зрелом размышлении со всей очевидностью проступает глубокая озабоченность по поводу сумасбродных замыслов нанести поражение Советскому Союзу главным образом, если не исключительно, атомными бомбардировками. Да, если даже они, как обещает командование ВВС, пройдут по плану и будет за первый месяц убито 6,7 миллиона советских граждан, моральный дух русских не будет подорван, а воля к борьбе только возрастет. Хармон с коллегами не заглядывали дальше первого месяца войны, и, надо думать, умышленно: они определенно страшлись того, что откроет атомный пролог. Политических проблем оружие, особенно только атомное, не разрешит. Ну конечно, они, как подобает военным, призвали к пополнению arsenалов, особенно средств доставки и т.д.

Расчеты и подсчеты комитета Х. Хармона (вероятно, были и другие такого же свойства) пока остановили атомщиков у роковой черты, но зловещий курс на войну с СССР не был оставлен. В апреле 1949 года сколачивается агрессивный Северо-Атлантический пакт. По периметру границ социалистического лагеря строились и вводились в действие все новые военные базы, США раскручивали маховик военной экономики. Высшие американские руководители, мышление которых во всевозрастающей степени милитаризовалось, полагали, что удастся создать подавляющее

военное превосходство над СССР, которое сведет до минимума значение описанных политических факторов. Простым путем — поголовным физическим истреблением. Командующий ВВС США в Европе генерал К. Лимей, собственно, так и представлял дело. Он с насмешкой отозвался тогда о составлении разных планов войны с СССР: незачем; США-де имеют средства просто «очистить от людей громадные пространства поверхности планеты, оставив только следы материальной деятельности человека»³⁷. Эти, типа Лимея, были уверены, что у них есть время. На Западе думали, что пройдет немало лет, пока СССР создаст атомное оружие. Но...

3 сентября 1949 года американский бомбардировщик Б-29, совершавший плановый патрульный полет в северной части Тихого океана, при очередном заборе пробы воздуха обнаружил повышенную радиоактивность. Лихорадочная проверка данных, и примерно через неделю сомнений не осталось: в Советском Союзе испытана атомная бомба. Комиссия по атомной энергии США, введшая примерно за год до этого «программу дальнего обнаружения» — круглосуточное дозиметрическое наблюдение за атмосферой, — торжествовала: не военные, особенно ВВС, а ученые оказались правы в оценке советской науки...³⁸ То был исторический подвиг советских ученых и инженеров, положивший конец американской монополии на атомное оружие. Наши материальные жертвы оказались не напрасными, страну огненные прикрывал и атомный щит.

25 сентября 1949 года ТАСС сообщил: «Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году. Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований. Следует сказать, что Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия».

Ответ Вашингтона: немедленное рассмотрение возможности развязать превентивную войну.

«Однако, — замечает американский исследователь А. Браун, — превентивная война не была развязана. Помимо всего прочего, Соединенные Штаты не могли выиграть такую войну в 1949—1950 гг. Стратегическая авиация не могла в то время нанести России один непоправимый удар»³⁹.

И в своей книге «Дропшот. Американский план атомной войны против СССР в 1957 г.» (1975) Браун подробно рассматривает причины этого. В конце 1949 года США имели 840 стратегических бомбардировщиков в строю, 1350 в резерве, свыше 300 атомных бомб. Только с баз на Британских островах можно было достичь Москвы, Ленинграда и других объектов в европейской части СССР. Для целей планирования датой начала войны было установлено 1 января 1950 года. С ее началом в течение трех месяцев предстояло сбросить примерно 300 атомных бомб и 20 тысяч тонн обычных бомб на объекты в 100 со-

ветских городах, для чего необходимо 6 тысяч самолето-вылетов. Все это именовалось планом «Тройан».

Комитет начальников штабов приказал группе генерал-лейтенанта Д. Хэлла проверить на штабных играх шансы выведения из строя девяти стратегических районов: Москва — Ленинград, Урал, объекты у Черного моря, Кавказ, Архангельск, Ташкент — Алма-Ата, Байкал, Владивосток. Вот как выглядели подсчеты, скажем, для действий против объектов в районе Черного моря 233 бомбардировщиков Б-29 и Б-50 (32 из них несли атомные бомбы, а остальные подавляли советскую ПВО и создавали помехи для работы локаторов). Предполагалось, что на объекты будут сброшены 24 атомные бомбы (три атомные бомбы будут потеряны в сбитых самолетах, две не сбросят, а еще три сбросят не на цели). Потери: 35 самолетов от действий истребителей, 2 — от огня зенитной артиллерии, 5 — по другим разным причинам, неустановленное число машин получит повреждения, не поддающиеся ремонту.

Проиграв воздушное наступление против СССР, группа Хэлла подвела итог: вероятность достижения целей 70 процентов, что повлечет потерю 55 процентов наличного состава бомбардировщиков. Но сумеют ли экипажи продолжать выполнение заданий при таких потерях? Во время Второй мировой войны самые тяжкие потери понесла группа из 97 бомбардировщиков, бомбившая в ночь с 30 на 31 марта 1944 года Нюрнберг. Не вернулось 20, или 20,6 процента, самолетов, участвовавших в налете. После этого среди летного состава на базах в Англии возникло брожение, граничившее с мятежом. А здесь потери в 55 процентов! По ряду технических причин воздушное наступление против СССР не могло быть проведено молниеносно, атомные бомбардировки Москвы и Ленинграда планировались только на девятый день открытия боевых действий. А самые оптимистические подсчеты указывали: базы на Британских островах, например, будут полностью выведены из строя действиями ВВС СССР теперь уже с применением атомного оружия максимум через два месяца. Это наверняка, а быть может, скорее, но когда? Вскрылось, что стратегическая авиация США, нанеся ужасающий урон городам СССР, выбывала из игры — она оказывалась без достаточного количества самолетов, баз, система обеспечения и обслуживания приходила в крайнее расстройство. А советские армии к этому времени уже вышли на берега Атлантического и Индийского океанов. Аксиомой американского планирования войны против СССР была утрата в первые месяцы Европы, Ближнего и Дальнего Востока.

Начальник оперативного управления штаба ВВС США генерал-майор С. Андерсон доложил 11 апреля 1950 года министру авиации США С. Саймингтону:

«ВВС США не могут: а) выполнить все воздушное наступление по плану «Тройан», б) обеспечить противовоздушную оборону территории США и Аляски»⁴⁰.

Вопрос о превентивной войне против Советского Союза в 1950 году ввиду ее военной невозможности был снят. Коль скоро выяснилось, что Соединенные Штаты не располагают достаточными силами, чтобы нанести поражение Советскому Союзу, агрессия была перенесена в плоскость подготовки коалиционной войны, на что требовалось время. Датой открытия боевых действий было принято 1 января 1957 года.

По указанию правительства комитет начальников штабов с 1949 года разработал план войны под кодовым названием «Дропшот», в интересах сохранения тайны название умышленно бессмысленное. Предполагалось, что совместно с США выступят все страны НАТО. Ирландия, Испания, Швейцария, Швеция, Египет, Сирия, Ливия, Ирак, Саудовская Аравия, Йемен, Израиль, Иран, Индия и Пакистан «постараются остаться нейтральными, но присоединятся к союзникам, если подвергнутся нападению или серьезной угрозе». Разумеется, многие страны, не входящие в НАТО, едва ли предполагали, что их уже вписали в план «Дропшот».

«Общая стратегическая концепция» плана выглядела следующим образом:

«Во взаимодействии с нашими союзниками навязать военные цели Советскому Союзу, уничтожив советскую волю и способность к сопротивлению путем стратегического наступления в Западной Евразии и стратегической обороной на Дальнем Востоке.

Первоначально: защитит западное полушарие; вести воздушное наступление; начать выборочное сдерживание советской мощи приблизительно в пределах зоны: Северный полюс — Гренландское море — Норвежское море — Северное море — Рейн — Альпы — о. Пиава — Адриатическое море — Крит — южная Турция — долина Тигра — Персидский залив — Гималаи — Юго-Восточная Азия — Южно-Китайское море — Восточно-Китайское море — Берингово море — Берингов пролив — Северный полюс; удержать и обеспечить важнейшие стратегические районы, базы и коммуникационные линии; вести психологическую, экономическую и подпольную войну, одновременно подвергая беспощадному давлению советскую цитадель, используя все методы для максимального истощения советских военных ресурсов.

В последующий период: вести координированные наступательные операции всеми видами вооруженных сил»⁴¹.

В первый период войны планировалось сбросить на Советский Союз свыше 300 атомных и 250 тысяч тонн обычных бомб, уничтожив до 85 процентов советской промышленности. Были детально расписаны задачи по подавлению советской ПВО, против советских наземных, морских и воздушных сил. Во втором периоде продолжается наступление с воздуха и изготавливаются к действию наземные силы НАТО — 164 дивизии, из них 69 американских. Устанавливается контроль над морскими и океанскими коммуникациями и т.д. На третьем этапе с запада

переходят в наступление 114 дивизий НАТО, с юга (с высадкой на северо-западном побережье Черного моря) 50 дивизий, которые уничтожают Советские Вооруженные Силы в Центральной Европе. Эти действия и продолжающиеся массированные бомбардировки советских городов принуждают СССР и его союзников к капитуляции. В войне против СССР всего задействуются до 250 дивизий — 6 миллионов 250 тысяч человек. В авиации, флоте, противовоздушной обороне, частях усиления и пр. еще 8 миллионов человек. В общей сложности для выполнения плана «Дропшот» предусматривалось использовать вооруженные силы общей численностью в 20 миллионов человек⁴².

В последний, четвертый период буквально любовно выписанный в плане «Дропшот», — «дабы обеспечить выполнение наших национальных целей, союзники должны оккупировать» Советский Союз и другие социалистические страны Европы. Общие потребности оккупационных войск определялись в 38 дивизий, то есть примерно 1 миллион человек в наземных войсках. Из них 23 дивизии несут оккупационные функции на территории Советского Союза. Территория нашей страны делится на 4 «района ответственности», или оккупационные зоны: Западная часть СССР, Кавказ — Украина, Урал — Западная Сибирь — Туркестан, Восточная Сибирь — Забайкалье — Приморье. Зоны подразделялись на 22 «подрайона ответственности». Оккупационные войска распределялись по следующим городам: в Москве — две дивизии и по одной дивизии в Ленинграде, Минске, Мурманске, Горьком, Куйбышеве, Киеве, Харькове, Одессе, Севастополе, Ростове, Новороссийске, Батуми, Баку, Свердловске, Челябинске, Ташкенте, Омске, Новосибирске, Хабаровске, Владивостоке.

Из пяти воздушных армий, предназначенных для оккупации всех стран социализма, четыре дислоцировались на территории СССР. В каждую армию должны были входить пять—шесть боевых групп, одна группа транспортных самолетов и одна штурмовая группа. В Балтийское и Черное море вводилось по оперативному авианосному соединению. Особо подчеркивалось, что сильное насыщение оккупационных сил авиацией «должно дать зримое доказательство мощи союзников» советским людям. Памятуя о том, что оккупантам придется выполнять карательные функции, план «Дропшот» предусматривал дополнительное обеспечение войск транспортом всех видов для придания им высокой мобильности⁴³.

Как в предшествующих планах агрессии, так и в плане «Дропшот» война против Советского Союза и оккупация носили ярко выраженный классовый характер. Необходимость войны определялась

«серьезной угрозой безопасности США, которую... представляет характер советской системы...»

Никогда еще в истории намерение и стратегические цели агрессора не определялись так ясно. На протяжении веков победа в классовой борьбе пролета-

риата против буржуазии определяется как средство, при помощи которого коммунизм будет господствовать над миром»⁴⁴.

«Дропшот» был переломным в американском военном планировании в том отношении, что в отличие от прежних планов, имевших в виду агрессию чисто военными средствами, в этой войне против СССР обращалось внимание на использование классовых союзников по ту сторону фронта, то есть «диссидентов». Термин становится принятым в военных планах. Конечно, штабные планировщики не строили никаких иллюзий насчет силы «диссидентов» самих по себе:

«Будет труднее применять методы психологической войны к народу СССР, чем к народу Соединенных Штатов...»

Но психологическая война — чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране...

Широкая психологическая война — одна из важнейших задач Соединенных Штатов. Основная ее цель — уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитов их нынешней системы правления и распространение среди народов СССР осознания, что свержение Политбюро в пределах реальности...

Эффективного сопротивления или восстаний можно ожидать только тогда, когда западные союзники смогут предоставить материальную помощь и руководство и заверить диссидентов, что освобождение близко...»⁴⁵.

Эти рассуждения, в сущности, являлись перифразом специальных американских исследований того времени о причинах провала похода гитлеровской Германии против нашей страны. Американские теоретики сочли, что Берлин в 1941–1945 годах упустил из виду политические аспекты, которые сформулировал еще К. Клаузевиц, а именно: «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, то есть оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров»⁴⁶. Теперь американские стратеги вознамерились исправить ошибки руководителей рейха.

И еще. Составители плана «Дропшот» внесли в него положения директивы СНБ-58, утвержденной Трумэном 14 сентября 1949 года: «Политика США в отношении советских сателлитов в Восточной Европе». Они размышляли о том, что националистические отклонения-де «серьезно ослабят советский блок. Такую слабость Соединенные Штаты должны использовать... двинув как острие клина для подрыва авторитета СССР создание группы антимосковских коммунистических государств»⁴⁷. Как же это может случиться? Военные, авторы плана «Дропшот», не брались отвечать. Но в директиве СНБ-58, опубликованной даже в 1978 году с большими купюрами, утверждалось:

«Наша конечная цель, конечно, — появление в Восточной Европе нетоталитарных правительств, стремящихся связаться и устроиться в сообществе свободного мира. Однако серьезнейшие тактические соображения препятствуют выдвигению этой цели как непосредственной... Для нас практически осуществимый курс — содействовать еретическому процессу отделения сателлитов. Как бы они ни представлялись слабыми, уже существуют предпосылки для еретического раскола. Мы можем способствовать расширению этих трещин, не беря на себя за это никакой ответственности. А когда произойдет разрыв, мы прямо не будем впутаны в вызов советскому престижу, ссора будет происходить между Кремлем и коммунистической реформацией».

При проведении этой политики, особо подчеркивалось в директиве СНБ-58, США надлежит всячески замечать следы:

«Мы должны вести наступление не только открытыми, но и тайными операциями... Курс на подстрекательство к расколу внутри коммунистического мира следует вести сдержанно, ибо этот курс всего-навсего тактическая необходимость и нельзя никак упускать из виду, что он не должен заслонить нашу конечную цель — создание нетоталитарной системы в Восточной Европе. Задача состоит в том, чтобы облегчить рост еретического коммунизма, не нанеся в то же время серьезного ущерба нашим шансам заменить этот промежуточный тоталитаризм терпимыми режимами, входящими в западный мир. Мы должны всемерно увеличивать всю возможную помощь и поддержку прозападным лидерам и группам в этих странах»⁴⁸.

Но... всегда держать язык за зубами, постоянно поучал Дж. Кеннан за закрытыми дверями правительственных ведомств Вашингтона. «Нам нет нужды делать щедрые подарки советской пропаганде, беря на себя ответственность за процесс раскола в коммунистических странах, — говорил в то время Дж. Кеннан в закрытой лекции в Пентагоне»⁴⁹.

В общей стратегической концепции плана «Дропшот» психологическая война занимала следующее место:

«А н а л и з : Начало или усиление психологической, экономической и подпольной войны, направленной как на дружественные, так и на вражеские группы или страны, сильно увеличит шансы на быстрое и успешное завершение войны, ибо поможет преодолеть волю врага в борьбе, поддержит моральный дух дружественных групп на вражеской территории, поднимет мораль дружественных стран и повлияет на отношение нейтральных стран в отношении союзников.

Этот тип войны может применяться и в мирное время как против СССР, так и дружественных стран, но она должна быть решительно усилена с началом боевых действий с максимальным использованием психологических последствий воздушного наступления. Она потребует участия всех видов

вооруженных сил для оказания помощи другим ведомствам в ее проведении...

З а д а ч а : добиться интеграции психологической, экономической и подпольной войны и военных операций»⁵⁰.

В заключение в плане «Дропшот» бросается взор в будущее — после разгрома СССР и его союзников в Европе наступал черед Дальнего Востока, где на протяжении войны против Советского Союза США находились в стратегической обороне. Итак:

«Мы исходим из того, что коммунистический Китай и другие районы Юго-Восточной Азии, контролируемые местными коммунистами, в отличие от Кореи и европейских сателлитов не окажутся под полным господством СССР и в случае его быстрой капитуляции необязательно также капитулируют. Следовательно, введение союзных оккупационных войск в эти районы до капитуляции СССР может оказаться как неосуществимым, так и нежелательным, поскольку для подавления противодействия потребуется вести настоящую войну. Следовательно, решение о надлежащих действиях в этих районах будет принято с учетом обстановки, которая сложится после капитуляции СССР. Следует иметь в виду, что достижение национальных целей Соединенных Штатов потребует мощного наступления на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии после капитуляции Советского Союза»⁵¹.

Если принять в соображение, что по замыслу плана «Дропшот» на стороне США по доброй воле или под нажимом должны были выступить не только страны НАТО, но ряд государств Азии и Ближнего Востока, а Латинской Америке и Африке отводилась роль резерва и источников сырья, то упомянутые операции на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии подводят итог: Вашингтон вознамерился вооруженной рукой стереть социализм с лица всей земли. Это означало одновременно достижение заветной цели американской олигархии — установление мирового господства Соединенных Штатов. Если нужны официальные доказательства, исходящие от правящей элиты США, то вот они — план «Дропшот»!

Тогда почему стал возможным доступ к нему исследователей? А. Браун, опубликовавший в 1978 году этот план в книге с надлежащими комментариями, замечает:

«План „Дропшот“, американский план мировой войны против Советского Союза, был подготовлен комитетом в рамках комитета начальников штабов в 1949 г. по указанию и с ведома президента Гарри С. Трумэна... Военная география не изменяется. А обычное вооружение меняется только по степени своей разрушительной силы. Поля сражений 1949–1957 гг. могут прекрасно стать полями сражений будущей войны.

Эти очевидные соображения ведут к постановке важнейшего вопроса: разве не глупость предавать гласности план „Дропшот“? Я много размышлял над этим и вынужден заключить: да, предание гласности

этого документа — глупость. Его нужно было сжечь, закопать или хранить в самом тайном сейфе, ибо он отнюдь не придает Америке привлекательности в глазах России. „Дропшот“ был не только планом атомизации России, но предусматривал оккупацию громадной страны американскими войсками и уничтожение корней большевизма. Несомненно, в наше критическое время, когда „холодная война“ прекратилась, пусть временно, а политическая и идеологическая война бушует с неослабевающей силой, русские укажут: „Дропшот“ — пример продолжающейся враждебности Америки к России, и поэтому Россия должна иметь и расширять вооруженные силы.

Тогда почему стала возможной публикация плана „Дропшот“? Нет законов, требующих от комитета начальников штабов его рассекречивания... Документ с сопутствующими ему материалами в совокупности показывает: 1) Соединенные Штаты вполне могли проиграть третью мировую войну; 2) Россия, вероятно, смогла бы занять Западную Европу за 20 дней; 3) командование ВВС США считало, что Россия сумеет вывести из строя за 60 дней тогдашнего главного американского союзника Англию с ее базами, имевшими первостепенное значение для нанесения атомных ударов; 4) русские атомные бомбардировки и коммунистическая партизанская война в США значительно подорвали бы способность и волю Америки к продолжению войны; 5) Америка не смогла бы защитить свои собственные города; 6) США потребовалось бы два года, чтобы ее промышленность и вооруженные силы достигли бы такого уровня, который позволил бы американское военное возвращение в Европу и 7) США намеревались оккупировать Россию, идя на риск не утихающей там партизанской войны...

Я лично считаю, что комитет начальников штабов, рассекретив „Дропшот“, не руководствовался решительно никакими мотивами. Дело очень просто — план считается устаревшим, с теперешними видами вооружения мы стоим на пороге Судного Дня, и поэтому он не имеет решительно никакого значения»⁵².

Какая-то часть правды в рассуждениях А. Брауна есть, но только часть, и причем небольшая. Мотивы предания огласке этого плана и иных сходных документов, конечно, не поддаются однозначному истолкованию. Что до «устарелости», то в отношении преступных замыслов, вроде тех, что воплощены в раскладах плана «Дропшот», здравый смысл возмутится при одной мысли, что к ним может быть применен срок давности. Можно уверенно утверждать, что публикация — своего рода оправдание: задним числом приводятся веские доказательства — Вашингтон никогда не был «мягок» к коммунизму, а это драгоценный тезис кликуш-милитаристов в США, проливающих слезы по поводу того, что США тогда не нанесли атомного удара по Советскому Союзу. Успех-де был гарантирован. Не кто другой, как генерал К. Лимей, вознесенный в президентство Дж. Кеннеди

на пост главнокомандующего ВВС США, в 1968 году выпустил книгу «Америка в опасности», в которой, имея в виду рубеж сороковых и пятидесятых годов, все еще настаивал: «Мы могли бы стереть Россию с лица земли, не поцарапав при этом локтей»⁵³. Доступный ныне для обозрения план «Дропшот» начисто девальвирует генеральскую мудрость.

Но все же те, кто разрешил пустить в научный и публицистический обиход описанные документы, больше думают о будущем, а не о прошлом. Американцам внятно рассказано и наглядно показано, какие губительные последствия повлекла бы за собой большая война с СССР даже в то время, когда не было создано термоядерное оружие, а межконтинентальные ракеты еще не стартовали с чертежных столов. Подспудно и даже иной раз прямо указывается: при существующем соотношении сил между СССР и США вооруженная схватка губительна и для Соединенных Штатов. Десятилетия гонки вооружений, унесшие из карманов американских налогоплательщиков фантастические суммы, не дали Вашингтону искомого преимущества в военной области. Равновесие в силах между капитализмом и социализмом, завоеванное советским народом в 1941–1945 годах, опрокинуть не удалось. Этим мы обязаны солдатам Великой Отечественной войны, героям смертельной борьбы против держав фашистской «оси», тем, кто показал, на что способен народ, отстаивающий свою власть.

Тут мы подходим к главному — указания на опасность военного пути в отношении Советского Союза приводятся как доказательство высшей разумности попыток нанести нам поражение иными методами, то есть не переступая порога термоядерного Армагеддона. Коротко говоря, подрывной работой в самом широком смысле. Военные были засажены за то, что им ведать надлежит свой «Дропшот», а высшее американское государственное руководство приступило к рассмотрению всей стратегии США в отношении СССР с учетом того, что мы располагаем атомным оружием и впереди термоядерная эра. В 1950 году Совет национальной безопасности разрабатывает директиву СНБ-68, призванную сменить директиву СНБ 20/4.

***

Сменить... Пожалуй, громко сказано. Речь шла не больше чем о перестановке акцентов. В новом, очень пространным документе, почти в два раза превышавшем по объему директиву СНБ 20/1, описанные цели политики США полностью подтверждались. Составители проекта — тот же совет планирования политики государственного департамента, который теперь вместо Дж. Кеннана вел П. Нитце, — обильно цитировали директиву 20/4, но внесли в документ дух тревоги, если не паники. Они писали: «Советская угроза безопасности США резко возросла. Она носит тот же характер, что указан в СНБ 20/4 (утвержденной президентом 24 ноября 1948 г.), однако куда ближе, чем считали раньше. Республика и ее граждане

в зените мощи подвергаются самой страшной опасности. Речь идет о гибели не только республики, но и всей цивилизации».

Директива СНБ-68 открывалась широким обзором коренных изменений, поразивших мир в предшествовавшие 35 лет, — ушли в небытие пять империй: Оттоманская, Австро-Венгерская, Германская, Итальянская и Японская. За жизнь одного только поколения соотношение сил в мире приобрело совершенно новые очертания. Остались лишь две сверхдержавы — «США и СССР, оказавшиеся центрами, во всевозрастающей степени сосредоточивающими вокруг себя мощь». Хотя не очень четко, подтверждалось равновесие в военных силах между США и СССР, то есть вывод комитета начальников штабов, восходивший к 1943–1944 годам.

Ну конечно, это признавалось нетерпимым. Шли подробные выкладки соответствующих экономических потенциалов США и СССР и констатировалось, что Соединенные Штаты обязаны в несколько раз увеличить военные расходы. Что, как известно, и было сделано вслед за принятием директивы СНБ-68. На закате президентства Трумэна ежегодные военные расходы США перевалили за 50 миллиардов долларов, более чем в три раза превысив ассигнования конца сороковых годов. Есть ли потолок увеличению военных расходов в широком смысле? В директиве СНБ-68 определялось: «В случае чрезвычайного положения Соединенные Штаты могут уделять до 50% своего валового национального продукта на эти цели, как было во время прошлой войны». Валовой национальный продукт США в 1949 году равнялся 225 миллиардам долларов. За этими рассуждениями просматривалось то, что становится заботой Вашингтона: взвинчивая расходы на военные цели, вовлечь Советский Союз в гонку вооружений и, не доводя пока дела до войны, разорить его.

Советский Союз давал все новые и новые доказательства своей приверженности делу мира. Те, кто раздувал военную истерию, не могли не знать, что и после создания атомного оружия Москва с новой силой подтвердила свою позицию: атомная бомба должна быть запрещена. Как быть? В директиве СНБ-68 констатировалось: «Нам предлагают заявить, что мы не используем атомного оружия, за исключением возмездия на первое применение этого оружия агрессором... Если мы не собираемся отказаться от наших целей, мы не можем искренне выступить с таким заявлением, пока не убедимся, что достигнем наших целей без войны или, в случае войны, не применяя атомное оружие в стратегических и тактических целях». Решительно никакого просвета. Атомные маньяки стояли на своем, а посему преимущества нападения на Советский Союз подробно и тщательно изучались и взвешивались.

Но вот беда: «Способность Соединенных Штатов вести эффективные наступательные операции ныне ограничивается атомным ударом. Можно на-

нести его Советскому Союзу, однако по всем оценкам одни эти операции не побудят Кремль к капитуляции, и Кремль сможет использовать имеющиеся у него силы, чтобы поставить под свое господство большую часть Евразии. Правда, вот проблеск надежды: «Если США создадут термоядерное оружие раньше Советского Союза, то США смогут на определенное время оказывать возрастающее давление на СССР». Но опять проблема: «Если начнется война, то какова в ней роль силы? Если мы не используем ее так, чтобы показать русским людям, что наши усилия направлены против режима и его агрессивной мощи, а не против их интересов, мы объединим режим и народ в борьбе до последней капли крови». Определенно ни атомная, ни тем более термоядерная бомба не могли провести столь тонкого различия, не говоря уже о главном — война против СССР, как мы видим, не сулила победы Соединенным Штатам.

Директива СНБ-68 указывала путь из описанного тупика: с одной стороны, резко увеличить военные приготовления США и их союзников, с другой —

«в целом сеять семена разрушения внутри советской системы, с тем чтобы заставить Кремль по крайней мере изменить его политику... Но без превосходящей наличной и легко мобилизуемой военной мощи политика «сдерживания», которая по своему существу политика рассчитанного и постепенного принуждения, не больше чем блеф».

Следовательно:

«Нам нужно вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов и разрушить иные замыслы Кремля. Усилить позитивные и своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической, политической и психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах».

Конечные цели этого образа действия по директиве СНБ-68:

«Цели свободного общества определяются его основными ценностями и необходимостью поддерживать материальное окружение, в котором они процветают...»

- 1. Мы должны быть сильными в утверждении наших ценностей в нашей национальной жизни и в развитии нашей военной и экономической мощи.*
- 2. Мы должны руководить строительством успешно функционирующей политической и экономической системы свободного мира...*
- 3. Но, помимо утверждения наших ценностей, наша политика и действия должны быть таковы, чтобы вызвать коренные изменения в характере советской системы, срыв замыслов Кремля — первый и важнейший шаг к этим изменениям. Совершенно очевидно, что обойдется дешевле, но более эффективно, если эти изменения явятся в максимальной степени результатом действия внутренних сил советского общества...*

Победу наверняка обеспечит срыв замыслов Кремля постепенным увеличением моральной и материальной силы свободного мира и перенесением ее в советский мир таким образом, чтобы осуществить внутренние изменения советской системы»⁵⁴.

7 апреля 1950 года директива СНБ-68 была представлена президенту Трумэну. Она немедленно начала претворяться в жизнь. Официальное утверждение директивы Трумэна последовало 30 сентября 1950 года. СНБ-68 до точки послужила основой американской политики в отношении СССР на многие годы, а в своих важнейших аспектах действует по сей день.

Политическое мышление в Вашингтоне в отношении Советского Союза вращалось в той или иной мере в круге очерченных идей. Случались и курьезы: в 1952 году сенатор Г. Хэмфри, тогда новичок в сенате и, вероятно, не посвященный в высшие государственные тайны, обратился с письмом к Трумэну, поднимая вопрос, который, писал сенатор 11 июля 1952 года президенту, «теснейшим образом связан с Вашими самыми коренными интересами... Простите меня, но я вторгаюсь в эти дела, руководствуясь соображениями величайшей государственной значимости». За льстивым вступлением Хэмфри высказался о том, что тревожило сенатора, — как лучше организовать оккупацию Советского Союза. Указав, что война с СССР «возможна», он просил президента:

«Я уверен, что я не выхожу за рамки вероятных событий, предлагая, чтобы наши военные активнейшим образом разобрали несколько альтернатив, которые встанут перед нами в конечном итоге после войны и победы. Это по необходимости приведет к заключению, что мы должны оценить значение наших усилий в Германии и Японии по завершении военных действий. Полагаю, г-н президент, что Вы с Вашим острым интересом к истории особо заинтересуетесь историческим обзором нашей оккупационной политики в этих странах. Для историка культуры, на мой взгляд, нет ничего более интересного, чем тщательный и объективный анализ наших новейших основных усилий оказать решительное воздействие на культуру другого народа прямым вмешательством в процессы, через которые проявляется эта культура»⁵⁵.

Документ этот, хранящийся в архиве Г. Трумэна, вероятно, послужил прекрасным аттестатом молодому сенатору в глазах высших американских руководителей. Какие меры были приняты по письму озабоченного Хэмфри, сказать невозможно. Но можно высказать предположение: высокие чины наверняка поздравили друг друга с отличной охраной государственных тайн в США. Сенатор пекся о вмешательстве в «культуру», каковое уже было, как мы видели, определено в секретных военных планах, — сначала атомные бомбы, а затем оккупация Советского Союза. В планах ее «культура» не упоминалась, а заботились о физическом истреблении русских.

***

Вот эта линия — безусловного физического поголовного истребления русских — проходит красной нитью через штабное планирование ядерной агрессии — со времен Г. Трумэна по сей день. «О боже, если бы только русские слышали, что несут некоторые наши генералы ВВС!» — воскликнул как-то ответственный работник американских спецслужб Д. Ванслик. Русские знают. Уже по той причине, что время от времени просачивается сказанное и сформулированное за закрытыми дверями. Просачивается потому, например, как сказал начальник разведки ВВС США генерал Ч. Кабел тому же Ванслику: «Иначе мы не получим ассигнований в конгрессе»⁵⁶. О чем речь?

В начале 1982 года военный историк Д. Розенберг рассмотрел два рассекреченных документа периода 1954–1955 годов. Возможно, они имели отношение к тем аспектам военного планирования, которое развивало положения плана «Дропшот». В этих документах намечалось нанести СССР внезапный удар — сбросить 750 атомных бомб за два часа, чтобы избежать излишних потерь ВВС США. «Два часа — и останется груда радиоактивных развалин». В докладной генерала К. Андерсона перечислялись объекты — 118 городов и 645 аэродромов⁵⁷. По этим вопросам у планировщиков разногласий не было, вот только один вопрос остался открытым — как США избегнут ответного удара?

Выведа за скобки эту проблему (камень преткновения для агрессоров по сей день!), посмотрим, как эволюционирует выбор целей американскими стратегами на территории СССР. Профессор Г. Гертнер из Калифорнийского университета в середине 1981 года обратил внимание:

«Во Второй мировой войне многие окраинные республики хорошо выполнили функцию буфера, приняв на себя первоначальный ущерб, который нес вермахт. В ядерной войне случится противоположное. Немедленные и концентрированные разрушения будут нанесены центральным районам Великороссии».

За этим общим положением последовали длительные рассуждения касательно новой американской доктрины выбора целей для ракетно-ядерных ударов. Как именно уничтожать промышленные и административные центры, приоритеты при выборе стратегических объектов и многое другое все в том же плане. Профессор заверяет, что ныне предусматривается поразить решительно все, ибо учитываются все факторы.

Например:

«Есть важные соображения с точки зрения климата. Ветры понесут продукты радиации на самые густонаселенные районы России. С ноября по март ветры преимущественно дуют с юга и запада в их направлении, а с апреля по октябрь с севера и запада также к этим центрам. Это увеличивает опасность сильного радиоактивного заражения, ибо направления ветров локализируют его. Коротко говоря, направле-

ния ветров на протяжении всего года гарантируют, что первоначальная радиация (особенно смертоносная) покроет наиболее густозаселенные районы».

Красноречивый автор проиллюстрировал сказанное на двух картах, помещенных в его статье, — стрелки направления ветров и прочее. Донес, так сказать, графически до сознания заинтересованных читателей будущее, которое готовят нашему народу заокеанские стратеги⁵⁸.

К величайшему прискорбию, нужно констатировать — приведенные суждения не плод профессорского праздномыслия в солнечной Калифорнии, где, помимо прочего, находится корпорация «Рэнд», обслуживавшая теоретическими идеями ВВС США. Нет ни малейших сомнений в том, что все это — логическое развитие стратегической доктрины Вашингтона. Не кто другой, как генерал М. Тейлор (имя которого не сходило с первых страниц газет в президентства Эйзенхауэра и Кеннеди), подтвердил — нужно сжечь в ядерном огне именно эти районы.

***

Предание гласности директивы СНБ-68 в 1975 г.⁵⁹, несомненно, преследовало цель перекинуть прочный мост между прошлым и будущим, показать замечательную преемственность и последовательность американской внешней политики. Действительно, зыбучие пески времени не поглотили положений директивы СНБ-68, и правящая олигархия Запада все еще живет на проценты интеллектуального капитала, собранного Советом национальной безопасности США что-то около тридцати лет назад, и еще далека от того, чтобы прожить его.

Это достаточно показали события на международной арене за три десятка лет, а в области политической мысли — одно из тягчайших доказательств соображения специальной трехсторонней исследовательской группы, представленные «трехсторонней комиссией», обсужденные ею и опубликованные в 1978 году в виде доклада «Капитальное рассмотрение отношений между Западом и Востоком».

«Отношения между Западом и Востоком — общепринятый термин для обозначения отношений между промышленно развитыми демократиями с одной стороны и главными коммунистическими державами с их союзниками — с другой. Памятуя о том, что по отношению к Европе и Атлантическому побережью США коммунистические державы лежат на востоке, а по отношению к Японии и Тихоокеанскому побережью США — на западе, мы будем для краткости пользоваться этим термином. Так вот, мы можем заявить, что в последние 30 лет отношения между Западом и Востоком характеризовались долговременным конфликтом, в который вкрапливались элементы сотрудничества... Несмотря на появление новых возможных проблем... конфликт между Западом и Востоком, по нашему мнению, сохраняет свое ведущее значение по сей день»⁶⁰.

Кто эти «мы», выражающиеся безапелляционно и уверенно, трактующие о предметах не меньше чем в глобальных масштабах? Что такое «трехсторонняя комиссия»? О ней известно относительно немного. Журнал «Пентхауз» в декабре 1977 года писал, конечно, с определенным оттенком сенсационности:

«В 1972 г. Дэвид Рокфеллер решил стать фактическим правителем некоммунистического мира. Его орудие для этого — трехсторонняя комиссия... В 1973 г. Дэвид Рокфеллер попросил Збигнева Бжезинского создать трехстороннюю комиссию, закрытый клуб мультимиллионеров и их советников, для правления миром»⁶¹.

Ее участники буквально щеголяют своим прагматизмом, который в их устах означает: в современном мире усилия «частных» лиц иной раз могут дать больше, чем правительства, пораженные бюрократическим склерозом. «Трехсторонняя комиссия», созданная в 1973 г., объединяет руководителей крупнейших монополий США, Западной Европы и Японии. Насколько известно, на секретных заседаниях они разрабатывают единую политику, начав с попыток разрешения главных экономических и валютных проблем капиталистического мира. Конечная цель, если верить словам Бжезинского, учреждение «общества развитых держав» — США, Западной Европы и Японии. С 1973 года под эгидой комиссии выходят доклады специальных исследовательских трехсторонних групп. Для «капитального рассмотрения отношений между Западом и Востоком» очередь пришла к 1978 году. Это 15-й по счету доклад. Хотя он, преданный гласности, писан иначе, чем злоеющие рекомендации директивы СНБ-68, в которой выражались с откровенностью, приличествующей строго секретному документу, дух этой директивы витает над рассуждениями тех, кто разъясняет кредо «трехсторонней комиссии». В самом деле:

«Стабильный мировой порядок, о котором часто говорят на Западе, нереалистичная цель... Больше того, иллюзия стабильности ущербна, ибо склоняет Запад к обороне... Наша основная цель в долговременных отношениях с коммунистическими державами: Запад не должен довольствоваться защитой своих основных ценностей и стремиться воплотить их в жизнь только на своей территории. Запад должен поставить своей целью оказывать влияние на естественные процессы изменений, происходящие в «третьем мире» и даже в коммунистическом мире, в направлении благоприятном, но не неблагоприятном для их ценностей...»

Говоря о мирных изменениях в направлении наших ценностей, мы должны скорее стремиться к изменениям внутри этих режимов, оказывая влияние на выбор альтернатив, которые возможны и необходимы в рамках их существующего строя... Запад не может оказывать эффективное влияние простой пропагандой их преимуществ или увеличивая требования к советским лидерам... Мы должны сформулировать

перед партнером альтернативы так, чтобы тот или иной курс во внутренних делах для него представлялся более выгодным».

За обтекаемыми парламентскими формулировками кроется очевидное намерение во всевозрастающей степени вклиниваться в дела Советского Союза в интересах подрыва социалистического строя и утверждения взамен пресловутых «ценностей» капитализма. Одновременно идет поиск союзников внутри Советской страны, каковыми, как всегда, признаются те, кого советские люди считают жалкими отщепенцами. «Политическая деятельность „диссидентов“, принадлежащих к „демократическому движению“, оказывает давление», — констатируется в докладе. То самое искомое давление «изнутри». Вот только что огорчительно:

«Эти группы малы... и не пользуются массовым влиянием». Значимость их в глазах Запада в том, что они отстаивают те самые «ценности» капитализма, то есть находятся на передовой линии фронта против социализма. Ведут бескомпромиссную борьбу, ибо выделяется в докладе:

«отношение к правам человека — одно из коренных различий между ценностями коммунистических и западных правительств. По своему характеру это различие едва ли может быть преодолено в рамках мирного сосуществования между различными системами».

Если так, тогда вот и признание из авторитетнейшего источника — кампания Запада о «правах человека» рассчитанно наглая провокация! Но вернемся к докладу.

«Западные правительства... могут и должны настаивать на том, чтобы восточные режимы смирились с информацией о нарушениях ими прав человека, распространяемой западными средствами массовой коммуникации, включая специальные передачи для Востока, это и есть „идеологическая борьба...“. Западные правительства... поступят мудро, избегая создавать впечатление, что предпринимаются открытые правительственные попытки произвести изменения „силой“ во внутренней политике восточных стран. Большая часть позитивных или негативных последствий в этих делах зависит от стиля и методов»⁶².

Об этом «стиле и методах» достаточно понаслышались.

***

Уникальным держателем арсенала «стиля и методов», конечно, не связанных с «открытыми правительственными попытками» подрывать государственный и общественный строй других государств, является Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов.

¹ J. Gaddis, Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive history, N. Y., 1978, pp. 154–155.

² «Известия», 1946, 29 октября.

³ «Известия», 1947, 24 января.

⁴ ЮНРРА — Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций была создана в 1943 году для целей, видных из ее названия. Совет ЮНРРА постановил, что государства, ее члены, территория которых не была оккупирована, делают взнос в ее фонд в размере двух процентов от национального дохода страны в 1943 году. Другие участники организации призывались делать посильные взносы. На деле представители США в ЮНРРА использовали помощь в попытках добиться угодных Вашингтону целей. Организация распущена в 1947 году.

⁵ G. Kennan, Memoirs 1925–1950, Boston 1967, pp. 266–267.

⁶ J. Gaddis, The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947, N. Y., 1972, pp. 259–260.

⁷ G. Kennan. Op. cit., p. 277.

⁸ D. Yergin. Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security state, Boston 1977, pp. 96–98.

⁹ F. R.: 1945, v. 3, p. 1228.

¹⁰ «Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with respect to Intelligence Activities». U.S. Senate. Book I, Washington 1976, pp. 19–20.

¹¹ То, что сошло для сенаторов, вероятно, оказалось слишком для американского издательства «Ридерз дайджест пресс». В отличие от седовласых законодателей, принявших вздор Розикого как должное, ибо он соответствует стереотипам их мышления, редакторы дрогнули.

В выпущенной в 1977 году, через два года после памятных показаний Розикого в комиссии сената его книге «Тайные операции ЦРУ» тот эпизод был начисто лишен колоритных деталей, приемлемых на Капитолийском холме: «Тогда никто не знал, что русские делают в Берлине, и трое из нас, один говоривший на русском румын, вызвались проникнуть в русскую зону и посмотреть. Напряженно и с опаской мы потратили пять часов, чтобы перебраться через границу зоны, и провели шесть часов в Берлине. Зрительные впечатления запечатлелись у меня по сей день. Толпы немецких мальчишек и стариков, которых гнали по берлинской кольцевой дороге на восток», и т.д. «Лапти» и прочее исчезли, надо думать, под редакторским карандашом, да и «36 часов» пребывания в советской зоне. Но дух остался: «Россия идет на запад, пронеслось у меня в уме, Европа больше не будет прежней!» (Введение к указанной книге, с. XXV–XXVI.)

¹² «The Patton Papers», Ed. by M. Blumenson, Boston 1974, pp. 721. 731–734.

¹³ M. Sherry, Preparing for the Next War. American Plans for postwar defense, 1941–45, Yale University Press, 1977, p. 57.

¹⁴ M. Matloff, Strategic Planning for Coalition Warfare 1943–1944, Washington 1959, pp. 523–524.

¹⁵ J. Burns. Roosevelt: the Soldier of Freedom, N. Y., 1970, p. 459.

¹⁶ M. Sherry, Op. cit., pp. 201 205, 212–213.

- 17 Ibid., pp. 214–210.
- 18 F. R.: 1946, v. 1, pp. 1160–1165, 1125–28.
- 19 W. Manchester, *The Glory and the Dream*, N. Y., 1978, pp. 375–376.
- 20 Цит. по: «Новое время», 1980, № 8, с. 28, 29.
- 21 F. R., 1946, v. 6, p. 705.
- 22 «Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945–1950», Ed. by T. Etzold and J. Gaddis. N. Y., 1978, pp. 66–68.
- 23 F. R.,: 1946, v. 6, pp. 709, 699.
- 24 F. R.: 1947, v. 1, pp. 772, 776–777.
- 25 F. R.: 1948, v. 1, pt2, p. 580.
- 26 «Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945–1950», pp. 174, 176, 180–181, 190, 189, 196, 197, 201–203.
- 27 Toland, *Adolf Hitler*, N. Y. 1981, p. 702.
- 28 «Drop Shot. The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957», Ed. by A. Brown, N. Y., 1978, p. 36.
- 29 F. R.: 1948, v. 1. pt. 2, pp. 666, 665.
- 30 «Drop Shot...», p. 6.
- 31 «Containment. Documents...», p. 323.
- 32 «Drop Shot...», p. 9–10.
- 33 Ibid., p. 7.
- 34 «Containment. Documents...», pp. 357–360.
- 35 В американских документах понятие «диссидент» впервые появляется в этой связи.
- 36 Ibid., pp. 361–364.
- 37 «Drop Shot...», p. 5.
- 38 R. Hewlett and F. Dunean, *Atomic Shield: 1947–52*, Pennsylvania State University Press, 1969, pp. 362–369.
- 39 «Drop Shot...», p. 20.
- 40 Ibid., p. 28.
- 41 Ibid., p. 47.
- 42 Ibid., p. 241.
- 43 Ibid., pp. 243–245.
- 44 Ibid., pp. 42, 73.
- 45 Ibid., pp. 60, 74–75, 62.
- 46 К. Клаузевиц. О войне. М., 1941, т. 2, с. 365.
- 47 «Drop Shot...», p. 20.
- 48 «Containment. Documents...», pp. 212, 222.
- 49 J. Gaddis, *Strategies of Containment*, N. Y., 1982, p. 47.
- 50 «Drop Shot...», pp. 76, 75, 41.
- 51 Ibid., pp. 243–244.
- 52 Ibid., p. 1–2.
- 53 L. Chester, G. Hodgson, B. Page. *The American Melodrama*. N. Y., 1969, p. 778.
- 54 F. R., 1950, v. 1, pp. 237–292.
- 55 Harry S. Truman Library, *President's Secretary's File*.
- 56 T. Powers, *The Man who Kept the Secrets. Richard Helms and the CIA*, N. Y., 1981, p. 404.
- 57 D. Rosenberg, A. *Smoking Radiating Ruin at the End of Two Hours*, «International Security», Winter 1981/82, pp. 34–39.
- 58 Gertner, *Strategic Vulnerability of a Multinational State*, «Political Science Quarterly», Summer 1981, pp. 211–219.
- 59 «The Washington Post», January 14, 1982.
- 60 «Naval War College Review». May–June 1975, pp. 51–108.
- 61 «An Overreview of East — West Relations, Report of the Trilateral Task Force on East — West Relations to the Trilateral Commission», 1978, p. 1.
- 62 «Penthouse», December 1977, pp. 160, 89, 166.
- 63 «An Overreview of East — West Relations...», pp. 46–47, 9–10, 52–54.

Начало «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Г. Киссинджер*

Подобно Моисею, Франклин Делано Рузвельт видел землю обетованную, но не дано ему было достичь ее. Когда он умер, союзные войска находились уже в глубине Германии, а битва за Окинаву, прелюдия к планируемому союзному вторжению на основные Японские острова, только началась.

Смерть Рузвельта 12 апреля 1945 года не была неожиданностью. Врач Рузвельта, встревоженный резкими колебаниями кровяного давления у пациента, сделал вывод, что президенту удастся выжить, только если он будет избегать какой бы то ни было умственной нагрузки. С учетом требований президентского поста, это заявление было равносильно смертному приговору¹. В какой-то безумный миг Гитлер и Геббельс, загнанные в западню в окруженном Берлине, поверили в придуманную ими же самими сказку, будто бы они сейчас явятся свидетелями повторения исторического события, названного в учебниках «чудом Бранденбургского дома»: когда в Семилетнюю войну, в то время как русские армии стояли у ворот Берлина, Фридрих Великий был спасен благодаря внезапной смерти русской императрицы и восшествия на престол дружественно настроенного царя. История, однако, в 1945 году не повторилась. Нацистские преступления обусловили, по крайней мере, одну общую для всех союзников цель: ликвидировать нацизм как источник бед.

Крах нацистской Германии и необходимость заполнить образовавшийся в результате этого вакуум силы привели к распаду военного партнерства. Просто-напросто цели союзников коренным образом расходились. Черчилль стремился не допустить господства Советского Союза в Центральной Европе. Сталин хотел получить в оплату советских военных усилий и героических страданий русского народа территорию. Новый президент Гарри Ш. Трумэн поначалу стремился следовать заветам Рузвельта и крепить

союз. Однако к концу его первого президентского срока исчезли последние намеки на гармонию военного времени. Соединенные Штаты и Советский Союз, два периферийных гиганта, теперь противостояли друг другу в самом центре Европы.

Социальное происхождение Гарри Ш. Трумэна, как небо от земли, отличалось от происхождения его великого предшественника. Рузвельт был признанным членом космополитического северо-восточного истеблишмента; Трумэн происходил из среднезападного деревенского среднего класса. Рузвельт получал образование в лучших пригготовительных школах и университетах; Трумэн так и не поднялся выше уровня неполной средней школы, хотя Дин Ачесон со страстью и восхищением называл его настоящим йельцем в лучшем смысле этого слова. Вся жизнь Рузвельта была посвящена подготовке к занятию высшей государственной должности в стране; Трумэн был продуктом политической машины Канзас-Сити.

Избранный на роль вице-президента лишь после того, как первый назначенец Рузвельта Джеймс Бирнс был забракован профсоюзным движением, Гарри Трумэн своей прошлой политической карьерой не давал даже намека на то, что из него выйдет недюжинный президент. Не имея реального внешнеполитического опыта и руководствуясь лишь неясными намеками, оставленными в наследие Рузвельтом, Трумэн взялся за выполнение задачи по завершению войны и строительству нового международного порядка даже в условиях развала первоначальных планов, принятых в Тегеране и Ялте.

Как выяснилось, президентство Трумэна совпало с началом «холодной войны» и становлением политики сдерживания, которая в итоге и победила. Он вовлек Соединенные Штаты в первый за всю их историю союз мирного времени. Под его руководством Рузвельтовскую концепцию «четырех полицейских» сменила беспрецедентная система коалиций,

* Генри Альфред Киссинджер. Глава из книги «Дипломатия».

которая оставалась в течение сорока лет основой американской внешней политики. Будучи воплощением американской веры в универсальность ее ценностей, этот простой житель Среднего Запада призвал поверженных врагов вернуться в сообщество демократических стран. Он покровительствовал реализации «плана Маршалла» и «программы Четвертого пункта», посредством которых Америка выделяла ресурсы и технологию на дело восстановления и развития стран, далеких от нее.

Я встречался с Трумэном лишь однажды, в начале 1961 года, когда был доцентом Гарварда. Плановое выступление в Канзас-Сити дало мне возможность встретиться с экс-президентом в Трумэновской президентской библиотеке неподалеку от Индепенденса, штат Миссури. Прошедшие годы не отразились на его прекрасном расположении духа. Устроив экскурсию по библиотеке, Трумэн затем пригласил меня к себе в кабинет, оказавшийся точной копией Овального кабинета Белого дома во времена его президентства. Услышав, что я по совместительству работаю консультантом у Кеннеди в Белом доме, он спросил меня, что я из этого извлек. Опираясь на стандартную вашингтонскую коктейльную мудрость, я ответил, что бюрократия представляется мне четвертой ветвью власти, серьезно ограничивающей свободу действий президента. Трумэн не нашел это замечание ни забавным, ни поучительным. В нетерпении оттого, что с ним разговаривают, как он это назвал, «по-профессорски», он ответил резкостью и колкостью, а затем развернул передо мной свое представление о роли президента: «Если президент знает, чего он хочет, ему не может помешать никакой бюрократ. Президент обязан знать, когда следует остановиться и больше не спрашивать советов».

Быстро вернувшись на привычную академическую почву, я спросил Трумэна, каким именно внешнеполитическим решением он хотел бы более всего остаться в памяти. Он ответил без колебаний: «Мы полностью разгромили наших врагов и заставили их сдаться. А затем мы же помогли им подняться, стать демократическими странами и вернуться в сообщество наций. Только Америка сумела бы это сделать». После этого Трумэн прошел вместе со мной по улицам Индепенденса к простому дому, где он жил, чтобы познакомить меня со своей женой Бесс.

Я пересказываю эту краткую беседу, потому что она полностью отразила суть трумэновской истинно американской натуры: ощущение величия президентского поста и ответственного характера президентской деятельности, гордость могуществом Америки и, превыше всего, веру в то, что истинное призвание Америки — служить светочем свободы и прогресса для всего человечества.

Трумэн приступил к самостоятельному исполнению президентских обязанностей, выйдя из глубокой тени Рузвельта, который после смерти превратился в почти мифическую личность. Трумэн искренне вос-

хищался Рузвельтом, но в конце концов, как и подобает каждому новому президенту, стал рассматривать свой пост, унаследованный от него, как проекцию собственного опыта и собственных ценностей.

Став президентом, Трумэн ощущал гораздо в меньшей степени, чем Рузвельт, эмоциональную обязанность хранить единство союзников; для выхода из изоляционистского Среднего Запада единство между союзниками было скорее предпочтительным с практической точки зрения, чем эмоционально или морально необходимым. Не испытывал Трумэн и преувеличенного восторга по поводу военного партнерства с Советами, на которые он всегда взирал с величайшей осторожностью. Когда Гитлер напал на Советский Союз, тогда еще сенатор Трумэн оценивал обе диктатуры как морально эквивалентные друг другу и рекомендовал, чтобы Америка поощряла их сражаться насмерть: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы обязаны помогать России, а если будет побеждать Россия, то мы обязаны помогать Германии, и пусть таким образом они убивают друг друга как можно больше, хотя мне ни при каких обстоятельствах не хотелось бы видеть победителем Гитлера. Ни один из них ни во что не ставит данное им слово»².

Несмотря на ухудшение состояния здоровья Рузвельта, Трумэна за все три месяца пребывания на посту вице-президента ни разу не привлекали к участию в выработке ключевых внешнеполитических решений. Не был он и введен в курс дела относительно проекта создания атомной бомбы.

Трумэн получил в наследство международную обстановку, где демаркационные линии определялись сходящимися друг с другом передовыми рубежами армий с востока и с запада. Политическая судьба стран, освобожденных союзниками, еще не решилась. Большинство традиционных великих держав приспособивались к новой для себя роли. Франция оказалась повержена; Великобритания хотя и победила, но была истощена; Германию разрезали на четыре оккупационные зоны: если с 1871 года она пугала Европу своей силой, то теперь, бессильная, угрожала хаосом. Сталин передвигал советскую границу на шестьсот миль к западу, до Эльбы, по мере того как перед фронтом его армий образовывался вакуум вследствие слабости Западной Европы и планируемого вывода американских войск.

Первоначальным инстинктивным порывом Трумэна было поладить со Сталиным, особенно поскольку американские начальники штабов все еще жаждали советского участия в войне против Японии. Хотя Трумэна обескуражила непреклонность Молотова во время первой встречи с советским министром иностранных дел в апреле 1945 года, он объяснял трудности разностью исторического опыта. «Нам надо твердо держаться с русскими, — заявил Трумэн. — Они не умеют себя вести. Они похожи на слона в посудной лавке. Им всего двадцать пять лет.

Нам уже больше ста, а британцы на несколько веков старше. Мы вынуждены научить их, как себя вести»³.

Это было типично американским заявлением. Основываясь на предположении о наличии основополагающей гармонии, Трумэн объяснял разногласия с Советами не противоположностью геополитических интересов, а «неумением себя вести» и «политической незрелостью». Иными словами, он верил в возможность склонить Сталина к «нормальному» поведению. И когда он осознал, что на самом деле напряженность между Советским Союзом и Соединенными Штатами проистекает не по причине какого-то недоразумения, а носит врожденный характер, началась история «холодной войны».

Трумэн унаследовал главных советников Рузвельта, и его президентство началось с попытки и далее развивать концепцию своего предшественника относительно «четырех полицейских». В обращении от 16 апреля 1945 года, через четыре дня после вступления в должность, Трумэн в мрачных тонах обрисовал контраст между мировым содружеством наций и хаосом и счел, что единственная альтернатива глобальной коллективной безопасности — анархия. Трумэн вновь подтвердил верность идеям Рузвельта, заявив, что специфической обязанностью союзников военных лет остается сохранение единства между ними, чтобы установить и сберечь новый мирный международный порядок, а самое главное — защищать принцип отказа от применения силы при решении международных конфликтов:

«Ничто не может быть столь важным для будущего мира во всем мире, как непрерывное сотрудничество между нациями, собравшими все свои силы, чтобы сорвать заговор держав „оси“ в целях достижения ими мирового господства.

И поскольку эти великие государства обладают особыми обязательствами в отношении сбережения мира, то основой для них является обязанность всех государств, больших и малых, не применять силу в международных отношениях иначе, как в защиту права»⁴.

Похоже, составители речей Трумэна не думали, что обязаны вносить в его тексты какое-то разнообразие, а возможно, считали свой стандартный текст не нуждающимся в правке, ибо это положение было дословно повторено в речи Трумэна от 25 апреля на организационной конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско.

Но, несмотря на цветистую риторику, голые геополитические факты приземляли ситуацию. Сталин вернулся к прежней тактике ведения внешней политики и требовал платы за свои победы в единственной валюте, воспринимаемой им всерьез, — в форме контроля над территориями. Он понимал, что такое сделка, и готов был участвовать в торге, но лишь постольку, поскольку речь шла о конкретных *quid pro quo* — как-то сферах влияния, или он мог торговать коммунистическим влиянием в Восточной Европе

в обмен на конкретные выгоды вроде массивной экономической помощи. Зато абсолютно вне пределов понимания этого одного из наиболее беспринципных лидеров, когда-либо возглавлявших великую державу, находилось то, что внешнюю политику можно основывать на коллективной доброй воле и на фундаменте международного права. С точки зрения Сталина, встречи лидеров мирового масштаба с глазу на глаз могут зафиксировать соотношение сил или расчет национальных интересов, но не способны их изменить. И потому он никогда не отвечал на призывы Рузвельта или Черчилля вернуться к товариществу военного времени.

Не исключено, что огромный престиж, приобретенный Рузвельтом, мог бы еще какое-то время удерживать Сталина в рамках умеренности. В итоге все равно Сталин бы делал уступки только «объективной» реальности; для него дипломатия была всего лишь одним из аспектов более всеобъемлющей и неизбежной борьбы за определение соотношения сил. Проблема, встававшая перед Сталиным в его взаимоотношениях с американскими лидерами, заключалась в том, что он с огромным трудом понимал, какую важную роль для них играли мораль и право применительно к внешнеполитическому мышлению. Сталин искренне не осознавал, почему для американских лидеров такое значение имеет внутреннее устройство восточноевропейских государств, коль скоро они не представляют для них никакого стратегического интереса. Американская приверженность принципу вне связи с каким-либо конкретным интересом, который лежал бы на поверхности, заставляла Сталина искать потаенные мотивы. «Боюсь, — докладывал Аверелл Гарриман в бытность послом в Москве, — что Сталин не понимает и никогда не поймет полностью нашей принципиальной заинтересованности в свободной Польше. Он реалист... и ему трудно осознать нашу приверженность абстрактным принципам. Ему затруднительно понять, отчего нам вдруг хочется вмешиваться в советскую политику в странах типа Польши, которые он считает чрезвычайно важными с точки зрения безопасности России, если у нас не имеется каких-либо скрытых мотивов...»⁵.

Сталин, мастер практического применения принципов «*Realpolitik*», должно быть, полагал, что Америка хочет воспрепятствовать установлению нового геополитического баланса, возникшего благодаря присутствию Красной Армии в центре Европейского континента. Человек с железными нервами, он был не из тех, кто может пойти на предварительные уступки; он, вероятно, решил, что гораздо лучше держать при себе все накопленные фишки и настороженно следить за обретенными выигрышами в ожидании переговоров, на которых следующий шаг пусть делают союзники. При этом Сталин воспринимал всерьез только такие шаги, последствия которых можно было бы проанализировать с точки зрения риска и вознаграждения за него. И когда союзники

не оказывали на него никакого давления, он просто подозревал подвох.

Сталин вел себя в отношении Соединенных Штатов столь же дерзко, как привык действовать по отношению к Гитлеру в 1940 году. В 1945 году Советский Союз, ослабленный потерей десятков миллионов жизней и опустошением трети своей территории, очутился лицом к лицу с не пострадавшей от войны Америкой, обладающей атомной монополией; в 1940 году перед ним оказалась Германия, осуществляющая контроль над всем остальным континентом. В каждом из этих случаев Сталин, вместо того чтобы идти на уступки, укреплял позиции советского государства и пытался блефовать перед лицом потенциальных оппонентов, что скорее двинется еще дальше на запад, чем отступит. И в каждом из этих случаев ошибочно рассчитал реакцию оппонентов. В 1940 году визит Молотова в Берлин укрепил решимость Гитлера нападать; в 1945 году тот же самый министр иностранных дел сумел превратить добрую волю Америки в конфронтацию «холодной войны».

Черчилль понял дипломатические расчеты Сталина и вознамерился им противодействовать, предприняв два собственных шага. Он настоял на как можно более ранней встрече на высшем уровне трех союзников военных лет, чтобы решить назревшие вопросы еще до того, как консолидируется советская сфера влияния. С учетом этого он хотел бы, чтобы западные державы заполучили как можно больше переговорных выгод. Возможность для этого заключалась хотя бы в том, что советские войска встретились с армиями союзников значительно восточнее, чем было предусмотрено, и что в результате этого союзные силы контролировали около трети территории, выделенной советской зоне оккупации Германии, включая подавляющую часть промышленных районов. Черчилль предложил использовать эту территорию в качестве рычага воздействия на последующих переговорах. 4 мая 1945 года он телеграфировал инструкции министру иностранных дел Идену, собиравшемуся встретиться с Трумэном в Вашингтоне:

«...Союзникам не следует отступать с занимаемых позиций к линиям зон оккупации до тех пор, пока мы не будем удовлетворены относительно Польши, а также относительно временного характера русской оккупации Германии и условий, устанавливаемых в русифицированных или подконтрольных России придунайских странах, в частности в Австрии и Чехословакии и на Балканах»⁶.

Новая американская администрация, однако, была не более благожелательна к британской «Realpolitik», чем рузвельтовская. Дипломатическая схема военных лет повторилась. Американские лидеры были в достаточной степени обрадованы и дали согласие на встречу на высшем уровне в Потсдаме, под Берлином, во второй половине июля. Но Трумэн еще не был готов принять предложение Черчилля

действовать со Сталиным, раздавая награды и назначая наказания, с тем чтобы достичь желаемых результатов. Так что трумэновская администрация оказалась столь же готовой, как и ее предшественница, преподать урок Черчиллю, показав ему, что дни дипломатии равновесия сил давным-давно миновали.

В конце июня, менее чем за месяц до назначенной встречи, американские войска отошли на согласованную демаркационную линию, не оставляя Великобритании иного выбора, как последовать их примеру. Более того, точно так же, как Рузвельт в значительной степени переоценивал возможности Великобритании, администрация Трумэна уже видела себя в роли посредника между Великобританией и Советским Союзом. Преисполненный решимости не произвести впечатления готовности наговор против Сталина, Трумэн, к огорчению Черчилля, отклонил предложение остановиться по пути в Потсдам в Великобритании, чтобы отпраздновать англо-американскую победу.

Трумэн, однако, не испытывал угрызений совести в отношении встречи со Сталиным в отсутствие Черчилля. Прибегнув к тому же предлогу, каким воспользовался Рузвельт, когда хотел увидеться со Сталиным в Беринговом проливе — то есть указав, что он в отличие от Черчилля никогда не встречался со Сталиным, — Трумэн предложил организовать для него отдельную встречу с советским руководителем. Но Черчилль оказался столь же чувствителен к исключению из советско-американского диалога, сколь серьезно отнеслись советники Трумэна к созданию иллюзии, будто Вашингтон и Лондон работают в тандеме. Согласно мемуарам Трумэна, Черчилль раздраженно уведомил Вашингтон, что он не будет присутствовать на встрече на высшем уровне, являющейся продолжением конференции между Трумэном и Сталиным⁷. Чтобы выполнить взятую на себя роль посредника и установить прямой контакт с лидерами союзников, Трумэн решил направить эмиссаров в Лондон и Москву.

Гарри Гопкинс, давний поверенный Рузвельта, был направлен в Москву; гонец, снаряженный к Черчиллю, был, как это ни странно, отобран с точки зрения доверия к нему Сталина, а не в силу понимания этим доверенным лицом замыслов британского премьер-министра. Это был Джозеф Э. Дэвис, довоенный посол в Москве, написавший бестселлер «Миссия в Москву». И хотя Дэвис был банкиром-инвестором, то есть, в глазах коммунистов, архикапиталистом, он обладал склонностью, характерной для большинства американских послов, особенно не принадлежащих к числу дипломатов карьеры, превращаться в самозванных пропагандистов тех стран, в которых они аккредитованы. Книга Дэвиса о приключениях посла попугайски копировала все тезисы советской пропаганды по всевозможным вопросам, включая утверждения о виновности жертв показательных процессов. Направленный Рузвельтом

в военное время с миссией в Москву, уверовавший в явный подлог, Дэвис позволил себе невероятно бестактный поступок и показал фильм, снятый по мотивам его бестселлера, группе высших советских руководителей в американском посольстве. Официальный отчет сухо констатировал, что советские гости смотрели фильм с «хмурым любопытством», когда на экране доказывалась вина их бывших коллег⁸. (И недаром. Они не только знали, что к чему, но не могли не принимать в расчет возможности, что этот фильм раскрывает их будущую судьбу.) Так что Трумэн вряд ли мог найти более неподходящего человека, чтобы послать его на Даунинг-стрит и с пониманием выслушать точку зрения Черчилля на послевоенный мир.

Визит Дэвиса в Лондон в конце мая 1945 года оказался столь же сюрреалистичным, как и его военная миссия в Москву. Дэвис был гораздо более заинтересован в продолжении американского партнерства с Советским Союзом, чем в создании благоприятных условий для развития англо-американских отношений. Черчилль выразил американскому посланцу свои опасения относительно того, что Сталин хочет проглотить Центральную Европу, и подчеркнул важность объединенного англо-американского фронта для противостояния этому. На анализ Черчилля в отношении советского вызова Дэвис отреагировал тем, что сардонически спросил «Старого Льва», не сделали ли «он и Британия ошибки, не поддержав Гитлера, ибо, как я понял, теперь высказывается доктрина, которую провозглашал Гитлер и Геббельс, и берется реванш за прошедшие четыре года попыткой разрушить единство союзников при помощи принципа «разделяй и властвуй»⁹. А, по мнению Дэвиса, дипломатические отношения между Востоком и Западом могли бы зайти в никуда, если бы не базировались на вере в добрую волю Сталина.

Именно в этом духе Дэвис докладывал Трумэну. Что же касалось величия Черчилля, то, с точки зрения Дэвиса, он был «вчера, сегодня и всегда» великим англичанином, более заинтересованным в сохранении положения Англии в Европе, чем в сохранении мира¹⁰. Адмирал Леги, первоначально рузвельтовский, а теперь трумэновский начальник штаба, подкрепил точку зрения Дэвиса, ибо она была широко распространена, и сопроводил доклад Дэвиса следующим замечанием: «Это соответствует нашей штабной оценке поведения Черчилля во время войны»¹¹.

Трудно придумать лучшую иллюстрацию шахрахания Америки от «Realpolitik». Дэвис и Лети выражали открытое недовольство тем, что британский премьер-министр прежде всего заботится о британских национальных интересах — государственный деятель любой страны счел бы это за самую естественную вещь на свете. И даже несмотря на то, что поиск Черчиллем равновесия сил на континенте являлся воплощением трехвековой истории британской политики, американцы смотрели на это, как на

некую аберрацию, и противопоставляли желанию установить равновесие стремление к миру, словно цели и средства противоположны друг другу, а не дополняют друг друга.

Гопкинс, который несколько раз посещал Москву в качестве эмиссара военного времени, не осознал изменения атмосферы и стремился действовать, как и прежде. Даже с учетом этого не исключено, что его встречи со Сталиным непреднамеренно углубили пропасть в отношении Восточной Европы и ускорили начало «холодной войны». Ибо Гопкинс следовал модели поведения военных лет, подчеркивая гармонию и не обращая внимания на конфронтацию. Он не рискнул сообщить Сталину, до какой степени его курс способен повлечь за собой серьезные неприятности, всполошив американскую общественность. На протяжении всей своей дипломатической карьеры Гопкинс действовал, исходя из той предпосылки, что любые разногласия можно уладить в атмосфере понимания и доброй воли, но эти категории практически находились вне пределов сталинского понимания.

Сталин виделся с Гопкинсом шесть раз в конце мая и начале июня. Применяя обычную тактику постановки собеседника в положение обороняющегося, Сталин пожаловался на прекращение ленд-лиза и общее охлаждение советско-американских отношений. Он предупредил, что Советский Союз никогда не уступит оказываемому на него давлению, — стандартный дипломатический ход, используемый, когда участник переговоров ищет способ сохранить достоинство и одновременно определить, каких от него хотят уступок, не делая намека на то, что он на них пойдет. Сталин задался целью показать, будто не понимает озабоченности Америки свободными выборами в Польше. В конце концов, ведь Советский Союз не поднимал сходного вопроса применительно к Италии и Бельгии, где выборы тоже еще не прошли. Почему западные страны столь озабочены положением в Польше и государствах Дунайского бассейна, находящихся так близко от советских границ?

Гопкинс и Сталин фехтовали вполсилы, причем Гопкинс так и не сумел дать понять Сталину, что американцы вполне серьезно озабочены вопросами самоопределения Восточной Европы. Более того, Гопкинс следовал практике большинства американских дипломатов и выдвигал даже бесспорно серьезные доводы в такой манере, которая не позволила бы обвинить его в неуступчивости. В ожидании компромисса они дают возможность своему собеседнику найти достойный выход из положения. Обратной стороной подобного подхода является то, что когда участники переговоров с американской стороны убеждаются в отсутствии у их партнеров доброй воли, они имеют тенденцию становиться непреклонными, а по временам и жесткими.

Слабость переговорного стиля Гопкинса усугублялась тем, что оставался еще огромный запас доброй воли в отношении Сталина и Советского Союза, со-

хранившийся с военного времени. К июню 1945 года Сталин односторонне установил как восточные, так и западные границы Польши, путем зверского насилия ввел в правительство советских марионеток и откровенно нарушил данное в Ялте обещание провести свободные выборы. Даже в данных обстоятельствах Гарри Гопкинс считал для себя возможным назвать советско-американские разногласия в разговоре со Сталиным «цепью событий, малозначительных по отдельности, но наложившихся на польский вопрос»¹². Вера в эффективность тактики Рузвельта времен Тегерана и Ялты, он попросил Сталина изменить свои требования по Восточной Европе, с тем чтобы снять давление на администрацию Трумэна внутри страны.

Сталин сделал вид, что готов выслушать сообщения по поводу того, как сделать новое польское правительство соответствующим американским принципам. Он призвал Гопкинса назвать четыре-пять демократических деятелей, которых можно было бы включить в варшавское правительство, созданное, по его утверждению, Советским Союзом в «силу военной необходимости»¹³. Конечно, символическое представительство в коммунистическом правительстве не было главной целью — ею были свободные выборы. А коммунисты уже выказали потрясающее умение разваливать коалиционные правительства. В любом случае, когда Гопкинс признался, что у него нет конкретных имен лиц, которых можно было бы порекомендовать для участия в польском правительстве, у Сталина не сложилось впечатления того, что американцы в курсе всех дел, имеющих отношение к Польше.

Настаивая на свободе действий по отношению к соседям, Сталин следовал традиционной российской практике. С того момента, как Россия двумя столетиями ранее появилась на международной арене, ее руководители пытались решать споры со своими соседями путем прямых переговоров, а не посредством международных конференций. Ни Александр I в 20-е годы XIX века, ни Николай I тридцатью годами позднее, ни Александр II в 1878 году не понимали, отчего Великобритания настоятельно вмешивается в отношения между Россией и Турцией. В этих и сходных случаях русские руководители вставали на ту точку зрения, что они имеют право на свободу действий в отношениях со своими соседями. Если им оказывалось противодействие, они стремились прибегнуть к силе. А раз прибегнув к силе, уже не отступали, разве что под угрозой войны.

Визиты трумэновских эмиссаров в Лондон и Москву доказали, кроме всего прочего, что Трумэн все еще пытался найти средний курс между рузвельтовской точкой зрения на поддержание мира, где у Америки не было бы партнеров, и ростом собственного раздражения советской политикой в Восточной Европе, по поводу которой он пока не выработал образа действий. Трумэн не был готов посмотреть в лицо геополитическим реалиям, порожденным победой,

или выбросить за борт рузвельтовское видение мира, порядок в котором поддерживается «четырьмя полицейскими». Да и Америка еще не смирилась с тем, что равновесие сил — это необходимый элемент юн международного порядка, а не aberrация европейской дипломатии.

Мечта Рузвельта по поводу «четырех полицейских» развеялась на Потсдамской конференции, продолжавшейся с 17 июля по 2 августа 1945 года. Трое руководителей встретились в Цецилиенгофе — мрачноватом загородном особняке английского типа, окруженном обширным парком, который являлся резиденцией последнего германского кронпринца. Потсдам был выбран в качестве места проведения конференции потому, что находился в советской зоне оккупации, имел железнодорожный подъезд (Сталин ненавидел самолеты) и мог быть прикрыт советскими войсками госбезопасности.

Прибывшая американская делегация находилась во власти представлений военных лет о новом мировом порядке. Инструктивный документ госдепартамента, служивший для нее путеводной нитью, утверждал, что определение сфер интересов — величайшая угроза международному миру. Опираясь на стандартные вильсонские представления, документ гласил: сферы интересов «будут представлять собой силовую политику в чистом и неприкрытом виде со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными последствиями... Нашей первейшей задачей будет устранение *причин*, заставляющих нации полагать, что такого рода сферы необходимы для обеспечения их безопасности, а не содействие одним странам накапливать силы против других стран»¹⁴. Государственный департамент не пояснил, что, в отсутствие силовой политики, может побудить Сталина пойти на компромисс или что может являться причиной конфликта, как не столкновение интересов. Тем не менее вездесущий Джозеф Дэвис, выступивший в роли советника президента по вопросам взаимоотношений с советскими руководителями, был явно в восторге от собственных рекомендаций, сводившихся к тому, что надо потакать Сталину во всем. Как-то даже, по ходу весьма напряженного обмена мнениями, Дэвис передал Трумэну записку, где говорилось: «По-моему, Сталин чувствует себя обиженным, будьте с ним поласковее»¹⁵.

Ублажать кого бы то ни было, а особенно коммунистов, не было свойственно Трумэну. И все же он сделал героическую попытку. Первоначально ему более импонировал краткий, деловой стиль Сталина, чем черчиллевское многословие. Он писал матери: «Черчилль все время разговаривает, а Сталин лишь ворчит по временам, зато ясно, чего он хочет»¹⁶. На частном обеде 21 июля Трумэн пустился во все тяжкие, как он потом признавался Дэвису: «...Мне хотелось убедить его, что мы вполне „на уровне“, заинтересованы в мире и пристойной международной обстановке и не имеем враждебных намерений

по отношению к ним; что мы не хотим для себя ничего, кроме безопасности для нашей страны, мира, дружбы и добрососедских отношений, и что добиться этого — наша совместная работа. Я „обильно мазал хлеб маслом“, и, думаю, он мне поверил. Каждое мое слово было абсолютно искренним»¹⁷. К сожалению, Сталин не привык иметь дело с собеседниками, выказывающими свою незаинтересованность в обсуждаемых вопросах.

Руководители на Потсдамской конференции постарались избежать организационных проблем, так мешавших ходу Версальской конференции. Вместо того, чтобы углубляться в детали и работать под давлением времени, Трумэн, Черчилль и Сталин ограничились обсуждением общих принципов. Последующая работа по уточнению деталей мирных соглашений с побежденными державами «оси» и их союзниками была возложена на министров иностранных дел.

Даже с учетом этих ограничений, повестка дня конференции была весьма обширной, включая в себя репарации, будущее Германии и статус таких союзников Германии, как Италия, Болгария, Венгрия, Румыния и Финляндия. Сталин дополнил этот перечень представленным им сводом требований, в свое время предъявленных Молотовым Гитлеру в 1940 году и повторенных Идену годом позже. Эти требования включали в себя более благоприятные для России условия прохода через проливы, наличие советской военной базы на Босфоре и долю итальянских колоний. Повестка дня такого объема физически не могла быть рассмотрена обеспокоенными главами правительств за двухнедельный срок.

Потсдамская конференция быстро превратилась в диалог глухих. Сталин настаивал на консолидации его сферы влияния. Трумэн и, в меньшей степени, Черчилль требовали воплотить их принципиальный подход на практике. Сталин пытался выставить условием советского признания Италии признание Западом навязанных Советским Союзом правительств Болгарии и Румынии. Одновременно Сталин стоял как стена на пути требования демократических стран провести свободные выборы в странах Восточной Европы.

В конце концов каждая из сторон воспользовалась правом вето во всех возможных случаях. Соединенные Штаты и Великобритания отказались признать сталинское требование относительно выплаты Германией репараций в размере 20 млрд. долларов (половина которых должна была пойти Советскому Союзу), а также выделение активов собственных зон на эти цели. С другой стороны, Сталин продолжал укреплять позиции коммунистических партий во всех странах Восточной Европы.

Сталин также воспользовался двусмысленностью текста Ялтинского соглашения в отношении рек Одер и Нейссе, чтобы продвинуть границы Польши еще далее на запад. В Ялте было решено, что эти

реки послужат разграничительной линией между Польшей и Германией; хотя, как уже было отмечено, никто до этого не обратил внимания, что на самом деле существуют две реки под названием «Нейссе». Черчилль понимал, что границей послужит восточная. Но в Потсдаме Сталин объявил, что он отвел всю территорию между восточной и западной реками под названием «Нейссе» Польше. Сталин четко рассчитал, что неприязнь между Германией и Польшей станет и вовсе непримиримой, если Польша получит исторические германские территории, включая старинный немецкий город Бреслау, и изгонит еще пять миллионов немцев. Американский и британский лидеры смирились со сталинским «свершившимся фактом», оградив себя бессмысленной оговоркой, что оставляют за собой окончательное мнение по вопросам границ, которое будет высказано на мирной конференции. Эта оговорка, однако, лишь увеличила зависимость Польши от Советского Союза и представляла собой немногим больше, чем пустое сотрясение воздуха, ибо речь шла о территориях, откуда уже было изгнано германское население.

Черчилль приехал в Потсдам, не слишком прочно чувствуя себя дома. И действительно, ритм конференции был фатальным образом прерван 25 июля 1945 года, когда британская делегация запросила перерыв и выехала на родину, чтобы дожидаться результатов всеобщих выборов, проводившихся впервые с 1935 года. Черчилль так и не вернулся в Потсдам, потерпев сокрушительное поражение. Его место в качестве нового премьер-министра занял Клемент Эттли, а в качестве министра иностранных дел приехал Эрнест Бевин.

Потсдам почти ничего не решил. Многие из требований Сталина были отвергнуты: база на Босфоре, заявка на советскую опеку над какой-либо из африканских территорий, принадлежавших Италии, а также стремление *установить* четырехсторонний контроль над Руром и признание Западом поставленных Москвой правительств Румынии и Болгарии. Трумэн тоже потерпел поражение по ряду предложений, самым крупным из которых был проект интернационализации Дуная. Трое глав государств все же сумели добиться кое-каких соглашений. Так, был установлен четырехсторонний механизм по рассмотрению связанных с Германией вопросов. Трумэну удалось уговорить Сталина принять его точку зрения по репарациям: каждая держава будет получать их от своей зоны оккупации. Ключевой вопрос относительно западной границы Польши был пущен на самотек: Соединенные Штаты и Великобритания согласились на сталинскую линию по Одере — Нейссе, но оставили за собой право пересмотреть это решение в более поздний срок. Наконец, Сталин согласился оказать содействие в ведении войны против Японии. Многие остались недоделанным и в подвешенном состоянии, и, как это часто бывает, когда главы государств не способны договориться, наиболее жгучие пробле-

мы были переданы министрам иностранных дел для дальнейшего обсуждения.

Возможно, наиболее значительный инцидент во время Потсдамской конференции был связан с событием, не предусмотренным повесткой дня. В какой-то момент Трумэн отвел Сталина в сторону и сообщил ему о существовании атомной бомбы. Сталин, конечно, уже знал об этом от советских шпионов; по правде говоря, он узнал о ней задолго до Трумэна. Будучи параноиком, он, без сомнения, решил, что за сообщением Трумэна скрывается прозрачная попытка его запугать. И он предпочел не отреагировать на появление новой технологии и обесценить факт ее возникновения, не проявляя особого любопытства. «Русский премьер, — пишет Трумэн в своих мемуарах, — не выказал особого интереса. Он лишь сказал, что рад это слышать и что он надеется, что мы найдем „надлежащее применение этому против японцев“»¹⁸. Такой и оставалась советская тактика в отношении ядерных вооружений до тех пор, пока у Советского Союза не появились свои собственные.

Позднее Черчилль говорил, что если бы он был переизбран, то поставил бы в Потсдаме вопросы ребром и постарался бы настоять на их урегулировании¹⁹. Он никогда не уточнял, что конкретно имел в виду. Истина заключается в том, что Сталина можно было принудить к урегулированию лишь благодаря исключительно сильному давлению, и то только в самый последний момент, если вообще его можно было к чему-то принудить. Стремление Черчилля к достижению всеобъемлющего решения лишь подчеркивало стоявшую перед Америкой дилемму: ни один из американских государственных деятелей не был готов выдвинуть такие угрозы или осуществить такой нажим, который бы соответствовал сталинской психологии. Американские руководители еще не прониклись реальностью того, что чем больше времени будет отведено Сталину на создание однопартийных государств в Восточной Европе, тем труднее будет заставить его переменить курс. К концу войны американская публика устала от военных действий и конфронтации и превыше всего хотела, чтобы мальчики вернулись домой. Она еще не была готова к новой конфронтации и в гораздо меньшей степени — к угрозе ядерной войны в защиту границ и политического плюрализма в Восточной Европе. Единодушие в отношении противостояния дальнейшему коммунистическому натиску равнялось единодушию в отношении нежелательности идти на новый военный риск.

Любая конфронтация со Сталиным отнюдь не была похожа на салонное чаепитие. Степень готовности Сталина применять любой нажим для достижения собственных дипломатических целей была разъяснена мне Андреем Громыко, когда я беседовал с ним уже после его отставки в 1989 году. Я спросил у него, почему Советский Союз рискнул пойти на блокаду Берлина вскоре после опустошительной

войны и перед лицом ядерной монополии Америки. Значительно подбравший в отставке, Громыко ответил, что ряд советников высказывали те же самые соображения Сталину, но тот отверг их, исходя из трех предпосылок: во-первых, Соединенные Штаты, по его словам, никогда не применят ядерное оружие в связи с Берлином; во-вторых, если Соединенные Штаты попытаются провести конвой в Берлин по автостраде, им окажет сопротивление Красная Армия; наконец, если Соединенные Штаты вознамерятся атаковать по всему фронту, Сталин оставлял право принятия окончательного решения лично за собой. Похоже, если бы дело дошло до этой точки, он бы пошел на урегулирование.

Практическим результатом Потсдамской конференции было начало процесса, разделившего Европу на две сферы влияния, то есть стал осуществляться тот самый сценарий, которого американские руководители военных лет столь тщательно старались избежать. Неудивительно, что совещание министров иностранных дел оказалось не более продуктивным, чем саммит их руководителей. Обладая меньшими полномочиями, они также обладали и меньшей гибкостью. Для Молотова политическое и физическое выживание зависело от того, насколько жестко он будет следовать инструкциям Сталина.

Первая встреча министров иностранных дел состоялась в Лондоне в сентябре — начале октября 1945 года. Целью ее была выработка мирных договоров с Финляндией, Венгрией, Румынией и Болгарией, странами, воевавшими на стороне Германии. Американская и советская позиции со времени Потсдама не изменились. Государственный секретарь Джеймс Бернс настаивал на свободных выборах; Молотов не желал и слышать об этом. Бернс надеялся, что демонстрация ужасающей силы атомной бомбы в Японии усилит положение Америки на переговорах. Вместо этого Молотов вел себя столь же нервно, как всегда. К концу конференции стало ясно, что атомная бомба не сделала Советы сговорчивее — по крайней мере, в отсутствие более явственной дипломатии угроз. Бернс заявил своему предшественнику Эдварду Р. Стеттинусу:

«...Перед нами оказалась новая Россия, полностью отличная от той, с которой мы имели дело год назад. Пока они нуждались в нас по ходу войны и мы их снабжали, между нами были удовлетворительные отношения, но теперь, когда война закончилась, они прибегают к агрессивной тактике и безапелляционно настаивают на политико-территориальных вопросах»²⁰.

Мечта о «четырёх полицейских» умирала трудно. 27 октября 1945 года, через несколько недель после столь неудачной конференции министров иностранных дел, Трумэн, выступая на праздновании Дня военно-морского флота, свел воедино вопросы, касающиеся американской внешней политики, с призывом к советско-американскому сотрудничеству. Соединенные Штаты, заявил он, не ищут

себе ни территорий, ни баз, не желают «ничего, что принадлежит любой другой державе». Американская внешняя политика, будучи отражением моральных ценностей нации, «твердо основывается на фундаментальных принципах справедливости и права» и на отказе от «компромисса со злом». Ссылаясь на традиционное для Америки тождество между частной и общественной моралью, Трумэн пообещал, что «мы не пожалеем сил, чтобы ввести евангельское «золотое правило» в международные отношения во всем мире». То, что Трумэн подчеркивал моральный аспект внешней политики, послужило прелюдией к призывам крепить советско-американское примирение. Не существует «безнадежных или непримиримых» разногласий между союзниками военных лет, уверял Трумэн. «Между победоносными державами не существует столь глубокого конфликта интересов, чтобы его нельзя было разрешить»²¹.

Такого, однако, не случилось. На следующей конференции министров иностранных дел в декабре 1945 года возникли своеобразные советские «уступки». Сталин принял Бирнса 23 декабря и предложил трем западным демократиям направить комиссию в Румынию и Болгарию, чтобы дать рекомендации правительствам этих стран, как они могли бы расширить свои кабинеты, включив в их состав ряд демократических политиков. Цинизм этого предложения конечно же заключался в том, что Сталин был совершенно уверен в коммунистическом господстве над этими сателлитами и вовсе не уверовал в постулаты демократии. Таково же было мнение Джорджа Кеннана, который заклеил сталинские уступки, назвав их «фиговым листом демократической процедуры, призванным скрыть обнаженную суть сталинистской диктатуры»²².

Бирнс, однако, истолковал инициативу Сталина как демократический жест во исполнение Ялтинского соглашения и позволил себе признать Болгарию и Румынию еще до подписания мирного договора с этими странами. Трумэн был взбешен тем, что Бирнс пошел на компромисс, не посоветовавшись с ним. Правда, слегка поколебавшись, Трумэн согласился с Бирнсом, но это стало началом отчуждения между президентом и его государственным секретарем, что в течение года привело к отставке Бирнса.

В 1946 году состоялись еще две встречи министров иностранных дел в Париже и Нью-Йорке. Там была доведена до конца выработка текстов сопутствующих договоров, но там же проявилось и усиление напряженности, вызванное превращением Восточной Европы в политический и экономический придаток Советского Союза.

Культурная пропасть между американскими и советскими руководителями способствовала началу «холодной войны». Американские участники переговоров действовали так, словно одно лишь упоминание своих юридических и моральных прав должно привести к желаемым результатам. Но Сталину требовались

гораздо более убедительные причины, которые бы заставили его переменить свой курс. Когда Трумэн говорил о евангельском «золотом правиле», американская аудитория воспринимала его буквально и искренне верила в возможность существования мира, управляемого на основе норм права. Для Сталина слова Трумэна представляли собой бессмыслицу, если не очередную хитрость. Тот новый международный порядок, который имел в виду Сталин, представлял собой панславизм, подкрепленный коммунистической идеологией. Югославский коммунист диссидент Милован Джилас припоминает беседу, в ходе которой Сталин заявил: «Если славяне останутся едины и проявят солидарность, то никто в будущем не будет в состоянии даже шевельнуть пальцем. Одним только пальцем!» — повторил Сталин, подчеркивая мысль угрожающим движением указательного перста²³.

Парадоксально, но сползание к «холодной войне» ускорялось тем, что Сталин прекрасно отдавал себе отчет в том, насколько на самом деле слаба его страна. Советская территория к западу от Москвы была опустошена, ибо стандартной практикой отступающих армий — вначале советской, потом немецкой — было взрывать чуть ли не каждую трубу, чтобы лишить наступающих преследователей крова в условиях ужасного русского климата. Число советских потерь от войны (включая гражданских лиц) — свыше 20 миллионов. В дополнение к этому реестр жертв сталинских чисток, пребывания в лагерях, принудительной коллективизации и преднамеренно организованного голода составляет еще примерно 20 миллионов, при 15 миллионах, которым удалось пережить заключение в ГУЛАГ²⁴. И теперь эта изможденная страна оказалась лицом к лицу с Америкой, совершившей технологический прорыв и создавшей атомную бомбу. Неужели это означало, что наконец-то настал тот самый миг, которого так страшился Сталин, и капиталистический мир теперь сможет навязать свою волю? Неужели все страдания и лишения, невыносимые даже по российским предельно антигуманным и тираническим стандартам, не принесли ничего лучшего, чем одностороннюю выгоду для капиталистов?

С почти отчаянной бравадой Сталин предпочел делать вид, будто Советский Союз действует с позиции силы, а не слабости. Добровольные уступки, по представлению Сталина, являются признанием собственной уязвимости, а любую демонстрацию подобного рода он воспринимал как призыв к новым требованиям и новому нажиму. Поэтому он держал свои войска в центре Европы, где постепенно насаждал советские марионеточные правительства. Заходя еще дальше, Сталин создавал имидж столь неумолимой свирепости, что многие даже предполагали, что он готовится к прыжку к Ла-Маншу — впоследствии эти опасения были признаны химерическими.

Сталин сочетал преувеличение советской мощи и воинственности с систематическими попытками принизить могущество Америки, особенно ее наибо-

лее мощного оружия — атомной бомбы. Сталин первым задал тон в этом хоре показной индифферентности, когда Трумэн известил его о существовании бомбы. Коммунистическая пропаганда, подкрепленная заявлениями благонамеренных академических попутчиков во всему земному шару, старалась внушить, что якобы появление ядерного оружия не отменяет законов военной стратегии и что стратегическая бомбардировка может оказаться неэффективной. В 1946 году Сталин заложил основы официальной доктрины: «Атомные бомбы предназначены для того, чтобы пугать слабонервных, но они не могут решить исхода войны...»²⁵. В советских публичных выступлениях это заявление Сталина было мгновенно положено в основу различия между «временным» и «постоянным» стратегическими факторами, где атомная бомба классифицировалась как фактор временного характера. «Поджигатели войны, — писал в 1949 году маршал авиации Константин Вершинин, — преувеличивают роль военно-воздушных сил сверх всякой меры... [рассчитывая на то], что народы СССР и стран народной демократии будут напуганы так называемой „атомной“ или „кнопочной“ войной»²⁶.

Обычный лидер избрал бы для общества, измененного войной и нечеловеческими лишениями, ей предшествовавшими, передышку. Но демонический советский Генеральный секретарь не пожелал сделать никакого послабления: он, вероятно, рассчитал — и, по-видимому, был прав, — что стоит дать своему обществу вздохнуть полной грудью, оно начнет задавать вопросы, касающиеся самих основ коммунистического правления. В своем обращении к командному составу победоносной Красной Армии вскоре после перемирия в мае 1945 года Сталин в последний раз воспользовался эмоциональной риторикой военного времени. Обратившись к собравшимся: «Мои друзья, мои соотечественники!», он так описал отступление 1941 и 1942 года:

«Другой народ мог бы сказать правительству: „Вы не оправдали нашего доверия, уходите; мы поставим новое правительство, которое подпишет с немцами мир и даст нам передышку“. Но русский народ не пошел этим путем, потому что верил в политику своего правительства. Спасибо тебе, великий русский народ, за доверие!»²⁷.

Это было последнее признание Сталиным своей способности совершать ошибки и последнее его обращение к народу в качестве главы правительства. (Интересно, что в своем обращении Сталин отдает должное только русскому народу, но не другим национальностям советской империи.) В течение нескольких месяцев Сталин опять вернется на прежний пост Генерального секретаря Коммунистической партии, который станет основой его власти, и его манера обращения к советскому народу вновь включит в себя стандартное коммунистическое «товарищи» — Коммунистической партии он отдавал исключительные заслуги в деле победы советского народа.

В еще одной основополагающей речи, 9 февраля 1946 года, Сталин определил порядок действий на послевоенный период:

«Наша победа означает прежде всего, что победил наш советский общественный строй, что советский общественный строй успешно выдержал испытания в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность... [Война показала, что]... советский общественный строй является вполне жизнеспособной и устойчивой формой организации общества по сравнению с несоветским общественным строем...»²⁸.

Описывая причины возникновения войны, Сталин выказал истинно коммунистическую убежденность: война, заявлял он, была вызвана не Гитлером, но порождена самой капиталистической системой:

«Марксисты утверждают, что капиталистическая система мирового хозяйствования содержит в себе элементы кризиса и войны, что развитие мирового капитализма происходит не по прямой и не в одном направлении, а следует путем кризисов и катастроф. Неравномерное развитие капиталистических стран со временем приводит к резкому ухудшению отношений между ними, и группа стран, считающих себя обделенными сырьем и рынками сбыта, обычно пытается изменить подобную ситуацию, изменить положение вещей в свою пользу посредством вооруженной силы»²⁹.

Если бы сталинский анализ был верен, то не было бы существенной разницы между Гитлером и союзниками СССР в войне с Гитлером. Новая война рано или поздно становилась неизбежной, и то состояние, в котором находился Советский Союз, представляло собой перемирие, а не настоящий мир. Задача, которую Сталин ставил перед Советским Союзом, была та же самая, что и перед войной: стать достаточно сильными, чтобы превратить неизбежный конфликт в капиталистическую гражданскую войну и отвести удар от коммунистического отечества. Уходит в небытие неясная перспектива мирной передышки и облегчения повседневной участи советских народов. Делается упор на развитие тяжелой промышленности, продолжение коллективизации сельского хозяйства и сокрушение внутренней оппозиции.

Речь Сталина соответствовала стандартному довоенному образцу: она представляла собой катехизис, где Сталин вначале ставил вопросы, а потом отвечал на них. Для потрясенной аудитории рефрен был слишком знаком: пока еще неназванным врагам угрожали уничтожением за попытку помешать строительству социализма. С учетом личного опыта почти каждого советского человека эти заявления вовсе не воспринимались как пустые угрозы. Одновременно Сталин выдвигал новые амбициозные задачи: удесятить производство чугуна, увеличить в пятнадцать раз выплавку стали и учетверить добычу нефти. «Только в этом случае наша страна будет гарантирована от случайностей. На это, вероятно, уйдет три пятилетки, если не больше. Но это выполнимо, и мы

должны это сделать»³⁰. Три пятилетки означали, что никто из уцелевших в период чисток и во время Второй мировой войны не дожидается нормальной жизни.

Когда Сталин произнес эту речь, министры иностранных дел победоносного союза все еще регулярно встречались, американские войска быстрыми темпами выводились из Европы, а Черчилль еще не произнес свою речь про «железный занавес». Сталин восстанавливал политику конфронтации с Западом, потому что понимал, что сформированная им Коммунистическая партия не устоит в условиях международного и внутреннего окружения, нацеленного на мирное сосуществование.

Не исключено — я даже думаю, наиболее вероятно, — что Сталин не столько специально создавал систему стран-сателлитов, сколько набирал карты-козыри для неизбежного дипломатического противостояния. На деле вызов сталинскому абсолютному контролю над Восточной Европой делался демократическими странами чисто риторически и не воспринимался Сталиным действительно серьезно. В результате этого Советский Союз оказался в состоянии превратить военную оккупацию в сеть режимов-сателлитов.

Реакция Запада на собственную ядерную монополию усугубляла патовую ситуацию. По иронии судьбы ученые, задавшиеся целью предотвратить ядерную войну, начали поддерживать потрясающее предположение, будто бы ядерное оружие якобы не отменяет уроков, преподанных Второй мировой войной, а именно того, что стратегические бомбардировки решающим фактором не являются³¹. В то же самое время широчайшим образом распространялась кремлевская пропаганда относительно неизменности стратегической обстановки. Но причина того, что американская военная доктрина 1940-х годов соответствовала именно этой точке зрения, имеет под собой также чисто бюрократическое обоснование. Начальники американских военных служб, отказываясь признать один вид оружия решающим, делали свои организации более незаменимыми. В оправдание этого они разработали концепцию, согласно которой ядерное оружие рассматривалось, как просто более мощная и эффективная взрывчатка, которую можно использовать в общестратегических целях на основе опыта Второй мировой войны. В период относительно большего могущества демократических стран эта концепция приводила к ложной оценке, будто бы Советский Союз сильнее в военном отношении, поскольку располагает более крупными традиционными вооруженными силами.

Как и в 1930-е годы, Черчилль, ныне лидер оппозиции, попытался призвать демократические страны решать насущные задачи. 5 марта 1946 года в городе Фултоне, штат Миссури, он забил в набат по поводу советского экспансионизма³², заявив о «железном занавесе», который опустился «от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике». Советы, сказал Черчилль,

установили прокоммунистические правительства в каждой стране, которая была оккупирована Красной Армией, а также в советской зоне послевоенной Германии. При этом он не мог удержаться и не заметить, что наиболее полезная часть последней была передана Советам Соединенными Штатами. В итоге это давало «побежденным немцам обрести возможность выставить себя на аукцион между Советами и западными демократиями».

Черчилль сделал вывод, что необходим союз между Соединенными Штатами и Британским Содружеством наций для того, чтобы отразить надвигающуюся угрозу. Долгосрочным решением, однако, по его словам, является европейское единство, «от которого не может быть навеки отлучена ни одна страна». Черчилль, первый и ведущий оппонент Германии 1930-х, стал, таким образом, первым и ведущим защитником Германии 1940-х. Центральной темой Черчилля, однако, было то, что время не на стороне демократических стран и всеобщего урегулирования надо добиваться как можно скорее:

«Я не верю в то, что Советская Россия жаждет войны. То, чего они хотят, — это плодов войны и безграничного распространения своей власти и своих доктрин. Но сегодня, пока еще остается время, мы здесь должны рассмотреть возможность перманентного предотвращения войны и создания в самый кратчайший срок условий для свободы и демократии в каждой стране. Наши затруднения и опасения не могут быть устранены, если мы закроем на них глаза. Они не будут устранены, если мы станем пассивно смотреть, что случится; не будут они и устранены при помощи политики умиротворения. Необходимо именно урегулирование, и чем дольше оно будет откладываться, тем более трудным станет и тем большими станут наши опасения»³³.

Взывающие к разуму пророки редко почитаются в своем отечестве, ибо их роль переходит пределы опыта и воображения своих современников. Они добиваются признания только тогда, когда их предвидение обращается в опыт, короче говоря, когда их проницательность уже не дает возможности обрести преимущества. Судьбою Черчилля стало быть отвергнутым своими соотечественниками, за исключением короткого времени, когда на карту было поставлено их выживание. В 1930-е годы он призывал свою страну вооружаться, в то время как его современники стремились вести переговоры; в 1940-е и 1950-е он настаивал на дипломатическом противостоянии, в то время как его современники, зачарованные вымышленными ими же представлениями о собственной слабости, были более заинтересованы в накоплении сил.

В конце концов, орбита советских сателлитов формировалась постепенно, причем отчасти по недосмотру. Анализируя речь Сталина, где упоминались три пятилетки, Джордж Кеннан писал в своей знаменитой «длинной телеграмме», как Сталин отреагирует на серьезное давление извне: «Интервенция

против СССР, какой бы катастрофической она ни оказалась для тех, кто ее предпримет, вновь задержала бы развитие советского социализма и должна быть предотвращена *любой ценой*³⁴. Сталин не мог одновременно модернизировать Советский Союз и идти на конфронтацию с Соединенными Штатами. Многократно упоминавшееся в прессе советское вторжение в Западную Европу было всего лишь фантазией; вероятнее всего, Сталин бы отступил перед лицом серьезной конфронтации с Соединенными Штатами — хотя поначалу, конечно, прошел бы определенный путь, чтобы подвергнуть испытанию серьезность решимости Запада.

Сталин сумел навязать Восточной Европе свои границы, не подвергая себя неоправданному риску, поскольку его войска уже оккупировали территории, о которых шла речь. Но когда дело дошло до введения в этих странах режимов советского типа, он оказался более осмотрительным. В первые два послевоенных года только Югославия и Албания установили у себя коммунистические диктатуры. Прочие пять стран, которые позднее стали советскими сателлитами: Болгария, Чехословакия, Венгрия, Польша и Румыния — имели коалиционные правительства, где коммунисты были самой сильной, но не неуязвимой партией. Две из этих стран: Чехословакия и Венгрия — провели выборы в первый же год после войны, и у них была настоящая многопартийная система. Да, конечно, велось систематическое шельмование некоммунистических партий, особенно в Польше, но еще не практиковалось непосредственное их подавление Советами.

Еще в сентябре 1947 года Андрей Жданов, который какое-то время считался ближайшим соратником Сталина, выделял две категории государств, входивших, согласно его терминологии, в «антифашистский фронт» Восточной Европы. В речи, провозглашающей образование Коминформа, официального объединения коммунистических партий мира, ставшего наследником Коминтерна, он назвал Югославию, Польшу, Чехословакию и Албанию «странами новой демократии» (что довольно странно звучало применительно к Чехословакии, где коммунистический переворот еще не свершился). Болгария, Румыния, Венгрия и Финляндия были помещены в другую, пока еще безымянную категорию³⁵.

Означало ли это, что сталинский запасной вариант по Восточной Европе представлял собой предоставление этим странам статуса, аналогичного Финляндии, — демократического национально-государства, однако с уважением относящегося к советским интересам и проблемам? Пока не будут раскрыты советские архивы, мы вынуждены довольствоваться догадками и предположениями. Зато мы знаем наверняка, что когда Сталин заявлял Гопкинсу в 1945 году, что он хочет иметь дружественное, но не обязательно коммунистическое правительство в Польше, его проконсулы на деле занимались аб-

солютно противоположным. Через два года, когда Америка приступила к осуществлению греко-турецкой программы помощи и стала формировать из трех западных оккупационных зон Германии государство, получившее затем наименование «Федеративная Республика», Сталин имел очередную беседу с американским государственным секретарем. В апреле 1947 года, после восемнадцати месяцев тупиковых по сути и все более острых по форме встреч министров иностранных дел четырех держав и целой серии советских угроз и односторонних шагов, Сталин пригласил Маршалла на встречу, оказавшуюся весьма продолжительной. В ходе ее он подчеркнул, что придает огромное значение всеобъемлющей договоренности с Соединенными Штатами. Тупики и конфронтации, утверждал Сталин, «были лишь первыми незначительными схватками и стычками рекогносцировочных сил»³⁶. Сталин заявлял, что компромисс возможен по «всем основным вопросам», и настаивал на том, что «необходимо проявить терпение и не впадать в пессимизм»³⁷.

Если Сталин говорил серьезно, то мастер расчетов просчитался. Ибо, коль скоро была уже разрушена вера Америки в его добрую волю, путь назад для него становился тернист. Сталин зарвался, отстаивая свою позицию, ибо никогда не понимал психологии демократических стран, особенно Америки. Результатом стал «план Маршалла», Атлантический пакт и наращивание Западом военных потенциалов, что, безусловно, в его условия игры не входило.

Черчилль почти наверняка был прав: лучшим временем для политического урегулирования был момент сразу же после окончания войны. Пошел бы Сталин на значительные уступки или нет, зависело тогда от правильности выбора времени для переговоров и от серьезности, с которой ему были бы поданы предложения и обрисованы последствия его отказа. Чем скорее бы это состоялось, тем больше были бы шансы на успех при минимальных потерях. По мере ускорения американского ухода из Европы ухудшалось переговорное положение Запада — по крайней мере, до тех пор, пока не были провозглашены «план Маршалла» и НАТО.

На момент сталинской беседы с Маршаллом в 1947 году советский диктатор обыграл сам себя. Теперь в Америке ему так же не доверяли, как раньше полагались на его добрую волю. Даже если скачок Америки от доброй воли в чистом виде к неприкрытой подозрительности и был чересчур стремительным, он тем не менее явился отражением новых международных реалий. Теоретически можно было бы провести консолидацию единого фронта демократических стран и одновременно вести переговоры с Советским Союзом по поводу всеобщего урегулирования. Но американские лидеры и их коллеги в Западной Европе были убеждены, что единство и моральный уровень Запада чересчур хрупки, чтобы испытывать их двойственно-противоречивой стратегией. Как во Фран-

ции, так и в Италии коммунисты являлись второй по величине партией. Федеративная Республика Германии, которая тогда находилась в процессе формирования, разошлась по вопросу, не следует ли ей искать национального единства посредством нейтрализма. В Великобритании так же, как и в Соединенных Штатах, громкий голос движения за мир бросал вызов только что нарождающейся политике «сдерживания».

В радиообращении 28 апреля государственный секретарь Маршалл указал, что Запад прошел точку, за которой уже нет возврата, в своих отношениях с Советским Союзом. Он отверг сталинский намек на компромисс на том основании, что «мы не можем игнорировать связанный с этим фактор времени. Восстановление Европы идет гораздо более медленными темпами, чем мы надеялись. Силы распада действуют

все более явственно. Состояние здоровья больного ухудшается, в то время как доктора совещаются. И потому я полагаю, что действие не может ждать компромисса посредством истощения... Любые возможные действия, способные справиться с этими насущными проблемами, должны быть предприняты незамедлительно»³⁸.

Америка предпочла западное единство переговорам Востока с Западом. Другого выбора у нее, по правде говоря, не было, ибо она более не могла рисковать и следовать намекам Сталина. Правда была слишком ясна: он использует переговоры, чтобы подорвать новый международный порядок, который пыталась создавать Америка. Сдерживание стало ведущим принципом западной политики, и оно оставалось таковым на протяжении последующих сорока лет.

¹ Бернс. Рузвельт: солдат свободы. С. 448–449.

² Приводится у Силига. Изоляционистский импульс. С. 285.

³ Это заявление Трумэна относится к концу мая 1945 г., оно было высказано на встрече с лидерами Национального комитета политических действий граждан и приводится в кн. Richard J. Walton. *Henry Wallace, Harry Truman and the Cold War* (Уолтон Ричард Дж. Генри Уоллес, Гарри Трумэн и холодная война). N. Y.: Viking Press, 1976. P. 119.

⁴ Обращение, сделанное на совместном заседании обеих палат Конгресса 16 апреля 1945 г. // *Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman* (Официальные документы президентов соединенных Штатов, Гарри С. Трумэн). Том «1945 год». Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1961. P. 5. (Далее — Документы Трумэна). Повторно приводится на с. 22 в обращении Трумэна от 25 апреля 1945 г.

⁵ W. Averell Harriman and Elie Abel. *Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946* (Гарриман В. Аверелл и Абель Эли. Посол по особым поручениям при Черчилле и Сталине, 1941–1946). N. Y.: Random House, 1975. P. 474.

⁶ Черчилль Уинстон С. Вторая мировая война. Т. 6 Триумф и трагедия. С. 503.

⁷ Harry S. Truman. *Years of Decisions* (Трумэн Гарри С. Годы решений). V. 1. N. Y.: Doubleday, 1955. P. 260.

⁸ Файс. Черчилль, Рузвельт, Сталин. С. 133.

⁹ Там же. С. 652.

¹⁰ Fleet Admiral William D. Leahy. *I Was There: The Personal History of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman Based on His Notes and Diaries Made at the Time* (Вильям Д. Лиги, адмирал флота. Я там был: личные воспоминания начальника аппарата президентов Рузвельта и Трумэна на базе заметок и дневниковых записей, сделанных в то время). N. Y.; L.; Toronto: Whittlesey House/McGraw-Hill Book Company, 1950. P. 379–380.

¹¹ Там же. С. 380.

¹² Приводится в кн. Шервурда. Рузвельт и Гопкинс. С. 890.

¹³ Там же. С. 908.

¹⁴ Ознакомительная брошюра «Британские планы создания западноевропейского блока» государственного департамента, 4 июля 1945 г. U.S. Department of State. *Foreign Relations of the United States: The Conference of Berlin (The Potsdam Conference) 1945* (Государственный департамент США. Международные отношения Соединенных Штатов: Берлинская конференция (Потсдамская конференция) 1945 года). Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office. V. I. P. 262–263.

¹⁵ Приводится в кн.: Terry N. Anderson. *The United States, Great Britain and the Cold War, 1944–1947* (Андерсон Терри Х. Соединенные Штаты, Великобритания и холодная война, 1944–1947). Columbia, Mo.: University of Missouri Press, 1981. P. 69.

¹⁶ Приводится в кн. Robert J. Donovan. *Conflict and Crisis: The Presidency of Harry S. Truman 1945–1948* (Донован Роберт Дж. Конфликт и кризис: президентство Гарри С. Трумэна в период с 1945 по 1948 год). N. Y.: W.W.Norton, 1977. P. 81.

¹⁷ Цит. там же. С. 84.

¹⁸ Трумэн, Годы решений. С. 416.

¹⁹ Черчилль, Триумф и трагедия. С. 582.

²⁰ Приводится в кн.: John Lewis Gaddis. *The United States and the Origins of the Cold War* (Гэддис Джон Льюис. Соединенные Штаты и причины возникновения холодной войны). N. Y.: Columbia Univ. Press, 1972. P. 266.

²¹ Обращение Трумэна по вопросам внешней политики на праздновании Дня военно-морского флота в Нью-Йорке 27 октября 1945 г. // Документы Трумэна. Т. «1945 год». С. 431–438.

²² Приводится у Гэддиса. Причины возникновения холодной войны. С. 280.

²³ Джилас. Беседы со Сталиным, 1962. С. 114.

²⁴ Robert Conquest. *The Evil of This Time* (Конквест Роберт. Зло нынешнего времени). — *New York Review of Books*. V. XI. № 15 (23 сентября 1993 г.). P. 27. [787]

- ²⁵ Приводится в книге автора *Nuclear Weapons and Foreign Policy* (Ядерное оружие и внешняя политика). P4. N.Y.: Harper & Brothers, publishing for the Council on Foreign Relations, 1957. P. 367.
- ²⁶ Там же. С. 371.
- ²⁷ Приводится в кн. Буллока. Гитлер и Сталин, 1992. С. 907.
- ²⁸ Предвыборное обращение Иосифа Сталина по московскому радио 9 февраля 1946 г. «Новая пятилетка для России» // *The New York Times* от 10 февраля 1946 г.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ См.: P. M. S. Blackett. *Atomic Weapons and East-West Relations* (Блэккетт П. М. С. Атомное оружие и отношения между Востоком и Западом). N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1956.
- ³² Речь Уинстона С. Черчилля. «Мускулы мира», произнесенная 5 марта 1946 г. в Вестминстерском колледже, Фултон, штат Миссури (Фултонская речь) // Robert Rhodes James, ed. *Winston S. Churchill: His Complete Speeches, 1897–1963* (Уинстон С. Черчилль. Полное собрание речей с 1897 по 1963 год). N.Y.; L.: Chelsea House in association with R.R. Bowker. V. VII. «1943–1949». p. 7285 ff.
- ³³ Там же. С. 7292.
- ³⁴ George F. Kennan. «Long Telegram» from Moscow, February 22, 1946 (Кеннан Джордж Ф. «Длинная телеграмма» из Москвы от 22 февраля 1946 года) // *Foreign Relations of the United States, 1946* (Внешние сношения Соединенных Штатов, 1946 год). Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1969. V. VI. P. 697.
- ³⁵ Жданов Андрей. «Доклад о международном положении», произнесенный на учредительной конференции Коминформа в сентябре 1947 г. Приводится по материалам комитета по иностранным делам палаты представителей США *The Strategy and Tactics of World Communism* (Стратегия и тактика мирового коммунизма), приложение I «Сто лет коммунизма: 1848 — 1948», 80th Cong., 2nd sess., doc. № 619 Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1948. P. 211. ff.
- ³⁶ Буллока. Гитлер и Сталин. С. 922.
- ³⁷ Там же. С. 923.
- ³⁸ Радиообращение от 28 апреля 1947 г. // Бюллетень государственного департамента США. Т. XVI. № 410. С. 924.

Ялтинско-Потсдамский международный порядок и судьбы послевоенного мира

М. А. Мунтян*

На конференциях лидеров «большой тройки» в Ялте (4–11 февраля 1945 г.) и Потсдаме (17 июля — 2 августа 1945 г.) были согласованы базовые подходы союзников по Антигитлеровской коалиции к послевоенному мироустройству. Их видение путей достижения устойчивого мира, международной безопасности и обеспечения необходимого для этого сотрудничества в той их части, которая не встречала категорического отрицания партнеров по коалиции, вылилось в основополагающие решения, определявшие параметры переустройства всего мира и принципы послевоенной системы международных отношений. С этой точки зрения документы, принятые в Ялте и Потсдаме, представляли собой не просто диктат победителей, но и их попытку учесть причины, вызвавшие Вторую мировую войну, а также то новое соотношение сил, которое несла с собой Великая Победа¹.

Среди факторов, которые определяли характер и содержание послевоенной системы мироустройства, наиболее существенными были:

- выход социализма за пределы одной страны и его превращение в мировую систему;
- начавшийся распад мировой колониальной системы;
- поражение в войне вывело из числа великих держав Германию и Японию, в ходе войны существенно ослабленными оказались Великобритания и Франция, что серьезно изменило расклад сил в послевоенном мире;
- основными игроками на международной арене стали превратившиеся в сверхдержавы США и СССР, что предопределило биполярную конфигурацию сложившейся после войны системы международных отношений;
- создание Организации Объединенных Наций (ООН) — межгосударственной организации, ко-

- торая должна была обеспечивать коллективную безопасность в мире. ООН должна была стать главным инструментом мирового политического регулирования, но на самом деле главной функцией организации, с которой она успешно справилась, являлось предупреждение вооруженного столкновения между СССР и США, двумя сверхдержавами, от устойчивости отношений между которыми зависел международный мир;
- активное включение в мировую политику общественных сил, выступавших за социальный прогресс, демократию и мир — коммунистических, социал-демократических и рабочих партий, движений сторонников мира и других антивоенных и пацифистских организаций;
- начавшаяся научно-техническая революция в военной сфере открыла в мире эру ядерного оружия, примененного США в войне против Японии на завершающем этапе Второй мировой войны, что по-новому ставило проблемы предотвращения войн, обеспечения безопасности и защиты мира.

Советское руководство в вопросах, касавшихся послевоенного мироустройства, исходило из нескольких соображений:

- во-первых, в международных делах оно использовало возросший международный авторитет Советского Союза и признание его армии самой мощной в мире. Но вместе с тем оно понимало, что без должного экономического потенциала не сможет обеспечить для себя долговременные и решающие роли в мировой политике. Поэтому свои интересы в отношениях с союзниками представители СССР концентрировали в сфере военно-политических решений, но имея в виду и нужды восстановления народного хозяйства своей страны;

* Михаил Алексеевич Мунтян — доктор исторических наук, профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО — Университета».

- во-вторых, СССР стремился улучшить собственные геополитические позиции за счет Германии и превращения восточноевропейских стран в охранную зону безопасности СССР, то есть получить максимум из военно-политического сотрудничества со странами Запада в процессе выработки и заключения мирных договоров с бывшими государствами гитлеровской «оси»;
- в-третьих, Советский Союз нуждался в «мирной передышке», поэтому в первые послевоенные годы в ряде интервью Сталина и выступлениях советских представителей в ООН заявлялось о приверженности СССР принципам мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем, о желании Советской страны продолжить и в послевоенный период сотрудничество между государствами-победителями во Второй мировой войне, о необходимости периодических совещаний руководителей трех великих держав для обсуждения актуальных проблем мировой политики, об отказе от создания замкнутых военных группировок и т. д.

СССР в первые послевоенные годы настойчиво предлагал укрепить ООН, выступал против того, чтобы эта организация стала орудием для реализации политических целей какого-либо одной державы или группы государств. Советская делегация в ООН выступала за вывод иностранных войск с территории других государств, запрещение атомного оружия, сокращение обычных вооружений. И это были не только призывы. С 1945 г. Советский Союз провел демобилизацию своих вооруженных сил, сократив их к 1948 г. с 11 365 тысяч до 2874 тысяч человек². Советские войска были выведены из Югославии, Чехословакии, Норвегии, с островов Бернхольм (Дания), из Ирана. В апреле–мае 1948 г. советские войска покинули Китай. В конце 1948 г. СССР вывели свои войска из Северной Кореи.

На завершающем этапе Второй мировой войны и вплоть до середины 1947 года Советское правительство не ставило в качестве своей цели формирование в восточноевропейских странах однопартийных коммунистических режимов. В этот период, по мнению Москвы, главной задачей ее политики в Восточной Европе было создание на западной границе СССР пояса безопасности из дружественных государств. Их социально-политические системы формировались под советским контролем, благодаря которому левые партии и движения получали определенные преимущества, но принципы парламентаризма и многопартийности не отрицались, попытки форсирования процессов советизации, как правило, не поощрялись. И наоборот, приветствовалось объединение коммунистических партий с умеренными некоммунистическими организациями в народные, национальные, демократические, отечественные фронты, стоящие на демократиче-

ских позициях. Созданный в восточноевропейских странах без разрушения государственных институтов и при сохранении традиционной многопартийности общественно-политический строй получил название народно-демократического, а их политические режимы стали называться «народными демократиями».

Подход США к послевоенной ситуации в мире был иным. Участие во Второй мировой войне убедило американцев, что в ближайшие десятилетия решающую роль в военной сфере будут играть военно-воздушные силы, поэтому они были озабочены созданием широкой сети военных баз за пределами территории США, которые могли гарантировать им контроль над стратегическими линиями международных коммуникаций, а также обеспечением права пролета их военных самолетов в мирное время над территориями иностранных государств. При таком подходе сама проблема обеспечения национальной безопасности США стала распространяться на весь мир, а их внешняя политика обязана была становиться интервенционистской. В этой связи США уделяли большое внимание мирохозяйственным вопросам. И потому, что в первые послевоенные годы производили едва ли не половину мирового ВВП, и потому, что были убеждены: обе мировые войны были результатами торговых войн, эгоизма национальных элит, их нежелания и неумения договариваться между собой в интересах стабилизации и развития мировой экономики. Они были уверены, что устойчивое функционирование мирового хозяйства может быть достигнуто с помощью общемировых регулирующих механизмов.

«Хотя послевоенный миропорядок принято называть ялтинско-потсдамским, — по местам проведения двух важнейших международных конференций 1940-х годов, — фактически международное устройство мира складывалось не в два, а в четыре этапа и выработывалось на четырех основополагающих международных встречах:

- в Бреттон-Вудсе (США) в июле 1944 г., где были заложены основы международного сотрудничества в регулировании послевоенной мировой экономики;
- в Ялте (СССР) в феврале 1945 г., где согласовывались общие подходы СССР, США и Великобритании к будущим переговорам о политическом переустройстве в Европе;
- в Сан-Франциско (США) в апреле–июне 1945 г., когда был обсужден и принят Устав ООН как главного и универсального инструмента регулирования международных отношений;
- в Потсдаме (побежденная Германия) в июле 1945 г., когда три главные страны-участницы Антигитлеровской коалиции конкретизировали принципы проведения политики в отношении поверженного агрессора и наметили конкретные шаги по переустройству европейского порядка...

Ключевыми инструментами экономической стабилизации международной системы суждено было стать трем институтам — Международному валютному фонду (МВФ), Международному банку реконструкции и развития (МБРР), а также Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ).

При этом МВФ должен был сосредоточиться на:

- формировании кодекса поведения государств в валютной сфере;
- обеспечении стабильности международной валютной системы;
- оказании финансовой помощи в преодолении дефицитов платежных балансов стран-участницам.

Крупнейшим предприятием МВФ было восстановление золотодолларового стандарта, то есть регламентирование обмена золота на доллар по определенному курсу и финансирование твердых обменных паритетов основных мировых валют.

МБРР должен был стать инструментом содействия развитию отстающих стран посредством предоставления целевых кредитов. Он должен был поощрять инвестиции в эти страны, предоставляя гарантии инвесторам.

Предназначением ГАТТ было содействие либерализации международной торговли через поэтапное снижение таможенных тарифов и отмену торговых ограничений... ГАТТ вместе с МВФ и МБРР с 1940-х годов образовали комплекс регулирующих механизмов, которые принято называть Бреттон-Вудской системой³.

Ялтинско-Потсдамский порядок обладал рядом особенностей, которые были обобщены А. Д. Богатовым следующим образом:

- этот международный порядок не имел прочной договорно-правовой базы. Лежавшие в его основе договоренности были либо устными, официально не зафиксированными и долгое время остававшиеся секретными, либо закрепленными в декларативной форме. Это ставило действенность ялтинско-потсдамских основоположений в зависимость от способности заинтересованных сторон фактическое исполнение этих договоренностей не правовыми, а методами и средствами политического, экономического и военно-политического давления. Этот порядок просуществовал (в отличие от Версальско-Вашингтонского, основанного на мощной договорно-правовой базе) более полувека и разрушился с распадом СССР;
- Ялтинско-Потсдамский порядок был биполярным в результате резкого отрыва СССР и США от всех остальных государств по совокупности своих военно-силовых, политико-экономических возможностей и потенциалу культурно-идеологического влияния;
- после Второй мировой войны международный порядок был конфронтационным, понимаемым

как отношения между странами, при которых действия одной стороны систематически противопоставляются действиям другой. Теоретически биполярная структура мира могла быть как конфронтационной, так и кооперационной, основанной не на противостоянии, а на сотрудничестве сверхдержав. Но Ялтинско-Потсдамская система международных отношений таковой так и не стала;

- послевоенная биполярность приобрела форму политико-идеологического противостояния между «свободным миром» во главе с США и «социалистическим лагерем», руководимым Советским Союзом. И хотя в основе международных противоречий чаще всего лежали геополитические интересы и устремления, внешне советско-американское соперничество выглядело как противостояние идеалов и моральных ценностей. При этом острая идеологическая полемика привносила в международные отношения дополнительную непримиримость. Сильнее всего идеологизация международных отношений проявлялась в 1940-е — 1950-е годы. Позднее идеология и политическая практика стали расходиться таким образом, что глобальные цели соперников по-прежнему интерпретировались как непримиримые, а на уровне дипломатического диалога стороны научились вести переговоры, используя, прежде всего, геополитические аргументы;
- Ялтинско-Потсдамский порядок складывался в эпоху ядерного оружия, которое во второй половине 1960-х годов обусловило появление модели «конфронтационной стабильности», ставшей механизмом предупреждения ядерной войны. США и СССР в этой связи начали избегать ситуаций, способных спровоцировать вооруженный конфликт между ними. Сложившаяся концепция взаимного ядерно-силового сдерживания базировалась на «равновесии страха»;
- порядок, инициированный в Ялте и Потсдаме, отличался высокой степенью управляемости международных процессов. Как порядок биполярный, он строился на согласовании мнений всего двух держав, что упрощало переговоры. США и СССР при этом действовали не только в качестве отдельных государств, но и в роли групповых лидеров — НАТО и Варшавского договора. Блоковая дисциплина позволяла сверхдержавам гарантировать исполнение принимаемых обязательств и соответствующим блоком⁴. Высокая конкурентность международных отношений, обусловленная особенностями Ялтинско-Потсдамского порядка, привели к тому, что эти отношения на долгие годы были отравлены подозрительностью, недоверием, манипуляциями силой, конфронтацией, всем тем, что вошло в историю под названием «холодная война». Сам этот термин появился в американском политическом лексиконе в ап-

реле 1947 г. с подачи предпринимателя и политика Бернарда Баруха, вскоре став популярным благодаря статьям публициста Уолтера Липпмана. Вместе с тем официальным актом объявления «холодной войны» и ее своеобразным политическим манифестом принято считать речь бывшего премьер-министра Великобритании У. Черчилля в Фултоне (США) 5 марта 1946 года, которую он произнес в присутствии президента США Г. Трумэна.

В речи Черчилля утверждалось, что Западу угрожает опасность новой мировой войны и тирании, и что причиной этой угрозы является Советский Союз, который, по его мнению:

- осуществляет территориальную и идейно-политическую экспансию;
- представляет опасность для западной демократии и свободного общества;
- использует коммунистические партии в качестве «пятой колонны» для подрыва «христианской цивилизации»;
- нарушает договоренности, достигнутые союзниками в ходе Второй мировой войны о послевоенном устройстве мира;
- стремится утвердить свое господство в Восточной Европе и отделить ее «железным занавесом» от Запада.

Британский экс-премьер видел в Соединенных Штатах Америки единственную силу, способную противостоять опасной для «свободного мира» советской политике. Он призвал США к прямой конфронтации с СССР, к проведению жесткой силовой линии в отношении Советского Союза и стран народной демократии⁵. Сама фултонская речь Черчилля, и его антикоммунистические эскапады не были чем-то выдающимся в политическом дискурсе того времени. Но они получили международный резонанс во многом благодаря тому, что публичные призывы английского экс-премьера привлекли внимание И. В. Сталина. 14 марта 1946 г. он резко высказался по поводу речи Черчилля, расценив ее как призыв к войне между союзниками по Антигитлеровской коалиции. Зарубежная печать подхватила неосторожные высказывания советского лидера, и тема войны между СССР и Западом превратилась в лейтмотив газетных комментариев на долгие годы.

И все же, как свидетельствовали участники американо-российской конференции «Новые документальные свидетельства по истории „холодной войны“» (январь 1993 г.), фултонское выступление Черчилля могло служить только свидетельством того, что Запад готовился к разрыву союзнических отношений с Советским Союзом. С него началась эскалация противостояния СССР и его западных союзников. В мире речь отставного британского премьера была воспринята как манифест крестового похода Запада против коммунизма, решительного поворота западных стран в мировой политике. Стало ясно, что США уже тяготились теми уступками, которые при-

ходилось делать Москве ради поддержания уровня сотрудничества, которое сложилось в ходе антигитлеровской войны и разгрома милитаристской Японии. Их не устраивал тот факт, что в середине 1940-х годов Советский Союз на Западе не воспринимался, как это было позднее, символом коммунистической угрозы и интервенции. Москва и советский солдат самым непосредственным образом связывались с победой над гитлеризмом и освобождением Европы от «коричневой чумы».

В исторической литературе и публицистике вплоть до конца 90-х годов XX века шла дискуссия о том, кто начал «холодную войну», кто является виновником всего того негативного, что она внесла в международные отношения. В советской историографии длительное время господствовала точка зрения, согласно которой вину за развязывание «холодной войны» несли империалистические круги США и их союзников, взявшие курс на завоевание мирового господства. Для этого им и понадобилась «холодная война» как политика социального реванша, попытка «переиграть» социально-экономические и международно-политические итоги Второй мировой войны.

Западные же историки, политики, политологи возлагали вину за возникновение «холодной войны» на Советский Союз и его политику, прежде всего на Сталина и его соратников, которые и после Второй мировой войны продолжали видеть мир в «черно-белом цвете», не оставляя надеж на осуществление «мессианской миссии» в победе коммунизма во всемирном масштабе. В качестве примера они приводили доклад В. М. Молотова, посвященный 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В нем в очередной раз заявлялось, что «мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму». Именно поэтому, как считали на правящие круги западных стран, они были вынуждены пойти на сдерживание мировой коммунистической экспансии.

Только в конце XX столетия, когда отношения между Востоком и Западом улучшились, а политические страсти вокруг проблемы развязывания «холодной войны» несколько улеглись, обе стороны признали, что они несут обоюдную ответственность за ее возникновение. В докладе на международной научной конференции в Москве (июнь 2000 года) академик РАН А. О. Чубарьян обосновал необходимость использования многофакторного подхода к истории «холодной войны», к анализу вызвавших ее политических, экономических, идеологических и геополитических причин. Его вывод заключался в том, что «холодная война» отражала состояние системы международных отношений конкретного периода, являлась результатом Второй мировой войны, свидетельством новой расстановки сил на международной арене, которая определила формирование противостоявших друг другу более четырех десятилетий двух военно-политических блоков.

В данном случае речь шла о широком взгляде историка на «холодную войну», имея в виду весь период международных отношений с окончания Второй мировой войны до распада СССР. В узком и точном геополитическом значении понятие «холодная война» подразумевает частный вид конфронтации, наиболее острую ее форму в виде противостояния на грани войны. Такая конфронтация была характерна для международных отношений в период с первого Берлинского кризиса 1948 года до Карибского кризиса 1962 года. Конфронтация малой интенсивности, получившая название разрядки, имела место в середине 1950-х годов, а затем в конце 1960-х и в начале 1970-х годов. По мнению специалистов, эти периоды должны исключаться из временного пространства «холодной войны». В узком понимании «холодная война» может быть определена как «состояние взаимодействия противостоящих держав — СССР и США, — при котором они систематически предпринимали шаги, враждебные друг другу, угрожали друг другу силой, но одновременно следили за тем, чтобы на самом деле не оказаться в состоянии реальной, „горячей“ войны»⁶.

«Холодная война» была не только мировой конфронтацией двух антагонистических социально-экономических систем и идеологий, но одновременно и столкновением двух сверхдержав, реализовывавших сверхдержавную политику, которая характеризовалась следующими чертами:

- ориентацией на сверхвооруженность, рождавшей процессы милитаризации международных отношений;
- преувеличением роли военного фактора и военного превосходства в решении всех международных проблем;
- стремлением обеспечить себе абсолютную безопасность, игнорируя при этом интересы других стран и их заботы;
- идеологическим мессианством, желанием повсеместно насаждать свое мировоззрение, свой «образ жизни»;
- гегемонистским подходом к международной жизни и проведением экспансионистской внешней политики;
- готовностью и даже склонностью прибегать к силе вместе с претензией на планетарный характер своих интересов и правом на военное вмешательство⁷.

Известный американский публицист У. Пфафф дал следующее определение сверхдержавы, имея в виду прежде всего США: «Что такое сверхдержава? Очевидно, страна, которая обладает превосходящими материальными, промышленными, военными ресурсами, как США. Страна, которая верит, что ее собственное общество является моделью для других. У американцев есть такая вера. Однако основной элемент, характерный для сверхдержавы — это желание и способность использовать мощь, чтобы

навязать определенный порядок на международной арене»⁸. И Москва, и Вашингтон не брезговали прибегать к военной силе, отстаивая свои интересы. Для СССР это были Венгрия, Чехословакия, Афганистан; для США — Вьетнам, Камбоджа, Ливан, Ливия, Куба, Гватемала, Панама, Гаити, Ирак, Афганистан.

Профессор Гарвардского и Стэнфордского университетов Н. Фергюсон следующим образом охарактеризовал приемы, которыми пользовались Соединенные Штаты Америки в послевоенные годы: «Американская внешняя политика в период „холодной войны“ представлялась в двух одеяниях: днем говоря языком свободы, демократии, священного города на холме; ночью — используя грязные фокусы, подрывая подозреваемых советских клиентов и поддерживая местных „сильных людей“ — вежливое название для диктаторов»⁹.

К. Н. Брутенц, один из тех авторов, который в свое время «был внутри процесса выработки советской внешней политики», также пишет о том, что: — и в Советском Союзе «меняли и ломали фундаментальные догмы, чтобы приспособить их к нуждам все той же практически державной политики»:

- «верховенство великодержавных интересов (в советской внешней политике. — М. М.) подтверждается и тем, что... ослабевали такие принципы, как солидарность с национальными движениями, с компартиями, с левыми движениями»;
- «сверхдержавные устремления в рамках геополитического соперничества с США, а не идеологический мессианизм вели, — или гнали, Советский Союз, истощая его силы, в арабский мир, на Ближний и Средний Восток, в Африку, в Центральную, Юго-Восточную и Южную Азию, даже за тридевять земель — в Карибский регион»¹⁰.

Многие исследователи «холодной войны» высказываются против преувеличения в ней идеологического фактора, полагая, что идеологическая составляющая политики, как правило, лишь обслуживала супердержавные цели США и СССР, была не сутью, а скорее камуфляжем военно-политического и иного противоборства двух сверхдержав. Газета «Нью-Йорк Таймс» назвала фальшивым «представление, будто США имели только один конфликт во время „холодной войны“ — идеологическую борьбу между демократией и коммунизмом. Но был и другой, менее очевидный конфликт — естественное соперничество между государствами»¹¹. Американский профессор М. Уокер в своей книге «The Cold War» (1994) пошел еще дальше, посчитав «холодную войну» всего лишь «послебританской имперской версией конфликта между Россией и Америкой».

Показательно в этой связи, что в книге «Американская стратегия в мировой политике», опубликованной в 1942 году, один из самых известных американских геополитиков Н. Спайкмен писал: «И в Великобритании, и в США идут разговоры

о новом мировом порядке, основанном на англо-американской гегемонии. Эта англо-американская гегемония сменит германо-японскую»¹². С точки зрения этого геополитика, реализация такой перспективы и была главной целью участия Соединенных Штатов во Второй мировой войне. Для американской геополитической литературы является общепризнанным утверждение, зафиксированное известным ученым из США Иммануилом Валлерстайном: «С 1917 года США неуклонно шли к мировой гегемонии. Борьба с Германией за политическую гегемонию продолжалась 30 лет и получила у геополитиков страны название 30-летней американской войны»¹³. Стоит ли удивляться тому, что другой американский геополитик, Г. Слоэн, утверждал: «Как это ни парадоксально, но многие послевоенные геополитические теории у нас выполняли те же функции, что и германская геополитика»¹⁴. Этот автор исходил из того, что в период президентства Г. Трумэна США проводили «глобальную интервенционистскую политику». Она опиралась, по мысли Слоэна, на превосходство в воздушных силах и на стратегию устрашения и фактически модифицировала германское понятие «жизненное пространство» в американский термин «жизненно важные интересы»¹⁵.

Если судить по послевоенной политике США, то создается впечатление, что американские государственные деятели очень хорошо усваивали и довольно точно следовали рецептам поведения в международных делах, разрабатывавшимся отечественными геополитиками. Э. А. Поздняков считает такой вывод не совсем точным. По его мнению, не политики США хорошо усваивали рекомендации своих ученых, а последние верно спрогнозировали интервенционистскую суть международной деятельности вышедших после Второй мировой войны на мировой простор Соединенных Штатов Америки. Это позволило им достаточно точно очертить задачи своей страны в мировой политике, что и предопределило исполнимость их выводов в реальной геостратегии американской сверхдержавы. Приняв к исполнению военно-политическую стратегию «сдерживания коммунизма», администрация Г. Трумэна по существу стала претворять в жизнь геополитические идеи, сформулированные Н. Спайкменом еще в 1942 году.

Подводя итог своему анализу содержания и структуры «холодной войны», один из лучших знатоков внешней политики Советского Союза К. Н. Брутенц писал: «„Холодная война“, конфронтационный кондоминиум Советского Союза и США оказывали уродливое влияние на международные отношения, искажали их естественную динамику, создавали в них атмосферу опасной напряженности, в которой, как червяк в коконе, постоянно таился катастрофический потенциал перерастания в войну „горячую“, в апокалипсис ядерного уничтожения. Схватившиеся в поединке сверхдержавы втягивали в это противоборство и весь остальной мир, побуждая или даже

заставляя принять сторону одного из двух лагерей. Это стоило многим странам самостоятельности, обочивалось вмешательством в их внутренние дела, разжиганием в этих странах политической и идеологической борьбы, навязыванием чуждых моделей развития. В поле борьбы без правил был превращен так называемый „третий мир“ — как бы ничейная земля, где еще была возможна „свободная охота“. Не стали исключением и союзники — их „выстраивали“ согласно блоковой дисциплине. В целом происходила антидемократизация международных отношений»¹⁶.

Стержнем военно — политической стратегии США на протяжении всего периода «холодной войны» было «сдерживание коммунизма». Её теоретические основы обычно связывают с именем Дж. Кеннана, советника американского посольства, а затем и поверенного в делах США в Москве в первые послевоенные годы, который предложил американскому истеблишменту собственный анализ советско-американских отношений и перспектив их развития.

Его «длинная телеграмма» из восьми тысяч слов в феврале 1946 года стала весьма своевременной для правящего класса США, так как переводила на политический язык чувства, испытываемые тогда администрацией президента Трумэна по отношению к «советской угрозе». Госсекретарь США Джеймс Бернс 5 января 1946 г. докладывал президенту Трумэну о результатах работы Московской (декабрь 1945 г.) сессии Совета министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции по подготовке мирных договоров с бывшими вражескими странами. Он резюмировал свой доклад заявлением: Россия пытается «сделать более элегантно способом то, что Гитлер пробовал сделать силой, чтобы господствовать в малых странах». На это Г. Трумэн ответил: «Не думаю, что нужно и дальше играть в компромиссы... Мне надоело баловать Советы».

В своей «длинной телеграмме» Кеннан настаивал на том, что трения между США и СССР проистекают не из непонимания или нечёткости контактов между Москвой и Вашингтоном, а являются органичным следствием специфического восприятия советской системой внешнего мира: «В коммунистической догме, изначально покоящейся на альтруизме цели, они (советские руководители. — М. М.) находят оправдание: своему инстинктивному страху перед внешним миром; диктатуре, без которой не знают как управлять; жестокостям, от которых не осмеливаются воздержаться; жертвам, которые вынуждены требовать. Во имя марксизма, применяя свой метод и тактику, они пренебрегли всеми, без исключения, этическими ценностями. Сегодня они не могут обойтись без этого. Это фиговый листок, свидетельствующий об их моральной и интеллектуальной респектабельности. Без него они стояли бы перед лицом истории в лучшем случае как всего лишь последние в длинном ряду сменяющих друг друга жестоких и никчёмных российских правителей, которые безудержно тол-

кали свою страну к новым высотам военной мощи, чтобы гарантировать безопасность своих внутренне слабых режимов».

И далее: «В основе невротического восприятия Кремлём мировых событий лежит традиционное и инстинктивное русское чувство неуверенности в собственной безопасности. Первоначально это была неуверенность мирного, земледельческого народа, пытающегося выжить на открытых равнинных пространствах в непосредственной близости от воинственных кочевых племён. На это, по мере того, как Россия вступала в контакт с экономически передовым Западом, стал накладываться страх перед более компетентными, более могущественными, более высокоорганизованными сообществами. Такой вид неуверенности в собственной безопасности скорее характерен не для русского народа, а для русских властей. Ибо последние не могли не ощущать, что их правление относительно архаично по форме, хрупко и искусственно в своём психологическом основании и не способно выдержать сравнение или сопоставление с политическими системами западных стран. По этой причине они всегда боялись иностранного проникновения, опасались прямого контакта западного мира с их собственным, опасались последствий того, что русские узнают правду о внешнем мире, а иностранцы узнают всё об их внутренней жизни. И они привыкли искать безопасность не в союзе или взаимных компромиссах с соперничающей державой, а в терпеливой, но смертельной борьбе на полное её уничтожение»¹⁷. Кеннан выводил сталинский подход к миру из коммунистических догматов и русского традиционного экспансионизма, в связи с чем провозглашал непримиримыми цели и принципы, исповедуемые в международной сфере СССР и США.

Советская дипломатия не оставила выступление Кеннана без ответа. В сентябре 1946 года В. М. Молотову представили документ под названием «Внешняя политика США в послевоенный период», больше известный как «записка Новикова», в котором утверждалось, что американская политика характеризуется стремлением США к мировому господству и ограничению роли СССР в послевоенном мире. Записка заканчивалась выводом, что подготовка США к будущей войне проводится с расчетом на войну против Советского Союза, ибо СССР является главным препятствием на пути к мировому господству¹⁸. Таким образом, и американские, и советские дипломаты подготовили документы с оценками, которые ждали в Вашингтоне и Москве. На основе этих документов стал осуществляться пересмотр как американской, так и советской внешних политик.

1 апреля 1946 года меморандум государственного департамента, составленный Х. Фрименом Мэтьюзом, положил начало переводу в основном историософских наблюдений Кеннана в планы оперативной внешнеполитической деятельности США. Разногласия с Советским Союзом в этом документе

трактовались как следствие врожденных негативных свойств советской системы. Америка в этой связи брала на себя миссию убедить Москву «в первую очередь дипломатическим средствами, а если придется, то и при помощи военной силы, если это будет рекомендовано анализом обстановки, в том, что ее нынешний внешнеполитический курс может привести Советский Союз только к катастрофе». Меморандум Мэтьюза ограничивал использование американской военной силы теми районами, где «мощь советских войск может быть встречена оборонительным противодействием военно-морских, десантных и военно-воздушных сил США и их потенциальных союзников — Финляндии, Скандинавских стран, государств Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, Ирана, Ирака, Турции, Афганистана, Синьцзяна и Маньчжурии». Это были в основном пространства, которые Н. Спайкмен включал в римленд, контроль над которым обеспечивал господство в Евразии.

24 сентября 1946 года советник Трумэна Кларк Клиффорд в секретном докладе констатировал, что Кремль может изменить свою политику лишь в том случае, если США будут иметь соответствующий противовес советской мощи: «Основной сдерживающей силой для советского нападения на США или для нападения на те районы мира, которые жизненно важны для нашей безопасности, является военная мощь нашей страны». В этом докладе провозглашалась глобальная миссия Америки по обеспечению безопасности, охватывающей «все демократические страны, для которых СССР может представлять угрозу или опасность любого вида». Для того, чтобы заключение советско-американского соглашения оказалось возможным, требовалась, по Клиффорду, существенная перемена образа мыслей руководителей СССР в результате появления новой группы лидеров. В какой-то критический момент эта новая группа сможет «выработать вместе с нами новое справедливое и равноправное урегулирование, когда поймет, что мы слишком сильны, чтобы нас можно было разбить, и в достаточной мере преисполнены решимости, чтобы нас можно было запугать», — писал президентский советник.

Американская политика «сдерживания», которая была скорее экспансионистской, нежели оборонительной, только набирала обороты, когда появился документ, ставший на сорок лет библией всех приверженцев концепции «сдерживания». Геополитическая философия «сдерживания» была сформулирована в статье «Истоки поведения Советов», опубликованной в июльском номере журнала «Форин афферз» за 1947 год. Она была написана все тем же Дж. Кеннаном, хотя и была подписана «Mr. X». Статья постулировала, что Россия, хотя и старается избежать войны, проводит экспансию всеми другими средствами, что Америка и ее союзники должны отвечать «продолжительным, терпеливым, но твердым и бдительным сдерживанием русских экспансионистских тенден-

ций», не исключая возможности «прямого и убедительного употребления контрсилы в постоянно меняющихся политико-географических точках». Достижение мира и сотрудничества мыслилось автором статьи лишь как переход СССР на позиции американского видения мира в результате «обращения противника в свою веру».

Кеннан в этой связи даже рискнул описать механизм, в результате действия которого советская система фундаментально трансформируется. Он полагал возможным, что в какой-то момент различные соискатели верховной власти в СССР «смогут спуститься в недра политически незрелых и неопытных масс, чтобы найти у них поддержку своим определенным требованиям. И если это когда-нибудь случится, то отсюда будут проистекать невероятные последствия для коммунистической партии, ибо членство в ней в широком плане основывалось на железной дисциплине и повиновении, а не на искусстве компромисса и взаимного приспособления. Если вследствие указанного произойдет что-либо, что разрушит единство партии и эффективность ее как политического инструмента, Россия за ночь из одного из самых сильных национальных сообществ превратится в одно из самых слабых и жалких». Немногим из геополитических предвидений было суждено воплотиться в жизнь с такой полнотой, как это случилось с СССР после прихода к власти Михаила Горбачева.

Так была создана концептуальная основа для оправдания практического противодействия США внешнеполитической деятельности СССР. Первым конкретным проявлением стратегии «сдерживания коммунизма» стала «доктрина Трумэна», объявленная США 12 марта 1947 года. Суть ее заключалась в том, что Вашингтон брал под свою защиту Грецию и Турцию, выделил 400 млн. долларов для срочной помощи этим государствам. За это американцы оговаривали право развернуть в этих странах военные базы, которые стали бы барьером для предотвращения возможной советской экспансии в регионы Ближнего и Среднего Востока.

26 февраля, когда в Овальном кабинете Белого дома обсуждалась идея этого документа, Дин Ачесон, в то время заместитель госсекретаря США, мотивировал необходимость планировавшихся «доктриной Трумэна» действий «советским давлением» на Восточную Европу и Ближний Восток. По его мнению, в этих регионах дело дошло до точки, когда только один прорыв «мог бы открыть три континента для советского проникновения». «Как яблоки в бочке, зараженные от одного гнилого», пропадают, так и «разложение» Греции могло бы «инфицировать Иран и весь Восток», а это могло «занести заразу в Африку через Малую Азию и Египет» и «в Европу через Италию и Францию».

Россия, как утверждал Ачесон, «разыгрывает (в районе Ближнего Востока. — М. М.) одну из самых больших авантюр в истории при минималь-

ной ставке». По его мнению, России не нужно было выигрывать все, ибо «даже один или два выигрыша (в ближневосточном регионе. — М. М.) принесут ей большую выгоду». И так как только Америка имела «возможность спутать России карты», Ачесон живописал перспективы мрачного мира, подчиненного коммунистам, если США не используют свой шанс: «В мире останутся только две великие державы... США и Советский Союз. Мы дошли до той точки, когда создавшаяся ситуация имеет параллели лишь в античных временах. Со времени противостояния Рима и Карфагена не было такой поляризации сил. Для США поддержка стран, которым угрожает советская агрессия или коммунистический заговор, равносильна защите самих США, защите свободы как таковой».

Но когда Трумэн провозглашал доктрину, получившую его имя, он предпочел опустить геостратегический аспект ачесоновского анализа. Он акцентировал внимание на общей постановке вопроса о «политике США в поддержку свободных народов, которые противостоят попыткам порабощения вооруженным меньшинством или давлению со стороны». В его послании обеим палатам американского конгресса Советский Союз не упоминался вообще, но фактически оно являлось объявлением СССР экономической и идеологической войны. Именно так поняли в Москве смысл послания Трумэна. Советское руководство и печать, делегация СССР в ООН резко осудили «доктрину Трумэна» как узаконивающую американское вмешательство во внутренние дела других стран, как попытку диктовать свою волю независимым государствам, несовместимую с принципом ООН, согласно которому помощь другим странам не должна использоваться в качестве политического оружия¹⁹.

В свою очередь, 5 июня 1947 года госсекретарь США Дж. Маршалл объявил план «санитарии» Европы, который должен был предотвратить «политические беспорядки», восстановить экономику региона и «поддержать свободные институты» в нем. Первоначально «план Маршалла» предусматривал помощь всем европейским государствам, включая СССР и восточноевропейские страны. 19 июня 1947 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило положительный ответ на ноты британского и французского правительств о созыве 27 июня 1947 г. в Париже Совещания министров иностранных дел трех европейских держав для обсуждения «плана Маршалла». Это свидетельствовало о том, что СССР был заинтересован в получении американских кредитов, то есть в обеспечении дополнительных возможностей для послевоенного восстановления советской экономики. Однако заявление США, что они будут выступать не только против любого правительства, но и любой организации, которая станет препятствовать американскому плану европейского восстановления и ряд условий получения американской помощи вызвали в Советском Союзе недоверие к нему.

24 июня 1947 г. академик Е. А. Варга, директор Института мирового хозяйства и мировой политики, направил В. М. Молотову записку, в которой говорилось, что «план Маршалла» представляет собой инструмент смягчения очередного экономического кризиса в США которые предоставлением кредитов стремятся избавиться от лишних товаров и одновременно экономически подчинить себе европейские страны. Советское руководство обратило серьезное внимание на записку Варги. По указанию И. В. Сталина она была разослана членам Политбюро ЦК ВКП(б) с пометкой «очень важно».

Отношение Сталина к «плану Маршалла» резко изменилось еще и потому, что условием предоставления помощи по этому плану был отказ от ориентации экономики восточноевропейских стран на Советский Союз, а также согласование с США их экспортного списка товаров. Последнее требование фактически исключало возможность поставок в СССР урана из Восточной Германии и Чехословакии. Сталин принял решение отказаться от участия СССР в плане Маршалла и заставил сделать то же восточноевропейские страны.

Примером того, как восточноевропейские страны отказывались от участия в «плане Маршалла» может служить Чехословакия. После того, как глава чехословацкого правительства К. Готвальд 8 июня 1947 г. сообщил послу СССР в Праге М. Ф. Бодрову о принятом решении участвовать в конференции в Париже, он был немедленно вызван в Москву, где 9 июня Сталин объяснил ему, что Парижская конференция является частью западного плана по экономической изоляции Советского Союза, и в этой связи он, Сталин, не может допустить использования Чехословакии в антисоветских целях. Стоит ли удивляться, что 11 июня правительство Чехословакии отказывается от участия в «плане Маршалла». Комментируя эти события, министр иностранных дел Чехословакии Я. Масарик говорил своим друзьям: «Я ехал в Москву как свободный министр, а вернулся как сталинский батрак»²⁰.

Парижская конференция 16 европейских государств, согласившихся принять помощь по плану Маршалла, состоялась без СССР и народно-демократических стран. За 4 года действия этого плана США выделили 17 млрд. долларов, которые пошли на восстановление экономики Западной Европы, прежде всего базовых отраслей ее промышленности. Экономический раскол Европы стал фактом. Реализация «плана Маршалла» была связана также с наступлением на демократические силы западноевропейских стран (из правительств Италии и Франции были выведены министры-коммунисты). С провозглашением и реализацией «плана Маршалла» начался процесс не только экономической, но и политической консолидации стран Запада.

По инициативе Великобритании в марте 1948 г. был создан Западный союз, куда вошли Англия,

Франция и страны Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды, Люксембург). США в это время уже приступили к формированию военно-политического союза западных стран под своим руководством. 4 апреля 1949 г. был подписан Североатлантический договор (НАТО), участниками которого стали 12 государств (к ним в 1952 г. присоединились Греция и Турция, в 1955 г. — ФРГ). Советское руководство резко выступало против планов создания НАТО. 29 января 1949 г. было опубликовано заявление МИД СССР, в котором отмечалось, что цели этого блока связаны с планами установления англо-американского мирового господства, что участие в Североатлантическом альянсе ограничит возможности его членов в проведении самостоятельной внешней политики. В документе также подчеркивалось, что создание НАТО противоречит Уставу ООН, британо-советскому и франко-советскому договорам о дружбе и взаимопонимании.

31 марта 1949 г. был опубликован «Меморандум Правительства СССР о Североатлантическом Договоре», в котором также содержались аргументы против создания этого военно-политического блока²¹. В противовес созданию НАТО СССР предложил подписать пакт мира между пятью великими державами. Но эта советская инициатива западными странами была отклонена. Стало ясно, что ради борьбы с «советской угрозой» и возможной экспансией СССР западные державы не только активно участвовали в «холодной войне», но и готовились к войне «горячей».

Г. Киссинджер свидетельствует в своей книге «Дипломатия», что политика «сдерживания» вызвала в США недюжинные творческие силы, имея в виду решение задачи создания «позиции силы». Он писал, что «план Маршалла», охвативший 22 государства и за 3 года обошедшийся американцам в 10,2 млрд. долларов, дал возможность Европе встать на ноги, а создание Североатлантического альянса обеспечило ей безопасность. В феврале 1949 года группа сотрудников госдепартамента и министерства обороны США разработала документ под названием «Национальный совет по безопасности-68», намечавший основные направления американской внешней и оборонной политики. В нем констатировалось, что Америка, будучи самой великой свободной страной, имеет моральную, политическую и идеологическую обязанности оберегать свободные институты во всем мире и должна обладать необходимыми военными средствами, чтобы выполнить эту историческую миссию.

Реализация указанной задачи привела к тому, что США стали одной из самых милитаризованных стран мира. Они приняли на себя военные обязательства в отношении 47 государств на всех континентах земного шара, построили или заняли 675 заокеанских военных баз, расположив в них сотни тысяч своих солдат, оснащенных всеми видами вооружений, в том числе и ядерного. В 1957 году, когда уже все бастионы «сдерживания» были отстроены и укомплектованы

защитниками, Дж. Кеннан выступил против чрезмерной милитаризации его замысла. В 1968 году, будучи профессором Принстонского университета, Кеннан публикует свои мемуары, в которых довольно критично оценивал свои изложенные в 1947 году взгляды на американо-советские отношения.

По его словам, самый серьезный недостаток статьи «мистера Икс» заключался в неясности очерченных средств сдерживания советской мощи. На самом деле он имел в виду «не сдерживание военными средствами военных угроз, а политическими средствами политических угроз». Вместе с тем Кеннан не отрицал, что сформулированная им стратегия была нацелена на изменение политико — территориальных реалий в послевоенной Европе и что целью «сдерживания» вовсе не было соблюдение статус-кво, сложившегося в результате Второй мировой войны.

Как свидетельствуют американские исследователи, стратегия «сдерживания СССР» не стала для американского истеблишмента консенсусной и была подвергнута серьезной критике с трех направлений. Во-первых, наиболее последовательно и талантливо атаковал концепцию «сдерживания» известный американский политический обозреватель и аналитик Уолтер Липпман. Его критические аргументы и доводы были связаны с наблюдением, что политика «сдерживания» позволяет Советскому Союзу выбирать в реальном противоборстве точки максимального дискомфорта для Соединенных Штатов и сохранять за собой при этом не только дипломатическую, но и военную инициативу. «Уже более сотни лет, — утверждал он, — все российские правители пытались распространить свое влияние на Восточную Европу. Но лишь тогда, когда Красная Армия вышла на реку Эльба, правители России оказались в состоянии реализовать амбициозные планы Российской империи в сочетании с идеологическими целями коммунизма. И потому настоящая политика должна иметь целью такое урегулирование, которое повлекло бы за собой нашу эвакуацию из Европы ... Американскую мощь следует использовать не для того, чтобы „сдерживать“ русских в разбросанных там и сям точках, но держать под контролем всю русскую военную машину и осуществлять все возрастающее давление в поддержку дипломатической политики»²², конкретной целью которой явится вывод войск.

Оценивая рассуждения Липпмана, Г. Киссинджер писал: «Кеннан верно оценил фундаментальную слабость коммунизма; Липпман точно предсказал затруднения, сопряженные с проведением в жизнь политики „сдерживания“, вынужденной лишь реагировать на уже случившееся. Кеннан призывал к терпению и выдержке, чтобы дать истории реализовать необратимые тенденции; Липпман призывал проявлять дипломатическую инициативу и обеспечить европейское урегулирование, пока мощь Америки все еще является преобладающей. Кеннан обладал большой проницательностью в смысле понимания

действующих механизмов американского общества; Липпман же осознал все возрастающий характер напряжения, которое продолжилось бы бесконечной патовой ситуацией и сомнительностью поддерживаемых Америкой целей в процессе осуществления политики „сдерживания“»²³.

Во-вторых, «сдерживание», которое в официальной интерпретации предполагало создание военного потенциала, позволяющего действовать с «позиции силы», подвергалось нападкам со стороны тех политиков, которые считали мощь Америки достаточной для того, чтобы тотально обострить конфронтацию с Советским Союзом, вынуждая его идти на результативные переговоры. Опираясь на монопольное владение атомным оружием, эта часть американской элиты высказывалась за проведение ультимативной дипломатии с тем, чтобы сузить советскую сферу влияния или хотя бы ограничить масштабы его распространения. Она не разделяла убеждения администрации Трумэна в том, что отношения с СССР следует формировать, имея в виду конечное его поражение, ибо к нему можно идти бесконечно долго.

С ее позиций вопрошал У. Черчилль 9 октября 1948 года в валлийском городке Ллалундо: «Встанет вопрос, а что произойдет, когда у них появится атомная бомба и они накопят значительный атомный запас? Можете судить сами, что случится, исходя из того, что происходит сейчас. Если такое творится весной, то что же будет осенью? Никто в здравом уме и твердой памяти не поверит, что в нашем распоряжении ничем не лимитируемый срок. Мы обязаны поставить вопрос ребром и произвести окончательное урегулирование. Хватит бегать вокруг да около, действовать предусмотрительно и некомпетентно в ожидании, когда что-нибудь да проявится, причем я понимаю это так, что проявится нечто для нас скверное. И западные нации скорее смогут добиться долгосрочного урегулирования и избежать кровопролития, если они сформируют свои справедливые требования, пока атомное оружие находится только в нашем распоряжении и русские коммунисты еще не овладели атомной энергией»²⁴. Политических деятелей такого плана не устраивало даже само название стратегии, действительно интервенционистский характер которой только прикрывался фразеологией о «сдерживании».

В-третьих, постоянными критиками политики «сдерживания» выступали последовательные либералы, лидером которых в первые послевоенные годы выступал Генри Уоллес, один из ближайших сотрудников Франклина Рузвельта в недалеком прошлом. Уоллес считал, что Америка не должна распространять свое право одностороннего вмешательства на весь земной шар. В начале 1947 года он утверждал: «Нам может не нравиться то, что делает Россия в Восточной Европе. Ее вариант земельной реформы, экспроприации и подавления основных свобод оскорбляют подавляющее большинство

населения Соединенных Штатов. Но нравится нам это или нет, русские пытаются социализировать свою сферу влияния точно также, как мы пытаемся демократизировать нашу сферу влияния... Русские представления о социально-экономической справедливости способны восторжествовать на одной трети земного шара. Наши представления о демократии свободного предпринимательства будут торжествовать на большей части остальной территории. И оба эти представления будут стремиться показать, какое из них даст наибольшее удовлетворение простому человеку в соответствующих районах политического преобладания».

Г. Уоллес за свои взгляды был изгнан из правительства США, на президентских выборах 1948 года собрал в свою поддержку лишь чуть более миллиона голосов, но его критика «сдерживания» стала неизменной частью негативного отношения части американского общества в целом к «холодной войне». Речь шла, в первую очередь, о моральной несостоятельности США и их друзей — союзников, о самозванстве Америки в том, что касалось защиты любого района мира от часто воображаемых угроз, о приоритете общественного мнения в формировании национальной внешней политики по сравнению с геополитическими комбинациями, и т. д.

По мере того, как стратегия «сдерживания» превращалась в конкретную политическую линию и приобретала реальные очертания, «холодная война» накладывала свой отпечаток на все больший спектр международных проблем, становившихся не решаемыми в условиях биполярного мира. Пытаясь ухватить суть складывавшегося нового мирового порядка, Г. Киссинджер пробовал описать его, проводя аналогии с кануном Первой мировой войны: «Через четыре года после безоговорочной капитуляции держав „оси“ международный порядок был во многом сходен с периодом перед самым началом Первой мировой войны: имело место наличие двух жестко организованных союзов при весьма ограниченном пространстве для дипломатического маневра, но на этот раз в масштабе всего земного шара. Было, правда, одно отличие кардинального характера: союзы перед началом Первой мировой войны сплачивало опасение каждой из сторон, как бы перемена партнерства любым из членов союза не привела бы к краху сооружения, которое как бы обеспечивало безопасность. Иными словами, наиболее воинственный из партнеров получал возможность толкать всех остальных в пропасть. Во время холодной войны, однако, каждый из союзов возглавлялся сверхдержавой, без которой союз в значительной мере не мог существовать, и которая в достаточной степени была заинтересована в том, чтобы нейтрализовать риск вовлечения в войну, идущий со стороны любого из своих союзников»²⁵.

Для западного блока стратегия «сдерживания» предполагала точные границы, пересечение которых означало бы для русских «казус белли». В Европе они

оказались достаточно ясными. Запустив в действие «план Трумэна» и «план Маршалла», спровоцировав раздел Германии на два государства, создав НАТО, западные союзники превратили в реальность фигуральное выражение У. Черчилля «железный занавес». Единственной лазейкой в этом занавесе был Западный Берлин, где в 1948 году и случился первый из нескольких известных берлинских кризисов. Советские оккупационные власти, ссылаясь на «технические трудности», летом 1948 года перекрыли доступ англо-американо-французским союзникам в Западный Берлин через свою зону.

Генерал Люциус Клей, возглавлявший американские войска в Германии, попросил разрешение «использовать военную часть, равную жандармскому полку, усиленному взводом гранатомётчиков и инженерным батальоном», для сопровождения конвоя в Западный Берлин. Он собирался «расчистить все препятствия, даже если это спровоцирует нападение». Это предложение подробно обсуждалось в Вашингтоне и было отвергнуто. Министр обороны США Форрестол объявил: «Объединённый комитет начальников штабов не рекомендуют снабжать Берлин с помощью вооружённых конвоев, имея в виду связанную с этим угрозу войны и недостаточную подготовленность США к глобальному конфликту».

Позднее Н. С. Хрущёв в своих мемуарах утверждал, что таким образом Сталин просто «прощупывал капиталистический мир острием штыка». Ситуация была преодолена с помощью «воздушного моста», продемонстрировавшего, что американские самолёты способны перебрасывать в западные сектора Берлина столько же грузов, сколько их поступало в эту часть города по железным и автомобильным дорогам. Берлинский кризис стал первым из конфронтационных пиков «холодной войны», который мог легко спровоцировать «войну горячую».

12 мая 1949 года блокада Западного Берлина, так ничего и не принеся её инициаторам, была снята. Но произошло это уже после того, как 4 апреля 1949 года 11 стран западного мира подписали договор о создании Североатлантического альянса (НАТО). Укрепление единства западной части мира сопровождалось консолидацией советской зоны влияния в Европе — в связи с победой коммунистов в Чехословакии (1948), образованием Германской Демократической Республики (1949), повышением дисциплины европейских народно-демократических стран в ходе антиюгославской компании и т. д.

«Летом 1947 года, после объявления „плана Маршалла“, Сталин решил навести порядок в своей восточноевропейской империи. Он провёл первую встречу Коминформбюро в Белграде, чтобы показать, что Югославия является неотъемлемой частью системы. Но в действительности его целью было заменить местных коммунистических лидеров с их национальными позициями такими, которые были всем обязаны Сталину и русской поддержке. Чешский переворот

1948 года был частью этого процесса. Сталин также планировал уничтожить Тито, которому никогда не мог простить грубого послания времен войны: «Если не можете нам помочь, не мешайте хотя бы бесполезными советами». В том месяце, когда было уничтожено руководство Чехословакии, Сталин собрал в Москве Димитрова, болгарского лидера, уже сломленного им, Эдварда Карделя и Милована Джиласа. Одним из них, который окажется более податливым, он намеревался заменить Тито. Сталин предложил объединить Югославию и Болгарию в экономическую федерацию по примеру Бенилюкса.

Когда Тито получил сообщение о встрече, он почувствовал заговор против себя. Как и Сталин, он был «тертым политическим калачом», знакомым с законами выживания. В первую очередь он прервал утечку информации из внутренних югославских государственных и партийных органов к их партнерам в Москве. 1 марта 1948 он довел кризис до кипения, заставив свой Центральный Комитет отказаться от предложенного Сталиным договора. В последовавшей за этим идеологической полемике, начавшейся 27 марта, Тито был обвинен в антисоветизме, в отсутствии демократичности, самокритичности и классовый сознательности, в тайных связях с Западом и антисоветском шпионаже. Возглавляемая им партия была заклеена как меньшевистская и бухаринско-троцкистская. Обвинения доходили до грубых угроз жизни Тито, которого устрашали «очень поучительной карьерой Троцкого».

28 июня Коминформбюро предупредило, что план Тито состоял в том, чтобы «подладиться к империалистам», подготавливая почву для учреждения «обыкновенной буржуазной республики», которая с течением времени стала бы «колонией империалистов». Коммюнике призывало «здоровые силы в Югославской компартии» сменить сегодняшних руководителей. Яростный и раздражительный тон коммюнике выражал растущее подозрение Сталина в том, что Тито опережал его на шаг на всех этапах полемики, которая просто служила ему средством для выявления сторонников Москвы в своей партии. Тито снял с постов двух главных соратников, расстрелял своего бывшего во время войны начальника штаба, бросил в тюрьму заместителя по политической работе в армии и в целом посадил за решетку 8400 заподозренных в нелояльности, причем аресты продолжались до 1950 года.

Сталин применил антиюгославские экономические санкции, проводил маневры возле границ Югославии, а в 1949 году спровоцировал показательные процессы в странах-сателлитах с Тито в роли сверхзлодея. Но способность Тито объединять свою партию вокруг националистической линии («не имеет значения, как сильно каждый из нас любит родину социализма СССР, он ни в коем случае не может любить меньше свою собственную страну») убедила Сталина: он не может побороть режим Тито без открытого

вторжения в Югославию Красной Армии и крупных сражений с участием Запада.

Тито никогда не переходил официально под зонтик Запада, но гарантии с его стороны подразумевались. Когда он посетил Лондон в 1953 году, Черчилль сказал ему: «Если на нашего союзника Югославию будет совершено нападение, мы будем биться и умирать с вами». На что Тито ответил: «Это священный обет, и он для нас достаточен. Нам не нужны письменные договоры». Сталин был вынужден примириться со сложившейся ситуацией, хотя в этом никогда и никому не признавался²⁶.

Но на Дальнем Востоке границы «сдерживания» оказались весьма расплывчатыми, неопределенными. В первые послевоенные годы американские стратеги в замешательстве наблюдали, как здесь рушится одна из рузвельтовских опор послевоенной стабильности — Китай. Они продолжали поддерживать во внутренней китайской междоусобице гоминьдановца Чан Кайши против коммуниста Мао Цзедуня, хотя и предчувствовали тщетность своих усилий. Только окончательная победа последнего в 1948–1949 годах навела американцев на мысль, что им не остается ничего иного, как переориентироваться на союз с Японией и привязать ее к Западу при помощи щедрого мирного договора и «золотого дождя» для восстановления экономики. Все это превращало Японию в главного партнера США в азиатско-тихоокеанском регионе. С 1949 года Япония оказалась под «американским зонтом», обеспечивавшим ее безопасность в условиях «полукольца враждебности»:

- с севера — со стороны СССР;
- с запада — со стороны Китая.

Подобная переориентация американской политики на Дальнем Востоке представлялась с геополитической точки зрения оправданной, так как Япония была, безусловно, морской державой, в то время как Китай, вне всякого сомнения, принадлежал к континентальным силам. Но в этой геополитической перестройке вызывало вопросы объявленное 12 января 1950 года Динем Ачесоном намерение США исключить из своего оборонного периметра не только Тайвань и Индокитай, но и Южную Корею. К этому времени с Корейского полуострова были выведены советские и американские оккупационные войска, но корейский народ оставался разделенным границей между двумя государствами. Основным аргументом Ачесона в пользу такого предложения заключался в том, что переход Китая под власть коммунистов вовсе не означал для США абсолютной потери, потому что Китай и Россия должны были «в скором времени схватить друг друга за горло».

Он считал, что «поглощением целиком или частично четырех северных китайских провинций (Внешней и Внутренней Монголии, Синьцзяна, Маньчжурии) СССР обязательно вызовет гнев, возмущение и ненависть китайского народа». Комментируя эту речь, Пол Джонсон отмечал: «Речь Ачесона

в январе 1950 года, пронизанная самообольстительной идеей, что Китай, оставленный Западом в покое, должен будет порвать с Россией, указывала на опасность; подчеркнутый в ней пропуск Кореи выявлял лекарство. Ограниченная эрзац-война в Корее могла послужить средством подказать Китаю, где сосредоточены его действительные военные интересы. Если рассуждения Сталина были такими, то они оказались правильными»²⁷. Повысив температуру международных отношений на Дальнем Востоке, Сталин намеревался прочно привязать Пекин к Советскому Союзу. 25 июня 1950 года северокорейский лидер Ким Ир Сен начал атаку на Южную Корею, превратив разведку боем в полномасштабное наступление.

Уже 27 июня, спустя два дня после пересечения северокорейскими войсками 38-ой параллели, Трумэн приказал американским военно-воздушным и военно-морским силам начать боевые действия, а 30 июня послал в бой и сухопутные силы, до тех пор несшие оккупационную службу в Японии. Американскому президенту удалось прикрыть интервенцию в Корее мандатом ООН, скрыв от общественности геополитический характер войны и объясняя ее ведение со стороны США скорее соображениями наказания агрессора, чем преследованием собственных интересов.

Но фактом являлось то обстоятельство, что войну в Корее и Трумэн, и члены его администрации восприняли как начало осуществления глобального плана СССР и Китая по сокрушению западного мира, то есть как прелюдию столкновения держав моря и суши. В этой связи Соединенные Штаты взяли под свою защиту Тайвань, полагая, что «оккупация Формозы коммунистическими силами означала бы прямую угрозу безопасности тихоокеанского региона и силам США, выполняющим в этом регионе законную и необходимую функцию».

Одновременно была увеличена американская помощь французской армии, которая пыталась сдерживать национально-освободительное движение колониальных народов Индокитая. Газета «Женьминь жибао» писала в это время о планах США организовать блокаду Китая, которая имела бы очертания «растянутого змея». «Начиная от Южной Кореи, — писал центральный орган ЦК КПК, — этот змей тянет свое тело через Японию, острова Рюкю, Тайвань, а также Филиппины, и потом забрасывает себя во Вьетнам».

Война в Корее, докатившись сперва до южной оконечности полуострова, повернула затем на север и дошла до границы на реке Ялу, отделявшей КНДР от Китая, с тем, чтобы еще дважды пересечь 38-ю параллель и остановиться на той же линии, с которой она началась. Восстановление статус-кво в этом регионе потребовало жизни 34 тысяч американцев, более 1 миллиона корейцев и почти 250 тысяч китайских добровольцев.

Этот жестокий и горячий эпизод периода «холодной войны» имел для международной жизни ряд серьезных и глубоких последствий:

— во-первых, стало ясно, что «холодная война», начавшаяся по поводу зоны влияния СССР в Восточной Европе, увеличила свой размах и достигла мирового масштаба;

— во-вторых, корейская война послужила мощным импульсом для милитаризации США: ассигнования на оборону подскочили с 17,7 млрд. в 1950 до 44 млрд. в 1952 годах, перешагнув 50-миллиардный рубеж в 1953 году, что позволило разработать тактическое ядерное оружие, ускорить строительство заокеанских военно-воздушных баз, создать ядерный авианосный флот, сформировать силы быстрого реагирования для их использования в любом регионе мира, создать стратегическое воздушное командование США, компетенция которого была распространена на весь мир, и т. д. Перевооружались и довооружались союзники Америки, реальностью стала ремилитаризация ФРГ;

— в-третьих, война в Корее действительно способствовала сближению СССР и КНР, но одновременно, продемонстрировав первостепенное значение военной силы китайцев, заставила СССР считаться с появлением еще одной серьезной армии на своей юго-восточной границе. Американские аналитики полагали, что допущенная Сталиным агрессия северных корейцев на Дальнем Востоке в известной мере выполнила предназначенную ей роль, отсрочив на 10 лет конфликт между СССР и Китаем;

— в-четвертых, эта война продемонстрировала опасность использования в ходе локального конфликта атомного оружия: в дневнике Г. Трумэна отмечалось, что он намеревался использовать ядерное оружие дважды — 27 января и 18 мая 1952 года, — и только счастливый оборот событий в пользу американцев позволял ему отказываться от своих намерений;

— в-пятых, итоги корейской войны свидетельствовали об ущербности двух исходных моментов стратегии «сдерживания»: с одной стороны, убежденности её творцов в том, что подорванная войной экономика и отставание в технологическом развитии не дадут Советскому Союзу возможности играть активную геополитическую роль в мире; с другой стороны — уверенности американских правящих кругов в том, что доминирование США в зоне римленда является достаточным для контроля над континентальным хартлендом.

И дело не только в том, что в августе 1949 года СССР взорвал атомное устройство, хотя такой взрыв на Семипалатинском полигоне, в самом центре Азии, «звучал для западных политиков как грозное предостережение из глубин материковой сердцевины»²⁸, что мощь континентального блока приросла потенциалом Китая. Импульсы из хартленда способствовали развитию в мире такого мощного и судьбоносного

для него явления, как национально — освободительное движение колониальных и порабощенных народов, антиимпериалистическая направленность которого в известной мере обесценила стратегическую роль римленда в борьбе против материковой сердцевины. Политика «железного кулака», проводившаяся Г. Трумэнном под видом стратегии «сдерживания» СССР, не принесла США желаемых результатов.

Более того, усиление позиций Советского Союза в глобальном масштабе стало реальностью. К тому же ликвидация ядерной монополии США, появление ядерного оружия в распоряжении Советского Союза послужили серьёзным сдерживающим фактором мировой американской экспансии. Возникла реальная угроза «большой войны», к чему не были готовы ни «силы моря», ни «силы суши». Наконец, американская стратегия «сдерживания», часто опрокидываемая реальными международными процессами, требовала своего уточнения. Для этого понадобились углубление геополитической теории и смена политического лидера в США — президента.

1953 год принёс с собой два важнейших события: в должность президента США вступил Дуайт Эйзенхауэр и умер И.В. Сталин, оставив своим преемникам в СССР план прекращения «холодной войны», в первую очередь ликвидации вызванной ею гонки вооружений. В марте 1952 года советский вождь выступил с инициативой заключения между СССР и США договора о взаимном признании американской зоны влияния в Западной Европе, советской — в Восточной Европе, которые разделялись бы объединённой и вооружённой, но нейтральной Германией. «Мирная нота по Германии» была нацелена на преодоление конфронтации между двумя сверхдержавами и начало переговорного процесса по снижению международной напряжённости за счёт серьёзных уступок со стороны СССР. Но эта инициатива запоздала, по крайней мере, на четыре года: вооружение Германии уже шло полным ходом и она стала членом НАТО.

«Точно также, как в 1945 году, когда Сталин проигнорировал наличие у Америки доброй воли, — отмечал Г. Киссинджер, — в 1952 году он недооценил, до какой степени западные страны разочарованы его действиями на протяжении данного отрезка времени. В период с 1945 по 1948 годы американские руководители были готовы пойти на урегулирование с Советским Союзом, но не желали и были ещё не в состоянии оказывать на Сталина массивное давление. В 1952 году Сталин уже воспринимал давление со стороны Америки как достаточно серьёзное, но к этому моменту западные лидеры уже неоднократно убеждались в наличии у него заведомо дурных намерений. Поэтому они восприняли его инициативу как просто очередной шаг в „холодной войне“, результат которой — либо победа, либо поражение. Компромисс со Сталиным стал неактуальным»²⁹.

И всё же, несмотря на то, что пришедшие на смену Сталину советские руководители не сумели

использовать весь позитивный потенциал «мирной ноты», равно как и проникнуть во всю глубину задуманного генералиссимусом маневра, тем не менее переговоры между двумя сверхдержавами начались, так как за них высказался новый президент США Эйзенхауэр.

С его именем в историографии послевоенных международных отношений связывается начало нового этапа в «холодной войне». Биограф Эйзенхауэра С. Амброуз отмечал в этой связи: «Когда Эйзенхауэр оглядывался назад, на 1953–1954 годы, начало его президентства, он испытывал чувство глубокого личного удовлетворения. Ему многое удалось сделать за это время и, прежде всего, провести переговоры и сохранить мир... Временами казалось, что он был единственным человеком, способным выполнять эту работу. В середине 1953 года большинство советников по военным, внешнеполитическим и внутриполитическим вопросам были против заключения перемирия в Корее. Но Эйзенхауэр настоял на своём. В 1954 году пять раз Объединённый комитет начальников штабов, Национальный совет безопасности и госдепартамент рекомендовали ему начать интервенцию в Азии даже с применением атомных бомб:

- в первый раз — в апреле, когда положение в Дьенбьенфу стало критическим;
- второй раз — в мае, накануне падения Дьенбьенфу;
- в третий раз — в конце июня, когда французы заявили, что китайцы вот-вот вмешаются в конфликт;
- в четвёртый раз — в сентябре, в начале обстрела китайцами островов Квемей и Матсу;
- в пятый раз — в ноябре, после объявления китайцев, что американским лётчикам вынесены судебные приговоры.

Пять раз в течение одного года эксперты советовали Эйзенхауэру нанести ядерный удар. Пять раз он отвечал „нет“³⁰.

Полемизируя с установками, определявшими политический курс Трумэна, новый хозяин Белого дома в первые же дни пребывания на посту президента заявил о том, что «отсталая цивилизация по другую сторону „железного занавеса“, имеющая второсортную промышленность, не может создать мощный военный потенциал», в связи с чем высказался против политики «железного кулака» в отношениях с Россией. Эйзенхауэр чутко уловил непопулярность международной политики, проводившейся администрацией Трумэна, возникшей не потому, что эта политика была аморальной, а в первую очередь потому, что оказалась неэффективной. Нельзя сказать, что геополитические взгляды Д. Эйзенхауэра чем-то принципиально отличались от соответствующих убеждений Г. Трумэна.

Сам он следующим образом определял приоритеты внешнеполитической стратегии США: «Основные принципы нашей глобальной стратегии

понять не трудно. Европа не должна пасть, мы не можем перевезти её сюда, мы должны сделать её сильнее. Затем о Среднем Востоке — это половина нефтяных ресурсов. Мы не должны допустить, чтобы они отошли к России. Юго-Восточная Азия — ещё одна критическая точка, мы должны поддерживать французов во Вьетнаме. Одними угрозами ответного удара нельзя обеспечить нашу безопасность. Америка должна сохранить своё положение и позицию силы. В противном случае русские постепенно всё захватят без борьбы»³¹. И он, как видно из этого высказывания, перечислял в качестве «критических» регионы, входившие, согласно Н. Спайкмену, в римленд, и он ратовал за «позицию силы» и стратегию «сдерживания».

Разница заключалась в методах, предлагавшихся для реализации одних и тех же геополитических целей. Эйзенхауэр не мог принять политику Трумэна хотя бы потому, что как один из авторитетнейших военных стратегов своего времени, руководивший союзными войсками в Западной Европе после открытия второго фронта, он прекрасно понимал бесперспективность постоянной эскалации противостояния с Россией. «Предположим, Россия побеждена, — рассуждал он. — Я хочу, чтобы вы подумали над возможностью такой ситуации... Допустим, вы одержали такую победу. Что вы будете делать с ней? Перед вами откроется громадное пространство от Эльбы до Владивостока, разрушенное, растерзанное, без правительства, без коммуникаций, просто пространство, на котором люди умирают от голода и бедствий. Я спрашиваю вас, что будет делать цивилизованный мир с такой ситуацией? Повторяю, победа может быть только в вашем воображении»³².

И как политик, и как военный стратег, Эйзенхауэр не видел для США чего-либо полезного и приемлемого в силовых столкновениях с Россией. В отличие от Трумэна и ведущих политических деятелей его администрации, он имел опыт общения и сотрудничества с русскими, когда напрямую общался не только с Г.К. Жуковым, но и с И.В. Сталиным, когда решал вопросы координации военных действий на заключительном этапе разгрома фашистской Германии. В июле–августе 1945 года он посетил Москву, где смог воочию убедиться, сколь дорогой ценой достался России её беспрецедентный подвиг во имя спасения всего человечества и как дорожат своей победой советские люди.

Для него противники в «холодной войне» представляли в образе людей, с которыми он встречался и которые были ему известны по личным наблюдениям. Отсюда и его убеждение в том, что военное столкновение с Россией неразумно и бесперспективно, и это кредо он пронёс через всю свою политическую жизнь. Важным было и глубокое убеждение Эйзенхауэра в том, что «атомную войну нельзя вообразить, обычную войну нельзя выиграть, а с тупиковой ситуацией нельзя согласиться». Он «намеревался использовать ЦРУ в более активной роли,

чем та, которая была определена Трумэном. При нём деятельность управления была сконцентрирована на сборе разведывательных данных по всему миру и их оценке. Эйзенхауэр считал, что это учреждение нужно использовать более эффективно, что оно вообще может стать одним из главных американских средств борьбы в „холодной войне“, считая таковым „способность ЦРУ осуществлять тайные операции“»³³.

Президентство Дуайта Эйзенхауэра было окружено мифами, большую часть из которых поддерживал он сам. Он скрывал свои способности и действия, так как полагал, что автократическое руководство, в котором нуждалась Америка, да и весь мир, нужно прятать тайно. Поэтому он всегда стремился создать впечатление, что является лишь конституционным распорядителем власти, который делегирует принятие решений своим коллегам, максимум времени проводя за игрой в гольф. За ним прочно укрепилась слава добронамеренного, интеллектуально ограниченного, невежественного, невыразительного, часто слабого и всегда ленивого человека. Однако более прав в его оценке был Дж. Кеннан, который писал, что во внешних делах Эйзенхауэр был «человеком острого политического ума и проницательности. Когда он серьёзно рассуждал по этим вопросам в узком официальном кругу, грандиозные идеи мелькали одна за другой за его причудливым военным жаргоном, на котором он привык выражать и скрывать свои мысли».

Будучи одним из самых выдающихся государственных деятелей послевоенного времени, он в своей политической деятельности придерживался трёх ясных принципов:

- во-первых, недопущения войны. Разумеется, он считал, что если Россия решит уничтожить Запад, то придётся дать отпор. Для этого Америка всегда должна быть достаточно сильной. Но ненужных войн (таковой он считал корейскую) надо избегать с помощью ясности, твёрдости, осторожности и мудрости. Поддержка конгресса и одобрение союзников — вот те два условия, которые Эйзенхауэр выдвигал, решая вопрос об американском вмешательстве где-либо. На такой же основе он сформировал военно-политические союзы на Ближнем, Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии с участием США, которыми он дополнил НАТО;
- во-вторых, это конституционный контроль над военными усилиями. В 1954 году Эйзенхауэр создал Совет консультантов по иностранной разведывательной деятельности, укомплектованный исключительно гражданскими лицами, который помогал ему держать под контролем военную верхушку США. Самым большим опасением Эйзенхауэра в годы «холодной войны» была возможность прорыва к власти сверхусердных «медных касок» и алчных поставщиков оружия, тех, кто представлял военно-промышленный комплекс (это понятие, которое сразу же при-

обрело широкую популярность в политической и научной среде, было сформулировано самим президентом). Будучи, что называется, «военной косточкой», он не любил и не поощрял участия в политике генералитета, чтобы не допустить беспредельной милитаризации общественной жизни страны;

- в-третьих, этот американский президент был убеждён, что безопасность США и возглавляемого ими свободного мира зависит в первую очередь от устойчивости и процветания американской экономики. Обвиняя военных в лоббировании неумеренных ассигнований на оборону, он сформулировал постулат, пригодный для руководителей всех стран: «То, что наша страна может задохнуться до смерти из-за увеличения военных расходов, так же справедливо, как и то, что она сама погубит себя, если не будет расходовать достаточно на свою оборону»³⁴.

Не случайно в годы президентства Эйзенхауэра появляется «культурная геополитика» Д. У. Мэйнига. В 1956 году этот автор публикует статью «Культурные блоки и политические блоки как модели международных отношений», в которой утверждал, что по мере отдаления от Второй мировой войны взаимосвязь между моделями национальных культур и политической географией становилась всё более тесной и определяющей. «Чисто военно-стратегический анализ, — писал он, — эфемерен, а стратегия становится присущей и для мирного ведения дел. Здоровая геополитическая стратегия всегда опирается на людей, то есть на социально-культурные группы в их регионально-глобальном местоположении. И в этом оправдание моей попытки перенести их из военного контекста и дать им более широкую интерпретацию»³⁵;

Концепция «культурной геополитики» Мэйнига была реакцией американской геополитической мысли на недостаточную эффективность политики «сдерживания» посредством постоянной демонстрации «железного кулака», приведшей США к прямо противоположному ожидаемому результату:

- вместо сдерживания и подрыва влияния СССР в мире — к расширению и упрочению его мировых позиций;
- вместо деградации хозяйственной жизни — к выдающимся прорывам в фундаментальных науках и военных технологиях (создание атомного оружия, первенство в испытании ядерной бомбы, лидирование в освоении космоса).

4 октября 1957 года американцы были поражены, признаёт Пол Джонсон, тем, что Россия вывела на орбиту 184-фунтовый космический спутник Земли. В следующем месяце за ним последовал намного больший, весом в 1120 фунтов, спутник с собакой Лайкой на борту. Первый американский спутник — «Эксплорер-1» — был выведен на орбиту только 31 января 1958 года и весил всего 30 фунтов.

Америка тоже строила большие ракеты, в том числе и огромную военную ракету «Сатурн», разработанную Вернером фон Брауном в Хантсвилле, штат Алабама. Но обогнать русских в создании мощных баллистических ракет долго не удавалось. 12 апреля 1961 года Россия вывела в космос первого человека — Юрия Гагарина, опередив американцев почти на 4 недели. Осталась запись встречи в Белом доме, состоявшаяся по инициативе Джона Кеннеди и свидетельствующая о растерянности, проявленной американской администрацией в те дни (совещание состоялось 14 апреля). Президент США вопрошал: «Существует ли какая-нибудь область, в которой мы можем их догнать? Что нужно предпринять? Можем ли облететь Луну раньше них? Можем их перегнать? Если бы кто-то мог сказать мне, как их догнать! Давайте найдём хоть кого-нибудь, кого угодно. Мне всё равно, хоть вон тот сторож, лишь бы знал, как»³⁶.

США не удалось воспользоваться вакуумом, возникшим после Второй мировой войны, когда объективно была пресечена культурная экспансия не только побеждённых Германии и Японии, но и победивших, однако ослабевших от потребовавшихся предельных военных усилий Англии и Франции. Если следовать логике рассуждений Мэйнига, то набор ценностей и культурная ориентация, которую предлагала освободившимся странам Россия, были для многих из них более привлекательными в тот исторический момент, чем англо-саксонская культурная традиция, способная родить только те или иные формы неокOLONIALИЗМА. В сущности, противостояние двух политических и культурных блоков создало условия для возникновения в 1950-е годы феномена «третьего мира», в котором и морские державы, и континентальные силы искали возможности для усиления собственных потенциалов.

О появлении в 1952 году во Франции самого термина «третий мир», в который объединялись все освободившиеся от колониальной зависимости страны, Пол Джонсон писал следующее: «Концепция (третьего мира. — М. М.) базировалась на словесной эквилибристике, на предположении, что, придумывая новые слова и фразы, человек может изменить (и улучшить) нежелательные и упрямые факты».

На Западе был первый мир с его алчным капитализмом; вторым миром был тоталитарный социализм с его лагерями рабов; оба они имели ужасные арсеналы для массового уничтожения людей. Почему же тогда не мог появиться третий мир, который, как птица-феникс, поднялся бы из пепла империй — мир свободный, миролюбивый, независимый, трудолюбивый, очищенный от капиталистических и сталинских пороков, излучающий общественную добродетель, сегодня спасающий себя усиленным трудом, а завтра мир — своим примером?

Так же, как в XIX веке идеалисты видели в угнетённом пролетариате носителя морального превосходства, а в будущем пролетарском государстве —

государство Утопии, так теперь сам факт обладания колониальным прошлым и небелой кожей рассматривался как грамота международной значимости. Каждая бывшая колониальная страна была права по определению. Собрание таких государств стало бы палатой мудрости. Идея создания такой палаты была реализована на конференции африканских и азиатских государств, состоявшейся 18–24 апреля 1955 года в Бандунге по инициативе президента Индонезии Сукарно. Присутствовали 25 независимых государства из Азии, 4 из Африки плюс Золотой Берег (Гана) и Судан, которые вскоре получили независимость.

Это событие представляло собой апогей международного признания Джавахарлала Неру и он его использовал как блестящую возможность, чтобы представить всему миру Чжоу Эньлая. Среди многих других звезд были У Ну из Бирмы, Нородом Сианук из Камбоджи, Мухаммед Али из Пакистана, Кваме Нкрума — первый черный президент в Африке, архиепископ Макариос с Кипра, черный конгрессмен из США Адам Клейтон Пауэлл и Великий муфтий Иерусалима. Некоторые из присутствовавших на конференции впоследствии организовывали заговоры с целью убить друг друга, другие закончили свой жизненный путь в тюрьме, в опале или в изгнании. Но в то время третий мир еще не занял себя агрессиями, аннексиями, расправами над людьми и диктаторской жестокостью. Он был еще в невинном возрасте, когда доверчиво веришь, что абстрактная сила чисел, еще больше слов, в состоянии преобразить мир.

«Это первая межконтинентальная конференция цветнокожих в истории человечества, — заявил Сукарно в своей речи во время открытия конференции. — Сестры и братья! Как невероятно динамично наше время! Нации и государства проснулись от своего векового сна. Умерла старая эра белого человека, который опустошал планету своими войнами; наступила другая эпоха, более разумная, которая разморозит „холодную войну“ и приведет к многорасовому, многорелигиозному братству, потому что все великие религии призывают к терпимости. Цветнокожие расы ввели новую мораль. Мы, народы Азии и Африки, которые представляют большую часть населения мира, можем мобилизовать то, что я назвал бы моральным гневом наций в защиту мира».

После этой поразительной фразы последовал лукуллов пир красноречия. Среди зачарованных был и чернокожий американский писатель Ричард Райт. «Говорит человечество» — так назвал он свою книгу³⁷.

Признание Д. Мэйнигом культурного влияния хартленда на окружающий мир объясняло, с одной стороны, почему западная политика «сдерживания» Советского Союза и его союзников средствами военной конфронтации не срабатывала или была недостаточно эффективной. С другой стороны, его концепция предлагала принимать всерьез возможности дальнейшего упрочения глобальных позиций континентальных сил и их возрастающей конкурентоспособности

в противостоянии с западным миром. «Отсталая цивилизация с второсортной промышленностью» к середине 1950-х годов своими экономическими достижениями и технологическими прорывами заставила себя уважать и завоевала право на отношения «на равных». К тому же в процессе военного противостояния и гонки вооружений в первое десятилетие после второй мировой войны оба блока, и морской, и континентальный, существенно перенапрягли свои силы, им требовалась определенная разрядка существовавшей в их отношениях напряженности.

Без и вне переговоров реализовать подобную взаимную потребность было невозможно. Женевское совещание на высшем уровне в июле 1955 года воочию продемонстрировало желание западных держав и СССР обеспечить хотя бы временную передышку в «холодной войне». Джон Фостер Даллес, проникнутый «духом Женевы», писал по этому поводу: «Вплоть до Женевы советская политика основывалась на нетерпимости, которая являлась лейтмотивом советской доктрины. Теперь советская политика основывается на терпимости, что включает в себя добрые отношения со всеми». В своих мемуарах Н. С. Хрущев, также комментируя указанную встречу, отмечал: «Наши враги теперь поняли, что мы в состоянии отразить их натиск и видим все их трюки насквозь»³⁸.

Накопление атомного и водородного оружия у сверхдержав обуславливало понимание их руководителями того самоочевидного факта, что радикальный геополитический передел мира военными средствами стал невозможным или почти невозможным. Возглавляемые ими военно-политические блоки поэтому внимательно и напряженно следили за безопасностью границ зон своей ответственности, не осмеливаясь открыто их нарушить. Ставка была сделана на ожесточенную идеологическую борьбу, которая не знала и не признавала каких-либо географических барьеров. Д. Эйзенхауэр, как отмечал его биограф, «хотел более чем когда-либо вести активную тайную войну против коммунизма, используя для этого ЦРУ»³⁹.

Т. В. Андрианова видит в этом также и геополитическую подоплеку. Как она полагает, проблема заключалась не в самой коммунистической идеологии как таковой, а в том факте, что она исповедовалась материковой сердцевиной, то есть Россией, и если бы Россия была капиталистической страной, то не исключено, что США пришлось бы руководствоваться в данном случае оголтелым антикапитализмом. «Антикоммунизм диктовался, прежде всего, геостратегией, — писала она. — И так как идеология материковой сердцевины является угрожающей идеологией для морских держав, то она должна быть повержена». Из этого Андрианова делает вывод о том, что под видом идеологической борьбы между морскими и континентальными державами в действительности шла война культур⁴⁰.

Женевская встреча на высшем уровне зафиксировала заинтересованность сторон в закреплении территориально-политического status quo в Европе: СССР смирился с существованием западногерманского государства и его привязкой к НАТО, а американцы были вынуждены сделать то же самое по отношению к ГДР и ее связям с Организацией Варшавского Договора. «Но Никита Хрущев, — пишет Г. Киссинджер, — был не из тех, кто позволил бы американской сфере влияния процветать беззаботно. Он стал бросать вызов Западу в таких местах международной арены, которые Сталин всегда считал стоящими вне границ советской сферы государственных интересов. Благодаря этому горячие точки советско-американского соперничества сдвинулись за пределы Европы. Первая из этих горячих точек появилась тогда, когда возник так называемый Суэцкий кризис 1956 года. Советский Союз совершил крупную сделку с Египтом посредством бартерного обмена оружия на хлопок. Это было смелым шагом, распроставившим советское влияние на Ближний Восток. Сделав подобную заявку на установление влияния в Египте, Хрущев как бы „перепрыгнул“ через санитарный кордон, установленный Соединенными Штатами вокруг Советского Союза, поставив перед Вашингтоном задачу противостояния СССР в тех районах, которые прежде считались находящимися в безопасном тылу западной сферы влияния»⁴¹.

26 июля 1956 года, воодушевленный поддержкой СССР, президент Египта Гамаль Абдель Насер отдал вооруженным силам приказ взять под контроль «кампанию по эксплуатации Суэцкого канала и ее имущество», так как «канал расположен на египетской территории, является частью Египта и принадлежит Египту». Западные страны стали искать способ «заставить Насера выплюнуть то, что он пытается проглотить». Франция и Великобритания демонстрировали желание использовать для этого вооруженные силы, США высказывались за достижение договоренностей дипломатическим путем. Западноевропейцы привлекли к борьбе против Египта Израиль. Вместе с последним они осуществили так называемое тройственное вторжение в зону канала. Осуждение этого акта в ООН, негативная позиция США в отношении тройственной агрессии, а также заявление СССР о поддержке Египта вплоть до оказания военной помощи заставили агрессивную тройцу отказаться от своего начинания. Г. Киссинджер утверждает в этой связи: «То, что началось как пробная продажа советского оружия Египту через Чехословакию, превратилось в крупный советский стратегический прорыв, который внес разлад в атлантический альянс и вызвал поворот развивающихся стран в сторону Москвы с целью добиться максимальных переговорных выгод».

29 ноября 1956 года правительство США, приветствуя встречу руководителей Багдадского пакта — Пакистана, Ирака, Турции и Ирана, — заявило:

«Угроза территориальной целостности или политической независимости стран — членов пакта будет рассматриваться США со всей серьезностью». 5 января 1957 года была обнародована «доктрина Эйзенхауэра», представлявшая собой программу содействия проамерикански настроенным странам Ближнего и Среднего Востока. Она предлагала им экономическую помощь, сотрудничество в военной области и защиту стран этих регионов от коммунистической агрессии. 10 января в послании о положении в стране Эйзенхауэр пошел еще дальше и объявил об обязанности Америки защищать весь свободный мир. Американский президент заявил: «Во-первых, жизненно важные интересы Америки распространяются на весь земной шар, охватывая оба полушария и каждый из континентов. Во-вторых, у нас имеется общность интересов с каждой из наций свободного мира. В-третьих, взаимозависимость интересов требует приличествующего уважения прав и мира для всех народов»⁴².

У Н. С. Хрущева, как отмечают многие исследователи его государственной деятельности, был природный инстинкт в нащупывании чувствительных нервных сплетений у стран, чью политику и идеологию он определял как империализм. Он был одной из центральных фигур Суэцкого и, в более широком контексте, ближневосточного кризиса, поощрял войны за национальное освобождение по всему миру и разместил ядерные ракеты на Кубе. Но, причиняя Западу множество неудобств, Хрущев, тем не менее, не добился никаких решающих выгод для СССР, поскольку он умел начинать кризисы, но не знал, как их решать. И поскольку, несмотря на первоначальное замешательство, Запад в конце концов находил ответ, результатом наступательных действий Хрущева почти всегда была огромная растрата советских ресурсов при отсутствии каких-либо выгод стратегического плана.

13 марта 1959 года Эйзенхауэр заявил членам своей администрации: «Достаточно оснований полагать, что русские не хотят войны, поскольку чувствуют: они уже выигрывают»⁴³. В таких словах он обобщил значение прорыва советской науки в космос. Если американцы в августе 1945 года открыли атомную эру в жизни человечества, то космический век начался в октябре 1957 года, когда на орбиту был выведен первый советский спутник. Появление мощных баллистических ракет произвело очередную революцию в геополитическом мышлении:

- во-первых, их военное использование лишило США выгодного геополитического положения, так как они стали достигаемыми для военного поражения точно так же, как и любые другие территории на земном шаре;
- во-вторых, для геополитических расчетов открывалось новое пространство — космическое, овладение которым обещало огромные преимущества тем, кто этого достигнет раньше других.

Ракетный прорыв позволил СССР предпринять ряд активных геостратегических действий, которые были призваны ограничить, в конечном счете, экспансионизм США. В мире сложилась ситуация, охарактеризованная французским политологом Раймоном Ароном в четырех словах: «война невозможна, мир невероятен». Морской и континентальный военно-политические блоки начали соперничать в регионах, по поводу которых и ради которых вряд ли собирались начинать «большую войну» между собой. Прорывы в военно-технической области советской науки, создавшей для СССР мощный ракетно-ядерный потенциал, обусловили некоторую геополитическую активность Советского Союза во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов. Но всем аналитикам было ясно, что это не был территориальный экспансионизм в его традиционном виде. Москва ставила перед собой задачу перехватить инициативу у США и не допустить беспредельного расширения американской сферы влияния в мире.

Н. С. Хрущев и советское руководство в целом действовали вопреки сталинской стратегии укрепления собственной зоны влияния, сложившейся после Второй мировой войны. Они покончили с недоверием «отца народов» к освобождавшимся от колониализма странам как к отдаленным, не поддающимся контролю территориям, бросив вызов западному миру в странах Ближнего Востока и на Кубе. Во время Суэцкого кризиса 1956 года в послании председателя Совета Министров Советского Союза Н. А. Булганина премьер-министру Великобритании А. Идену содержалась угроза, хотя и сформулированная в форме риторического вопроса, применения ракет против этой страны, если она не выведет свои войска из зоны Суэцкого канала. «В каком положении оказалась бы Великобритания, — говорилось в этом послании, — если бы она была атакована более сильными государствами, обладающими всеми видами современного разрушительного оружия? А ведь эти страны могут в настоящее время воздержаться от направления морских или воздушных сил к берегам Британии и воспользоваться иными средствами — например, ракетным оружием». И чтобы все это было правильно понято, послание констатировало: «Мы полны решимости сокрушить агрессоров силой и восстановить мир на Ближнем Востоке»⁴⁴.

Это заявление было сделано в условиях, когда США дали ясно понять и своим союзникам, и противникам в геополитической схватке, что они не намерены ввязываться в военные авантюры в этом регионе. Советское руководство, что называется, «ломилось в открытую дверь», заведомо зная, что в данном случае кризису на Ближнем Востоке не суждено было перерасти в глобальную войну.

Несколько по иному, но, собственно, с таким же результатом завершился спровоцированный СССР ракетный кризис на Кубе. Революция 1959 года в этой стране, расположенной всего лишь в 40 милях от США,

а затем вступление Ф. Кастро в союз с СССР, означали, что схватка морского и континентального блока была перенесена в заповедную американскую зону исключительного влияния. Возникла реальная угроза резкого нарушения равновесия сил в мире.

США сделали попытку «закрывать» вопрос, направив 12 тысяч кубинских эмигрантов в Залив свиней, чтобы инспирировать антикастровское восстание на Кубе. Апрельская 1961 года авантюра кубинских контрреволюционеров и поддержавших их США провалилась, но она родила другой план, который был намного опаснее уже для всего человечества. Под предлогом защиты режима Кастро Хрущев задумал разместить на Кубе ракеты среднего радиуса действия с ядерными боеголовками, добившись «определенного сдвига в соотношении сил между социалистическим и капиталистическим мирами», в действительности же «словам» решительно и бесповоротно стратегическую ситуацию в пользу СССР.

В 1962 году на Кубу были направлены 42 ядерные ракеты с радиусом действия 1100 миль, 24 — с дальностью поражения 2200 миль (последние так и не прибыли на Остров Свободы, так как перевозившие их суда были остановлены на подходе к Кубе). К ним можно добавить 24 ракетные системы «земля–воздух», а также 22 тысячи советских военнослужащих, которые должны были охранять и обслуживать советские ракетные базы. Места их расположения были обнаружены 15 октября. Расчеты показали, что в декабре здесь будет размещено не менее 50 стратегических ракет, оснащенных ядерными боеголовками и нацеленных на США. «Ястребы» в американском руководстве высказались за «решительное уничтожение ракетных баз воздушной атакой», для чего потребовалось бы 800 самолетов. «Голуби» осуждали идею «Перл-Харбора наоборот», предлагая установить блокаду Кубы, не пропуская в ее порты суда с вооружениями и стратегическими материалами. Подобный «карантин», по их расчетам, оставлял России возможность, «не теряя лица», отказаться от действий, ведущих к глобальной войне.

Президент Джон Кеннеди отдал распоряжение продолжать подготовку для воздушного удара по Кубе, однако основные надежды связывал с введенной с 22 октября блокадой островной страны. Остановив 24 октября советские суда с ракетами на борту в океане, США потребовали от СССР восстановления «status quo», демонтировав и убрав свои ракеты с Кубы. 26 октября Хрущев согласился выполнить американские требования в обмен на гарантию ненападения на Кубу. 28 октября Кеннеди принял условие Москвы и ракетный кризис можно было считать завершившимся. В октябре 1964 года, когда Н. С. Хрущев был отстранен от власти, ему припомнили «легкомысленные планы, поспешные заключения, необдуманное решения и действия, основывавшиеся на „самообмане“».

Хрущев, в конечном счете, сумел отказаться от своих планов, когда выяснилось, что речь идет вовсе

не о блефе, с помощью которого он рассчитывал достигнуть того, что „Сталин никогда бы не осмелился сделать“». Он понял, что в результате его решений мир, как никогда ранее, оказался близок к глобальной термоядерной войне. «Балансируя на лезвии бритвы» во время кубинского кризиса, советский руководитель, как он сам зафиксировал в своих мемуарах, знал, что в случае неудачи и начала «большой войны» мир должен будет заплатить жизнью за это не менее чем 500 миллионами человеческих жизней⁴⁵.

В начале 1980-х годов Соединенные Штаты резко меняют свой курс в отношении СССР, который также не смог в период разрядки разрешить главную для себя проблему: внешнеполитические успехи и достижения не могли скрыть того факта, что положение дел в советской экономике оставляло желать лучшего. Поразительная по своему реализму и глубине характеристика ситуации, в которой оказался СССР, принадлежала новому американскому президенту Р. Рейгану, который в июне 1982 года, выступая в палате лордов Великобритании, сказал буквально следующее: «В ироническом смысле Карл Маркс был прав. Мы сегодня являемся свидетелями гигантского революционного кризиса. Кризиса, в котором требования экономического порядка находятся в прямом противоречии с требованиями политического порядка. Однако кризис этот происходит не на свободном, немарксистском Западе, а дома у марксизма-ленинизма, в Советском Союзе... Сверхцентрализованная, обладающая ничтожными стимулами или вовсе ими не обладающая, советская система направляет большую часть самых ценных своих ресурсов на изготовление орудий разрушения. Постоянное падение показателей экономического роста наряду с ростом военного производства налагают тяжкое бремя на советский народ. То, что мы видим, представляет собой политическую надстройку, более не соответствующую экономическому базису, общество, где производительные силы наталкиваются на препятствия со стороны сил политических»⁴⁶.

Но Америка должна была получить от советской сверхдержавы «геополитический подарок» — вторжение «ограниченного контингента Советской Армии» в Афганистан в 1979 году, — прежде чем Рейган:

- заклеил Советский Союз как «империю разбоя», готовую «совершить любое преступление, солгать, смощенничать»;
- сменил политику снижения напряженности в советско-американских отношениях на крестовый поход против СССР;
- проявил готовность довести до логического конца непримиримый конфликт с идейным противником.

Вне зависимости от того, какими мотивами объясняли советские руководители свое решение ввести в декабре 1979 года в Афганистан 100-тысячный контингент советских войск, главным было то, что в большинстве случаев международная реакция на эту акцию Советского Союза, была отрицательной.

Даже союзники СССР по Варшавскому Договору не спешили солидаризироваться с решением Москвы. Румыния же поспешила отмежеваться от признания советских действий правомерными и соответствующими международному праву. 28 марта 1983 года лидер КПСС Ю. В. Андропов на встрече с генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльяром и его заместителем Д. Кордовесом признал ошибочность ввода советских войск в Афганистан. Он подчеркнул, что это нанесло «ущерб отношениям Советского Союза с Западом, с исламскими странами, с государствами третьего мира». Советский лидер сумел договориться о запуске под эгидой ООН механизма женевских переговоров по решению афганской проблемы, завершившихся в 1988 году подписанием пяти документов о политическом урегулировании ситуации, сложившейся вокруг Афганистана.

Но оказалось, что для СССР это уже не имело особого значения. Допущенная ошибка оказалась для него смертельной. Объявление о советском вторжении в Афганистан было интерпретировано в США как самая серьезная угроза миру после Второй мировой войны. «Регион, которому угрожают советские войска в Афганистане, является регионом огромной стратегической важности, — констатировал президент США Дж. Картер в своем обращении к конгрессу 23 января 1980 года. — Он дает две трети из всей добываемой в мире нефти. Советская попытка господствовать в Афганистане привела к тому, что советские вооруженные силы находятся в 300 милях от Индийского океана и около Персидского залива, этих ворот, через которые экспортируется добываемая здесь нефть. Попытка контролировать Персидский залив должна рассматриваться нами как нападение и будет отражена любыми средствами, вплоть до использования военной силы»⁴⁷. И далее: «Нигде в мире нет сегодня более важной точки для обеспечения безопасности и стабильности в мире, чем Персидский залив, а граница Советского Союза лежит в нескольких сотнях миль от этой точки»⁴⁸.

Решимость американцев защищать свои интересы в районе Персидского залива вплоть до применения военной силы и поддержки националистически настроенных исламских сил в Афганистане оказались известной неожиданностью для руководства СССР. Действительно, трудно было понять американскую озабоченность безопасностью стран Персидского залива со стороны Афганистана, выходу которого к «южным морям» преграждал Пакистан. К тому же СССР в это время и так был рядом с этим «нефтяным Клондайком» благодаря просоветской ориентации Южного Йемена и тесным связям, в том числе и в военной сфере, с Индией. Тем более такая позиция казалась непонятной, что до краха шахского режима в Иране США практически не интересовались Афганистаном, мирясь с его вхождением в зону советского влияния. Она казалась Москве нелогичной ещё и потому, что США не высказывали серьезной

озабоченности во время событий в Анголе, Эфиопии, еще в десятке африканских стран социалистической ориентации, тем более не будоражили мир грохотом военных барабанов.

Афганская авантюра Советского Союза послужила для США поводом к радикальной смене своего геостратегического поведения. В прошлом администрации Трумэна и Эйзенхауэра были заняты прежде всего упреждающим «сдерживанием» СССР на тех направлениях, где складывавшаяся ситуация сулила ему успех. Никсон и Картер, окончательно признав существование советской сферы влияния в обмен на неприкосновенность своей, предпочитали начинать с предварительной демонстрации серьезности намерений на пути достижения мира. Рейган же подчинил деятельность своей администрации организации «крестового похода» против «империи зла» с целью обращения противника в свою веру. Принципиальная сущность указанной перемены в американской геостратегии, согласно Дж. Слоэну, состояла в следующем: «Президент Картер считал, что СССР стал экспансионистским государством только после вторжения в Афганистан. Рейган же считал, что СССР самим своим существованием угрожает безопасности США».

Рейган стал первым послевоенным американским президентом, который предпринял стратегический натиск на Советский Союз по двум направлениям — идеологическому и геополитическому. В первом случае советско-американское противоборство представлялось как борьба добра со злом, которая должна была быть доведенной до победного конца. Идеологическим инструментом, который был приспособлен рейгановской администрацией для подрыва советской системы и в целом социалистического лагеря, стал вопрос о правах человека. Рейган и его команда превратили этот вопрос в орудие ниспровержения коммунизма и либерализации Советского Союза⁴⁹.

Но главным направлением антисоветской борьбы президента Рейгана стала сфера геополитики. Он и его ближайшие сотрудники исходили из того, что советский экспансионизм должен быть обращен вспять с тем, чтобы, в конечном счете, положить конец коммунизму на планете и как идеологии, и как практике. И хотя речь велась в категориях противопоставления демократии и коммунизма, ни для кого не было секретом, что под ними подразумевались все те же США и СССР. О геополитических основах антисоветской стратегии США говорили и писали ближайшие сподвижники Рейгана из первой его администрации. Так, в выступлении перед сенатом 8 января 1981 года генерал Александр Хейг утверждал: «Возможно, центральным стратегическим феноменом послевоенного периода является трансформация советской военной машины из континентальной и главным образом оборонительной армии в наступательную сухопутную, морскую, воздуш-

ную военную силу, приспособленную для поддержки имперской внешней политики». Министр обороны Каспар Уайнбергер писал по этому же поводу 9 мая 1981 года: «СССР необычайно расширил свою геостратегию и имеет форпосты и на Среднем Востоке, и в Африке — повсюду».

Чтобы активизировать деятельность в этой области, США взяли на вооружение так называемую «доктрину Рейгана», смысл которой заключался в «поддержке врага моего врага» во всех тех случаях, когда ставка делалась на не слишком или совсем не на демократические страны или силы. «Доктрина Рейгана», которую в США справедливо называли «доктриной неоглобализма», предусматривала помощь США всем антикоммунистическим и заговорщическим силам, способствовавшим выводу своих стран из советской зоны влияния во всем мире, «от Афганистана до Анголы и Никарагуа». По словам государственного секретаря США Джорджа Шульца, в 1960–1970-ые годы СССР занимался подстрекательством восстаний против дружественных Америке правительств, но в 1980-е годы уже США давали попробовать Советскому Союзу «прописанное ими же лекарство».

Но главной целью стратегии Рейгана стала сама «метрополия советской империи» — СССР. По свидетельству Петера Швейцера, написавшего книгу о роли тайной подрывной деятельности США по разрушению Советского Союза, для этого была применена так называемая «широкая стратегия», изложенная в нескольких директивах по национальной безопасности США. Эта стратегия предусматривала подрыв советской экономики, лишение СССР союзников, проведение мероприятий, которые провоцировали фундаментальные изменения в советской системе в сторону ее либерализации. При этом расширение гонки вооружений должно было не только и не просто обескровить советскую экономику, но и усадить советское руководство за стол переговоров, где ему будут навязаны новые правила поведения в мире. Начиная наступление на СССР в экономической области, правящие круги США исходили из того, что:

- Москва в буквальном смысле бросала вызов всем другим державам «при наличии весьма слабого фундамента»;
- «на самом деле Советский Союз, несмотря на всю свою военную мощь, являлся все еще весьма отсталой страной»;
- «Советский Союз не был достаточно силен или достаточно динамичен для исполнения той роли, которую назначили ему советские руководители»;
- «советская система была смертельно поражена неспособностью генерировать инициативу и творческий порыв»⁵⁰.

Чтобы дестабилизировать и без того переживавшую не лучшие времена советскую экономику, США избрали для атаки нефтегазовую отрасль СССР. Именно она давала от 80 до 90 процентов валютных поступлений в бюджет Советского Союза, обеспечи-

вая закупки технологического оборудования за рубежом для поддержания на должном уровне военно-промышленного комплекса, продовольствия и товаров широкого потребления для удовлетворения хотя бы минимальных потребностей населения. В 1983 году администрация Рейгана рассмотрела доклад, в котором содержались расчеты, согласно которым увеличение добычи нефти странами ОПЕК с 2,7 млн баррелей в день до 5,4 млн. могло вызвать падение ее стоимости на 40 процентов, с 34 до примерно 20 долларов. Это было бы не только весьма выгодно США, но и оказало «катастрофическое воздействие на советскую экономику», как утверждалось в докладе. С помощью своего союзника — Саудовской Аравии, — США в последующие годы сумели воплотить в жизнь этот план. Снижение цены за 1 баррель лишь на 1 доллар лишило СССР примерно 1 млрд. долларов, в целом же в процессе падения цен на энергоносители СССР терял десятки миллиардов долларов⁵¹.

Другим направлением экономико-политических действий американцев был срыв строительства газопровода «Уренгой — Западная Европа», две нитки которого обещали приносить СССР от 15 до 20 млрд. долларов ежегодного дохода. Рейган придавал этому столь важное значение, что даже высказался в том смысле, что «с этого газопровода начинается экономическое уничтожение Москвы». Билл Кейси, наставляя своих сотрудников на реализацию этой задачи, высказывал убеждение, что «мы их уложим!». Он считал, что «если мы сможем остановить это строительство или хотя бы задержать его, то они (Советы. — М. М.) окажутся в ловушке».

Саммит руководителей западных держав 4–6 июля 1982 года в Париже согласился «на выгоды от ограничения торговли с Москвой», обещанные им американцами. Но и от строительства газопровода они не хотели отказываться. Президент Франции Ф. Миттеран и канцлер ФРГ Г. Шмидт воспротивились идее отмены финансовых и энергетических договоров с СССР. Тем не менее, прекращение участия в проекте 60-ти только американских фирм и еще десятков западноевропейских осложнило и замедлило строительство газопровода, что рассматривалось администрацией Рейгана в качестве достаточного минимума в этом вопросе.

Дав старт открыто объявленной программе перевооружения, в результате чего ежегодные расходы на оборону возросли на 140 млрд. долларов, Р. Рейган запустил механизм, дополнительно разорявший советскую экономику: СССР просто не мог не участвовать в начавшейся гонке вооружений, платя за это практически невыносимую для себя финансовую цену, обескровливая и без того хилую «экономику жизни», то есть отрасли, не связанные с военным производством. По мнению Г. Киссинджера, два стратегических решения администрации Рейгана в этой области способствовали больше всего окончанию «холодной войны»:

- а) развертывание силами НАТО американских ракет средней дальности в Европе;
- б) принятие на себя Америкой обязательств по разработке системы «стратегической оборонной инициативы» (СОИ)⁵².

Размещение в Европе ракет среднего радиуса действия (до 1500 миль) было обусловлено желанием противодействовать новым советским ракетам СС-20, которые были способны достигнуть любой европейской цели из глубины советской территории. С точки зрения военно-стратегической подобный шаг США был бессмысленным, но он имел серьёзное политическое содержание: оборона Западной Европы и США оказывалась «в связке», а Советский Союз лишался возможности давления на любую из этих стран, не рискуя натолкнуться на неприемлемую для него ядерную войну глобального характера. «Нулевой вариант» Рейгана, предполагавший неразмещение американских ракет в Европе в случае, если СССР согласится на ликвидацию всех своих ракет СС-20, был отвергнут Москвой. Это облегчало жизнь западным правительствам, ибо им, помимо забот о размещении крылатых ракет, необходимо было справиться еще и с мощным антиракетным общественным движением, всколыхнувшим всю Западную Европу.

Развертывание ракет средней дальности в Европе укрепляло американскую стратегию устрашения Советского Союза. Но когда 23 марта 1983 года Рейган объявил о своем намерении разработать стратегическую оборону от советских ракет, он уже угрожал СССР стратегическим прорывом. «Я обращаюсь к научному сообществу нашей страны, — подчеркнул в своём заявлении президент США, — к тем, кто дал нам ядерное оружие, чтобы они обратили теперь свой великий талант на дело выживания человечества и всего мира, предоставили нам возможность сделать это ядерное оружие бессильным и устаревшим»⁵³.

Американский президент рассчитывал «при помощи единственного технологического хода стереть с лица земли все, ради чего Советский Союз довел себя до банкротства»⁵⁴. Рейган хотел при помощи СОИ создать оборону, обрекавшую на самоубийство того, кто рискнул бы пустить в ход против США ядерное оружие. Одновременно СОИ должна была отменить угрозу гарантированной гибели человеческой цивилизации в случае ядерной схватки двух сверхдержав, ибо новый оборонительный щит должен был в значительной степени нейтрализовать первый ядерный удар по США и сохранить их силы для решающего ответного ракетно-ядерного залпа.

В Москве решение рейгановской администрации приступить к разработке СОИ было расценено как шаг, направленный на дестабилизацию стратегической обстановки. Ведь фактически речь шла о создании широкомасштабной противоракетной обороны территории США, имевшей целью лишить СССР возможности нанести ответный удар в случае американской агрессии против него. Генеральный

секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов заявил в этой связи, что «новая концепция» Рейгана распространяет гонку вооружений на космическое пространство и что США вступают на исключительно опасный путь. Советское руководство подозревало, что американцам удалось совершить какой-то весьма важный прорыв в области космических технологий, применимых в военном деле. Оно укрепилось в этой мысли представителями советского военно-промышленного комплекса, в то время как физики-теоретики страны весьма скептически отнеслись к возможности практической реализации СОИ в полном объеме⁵⁵.

И в США СОИ была принята неоднозначно: в целом положительная реакция рядовых американцев соседствовала с жесткой ее критикой представителями научной общественности. Многие известные ученые США высказывали сомнение и в возможности создать сколько-нибудь эффективный «противоракетный щит», и в целесообразности переноса гонки вооружений в космическое пространство. Но Рейган не интересовали замечания критического характера. Даже если программа «звездных войн» могла оказаться нереализуемой в ближайшей перспективе, считал он, то она должна была вовлечь Советский Союз в дорогостоящее состязание на технологической площадке, где потенциал и шансы Америки были более предпочтительными.

Согласно американским данным, СССР отставал от США по 12 из 18 наиболее важных для военных технологий областям науки и техники (в микроэлектронике, средствах связи, радиолокации, обработке сигналов, создании электронно-вычислительных машин, программном обеспечении ЭВМ, конструкционных материалах и т. д.). Министр обороны США К. Уайнбергер, определяя стратегическое значение оборонной инициативы Рейгана, откровенно заявлял: «Если нам удастся создать систему, которая сделает советские ракеты неэффективными, мы сможем вернуться к ситуации, когда США были единственной страной, обладающей ядерным оружием»⁵⁶.

Не сумев к 1993 году создать вокруг Земли начиненный стратегическими вооружениями «космический обруч», США фактически признали, что уровень их технологического развития оказался недостаточным для превращения космоса в инструмент геополитического диктата⁵⁷. Но свою главную роль — средства технологического и геополитического пресинга на Советский Союз — СОИ выполнила отменно. На слушаниях в сенате конгресса США по теме «Стратегическая оборонная инициатива и ее соотношение с договором о противоракетных вооружениях» в 1991 году сенаторы отмечали: «Неожиданный взрыв приверженности демократическим принципам и рыночной экономике в СССР обусловлен только одним — боязнью программы „звездных войн“».

Американцы с помощью СОИ показали, что установка на развитие новых военных технологий может иметь далеко идущие политические послед-

ствия, что реализация или даже угроза появления подобных технологий может стать «спусковым крючком», приводящим в действие механизмы серьезнейших геополитическим перемен. Опыт советско-американских отношений в 1980-е годы также показал, что сверхдержава должна обладать не только стратегическими технологиями (таковые у СССР были надежными и долговременными), но и базировать свою внешнюю политику на прочных геополитических основах. Рейгану нужна была геополитическая победа, а не патовая ситуация, тогда как руководство Советского Союза считало, что патовая ситуация является гарантом временного «статус кво», который завершится обязательным выигрышем передового общественного строя у «капитализма вчерашнего дня». В столкновении не технологий, а представителей геополитической и идеологической выучки одержали победу геополитики, а не идеократы.

Фактически геополитическую победу над СССР одержал Р. Рейган, но история так распорядилась, что объявление о завершении «холодной войны» было связано с именем другого американского президента — Дж. Буша-старшего. Именно после его встречи с М. С. Горбачевым на борту американского военного корабля у берегов Мальты 3 декабря 1989 года, пресс-секретарь советского лидера Геннадий Герасимов заявил журналистам: «Сегодня, в 12:45 минут, положен конец „холодной войне“». Если обратиться к документам, зафиксировавшим советско-американские договоренности на этой встрече, то выясняется, что Горбачев обещал США:

- СССР не будет вмешиваться в процессы перемен, охватившие страны Восточной Европы и опрокинувшие «берлинскую стену» в центре континента;
- Запад может начинать готовить условия объединения Германии, не заботясь особенно о скоррелированности этого процесса с разрешением проблем общеевропейской безопасности;
- СССР воспринимает заявления о выходе из Организации Варшавского Договора ряда восточноевропейских стран как начало самоликвидации этого военно-политического блока;
- советская внешняя политика будет и впредь основываться на приоритете «общечеловеческих ценностей», хотя уже было ясно, что американцы и их союзники последовательно и активно добивались реализации собственных национальных интересов, подчинив именно этой цели всю сферу советско-американских отношений. Любопытно, что сам Горбачев охарактеризовал общий итог встречи на Мальте словами «отношения вышли на новый уровень», в советско-американских отношениях «произошел прорыв». Дж. Буш тоже был доволен намечавшейся перспективой в отношениях двух государств, так как в его понимании потеря Восточной Европы и развал ОВД лишали СССР сверхдержавного статуса и Советский Союз оказывался

перед лицом расширившей и упрочившей свои позиции в мире единственной сверхдержавы. Однако большинство ученых и политиков не согласны с тем, что «холодная война» завершилась в 1989 году. Они, как правило, связывают это событие с распадом СССР, когда исчез один из двух главных субъектов почти 50-летнего биполярного противостояния.

К. Н. Брутенц полагает в этой связи, что «демонтаж» феномена «холодной войны» с ее сложной структурой мог быть только процессом, к тому же с противоречивыми, порой непредсказуемыми, последствиями. «Об окончании „холодной войны“ говорили и в 1991-м, после путча и победы революции в России, — писал этот автор. — На патент ее могильщиков претендовали Ельцин и Клинтон в годы своей нежной дружбы. Но „холодная война“ оказалась несговорчивым покойником. Она каждый раз, хоть и съезживаясь, теряя в пассионарности, тем не менее, то и дело покидала предназначенную ей могилу. В мае 2002 г. президент Буш-старший назвал Московский договор, подписанный с Владимиром Путиным, «окончательными похоронами „холодной войны“». Подобные же фразы прозвучали и совсем недавнов ходе российско-американского саммита в Сочи в апреле 2008 г. Такие настойчивые и повторяющиеся заявления даже спустя два десятилетия после Мальты сами по себе наводят на размышления. К тому же некоторые стороны нынешней российской политики США побуждают задаться вопросом: если „холодная война“ в своем первоначальном виде осталась в прошлом, то не ведется ли она опять, на этот раз против России, разумеется, в модернизированном виде?»⁵⁸.

Конец «холодной войны» не мог не означать победу Соединенных Штатов Америки и поражение Советского Союза. Заключительный вердикт по этому вопросу история вынесла в декабре 1991 года,

когда геополитическая катастрофа, расчленившая евразийский хартленд, приобрела форму развала СССР. В публицистике продолжает использоваться и другая трактовка финала «холодной войны»: Советский Союз распался не в период обострения международной напряженности, что могло бы подтвердить тезис о победе Запада, а в условиях мирно и позитивно складывавшихся международных отношений. Поэтому считается, что СССР проиграл не «холодную войну», а не выдержал испытания разрядкой, и Запад победил реальный социализм в Советском Союзе не оружием, а преимуществами демократии⁵⁹.

Последовавшие за окончанием «холодной войны» геополитические перемены были настолько серьезными и далеко идущими, что возвестили о начале новой эпохи в международных отношениях. Контуры и содержание новой геополитической картины мира на первых порах оказались весьма размытыми и расплывчатыми из-за далеко не завершившихся геополитических процессов. Исчезновение СССР как одного из двух определяющих элементов системы международных отношений периода 1945–1991 гг. можно считать завершающим событием послевоенной эпохи. Биполярная система международных отношений разрушилась, Ялтинско-Потсдамский порядок перестал существовать. Это означало, что и «холодная война» также уже стала историей. Но практика перехода современного мира от однополярной или «полутораполярной» к многополярной системе международных отношений порой демонстрирует разного рода паллиативы феномена «холодной войны», в частности, в форме уже «холодного мира». Эти всплески конфронтационности вновь и вновь напоминают людям о необходимости постоянно совершенствовать международную сферу бытия человечества на принципах взаимопонимания и мирного сотрудничества.

¹ Теория моделей возможного мироустройства была разработана во второй половине 50-х годов XX века. Они представляли собой построенные на базе совокупности основных факторов международной жизни образцы миротворческих связей, претендующие на относительную концептуальную самостоятельность. Появление теоретических моделей устойчивости международных отношений связано с разработкой и применением системного подхода к ним. М. Каплан в своей работе «Система и процесс в международной политике» (1957) разработал 10 моделей мироустройства, отдавая предпочтение «свободной биполярной системе» и «балансу сил». Значительный вклад в теорию вопроса внесли труды:

- по классификации международных систем (С. Хоффманн);
- по выделению численности «силовых центров», определяющих многополярность, биполярность или однополярность (Р. Роузкранс);
- по выявлению типов контроля в зависимости от характера международной системы — «баланс сил», биполярная или имперская модели (Р. Гилпин);
- по изучению роли «мировых держав» в управлении международными делами (П. Морган, Дж. Модельски);
- по определению достоинств и слабостей монополярных и мультиполярных систем, в том числе в условиях конфликтов (Э. Хаас);
- по оценке потенциалов государств в миротворческих связях (Э. Луард);
- по выявлению «конфигурации соотношения сил» в биполярной и многополярной системах (Р. Арон).

В книгах К. Уолтца «Теория международной политики» (1979) и Р. Гилпина «Война и изменения в мировой политике» (1983) «биполярность» трактуется с позиций системного подхода, хотя и не распространяется на всю сферу миротворческих связей.

² История внешней политики СССР. 1945–1985. Т. 2. М., 1986. С. 84.

³ Богатуров А. Д., Аверков А. А.. История международных отношений (1945–2008 гг.). М.: Издательство «МГИМО — Университет». 2009. С. 32–33.

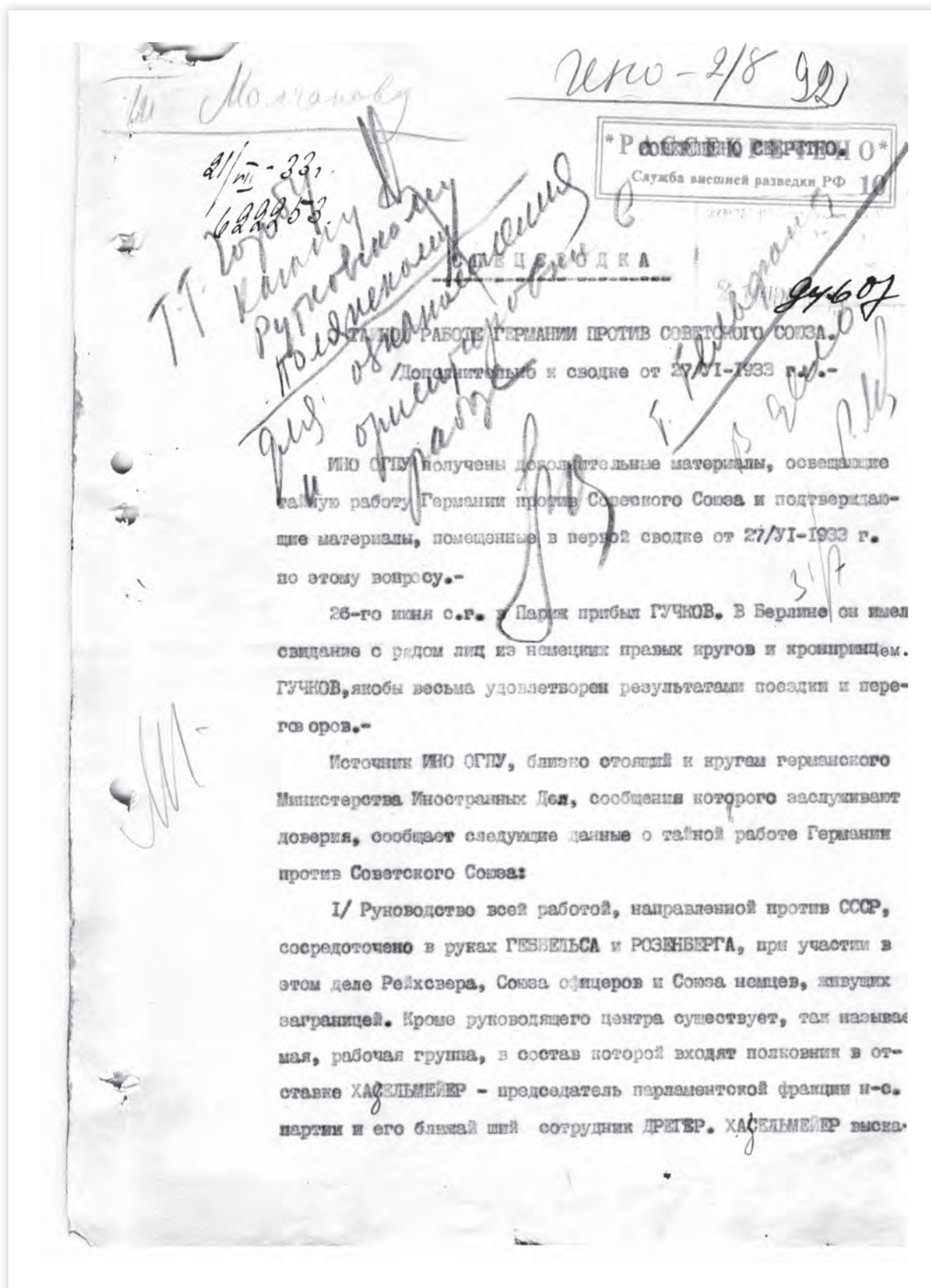
⁴ Богатуров А. Д., Аверков В. В. Указ. раб., с. 27–30.

⁵ Известия. 1946. 12.III.

- ⁶ Богатуров А.Д., Аверков В.В. Указ. раб., с. 31.
- ⁷ См. подр.: Брутенц К.Н. Закат американской гегемонии. М., 2009. С. 11.
- ⁸ The International Herald Tribune. 2004. 14.XII.
- ⁹ Ferguson N. The War of the World. Twentieth Century Conflict and the Descent of the West. N.Y., 2006. P. 615.
- ¹⁰ Брутенц К.Н. Указ. Раб., с. 14, 15.
- ¹¹ The New York Times. 1997. 1.III.
- ¹² Spykman N. American Strategy in World Politics. N.Y., 1943. P. 459.
- ¹³ Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essay on the changing world system, Cambridg, 1991. P. 7.
- ¹⁴ Sloan Y. Geopolitics in US. Wheatsheat books.Fussex, 1998. P.72.
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ Брутенц К.Н. Указ. раб, с. 16.
- ¹⁷ Kennan G.F. American Diplomacy 1900–1950. Chicago, 1952. P. 117–128; Международная жизнь.1990. № 11. С. 140–148.
- ¹⁸ Международная жизнь. 1990. № 11. С. 148–154.
- ¹⁹ См.: История внешней политики СССР. Т. 2. С. 123–125.
- ²⁰ Цит. по: Известия. 1992. 09.I.
- ²¹ Внешняя политика Советского Союза. 1949 год. Документы и материалы. М., 1953. С. 88–94.
- ²² Lippman W. The Cold War: A Study in U.S. Foreign Policy. N.Y., 1997. P. 61–62.
- ²³ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 419.
- ²⁴ Там же. С. 420.
- ²⁵ Киссинджер Г. Указ. раб. С. 415.
- ²⁶ Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Т. II. М., 1995. С. 25, 26.
- ²⁷ Джонсон П. Современность. Т. 2. С. 27.
- ²⁸ Андрианова Т.В. Геополитические теории XX в.М., 1996. С. 119.
- ²⁹ Киссинджер Г. Дипломатия, с. 451.
- ³⁰ Амброуз С. Эйзенхауэр. Солдат и Дипломат. М.,1990. С. 348–349
- ³¹ Там же. С. 287.
- ³² Там же. С. 338.
- ³³ Там же. С. 299.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Ibidem, p. 568
- ³⁶ Sidly H. Jon Kennedy. Portrait of a President. London, 1964.
- ³⁷ Джонсон П. Современность. Т. 2. С.56–57.
- ³⁸ Khrushchev N. S. Khrushchev Remembers. Boston, 1970. P. 400.
- ³⁹ Амброуз С.Указ. раб., с. 346.
- ⁴⁰ Андрианова Т.В. Геополитические теории XX в.. М., 2001. С. 128.
- ⁴¹ Киссинджер Г. Дипломатия, с. 471, 494–495.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Амброуз С. Указ. раб., с. 455.
- ⁴⁴ Шепилов Д. Т. Суэцкий вопрос. М., 1956. С. 146–151.
- ⁴⁵ New-York Times, 15.X.1977
- ⁴⁶ Цит по: Киссинджер Г. Дипломатия, с. 699–700.
- ⁴⁷ Department of State Bulletin. 1980. February. P. 8.
- ⁴⁸ Ibidem.
- ⁴⁹ Киссинджер Г. Дипломатия, с. 704.
- ⁵⁰ Киссинджер Г. Дипломатия, с. 696.
- ⁵¹ Джонсон П. Современность. Т. 2. С. 378.
- ⁵² Киссинджер Г. Дипломатия, с. 709–710.
- ⁵³ The New York Times. 1983.24.III.
- ⁵⁴ Киссинджер Г. Дипломатия, с. 709.
- ⁵⁵ Корниенко Г.М. «Холодная война»: свидетельство ее участника. М.,1995. С. 151.
- ⁵⁶ The New York Times. 1983. 24.III.
- ⁵⁷ Алмазов В. Финансовые программы СОИ и участие в ней союзников США // Зарубежное военное обозрение.1991,№ 1. С. 79–80.
- ⁵⁹ Брутенц К. Н. Указ. раб., с. 9–10.
- ⁶⁰ См.: Арбатова Н. Убить дракона // Независимая газета. 1999, 26.V.

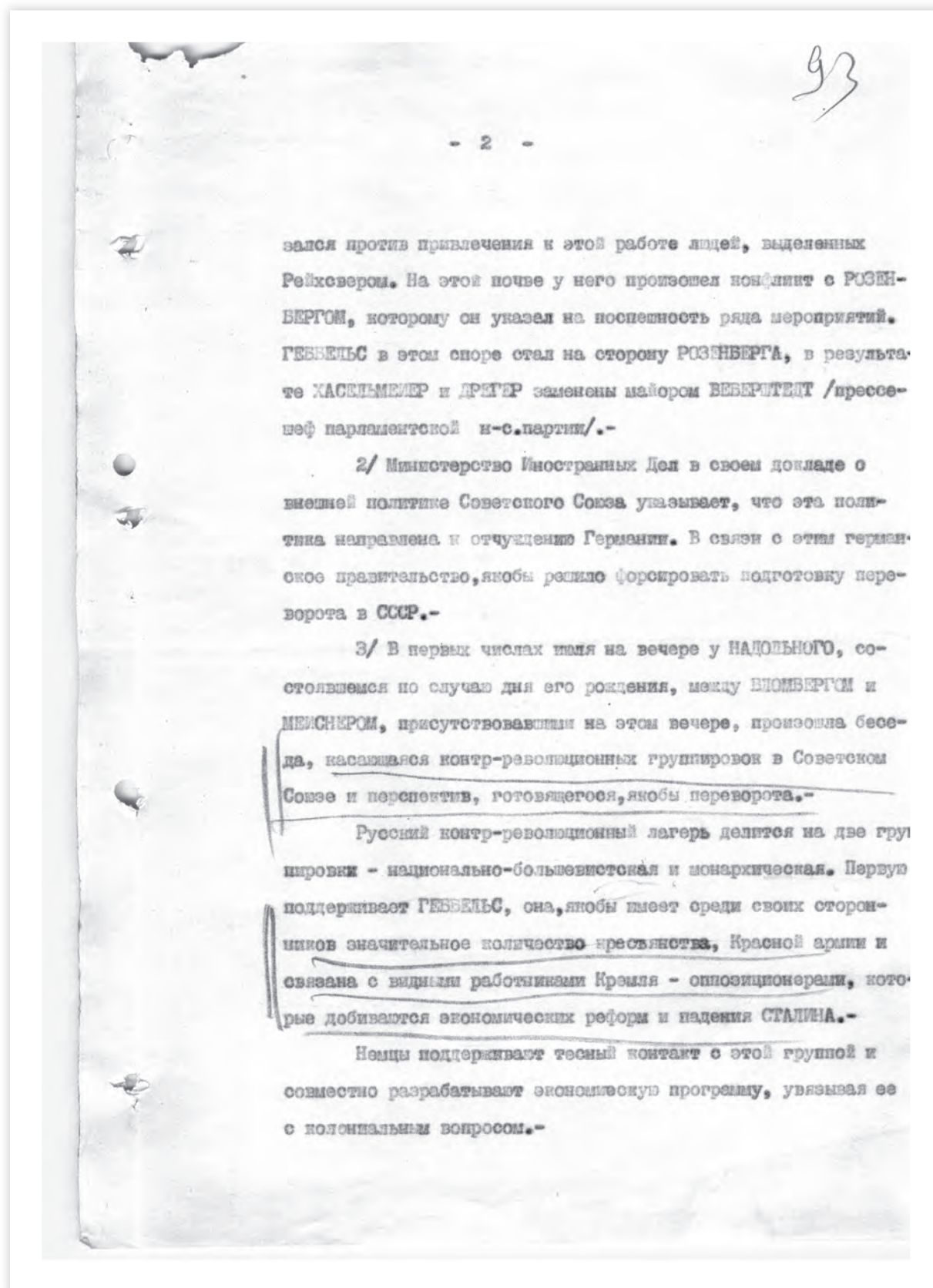
РАССЕКРЕЧЕНО

Дополнение к сводке о тайной работе Германии против СССР. Стр. 1

Дополнение к сводке о тайной работе Германии
против СССР. Стр. 2-3

- 3 -

94

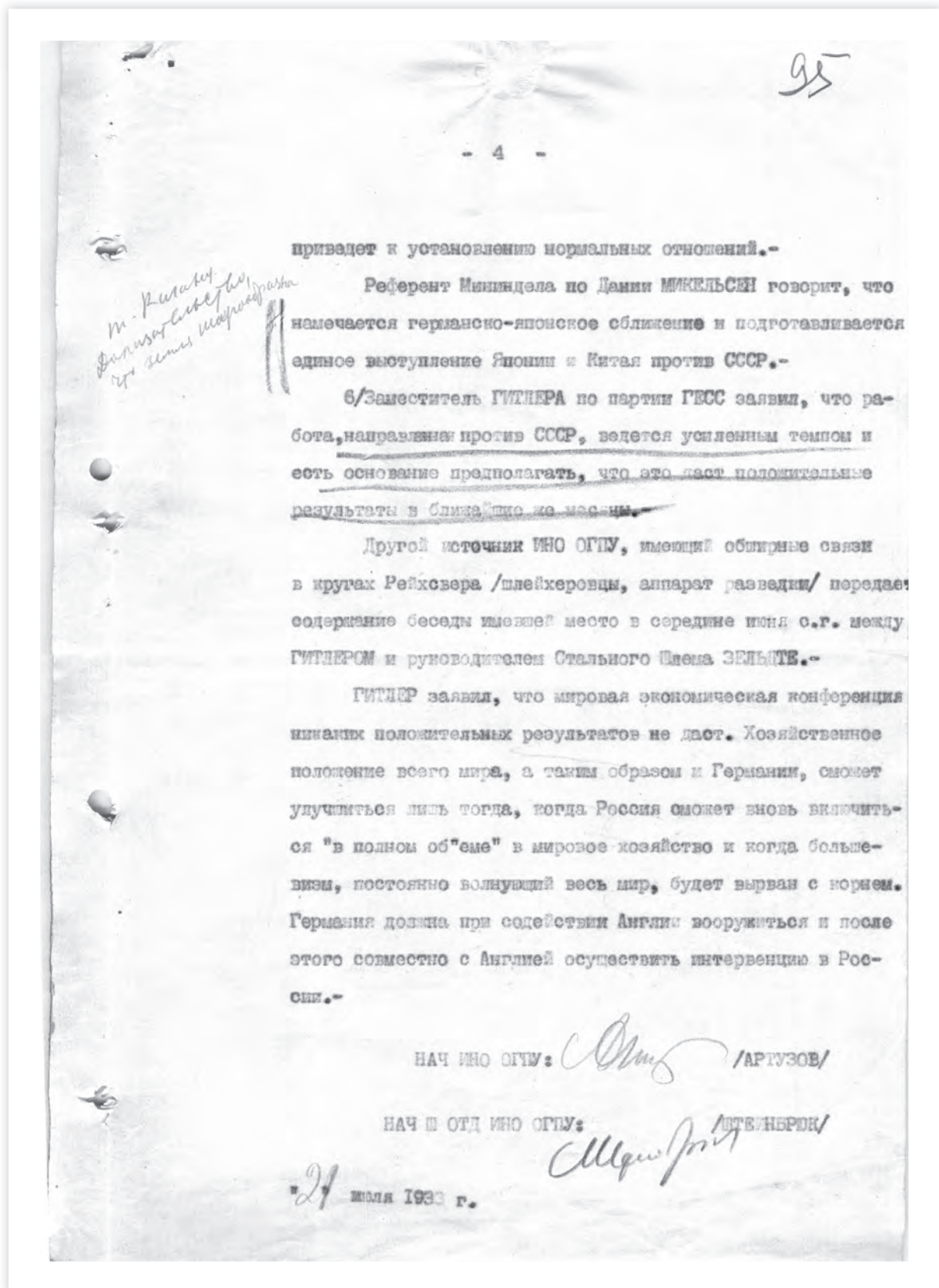
Монархическую группу поддерживает ГЕРИНГ. Главные силы этой группы находятся за границей, однако они якобы развили активную работу по разложению крестьянства и Красной армии.-

Тактика обеих группировок направлена к дезорганизации советского хозяйства, и всевозможным препятствиям во внешней политике Советского Союза и должна завершиться переворотом путем провозглашения военной диктатуры. Между ГЕРИНГОМ и ГЕББЕЛЬСОМ существуют разногласия в вопросах форм управления будущей России. ГИТЛЕР пока еще колеблется между этими двумя течениями. РОЗЕНБЕРГ ведет в этом деле двойную игру и интригует против обеих. ГЕРИНГ, якобы заявил, что наступит таковой момент, когда он будет вынужден арестовать ГЕББЕЛЬСА за его национально-большевистские идеи. ГЕРИНГ твердо убежден, что только монархический строй обеспечит влияние немцев в России.-

4/ Сведения, полученные 19/УП с.г. говорят о том, что главный центр всей антисоветской работы находится на Украине. По настоянию ГИТЛЕРА состоялось примирение между ГЕББЕЛЬСОМ и ХАСЕНШТЕЙНРОМ. Последний вновь привлечен к работе, но на второстепенную роль. Руководство осталось за ВЕВЕРТИЦТОМ

5/ Руководитель Восточного Отдела НКД^а - МАЙЕР говорит, что отношения между Германией и Советским Союзом принимают угрожающий характер. Он считает, что создавшаяся обстановка ведет к отрыву СССР от Германии и к усилению влияния Франции. Он полагает, что только свержение власти в СССР приведет

Дополнение к сводке о тайной работе Германии против СССР. Стр. 4

Сообщение о приезде фон Риббентропа в Париж
и отношении к нему французской прессы. Стр. 1

РАСЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ 10

6 декабря 1938 года. № 8543.

Перевод с французского.

Приезд фон-Риббентропа в Париж и французская
пресса.

Из боязни инцидентов и враждебных манифестаций правительство решило, что Риббентроп приедет в Париже не через Восточный вокзал, а обойдя столицу — через пригород, с вокзала Инвалидов, который отделен от Кэ д'Орсей всего лишь одной улицей и находится от германского посольства всего лишь на расстоянии нескольких сотен метров.

В общем французская пресса встретила имперского министра иностранных дел с вежливой сдержанностью. Принята оборонительная позиция. Декларацию о ненападении считают довольно "бессодержательной". Не доверяют немецкой подписи: "бумага" не является ли она клочком?"

Левые и крайние левые опасаются ловушки: Германия, которую весь мир так сильно обвиняет за ее антисемитскую политику, не за тем ли она явилась в Париж, чтобы оправдаться?

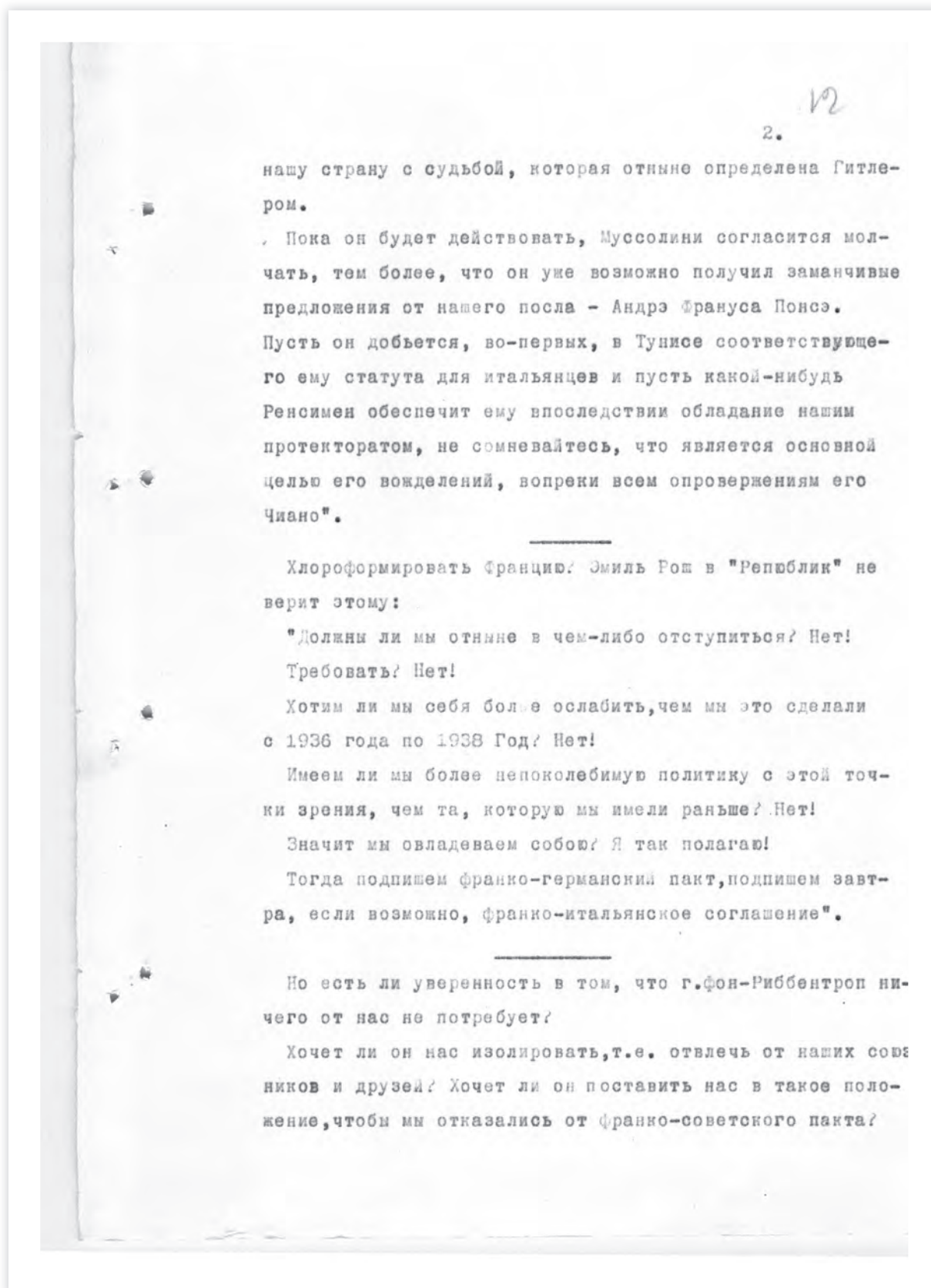
Германия в сообщничестве с Италией не собирается ли она усыпить-хлороформировать Францию для того, чтобы дать возможность своей дорогой латинской сестре нанести удар?

Именно эту точку зрения поддерживает Эмиль Бэрэ в "Ордр":

"Фон-Риббентроп едет в Париже для того, чтобы связать

Сообщение о приезде фон Риббентропа в Париж
и отношении к нему французской прессы. Стр. 2–3

з. В

Жюль Ромен в Пари Суар так не думает:

"Мы сохраним те дружеские отношения, которые мы пожелаем сохранить. Если мы освободимся от некоторых уз, то мы это сделаем для того, чтобы освободиться от слишком связывающих или неподходящих для нас уз, опыт которых показал нам, что они были только во вред нам".

Зато "Тан" полагает, что Жорж Бонне выдвинет перед Риббентропом проблему статуса кво по вопросу Средиземного моря, т.е. декларацию, определенно отрицающую итальянские притязания.

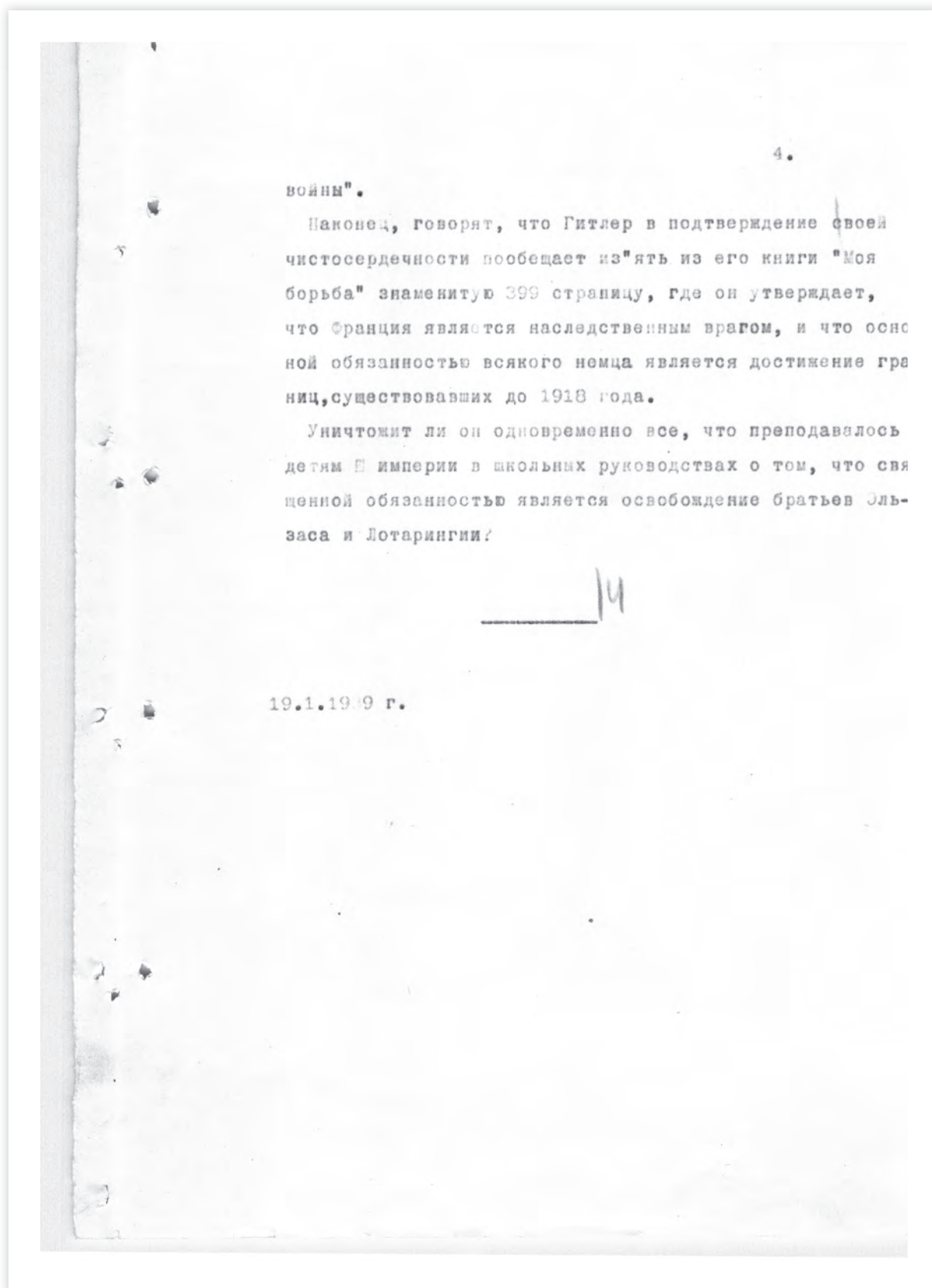
"Само собой разумеется, что всякая прямая или косвенная попытка окружения Франции должна быть с такой же откровенностью устранена. Это, конечно, поймут в Берлине, ^{имея} в виду положение новой Испании, которое она завтра займет, и поддержку статуса кво на Средиземном море, где III империя к тому же не имеет существенных интересов для защиты".

Леон Бельби того же мнения (Ле Жур).

Того же мнения Женестьева Табуи.

Что же касается гарантии границ, о чем Гитлер неоднократно провозглашал: "Было бы не плохо, некоторые говорят, заставить его повторить об этом письменно. Не следует недооценивать этого результата в правительственных актах. Отказываясь безусловно от всякого применения силы по отношению к Франции, гитлеровская Германия отказывается более или менее на короткое время от средства давления, которое она в течение последних месяцев так успешно применяла: моя угроза

Сообщение о приезде фон Риббентропа в Париж
и отношении к нему французской прессы. Стр. 4

Сообщение о переговорах Боннэ–Риббентроп,
о франко-германском соглашении от 6 декабря. Стр. 1

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с французского.
9 декабря 1938г.

ПЕРЕГОВОРЫ БОННЭ–РИББЕНТРОП.

Что можно знать определенно, помимо обычных сплетен инспирированных партийными настроениями или желанием показать себя хорошо осведомленными.

В зависимости от того – является ли ваш собеседник правого или левого направления – сторонником мюнхенского соглашения или его противником, франко-германская декларация от 6-го декабря, являющаяся видимым и официальным результатом поездки Риббентропа, представлена в виде новой капитуляции Франции или в виде исходной точки окончательного соглашения Франции и Германии.

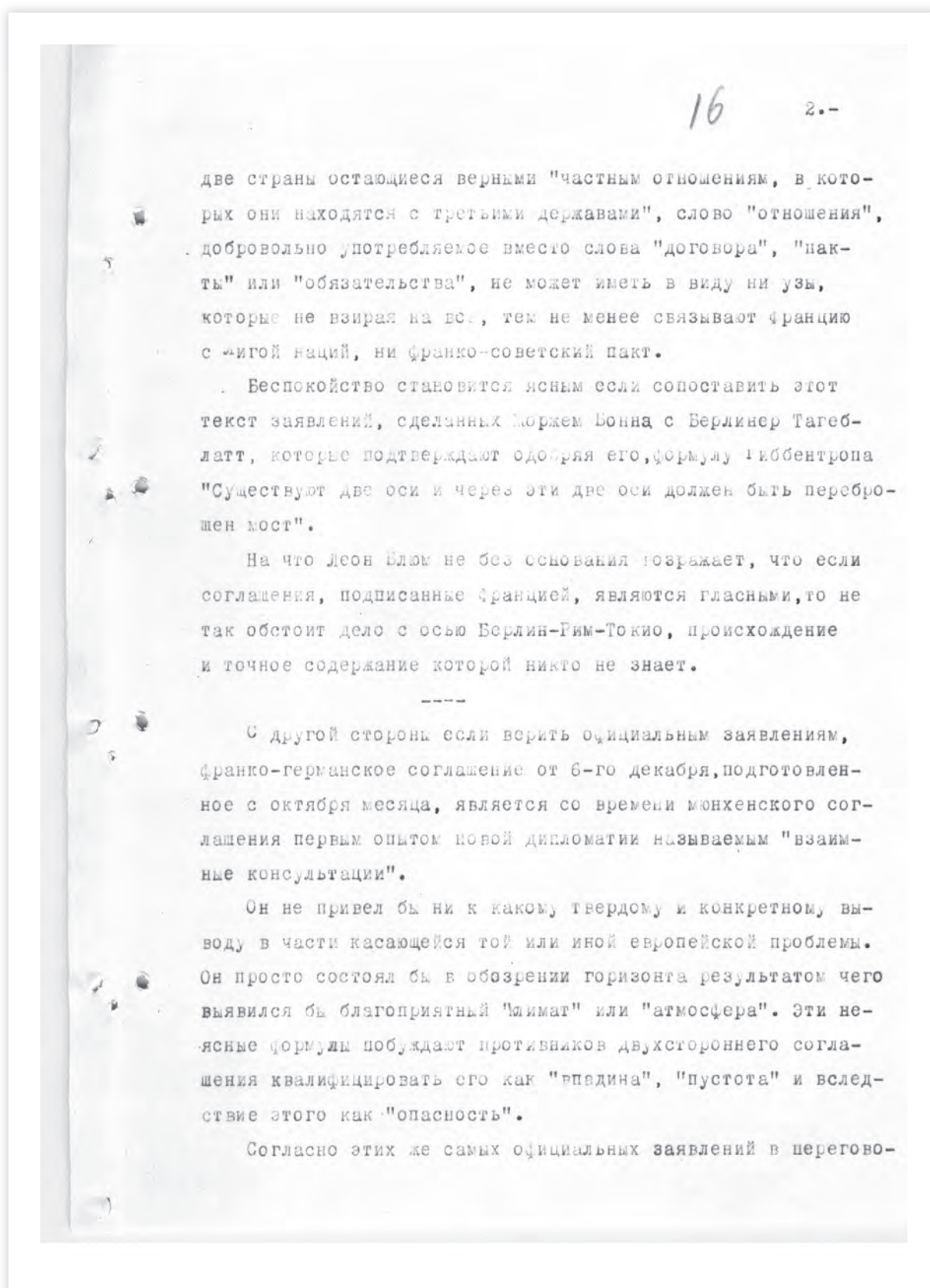
Некоторые уверяют, что Риббентроп пред'явил Жоржу Боннэ требование разрыва франко-советского пакта и что он не был бы недоволен тем, если бы в Париже по отношению к нему были бы враждебные проявления со стороны коммунистов.

Он воспользовался бы случаем, чтобы требовать от Даладье санкционировать это оскорбление, нанесенное представителю III империи путем окончательного отказа от пакта, заключенного с СССР.

Во всяком случае достоверно, что значительная часть германской прессы, контролируемая или вдохновляемая г-ном Гиббельсом, утверждает, что одним из последствий соглашения от 6-го декабря должно быть то, что "Франция должна быть вооружена внутри против сил разоружения".

С другой стороны достоверно, что если подойти более близко, как это сделал Леон Влом, к изучению текста третьего параграфа франко-германской декларации, утверждающего, что

Сообщение о переговорах Боннэ–Риббентроп,
о франко-германском соглашении от 6 декабря. Стр. 2–3

W 3.-

рах Бонне-Гиббентроп вопреки некоторым заявлениям прессы вопрос не касался:

1. Ни соглашения прессы
2. Ни колониальной проблемы.

Опровержение касавшееся соглашения прессы очень пришлось по сердцу г-ну Жорж Бонне, который приготовил, как уверяют из надежных источников, два законопроекта предназначенных доставить удовольствие г-ну Гитлеру: один - предусматривающий процесс при закрытых дверях для всех юридических споров способных вызвать международные отголоски (для того, чтобы скрыть правду об убийстве фон Гата), другой - дающий министру иностранных дел возможность преследовать прессу за оскорбление главы государства в случае, если министру иностранных дел поданы жалобы дипломатическим путем (это в целях защитить Гитлера от прессы, которая не восторгается его антисемитскими преследованиями).

Меня уверяют в том, что эти два законопроекта были переданы для помещения в Журналь Официель, но что в последнюю минуту Жорж Бонне опасаясь резкого противодействия отменил это распоряжение.

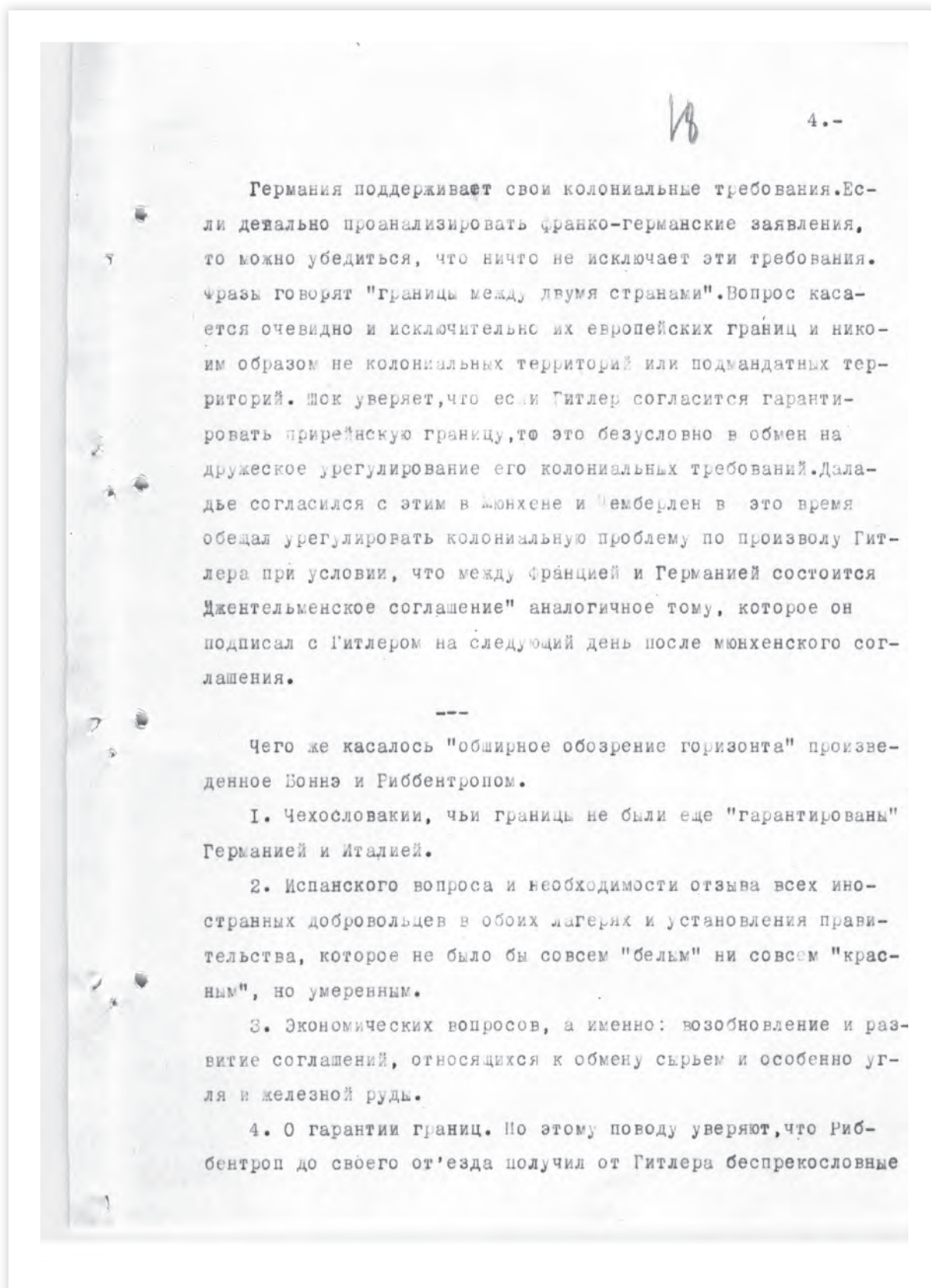
Во всяком случае следует отметить, что в свите г-на фон Гиббентропа фигурировал доктор Ашманн, начальник отдела печати, с Вильгельмштрассе и что это лицо было связано со своим французским коллегой г.Бресси.

Второе опровержение, касающееся колониальной проблемы, о чем как говорят в переговорах не упоминалось, надо сказать никого не убедило.

Сообщение о переговорах Боннэ–Риббентроп,
о франко-германском соглашении от 6 декабря. Стр. 4–5

19

5.-

распоряжения. Имперский канцлер неистовствует по поводу того, что с момента заключения мюнхенского соглашения Франция и Англия укрепили свое военное и воздушное соглашение и что они также укрепили свои узы с Бельгией и Голландией.

Конечно, Англия еще не близка к тому, чтобы считать военную службу обязательной и это обнадеживает Гитлера, но вскоре она будет в состоянии немедленно предоставить Франции в случае войны несколько моторизованных дивизионов, то же в отношении Бельгии и Голландии.

Франко-германское соглашение, имеющее в виду гарантию рейнской границы, распространилось бы в ближайшем на Бельгию, Голландию, а также на Люксембург и Швейцарию.

Германия солидно огражденная на западе своими соглашениями и линией Зигфрида получила бы полную свободу действий на Востоке в отношении Украины.

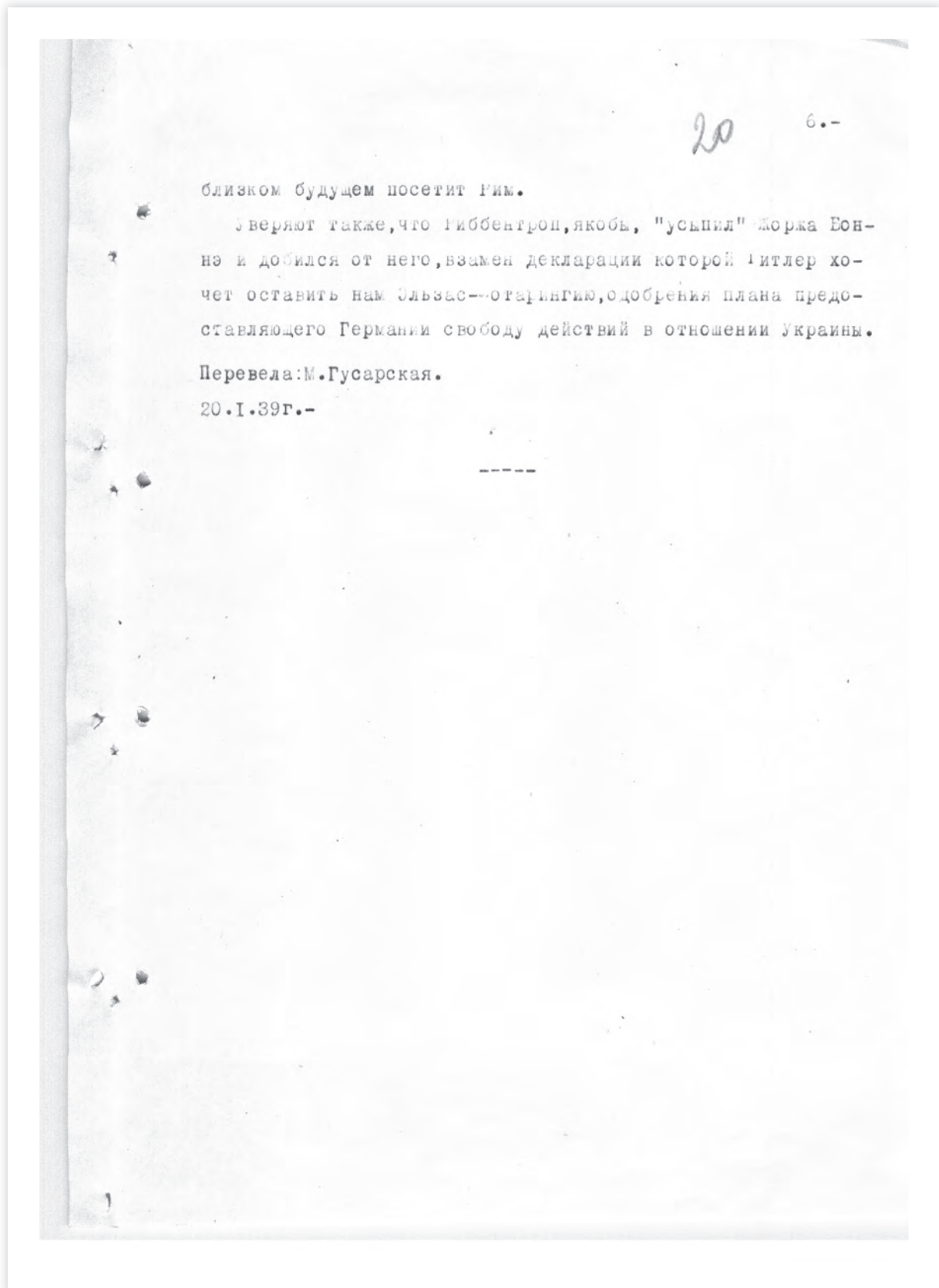
5. Наконец, разговоры касались итальянских требований. Вне всякого сомнения, что не без ведома Германии в Риме разразились оркестровые манифестации.

Италия сильно жалуется на то, что она была обижена в деле Ашдосса, Чехословакии и вообще в деле германского захвата Центральной Европы. Чтобы ее успокоить, Гитлер обещал ее поддержать - если не в вопросе Корсики, но крайней мере в ее требованиях в отношении Туниса.

До приезда Гиббентрона в Париж и во время его пребывания в Париже германская пресса притворялась, что она хочет "уронить" Италию и что она не одобряет римские манифестации.

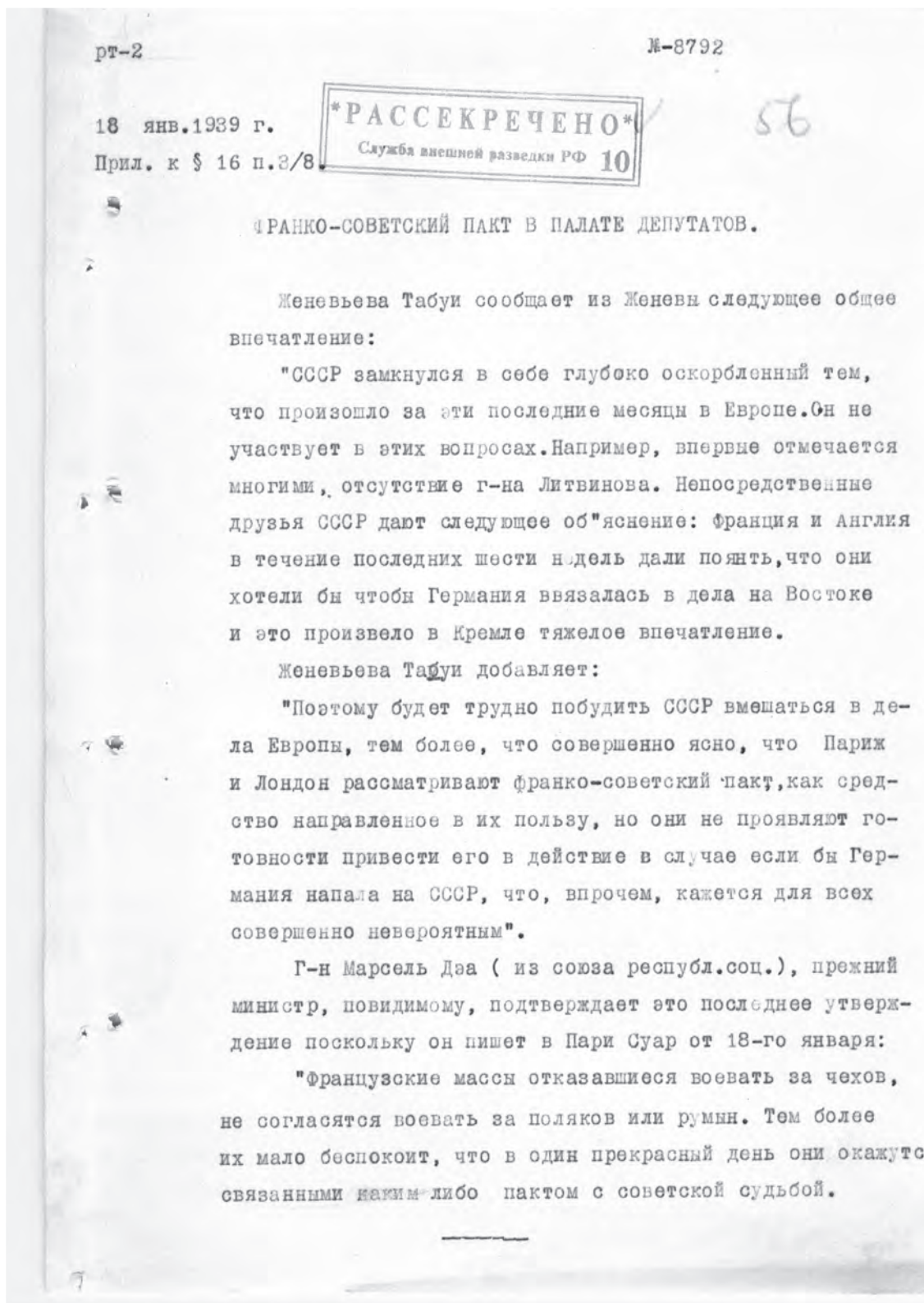
Но теперь, когда Гиббентроп покинул Париж, она совершенно ясно на стороне Италии и уверяют, что Гиббентроп в самом

Сообщение о переговорах Боннэ–Риббентроп,
о франко-германском соглашении от 6 декабря. Стр. 6

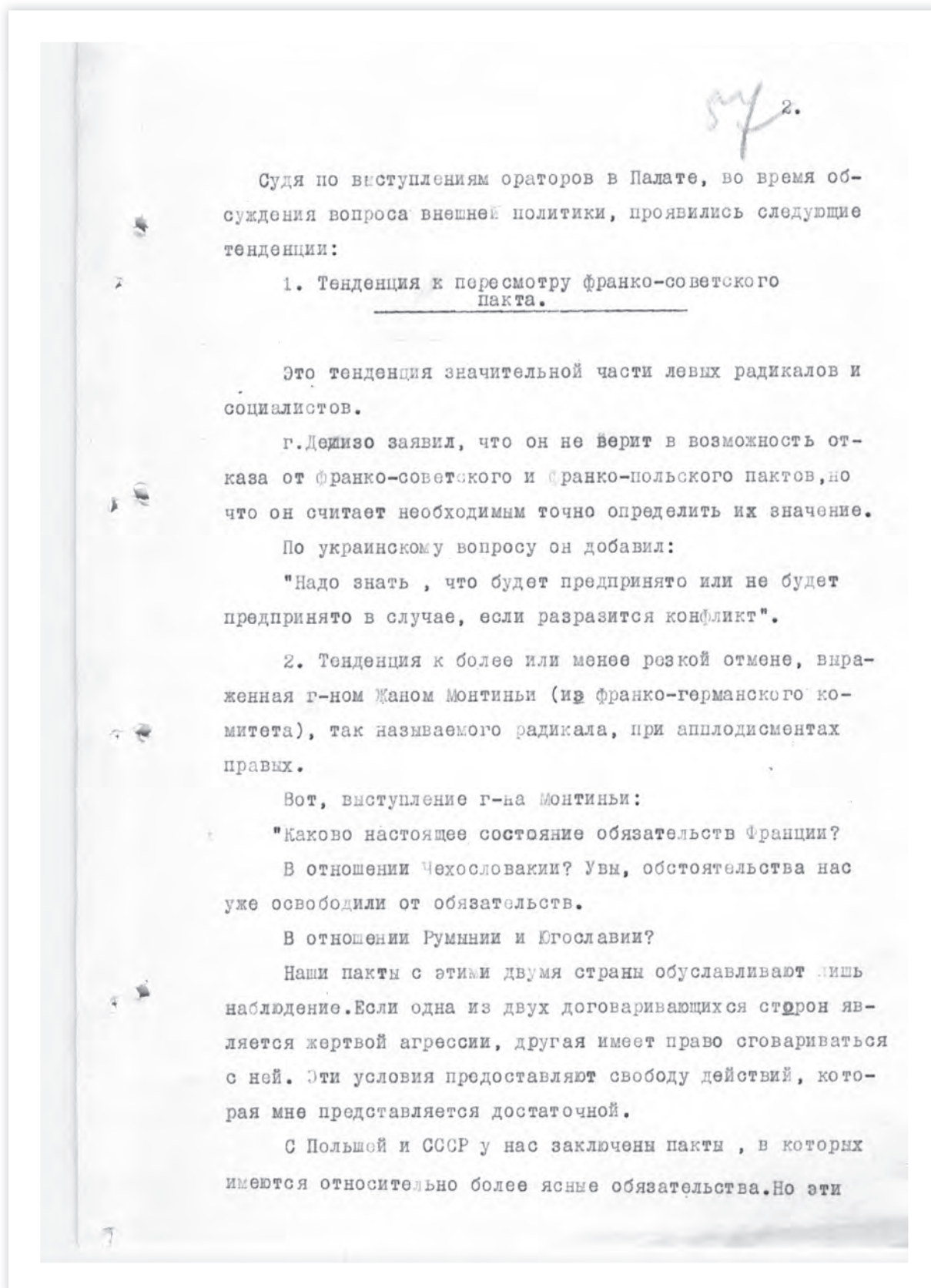

Сообщение о франко-советском пакте в Палате Депутатов,
о франко-польском пакте. Стр. 1

Сообщение о франко-советском пакте в Палате Депутатов,
о франко-польском пакте. Стр. 2–3

88

3.

обязательства, в остальном различные, имеют общий характер: они были приняты в рамках пакта Лиги Наций и была буквально применена ст.16, т.е. та статья, на основании которой в пакте вытекают основы коллективной безопасности.

Коллективная безопасность, реальное применение ст.16 - это основа всех обязательств, о которых мы договорились в этих пактах.

Поскольку вся структура рухнула, мы скажем: к несчастью, верители вы, что при такой катастрофе могла сохраниться прочность пактов?

Затем г.Монтиньи напомнил о заявлениях сделанных г-ном Жоржем Бонне на с"езде в Марселе.

"Когда г.Бонне вызвал в памяти свои воспоминания члена кабинета 1925 г., который подписал Локарнское соглашение и пакты с Польшей и Чехословакией, он сказал:

Что мы поняли, чего мы хотели, что мы предвидели? Разве в тот момент когда весь мир начал колебаться, Франция зашаталась бы раньше всех.

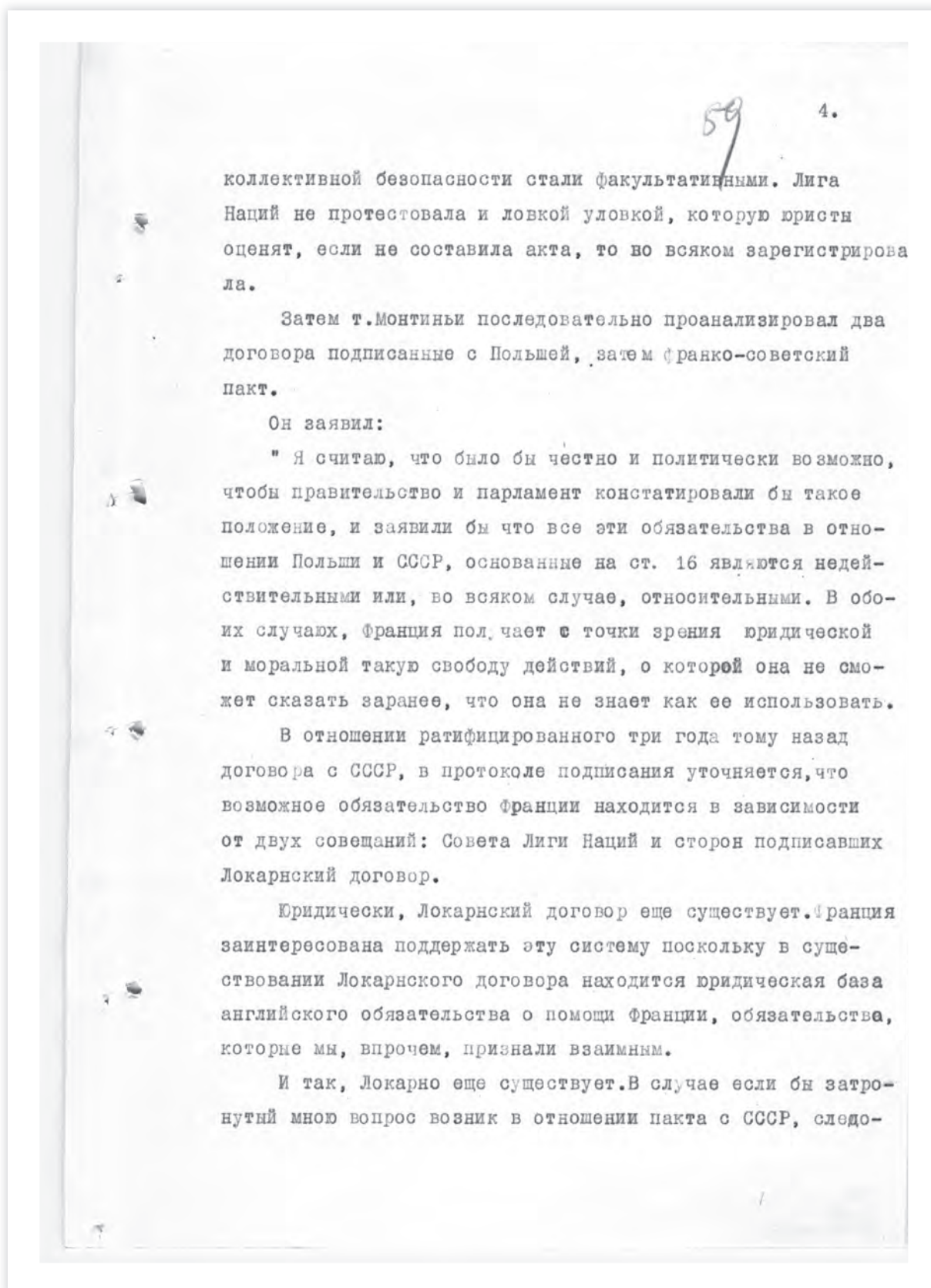
Иначе говоря, всеми взятыми на себя обязательствами мы обязались быть первыми у заставы, быть первыми у бойницы, но не быть там в одиночестве.

Начиная с того времени, когда доказано, что коллективная безопасность статьи шестнадцатой впадает в летаргию, неизбежно, что наши обязательства теряют силу или во всяком случае, становятся условными.

Не только три большие державы из семи остались в одиночестве в Женеве, но некоторые значительные страны, об"единившиеся в так называемую "группу Осло", заявили на последнем заседании Лиги Наций, что в силу происшедших изменений они считают, что обязательства ст.16-й насающиеся:

Сообщение о франко-советском пакте в Палате Депутатов, о франко-польском пакте. Стр. 4–5

вало бы прежде всего обратиться в Совет Лиги Наций. Затем обратиться к поручителям Локарно, т.е. Англия и Италия".

Поэтому г.Монтињи заключил свое выступление срочной необходимостью применить франко-советский пакт и создавшемуся юридическому и международному положению.

Наконец, третья тенденция; переработка пакта в военный союз. Эта тенденция была развита Анри Кериллисом с его обычными аргументами.

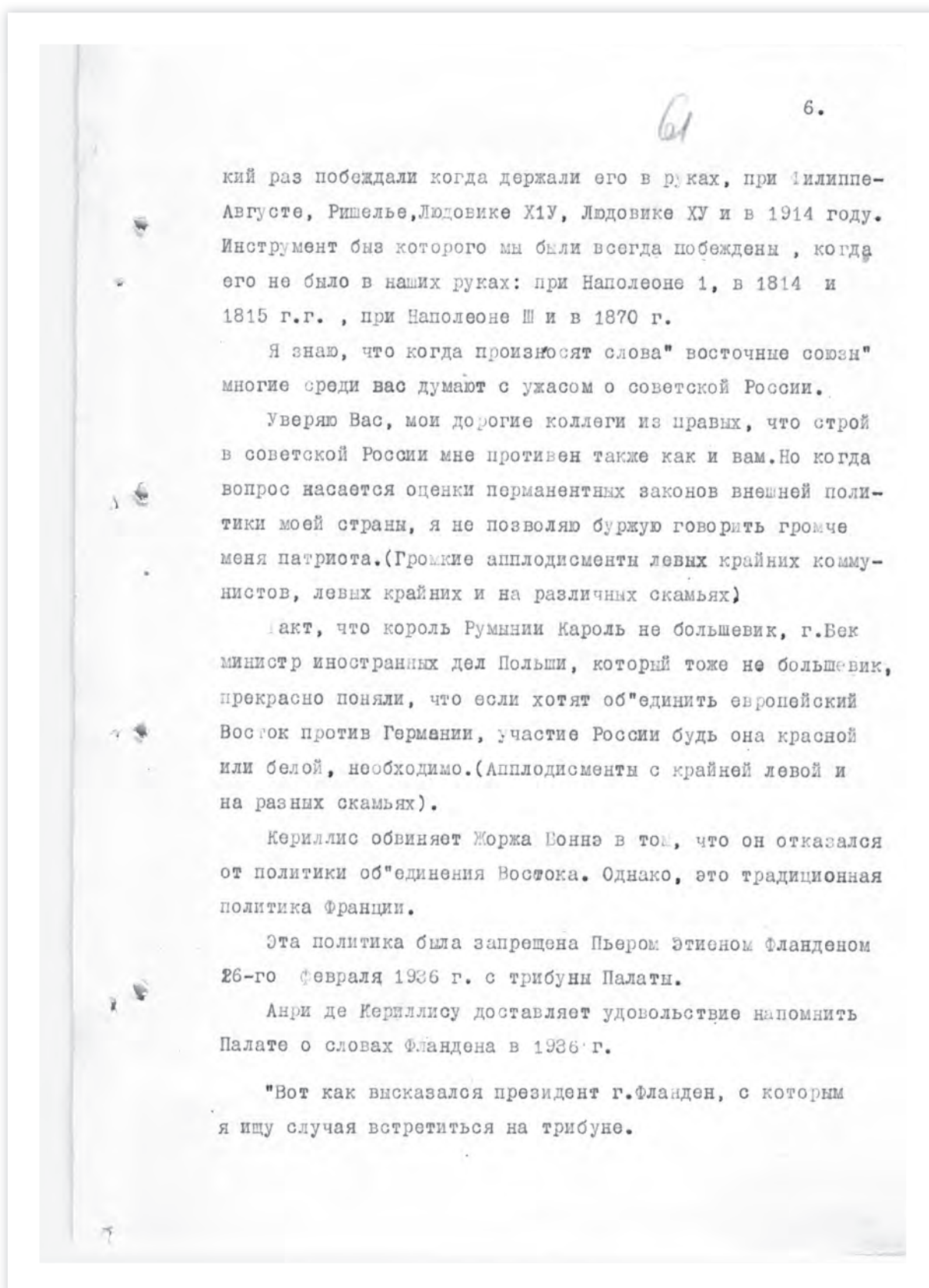
Он также упомянул о заявлениях Жоржа Вонне на с"езде в Марселе.

"На с"езде в Марселе, Вы, господин министр иностранных дел, употребил одно, особенно разоблачающее, выражение. Вы говорили не о "восточных союзах", Франции, а о "восточных дружбах". Во внешней политике или, короче говоря, в политике, этот термин "дружбы" не может говорить много. Но весь мир понял. Политические деятели и газеты, которые Вас самым шумным образом одобряют и которые считают, что они отражают Вашу мысль взяли на себя заботу нас просветить. г.Монтињи это сделал в начале заседания с большим прямодушием, очень талантливо и с совершенной ясностью.

Восточные союзы, соединение французских и славянских сил, это существенное условие европейского равновесия, т.е. само существование не только восточных и западных стран, но и маленьких стран.

Уничтожить наши восточные союзы, это значит уничтожить клещи, которые в течение пяти столетий сдерживают германскую угрозу. Это значит разбить инструмент, которым мы вся-

Сообщение о франко-советском пакте в Палате Депутатов, о франко-польском пакте. Стр. 6-7

62 7.

"Настоящий спор идет между теми кто сохранил веру в мир гарантированный организацией коллективной безопасности и, которые чтобы достичь выгод, принимают его обязательства и между теми, которые для того, чтобы избежать угрозы войны, готовы уступить перед силой жертвовать безопасностью других для личных гарантий.

Нам говорят: "Представьте пангерманизму и панславянизму выступить друг против друга, положитесь на ваши укрепленные линии Мажино и отмечайте удары".

Слова нехорошие, которые могли бы причинить Европе серьезные повреждения, если бы они были приняты как мнение Франции.

Таким образом, сказал г. Президент Фланден, мы были бы быками, которые теперь защищают этот тезис изолирования против которого мы так боролись и, который к счастью, история уже осудила.

Неужели мы забыли, что в июле 1914 г: мировая война возникла вследствие инцидента, к которому мы были также причастны как к любому инциденту, который мог бы возникнуть завтра в Европе.

Неужели мы забыли, что если тезис эгоизма, изолирования взял бы верх, ни Англия.... г. Фланден сказал, ни Англия, я настаиваю... ни Италия, ни Америка не стали бы на нашу сторону".

Де Керрелис заключил:

"Что касается меня, я никогда не говорил другого, и я не изменил мнения. Вот почему, г. министр, я повторяю это в последний раз, я прошу вас высказать здесь свое мнение без уверток, ясным образом и сказать нам если вы

Сообщение о франко-советском пакте в Палате Депутатов, о франко-польском пакте. Стр. 8

8.

признаете или отрицаете такие предложения касающиеся помощи польской, русской, румынской, американской.

Господа, это доминирующий вопрос в настоящей политике. Нет другого вопроса. Вот, почему это все должно было быть высказано и обсуждено здесь".

Затем, вспоминая с волнением свое личное положение и нпадки которым он подвергся, де Кериллис добавил:

"Теперь заканчивая мою речь, я хочу обратиться к моим друзьям из правых, из коих некоторые перестали меня понимать, которым рассказывают, что я стал сообщником или агентом Москвы. Я умоляю их понять моральные муки, я не преувеличиваю, человека, который в течение 20 лет боролся с ними в авангарде и, который в настоящее время отделяется от них при трагических обстоятельствах.

Нет я не изменился, я не изменюсь! Я не изменил, я не изменю! Ничто не совратит меня с этого пути".

Следует отметить, что когда де Кериллис воскликнул:

"Говорят, что я стал агентом Москвы", поднялись многочисленные протесты правых: "Нет, нет, это неправда, не говорите этого".

От переводчика: см. примечание н. русском языке.

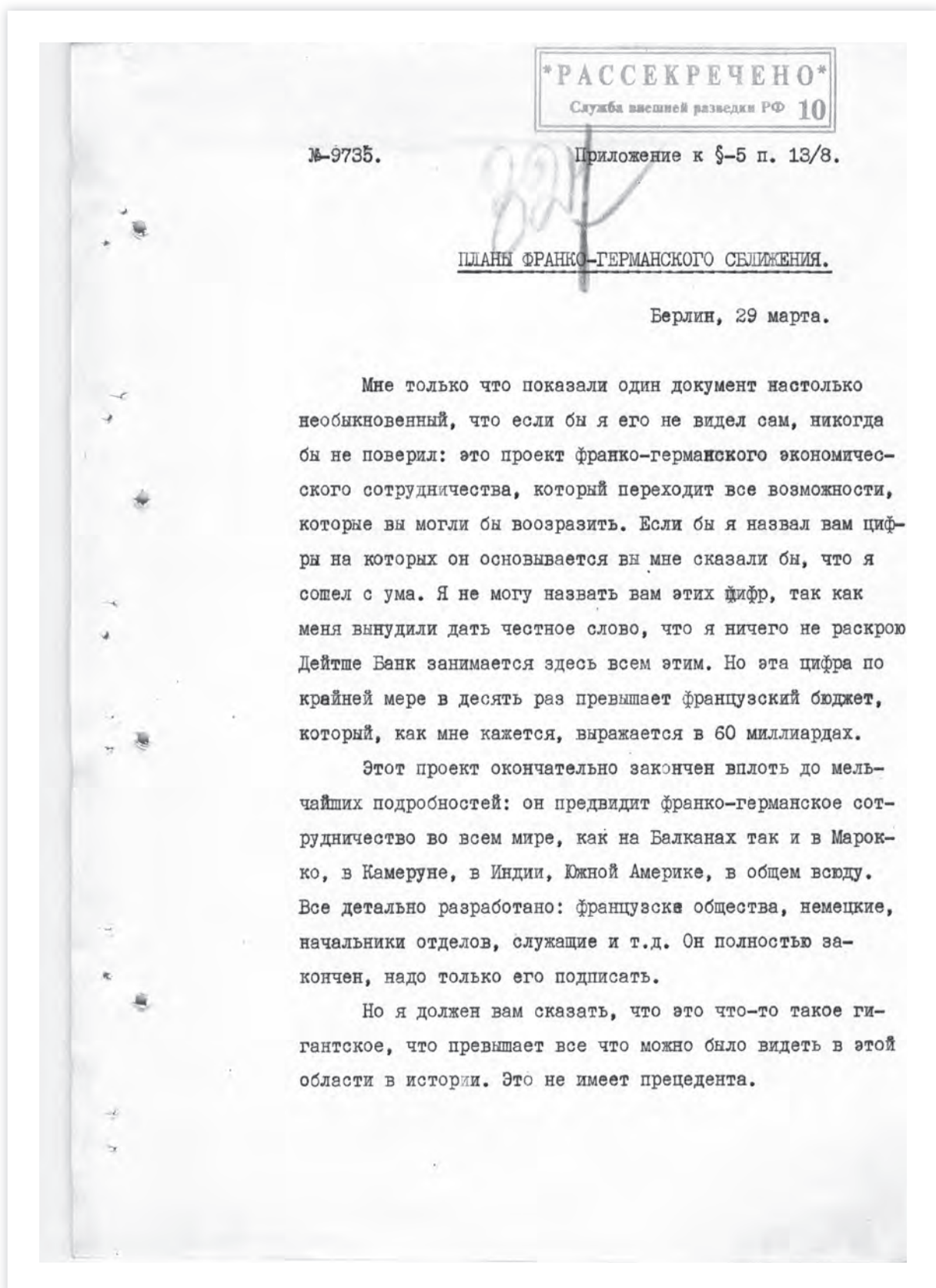
Перевела : М.Гусарская.

3/II-39 г.

Верно: *Гусарская*

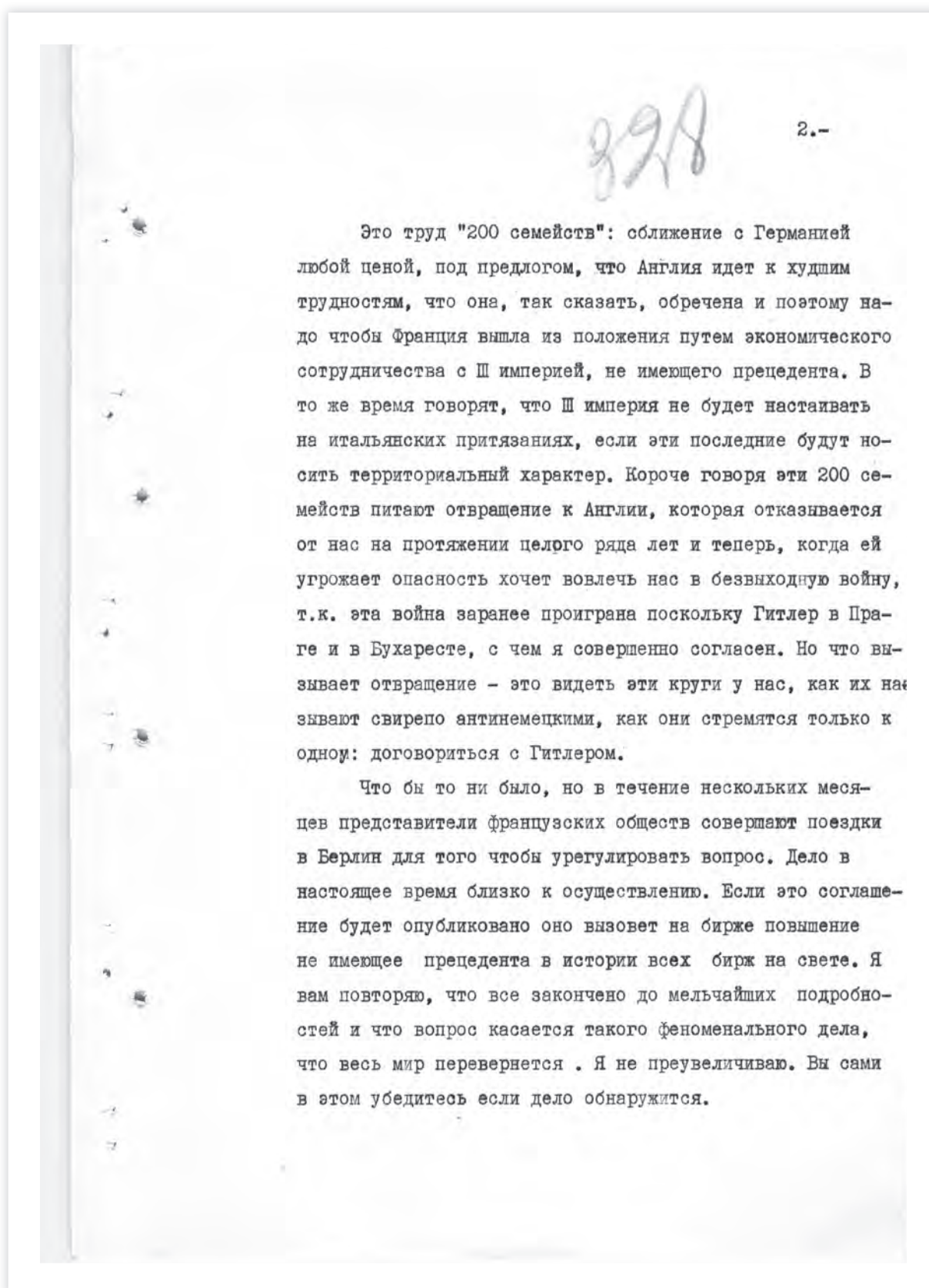
63

Сообщение о планах франко-германского сближения: проект
франко-германского экономического сотрудничества Стр. 1

Сообщение о планах франко-германского сближения: проект франко-германского экономического сотрудничества. Стр. 2–3

3.-

329

Я вас очень прошу ничего не публиковать по этому поводу. "200 семейств" не простят вам этого и вы очутитесь на улице через 15 дней, т.к. мне сказали, что эти семьи безвозвратно решили привести этот план в исполнение и раздавить все, что будет этому сопротивляться.

Итак вы ничего не опубликуете. Это очень повредило бы мне и меня, конечно, заставили бы покинуть Берлин. Никто еще этого не знает.

Я, конечно, не знаю будет ли этот проект приведен в исполнение. Я знаю только, что он закончен и что осталось только подписать его.

Перевела М.Г.

Вписано: *Janina*

Сообщение о Гитлере
и сближении с Францией. Стр. 1–2

РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

Приложение к §-5, п. 13/8.

ГИТЛЕР и СБЛИЖЕНИЕ С ФРАНЦИЕЙ.

От нашего друга в Берлине
(6 апреля).

Канцлер Гитлер провел два дня на борту парохода "Роберт Лей" среди рабочих и служащих. "Роберт Лей" самый новый пароход Фронта Труда, который организует экскурсии на море для рабочих.

Во время этой поездки было много бесед с рабочими во время которых он поделился своими впечатлениями по поводу позиции занятой Англией. Он неоднократно сказал, что он всегда надеялся прийти к прочному соглашению с Англией, тезис, который он поддерживал в "Мейн Кампф" где он ясно говорит, что необходимо навсегда избежать возможности войны между Германией и Англией. В настоящее время он должен признать, что это невозможно. Он с большой горечью говорил о "предательском Альбионе" и что в настоящее время он понял что все его усилия напрасны и что никогда не будет согласия между этими двумя странами.

Все это не является сенсацией, но имеется другое: Гитлер один раз сказал, что он ошибся в своей книге "Мейн Кампф" относительно Франции и что в настоящее вре-

ЗЗБ

2.-

мя он понимает, что Франция является единственной страной с которой можно иметь нормальные и прочные отношения. Он добавил, что он сделает все возможное для того, чтобы перенести "любовь", которую он питал к Англии, на Францию... Факт тот, что немецкие газеты самым удивительным образом шадят Францию. Никто на нас не нападает, все нападают на Англию. Но Франция молчит.

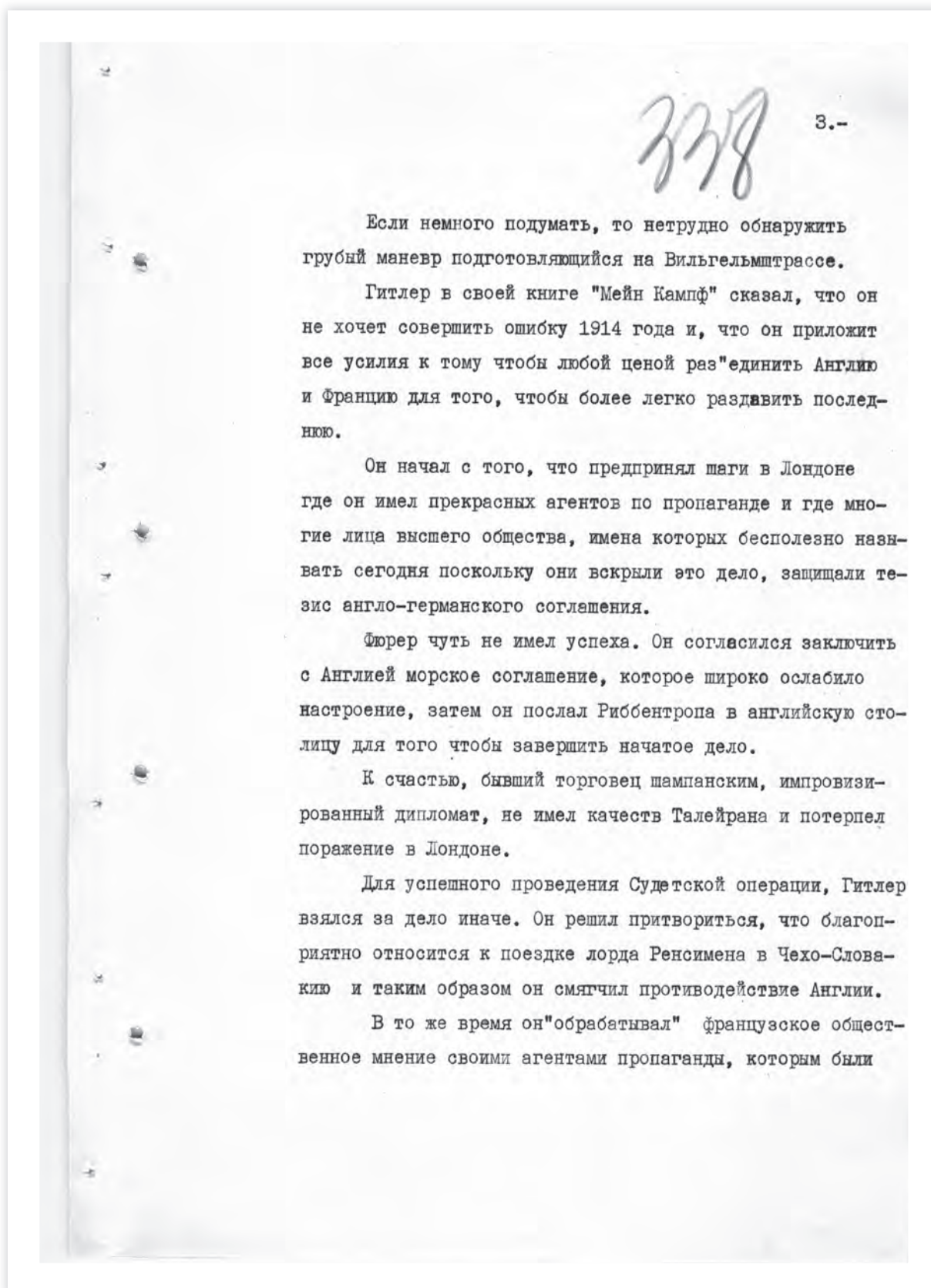
Гитлер таким образом является сторонником сближения с Францией. Это не болтовня. Гитлер всегда возвращался к этому вопросу отношений с Францией и со стороны рабочих которым он это говорил, он встретил самое широкое сочувствие.

"Сегодня, сказал еще раз фюрер, Франция идет по ложному пути и она будет держать судьбу Европы в руках если она не будет воевать за Англию. Французское правительство может решать вопрос мира или войны поскольку нельзя воевать без Франции...".

Правительство Даладье имело бы исключительный случай снискать себе навсегда расположение Гитлера, как говорят в официальных кругах: ему следовало бы послать Кулондра в Берлин; вечером в день приезда Кулондра в Берлин посол Германии в Париже уехал бы в Париж, надо чтобы Франция сделала этот жест не советуясь с Англией, по своей собственной инициативе для того, чтобы проявить свое желание участвовать в этой английской и антинемецкой политике.

Сообщение о Гитлере
и сближении с Францией. Стр. 3–4

339

4.-

выданы большие средства. В этом деле ему широко помогали французские "деятели", которые свободно говорили об "их друге Геринге" и об "их друге Риббентропе" и которые оказывали давление на руководящие классы Парижа для того, чтобы они перестали интересоваться Центральной Европой.

В Берлине очень смеялись над наивностью этих "деятели", повидимому, верили в искренность хороших чувств III империи по отношению к Франции. Но французские круги немецкой столицы спрашивали себя и продолжают себя спрашивать о том, были ли эти "деятели" глупыми или сообщниками. Во всяком случае благодаря этому участию Гитлер мог одержать победу в сентябре.

Однако, психологическая ошибка является исключительно германским недостатком. Так было и с Гитлером. Он не оценил силы Франции и Англии и три недели тому назад он захватил Богемию, Моравию, Словакию, Мемель.

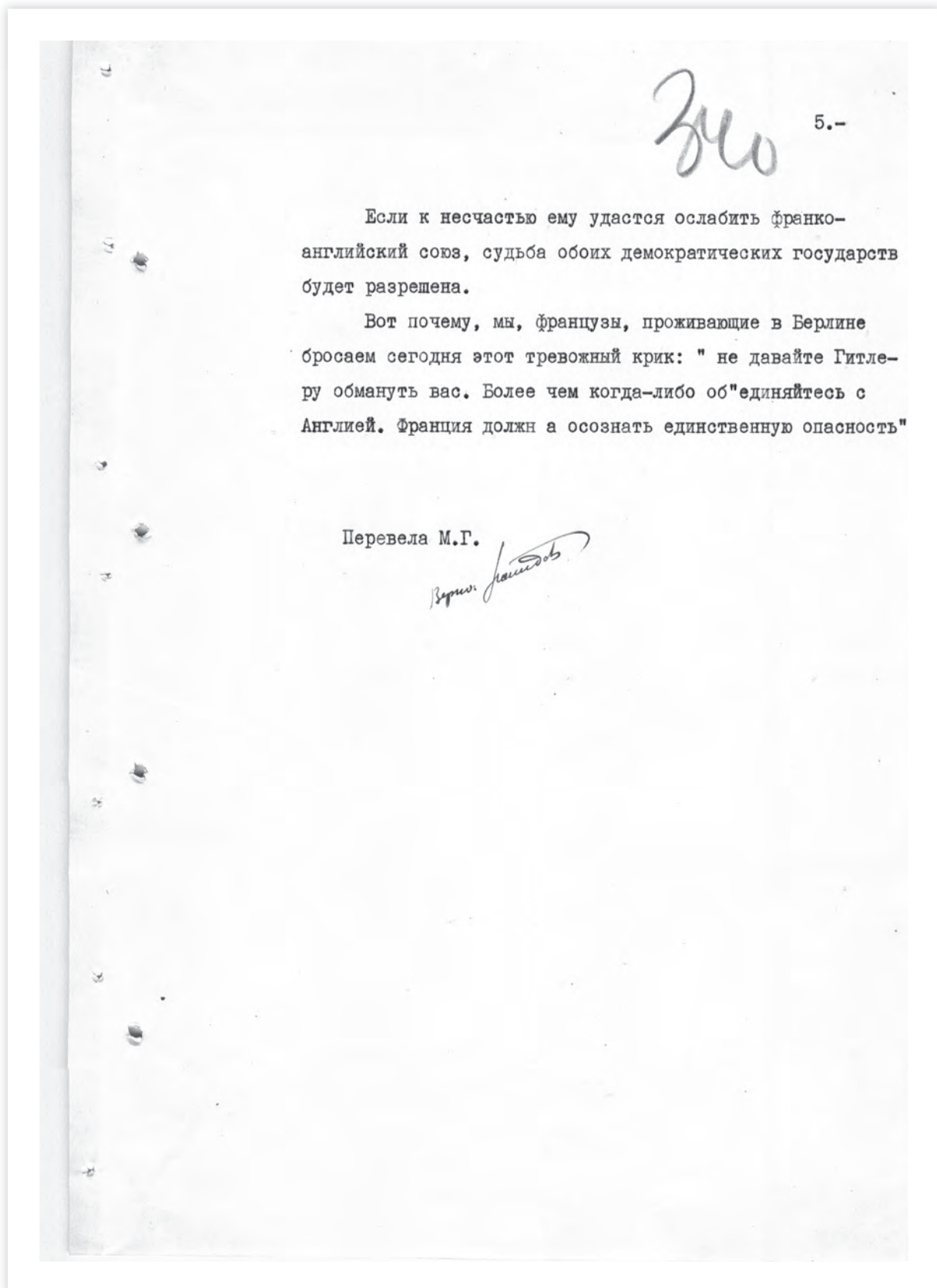
С точки зрения французов в Берлине его неумелый шаг показался неисправимым.

Прекрасное пробуждение обманутого Чемберлена нанесло канцлеру ужасный удар. Он не простит Англии, как это видно выше.

Он надеется еще расколоть французское общественное мнение. Он использует для этого через своих агентов в Париже все аргументы. Исподтишка начнут говорить об "опасности коммунизма", о необходимости для Франции "не действовать заодно с Англией".

Сообщение о Гитлере
и сближении с Францией. Стр. 5

Сообщение в Наркомат Иностранных дел СССР о политике Англии
в отношении СССР, франко-английские отношения. Стр. 1

ев-4.

РАСЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ 10 СОВ. СЕКРЕТНО.ТОЛЬКО ЛИЧНО.

ЗАМ НАРКОМА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

5 ОТДЕЛ ГИТВ

ИЮНЯ 9

ГОВ. ДЕКАНЗОВУ

430

Из Парижа нами получено сообщение, излагающее содержание документа Министерства Иностранных Дел Франции, от 9.VI-1939 г. разосланного узкому кругу государственных деятелей страны.

Чемберлен отказывается от удовлетворения требований СССР, предпочитая формулу автоматической и немедленной помощи в случае прямой агрессии советской территории консультации, имеющей ввиду совместные действия для сопротивления актам угроз и агрессии.

В беседе с британским послом Даладье заявил, что эта формула никаких шансов на принятие Москвой не даст. Кроме того Даладье выразил послу удивление и недовольство французского правительства настоящей деятельностью английского правительства, способной усилить подозрительность Москвы к наличию у англичан искреннего желания прийти к устойчивому соглашению. Выступления Чемберлена и Галифакса были неуместны. Даладье обратил внимание английского посла на опасность англо-итальянских секретных переговоров, стремящихся созвать международную конференцию. Французское правительство не имеет никакого доверия

Сообщение в Наркомат Иностранных дел СССР о политике Англии в отношении СССР, франко-английские отношения. Стр. 2

2.-

к предложениям Ватикана, якобы продиктованным "моральными" соображениями. Даладье категорически заявил английскому послу, что Франция откажется сотрудничать за столом с Германией и Италией без присутствия Советского Союза и без предварительного заключения тройственного пакта о взаимопомощи. Франция не желает идти на конференцию, как заранее намеченная жертва.

Даладье обратил внимание посла на необходимость дать некоторые удовлетворения престижу Москвы. Британские министры довольно часто причиняли себе беспокойство делая визиты Муссолини и Гитлеру. Они должны также найти время, чтобы сделать визит вежливости Сталину".

УЗ

Разослано:

1 адр.
1 секр.отд.
1 в/д.

Сообщение о мобилизационных мерах военных властей
III империи. Стр. 1

М.Г.

МИД, № 118,16,6.39 г.

Военными властями III империи приняты мобилизационные меры. Концентрация войск начнется в конце июня. Согласно ~~информации~~ диспозиции генштаба дело касается оборонных мероприятий на французской границе и наступательных мероприятий на польской границе. Эта диспозиция будет приведена в действие в случае провала англо-советских переговоров по поводу трехстороннего пакта взаимной помощи. В руководящих кругах III империи говорят, что в случае провала англо-советских переговоров Фюрер предложит г-ну Сталину свободу действий в отношении Балтийских стран и Финляндии в обмен на свободу действий в отношении Польши и Румынии. Фюрер тем более охотно сделает такое предложение потому ^{что} германский генштаб убежден в ~~предположении~~ том, что советские военные власти только и ждут случая ~~этого~~ представляющегося вследствие польско-германской напряженности для того чтобы захватить Латвию и Финляндию.

Если англо-советские переговоры увенчаются успехом, Фюрер изменит тактику. Он примет тогда предложение Папы принять участие в международной конференции и постарается ~~закрепить~~ своей позицией и своими пацифистскими ~~речами~~ и антикоммунистическими речами благоприятствовать пропаганде правых политических партий демократических стран, партии которые считаются более ^{примирительными} ~~важными~~ к германским и итальянским притязаниям.

Сообщение о мобилизационных мерах военных властей
III империи. Стр. 2

М.Г.

МИД, № 119, 19.6.39 г.

РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

7

Вопреки распространяющимся слухам не только в Париже, но и в различных европейских столицах, английское правительство не советует нам отвечать на шаги предпринятые Италией, ~~иными~~ ^{путем} представления итальянскому правительству предложений.

Вопреки тому, что передают в парламентских кругах, английское правительство не питает никакой надежды на то, что ~~можно будет~~ ^{можно будет} оторвать Италию от Германии. Английское правительство убеждено, что Италия будет продолжать вести дружественную итало-германскую политику, потому что только одна эта политика дает ~~ей~~ ^{ей} возможность применять угрозы и добиться преимуществ путем шантажа. Если английское правительство озабочено тем чтобы оградить Италию и предоставить ей выход, то это потому что оно надеется, что в последнюю минуту, когда начнутся военные действия между Германией и западными государствами, Италия откажется от своего союзника и ~~замкнется~~ ^{замкнется} в нейтралитет. Г-н Чемберлен предвидит даже отставку г-на Муссолини. и установление военной диктатуры под руководством короля Виктора-Эммануила.

Что же касается распространяемых слухов по поводу нашего отказа следовать за английским правительством в его антияпонских действиях, то они лишены всякого основания. Мы заявили английскому правительству, что мы разделяем всякое его действие, которое оно предпримет для защиты своих интересов, но в виду нашего чрезвычайно уязвимого положения на Дальнем Востоке, мы не хотим напрасно вызывать ненависть японцев и подвергать себя опасности. Мы тем более не хотим подвергать себя опасности потому что мы считаем, что инцидент в Тяньцзине мог бы быть улажен миролюбиво.

Сообщение МИД СССР о планах действия Рима
и Берлина в Европе. Стр. 1

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Управление полит. и торгов.
дел

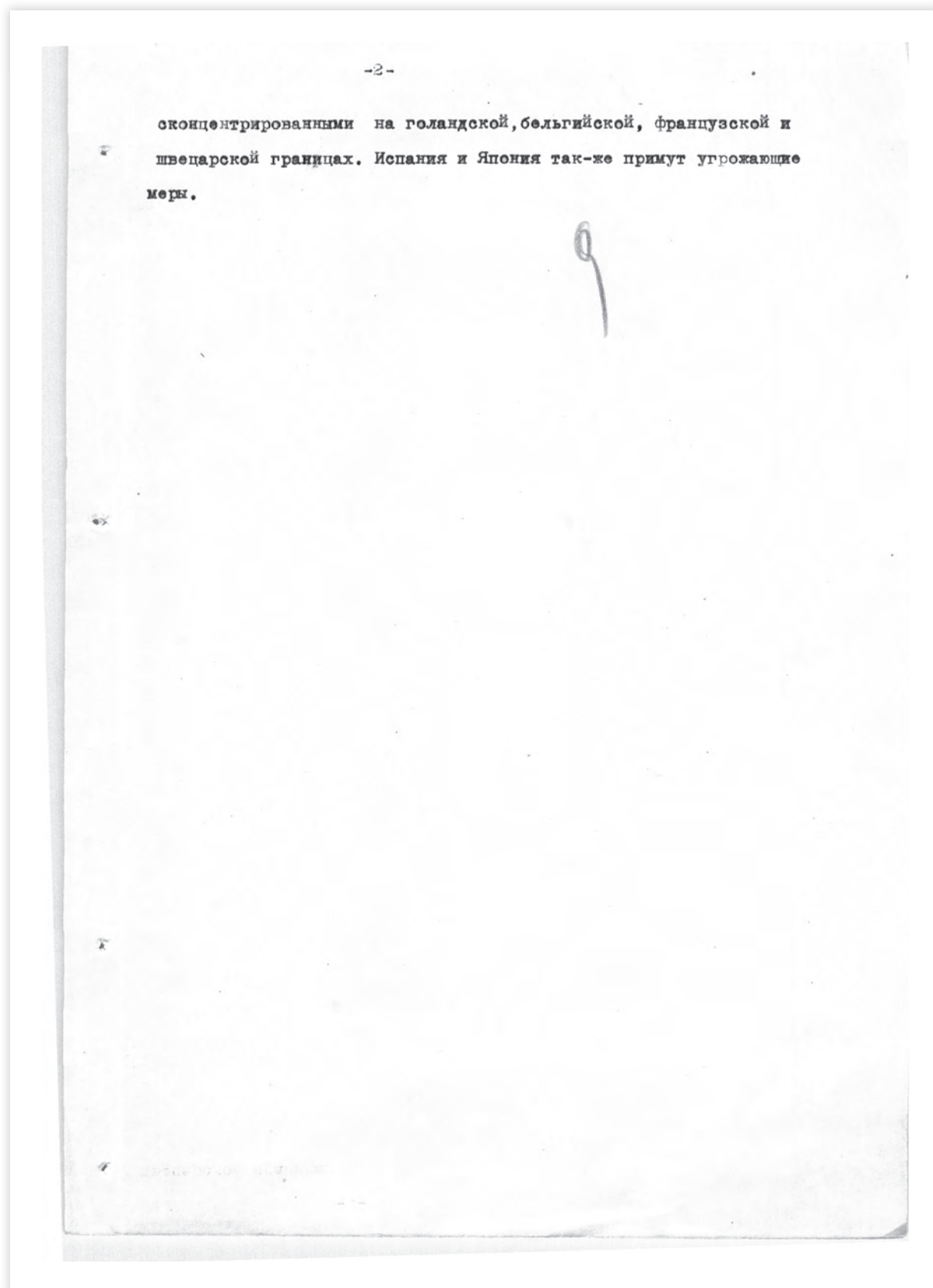

План действия находится теперь на обсуждении правительств Рима и Берлина. В общих чертах план сводится к следующему: немецкие войска захватят Словакию, затем Венгрию. Раз Венгрия будет занята немецкие и итальянские войска овладеют Югославией, и Болгарией. Поскольку у этих стран нет гарантий, захват их не сможет создать ни каких осложнений с крупными державами. Эти акты насилия будут следовать один за другим со стремительной последовательностью, чтобы заставить верить демократические державы что жребий брошен., что решения Германии и Италии твердо. Как только Словакия, Венгрия, Югославия и Болгария будут заняты, будут организованы значительные передвижения войск в Швейцарию, и Голландию. Правительства Берлина и Рима предпримут меры в отношении эвакуации городов, общей мобилизации, пассивной обороне, к охранению судов плавающих в океанах итд.. Короче говоря, они сделали бы все, чтобы заставить верить , что германо- итальянское наступление через Голандию и Швейцарию неизбежно. В критический момент , Папа вмешается и предложит Парижу, Лондону и Берлину созвать конференцию 4-х на следующих основах: отказ от всех военных союзов, общий переосмотр мирных ~~договоров~~ ^{договоров} соглашений, снабжение бедных стран сырьем, новое распределение колоний, эвакуация из Богемии, из Моравии, Словакии, Венгрии, Югославии, и Болгарии ~~и итальянскими~~ ^и немецкими войсками, возвращение Данцига Германии.

На этой международной конференции тактика берлинского и римского правительств будет состоять ^{из} следующих ~~двух~~ предложений: Эвакуировать германские и итальянские войска из придунайских и балканских стран, включая Чехословакию, отказаться от военных мероприятий и произвести демобилизацию в замен колониальных и экономических уступок. В течении всей конференции ~~все-германские~~ ^и итальянские войска останутся

Сообщение МИД СССР о планах действия Рима
и Берлина в Европе. Стр. 2

Сообщение МИД СССР о мнении правительства Великобритании
к политике СССР по отношению к балтийским странам. Стр. 1

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ

ДЕЛ

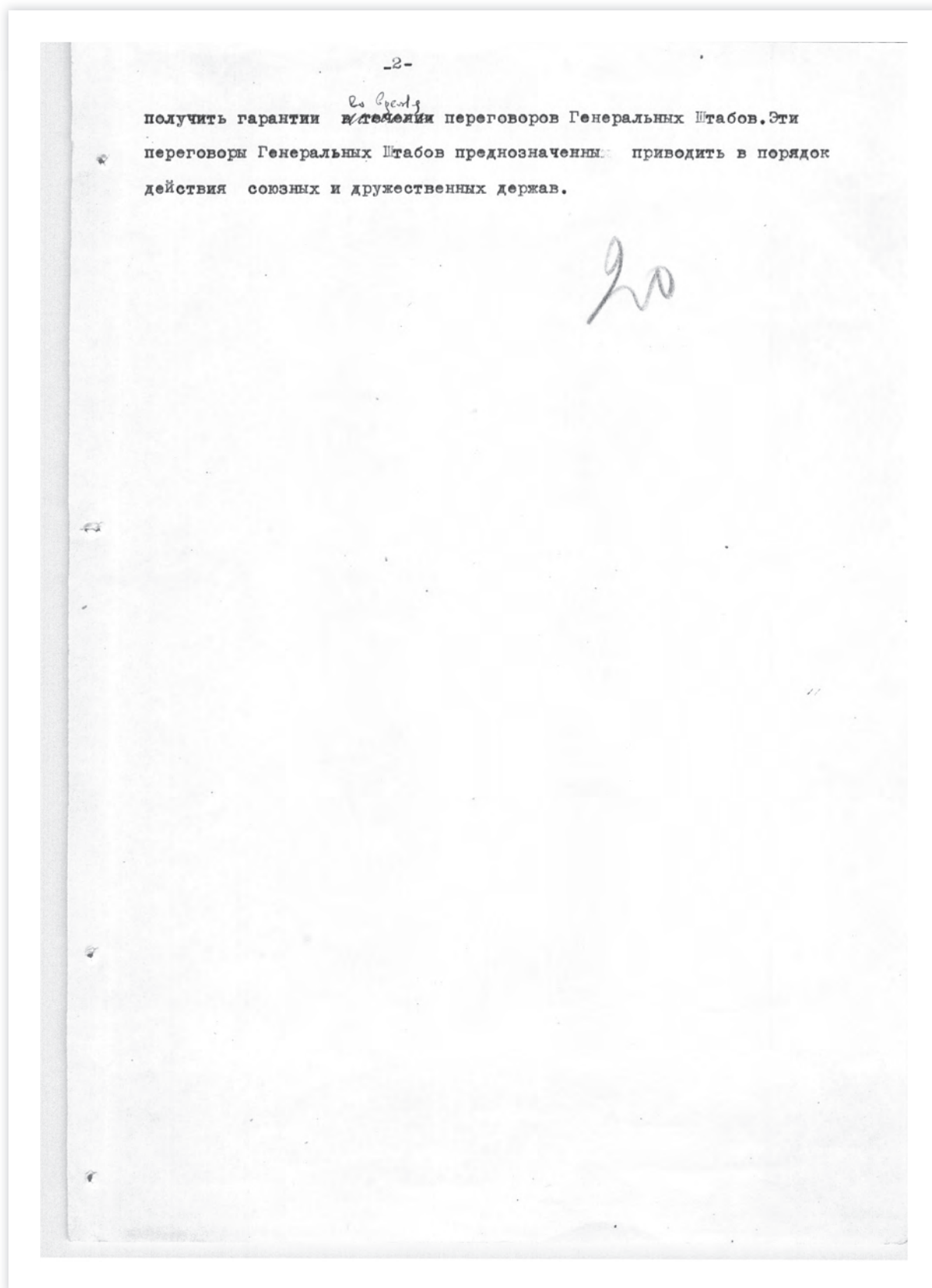

В рапорте, переданного г-ну Чемберлену, британское адмиральство считает, что Великобритания заинтересована в облегчении оккупации балтийских стран советскими войсками.

В ходе конференции, г-н Чемберлен, сэр Самуэль Хорр и сэр ~~Симон~~ ^{Симон} только что решили дать согласие Правительству Лондона к формуле склоняющей Францию, Великобританию и Советский Союз оказать помощь в случае, если жизненный интерес одной из них был бы угрожаем. Каждая из трех мощных держав ~~уже~~ установили бы ^{намерев} в одностороннем ^{дипломатич.} ~~распоряжении~~, что она считает ~~свои~~ ^{своими} жизненными интересами. Правительство Лондона допускает, что в своем одностороннем ^{дипломатич.} ~~распоряжении~~, Правительство Москвы объявила бы абсолютную независимость балтийских стран, как вопрос жизненной важности для Советского Союза. Английские министры между тем имеют ^{большое} желание помешать Правительству Москвы показаться слишком агрессивным ^{по} в отношении к балтийским странам и спровоцировать таким образом конфликт. Они считают, что ~~указание~~ ^{моральный} приказ играют большую роль в войнах и ~~следовательно~~ ^{следовательно} нужно было бы избежать чтобы война вспыхнула ~~вследствии~~ ^{вследствии} советского наступления ~~на~~ ^{на} маленькой страны. Хорошо бы действовать с тем, чтобы ответственность войны падала бы безспорно на Германию. Правительство Лондона допускает оккупацию балтийских стран советскими войсками с начала нападения, но оно хотело бы помешать, если эта оккупация предшествует открытию нападения и служит ~~для~~ ^{для} так сказать ~~как~~ ^{как} повод к войне.

Г-н Чемберлен надеется получить у Правительства Москвы ² гарантии по этому случаю. Чтобы их получить, он рассчитывает сначала на своих крестов ¹ которым поручены договориться о формулах трехстороннего пакта, и односторонних ~~векзельных~~ ^{оказывающих} ~~Правительства~~ ^{Правительства} Москвы. Если советские руководители, боясь ловушек, ~~оказываются~~ ^{оказываются} неговорчивыми в вопросах касающихся юридических статей и редакционных формул, Г-н Чемберлен старался бы

Сообщение МИД СССР о мнении правительства Великобритании к политике СССР по отношению к балтийским странам. Стр. 2

Выдержки из спецсообщения 2 спецотдела о беседе поверенного лица Германского посольства с бывшим французским премьер-министром Фланденом по восточной проблеме. Стр. 1

тб-2

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

33

ИЗ СПЕЦСОБЩЕНИЯ 2 СПЕЦОТДЕЛА ОТ 25 ИЮНЯ 1939г.

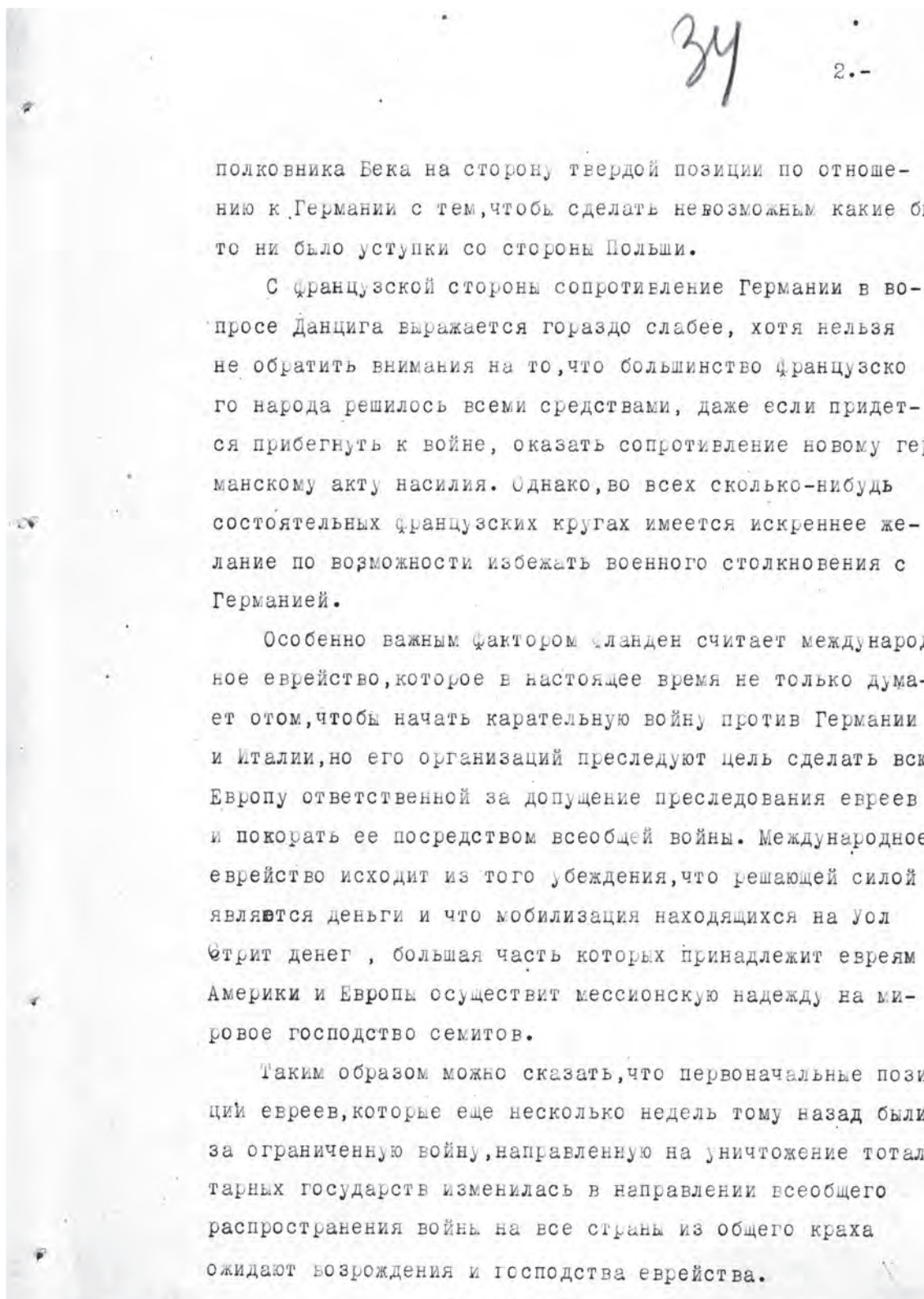
Париж, 6 июня 1939г.

1-го июня с.г. надежное доверенное лицо германского посольства имело беседу с бывшим французским премьер-министром Фланденом во время которой последний в основном заявил следующее:

Восточная проблема попрежнему является крайне щепетильной. Секретные информации, заслуживающие абсолютного доверия, подкрепили его убеждение в том, что в Лондоне военная партия за последние недели не только завоевала себе почву, но стала абсолютно авторитетной для будущей позиции Великобритании.

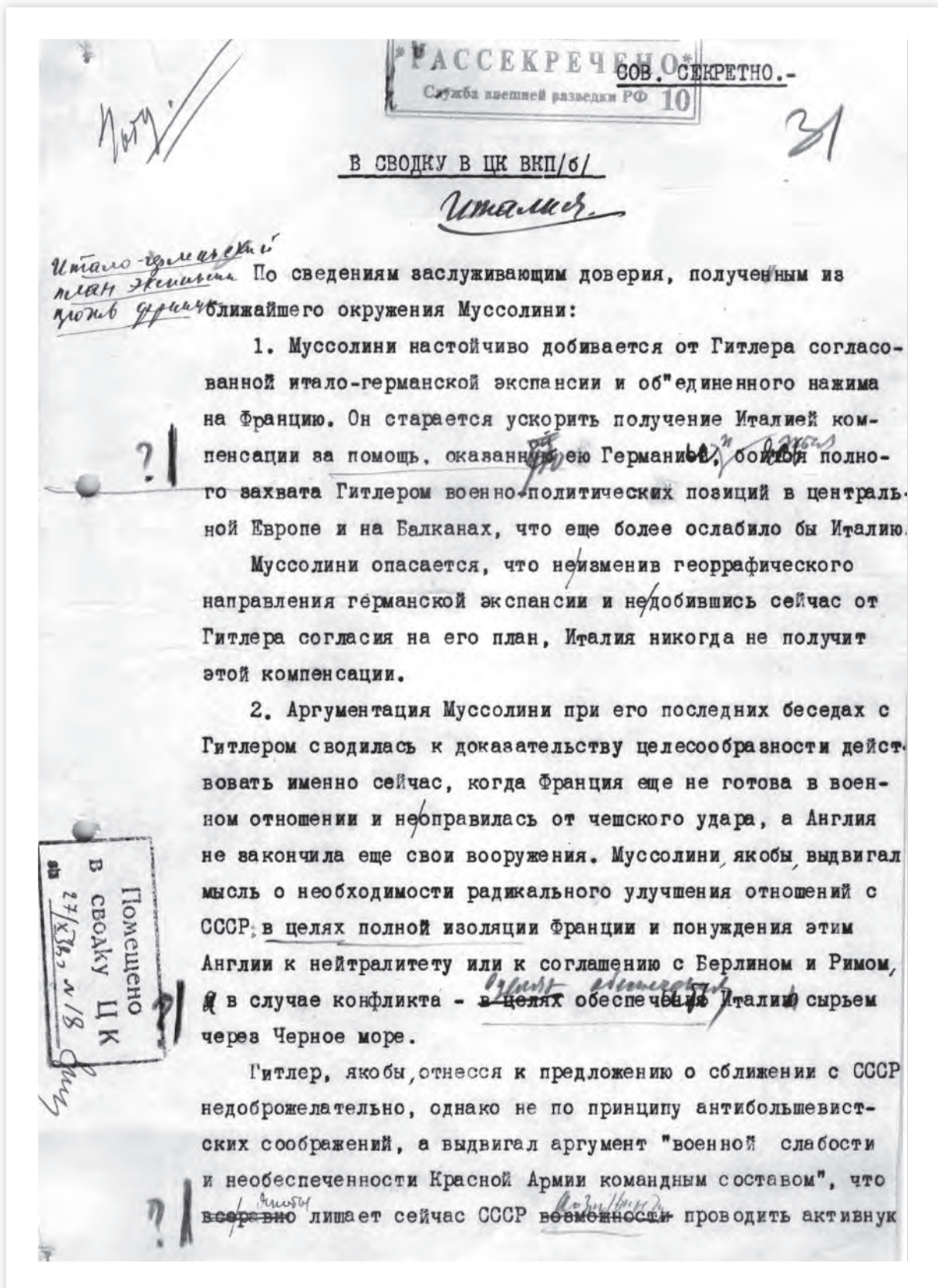
"Четверо великих" (Чемберлен, Хор, Галифакс, Саймон), которые считались проводниками мира, совершенно выключены из активной политики. Чемберлен и Хор устали и вынуждены смириться перед общественным мнением. Галифакс, которого поджигатели войны склонили на свою сторону, в настоящее время в основном опирается на Ванситтарта, антигерманская позиция которого каждому известна. Впрочем, Ванситтарт находится в тесных отношениях с Черчилем. В настоящее время в Великобритании убеждены в том, что фюрер хочет играть в Европе такую же роль, какую в прошлом столетии играл Наполеон, и что поэтому Англия должна отнестись к нему так же, как в свое время отнеслись к Наполеону. Английские милитаристы особенно активны в Польше, где Интеллидженс Сервис с большим рвением старается привлечь все еще колеблющиеся варшавские круги и в частности

Выдержки из спецсообщения 2 спецотдела о беседе поверенного лица Германского посольства с бывшим французским премьер-министром Фланденом по восточной проблеме. Стр. 2

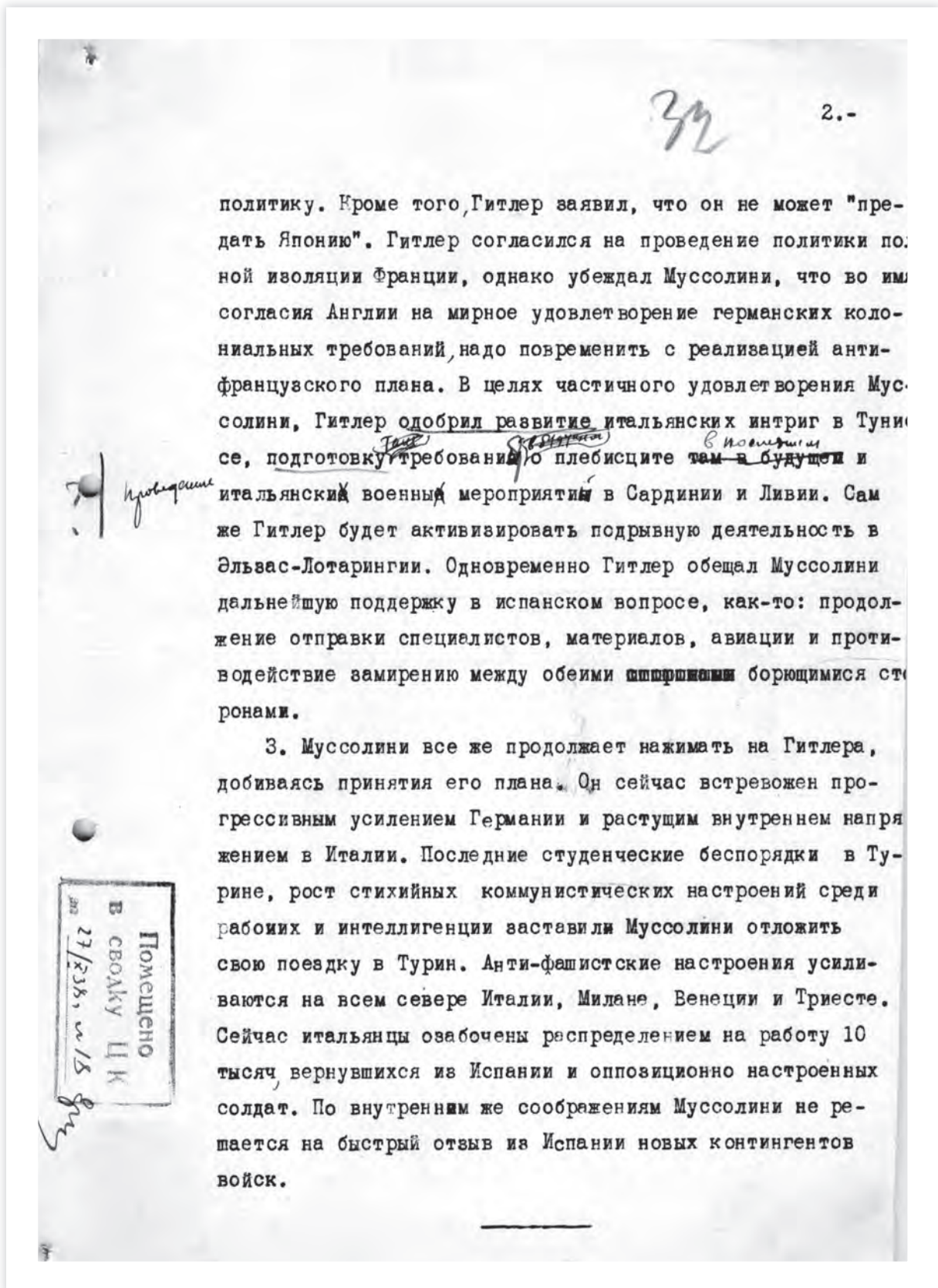

Сводка ЦК ВКП(б) о переговорах Муссолини с Гитлером. Стр. 1

Сводка ЦК ВКП(б) о переговорах Муссолини с Гитлером. Стр. 2

Агентурные сообщения о переговорах Риббентропа с итальянцами в Риме и Вене. Стр. 1

ЛВ5 Н.К.В.Д.-С.С.С.Р.
5 ОТДЕЛ ГУГВ
" " ноября 1938г.

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

~~СОВ. СЕКРЕТНО.~~

35

СПЕЦСОБЩЕНИЕ

№ _____

- 1. _____
- 2. _____
- 3. _____
- 4. _____
- 5. _____

УЧЕНО НАЧ. 5 ОТД. ГУГВ
КАПИТАН ГОС. БЕЗОП.
(Судоплатов)

5 Отделом ГУГВ НКВД получены из Рима следующие агентурные сообщения от источников, заслуживающих доверия:

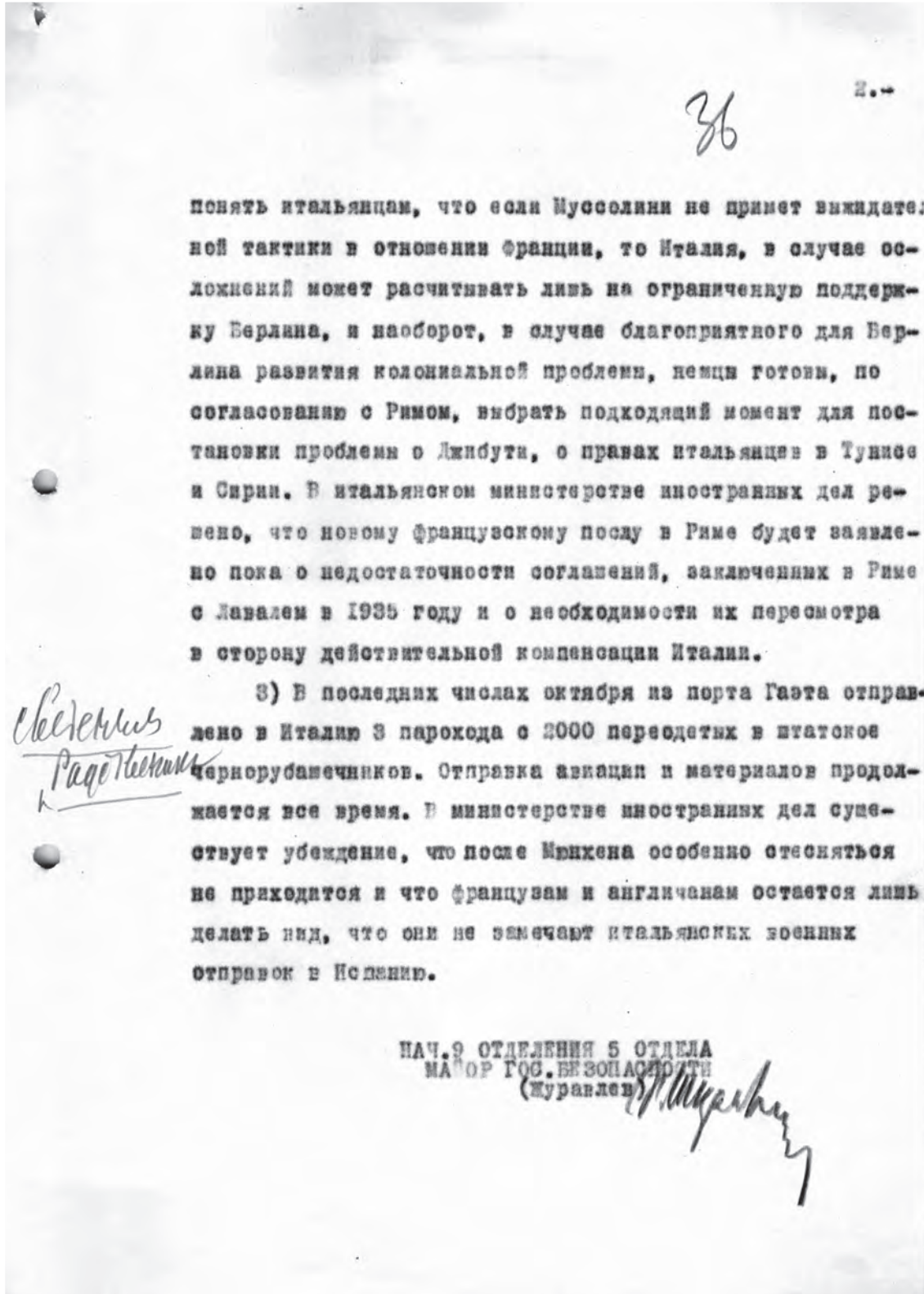
1) В переговорах итальянцев с Риббентропом в Риме и Вене существенное место занимал вопрос об отношениях с Японией. Токио, якобы, обещает Берлину и Риму возможность экономического проникновения в Китай за счет англичан и французов,

которых японцы будут систематически оттуда вытеснять. Конкретные переговоры по этому вопросу с японцами начнутся на-днях в Токио. Взамен этой уступки, оказываемой японцами Италии и Германии, японцы требуют расширения военно-политического сотрудничества стран "антикоммунистического пакта" - против СССР и согласования с Токио германо-итальянской тактики в отношении Парижа и Лондона.

2) Риббентроп рекомендовал итальянцам не форсировать своего нажима на Францию, учитывая, что постановка сейчас проблемы Туниса затрагивает прямо также и Англию. По мнению Риббентропа, нужно сначала выждать результатов колониальных требований Германии, а также результатов переговоров с Англией о сокращении вооружений. Риббентроп дал

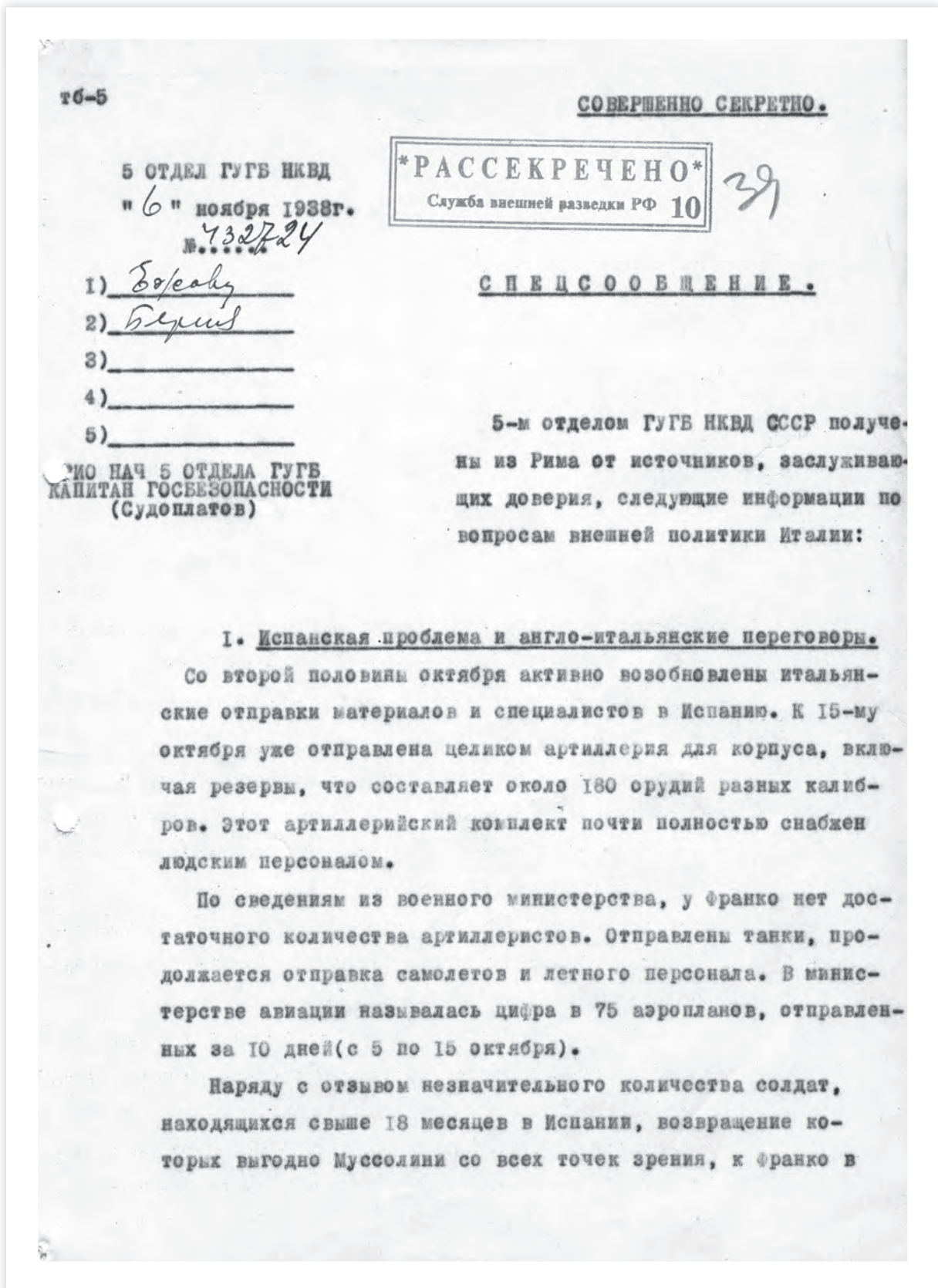

Агентурные сообщения о переговорах Риббентропа с итальянцами в Риме и Вене. Стр. 2

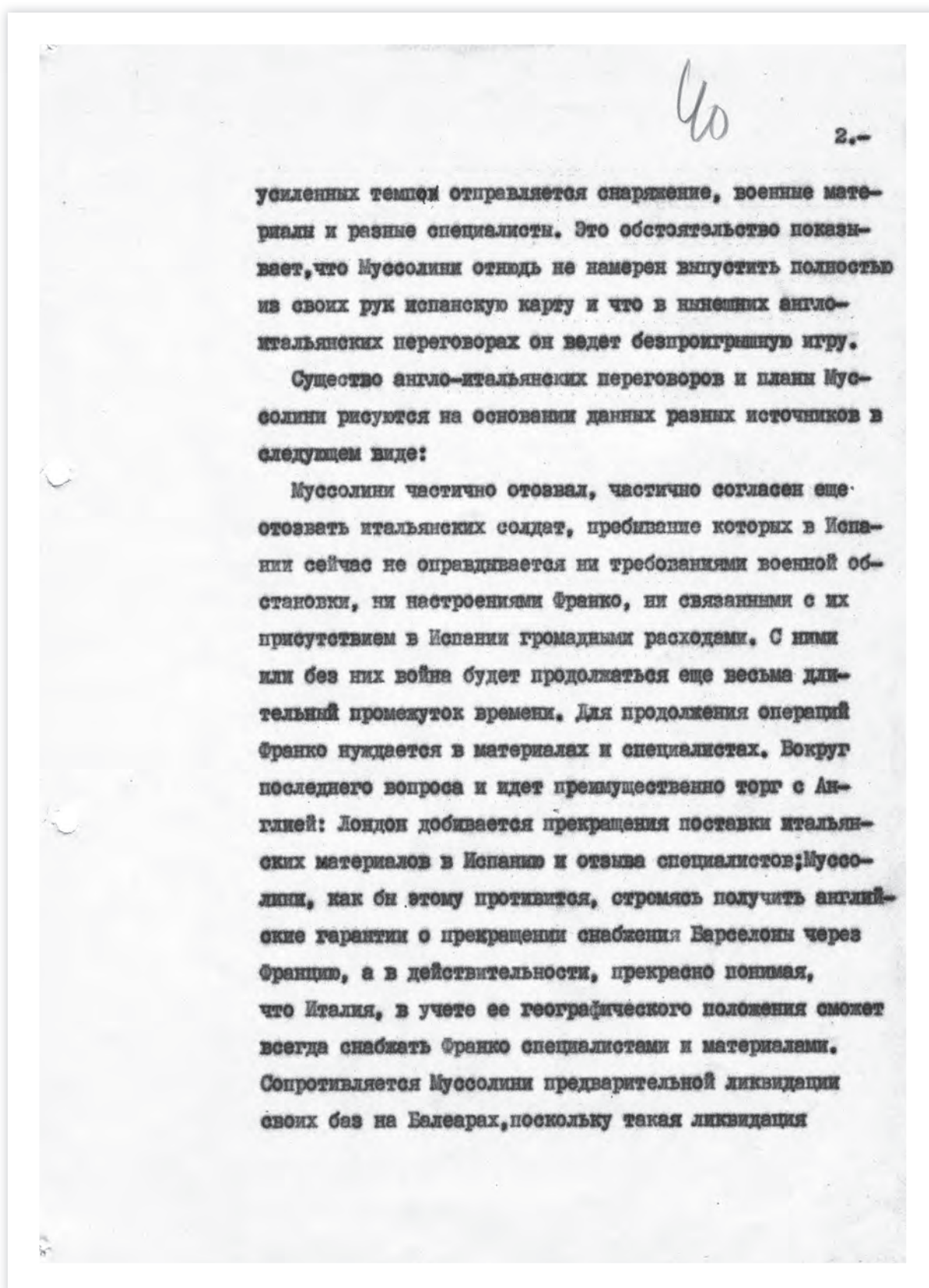

Спецсообщение 5 отдела ГУГБ НКВД из Рима
по вопросам внешней политики Италии. Стр. 1

Спецсообщение 5 отдела ГУГБ НКВД из Рима
по вопросам внешней политики Италии. Стр. 2-3

У

3.-

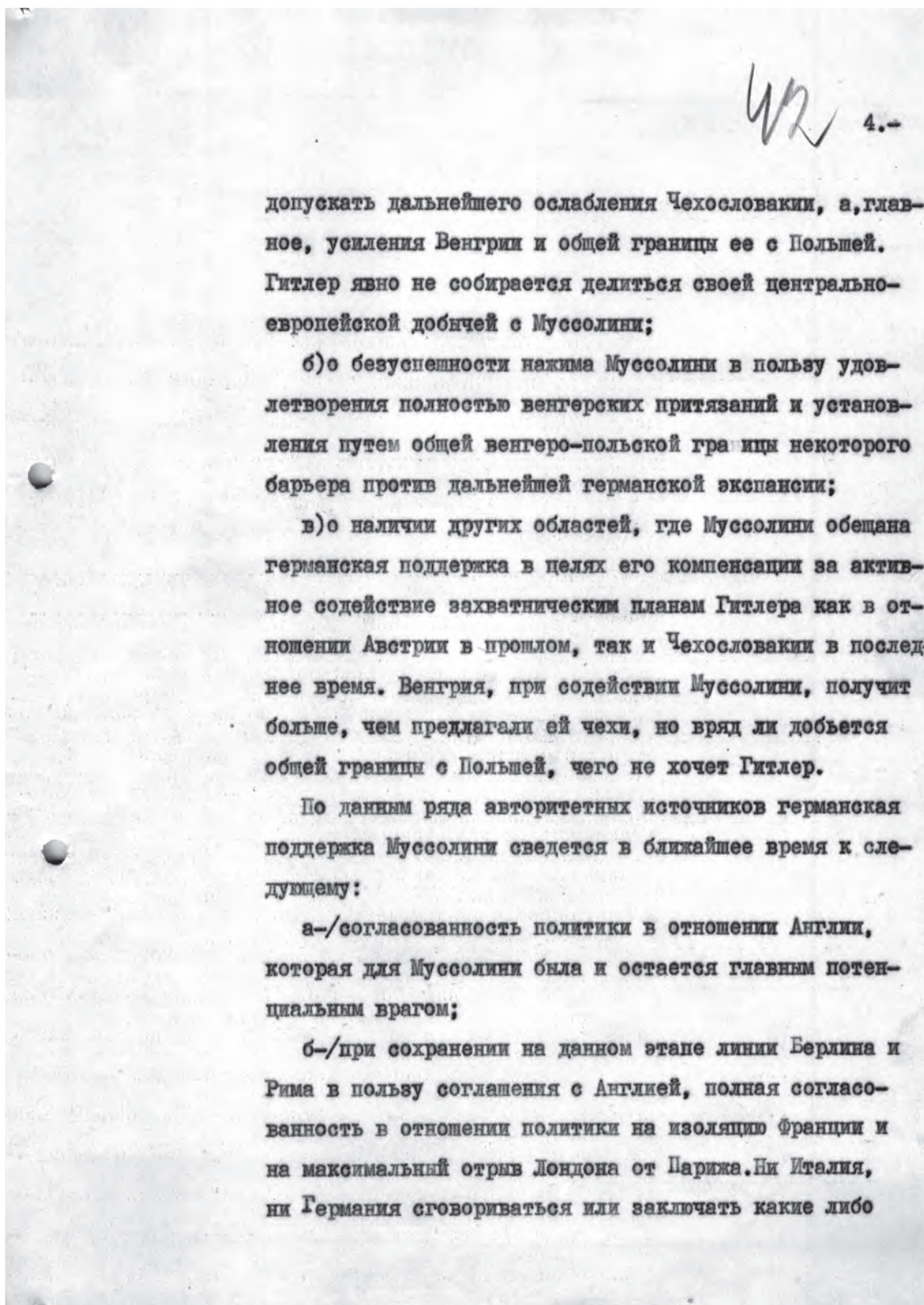
была предусмотрена в результате введения в действие англо-итальянского соглашения. Муссолини, наконец, стремится обеспечить себя английским обязательством финансовой помощи с тем, чтобы в скрытом виде за счет Лондона покрыть много-миллиардные расходы, понесенные Италией до сих пор на испанскую авантюру. Добиваясь соглашения и его ратификации английским парламентом, Муссолини получает признание абиссинского захвата, денежную помощь, укрепляет позиции Чемберлена и ни чем не рискует в испанском вопросе. Если снова политические настроения в Англии изменятся, падет Чемберлен или возникнет очередное обострение англо-итальянских отношений, Муссолини сможет немедленно полностью возобновить интервенцию в Испании. По этим соображениям, Италия решительно противится перемирию, или, тем более, - миру между борющимися сторонами в Испании. В интересах Муссолини и Гитлера - продолжение испанской войны и ее затяжка, поскольку победа Франко сейчас обеспечена быть не может.

2/Гитлер и Муссолини. Отношение к чехословацкому вопросу, Венгрии, Франции и общим проблемам европейской политики.

По сведениям источника беседовавшего в Берлине с чешским мининделом Хвалковским, Гитлер не рекомендовал чехам проявлять излишнюю уступчивость перед лицом венгерских притязаний. Таким образом, есть дополнительное показание, говорящее: а) о нежелании Гитлера

Спецсообщение 5 отдела ГУГБ НКВД из Рима
по вопросам внешней политики Италии. Стр. 4-5

43

5.-

соглашения с Парижем не намерены;

в-/утверждают, что в самом недалеком будущем, после ратификации англо-итальянского соглашения, Муссолини, при полной поддержке Гитлера, поставит вопрос о положении итальянских меньшинств в Тунисе и пред"явит ряд требований Франции. Муссолини намерен начать с Туниса шантаж типа чехословацкого, с тем, чтобы в случае успеха поставить проблему итальянских меньшинств в Корсике и в Ницце;

г-/в отношении будущего географического направления фашистской агрессии, между Гитлером и Муссолини существуют некоторые разногласия. Муссолини хочет сохранить свои позиции в Центральной Европе (Венгрия) и на Балканах (преимущественно Югославия) и добиться итальянского влияния в Польше и Румынии. Он считает наряду с этим необходимым воспользоваться выявившейся слабостью Франции и неподготовленностью к войне Англии. Иными словами, Муссолини стремится остановить дальнейшее германское продвижение в Центральную Европу и на Балканы, а направить его в первую очередь на запад, что дало бы возможность поживиться и Италии. По мысли Рима, такая экспансия могла бы усилить положение Италии внутри "оси" и возместить жертвы принесенные на алтарь дружбы с Гитлером (Австрия и пр.). В этой связи у Муссолини возникают мысли о желательности улучшения отношений с СССР и о полной ликвидации

Спецсообщение 5 отдела ГУГБ НКВД из Рима
по вопросам внешней политики Италии. Стр. 6-7

Ш

6.-

возможности какой либо советской помощи Франции.

В итальянском министерстве иностранных дел ясно представляют себе, что Гитлер стремится к дальнейшему проникновению в Чехословакию на первом этапе путем полного экономического закабаления и политического подчинения; в Румынию и Венгрию. Он, кроме того, уже почти целиком экономически вытеснил Италию и из Юго-Славии. Германский импорт в Югославию вырос с 34 года с 15% до 33% общего импорта Югославии, а итальянский в тот же период понизился с 15% до 8%, германский вывоз из Югославии составлял в 34 г. 9%, а в 37-22%, а итальянский соответственно понизился с 25% в 34 году до 9% в 37г.

Итальянцам также известно, что Гитлер хочет получить при английском содействии колонии и только тогда будет решать воевать ли против Франции или СССР. Он стоит за полную изоляцию Франции и отрыв ее от Англии, но дабы не осложнять своей колониальной акции пытается отсрочить стремление Муссолини к анти-французской аванюре.

Итальянский министр иностранных дел Чиано считает, что в составе фашистского блока сейчас налицо разные течения в отношении СССР. Наиболее агрессивна Япония, которая стремится использовать дружбу и блок с Германией и Италией исключительно в антисоветских целях. Следующим по враждебности идет Гитлер, который, однако, ввиду стремления своего итальянского союзника действовать на Западе и нажима этого союзника, быть может, скло-

us

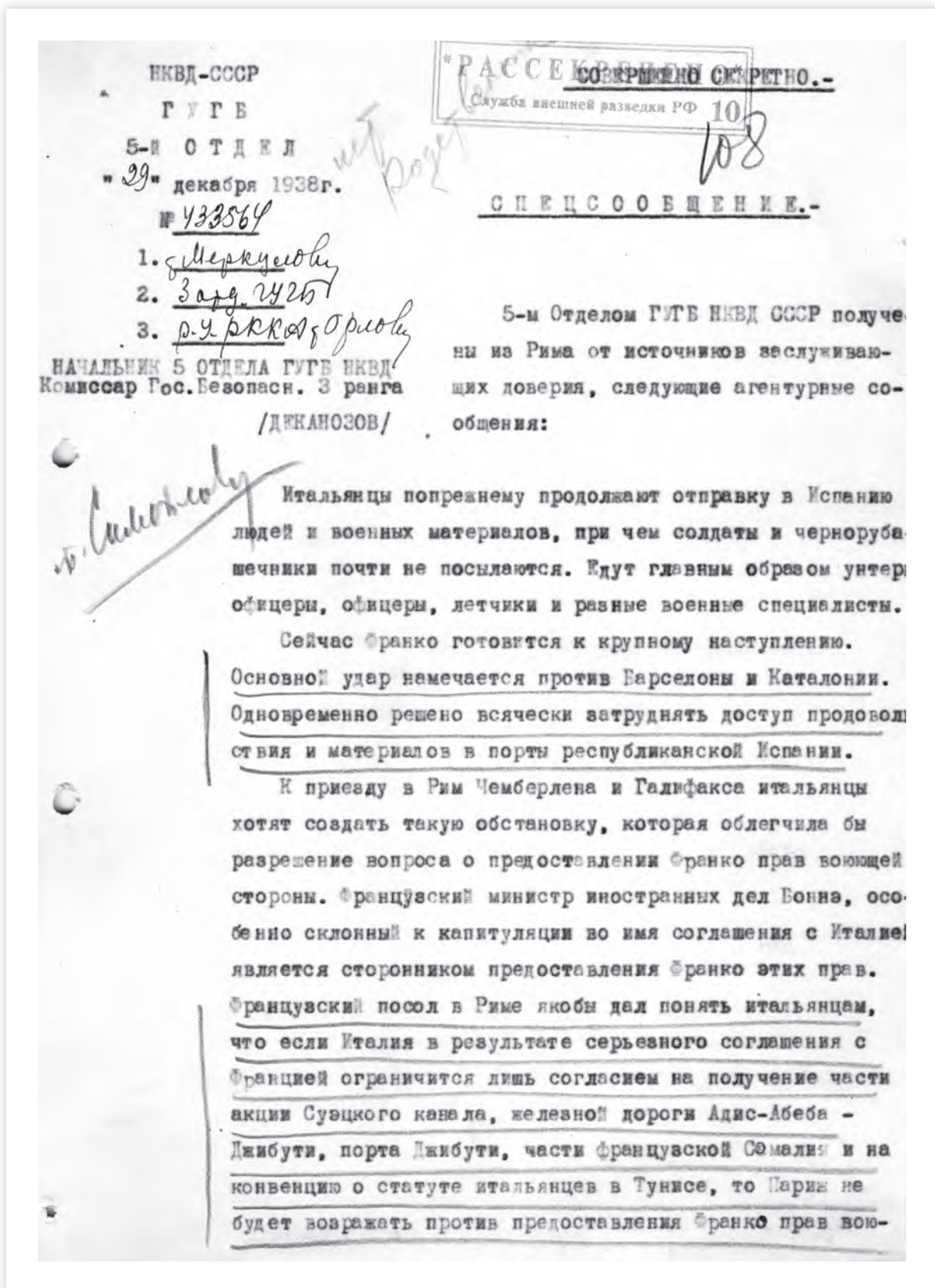
7.-

нен был бы к некоторому замирению с СССР и, наконец, последним и менее всех анти-советски устремленным, по мнению Чиано, является Муссолини, который дабы полностью изолировать Францию и не имея территориальных вождений в СССР, быть может, и содействовал бы как улучшению ита-ло-советских, так и советско-германских отношений.

НАЧ 1Х ОТДЕЛЕН.У ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

И. Журавлев
(Журавлев)

Спецсообщение от источников из Рима о подготовке Италии к нападению на Испанию. Стр. 1-2

109

2.-

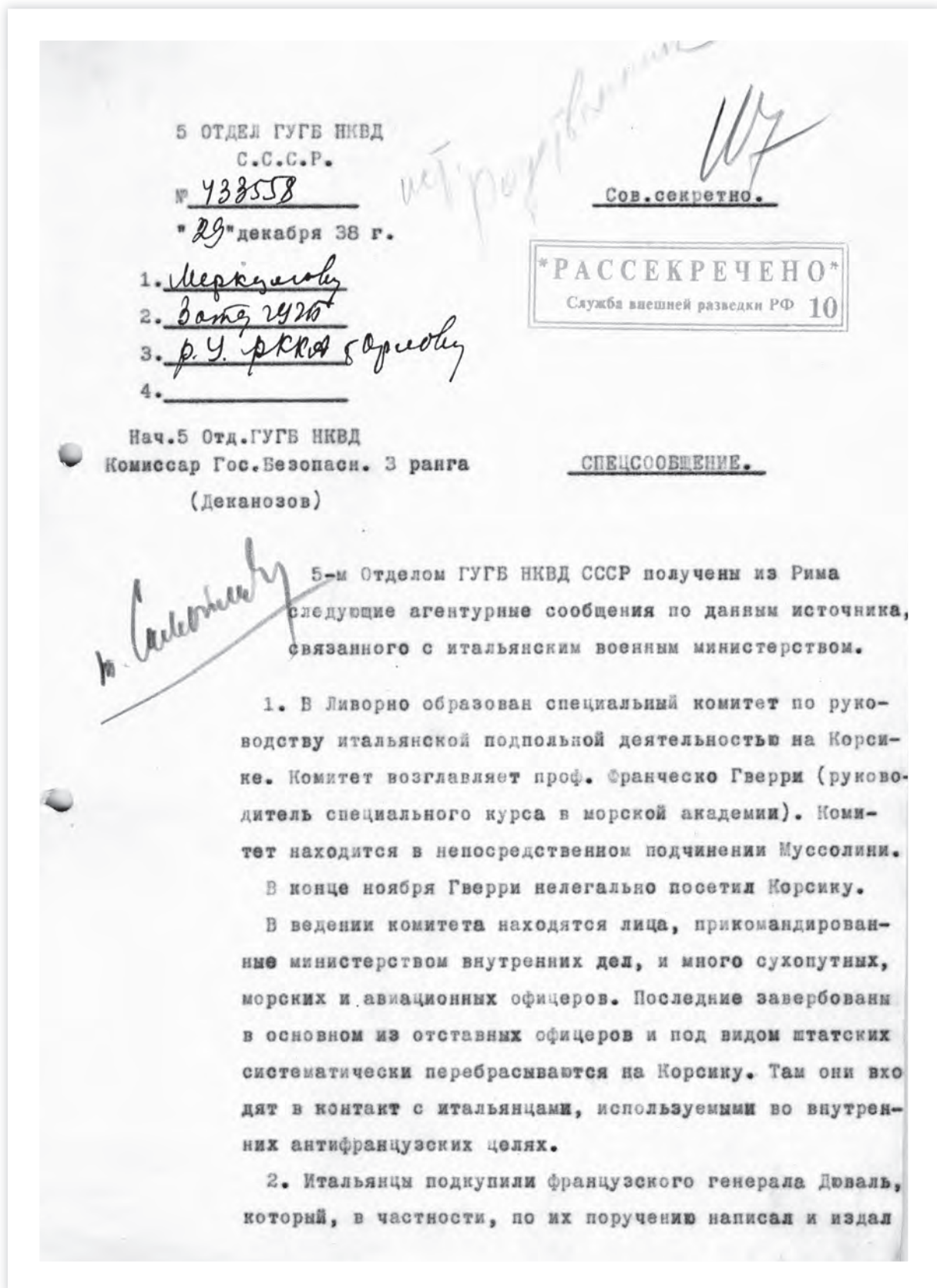
ющей стороны. Итальянцы должны взамен этого отказаться от территориальных притязаний в Тунисе, Корсике, а также заключить с Францией соглашение типа итало-английского, но с более твердой гарантией "статуса-кво" в Средиземном море.

НАЧ. 9 ОТД. 5 ОТДЕЛА ГУРБ НВВД СССР
Майор Гос. Безопасности -

С. Журавлев
/ЖУРАВЛЕВ/

Спецсообщение 5 отдела ГУГБ НКВД из Рима от источника связанного с итальянским военным министерством. Стр. 1-2

WS 2.
апологетическую книгу на французском языке "Итальянская кампания в Эфиопии". За эти труды сотрудник итальянского посольства в Париже, некий Данци, вручил ему 150 тысяч итальянских лир. Данци выполняет во Франции отдельные деликатные поручения итальянской разведки.

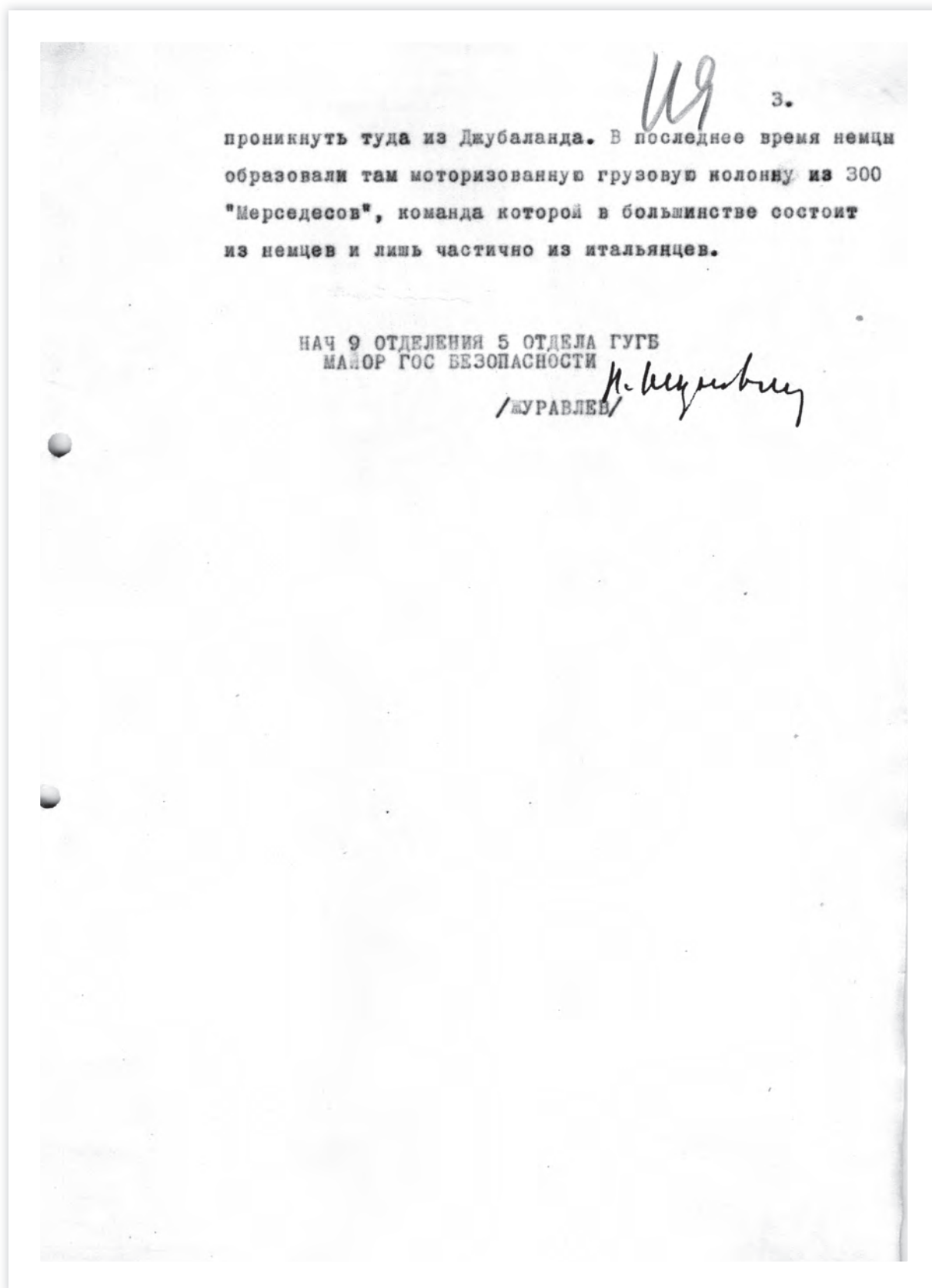
3. Из гарнизона Кампоформия около Удино в конце ноября вновь было отправлено 60 офицеров на работу в Венгрию. В прошлые месяцы посылались специалисты по артиллерии и военные инженеры. Итальянцы стремятся не только к ускоренному вооружению Венгрии и к максимально глубокому проникновению своих людей в руководство венгерской армией и промышленностью.

4. В итальянском генштабе существовал план, рассчитанный на то, чтобы, воспользовавшись всеобщей французской забастовкой, военным путем захватить Джибути и, кроме этого, если окажется возможным, в зависимости от положения во Франции, - выйти из Ливии в Тунис.

Мининдел Чиано, который должен был выступать в палате с речью о внешней политике, подготовил ее в двух вариантах. В виду провала забастовки, Чиано произнес мирную речь, которая лишь была сопровождена криками депутатов о передаче Италии Туниса, Корсики и т.д.

5. Между Италией и Германией заключено секретное соглашение о Джубаланде (район итальянской Сомалии, граничащий с английской Кенней). Это подтверждается усиленной посылкой туда немецких военных чинов и материалов. Немцы производят большие работы вблизи границы английской Кенней, рассчитывая в случае осложнений

Спецсообщение 5 отдела ГУГБ НКВД из Рима от источника
связанного с итальянским военным министерством. Стр. 3

ИЯ 3.
проникнуть туда из Джубаланда. В последнее время немцы
образовали там моторизованную грузовую колонну из 300
"Мерседесов", команда которой в большинстве состоит
из немцев и лишь частично из итальянцев.

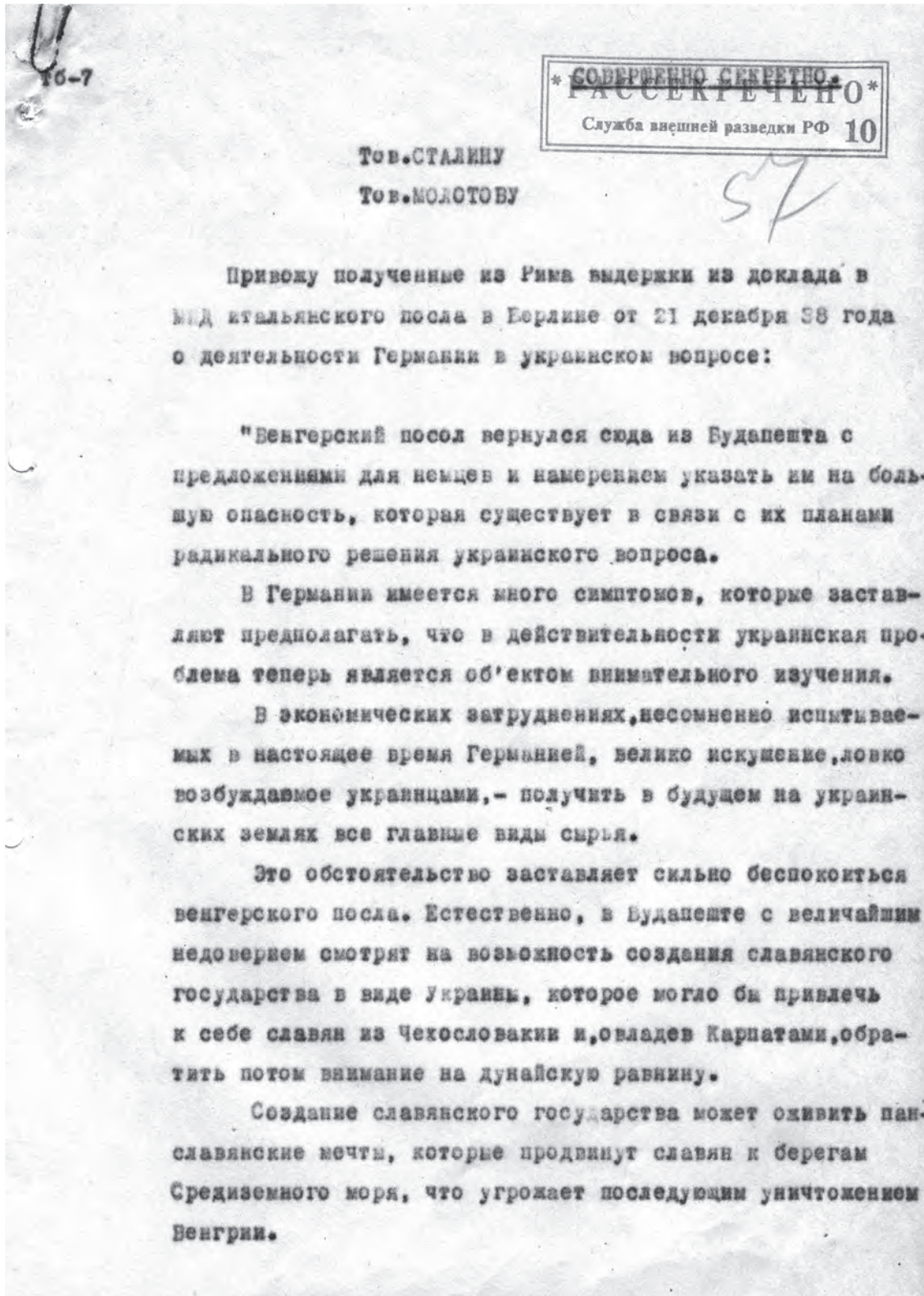
НАЧ 9 ОТДЕЛЕНИЯ 5 ОТДЕЛА ГУГБ
МАИОР ГОС БЕЗОПАСНОСТИ

/МУРАВЛЕВ/

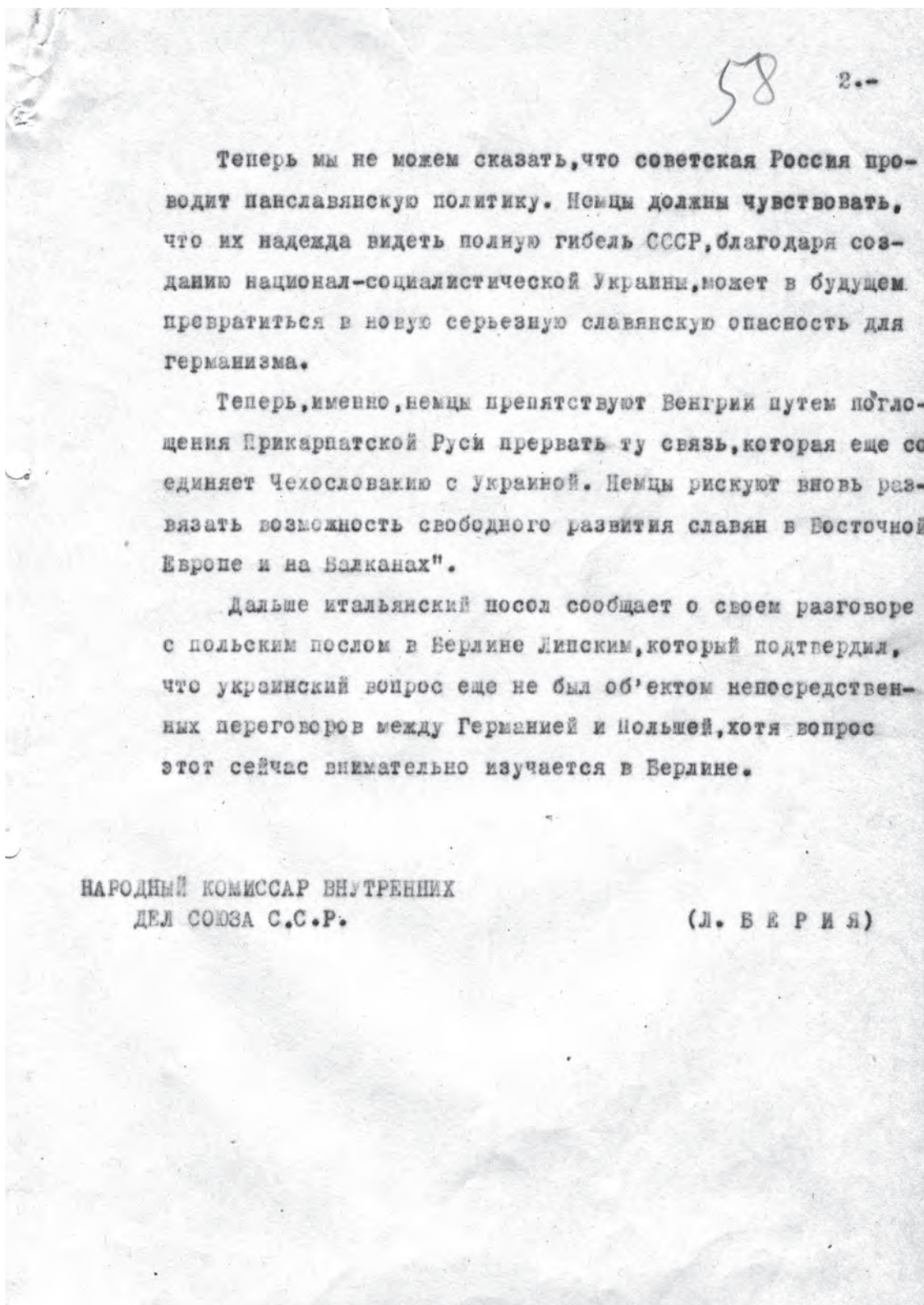
Н. Муравлев

Выдержки из доклада в МИД итальянского посла в Берлине
о деятельности Германии в украинском вопросе. Стр. 1

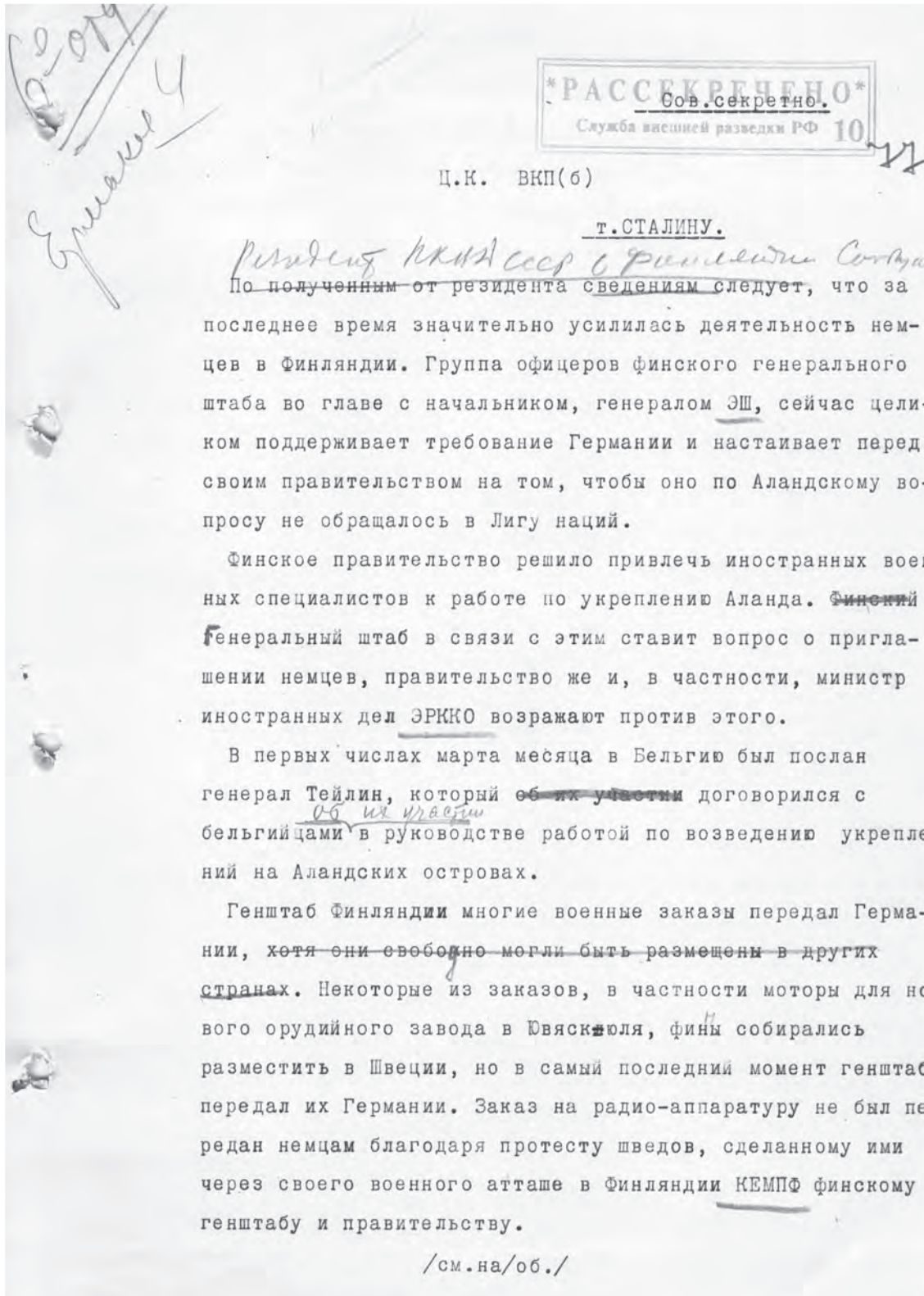

Выдержки из доклада в МИД итальянского посла в Берлине о деятельности Германии в украинском вопросе. Стр. 2

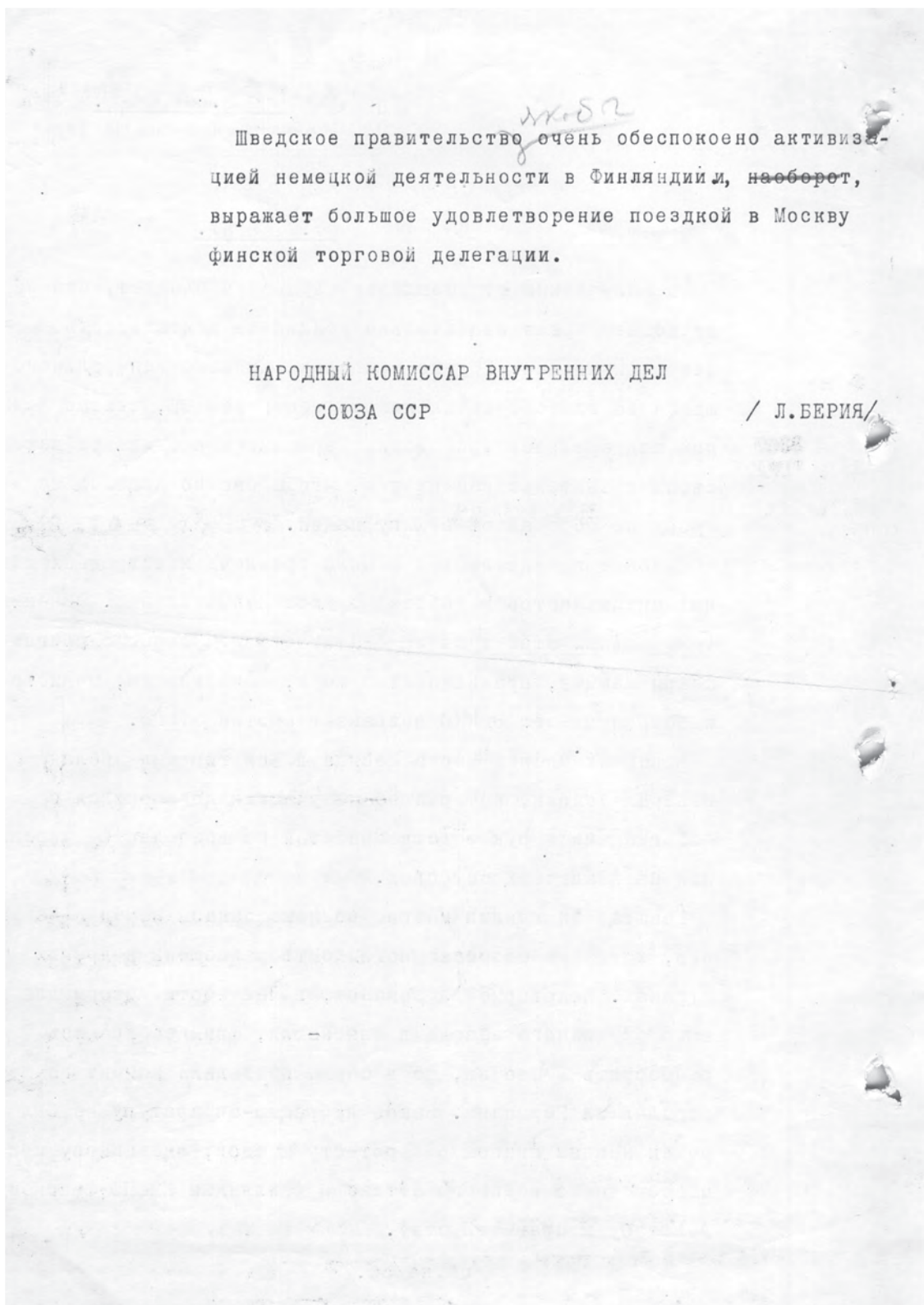

Спецсообщение Берии для Сталина о деятельности немцев в Финляндии и о привлечении иностранных военных специалистов к работе по укреплению Аланда. Стр. 1

Спецсообщение Берии для Сталина о деятельности немцев в Финляндии и о привлечении иностранных военных специалистов к работе по укреплению Аланда. Стр. 2

Сообщение о работе агентов Германии, Италии и Японии в Финляндии, о переговорах Финляндии и СССР по Петсамо-никелю, о торговом договоре между Финляндией и Германией... Стр. 1

193- 13/3-4Г.

Магда Аврора КОК (вдова начальника красной армии гвардии Йон КОКА периода всеобщей забастовки 1905г.) сын которой Аарне КОК работает в здешнем американском посольстве, говорила, что слышала от сына о том, что в кругах американского посольства считают вероятными слухи о том, что министр иностранных дел Виттинг совсем недавно ~~я~~ был в Берлине в течении пары дней. Аарне Кок также говорил, что все признаки указывают на то, что агенты Германии, Италии и Японии в Финляндии работают в настоящее время более активно чем обычно для прямого вовлечения Финляндии в ось. Особенно значительным фактором в кругах американского посольства считают в этом отношении прибытие в Финляндию германо-итальянского агента Роберто ВЕЙСС, и то, что здесь на продолжительное время остался один японский военный врач и один японский "ученый", который будет лектором японского языка в гельсингфорском университете. Он указал, что оба японца являются известными японскими шпионами.

Далее он рассказал, что Финляндия, согласно полученных от Германии инструкций, затягивала и тормозила переговоры по Петсамо-никелю и прерывала их по рекомендации немцев в тот момент, когда Германия была уверена в капитуляции Болгарии. Он также сказал, что Геринг, который до последнего времени был самым лучшим "другом Финляндии", из всех руководителей, ~~и~~ уверил Риббентропа в том, что Германия должна усилить свою активность в Финляндии и в первую очередь отстранить СССР от ~~японской~~ ~~хитрости~~ торговли с Финляндией. Значительным достижением в этом деле считают новый торговый договор между Финляндией и Германией и то демонстративное внимание, которой уделялось финляндскому павильону на Лейпцигской выставке. В последние дни американское посольство из многих источников слышало о том, что Германия по просьбе Финляндии сделает какое то представление по организации концессии Петсамо-ничель.

Вчера Аарне Кок говорил метри, что именно поэтому Паасикиви и Кивимяки прибыли в Аельсинки и что Виттинг в плохих отношениях с Паасикиви, так что правительство пытается склонить Паасикиви просить отставки. Арнет Ко

Сообщение о работе агентов Германии, Италии и Японии в Финляндии, о переговорах Финляндии и СССР по Петсамо-никелю, о торговом договоре между Финляндией и Германией... Стр. 2

194.
Также говорил, что хотя здешний посолк США, хотя и хорошо информирован о германских интригах в ^{Финляндии} ~~Германии~~ и о том воодушевлении с которым финляндское правительство готово толкнуть страну в Германские объятия, он относится к делу безразлично, поскольку по его мнению усиление влияния СССР в Финляндии опаснее чем усиление Влияния Германии и поскольку по его мнению Финляндия следует сохранить "форпостом западной культуры" в се верной европе.

Слухи о поездке Виттинга в Германию распространились в различных кругах. Вчера вечером на собрании гор.уполномоченных инженер Сергелиус говорил между прочим, Кай Сундстрему, что он из достоверных источников услышал о поездке Виттинга в Берлин. Сергелиус так же говорил, что он слышал о намерении Германии оккупировать южную Финляндию и занять никелевые Рудники. Эту невозможную и пущенную с известной целью новость он так же слышал из хорошо информированных кругов. Во-вторник с-д. депутат КИВИСАЛО рассказывал своим товарищам по фракции, что Виттинг в ближайшее время поедет в Берлин вести переговоры по каким то важным вопросам и так же будут там предусмотрены такие мероприятия, с помощью которых Финляндия лучше прежнего будет отгорожена от "большевистской опасности". Кивисало указал, что он слышал это от секретаря военной комиссии сейма советника Мейерманна Хейки АРНИО.

Справка о сообщении из Хельсинки о назначениях посольских посланников в Москве, об удалении поляков из Финляндии, о требованиях выхода Финляндии из Лиги Наций. Стр. 1

ем.1

АСЕКРЕЧЕНО*
Служба внешней разведки РФ 10

205

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНОСПРАВКА

29 апреля из Хельсинки — сообщил следующее:

БЛЮХЕР от имени Германии требует удаления из Финляндии посольского посланника СОКОЛЬНИЦКОГО. Через " — " " — " , желая знать наше мнение, в зависимости от чего он и будет действовать. Наша контора считает, что поляков из Финляндии нужно удалить.

Справка о сообщении из Хельсинки о назначениях посольских посланников в Москве, об удалении поляков из Финляндии, о требованиях выхода Финляндии из Лиги Наций. Стр. 2

ем.

206.

- 2 -

47 политических деятелей во главе со СВИНХУВУДОМ подписали письмо РЮТИ с требованием о выходе Финляндии из Лиги Наций. По истечении часа после вручения письма президенту БЛЮХЕР потребовал ответа от ВИТТИНГА на это письмо. Все это, таким образом, делается по указанию Германии.

Обсуждение данного вопроса правительством назначено на 2 июня.

_____ просит телеграфировать наши указания по агентурным вопросам.

В Е Р Н О: ОПЕРУПОЛН.З ОТД.4 ОТДЕЛА 1 УПР.НКГБ
МЛ.ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ -

(Ириндрхов)

"10" июня 1941 г.

Сообщение из Стокгольма о переговорах
по вопросу военного союза между Финляндией и Швецией

16/IV-4Гг.

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

207

9. Сийокеолач.

О ВСТРЕЧЕ С " " от 1/IV-4Гг.

1/IV-4Гг. имел встречу с " _____", В беседе он сообщил следующее:

1) Шведский финн, директор банка НОРМАН приехал в Стокгольм по поручению финского правительства, чтобы здесь совместно с финским послом в Швеции вести переговоры с шведским правительством по вопросу военного Союза между Финляндией и Швецией. Переговоры велись в конце февраля. На военном союзе особенно настаивали правые (БАГГЕ). Представитель народной партии АНДЕРСОН был категорически против и угрожал выходом из правительства. Переговоры ни к каким результатам не привели. Финляндия якобы консультировалась у немецкого правительства по вопросу военного союза со Швецией. Однако немцы не дали своего согласия. Слышал об этом " " от члена парламента.

Взят: Д. А. Зинин

Сообщение о войне между Германией и СССР о кандидатах в посланники в Москву, о положении с хлебом в Финляндии, о вербовке добровольцев для посылки в Германию... Стр. 1-2

РАССЕКРЕЧЕНО*

Служба внешней разведки РФ 10

ММВ
28 мая 1941 г.

208

_____ рассказал, что был приглашен РЮТИ в баню президентского дворца, где был так же и РАНГЕЛ. Оба - и РЮТИ и РАНГЕЛ говорили, что войны между Германией и СССР не будет и что нужно принять меры к прекращению вздорных слухов о войне, распространяющихся в Финляндии.

Зашел разговор об отставке ПААСИКИВИ

РЮТИ на это ответил, что об отставке ПААСИКИВИ говорить уже поздно, что теперь надо говорить о кандидатах вместо него.

РАНГЕЛ сказал, что он хотел бы назначить ХЮНИНЕНА, но есть опасение, что Москва не даст агремана.

Вторым кандидатом мог бы быть КОТИЛАЙНЕН, но нет уверенности, что он согласится. Тогда РЮТИ

_____ спросил, а примет ли он предложение поехать в Москву посланником, _____ ответа не дал, сказав, что следует попытаться получить агреман ХЮНИНЕНУ, но РАНГЕЛ предложил подумать и не позднее 2 июня дать ответ.

Сообщая это _____ сказал, что КОТИЛАЙНЕН уже отказался, а как быть ему он не знает и хотел бы знать как отнесется к этому Москва.

кф.

- 2 -

209.

сообщил ему о сделанном предложении с явным намерением узнать через _____ мнение Москвы, т.к. просил сообщить ему не позднее 1 июня.

Далее _____ сказал, что 27 мая он был на вечере встречи министров, на котором _____ повторил предложение поехать в Москву посланником, сказав при этом, что необходимо улучшить отношения с Москвой и это мог бы достичь _____. _____ заметил, что если он примет предложение, то было бы весьма полезно, чтобы после его назначения Советский Союз согласился бы поставить хлеб, это произвело бы хорошее впечатление на население и подняло бы его авторитет. Положение с хлебом, по словам _____, в Финляндии весьма тяжелое. Были надежды получить хлеб из Швеции и Германии, но ни та, ни другая не дают. КОТИЛАЙНЕН и АРФОЛА недавно возвратились из Стокгольма, не достигнув там никаких результатов.

Касательно вербовки добровольцев для посылки в Германию, _____ сказал, что этим делом занимаются РИЕКИ, РАНТА ^{Кари} и ААЛТОНЕН /пом. нач. полит. полиции/ БОРН ему говорил, что добровольцы едут без заграничных паспортов и когда он узнал об этом, то позвонил ВИТИНГУ и потребовал, чтобы отъезд оформлялся как следует, на это ВИТИНГ ответил, какой ты формалист, но эти формальности излишни и делаться не будут, тогда _____ обозвал _____ "квислингом". В результате они поссорились и

Сообщение о войне между Германией и СССР о кандидатах в посланники в Москву, о положении с хлебом в Финляндии, о вербовке добровольцев для посылки в Германию... Стр. 3-4

кф.

- 3 -

210.

_____ не был на прощальном обеде, данным _____, в связи с уходом из министерства.

_____ сказал _____, что он видел сообщение КИВИМЯКИ о добровольцах, в котором он сообщал правительству о разговоре с ГИМЛЕРОМ. ГИМЛЕР сообщил КИВИМЯКИ, что ГИТЛЕР желал бы, чтобы финны послали своих добровольцев в Германию и этим показать единство судьбы немцев и финнов.

ТАНЕР, выступая на фракции, высказывался за посылку добровольцев в Германию.

_____ сообщил, что Германия требует от финского правительства удаления из Финляндии быв. польского посланника СОКОЛЬНИЦКОГО. Этот вопрос уже разбирался на правительстве, но решения еще не принято, обсуждение отложено до 2 июня. _____ хотел бы знать наше мнение и какой позиции ему держаться - протестовать или стоять за удаление. По этому вопросу он хотел бы получить ответ до 2 июня.

_____ сказал также, что выпускаемые ранее польской миссией в Финляндии обзоры прессы по требованию БЛОХЕРА прекращены.

_____ сообщил _____ также о том, что РЮТИ получил декларацию - 65 первых граждан Финляндии требующих принятия финским правительством решения о выходе из Лиги Наций, при чем _____ отмечает, что декларация к РЮТИ поступила в 4 часа дня, а уже половина 5-го БЛОХЕР

кф.

- 4 -

21.

был у _____ и спрашивал как намерено поступить финское правительство по декларации.

В числе первых декларацию подписали: СВИНХВУД, ГРЕНБЛОМ, НОРМЕЕН, СУОЛАХТИ, ТАЛВЕЛА, ТАРКАНЕН и другие.

Этот вопрос будет обсуждаться на ближайшем заседании правительства и _____ хотел бы знать наше мнение какой позиции ему держаться. Ответ просил дать к 2-му июня.

РЮТИ и РАНГЕЛ о ГЕССЕ высказывались как о человеке той партии, которая хочет войны СССР и мира с Англией.

По словам _____, ТАЛВЕЛА, кроме ГЕССА, встречался в Берлине также с ГЕРИНГОМ, но подробностей он не знает.

На встрече министров, как указано выше, _____ говорил _____, что войны между Германией и СССР не будет, циркулировавшие слухи оказались вздорными. Потом он говорил, что ему нравится новый советский посланник ОРЛОВ, но он опасался предстоящего разговора с ОРЛОВЫМ п никелевому вопросу.

ТАНЕР находился в Стокгольме около 2-х недель, но отношения к переговорам со шведами по хлебу касательства не имел. По предположению _____ он был в Стокгольме или в связи с какими-то политическими переговорами со шведами или находился в больнице в связи с болезнью /рак что он весьма скрывает, возможно, он оперирован, т.к. выглядит очень плохо.

Сообщение о войне между Германией и СССР о кандидатах в посланники в Москву, о положении с хлебом в Финляндии, о вербовке добровольцев для посылки в Германию... Стр. 5

кф.

- 5 -

212.

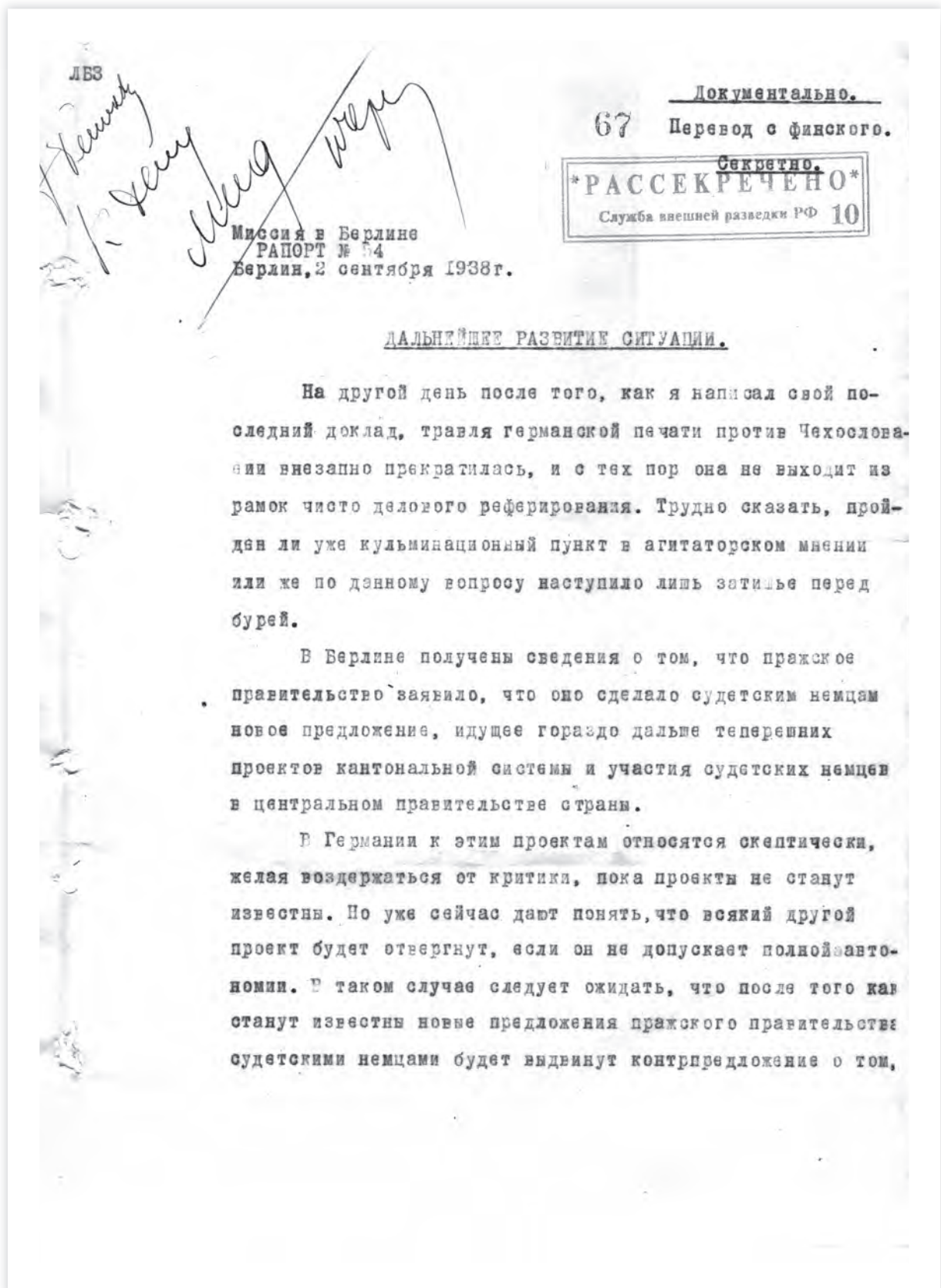
_____ сказал, что рапорта о "сдаче Украины" в аренду писал не ХЮНЕН, а I-й секретарь ХЕЙКЕЛЯ. Он писал, что эти сведения получил из достоверного источника. Этот рапорт читал _____ .

_____ просил _____ сходить к РАНГЕЛУ и выяснить у него насколько серьезно его предложение поста посланника в Москве и с чем это связано.

_____ обещал попытаться повидаться с РАНГЕЛОМ.

ВЕРНО:

Рапорт о новом предложении Чехословакии судетским немцам.
Беседа с представителем Соединённых Штатов. Стр. 1

Рапорт о новом предложении Чехословакии судетским немцам.
Беседа с представителем Соединённых Штатов. Стр. 2–3

68

2.

чтобы дело не выглядело так, будто судетцы являются нападающей стороной.

Такого в данный момент положение: заметное, но, возможно, лишь мимолетное успокоение.

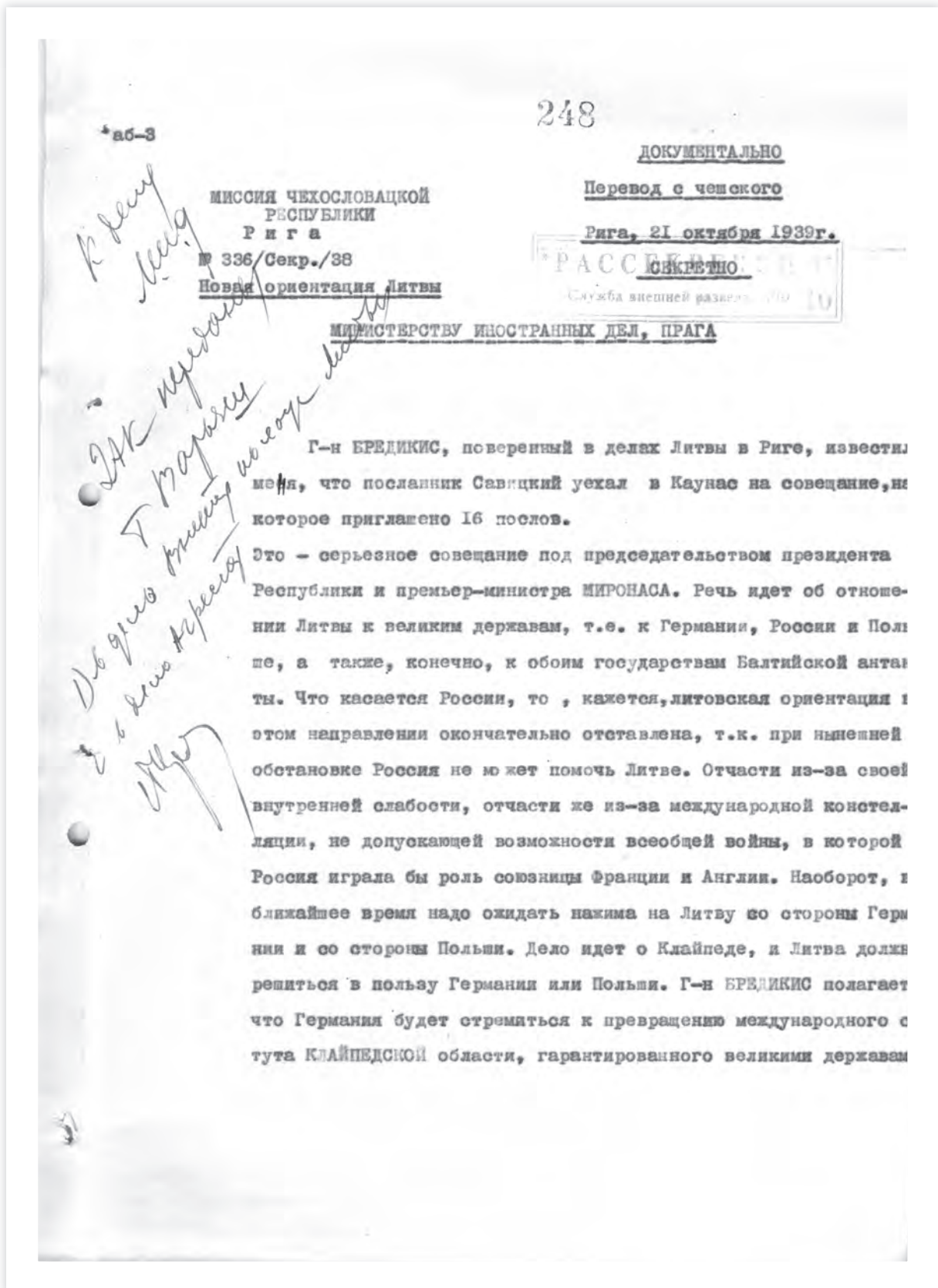
Я беседовал с представителем Соединенных Штатов, который, конечно, считает положение особенно тяжелым. Он сказал, что есть две возможности: либо Германия применит насилие, либо вся ее деятельность сосредоточится на запугивании Чехословакии, чтобы вынудить Прагу к возможно более крупным уступкам. По мнению посла второй вариант вероятнее, хотя не исключена возможность и первого. Таким образом, его мнение совпадает с тем, о чем я сам докладывал еще раньше. Суждениям печати не следует придавать слишком большого значения, так как они меняются в зависимости от ситуации и не обходимости и представляют дела сегодня в лучшем, а завтра в худшем свете.

Одно все же можно было бы считать установленным. Пока лорд Равсимен выступает посредником, ничего более удивительного не случится. Критическими дни станут в том случае, если лорду не удастся выполнить свои задачи и он откажется от них. Тогда дальнейший ход событий будет в руках рейхсканцлера, и от его решения будет зависеть все. Я еще раз подчеркиваю, что если вся борьба, шедшая до сих пор, закончится примирительным решением в рамках большей или меньшей автономии, это решение будет лишь

временным. Тогда дела пойдут, судя по всему, так, что дети в пределах своей автономии еще больше изолируются пока не появится возможность плебисцита. Если тогда подавляющее большинство выскажется за присоединение к Гнии, не следует думать, что какая-либо великая держава воспрепятствует этому. Такого мнения и посла Соединенных Штатов, и об этом явно свидетельствуют суждения, высказанные вчерашним Министерством иностранных дел о том, что время работает на Германию и все дело упадет Германии в рот, как спелый плод. Однако, такой оборот дела зависит, как было сказано, от рейхсканцлера.

(Подпись)

Из миссии Чехословацкой Республики в МИД Чехословацкой Республики о новой ориентации Литвы: отношении Литвы к Германии, России, Польше, к государствам Балтийской Антанты. Стр. 1–2

249

2.-

Англией, Францией, Италией и Японией в двусторонний договор между Литвой и Германией, в результате которого Литва так или иначе вступила бы экономически и политически в более тесные отношения с Германией.

Напротив, польский посланник ХАРВАТ, который был только что в Риге, кажется, старался склонить МУНТЕРСА к посредничеству между Польшей и Литвой в целях более тесного сотрудничества.

О МУНТЕРСЕ известно, что такая миссия удовлетворяет его честолюбию. Во время польского ультиматума он был весьма несчастен потому, что Польша не использовала его в качестве посредника. Здесь общепринято считать МУНТЕРСА особенным другом БЕКА и поклонником его "реалистической" политики, что, однако, не означает, что МУНТЕРС хотел бы вовлечь государства Балтийской антанты в более тесные сношения с Польшей. И ввиду таких более тесных сношений высказалось ильинское совещание Балтийской антанты. Но он любит участвовать во всем и играет некоторую роль в каждом деле. Вообще же МУНТЕРС считается, конечно, не полонофилом, а скорее германофилом.

Г-н БРЕДЛИКИС полагает, исходя из некоторых сообщений из Литвы и из высказываний премьер-министра МИРОНАСА, что в Литве одержит верх германское направление. В Литве имеется два направления: католическая партия стоит за соглашение с Польшей, а партия "таутининкай" — против этого, как и до сих пор, и это направление, пожалуй, доминирует.

Из миссии Чехословацкой Республики в МИД Чехословацкой Республики о новой ориентации Литвы: отношении Литвы к Германии, России, Польше, к государствам Балтийской Антанты. Стр. 3

250

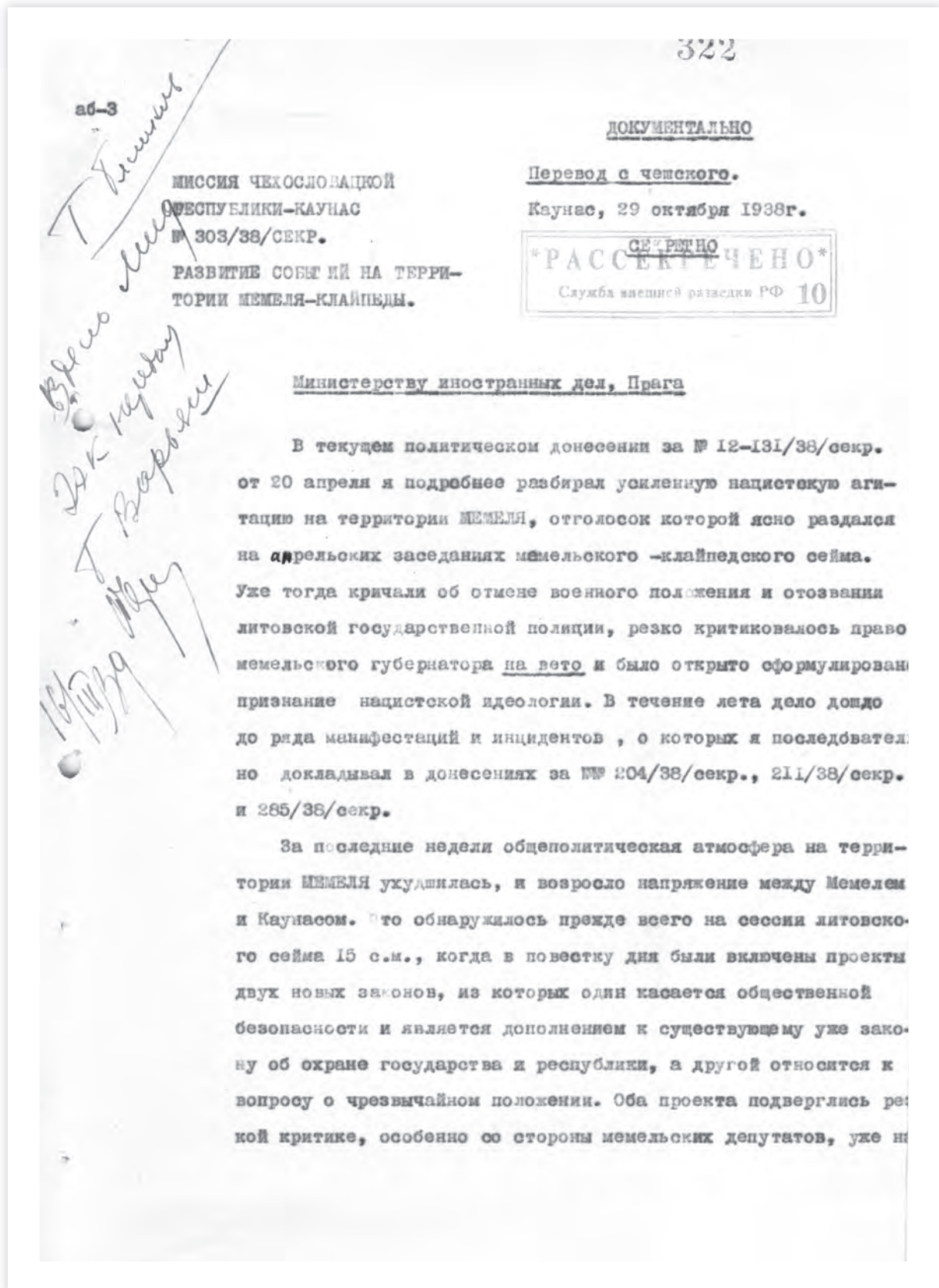
3.-

Что касается обоих остальных прибалтийских государств — Латвии, и Эстонии, то БРЕДИКИС считает, что они придерживаются, как и до сих пор, нейтралитета в отношении России, Германии и Польши. При этом, однако, между латвийским и эстонским толкованиями нейтралитета существуют кое-какие противоречия. Эстония настроена полонофильски, а Латвия смотрит на польские домогательства с недоверием (Либная, Даугаупиле! Либавя, Двинск-Перев.)

В декабре состоится конференция Балтийской антанты, которая должна будет, учитывая новую обстановку, по возможности изменить политику прибалтийских государств. Поговаривали об ускорении этой конференции, но теперь, наоборот, опять ходят слухи, что она будет отложена на январь. В общем следует ожидать, что все три государства дадут своему "нейтралитету" толкование, которым Германия будет более довольна, чем Польша.

Посланник: инж. Павел БАРАЧЕК-ЖАКЪЕ (п/п)

Из миссии Чехословацкой Республики в МИД
Чехословацкой Республики о развитии событий
на территории Мемеля-Клайпеды. Стр. 1

Из миссии Чехословацкой Республики в МИД
Чехословацкой Республики о развитии событий
на территории Мемеля-Клайпеды. Стр. 2-3

323

2.-

том основании, что они будут действовать и на территории Мемеля и должны _____ по уже давно данному обещанию отменить военное положение. Говоря кратко, мемельские депутаты в своей резкой критике обоих законопроектов указывали, что новые законы в своем нынешнем изложении, даже если бы после их обнародования было отменено военное положение на территории Мемеля, по существу ничем бы не изменили фактической ситуации, так как осуществление государственной власти, которую военное положение передало в руки военного коменданта, перешло бы сейчас всецело в руки губернатора, и автономные власти оказались бы опять с пустыми руками.

Конфликт, который дошел в литовском сейме, до этого мгновенно отозвался в Мемеле, где тотчас же была назначена на 21 с.м. специальная сессия мемельского сеймика, а позже отложена на 27 с.м.

Тем временем дело снова дошло до демарша ^{из} германского правительства в Каунасе. Германский посол, который на прошлой неделе был специально вызван в Берлин, по возвращении сделал представление как министру иностранных дел ЛОЗОРАЙТИСУ (дважды), так и премьеру МИРОНАСУ. Министр иностранных дел ЛОЗОРАЙТИС, с которым я вчера (28.X.) имел очередную беседу, подтвердил, что упомянутый демарш имел место и что ведутся переговоры об удовлетворении в меру возможного мемельских требований. По его словам, из повестки дня литовского сейма будут исключены проекты новых законов, вызвавшие протесты мемельских депутатов. Очевидно, дело дойдет до отмены военного положения на те

321

3.-

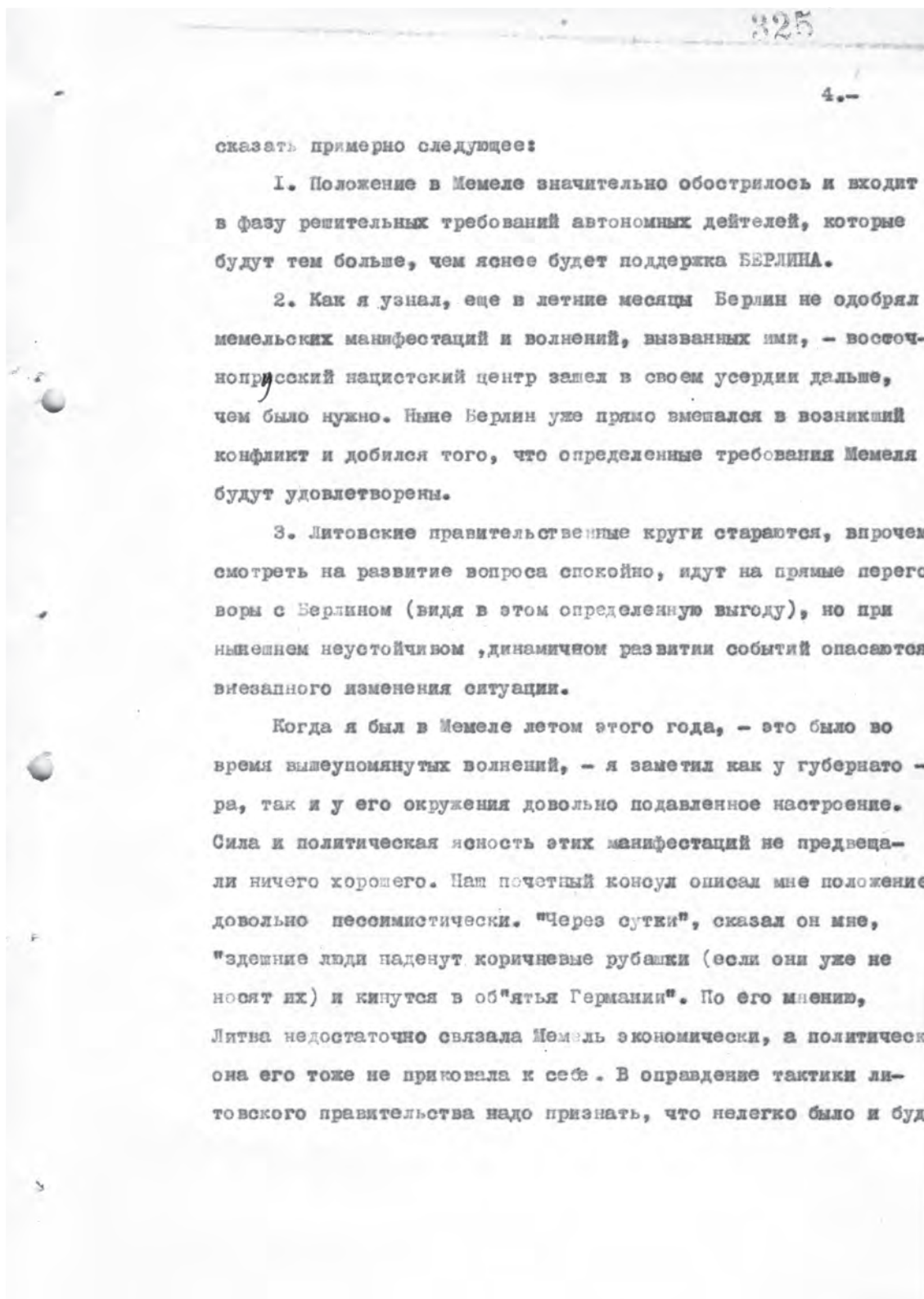
ритории МЕМЕЛЯ.

По вопросу о губернаторском вето также будет сделана попытка прийти к удовлетворительному решению. Из высказываний министра ЛОЗОРАЙТИСА ясно вытекает, что литовское правительство будет стремиться к тому, чтобы по возможности устранить все, что по вопросу о Мемеле могло бы привести к затруднениям с Германией. Как видно, о мемельских делах он ведет переговоры непосредственно с Германией, которая уже не очень считается с державами, подписавшими мемельский статут. Можно ожидать и того, что изложения кое-каких статей этого статута претерпит теперь изменение, и скорее должно быть принято толкование мемельских автономных деятелей, т.е. германских юристов, нежели литовских юристов.

На территории МЕМЕЛЯ уже явно царит предвыборное настроение, и обе стороны готовятся к выборам, которые состоятся в декабре. Судя по всему, немцы поставят во главе своего "единого списка" фамилию д-ра НЕЙМАНА, известного руководителя антигосударственного заговора в 1934г., выпущенного из тюрьмы лишь в этом году (у него до сих пор нет гражданских прав). Его называют мемельским Генлейном. Литовская фракция вытравит 3 кандидатуры. Напоминаю, что в нынешнем мемельском сеймике из общего числа 29 депутатов у нее было 5 представителей.

В развитии мемельских дел за последнее время появились достаточно тревожные сообщения. Последние события в Европе, естественно, способствовали этому. По этому поводу можно

Из миссии Чехословацкой Республики в МИД
Чехословацкой Республики о развитии событий
на территории Мемеля-Клайпеды. Стр. 4–5

326

5.-

удовлетворить мемельские требования и в то же время сохранить, а ныне уже спасти авторитет Литвы.

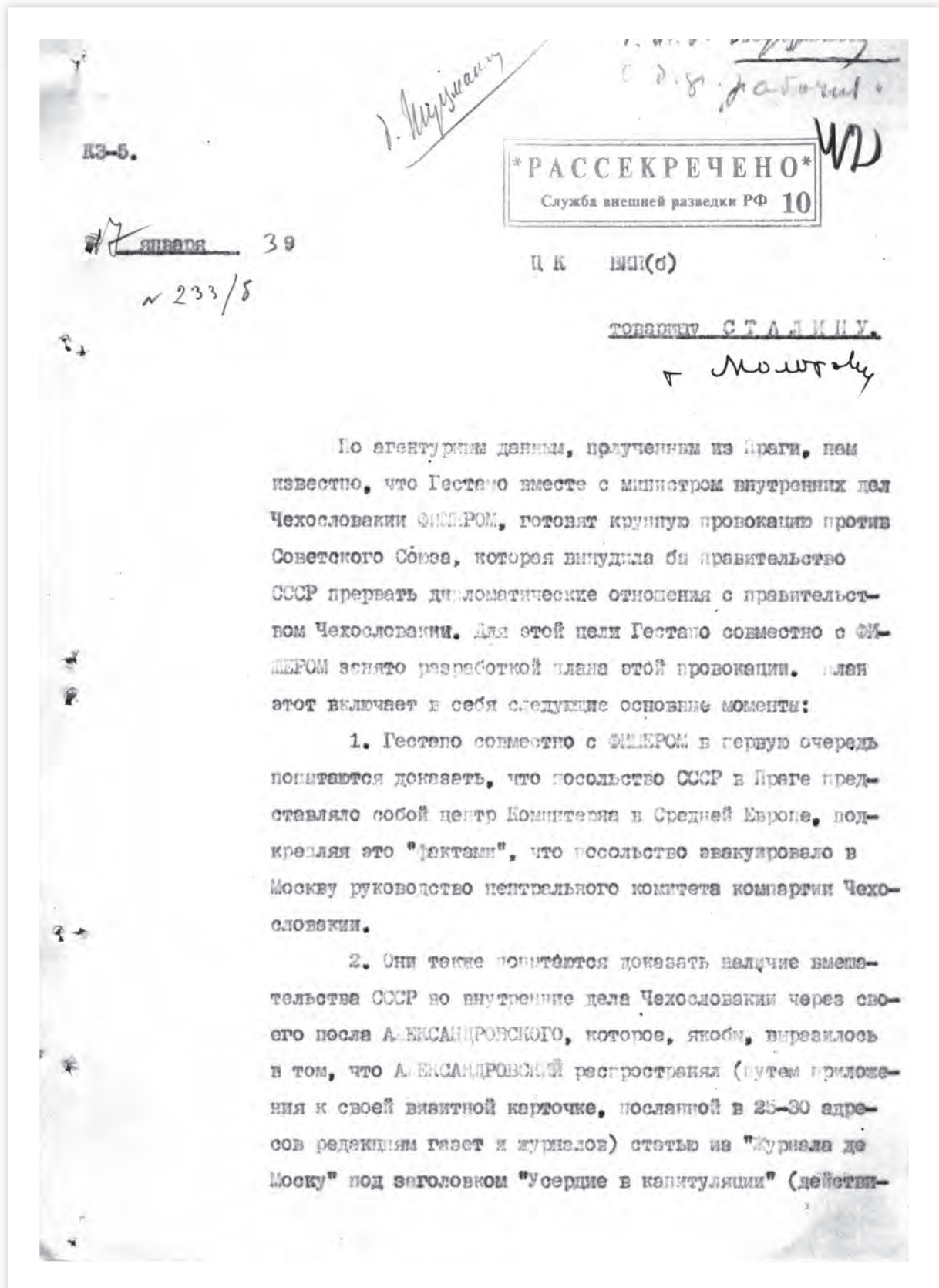
4. Перед лицом затруднительного положения, которое в иностранных сообщениях описывается как действительно угрожающее можно надеяться, что умеренная и предупредительная тактика литовского правительства уже тем, что говорят о переговорах с Берлином, предотвратит кризис, который ныне — это не подлежит сомнению — может стать действительно опасным для Литвы.

Мемель является литовским портом, в который Литва вложила десятки миллионов лит и через который идет почти весь литовский экспорт и импорт. Пока Мемель входил в Германию — это был маленький город с маленьким портом. Благодаря литовскому тылу порт колоссально вырос и был значительно модернизирован. Новая литовская рыболовная гавань Швентоя близ Паланги совсем мала, и возможность того, что она заменит Мемель, исключена.

Потеря Мемеля и МЕМЕЛЬСКОЙ области, не говоря уже о национальном вопросе литовского населения, нанесла бы чрезвычайно тяжелую рану экономической жизни Литвы, и поэтому Литва делает все, чтобы сохранить их для себя.

Посланник : д-р И.Скалицкий (П/П)

Письмо Сталину от Берии. О подготовке гестапо совместно с МВД Чехословакии крупной провокации против СССР. Стр. 1–2

-2-

УЗ

нительно АЛЕКСАНДРОВСКИМ такая статья была разослана во многие адреса газет и журналов 3-го и 4-го января 1939 года).

3. Одновременно с этим Гестапо и ФИШЕР подбирают данные в отношении тех лиц, которые поддерживают связь с посольством, торгпредством, ТАСС, военным атташе и консульством.

Группа лиц этой категории будет арестована с предъявлением обвинения, как участников деятельности Коминтерна в Чехословакии. Искривляются поводы и основания для производства арестов кого-либо из сотрудников вышеуказанных советских учреждений, чтобы их увязать с этой провокацией.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВЪТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА С.С.Р.

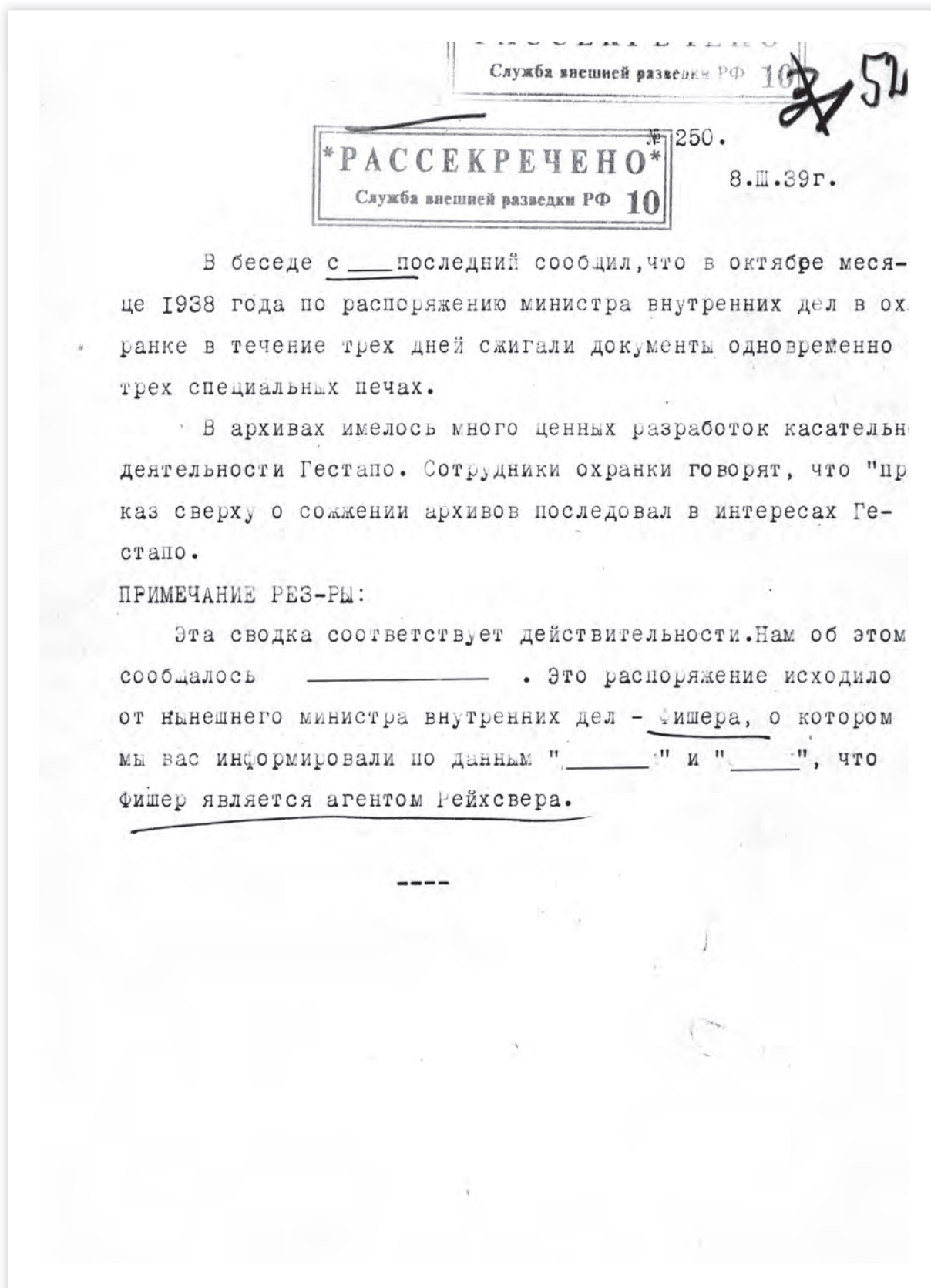
(Л. ВЕРИЯ)

Исполнит.

1 экз. адресату
1 экз. Секр.отд.
2 экз. Секре.нарк.
1 экз: в дело.

Сообщение о сожжении документов в охранке
по распоряжению министра внутренних дел ЧСР в интересах гестапо

Сообщение об отношениях СССР к Англии. Стр. 1

рв-3

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

Прил. к § 4 п. 13/8

5 апреля 1939 г.

№ 9744

С.С.С.Р. и Англияг-н Гринвуд, руководитель Рабочей партии:

"Мы не можем не знать, что СССР с того времени как вошел в Лигу Наций проявил больше лояльности в своих принципах и решениях, чем английское правительство. Советская Россия могла бы быть решительным фактором в деле поддержки всеобщего мира".

г-н Ллойд Джордж

"Если завтра III империя об'явит войну Польше, Англия не сможет послать ни одного батальона в эту страну. Франция будет иметь сомнительные укрепления. Польская армия, как бы она ни была сильна, столкнется с чрезвычайными затруднениями. При таких условиях политика правительства основывается на ложных предположениях".

Ллойд Джордж проанализировал 4 гипотезы:

- 1/ Нейтралитет Италии. Италия остается верной оси Рим-Берлин: итальянская армия в двое сильнее чем в 1914
- 2/ Нейтралитет Испании. Это неизвестность.
- 3/ Будет ли судоходство в Средиземном море таким же свободным как в 1914 г. Ллойд Джордж не верит этому.
- 4/ СССР рано или поздно вмешается. Ллойд Джордж настаивает на необходимости советского вмешательства, как на суше так и на море с самого начала военных действий. Он утверждает, что советская армия насчитывает в настоящее время 18 миллионов человек и военная подготовка этих людей значительно выше чем в 1914 г.

- 2 -

Что же касается возражений Польши по поводу участия русских, Ллойд Джордж считает, что Англия должна поставить условия для этого сотрудничества.

г-н Антони Иден:

Он критически отнесся к заявлениям Ллойда Джорджа. Он проанализировал вопрос советского сотрудничества и заметил, что Германия в случае войны будет иметь столкновение на Востоке также как и на Западе и что разница по сравнению с 1914 годом в части касающейся Средиземного моря заключается в англо-турецкой дружбе.

Официальные заявления.

Лорд Галифакс заявил в палате лордов на вопрос по поводу России, который ему частно задают в кулуарах Вестминстера до начала заседания:

"Я могу сказать, что английское правительство полностью отдает себе отчет в том какое значение имеет позиция Советского правительства и придает большое значение поддержке хороших отношений в СССР".

Он напомнил, что некоторые нации имеют натянутые отношения с СССР, вследствие разногласий по идеологическим вопросам. Но он заявил, что со стороны английского правительства таких затруднений не существует.

Чемберлен:

"Я ничуть не считаю, что между СССР и Великобританией не существует идеологических разногласий. Эти разногласия останутся все те же. Но как я уже сказал в пятницу, эти разногласия каковы бы они ни были не имеют"

- 3 -

353

значения в тех вопросах, которые интересуют нас сегодня.

Вопрос который нас занимает - это сохранение нашей независимости и когда я говорю "нашей" я не хочу сказать только о независимости Англии, но я хочу сказать о независимости всех государств которым может угрожать агрессия.

Мы принимаем сотрудничество всякой страны каковы бы ни были ее система внутренней политики, не имея ввиду агрессию, а желая противостоять агрессии".

Перевела:

Верно: *Janina*

Письмо германского посланника Бернарда из Германского посольства Его превосходительству господину премьер-министру доктору Иосифу Тисо... Стр. 1–2

РАССЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого

Братислава, 27 августа 1939г.

К о н я.

С е к р е т н о.

Германское посольство

Его превосходительству
господину премьер-министру д-ру Иосифу Тисо

Братислава.

Господин премьер-министр!

По поручению своего правительства имею честь сообщить Вашему превосходительству следующее:

Имперское правительство располагает достоверными сведениями, что безопасности словацко-польской границы угрожают сконцентрированные на границе значительные соединения польских воинских частей. Таким образом, в любое время можно ожидать нарушения неприкосновенности границ Словацкого государства. В целях выполнения взятых на себя договором от 18/23 марта 1939 г. обязательств, для защиты независимости Словакии и неприкосновенности ее территории, мое правительство отдало приказ о вступлении германских войск на территорию Словацкого государства.

Вступающим войскам строго вменено в обязанность основывать свое поведение на том, что Словацкое государство является дружественной державой по отношению к Германской империи.

Для выполнения задач, поставленных перед вооруженными силами, необходимо сотрудничество с последними словацких властей и словацкого народа, особенно, по нижеследующим пунктам:

а) Германские вооруженные силы не будут в основном вмешиваться в дела внутреннего управления и в юрисдикцию Словацкого государства. Однако, Германское правительство ожидает, что Словацкое правительство укажет словацким властям на просьбу германских вооруженных сил принять все меры, необходимые вооруженным силам в деле выполнения поставленных перед ними задач. Сюда относится, в частности, неограниченное использование как гражданских средств связи и сообщения, так и аэродромов. В случае необходимости германские вооруженные силы сами смогут провести эти мероприятия.

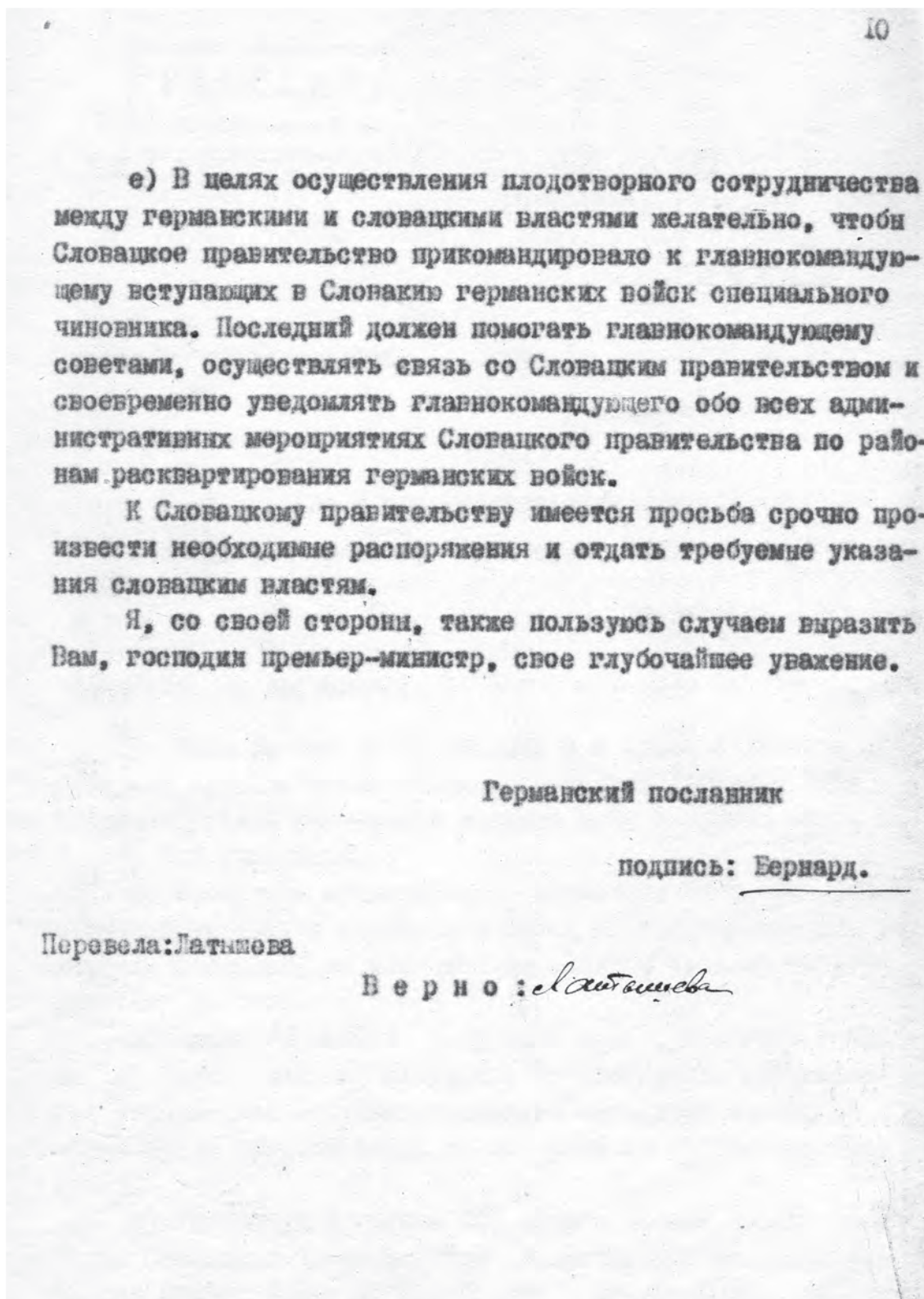
в) В особо важных случаях органы германского военного суда будут привлекать к ответственности и судить по германским законам также и лиц, не являющихся подданными Германии, если преступления таковых направлены против германских вооруженных сил, против лиц, принадлежащих к германской армии, или же против мероприятий, проводимых германскими военными властями.

с) Оплата по расходам (за пользование квартирами, кормом, продовольствием, перевозочными средствами, горючим, лошадьми и т.д.) будет производиться в германской или словацкой валюте. Для всех платежей предусмотрен денежный курс: 1 рейхсмарка = 10 крон.

д) На основании соглашения от 24 августа 1939 г. вооруженные силы Словакии подчиняются главнокомандующему германской армией. Главнокомандующий вступающими германскими войсками путем специальных приказов будет доводить до сведения словацких вооруженных сил задачи, проведение которых им надлежит обеспечить.

Письмо германского посланника Бернарда из Германского посольства Его превосходительству господину премьер-министру доктору Иосифу Тисо... Стр. 3

Письмо Его превосходительства господина премьер-министра доктора Иосифа Тисо из Президиума правительства Словакии Его превосходительству господину посланнику Германской империи Гансу Бернару... Стр. 1

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого

К о п и я

Братислава, 28 августа 1939г.

С е к р е т н о.

Президиум правительства

Его превосходительству

Господину посланнику Германской империи Гансу Бернару

Братислава.

Господин посланник!

На Ваше письмо от 27 августа и в связи с личными переговорами представителя Словацкого правительства с Вами и с представителями германской военной комиссии, имею честь сообщить Вам следующее:

а) Словацкое правительство принимает Ваше предложение о расквартировании германских войск на государственной территории Словакии, за исключением зоны по правому берегу реки Виг-до-Татр.

в) Права германских вооруженных сил, указанные в пункте "в" Вашего письма, Словацкое правительство принимает при условии взаимобязательства, то-есть, если словацкой армии будут предоставлены те же права на территории Германии.

с) Указанную в пункте "с" Вашего письма оплату по расходам Словацкое правительство принимает при условии, что данная оплата будет производиться в ограниченных размерах.

Письмо Его превосходительства господина премьер-министра доктора Иосифа Тисо из Президиума правительства Словакии Его превосходительству господину посланнику Германской империи Гансу Бернаруду... Стр. 2

В противном случае германские войска должны будут снабжаться империей. Снабжение же в большом количестве за счет местных ресурсов может быть осуществлено только по соглашению и по принципу сотрудничества с Генеральным секретариатом Высшего совета обороны Словакии.

Оплата по расходам производится в словацкой валюте и только в исключительных случаях – рейхсмарками по курсу: 1 рейхсмарка = 10 крон.

д) По пункту "с" Вашего письма сообщаю, что Словацкое правительство назначает господина д-ра Вилиана Смико доверенным представителем Словацкого правительства при надлежащем военном командовании германских вооруженных сил.

Я также, господин посланник, пользуюсь случаем подтвердить Вам мое глубочайшее уважение.

Подпись: д-р Иозеф Тисо

Премьер-министр.

Перевела: Латышева

В е р н о: *Латышева*

Письмо германского посланника Бернарда Министру иностранных дел в Берлине господину легационному советнику Хейнбургу)... Стр. 1

РАСЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого

Германское посольство

Братислава, 28 августа 1939 г.

№ 22 - секретно

Сов.секретно!

Ссылка: донесение от
24.8. с/г.

Содержание: Требование о
возврате словацких областей,
отошедших к Польше.

7 приложений.
2 копии.

Министерству иностранных дел в Берлине.

Господину легационному советнику Хейнбургу.

Сегодня по поручению Словацкого правительства посланник Поляк передал карты с более точно обозначенными областями, которые Словакия вынуждена была передать Польше во время кризиса осенью 1938 г. Одновременно он передал эскиз областей Орава и Спиш (северо-западнее и северо-восточнее Высоких Татр), отошедших к Польше в 1920 году. По данным словаков, количество населения обеих областей достигает, примерно, 25.000 человек. Передача Польше этих областей соответствовала желанию поляков получить "Высокие Татры". Осуществление этого желания продвинулось на шаг вперед в 1938 г., когда к Польше отошла область Яворина.

Письмо германского посланника Бернарда Министру иностранных дел в Берлине господину легационному советнику Хейнбургу)... Стр. 2

Очевидно, словацкий посланник в Берлине устно повторит просьбу Словацкого правительства от 24.8 о том, чтобы Германия оказала содействие в вопросе возврата отошедших к Польше в 1938 и в 1920 годах словацких областей даже в том случае, если не будет войны между Германией и Польшей.

Я был бы очень благодарен за благосклонное рассмотрение просьбы Словацкого правительства (превышающей, однако, обещания Германии - см. указание от 28.8) тем более, что повышение требовательности Словацкого правительства в отношении возвращения областей Орава и Спиш поведет Словакию к более глубокой политической разобщенности с Польшей.

Прилагаю карты № 4162, 4163, 4263, 4264, 4266, 4366 и эскиз областей Орава и Спиш.

Бернард.

Перевела: Латышева

В е р н о: *Латышева*

Шифртелеграмма от Вермана Германскому посольству в Братиславе об отсутствии содействия Словакии со стороны Германии в вопросе о возвращении утраченных Словакией в 1920 г. областей. Стр. 1

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

^{кв}
Перевод с немецкого
Сов. секретно

лин, 4 сентября 1939 г. К Пол. IV 1136 - секретно.

манскому посольству в
Братиславе № 162

Шифртелеграмма

На донесение № 22 - секретно от З.Б.

Словацкому посланнику, снова неоднократно высказывавшему здесь желание получить со стороны Германии содействие в вопросе возвращения утраченных в 1920 г. областей, до сего времени не было дано какого бы то ни было обещания.

Верховное командование вооруженными силами сообщило сегодня, что Словацким правительством подготовлен законопроект, предусматривающий аннексию этих областей, и что посольство занимается данным вопросом. Верховное командование вооруженными силами запросило о нашей позиции. Мы ответили Верховному командованию следующим образом:

Аннексия вражеской территории во время военных действий необычна сама по себе, и мы не делаем этого также и в Польше. Если же Словацкому правительству угодно издать такой закон, то мы предоставляем это дело ему.

В случае, если это дело не терпит отлагательств, прошу установить контакт с генералом Баркхаузеном,

Шифртелеграмма от Вермана Германскому посольству в Братиславе об отсутствии содействия Словакии со стороны Германии в вопросе о возвращении утраченных Словакией в 1920 г. областей. Стр. 2

после чего и вести дружественные переговоры со Словацким правительством.

Верман.

Перевела: Латшова

В е р н о: *Латшова*

Телеграмма №181 от Вермана из Братиславы о вероятной незаконности проекта, предусматривающего возвращение всех словацких областей, отошедших к Польше в 1920 г. и в 1938 г...

РАСЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого

Сов.секретно.

Телеграмма

Братислава, 4 сентября 1939 г., 15 ч. 10 м.

Получена: 4 сентября 1939 г. в 18 ч. 20 м.

№ 181 от 4.9.

Спешно!

На телеграмму № 142 от 30-го^{х)}

х) Пол. IV 1062 - секретно.

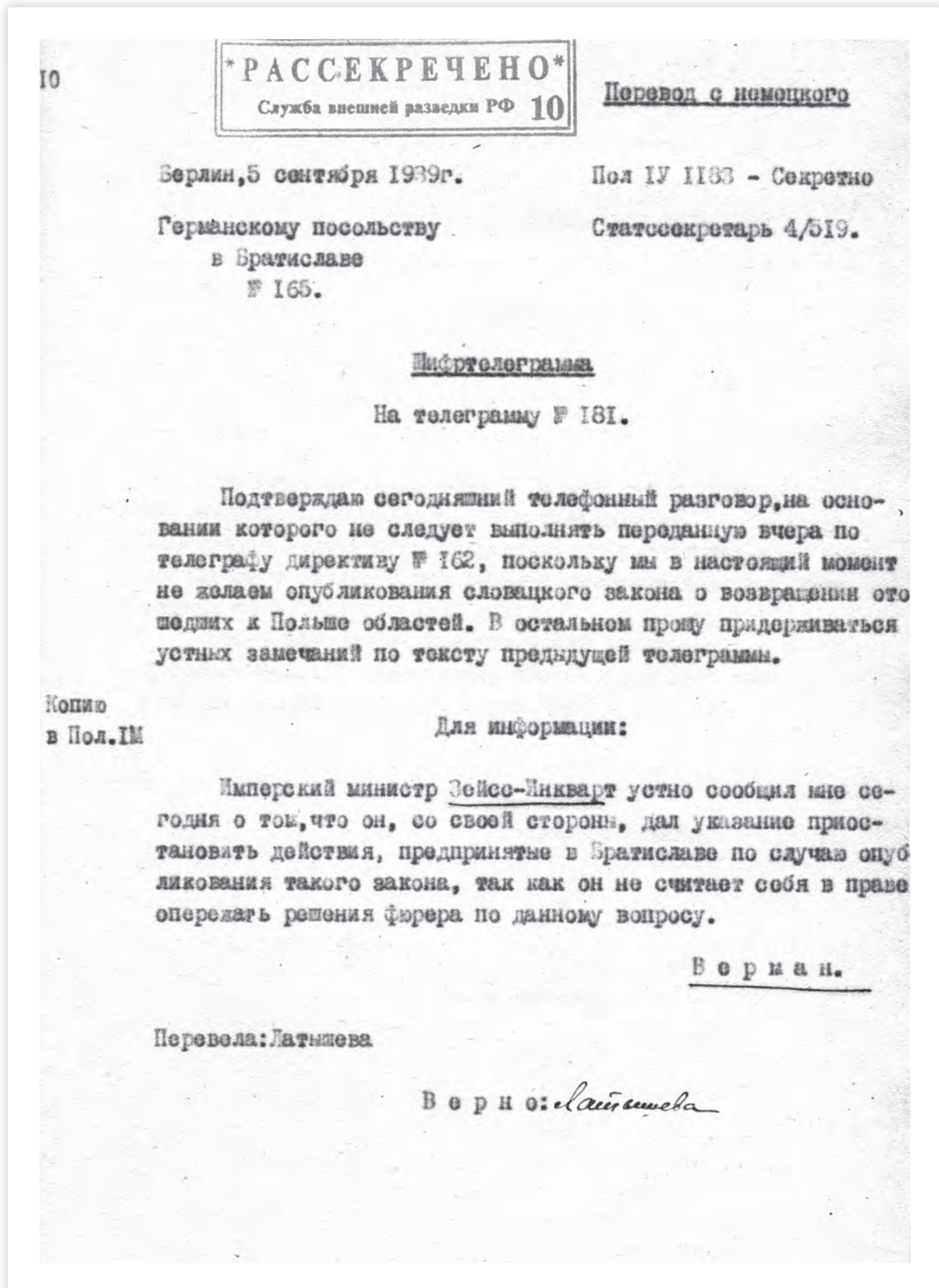
Министр иностранных дел Дурчанский сообщил сотруднику посольства, что вчера, повидимому, по поручению имперского министра Зейсс - Инкварт, государственный секретарь Вехтер передал законопроект, предусматривающий возвращение всех словацких областей, отошедших к Польше в 1920 и 1938 годах. В ближайшие дни следует ожидать соответствующего решения Словацкого правительства. Связи с посольством государственный секретарь В. не устанавливал. Прошу телеграфно сообщить, руководствовались ли государственный секретарь В. и имперский министр Зейсс-Инкварт в своих действиях поручением и санкцией правительства и не следует ли уведомить Словацкое правительство о том, что переданный ему государственным секретарем В. проект исходит от необлеченной полномочиями инстанции.

Бернард.

Перевела: Латышева

В е р н о: *Латышева*

Шифртелеграмма от Вермана Германскому посольству в Братиславе о нежелательности публикации словацкого закона о возвращении отошедших к Польше областей

Заметка об истории вопроса отхождения Польше в 1920 г. словацкой области Орава. Стр. 1

РАСЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого

Секретно.

Пол. IV 1208.

З а м е т к а.

Отшедшая в 1920 году к Польше область Орава, на которую ныне претендует Словакия, была отдана Польше на основании решений Парижской посольской конференции от 28 июля 1920 г. в связи с заключением 20 июля 1920 года чехословацко-польского договора. Отторгнутая область включает нижеследующие общины:

Руковина-Родзкле, Рекельник, Яблонка, Хизне, Висна, Липница, Гладовка и Суха Гора; в Спиши (*v Spisi*): Нова Бела, Фридман, Кремпах, Трибе, Дристин, Цима, Гора, Ергов, Реписко, Висне и Низне Лепсе, Недецо, Кацвин, Лапанка.

По устному заявлению секретаря здесьнего словацкого посольства д-ра Пицора, западная часть общины Унтер-Липница, разделенная ручьем Липница, была решением посольской конференции оставлена вначале за Чехословакией. Однако, по чехословацко-польскому соглашению от февраля 1924 года эта западная часть при обмене областями отошла к Польше.

Польша, со своей стороны, компенсировала эту уступку предоставлением Чехословакии общин Гладовка и Суха Гора (на юге области Орава), присоединенных в 1920 году к Польше по решению посольской конференции.

Заметка об истории вопроса отхождения Польше в 1920 г. словацкой области Орава. Стр. 2

В 1938 году Польша получила обратно эти общины. Теперь Словакия требует их возвращения как части области, отошедшей в 1938 году к Польше.

Карта, переданная здесь словацим посланником, изображает государственную границу не 1920 года, как то было обозначено на эскизе, а государственную границу 1924 г.

Возвращение отошедшей в 1920 году к Польше области, естественно, повлекло бы за собой и возвращение района данной области, отошедшего к Польше в 1924 году, поскольку он полностью входит в состав этой области.

Я сказал г-ну Пицор, что было бы целесообразно иметь уже сейчас сведения (в отношении количества населения, национальности, экономики) о требуемой обратно области, чтобы в любое время иметь под рукой необходимые данные.

Берлин, 8 сентября 1939 года.

Перевела: Мьяшова

В е р н о: *Славяшова*

Письмо от Бернарда из Германского посольства
в Братиславе в МИД Германии... Стр. 1

РАСЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого

Братислава, 6 сентября 1939 г.

Сов.секретно!

Весьма срочно!

Германское посольство
№ 38 - сов.секретно

Ссылка: директива от 5
сентября т.г.

Содержание: Возвращение
отошедших к Польше сло-
вацких областей.

3 копии.

Министерству иностранных дел

Берлин.

24 августа т.г. Словацкое правительство было в строго секретной форме (как то предписывалось директивой за № 124 от 23.8) уведомлено о том, что, в случае войны с Польшей и при условии лояльного сотрудничества, Имперское правительство готово оказать Словацкому правительству содействие в вопросе возвращения областей, утраченных Словакией в 1920 году в пользу Польши.

28 августа посольство передало просьбу Словацкого правительства о том, чтобы эти заверения Имперского правительства распространялись и на области, отошедшие к Польше в 1920 году.

29 августа посланник Чернак посетил в Берлине

Письмо от Бернарда из Германского посольства
в Братиславе в МИД Германии... Стр. 2–3

58

министерство иностранных дел и передал ту же просьбу Словацкого правительства. Ему ответили, что хотя имперское правительство и занимает исключительно доброжелательную позицию в отношении данной просьбы, но, однако, в настоящее время не может дать подобного заверения.

31 августа во время официального приема министр иностранных дел Дурчанский заговорил со мной о визите Чернака в министерство и о полученном им ответе. По отношению к Дурчанскому я занял ту же самую позицию.

Таким образом, точка зрения имперского правительства в ясной и понятной форме доведена до сведения Словацкого правительства, причем следует констатировать, что при обсуждении данного вопроса Словацкое правительство выказало корректность во всех отношениях.

Такая ясная обстановка и дружественное сотрудничество были, однако, подвергнуты тяжелому испытанию из-за действий, предпринятых господином имперским министром д-ром Зейсс-Инкварт третьего числа сего месяца непосредственно при Словацком правительстве. В отношении этих шагов, о которых посольство было уведомлено 4-го сего месяца министром иностранных дел Дурчанским, там известны, конечно, мельчай-

шие подробности.

Премьер-министр Тисо в присутствии генерал-лейтенанта Баркхаузена сделал мне сегодня по этому поводу, примерно, следующее заявление:

Третьего числа текущего месяца ему позвонили в резиденцию из Братиславы и уведомили о том, что двум господам из Вены необходимо срочно переговорить с ним, для чего они и направляются в его резиденцию.

Напрасно прождав длительное время, он в 17 часов выехал в Братиславу. Вскоре после его прибытия, примерно, в 22 часа, к нему явились господа — д-р Вехтер и д-р Рабль (советник права, прикомандированный центральной немецкой националистической организацией к немецкой националистической группе в Словакии). Указав на присоединение Данцига к империи, как на пример справедливого возвращения отторгнутой некогда территории, данные господа, по поручению имперского министра Зейсс-Инкварт, передали ему законопроект, предусматривающий возвращение Словакии всех областей, отошедших к Польше в 1920 — 1938 годах. Так как господа указали на то, что фюрер будто бы санкционировал проведение данного акта, то он с радостью и без малейшего колебания пошел навстречу этой инициативе. С господами он достиг следующего соглашения: во всех возвращенных областях будут соз-

Письмо от Бернарда из Германского посольства
в Братиславе в МИД Германии... Стр. 4–5

даны новые муниципалитеты, которые по собственной инициативе и направят от имени словацкого населения телеграмму в Братиславу с ходатайством о присоединении к родине – Словакии. Результат будет сообщен господину Вехтеру для доклада фюреру.

Премьер-министр Тисо сообщил далее, что на одном из экземпляров законопроекта, захваченном доктором Вехтером с собой, он, по просьбе последнего, сделал пометку о своем согласии, т.к. фюрер и имперский министр Зейсс-Инкварт хотели знать мнение Словацкого правительства.

На основании этого вмешательства господина имперского министра д-ра Зейсс-Инкварта, премьер-министр Тисо 5-го числа сего месяца сделал на заседании президиума глинковской партии в присутствии всех членов президиума и членов правительства соответствующее авторитетное заявление, о чем "Гренцботе" 6-го числа сего месяца и сообщил нижеследующее:

"Премьер-министр д-р Иозеф Тисо сделал подробный доклад о международном положении, во время которого и сообщил радостную весть о том, что Словакия получит обратно утраченные в свое время общины областей Кисуце, Орава и Ципсе и что там уже организовано свое управление.

Четвертого же сентября генерал-лейтенант Барк-

хаузен, считаясь с желаниями Словацкого правительства, предложил главнокомандующему 14 армией генерал-полковнику Листу оказать содействие в том отношении, чтобы в области Яворина, отвоеванной германскими войсками, смог бы осуществлять свою исполнительную власть чиновник словацкого управления под руководством начальника гражданского управления Верховного командования XIV армии. Данное распоряжение касалось только лишь Верховного командования XIV армии и уже потеряло свою силу.

Ввиду того, что возвращение Словакии отторгнутых в 1920 и 1938 годах Польшей областей, — о чем премьер-министр Тисо уже сделал официальное заявление — автоматически лишило бы Верховное командование XIV армии прав на управление этими областями и обусловило бы проведение окончательной пограничной черты лишь после завершения войны, то было бы целесообразно, чтобы данный вопрос возвращения некогда словацких областей был бы подвергнут выяснению и с военной точки зрения.

В ходе беседы, последовавшей сегодня между премьер-министром Тисо, генералом Баркхаузеном и мною, была достигнута нижеследующая договоренность:

I. Управление польскими областями, на которые претензуют словаки, осуществляется начальником гражданского управления Верховного командования XIV ар-

Письмо от Бернарда из Германского посольства
в Братиславе в МИД Германии... Стр. 6–7

нии; облеченные полномочиями со стороны Верховного командования XIV армии чиновники-словаки получают предписания и указания исключительно лишь от Верховного командования XIV армии.

2. Опубликование словацкого закона о возвращении областей, отошедших к Польше в 1920 и 1938 г.г., в настоящее время нежелательно.

И здесь следует также отметить, что премьер-министр Тисо сразу же признал справедливость наших желаний и в лояльнейшей форме изъявил готовность ответить им. Спровержения действия имперского министра Зейсс-Инкварт, предпринятых им при Словацком правительстве, до сих пор не последовало.

Надо надеяться, что на этом и будет покончено с таким досадным недоразумением. Однако, невыносимо, когда основные правила и указания имперского правительства дезавуируются какой-то другой инстанцией. Кроме того, только крайней безответственностью следует считать то положение, когда посланец господина имперского министра Зейсс-Инкварт в своих действиях — я следую здесь кающемуся мне правдивый рассказу д-ра Тисо — ссылается на Фрера. Подобные ссылки стали, к сожалению, обычным явлением у лиц, не имеющих на то никакого права.

У премьер-министра Тисо, безусловно, несомненно о подобных дурных привычках, должно было, при упоминании имени Фрера, естественно, возникнуть двойное суждение о значении предпринятого по отношению к нему шага. То, что на Фрера нельзя бы-

ло сослаться, отлично известно из Вашей директивы за № 165 от 5.9.

Заканчивая, хочу заметить, что благодаря действиям господина имперского министра д-ра Зейсс-Инкварта и из-за нетоварищеского и недисциплинированного поступка господина д-ра Вехтера, не установившего связи ни с посольством, ни с Верховным командованием XIV армии, как генерал Баркхаузен, так и я сам были поставлены в крайне неудобное положение перед Словацким правительством.

В то время, как министерство иностранных дел и Верховное командование XIV-ой армии по политическим мотивам вынуждены относиться хотя и благосклонно, но, в то же время, и сдержанно по отношению к определенным желаниям словаков, вдруг появляется какущееся авторитетным лицо, и, сославшись на фюрера, неожиданно обещает словакам 100-процентное и незамедлительное исполнение всех их желаний, давая, тем самым, понять, что цель войны с Польшей словацким народом уже достигнута. Находясь здесь, трудно сказать, отдавали ли себе отчет и предусматривали ли вытекающую из вышесказанного психологическую реакцию словацкого народа тогда, когда доверяли доктору Вехтеру его миссию. За то, что Словацкое правительство не сделало никаких выводов из якобы имеющей место двойственности германской политики, могущей повлечь за

Письмо от Бернарда из Германского посольства
в Братиславе в МИД Германии... Стр. 8

собой неприятный осадок и бросить тень на существовавшее до сих пор дружественное сотрудничество Германии и Словакии, следует благодарить, в первую очередь, премьер-министра д-ра Тисо, неизменно придерживающегося принципиальной лояльной позиции.

Будем надеяться и ожидать, что директива фюрера от 3-го сего месяца раз и навсегда положит конец такого рода деятельности и всем ее прискорбным последствиям.

Бернард.

Перевела: Латничева

В е р н о: *Латничева*

Телеграмма от Эрманс-дорф об отказе Венгерским правительством Словакии в осуществлении военных перевозок через её территорию. Стр. 1

РАСЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого

Секретно

ТЕЛЕГРАММА

Будапешт 11 сентября 1939

Получена 12 сентября 1939

№ 302 от 11.1X-39

Министр иностранных дел в большом возбуждении, только что передал мне вербальную ноту посольства Словакии с пометкой весьма срочно.

В словацкой ноте говорится, что словацкая армия поддерживая тесные отношения с немецкой армией должна принимать в районе восточной Словакии известные меры по обеспечению безопасности. Поэтому Словацкое правительство просит правительство Венгрии разрешить военные перевозки через венгерскую территорию. Перевозка будет происходить по железной дороге от ..... (две группы искажены) через Гернаден - Кашау в Зланск в словацких поездах, в plombированных вагонах и с словацким обслуживающим персоналом. На венгерской территории поезда останавливаться не будут.

Словацкие военные органы получают указание добросовестно выполнять все венгерские инструкции о порядке транзита.

Учитывая хорошие и дружественные отношения между Венгрией и Германией, Словацкое правительство уверено, что правительство Венгрии допустит перевозку словацких частей через венгерскую территорию.

Министр иностранных дел сообщил мне, что Словацкое посольство получило недавно вербальную ноту об отклонении этого предложения. В ноте говорилось, что венгерское правительство будет рассматривать ..... (одна группа искажена) такого рода действия как наступательные военные действия со стороны Словакии и будет соответствующим образом

Телеграмма от Эрманс-дорф об отказе Венгерским правительством Словакии в осуществлении военных перевозок через её территорию. Стр. 2

40

реагировать. Венгерские части будут отныне подведены к словацкой границе.

Просьба Словакии, последованная на следующий день после отклонения Венгрией аналогичной просьбы немцев, льет воду на мельницу французского посольства, которое утверждает, что произнесенная словацким министром пропаганды речь, частично перепечатанная также немецкой прессой, была предварительно согласована с германскими ведомствами. В этой речи говорилось о том, что Словакия скоро получит обратно области, отошедшие к Венгрии, согласно решения Венского арбитража. Чаки заметил, что ему неизвестно остается ли в силе при данных обстоятельствах согласие венгерского правительства в отношении провоза германских военных материалов по указанному выше маршруту, о чем сообщалось телеграммой № 5298.

Эрмансдорф.

Верно: *Дуфенкица*

Шифртелеграмма от Вермана в Германское посольство в Братиславе об отклонении венгерским министром иностранных дел требования Словакией разрешить военные перевозки через венгерскую территорию. Стр. 1

41

Копия.

Перевод с немецкого
Сов. секретно

Берлин, 12 сентября 1939 г. К Пол. IV 1292-сов. секретно.

Германскому посольству
в Братиславе Р.....

ШифртелеграммаСрочно!

Посланнику лично!

По сообщению посольства в Будапеште, Словацкое правительство потребовало от Венгерского правительства разрешения на транспортировку через Кошицу словацких воинских составов с запломбированными вагонами и со словацким персоналом. Венгерский министр иностранных дел отклонил требование Словакии с указанием на то, что Венгерское правительство рассматривало бы подобное намечаемое Словацким правительством мероприятие как агрессивный военный акт и реагировало бы на это соответствующим образом. Венгерские войска были бы стянуты к словацкой границе. В связи с этим граф Чаки в беседе с нашим посланником обратил внимание последнего на известную произнесенную недавно бредовую речь словацкого шефа пропаганды и заметил при этом, что за границей утверждают, будто бы эта речь им была произнесена с согласия германских инстанций.

Шифртелеграмма от Вермана в Германское посольство в Братиславе об отклонении венгерским министром иностранных дел требования Словакией разрешить военные перевозки через венгерскую территорию. Стр. 2

42

При тех условиях, когда имеет место известие германо-венгерские переговоры, о которых я, однако, просил бы ничего не сообщать Словацкому правительству - для нас очень некстати подобный шаг со стороны Словакии.

Противоречит также охране пунктов нашего договора со Словакией и то, что Словацкое правительство предпринимает подобный шаг величайшей внешнеполитической значимости без предварительного согласования с нами. Прошу выразить там наше крайнее удивление по этому поводу и договориться, чтобы в будущем подобного не повторялось. Прошу также поддерживать на месте теснейший контакт со Словацким правительством, чтобы на будущее совершенно избежать сюрпризов подобного рода.

Записка Вермана карандашом:

Немедленно

УК

Сов.секретно Пол.

Прошу устно передать в Будапешт.

Верман.

Перевела: Латышева

В е р н о: *Латышева*

Письмо государственного секретаря фон-Вейцеккера господину имперскому министру иностранных дел с просьбой о принятии решения в отношении словацких территорий, отошедших к Польше... Стр. 1

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

43
Перевод с немецкого
во Пол. IV 1300 - секретно
Берлин, 7 сентября 1939 г.
Сов. секретно.

Господину имперскому министру иностранных дел с просьбой о принятии решения.

1. В связи с прилагаемой телеграммой № 181 из Братиславы имперский министр Зейсс-Инкварт передал мне приведенное здесь письмо. Из него явствует, что сведения министра Дурчанского (телеграмма № 181) являются неточными постольку, поскольку инициатива в отношении словацкого закона о возвращении отошедших к Польше областей исходит не от имперского министра Зейсс-Инкварта, а от словаков.

Германскому посольству в Братиславе было указано действовать в том направлении, чтобы Словацкое правительство пока не издавало этого закона.

2. Было бы очень уместно получить санкции фюрера в отношении издания подобного закона. Здесь по данному поводу нет никаких колебаний. Согласно с этим и верховное командование вооруженными силами.

3. Как известно, Словацкому правительству в свое время было обещано, что в нужный момент мы в Польше окажем содействие Словакии в получении ею обратно тех областей, которые она утратила в 1938 г.

Через нашего посланника в Братиславе и через

Письмо государственного секретаря фон-Вейцеккера господину имперскому министру иностранных дел с просьбой о принятии решения в отношении словацких территорий, отошедших к Польше... Стр. 2–3

своего посланника в Берлине Словацкое правительство неоднократно и настойчиво просило нас дать подобное же обещание и в отношении областей, утраченных Словакией в 1920 году. Такого обещания мы до сих пор не дали. Утраченные в 1920 году области обозначены на прилагаемом здесь эскизе.

Подобное обещание не было дано потому, что мы к моменту заключения мира с Польшей не хотели быть перегруженными ненужными обещаниями, данными нами сейчас третьим державам. Если мы разрешим Словацкому правительству опубликовать данный закон, то было бы целесообразно дать одновременно Словацкому правительству такое обещание, которое бы еще больше усилило ее стремление идти совместно с Германией.

4. В законопроекте упомянуты наряду с областями, отошедшими от Словакии в 1920 и 1938 годах, также и области, утраченные ею в 1924 году; Словацкое правительство, со своей стороны, никогда не говорило с нами по этому поводу.

Что касается области, отошедшей к Польше в 1924 году, то здесь речь идет о части района Нижняя Липница, присоединенной к Польше благодаря обмену областями.

Возвращение отошедшей в 1920 году к Польше области означало бы и возвращение этой части района,

так как она полностью входит в данную область.

Б. Имперский министр Зейсс-Инкварт ставит далее такой вопрос: через кого должен был быть передан ответ — через него или через посланника в Братиславе? По-моему, ответ, безусловно, следовало бы передать через посланника в Братиславе. Вместе с тем, целесообразно было бы указать имперскому министру Зейсс-Инкварту на то, что ему в дальнейшем не следует заниматься никакой политической деятельностью в отношении Словакии. Здесь неизвестно, были ли Зейсс-Инкварт получены от фюрера определенные полномочия на этот счет; полагаю, что на всякий случай не мешает заручиться решением фюрера.

Резолюция на документе: "Они должны получить истинно словацкие области".

Вейцэкер.

Перевела: Латышева

В е р н о: *Латышева*

Письмо от имперского министра доктора Зейсс-Инкверта в МИД Германии господину госсекретарю барону фон-Вейцзеккеру с просьбой о получении санкций фюрера на проведение торжественного сейма... Стр. 1-2

ОПИЯ.

РАССЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого

ский министр д-р Артур Зейсс-Инкварт. Берлин, 4.9.1939 г.

В министерство иностранных дел.

Господину государственному секретарю барону фон-
Вейцзеккер.

Берлин В.Э

Вильгельмштрассе 74-76.

Государственный комиссар Вахтер сообщил мне сегодня, что премьер-министром Тисо подготавливается законопроект о присоединении освобожденных северных областей к своей отчизне - Словакии. Текст законопроекта нижеследующий:

"Словацкий сейм закончил разработку следующего конституционного закона.

§ 1.

Области, отторгнутые в 1920, 1924, 1938 годах от Словакии и отошедшие к Польше, возвращаются под суверенитет Словацкого государства.

§ 2.

Все законы, действующие в этих областях, сохраняют свою силу только постольку, поскольку они не направлены против факта принадлежности к Словацкому

государству.

§ 3.

Общины освобожденной области включатся в те уезды, в которых они находились до своего раздела. Остальное в деталях будет разработано министром внутренних дел.

§ 4

Правительство облечено полномочиями для проведения всех необходимых мероприятий по беспрепятственному включению освобожденной области в структуру Словацкого государства.

Доктор Тисо считает, что для соблюдения принципа соответствия с процессом воссоединения Дании с империей, было бы целесообразно подать общинным правлениям прошения Словацкому правительству о воссоединении их общин со Словакией. Эти прошения были бы поданы дня через два-три, к чему сегодня и были бы даны необходимые распоряжения.

Закон должен быть обсужден на торжественном заседании сейма - возможно, в пятницу 8 октября. Кроме подготовки вышеупомянутых прошений, Тисо не будет ничего предпринимать, не получив предварительно санкции Гитлера.

Попутно замечу, что я немедленно по телеграфу и по телефону дал доктору Вехтеру указание уведомить

Письмо от имперского министра доктора Зейсс-Инкверта в МИД Германии господину госсекретарю барону фон-Вейцзеккеру с просьбой о получении санкций фюрера на проведение торжественного сейма... Стр. 3

Тисо о том, чтобы он не разрешал общинам подавать прошения, пока на это не будет получено согласие фюрера.

Если против этого нет особых причин, то я стоял бы за осуществление данного мероприятия, так как оно могло бы быть очень хорошо использовано в пропагандистских целях, а именно: всему миру, тем самым, можно было бы показать, что империя начала, мол, бороться также и за права малых народов. Прошу Вас, уважаемая господин государственный секретарь, запросить о позиции, т.е. получить санкции фюрера на проведение предложенного Тисо мероприятия, причем вопрос о том, должно ли затем последовать официальное уведомление через меня или через посланника в Братиславе, остается пока также открытым.

Я был бы Вам очень обязан, если бы на всякий случай мною было получено от Вас сообщение относительно урегулирования затронутых мною в данном письме вопросов.

Остаюсь и пр. Хейль Гитлер!

Подпись: Зейсс-Инкварт.

Перевела: Латничева

В е р н о: *Латничева*

Письмо от Шмидта Госсекретарю о просьбе министра иностранных дел сделать распоряжения по тексту заметок относительно опубликования словацкого законопроекта о присоединении отошедших к Польше областей

РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого
к Пол. IV 1300 - сов. секретно
Сов. секретно.

Государственному секретарю.

Господин министр иностранных дел просит господина государственного секретаря фон-Вейцзеккера сделать нижеследующие распоряжения по тексту его заметок от 7.9 относительно опубликования словацкого законопроекта о присоединении всех отошедших к Польше областей:

- 1) Все мероприятия проводятся исключительно лишь германским посольством в Братиславе.
- 2) Германский посланник должен устно в беседах обнадеживать словаков в получении ими чисто словацких принадлежащих к Польше областей. При разговоре по телефону с имперским министром иностранных дел Чаки жаловался на то, что словацкий министр пропаганды распространил слух, будто Германия обещала Словацким области, ранее обещанные Венгрии.
- 3) Опубликование законопроекта министр иностранных дел считает преждевременным.

Ш м и д т.

10 сентября 1939 г.

Перевела: Латшова

Верно: *Латшова*

Письмо от имперского министра доктора Зейсс-Инкверта в МИД Германии господину госсекретарю барону фон-Вейцзеккеру с просьбой о получении санкций фюрера на проведение торжественного сейма... Стр. 3

Тисо о том, чтобы он не разрешал общинам подавать прошения, пока на это не будет получено согласие фюрера.

Если против этого нет особых причин, то я стоял бы за осуществление данного мероприятия, так как оно могло бы быть очень хорошо использовано в пропагандистских целях, а именно: всему миру, тем самым, можно было бы показать, что империя начала, мол, бороться также и за права малых народов. Прошу Вас, уважаемая господин государственный секретарь, запросить о позиции, т.е. получить санкции фюрера на проведение предложенного Тисо мероприятия, причем вопрос о том, должно ли затем последовать официальное уведомление через меня или через посланника в Братиславе, остается пока также открытым.

Я был бы Вам очень обязан, если бы на всякий случай мною было получено от Вас сообщение относительно урегулирования затронутых мною в данном письме вопросов.

Остаюсь и пр. Хейль Гитлер!

Подпись: Зейсс-Инкварт.

Перевела: Латничева

В е р н о: *Латничева*

Письмо от Шмидта Госсекретарю о просьбе министра иностранных дел сделать распоряжения по тексту заметок относительно опубликования словацкого законопроекта о присоединении отошедших к Польше областей

РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого
к Пол. IV 1300 - сов. секретно
Сов. секретно.

Государственному секретарю.

Господин министр иностранных дел просит господина государственного секретаря фон-Вейцзеккера сделать нижеследующие распоряжения по тексту его заметок от 7.9 относительно опубликования словацкого законопроекта о присоединении всех отошедших к Польше областей:

- 1) Все мероприятия проводятся исключительно лишь германским посольством в Братиславе.
- 2) Германский посланник должен устно в беседах обнадеживать словаков в получении ими чисто словацких принадлежащих к Польше областей. При разговоре по телефону с имперским министром иностранных дел Чаки жаловался на то, что словацкий министр пропаганды распространил слух, будто Германия обещала Словацкии области, ранее обещанные Венгрии.
- 3) Опубликование законопроекта министр иностранных дел считает преждевременным.

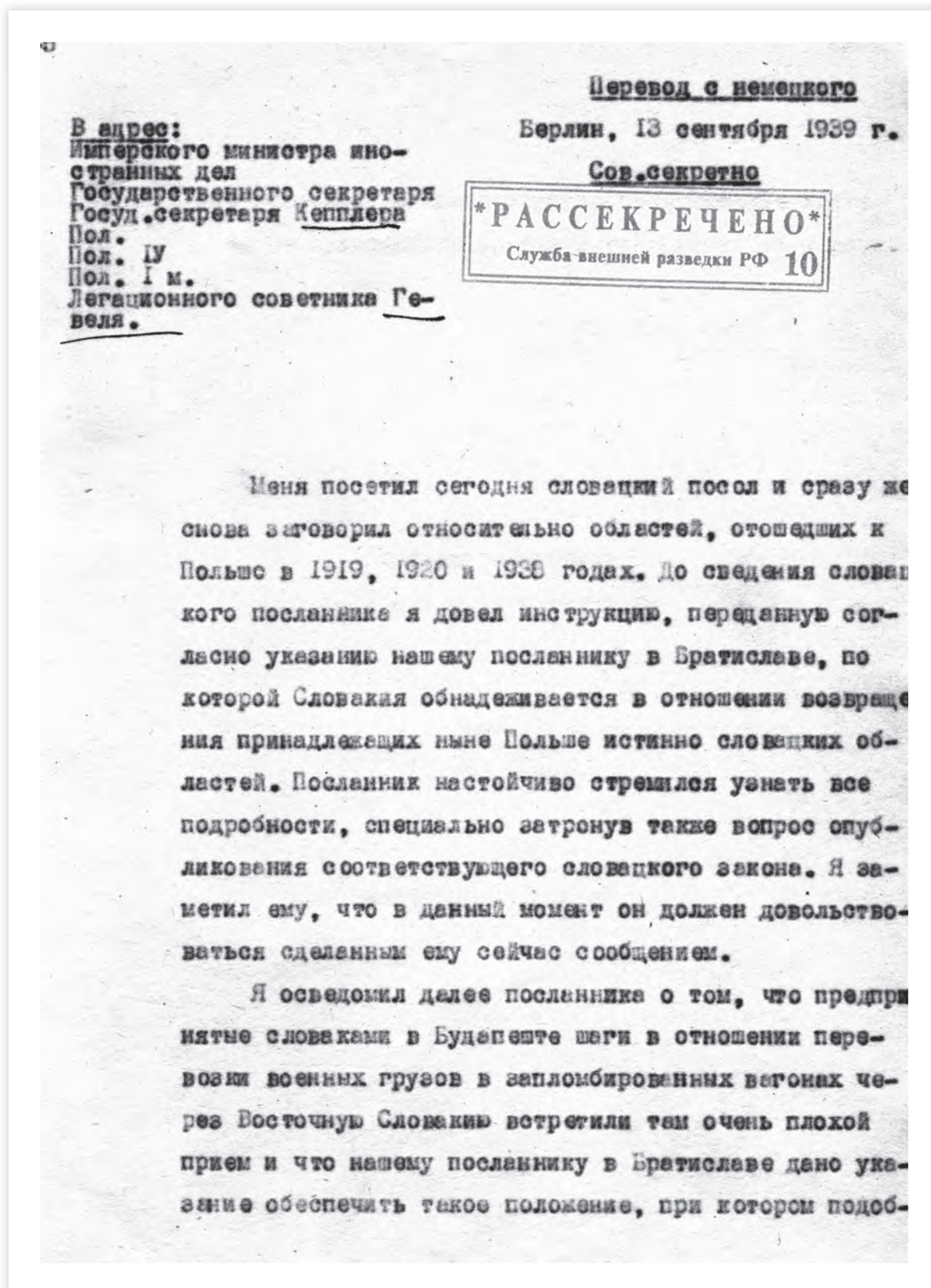
Ш м и д т.

10 сентября 1939 г.

Перевела: Латшова
Верно: *Латшова*

Письмо от Вермана имперскому министру иностранных дел
государственному секретарю, государственному секретарю Кепплеру,
легационному советнику Гевелю... Стр. 1–2

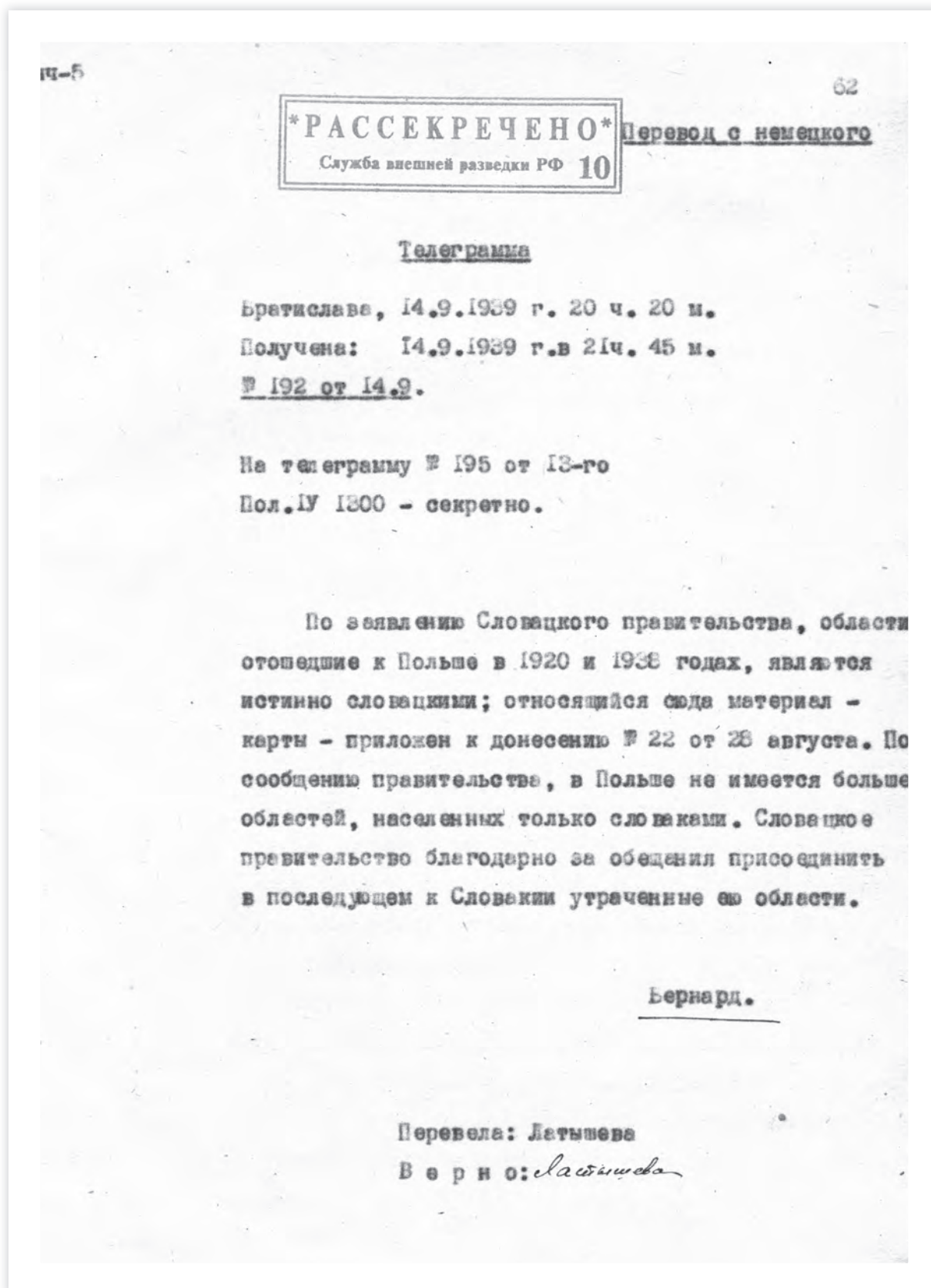
ные действия, имеющие крупное политическое значение, не проводились бы без согласованности с нами.

Подпись: Верман.

Перевела: Летникова

В е р н о: *Сабашева*

Телеграмма от Бернарда о документальном подтверждении словацким правительством права собственности на области отошедшие к Польше

Письмо от посланника Германской империи Бернарда в МИД Германии о меморандуме по решению вопроса между правительствами Словакии и Венгрии о транспортировке словацких военных грузов... Стр. 1

РАСЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого

Братислава, 14 сентября 1939г.

Секретно!

Германское посольство.

Материалы: германо-польский кризис № 665.
К донесению от 13 сентября 1939 г.

Содержание: Транспорт словацких военных грузов через Венгрию.

4 копии.
2 приложения.

Министерству иностранных дел

Берлин.

В приложении имею честь представить для Вашего сведения копию меморандума, пересланного мне министром иностранных дел Дурчанским вместе с приложениями к нему. В данном меморандуме еще раз подробно изложен процесс подхода Словацкого правительства к правительству Венгрии с просьбой о разрешении на транспортировку словацких военных грузов по транзитной линии Прешов-Кошице-Нагимихали (Михаловце).

Телефонное указание министра иностранных дел Дурчанского, переданное сегодня пополудни словацкому посланнику в Будапеште, доказывает еще раз, что

Письмо от посланника Германской империи Бернарда в МИД Германии о меморандуме по решению вопроса между правительствами Словакии и Венгрии о транспортировке словацких военных грузов... Стр. 2–3

при запросе словацкого посольства речь шла действительно о выяснении положения с транзитным сообщением и что данному запросу не придавалось никакого крупного политического значения. По инициативе с германской стороны, словацкому посланнику было поручено соответственно проинформировать германского посланника и довести до его сведения ноту, касающуюся данного вопроса. Во всяком случае, словацкое посольство в Будапеште действовало совсем по-детски, когда оно, в ответ на определенную, вполне ясную и резкую ноту венгерского министра иностранных дел от 11 сентября за № 836/Пол. 1939 г., передало еще раз такую же просьбу с теми же формулировками.

Министр иностранных дел Дурчанский сообщил по этому поводу, что повторная передача ноты словацким посольством была проведена как в отсутствие словацкого посланника, который в этот день находился в Братиславе, так и без указания на то со стороны словацкого министерства иностранных дел, что объясняется дипломатической неопытностью младшего персонала словацкого посольства. Премьер-министр Тисо высказал предположение, что Венгерское правительство так энергично реагировало на безобидный запрос Словакии, вероятно, с той целью, чтобы сразу же заявить о своей позиции также и к возможным в будущем желаниям Герма-

нии.

Бурная реакция Венгерского правительства на такой, во всяком случае, неловкий в дипломатическом отношении поступок Словацкого правительства могла быть причиной того нервозного состояния, которое господствует в Венгрии.

Бернард.

Перевела: Латшова

Верно: *Латшова*

Меморандум о решении вопроса между правительствами Словакии и Венгрии о транспортировке словацких военных грузов через Венгрию. Стр. 1-2

РАССЕКРЕЧЕНО
№ 12.101/1939. Служба внешней разведки РФ 10 Перевод с немецкого

М е м о р а н д у м .

Ссылаясь на демарш германского посланника господина Ганса Бернарда у премьерминистра д-ра Тисо 13.IX.1939 г. по вопросу транспортировки военных грузов через Кошицкую транзитную ветку, при котором присутствовали: со стороны Германии: генерал-лейтенант Баркхаузен, советник посольства Гофман и военный аташе майор Беккер, а со стороны Словакии: министр иностранных дел д-р Дурчанский, подполковник Малар и подполковник Туранец, - министерство иностранных дел в целях выяснения создавшегося положения считает своим долгом сообщить следующее:

7.IX.1939 года министр национальной обороны Ф. Чатлош обратился с просьбой к министру иностранных дел поставить вопрос перед венгерским правительством о транзитном прогоне словацких военных транспортов через Кошицу, так как по соглашению с германским военным командованием, соединения словацких войск должны быть переброшены в район восточнее Прешова с целью прикрытия флангов германской армии. Это может быть осуществлено только путем транзита через Венгрию или же путем перевозок на автомашинах, что пред-

ставляло бы определенные трудности из-за нехватки горючего.

Министерство иностранных дел направило словацкому посольству в Будапеште соответствующую ноту для передачи королевскому министерству иностранных дел Венгрии. Из содержания ноты ясно видно, что она выражала только просьбу и не давала ни малейшего намека на враждебную позицию, прямо и косвенно направленную против Венгрии. Копию ноты направляем в приложении а).

Словацкое посольство получило от правительства Венгрии ответ, пересланный сегодня в министерство иностранных дел через словацкого посланника в Будапеште.

Ответная нота, по своему содержанию, враждебна по отношению к Словакии. Копию ноты направляем для информации в приложении б).

Словацкое посольство в Будапеште передало королевскому министерству иностранных дел Венгрии аналогичную ноту, чтобы получить хотя бы согласие на транспортировку военных материалов.

Если по форме и по тону данной ноты не желательно еще было убедиться в добрых намерениях Словацкого правительства, то уж по тому, что Словацкое правительство в повторной ноте к Венгерскому правитель-

Меморандум о решении вопроса между правительствами Словакии и Венгрии о транспортировке словацких военных грузов через Венгрию. Стр. 3–4

ству запрещало согласия последнего только на транспортировку военных грузов, а не войск, — нельзя было усматривать в данной ноте враждебного намерения Словацкого правительства по отношению к Венгрии. Нота направлена в приложении с).

13/IX-1939 г. в 12 часов 45 минут словацкое посольство в Будапеште получило инструкцию, точный текст которой приведен в приложении д).

Министерство иностранных дел считает необходимым отметить тот факт, что в действительных и на сегодняшний день договорах о транзитном сообщении, заключенных еще 1-го, 15-го, 16-го, 19-го и 20.ХІ-1938 г. между бывшей Чехословацкой республикой и королевством Венгрии, не говорится о категоричном запрете на транспортировку войск или же военных грузов.

В выяснении данного дела, безусловно, будет способствовать то обстоятельство, что венгерское радио уже 11.ІХ-1939 года в 12 часов 40 минут передавало определенно устаревшую статью из газеты "Мессагеро" о проводимых глинковской гвардией зверствах, о том, что толпы людей бегут в Венгрию, что в Словакии пользуются отсутствием германских военных, что Словакия еще способствует сохранению хороших отношений с империей, которые имеют значение для поддержания хороших взаимоотношений с Венгрией; 11-го же ІХ.1939 г.

в 21 час 40 минут по венгерскому радио было передано сообщение, повторенное и в последующем, которое и прилагаем в пункте ф).

12.IX.1939 года к подполковнику Туранец явился венгерский военный атташе в Братиславе. Об этой беседе министерству иностранных дел была направлена докладная, прилагаемая в пункте г).

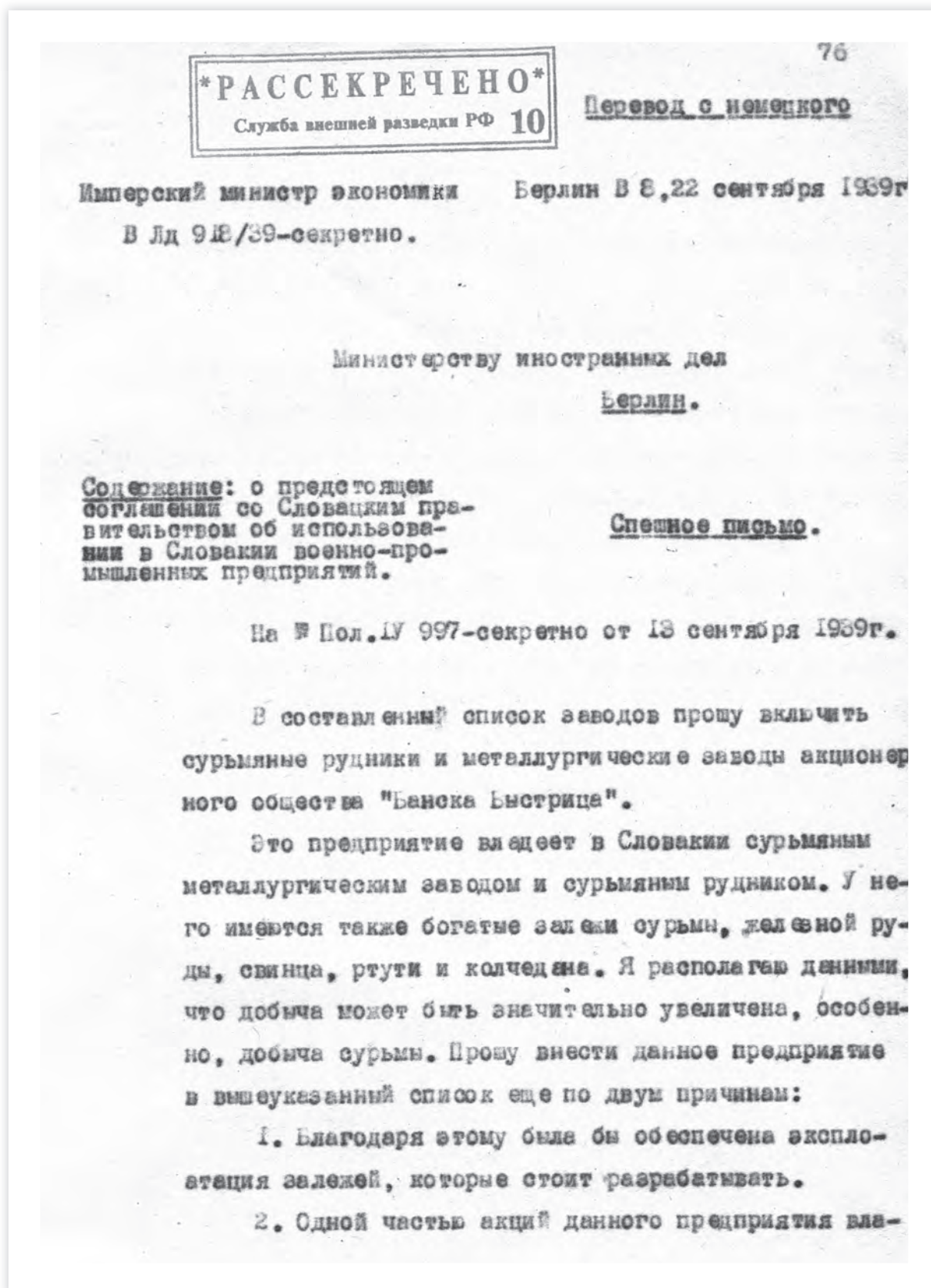
Из вышесказанного явствует, что Словацкое правительство не предпринимало ничего такого, что угрожало бы дружественным отношениям, существующим между Словакией и Венгрией, и что для венгерского правительства это явилось только лишь поводом к тому, чтобы сконцентрировать на словацко-венгерской границе крупные воинские соединения.

Перевела: Латшова

В е р н о: *Латшова*

Письмо из Берлина от Имперского министра экономики, подписанное Зюскиндом-Швенди, в МИД Германии, о предстоящем соглашении со Словацким правительством... Стр. 1-2

деет венгерская компания, а другой - швейцарская фирма Голдинг. Владельцами обеих компаний являются словацкие и венгерские евреи, которые находятся за границей. Как будто, они намереваются продать это предприятие, для чего и устанавливают связь с заинтересованными венгерскими промышленниками. Включив это предприятие в список, мы заранее воспрепятствуем продаже и, вместе с тем, расстроим планы Венгрии по распространению своих интересов в Словакии.

Лично я был бы особенно доволен, если бы проект соглашения был обсужден как можно скорее; это воспрепятствовало бы переходу данного предприятия во владение Венгрии.

По поручению:

Подпись: Звскинд-Швенди.

Перевела: Латышева

В е р н о: *Латышева*

Заметка Кепплера о поддержке предложения о включении в список военно-промышленных предприятий, предусмотренных соглашением сурмянских рудников и металлургических заводов. АО «Банска Быстрица»

РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого

К Пол. IУ 997 - секретно.

Берлин, 28 сентября 1939 г.

З а м е т к а

Нижеследующим хочу особо поддержать предложение господина имперского министра экономики о включении в список военно-промышленных предприятий сурмянских рудников и металлургических заводов акционерного общества "Банска Быстрица". Это мероприятие особенно должно относиться также и к рудникам в Списка Баня под Шведларом. Там имеется запасы руды, состава которой до сего времени нельзя определить, так как руда не добывалась. Геологическая разведка показала, что руда является комплексной и содержит, главным образом, вольфрам и молибден, имеющие для нас чрезвычайно важное военное значение.

Резолюция на документе: "Господин Тафель, составьте специальный приказ Хейнбургу".

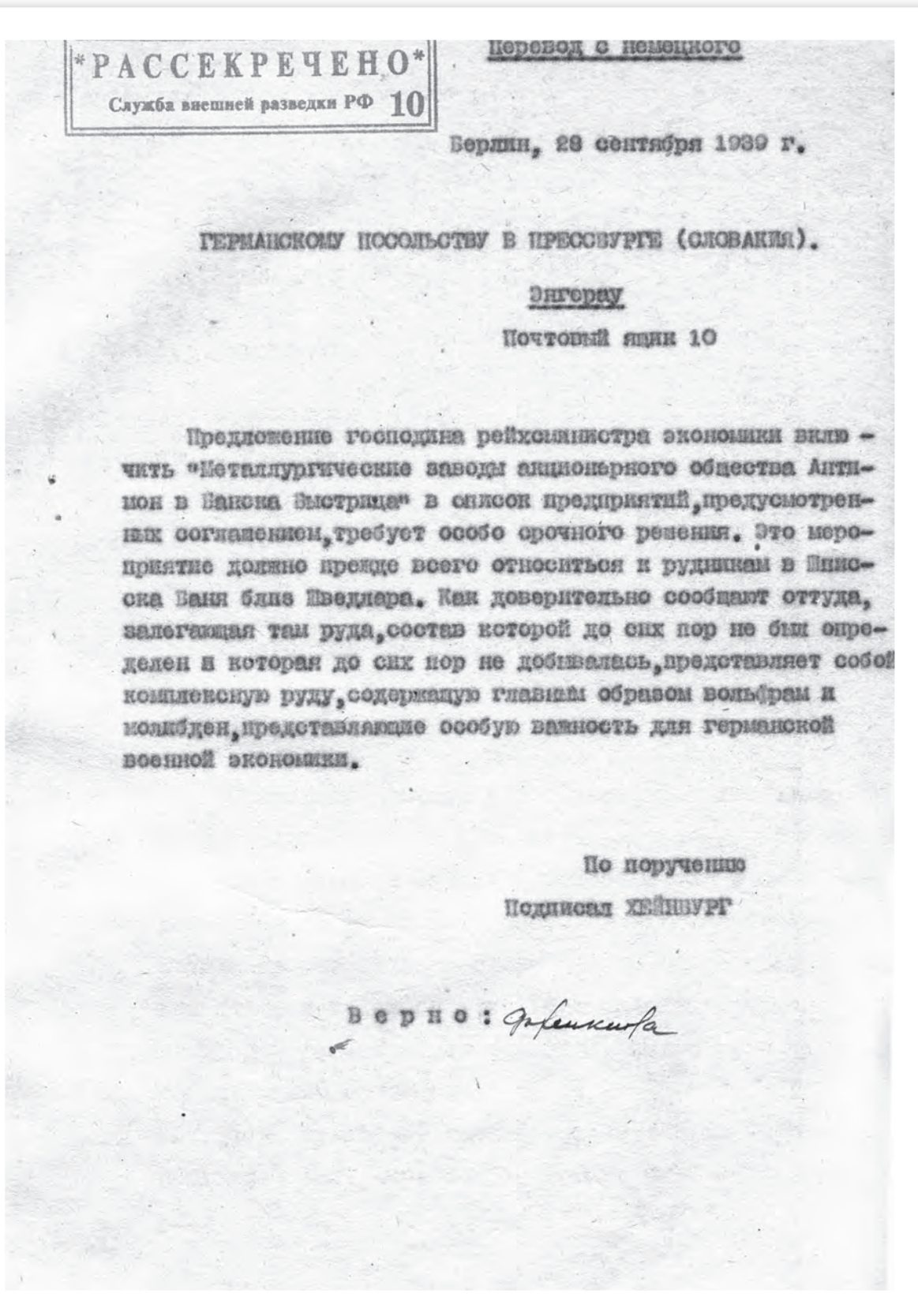
Кепплер.

Перевела: Латышева

В е р н о: *Латышева*

Письмо в германское посольство в Словакии о предложении господина рейхсминистра экономики включить металлургические заводы АО Антимон в «Банска Быстрица» в список предприятий предусмотренных соглашением

Письмо из германского посольства в Братиславе от посланника Германской империи Бернарда в МИД Германии господину тайному советнику Гейнбургу на директиву от 22.09.1939 г... Стр. 1-2

РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого
Братислава, 4 октября 1939
Сов.секретно!

Германское посольство
№ 58-сов.секретно

На директиву от 22 сентября т/г. - Пол. IV 997-сов.секретно III при Пол. IV 1404-сов.секретно.

Содержание: Заключение военно-экономического соглашения со Словакией.

2 копии.

Министерство иностранных дел.
Господину тайному советнику Гейнбургу.
Берлин.

Присланный вместе с вышеуказанной директивой проект соглашения об использовании военно-промышленных предприятий в Словакии подробно обсужден с генерал-лейтенантом Баркхаузеном. Генерал-лейтенант Баркхаузен не совсем согласен с тем, чтобы проект в таком виде, в каком он есть, был положен в основу переговоров со Словацким правительством, и, в частности по следующим причинам:

1) В пункте 3) данного проекта слишком неясно положение доверенного. Оно должно быть определено более точно.

2) В пункте 4) с самого начала должен быть установлен временный характер деятельности граждан протектората в Словакии, иначе при переговорах сразу же начнутся разногласия.

3) Пункт 6) сам по себе относится не к соглашению о военной экономике, а к особому договору, согласно которому на всю территорию Словакии распространялось бы действие статьи шестой договора об охране зоны оккупации. Еще при заключении договора об охране оккупационной зоны, был, при устных переговорах уже предусмотрен такой особый договор. Министерство иностранных дел (референт советник посольства Альбрехт) было с этим согласно. По плану был предусмотрен контакт между имперским министерством юстиции и министерством юстиции Словакии, однако, таковой не был осуществлен. Своим донесением за В.705 от 25.9 посольство снова поставило на обсуждение весь комплекс вопросов, относящихся к такому контакту, так как, кажется, близок тот момент, при котором не будет больше предпосылок для дальнейшей работы германских военных судебных инстанций в Словакии.

4) По пункту 7) должно быть принято постановление, что сила действующих словацких законов об экспорте из Словакии не распространяется на эти поставки.

Письмо из германского посольства в Братиславе от посланника Германской империи Бернарда в МИД Германии господину тайному советнику Гейнбургу на директиву от 22.09.1939 г... Стр. 3

Б) Для урегулирования пункта В) сюда должны быть введены также лицензии.

б) По пункту II) должен быть разработан порядок общего обложения налогами. Об этом порядке должны быть поставлены в известность, по крайней мере, посольство и военная миссия.

Поэтому перед тем, как передать проект соглашения Словацкому правительству, генерал-лейтенант Баркхаузен хочет еще раз обсудить вышеуказанные вопросы с компетентными инстанциями, с Верховным командованием вооруженными силами и с министерством иностранных дел, а затем уже измененный проект и положить в основу переговоров со Словацким правительством. Генерал-лейтенант Баркхаузен просит по телеграфу или по телефону сообщить, когда именно в начале следующей недели соберутся в Берлине участники переговоров, в которых должен принимать участие также и советник посольства Гофман.

Был бы благодарен за незамедлительное указание и информацию.

Бернард.

Перевела: Латшева

В е р н о: *Латшева*

Проект договора между германской империей и Словацким государством в отношении использования военно-промышленных предприятий Словакии в интересах германской армии. Стр. 1

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

Перевод с немецкого
к Пол. IY 1534 - секретно
Совершенно секретно.

Проект.

В отношении использования военно-промышленных предприятий в Словакии на нужды германской армии Правительства Германии и Словакии договорились сегодня о нижеследующем:

1) В соответствии с пунктами данного договора и на основании особых договоров, заключенных с отдельными фирмами, Германское правительство возлагает перечисленным в списке военно-промышленным предприятиям Словакии выполнение оборонных заказов.

2) Словацкое правительство будет заботиться о том, чтобы предприятия как можно скорее выполняли данные им заказы, предоставляли в распоряжение Германии требуемую производственную мощность и, в случае необходимости, повысили бы количество выпускаемой продукции.

3) Объем германских оборонных заказов будет таков, что наряду с выполнением германских заказов, словацкая промышленность будет принимать и в дальнейшем необходимое участие в использовании вышеуказанных предприятий.

Проект договора между германской империей и Словацким государством в отношении использования военно-промышленных предприятий Словакии в интересах германской армии. Стр. 2–3

Поскольку участие словацкой промышленности в использовании вышеуказанных предприятий необходимо как для обеспечения гражданского населения, так и на изготовление предметов на экспорт, то об"ем этого участия будет установлен в процессе сотрудничества словацкого министерства экономики (высшего экономического управления) и германской военной миссии (Военно-экономический инспектор - офицер).

4) Правительство Германии при подготовке и выполнении этими предприятиями сданных им заказов будет контролировать предприятия через прикомандированного к военной миссии военно-экономического инспектора - офицера и через подчиняющегося военной миссии доверенного. Как военно-экономический инспектор-офицер, так и прикомандированные к предприятиям отдельные доверенные имеют право в любое время, когда им угодно, бывать на заводах. Помимо всего, несмотря на то, что вся ответственность несут руководители предприятий, доверенные имеют право проверять процесс выполнения заказов и, если необходимо, то и требовать его изменения. По вопросам, как-то: при возникающих потребностях в рабочей силе, средствах транспорта, готовом материале, станках, вспомогательном материале, - они поддерживают связь с соответствующими германскими или словацкими властями.

б) Словацкое правительство обеспечит то положение, при котором заводы по первому требованию получали бы рабочую силу, необходимую им для подготовки и выполнения поставленных перед ними задач. Если Германскому правительству для выполнения заказов необходима рабочая сила, то оно имеет право использовать на этих предприятиях в качестве рабочих, служащих и т.д. подданных германской империи, а также подданных протектората Богемия и Моравия. Эта рабочая сила не подчиняется действующему в Словакии положению об использовании иностранных рабочих.

б) Словацкое правительство обязуется в целях бесперебойной работы предприятий освободить от воинской повинности тех рабочих и служащих, чье присутствие признано необходимым.

7) Словацкое правительство распорядится о том, чтобы, по существующим в германской империи правилам на словацких предприятиях и в окружающей их местности были проведены необходимые мероприятия против шпионажа, по сохранению тайн и по территориальной и противовоздушной обороне этих предприятий.

8) Словацкое правительство ответственно также и за то, чтобы действия и упущения, совершенные внутри или вне данных предприятий, направленные, однако, против этих предприятий, а также вредящие интересам Гер-

Проект договора между германской империей и Словацким государством в отношении использования военно-промышленных предприятий Словакии в интересах германской армии. Стр. 4–5

мании (напр., измене, саботаж, нарушение порядка труда и т.д.), карались бы самым строжайшим образом, будто эти преступления подрывают интересы самого Словацкого государства.

Для выполнения этих обещаний Словацкое правительство заключит впоследствии с правительством германской империи особое соглашение. Словацкое правительство будет способствовать тому, чтобы Германия получила возможность отстаивать германские интересы в тех случаях, когда разбираемые словацкими судебными инстанциями уголовные дела касаются общих интересов германской империи и Словацкого государства.

9) Словацкое правительство не взимает никаких пошлин с поставок на эти предприятия, подпадающих под пункты данного соглашения и поступающих как из Германии, так и из протектората Богемия и Моравия. Эти поставки не подпадают ни под ограничения при ввозе, ни под девизные или контингентные постановления. Таким образом, свободен от какого бы то ни было ограничения вывоз изготовленного для Германии вооружения любого вида, включая и полуфабрикаты для такого вооружения.

10) Империи и уполномоченным ею инстанциям разрешается пользоваться патентом на те изобретения, которые предоставляют изобретательские права или производные отсюда права (лицензии) предприятиям, руко-

водителям предприятий или же рабочим и служащим на основании их работы на предприятиях.

11) По вопросам распределения заказов, изготовления, приемы и образования цен будут заключены особые соглашения между уполномоченными германской империей инстанциями и отдельными предприятиями. Если же такое соглашение не будет достигнуто, Словацкое правительство проведет в жизнь такие же положения о военных поставках, какие существуют в Германской империи.

12) При спорах, возникающих между предприятиями и заказчиками, решающий голос остается за предприятием, выполняющим заказ. Подлежат исключению суды, в районе которых находится предприятие. Место выполнения заказов всегда определяется заказчиком.

13) Если будет необходимо, Словацкое правительство позаботится о том, чтобы остальные, не указанные в приложении к данному соглашению, но находящиеся на территории Словакии предприятия были привлечены к поставкам Германии при тех же условиях, которые предусмотрены для включенных в список предприятий.

14) Для проведения в жизнь данного соглашения правительства Германии и Словакии отдадут требуемые законодательные и административные указания.

Проект договора между германской империей и Словацким государством в отношении использования военно-промышленных предприятий Словакии в интересах германской армии. Стр. 6

15) Договор вступает в силу с момента его подписания.

Братислава ..... 1939 г.

от имени германской империи:

Подпись:.....

от имени Словацкого государства:

Подпись:.....

Перевела: Латышева

В е р н о: *Латышева*

Сообщение 7 отдела №104
о мирных переговорах

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

В досье:
Гитлер и
Муссолини.

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

ИНО ГУТБ НКВД получен потелеграфу текст документа,
исходящего из государственного департамента США:
Брикенридж Лонг (Рим) Хеллу (Вашингтон)
№ 1841 24 января 1936 г.

Мирные переговоры продолжаютя. Прогресс медлителен,
так как Муссолини все еще пред'являет невозможные требования.
Отношения с Гитлером более чем дружественные.

Впервые в течение месяца Муссолини и Гитлер обменялись
письмами через спецкурьера. Германский экспорт возрастает с
одновременным крупным экспортом итальянских продуктов в Герма-
нию.

По официальным непроверенным данным узнал, что так на-
зываемая мирная программа Муссолини, опубликованная во фран-
цузской прессе, есть подложная.

Муссолини требует протекторат или мандат Лиги наций
над Абиссинией, а южную часть страны в виде колонии.

Имею сведения, что Лондон и Париж согласились бы усту-
пить Южную Абиссинию, но ни при каких обстоятельствах не
согласились бы на итальянский протекторат или мандат.

Сувич заявил, что Лондон принял бы программу Муссолини,
но опасается московской пропаганды в британских колониях.
Сувич передал условный запрос о возможности мирного арбитража,
участием президента Рузвельта.

(Сообщение 7 Отдела № 104 от 5. I - 36 г.).

Сообщение 7 отдела. Об отношении канцлера к замечаниям президента Рузвельта относительно диктаторов. Стр. 1–2

РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

КОПИЯ 74
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

В досье:
Рузвельт и
Гитлер.

Мелроуилл Фитс

8 января 1936 г.

Я узнал частным образом, что канцлер был удивлен и потрясен выразительностью замечаний президента Рузвельта относительно диктаторов, их задач и методов. Он сильно возражал против этого, заявив, что диктатура существует лишь в России, которая не является демократической страной в том смысле, что в случае надобности она не сможет опереться на поддержку преобладающего большинства народа.

Однако, эта часть речи президента Рузвельта в глазах канцлера теряет свое значение, если сравнить ее с возобновленной декларацией о нейтралитете. Обещание со стороны Америки в будущем сохранять свою изолированность и соблюдать полный нейтралитет в отношении европейских дел, чрезвычайно приветствуется. Канцлер заявил, что за последние годы не произошло никаких событий, которые могли бы приветствоваться в такой степени, как это заявление. Он указал, что позиция президента в других вопросах, в частности о санкциях и эмбарго на нефть, совпадают с его взглядами и со всем тем, что можно было ожидать, согласно имеющимся у него из Америки сведениям (см. мою телеграмму от 7-го ноября).

Он указал, что проявленный Великобританией энтузиазм в отношении Лиги наций, не распространился на США. В общем и целом, заявление президента Рузвельта, по мнению канцлера, должно было вызвать разочарование как Франции, так и Великобритании: разочарование Франции из-за

2.-

защиты принципа американского нейтралитета, а Великобритании - из-за отсутствия каких бы то ни было дружеских замечаний относительно руководящей роли Англии в Лиге наций.

Канцлер сделал какие то таинственные замечания относительно предстоящей перемены в итало-австрийских отношениях, указав, что Германия будет продолжать свою политику невмешательства в дела Австрии. Он считает, что дуче совершил ошибку, произнося свою речь в Понтинна, но вместе с тем выразил свое восхищение хладнокровию и решительности этого человека.

Мне передавали, что даже в том случае, если Франция ратифицирует соглашение с Россией, г-н Гитлер не поднимет вопроса о демилитаризованной зоне до тех пор, пока у власти будет стоять г-н Лаваль. Это подтверждает точку зрения французского посла, о которой я сообщал Вам в телеграмме от 30-го декабря.

(Сообщение 7 Отдела № 86 от 5.П-36г.).

Из сборника документов 7 отдела №47 Вильям Додд — Корделл Хэлл о болезни Гитлера (рак). Стр. 1–2

КОПИЯ.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

В досье:
Муссолини и
Гитлер.

РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

Вильям Додд (американский посол в Берлине)–
Корделл Хэлл (Вашингтон).

№ 4240.

Февраль 1936 года.

Правительственные круги взволнованы крупным большинством голосов за франко–советский пакт. Ожидали меньшего. Обсуждая новые франко–германские мирные переговоры, правительство имело в виду задержать пакт в сенате.

Нейрат передал нашему Уайту, что пакты являются только средством достижения цели. Переговоры Англии через своего посла Фиппса продолжают. Большое впечатление произвел на Лондон отказ Гитлера от заключения антианглийского пакта с Муссолини. Короля убедили в целесообразности взаимопонимания с Германией.

Все больше подчеркивается колониальный вопрос и милитаризация рейнской области. В целях разрешения этих вопросов, Германия согласится, возможно, на многосторонний европейский пакт, включая даже и СССР.

Обсуждается соглашение с Австрией о таможенном союзе, причем политический суверенитет остается неприкосновенным.

2.-

Хассель (немецкий посол в Риме) заявил, что Муссолини, готов обсудить мирные предложения с условием, что Абиссиния должна будет пойти на крупные территориальные уступки.

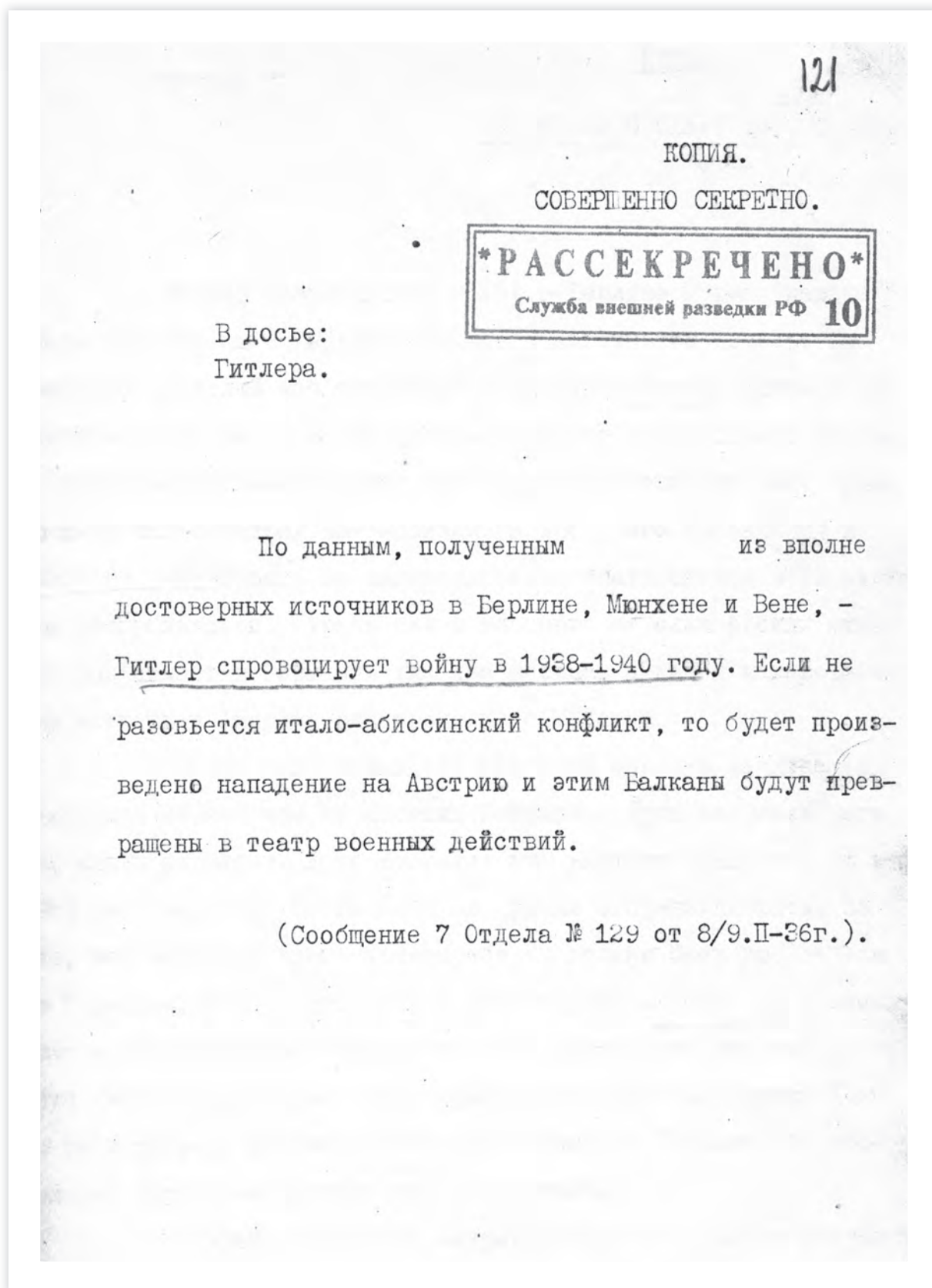
Достоверный источник сообщает, что эксперты отказались делать операцию Гитлеру после того, как узнали об наличии у него рака. В ближайшее время должна быть назначена комиссия в составе Геринга, Шахта, Гесса и одного генерала Рейхсвера, для принятия власти от канцлера. Гитлер одобрил назначение Бломберга, но по совету начальника штаба Рейхсвера, согласился на кандидатуру более популярного в армии лица.

Как передают, у канцлера весьма подавленное настроение. Врачи считают, что он может протянуть, возможно, даже меньше года.

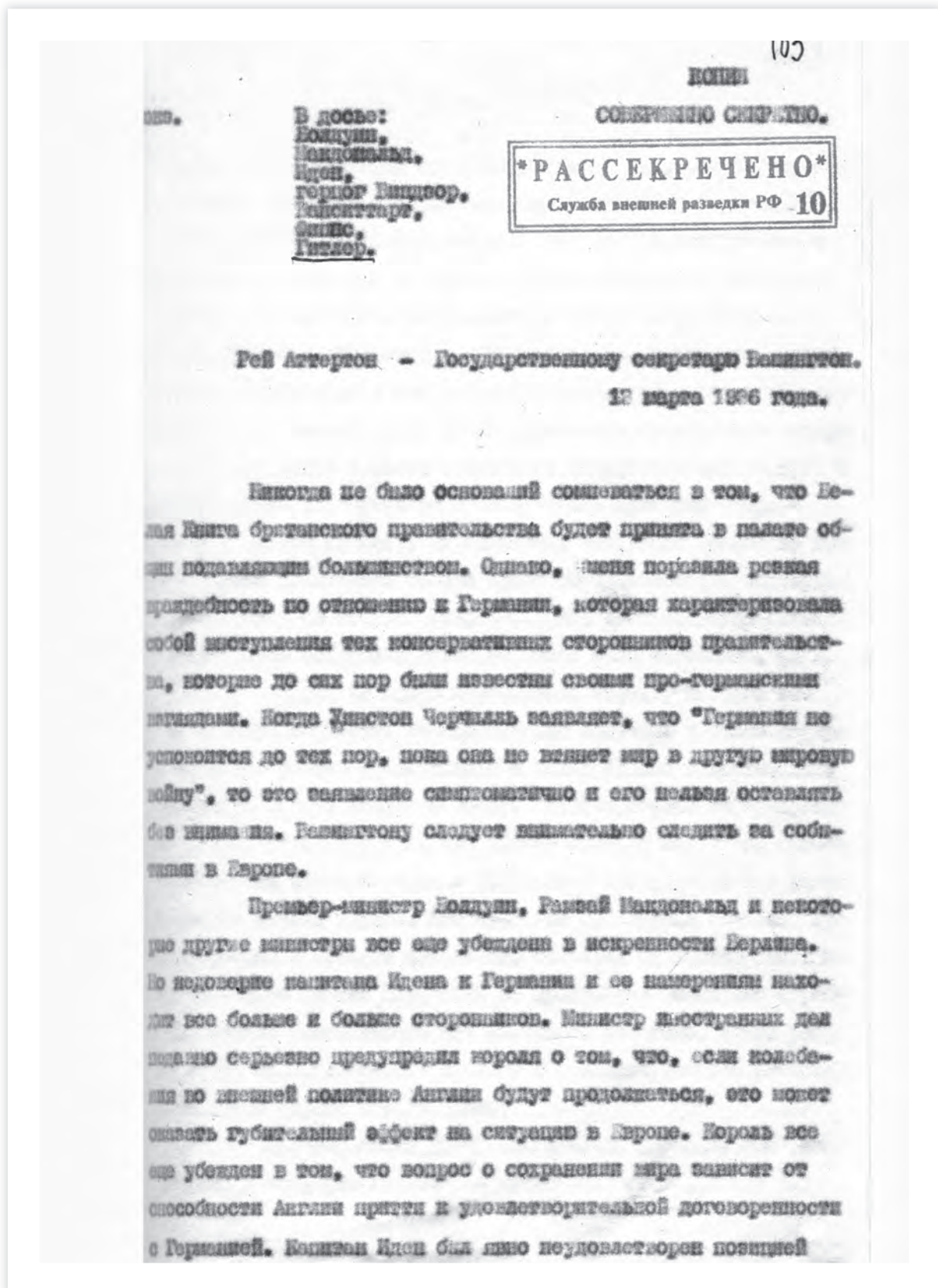
(Из сборника документов 7 Отдела № 47, 1937г.).

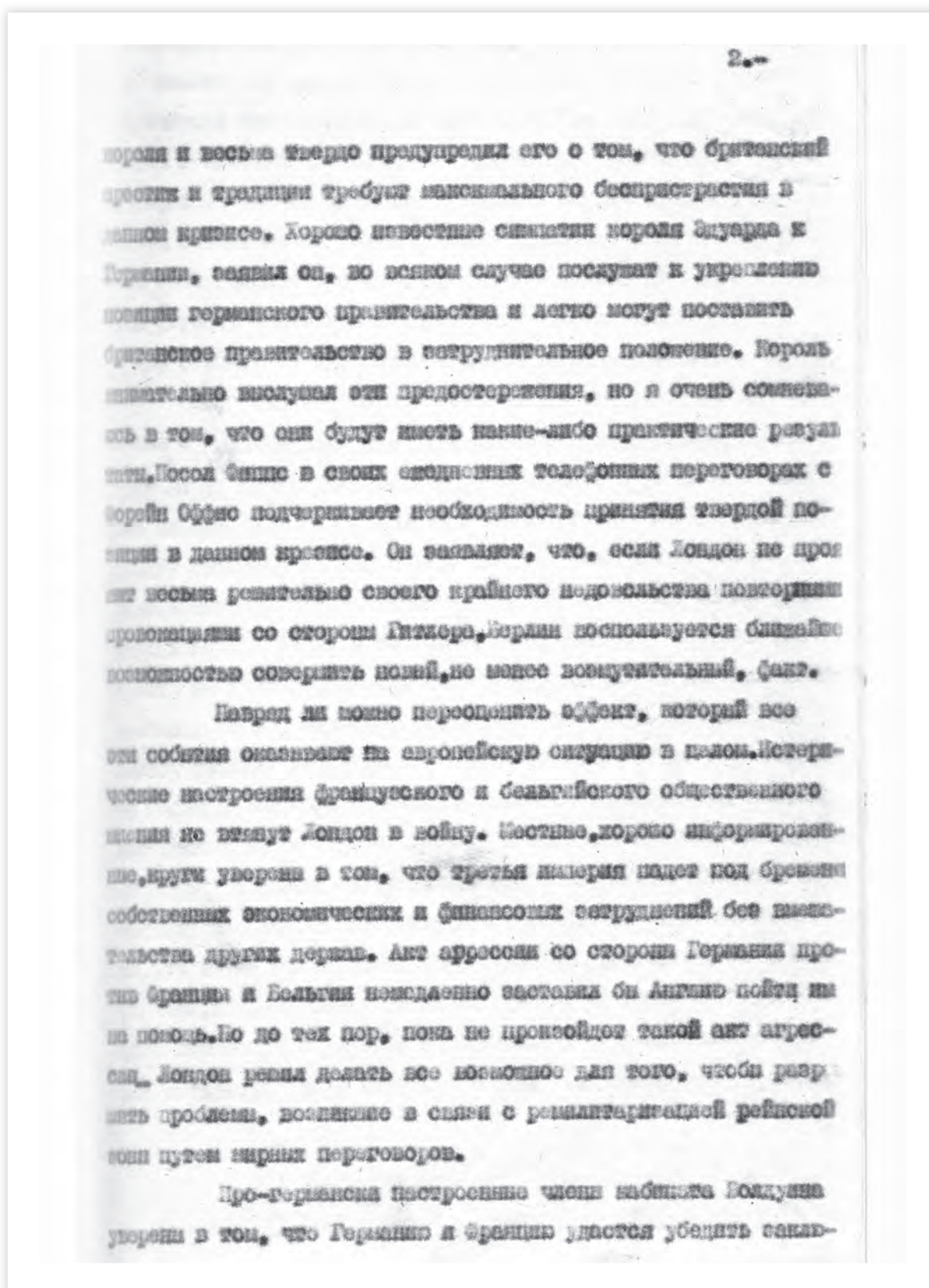
Сообщение 7 отдела. Данные Филлипса о планах Гитлера спровоцировать войну в 1938–1940 гг.

Рей Аттертон — Государственному Секретарю в Вашингтоне.
 О возможности развязывания Германией Второй Мировой войны. Стр. 1

Рей Аттертон — Государственному Секретарю в Вашингтоне.
О возможности развязывания Германией Второй Мировой войны. Стр. 2–3

чить специальный пакт о ненападении, который избавит обе страны от постоянных опасений нападения другой стороны. Капитан Иден считает это утопией. Он призывает, что Германия можно заставить заключить соглашение с Францией, в особенности в том случае, если Великобритания, Бельгия и Италия примут участие в таком пакте. Но ее участие можно будет обеспечить только ценой значительных уступок, причем оно ничего не будет стоить в том случае, если Берлин через год, два или пять придет к решению о том, что этот пакт его больше не устраивает.

Все эти переговоры осложняются вопросом об СССР. Соглашение о ненападении, не включающее Советский Союз, представляет собой плохую гарантию мира в Европе. Я убежден в том, что капитан Антони Иден ни при каких обстоятельствах не даст своего согласия на заключение такого соглашения. Гитлер в равной степени твердо стоит на той позиции, что он не будет участвовать в каком-либо соглашении, которое заставит его притти на помощь СССР или самому обратиться за помощью к Советскому Союзу. Мне было сообщено, что г. фон-Нейрат дал весьма уклончивый ответ на соответствующий вопрос британского посла в Берлине, сделанный согласно инструкции, полученной последним от Форейн Оффис. По возвращении капитана Идена из Берлина я прошу его дать мне более подробные сведения по данному вопросу. Обстоятельством большого значения является то, что члены британского правительства, при желании к любой партии, все, как один, стоят за уравнивание в данном случае Советского Союза с другими державами. Либерал-националисты и кон серваторы могут заявлять о том, что болевшими представ-

Рей Аттертон — Государственному Секретарю в Вашингтоне.

О возможности развязывания Германией Второй Мировой войны. Стр. 4–5

лет собой большую опасность, чем германский или итальянский фашизм, но когда наступал решающий момент, они также сознавали, что непосредственные интересы сохранения мира в Европе угрожает значительно меньшая опасность со стороны ненавистного им СССР. Так например, Болдуин никогда не отрицался от своего убеждения в том, что в основе всех беспорядков в Индии лежит советская пропаганда. Тем не менее, на последнем заседании кабинета он заявил, что Москва, которую можно критиковать с других сторон, проявляет искренние стремления к сохранению мира и в течение долгого времени в будущем будет оставаться важным фактором, способствующим стабилизации положения на европейском континенте. Ванситгарт, присутствовавший на этом заседании и любезно предоставивший мне эти сведения, сообщил мне, что с мнением и-ра Болдуина согласился весь кабинет в целом. Это явление кажется почти феноменальным тем, которое не забывай непримиримую позицию консерваторов во всех вопросах, касающихся СССР.

Эта решающая перемена позиции в значительной степени объясняется умиротворением германского нацизма. Британские государственные деятели полагали, что Адольф Гитлер в благодарность за их собственную мироточескую позицию в прошлом проявит, по меньшей мере, готовность согласиться на арбитраж. Они надеялись на то, что он согласится, в виде уступки французскому общественному мнению, отступить, по меньшей мере, частью войск, расквартированных в настоящее время в рейнской области. К их удивлению, прося Гем дал настолько резкий недружелюбный ответ на это предложение, что англичане в значительной степени стали склоняться к тому, чтобы поддержать требование французов о принятии санкций против германского правительства. Однако

государственные британские деятели не руководствуются в свои действия настроением момента и после соответствующего обсуждения этого вопроса было решено властью этого предложить Гейли послать представителей на конференции лондонских держав. Предполагают, что эти переговоры послужат базисом к заключению соглашения. Единодушное осуждение лондонскими державами действий Германии, осуществившей реваншизм и репрессии в отношении Италии, очевидно, доказательством того, что итало-германский союз, о котором на последнее время ходило много слухов, на деле не существует. Однако, я не стал бы придавать слишком большого значения этому обстоятельству.

Фактически многие британские наблюдатели полагают, что Берлин и Рим близки к тому, чтобы между собой заключить соглашение. Экономическое положение Италии сильно подорвано. Передача наиболее крупных частных банков Италии государству, согласно правительственному приказу, является достаточным доказательством того, что правительство истощило все свои ресурсы. Следующим шагом в этом отношении является национализация основных отраслей промышленности. Санкции, принятые Лигой наций, несмотря на медлительность, проявленную при их применении, подорвали важные стороны экономической жизни страны. Последняя надежда Италии заключается в Германии, которую она надеется привлечь на свою сторону для проведения кампании против системы пактов о безопасности, которой Лига наций в настоящее время стремится защитить европейские страны против агрессии.

Рей Аттертон — Государственному Секретарю в Вашингтоне.

О возможности развязывания Германией Второй Мировой войны. Стр. 6–7

Я же знаю, останится ли Италия в составе Лиги наций. Большинство местных наблюдателей полагают, что Италия выйдет из состава Лиги наций, чтобы получить возможность действовать в тесном контакте с Германией при возможном вмешании Польши.

Колитан Иден все еще надеется на то, что США удастся убедить сотрудничать с другими державами. Без помощи американского правительства действия мировых держав будут сильно затруднены. Он считает, что ограничения, налагаемые на правительство конгрессом, могут быть обойдены путем послами официального наблюдателя на предстоящие конференции. Очевидно, Лондон считает вероятным, что не только Франция и Великобритания, но также и СССР и Малая Антанта, могут настаивать на принятии санкций против Германии, а возможно и на оккупации рейхской области. В этом случае влияние США имело бы неопределимое значение. Мудрый совет американского правительства мог бы предотвратить недостаточные благоразумные действия в данном вопросе. Его престиж и влияние оказали бы положительный эффект на другие страны. Он полагает, что эти доводы, изложенные образом представляемые государственным департаментом, не будут оставлены без внимания. Я обещал ему представлять вопрос на тему рассмотрение по подавал ему, однако, надежды на принятие благоприятного для него решения в этом вопросе. Влияние говорить о том, что я сильно настроен в пользу его точки зрения.

В прошлую среду я беседовал с сэром Робертом Бансигардом относительно событий на Дальнем Востоке. Он согласился со мной в том, что настоящий момент, будучи сравнительно спокойным, представляет собой только затишье во время бури. Назначение нового кабинета в Японии не разрешает каких-либо проблем. Премьер Коки Иноуэ является консервативно настроенным

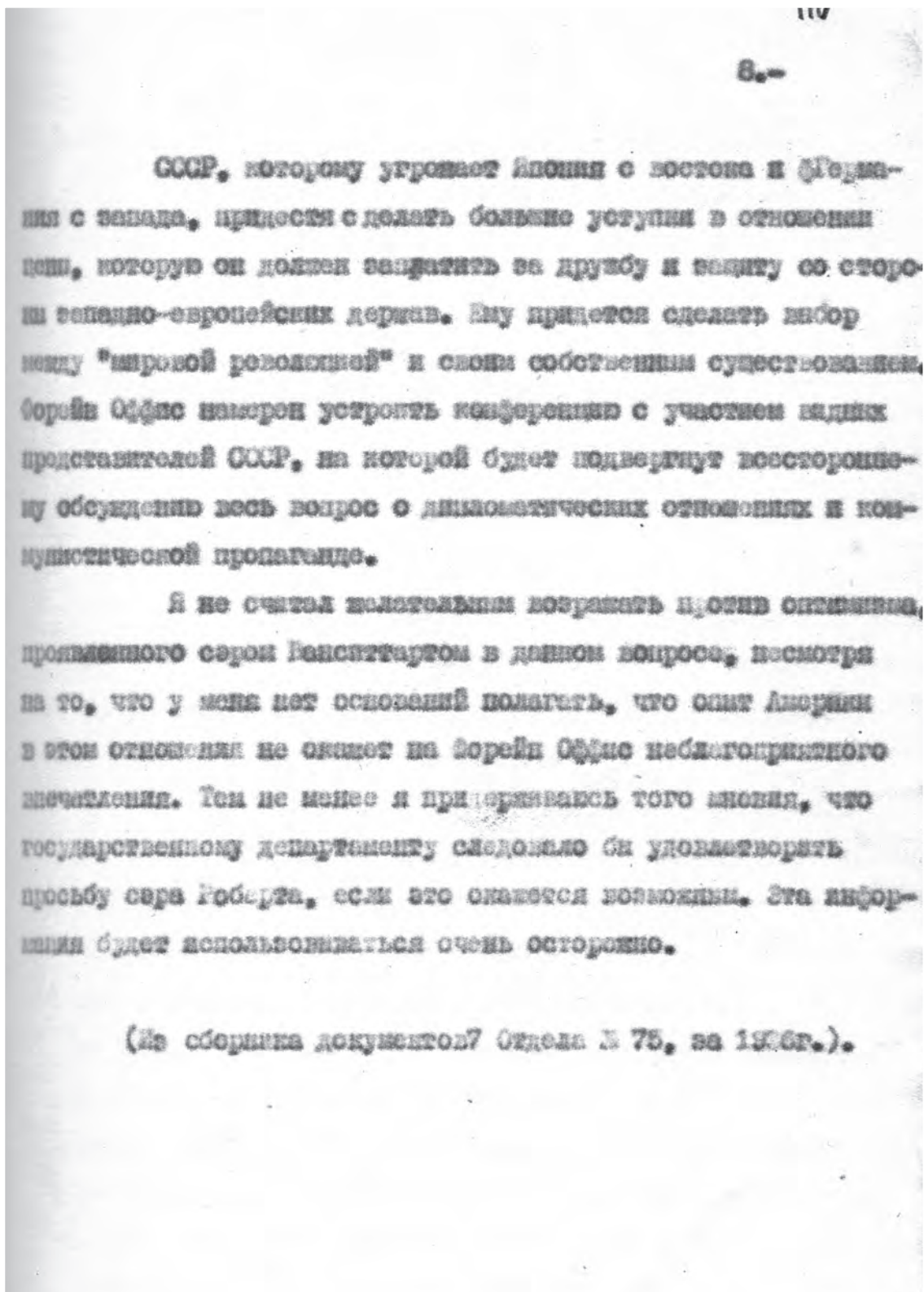
7.-

и осторожные государственные действия, но его идеи и стремления соответствуют идеям и стремлениям армии. Это именно он был инициатором автономистского движения в Северном Китае и объединенной кампании против коммунизма и китайской красной армии. "При настоящих положениях вещей, заявил мне сэр Ханс-Тарт, я считаю, что ни Великобритания, ни Америка, не могут позволить себе стать на сторону Германии или Японии. Необходимо будет найти какие-либо пути, заявил, он прийти к твердой договоренности с СССР. Возможно надо будет заставить убедиться в том, что абсурдно заключать соглашения с дружественными державами - с одной стороны и стремиться подорвать основы их существования путем направленной против них пропаганды - с другой стороны". Он просил меня, если это возможно, получить от государственного департамента сведения относительно советской пропаганды в США, главным образом после признания СССР. Кроме того, он был также благодарен за все сведения, которое государственный департамент получал через дипломатических представителей в странах Южной Америки, относительно фактической роли, которую сыграла советская пропаганда в недавних восстаниях в Уругвае и Бразилии. Наконец, он хотел бы получить от государственного департамента сведения относительно большевистской деятельности в Финляндии.

Сэр Ханс-Тарт полагает, что такие сведения, дополненные аналогичными документальными данными, полученными из различных частей британской империи, окажутся полезными для Foreign Office при составлении проекта соглашения с СССР.

Рей Аттертон — Государственному Секретарю в Вашингтоне.
О возможности развязывания Германией Второй Мировой войны. Стр. 8

Агентурные сведения 7 отдела о внимании
германской внешней политики Западу. Стр. 1

117

КОПИЯ

2 экз.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

В досье:
Гитлер,
Иден.

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

... "Главное свое внимание германская внешняя политика уделяет в данный момент западу. По исчерпывающим донесениям германского посла в Лондоне, Германия одержала в Англии неожиданную победу. В позиции официальных британских правительственных кругов произошел поворот, и следует полагать, что в завязанных с англичанами переговорах, Германии и планам Гитлера "о мире" будет оказана интенсивная поддержка, что будет иметь соответствующее воздействие на Францию. Мартовский кризис покойный посол Геш в одном из своих последних донесений считал критическим. Оказанный Францией и ее делегацией нажим был настолько силен, что в известный промежуток времени все висело на волоске и английский кабинет, подчиняясь французскому нажиму, почти уже решил, после вступления германских войск в Рейнскую область, согласиться на введение санкций, несмотря на то, что между Францией, Бельгией и Англией возникли крупные разногласия и английскому кабинету в высшей степени была неприятна "вымогательская тактика" Франции, при помощи которой последняя добивалась заключения военного союза с Англией. Французские угрозы на тот счет, что нерешительность Англии явилась уже однажды причиной мировой войны, привели британское правительство в сильное замешательство и имели своим последствием, что уверения Франции в

Агентурные сведения 7 отдела о внимании германской внешней политики Западу. Стр. 2–3

2.-

том, что предлагаемый ей союз не вызывает войны, а наоборот, ей воспрепятствует, заставили уже значительное большинство кабинета склониться на сторону направленного против Германии сотрудничества с французским правительством.

Высказывания Чемберлена чуть-чуть было не убедили еще колеблющихся, так что министр-ы решили предпринять еще только обычные предвыборные поездки с целью убедиться в том, что народ одобряет эту тактику.

Однако, результат этих поездок оказался совершенно неожиданным.

После того, как официальные британские военные круги резко изменили свое отношение к германскому военному атташе и начали проявлять почти ледяную сдержанность, только лишь британские военно-авиационные круги продолжали поддерживать с ним прежние дружеские отношения; посол Геш чувствовал, что положение обострилось до крайности. Однако, соприкоснувшись со своими избирателями, члены британского кабинета очень ясно почувствовали, что все симпатии британского народа на этот раз на стороне Германии, что британский народ считает действия Германии вполне обоснованными и отнюдь не склонен начинать с ней войну; наоборот, несмотря на критическое отношение к формам правления в Германии, британский народ решил оказывать поддержку германским требованиям о равноправии.

Члены кабинета возвратились из своей поездки весьма изумленными и на совещании кабинета подавляющим большинством французское требование было отклонено.

3.-

В комиссии по иностранным делам консервативной партии, — как об этом в секретном порядке рассказали Гешу, резко нападали на защитников французского предложения, при чем Чемберлен пострадал так сильно, что у него пропала всякая охота снова в агрессивной форме заниматься этим вопросом. Он все еще не оправился от пережитого им во время этой перепалки странах.

В заключение Геш сообщал, что именно в те критические времена немцы снова стали "приятными гостями" в лондонском обществе и со всех сторон им начали высказывать симпатии. По словам Геша, британский король больше всего содействовал предотвращению войны, так как он оказал очень сильное влияние на правительство.

К этому Геш добавил, что теперь уже ни одно британское правительство не сможет взять иного курса во внешней политике, и что в британской империи решили поверить в искренность миролюбивых заверений Гитлера.

В Форейн-Оффисе Геша заверили в том, что Англия будет содействовать германскому предложению о мире и в дальнейших переговорах поддержит требование Германии о равноправном с ней обращении.

После информации из Лондона было получено донесение о событиях во Франции, в которых в секретном порядке сообщалось, что французский кабинет, с министром почт Манделем во главе, решил об'явить мобилизацию французской армии для вторжения в Германию. Военный министр и начальник главно

Агентурные сведения 7 отдела о внимании
германской внешней политики Западу. Стр. 4

116

4.-

го командования этому, однако, воспротивились, при чем первый заявил пословно следующее: мобилизация армии допустима лишь в том случае, если мы действительно будем драться. Благодаря влиянию французских военных, удалось отговорить французское правительство от безрассудных шагов, о которых французская делегация заявила в Лондоне и которые произвели сильный нажим на позицию Британии.

Необходимость мобилизации французская делегация мотивировала тем, что, по мнению главного командования, вооружение Германии в данный момент еще не доведено, якобы, до такого уровня, который бы позволил ей долго сопротивляться.

По мнению посла Геша, французская делегация ослабила свой нажим еще до отказа британского правительства пойти навстречу ее желаниям, при чем Геш упомянул о том, что влияние окружения британского правительства в Лондоне — он выразился "преступных рож" — очевидно устранено. Он добавил также, что франко-советский пакт, как он узнал от одного доверенного лица — не принесет Советской Республике никаких экономических выгод и его считают уже так тяжелым бременем.

(Агентурные сведения 7-го отдела № 356 от 15 мая 1936 года).-

Статья «Секретное дело Гитлера для Лондона»
из «Дейли Геральд» о секретном деле Шушнига,
выкраденном из Австрии. Стр. 1

187

"Дейли Геральд"

4 апреля 1938 года.

РАСЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ 10

СЕКРЕТНОЕ ДЕЛО ГИТЛЕРА ДЛЯ ЛОНДОНА

Секретное дело Шушнига, которое выкрадено из Австрии, прежде чем фашисты могли захватить его, должно быть привезено в Лондон.

Эта коллекция важных политических документов находится теперь в Праге, но деятельность германской секретной службы настолько здесь интенсивна, что чешское правительство не может больше гарантировать личную безопасность хранителей документов.

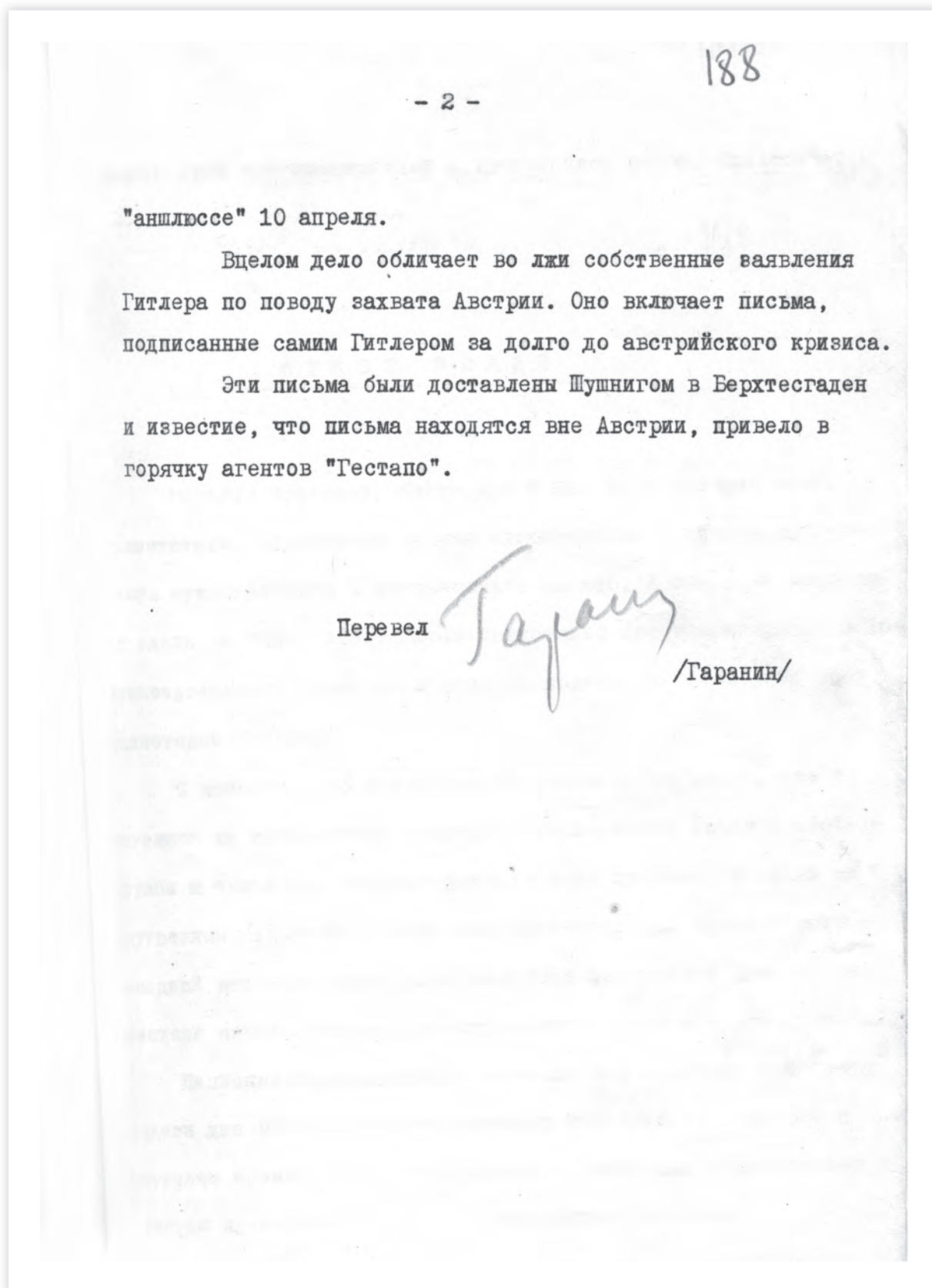
Дело содержит полный документальный отчет берхтесгаденской встречи между Шушнигом и Гитлером, которое проливает новый свет на германскую дипломатическую тактику.

Планы захвачены в венском штабе так называемого "Комитета умиротворения" после ареста Тавса и Леопольда, которые имели дело с германскими действиями против Чехословакии и которые были утверждены германскими чиновниками.

Эти планы, представленные Гитлеру в Берхтесгадене, предусматривали поглощение Австрии третьей империей и указывают на тщательно разработанные подробности политического, пропагандистского и стратегического действия против чехов.

Согласно документам эти планы должны были быть выполнены в этом месяце, вероятно, после плебисцита об

Статья «Секретное дело Гитлера для Лондона»
из «Дейли Геральд» о секретном деле Шушнига,
выкраденном из Австрии. Стр. 2

Справка о телеграмме №1024/6475 от 20.07.1944 г.
с изложением точки зрения Гиммлера и Гитлера
по поводу войны с Россией

СПРАВКА.

Телеграмма № 1024/6475 от 20.7.44. из Лондона.

Данные " ": ГИММЛЕР проявляет большую активность, готова с помощью полиции захват власти в свои руки, чтобы предотвратить приход к власти военных.

ГИММЛЕР поставил себе цель добиться мира с Россией на любых условиях.

ГИТЛЕР предпочитает мир с западными державами за счет продолжения войны против СССР.

Внутри нацистской партии имеются расхождения по этому вопросу.

Данные " ": информация испанского посланника в Стокгольме испанскому МИД:

ГИММЛЕР намерен договориться с Россией о мире и продолжать войну против западных государств.

ВЕРНО: Ст.оп.уп.

А. Кучин
(КУЧИН)

25.7.44.

ВЫСОКАЯ ПОЛИТИКА

Книга тринадцатая

Н. А. Нарочницкая

Идея «глобального управления» миром после Второй мировой войны..... 7

Н. А. Нарочницкая

Ялтинская конференция 1945 года и современная геополитика..... 18

А. Ю. Борисов

Завершающий этап Второй мировой войны. Тегеран — Ялта — Потсдам 34

В. П. Терехов

Потсдамский финиш 50

ИСПЫТАНИЕ ПОБЕДОЙ

Книга четырнадцатая

Н. А. Нарочницкая

За что и с кем мы воевали 59

О. А. Ржешевский

У истоков Холодной войны 88

М. А. Мунтян

Геополитическая стратегия США в послевоенном мире в прогнозе Н. Спайкмена 99

М. Ю. Мягков

В поисках будущего: американские оценки участия СССР в послевоенном устройстве Европы 1941–1945 гг. 111

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ГАРМОНИЯ

Книга пятнадцатая

Н. Н. Яковлев

Война после войны 135

Г. Киссинджер

Начало «холодной войны» 158

М. А. Мунтян

Ялтинско-Потсдамский международный порядок и судьбы послевоенного мира 172

РАССЕКРЕЧЕНО 197

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

ТОМ V

УТРАЧЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Верстка А. С. Туманова

Макет обложки А. С. Руденко

Корректоры Ю. П. Кириленко

Э. П. Семенюк

Н. Г. Ханина

Издательство «МГИМО — Университет»

119454, Москва, пр-т Вернадского 76.

Тел.: (499) 431-58-28, (495) 434-54-17

Подписано в печать 19.08.2015.

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 45.5. Уч. изд. л. 42.7. Тираж 500 экз. Заказ № 103.

Отпечатано в ООО «Аквариус»

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Тел.: (4872) 49-76-96, (4872) 49-73-73

E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru

